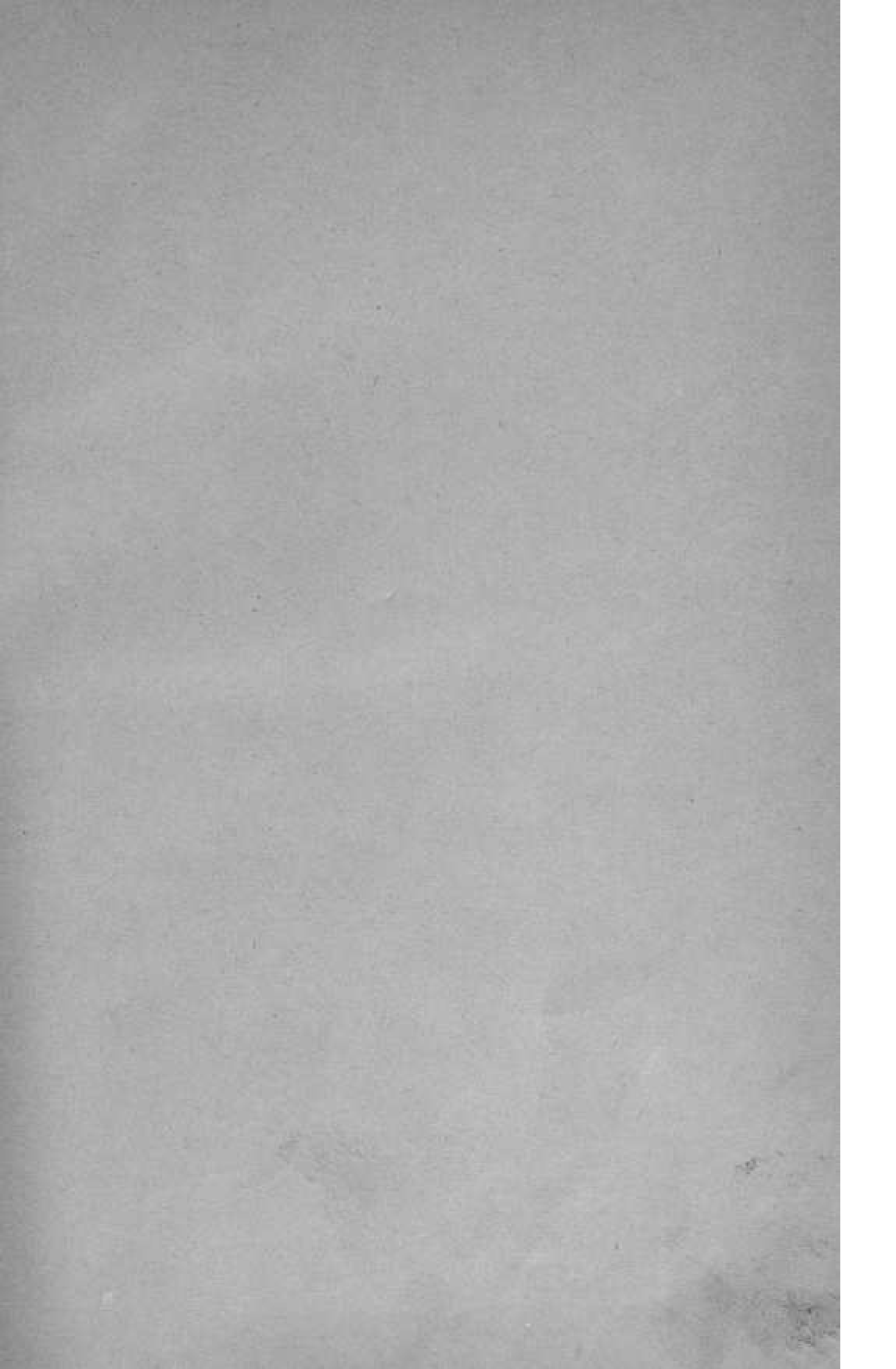
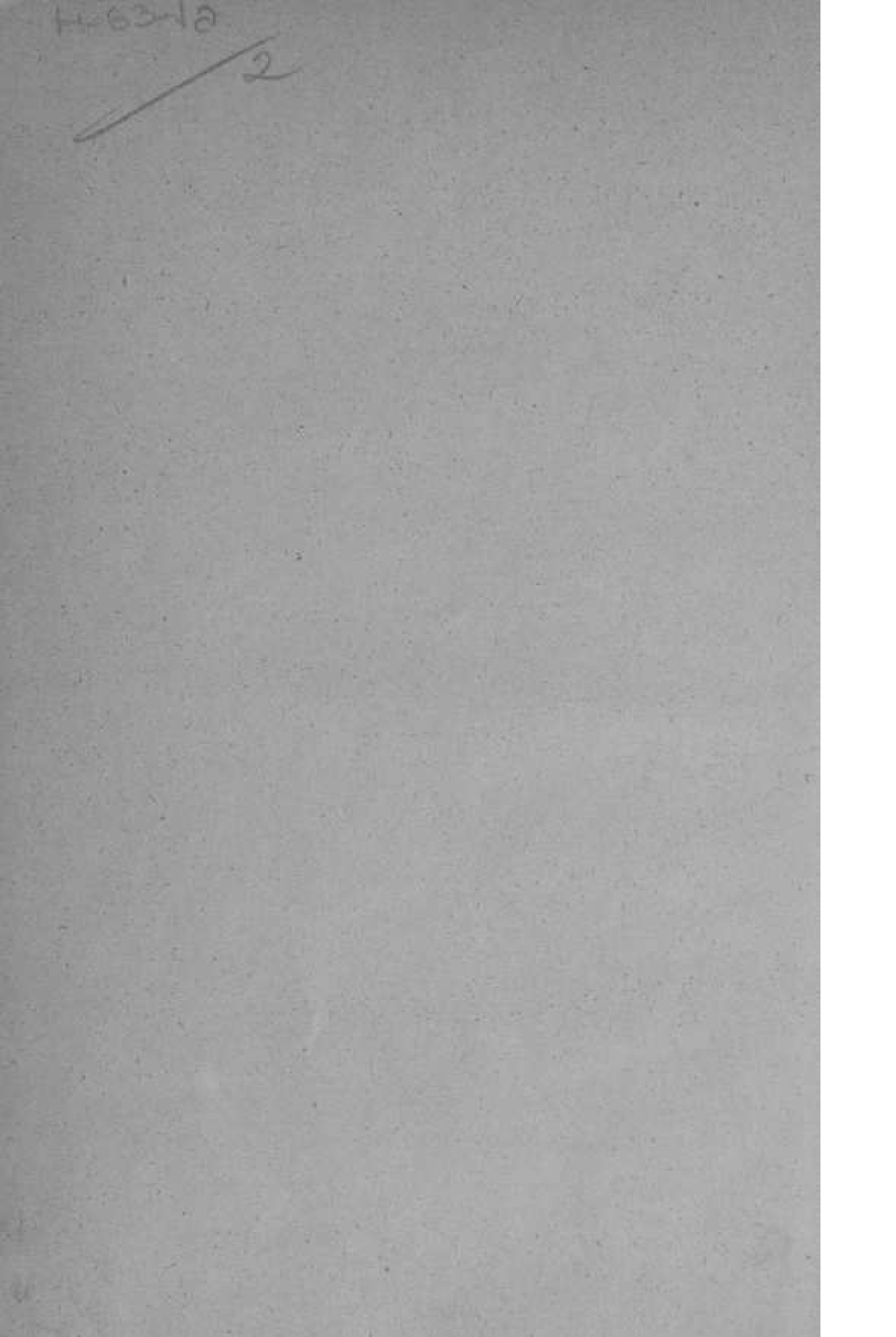

ХАРЬКОВСКІЙ

СБОРНИКЪ.

Литературно-научное приложеніе къ „Харьковскому Календарю“ на 1891 г.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1891.

ХАРЬКОВСКІЙ
СБОРНИКЪ.

Литературно-научное приложеніе къ „Харьковскому Календарю" на 1891 г.

ВЫПУСКЪ 5-й.

ИЗДАНІЕ ХАРЬКОВСКАГО ГУБЕРНСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ЧЛЕНА-СЕКРЕТАРЯ КОМИТЕТА

В. И. Касперова.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1891.

Печатано по постановленію Харьковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета 16 Апрѣля 1891 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I. Литературно-Научный.

Отдѣлъ II. Статистико-Экономическій.

Послѣ отпечатанія первой статьи настоящаго „Сборника", редакціею получены болѣе точныя свѣдѣнія о правахъ на изданіе сочиненій Костомарова въ настоящее время. Вдова покойнаго историка А. Л. Костомарова не „передала" ихъ, какъ сказано на стр. 20, „Обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ", а „завѣщала" для учрежденія при Харьковскомъ университетѣ двухъ стипендій. При жизни же ея право распоряженія изданіемъ принадлежитъ частію ей, частію нѣкоторымъ частнымъ книгопродавцамъ. Въ виду этого, „Литературное наслѣдіе" издано г-жею Костомаровою въ пользу Комитета Грамотности.

Харьковскій Губернскій Статистическій Комитетъ, въ послѣднемъ своемъ годичномъ собраніи, постановилъ выразить глубокую признательность А. Л. Костомаровой за ея разрѣшеніе украсить 5-й выпускъ „Харьковскаго Сборника" страницами изъ автобіографіи Н. И. Костомарова.

Ред.

ОТДѢЛЪ I.

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ.

КОСТОМАРОВЪ ВЪ ХАРЬКОВѢ.

ПО ПОВОДУ АВТОБІОГРАФІИ Н. И. КОСТОМАРОВА.

Городъ Харьковъ можетъ гордиться тѣмъ, что въ немъ жилъ, учился и началъ свою ученую дѣятельность одинъ изъ великихъ русскихъ писателей, имя котораго во всѣ будущіе вѣка будетъ связано съ именемъ русскаго народа и русскаго государства. Николай Ивановичъ Костомаровъ былъ, по истинѣ, однимъ изъ тѣхъ людей, богато одаренныхъ природою, необычайныя способности которыхъ, соединенныя съ такимъ же трудолюбіемъ при пріобрѣтеніи знаній, даютъ имъ право быть толкователями — для грядущихъ поколѣній всѣхъ временъ и народовъ — судебъ горячо любимой ими родины.

Существуетъ мнѣніе, что такое право принадлежитъ прежде всего поэтамъ, одареннымъ способностью, по сознанію одного изъ нихъ, находить языкъ всему,

„Чѣмъ душу міръ проникъ".

Но если бы греки завѣщали образованному міру только творенія своихъ Эсхиловъ, Софокловъ, Эврипидовъ, а труды Геродота, Ѳукидида и Ксенофонта были бы утрачены, — то едва ли бы творческій геній этого народа имѣлъ то просвѣтительное значеніе, какое ему принадлежитъ.

Историкъ долженъ быть до извѣстной степени поэтомъ, создателемъ того, что каждый видѣлъ, переживалъ и чувствовалъ, но не каждый способенъ пересказать такъ, какъ это нужно. Много было до Геродота логографовъ, собиравшихъ факты, записывавшихъ ихъ, можетъ быть, не хуже его; но отцомъ исторіи все-таки остался онъ, ибо въ первыхъ строкахъ своихъ „музъ" указалъ на понятую имъ по своему широкую задачу своего труда: для рядового анналиста и регистратора событій такая задача была бы не подъ силу.

„Я считаю своею обязанностью, говоритъ скромно отецъ исторіи, передать то, что слышалъ, но тѣмъ не обязываю ни себя, ни читателя вѣрить всему, что у меня разсказано". Называя свой разсказъ о томъ, „какъ малые города и государства дѣлались большими, а большіе—малыми",—и „изысканіемъ" и „музами", онъ тѣмъ самымъ далъ знать, что въ его работѣ участвовало съ одной стороны кропотливое собираніе фактовъ, а съ другой и творчество, котораго не доставало логографамъ. И въ древности уже цѣнители заслугъ Геродота, его земляки, отдавали ему ту честь, что, возвысивъ свой слогъ до извѣстной степени отъ нормы простого или низкаго языка, въ изложеніи исторіи онъ ввелъ просопеи—бесѣды дѣйствующихъ лицъ, разрѣшивъ первоначально для себя вопросы о томъ, какъ и что слѣдуетъ вкладывать имъ въ уста.

Еще болѣе эту часть историческаго изложенія усовершенствовалъ Ѳукидидъ, слогъ котораго признавался высокимъ: политическія рѣчи героевъ его исторіи могутъ служить образцами краснорѣчія. Критики его задавались вопросами: не страдаетъ ли научная достовѣрность при такомъ способѣ художественнаго изложенія, не влагаетъ ли авторъ въ уста историческихъ лицъ своихъ личныхъ мнѣній и не даетъ ли вмѣсто дѣйствительной исторіи свое собственное сочиненіе, окрашенное личными субъективными взглядами? Для болѣе подробнаго уясненія того, что считать въ исторіи субъективнымъ, и что—объективнымъ, устраивались институты исторической критики, дѣлавшіе опыты наиболѣе объективной передачи извѣстнаго событія. Нѣсколько лицъ, передавшія каждый по своему разсказъ объ одномъ и томъ же съ наискреннѣйшимъ желаніемъ быть объективными, сличали затѣмъ свои сочиненія,—и находили въ каждомъ изъ нихъ извѣстную долю субъективной окраски; у Ѳукидида же при самомъ глубокомъ изученіи его текста, рисующаго противоположныя страсти, мысли, стремленія и поступки, такой окраски не находили.

Какъ художникъ-поэтъ, создавая вымышленные типы героевъ своей поэмы, отрѣшается отъ себя, своихъ чувствъ, мыслей и мнѣній и заботится о томъ, чтобы возможно ярче и со всею психологическою правдою представить ихъ разнообразіе, такъ и художникъ-историкъ переживаетъ чужія

ощущенія лицъ, дѣйствительно жившихъ, но затѣмъ стремится изобразить ихъ возможно достовѣрнѣе; чтобы впечатлѣніе читателя было сильнѣе, онъ пользуется тѣми же средствами, что и поэтъ-художникъ; только власть его въ этомъ случаѣ нѣсколько болѣе ограничена и творчество съужено историческими документами, какъ съужена творческая дѣятельность художника-актера текстомъ, вложеннымъ авторомъ въ уста дѣйствующаго лица.

Насколько сильна была у Костомарова потребность такого объективнаго историческаго творчества, основаннаго на перечувствованіи того, о чемъ онъ узнавалъ, показываетъ нѣсколько смѣшной, но характерный анекдотъ, приводимый имъ въ автобіографіи,—о желаніи изобразить лично волоченіе по землѣ Гектора Ахиллесомъ. Знавшіе Костомарова помнятъ хорошо, какъ онъ, воодушевляясь въ разговорѣ о герояхъ своихъ исторій, незамѣтно для себя переходилъ въ тонъ ихъ рѣчей и цитировалъ или импровизировалъ цѣлыя страницы на церковно-славянскомъ, польскомъ, народномъ малорусскомъ, литературномъ малорусскомъ языкѣ XVII столѣтія и даже на латинскомъ. Въ двухъ его автобіографіяхъ есть указанія на случаи, когда онъ ради шутки прибѣгалъ къ декламаціи на мертвомъ языкѣ, извѣстномъ ему не менѣе своего родного. Казначею Клопскаго монастыря онъ, напр., говоритъ:

„Вѣси ли, отче, чесо ради пріидохомъ сѣмо? Бысть мнѣ сонъ въ нощи: явися ми преподобный Михаилъ Клопскій въ тонцѣ снѣ и рече ми: чадо, возстани и тецы въ обитель мою и аще обрящеши тамо право житіе мнишеско, пребуди даже до скончанія живота твоего!“

Посмотрѣлъ на меня казначей, прибавляетъ при этомъ Костомаровъ, вылупилъ глаза и сказалъ: „бываетъ!“ Затѣмъ спросилъ Майкова: „что, этотъ баринъ—иностранецъ, что-ли?“ *)

Изучивъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ письменный языкъ русскаго народа разныхъ вѣковъ до возможности говорить словами и пріемами того или другого вѣка, изъѣздивъ въ теченіе своей жизни всю Россію отъ Крымскихъ береговъ до Олонецкихъ скалъ и отъ Саратова

*) Русская Мысль 1885, іюнь, 42.

до Вильно, Радзивилова и Почаева, Костомаровъ совершалъ и спеціальныя поѣздки на мѣста дѣйствій, какія онъ избиралъ для своихъ историческихъ очерковъ. Изучивъ характеръ героевъ старины до того, что лежа въ тифѣ, въ 1875 году, въ бреду повторялъ ихъ рѣчи и споры (чему пишущій настоящія строки былъ свидѣтелемъ), нашъ историкъ уже на первыхъ порахъ своей ученой дѣятельности задался мыслью, въ тѣ времена совершенно дикою,—изучить народную поэзію, какъ матеріалъ для исторіи. И въ этой сферѣ онъ потратилъ массу труда для того, чтобы познакомиться съ духомъ народа, писать исторію котораго влекло его призваніе; и здѣсь добился онъ удивительныхъ результатовъ. Не умѣвши говорить по малорусски, не смотря на то, что окруженъ былъ въ родномъ селѣ малороссами, и узнавши о нихъ только изъ книгъ Квитки, Гоголя и Максимовича, онъ изучилъ малорусскій языкъ до того, что первымъ его печатнымъ сочиненіемъ была драма на этомъ языкѣ „Сава Чалый“, а нѣкоторыя стихотворенія, написанныя имъ по малорусски, могутъ служить образцами малорусскаго литературнаго языка,—до того въ нихъ усвоенъ народный пѣсенный складъ. Возвращаясь въ теченіе своей жизни нѣсколько разъ къ изученію народныхъ малорусскихъ пѣсенъ, онъ въ малѣйшихъ подробностяхъ разъяснилъ структуру народнаго поэтическаго творчества, истолковалъ непонятный многимъ еще и теперь символизмъ пѣсенъ, лежащій въ основѣ народнаго міровоззрѣнія, и такимъ образомъ сроднился съ послѣднимъ такъ же, какъ и съ рѣчами и дѣйствіями отдѣльныхъ лицъ своей исторіи. Капитальнѣйшія сочиненія его на эту тему были напечатаны впослѣдствіи *); но уже въ диссертаціи своей „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“ въ 1843 году онъ, какъ самъ выражается, „доказывалъ важность народныхъ пѣсенъ для исторіи, не въ томъ смыслѣ, чтобы

---

*) Именно: въ „Бесѣдѣ“ 1872 г. „Историческое значеніе южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества“, въ „Русской Мысли“ 1880 г.—„Исторія козачества въ памятникахъ южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества“ и неизданная имъ при жизни статья, вошедшая въ „Литературное наслѣдіе“—„Семейный бытъ въ произведеніяхъ южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества“.

онѣ могли сообщать важный и достовѣрный матеріалъ для изложенія фактической исторіи, а въ томъ, что онѣ открываютъ намъ народное міросозерцаніе и знакомятъ насъ съ тѣми впечатлѣніями, какія на духъ народа наложили природа, историческія обстоятельства и общественныя условія" *).

До какой степени новы и странны были въ глазахъ ученыхъ и литераторовъ того времени эти аксіомы историческаго искусства, видно изъ того, что многіе товарищи Костомарова по университету только издѣвались надъ его диссертаціею: „Хороша исторія! говорили они: кому нужно знать, какъ чувствуетъ парубокъ или дівка!" А руководитель тогдашняго общественнаго мнѣнія и первый критикъ художественныхъ сочиненій Бѣлинскій хотѣлъ своимъ мощнымъ словомъ удержать Костомарова отъ ложнаго, по его понятіямъ, пути, на который становился молодой ученый:

„Въ наше время, писалъ онъ, если сочинитель не хочетъ говорить о чемъ-нибудь дѣльномъ, русская народная поэзія всегда представляетъ ему прекрасное средство выпутаться изъ бѣды. Что можно было сказать объ этомъ предметѣ, уже было сказано. Но г-на Костомарова это не остановило, и онъ издалъ о народной русской поэзіи цѣлую книгу словъ, изъ которыхъ трудно было бы выжать какое нибудь содержаніе. Это собственно фразы не о русской, а о малороссійской народной поэзіи; о русской тутъ упоминается мимимоходомъ. Изъ потока словъ, разлитаго на 214 страницахъ, сочинитель силится доказать только три тезиса" **).

Костомаровъ, не смотря на это, продолжалъ изучать народную поэзію и, какъ подобало будущему историку-художнику, остался вѣренъ своимъ тремъ тезисамъ, для доказательства которыхъ понадобилось 214 страницъ словъ, непонятыхъ Бѣлинскимъ. Онъ продолжалъ изучать и въ Саратовѣ, и на Волыни, и въ Харьковской, и Полтавской губерніяхъ народныя пѣсни, и малорусскія, и великорусскія. Усвоеніе ихъ духа и внутренняго смысла сдѣлало изъ него національнаго историка. Смѣло можно сказать, что его историческія сочиненія проникнуты тою же непосредственною любовью къ родному и родинѣ, какая слышится и въ

---

*) „Русская Мысль" 1885, іюнь, 44.

**) Бѣлинскій. Сочиненія Т. IX. 1875. Стр. 115—116.

народныхъ пѣсняхъ и безъ которой нельзя быть историкомъ своего народа. Уже старикомъ, въ 70-хъ годахъ, слушая пѣсни, исполняемыя Вересаемъ, Костомаровъ плакалъ, но заставлялъ кобзаря повторять по нѣскольку разъ тѣ думы, которыя доводили его до слезъ и которыя онъ зналъ наизустъ отъ слова до слова.

Эта чуткость художественной натуры его, связанная съ широкимъ кругозоромъ и высокою степенью образованности, можетъ служить объясненіемъ еще одного интереснаго факта изъ петербургскаго періода его жизни. Отрицая, какъ историкъ, дѣйствительность факта о спасеніи Михаила Ѳедоровича Сусанинымъ, Костомаровъ, тѣмъ не менѣе, ни разу не пропустилъ представленія оперы „Жизнь за Царя", въ которой звуковыми средствами музыки другой великій нашъ художникъ съумѣлъ, можетъ быть лучше, чѣмъ многіе длинные трактаты, охарактеризовать духъ двухъ народовъ, входящихъ въ составъ нынѣшняго русскаго государства.

— Я не знаю, говорилъ Костомаровъ, какая изъ двухъ музыкъ этой оперы мнѣ больше нравится: великорусская или польская? Такъ онѣ обѣ хороши!

Любя народъ малорусскій и посвятивъ разъясненію его историческихъ судебъ добрую половину своихъ трудовъ, Костомаровъ съ тою же искренностью благоговѣлъ передъ геніемъ Петра I, въ которомъ цѣнилъ концентрацію великорусскихъ этнографическихъ особенностей, и всегда отдавалъ должное уваженіе тѣмъ чертамъ польской національности, которыя отличаютъ поэтическую натуру этого народа. Выходя изъ того основнаго положенія, что историкъ обязанъ изучить духъ всего народа изъ его безъискусственной поэзіи, и главными темами своихъ сочиненій Костомаровъ бралъ именно тѣ моменты нашей исторической жизни, когда для будущаго рѣшалась такъ или иначе судьба не отдѣльныхъ личностей, а цѣлыхъ народовъ въ совокупности (Богданъ Хмѣльницкій, Смутное время, Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой, Мазепинцы и др.). Въ этомъ отношеніи онъ ближе всего стоитъ къ Ѳукидиду или Тациту, родственность съ талантомъ которыхъ по объективности изложенія также присуща Костомарову. Задачи Геродота или Тита Ливія, стремившихся собрать и сохранить для потомства какъ можно болѣе разнороднаго матеріала,

были несвойственны Костомарову, какъ историку-художнику. Его вниманіе манили къ себѣ тѣ главнѣйшіе моменты исторіи Русскаго государства, которые составляли эры для жизни народовъ, его составляющихъ. Только исполнивши эти задачи, разрѣшивши для себя и читателей общіе историческіе вопросы, онъ подъ конецъ жизни обратился къ другому роду историческаго творчества—исторіи въ жизнеописаніяхъ. И это вполнѣ соотвѣтствовало основнымъ мыслямъ, выработаннымъ имъ еще въ юношескіе годы, въ Харьковѣ.

Мы далеки отъ смѣлости сдѣлать въ настоящей краткой замѣткѣ оцѣнку всѣхъ историческихъ трудовъ Костомарова, съ точки зрѣнія широкихъ въ настоящее время требованій исторической достовѣрности, или же съ точки зрѣнія литературныхъ достоинствъ его произведеній. Критика ихъ въ цѣлой совокупности, въ связи съ особенными чертами его жизни, какъ общественнаго дѣятеля пережитаго имъ времени, съ обращеніемъ вниманія на успѣхи, какіе сдѣлала историческая наука и искусство историческаго изложенія за это время и т. п.—дѣло будущихъ спеціалистовъ по русской исторіографіи. Дѣлая сопоставленія произведеній и таланта Костомарова съ общеизвѣстными историками-классиками, мы также не претендуемъ на точность и безошибочность этихъ сопоставленій. Сближая его съ Тацитомъ и Ѳукидидомъ, что могутъ сдѣлать и сами читатели, мы хотимъ только тѣмъ выразить, что, по нашему мнѣнію, онъ пріобрѣлъ право на безсмертіе въ сокровищницахъ человѣческой мысли и творчества.

Надѣемся, что читатели также согласятся съ нами, если мы сопоставимъ автобіографію нашего историка съ тѣми стихотвореніями Державина, Пушкина, Шевченка, въ которыхъ эти поэты, сознавая сами значеніе памятниковъ, оставленныхъ ими по себѣ своему народу въ литературное наслѣдіе, откровенно и искренно опредѣляли свою роль въ жизни русскаго народа. Но если поэты, пробуждая „лирой" добрыя чувства и учась у своей музы „неложными устами" говорить правду, сдѣлали и опредѣленіе своихъ достоинствъ въ лирической формѣ, то Костомарову, какъ историку, выпало на долю сдѣлать свою личную оцѣнку въ другой формѣ литературныхъ произведеній, болѣе ему родственной—формѣ жизнеописанія.

Одна автобіографія Костомарова была имъ написана (вѣрнѣе сказать продиктована) въ 1869—70 годахъ, другая, послѣ перенесенной имъ тяжелой болѣзни, въ 1875 г., въ нѣсколько пріемовъ. Первая была напечатана въ „Русской Мысли" за 1885 годъ, вторая издана въ пользу Спб. комитета грамотности въ концѣ прошлаго года въ особой книгѣ, носящей заглавіе „Литературное наслѣдіе". Обѣ онѣ, взаимно дополняя другъ друга, могутъ служить пробнымъ камнемъ для того, кто захотѣлъ бы изучить и оцѣнить способность Костомарова быть объективнымъ въ историческомъ изложеніи. Въ обѣихъ повторяются тѣ же особенности изложенія, какими отличаются и всѣ историческіе труды Костомарова. Привыкши разсказывать съ полнымъ спокойствіемъ о страстяхъ, дѣйствіяхъ, бѣдахъ и счастьи другихъ лицъ, онъ тѣмъ же тономъ повѣтствуетъ и о себѣ самомъ, о своемъ дѣтствѣ, убійствѣ отца, своей разбитой любви, объ отношеніяхъ къ матери, которая дѣлила съ нимъ всѣ невзгоды и удачи его жизни, объ отношеніяхъ ко многимъ общественнымъ дѣятелямъ и ученымъ, съ которыми приходилось ему имѣть дѣло и т. д. Разсказывая о томъ, какъ въ Кіевѣ въ 1873 году онъ нашелъ тотъ домъ, въ которомъ былъ арестованъ 26 лѣтъ тому назадъ, наканунѣ своей свадьбы, Костомаровъ даже въ такомъ мѣстѣ не вдается въ лиризмъ и даетъ знать читателю о личныхъ своихъ чувствахъ всего 2-3 словами, какъ-то мелькомъ имъ проронениыми: „все было здѣсь по прежнему, говоритъ онъ, словно какъ будто событіе, такъ потрясшее мою жизнь, происходило вчера. Заговоривши съ хозяйкой, я узналъ въ ней дочь хозяина, которая во время моего житья въ ихъ домѣ, была маленькой дѣвочкой. Ея родителя теперь уже не было въ живыхъ. Только разница въ цѣнѣ, за которую шла теперь эта квартира, указывала на большой промежутокъ времени, отдѣлявшій меня отъ той эпохи, куда неслись мои воспоминанія. За квартиру, которую отдавали мнѣ прежде за триста рублей въ годъ, теперь просили семьсотъ" *).

Слогъ его біографіи, какъ и всѣхъ сочиненій, нельзя назвать высокимъ, или возвышеннымъ, если разумѣть подъ этимъ напыщенность или изысканную искусственность и

*) Литературное наслѣдіе. Стр. 199.

риторизмъ; но при всей простотѣ его, нельзя въ немъ не чувствовать той силы, красоты и чистоты, которая дается только художникамъ. Какъ въ сочиненіяхъ его о судьбахъ народовъ, населяющихъ русское государство, такъ и въ исторіи своей жизни, Костомаровъ слѣдуетъ одному и тому же правилу—„приводить даже и такія событія, въ истинѣ которыхъ онъ самъ сомнѣвается", но которыя „ясно высказываютъ читателю духъ, побужденія, воззрѣнія" народа и общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ—„сколько возможно выпукло очертить характеръ главныхъ дѣятелей". Какъ тамъ, такъ и здѣсь, „чтобы не вредить плавности повѣствованія, авторъ хотя постоянно указываетъ на источники и тамъ, гдѣ нужно, дѣлаетъ заключеніе о правдивости или неправдивости извѣстій, но не вдается въ пространныя критическія разсужденія, предоставляя читателю по способу изложенія дѣлать заключенія, какъ авторъ понимаетъ передаваемыя извѣстія о событіяхъ" *). Оттого и здѣсь, какъ и въ историческихъ сочиненіяхъ, вы встрѣчаете мнѣніе и лакея Костомарова Ѳомы, и разныхъ профессоровъ и ученыхъ, и государей-императоровъ Николая I и Александра II, и разсказы о чудесахъ лицъ, встрѣчавшихся ему при изслѣдованіяхъ, и точныя образныя описанія мѣстностей, которыя онъ посѣщалъ, и пикантные анекдоты изъ его жизни при арестѣ, въ тюрьмѣ, при встрѣчѣ съ Шевченкомъ, и столкновенія при путешествіяхъ съ евреями, которыхъ онъ, вѣрный исторической правдѣ, не хочетъ звать этимъ именемъ, а, уступая требованіямъ съ ихъ стороны относительно вѣжливости, называетъ всюду „іудеями", и мѣткія характеристики двумя-тремя словами многихъ лицъ, съ которыми онъ сталкивался на пути своей жизни и т. п.

Исторія жизни великаго человѣка есть часть исторіи его родины: оттого автобіографія Костомарова, какъ выдающагося историка Россіи, будетъ имѣть значеніе не только какъ его личная біографія, а и какъ вѣрное и безпристрастное изображеніе цѣлой эпохи, пережитой имъ вмѣстѣ съ общею жизнью Россіи. Когда роль его въ исторіи Россіи будетъ оцѣнена такъ же безпристрастно, какъ имъ

---

*) Цитаты изъ собственнаго опредѣленія Костомарова своихъ ученыхъ трудовъ. „Русская Мысль" 1885. Іюнь. Стр. 45—47.

были оцѣвены заслуги многихъ другихъ дѣятелей на поприщѣ просвѣщенія, мы не сомнѣваемся, что эта автобіографія его станетъ такимъ же историческимъ сочиненіемъ, какъ и его Стенька Разинъ, Иванъ Свирговскій, Полуботокъ, Мазепа и жизнеописанія многихъ другихъ лицъ; скажемъ даже болѣе: какъ дѣло рукъ извѣстнаго по другимъ сочиненіямъ мастера, она никогда не утратитъ своей цѣны, ибо въ дѣлахъ личной своей жизни онъ былъ полный хозяинъ, тогда какъ полнота и вѣрность его историческихъ сочиненій о другихъ лицахъ находится въ зависимости отъ новыхъ указаній и матеріаловъ, которые въ его время еще не были извѣстны, но могутъ быть еще открыты впослѣдствіи. Умѣнье его въ личныхъ фактахъ своей жизни подмѣтить ихъ значеніе для исторіи Россіи и изложить ихъ подъ угломъ зрѣнія безпристрастнаго историка—такъ велико, что, читая автобіографію, забываешь, идетъ ли въ ней рѣчь о Костомаровѣ, или о времени, въ которое онъ жилъ, а изобразилъ такъ же, какъ и давнопрошедшія эпохи XVI—XVIII вѣковъ.

Не смотря на указанныя качества изложенія Костомарова, многіе критики его сочиненій упрекали его, какъ украинофила, въ желаніи выставлять героевъ малорусской исторіи въ болѣе привлекательномъ свѣтѣ, чѣмъ великороссовъ. Приведемъ, какъ и выше, его собственныя слова для объясненія того, на сколько цѣнны были обвиненія его въ симпатіяхъ къ малороссамъ и антипатіи къ великоруссамъ.

„Считали, говоритъ онъ, какъ бы вывѣскою благонамѣренности въ наукѣ непремѣнно восхвалять признанныя доблести и въ каждомъ критическомъ отношеніи къ нимъ отыскивали что-то затаенное, нерасположенное къ славѣ и чести отечества. Между тѣмъ, истинная любовь историка къ своему отечеству можетъ проявляться только въ строгомъ уваженіи къ правдѣ. Отечеству нѣтъ никакого безчестія, если личность, которую прежде по ошибкѣ признавали высоко-доблестною, подъ критическимъ пріемомъ анализа, представится совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ ее пріучились видѣть. Притомъ же не слѣдовало забывать, что безусловно добродѣтельныхъ и безупречныхъ людей на свѣтѣ не бываетъ и прежде не было. Всѣ люди съ ошиб-

ками и пороками, и если мы не въ состоянiи указать на ихъ темныя стороны, то это служитъ только признакомъ нашего недостаточнаго уразумѣнiя этихъ личностей. Наконецъ, всѣ вѣка имѣли свои заблужденiя и слабости, и великiе люди этихъ вѣковъ часто не были чужды этихъ заблужденiй и слабостей. Показывать въ исторiи тѣ и другiя не значитъ унижать самыя историческiя личности; напротивъ, чѣмъ болѣе личность прошедшаго времени представится намъ со всѣми своими сторонами, какъ свѣтлыми, такъ и темными, тѣмъ яснѣе станетъ передъ нашими глазами, и тѣмъ нагляднѣе мы можемъ разсмотрѣть ее и оцѣнить... Что касается до толкованiя тѣхъ, которые объясняли мои историческiе прiемы умышленнымъ желанiемъ выставить въ темнотѣ великорусскiя личности, съ цѣлью придать больше свѣта малорусскимъ, то это ребяческое толкованiе опровергалось какъ нельзя болѣе тѣми моими сочиненiями, которыя относились къ исторiи Южной Руси. Касаясь южнорусскихъ героевъ, я нигдѣ не скрывалъ чертъ ихъ слабостей, пороковъ, заблужденiй и ошибокъ, что и доказывается тѣмъ, что никто изъ критиковъ не въ состоянiи былъ указать на такiя мѣста моихъ историческихъ трудовъ, гдѣ бы я преднамѣренно скрылъ дурныя стороны южнорусскихъ знаменитыхъ людей или представилъ ихъ безупречными вопреки несомнѣннымъ историческимъ даннымъ, обличающимъ мои неправильные или пристрастные взгляды" *).

Поводомъ къ тѣмъ толкованiямъ характера историческихъ работъ Костомарова, которыя онъ называлъ ребяческими, былъ методологическiй прiемъ, какому онъ слѣдовалъ и какой вытекалъ изъ его воззрѣнiя на содержанiе исторiи. Прiемъ этотъ мерещился ему еще, когда онъ 20 лѣтнимъ юношей увлекся до страсти чтенiемъ историческихъ сочиненiй и сталъ задавать себѣ вопросъ: „отчего во всѣхъ исторiяхъ толкуютъ о выдающихся государственныхъ дѣятеляхъ, иногда о законахъ и учрежденiяхъ, но какъ будто пренебрегаютъ жизнью народной массы?" Разработалъ же онъ его окончательно въ систему, когда въ 1859 году открылъ курсъ по русской исторiи въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

---

*) Литературное наслѣдiе. СПбургъ. 1890. Стр. 151.

„Вступая на каѳедру, говоритъ онъ, я задался мыслью въ своихъ лекціяхъ выдвинуть на первый планъ народную жизнь во всѣхъ ея частныхъ видахъ. Долговременное занятіе исторіею развило во мнѣ такіе взгляды. Я видѣлъ, что государства являлись вездѣ болѣе случайнымъ плодомъ завоеваній, чѣмъ необходимымъ послѣдствіемъ географическихъ и этнографическихъ особенностей народной жизни. Всегда почти поэтому государство составлялось не изъ одной народности; сильнѣйшая подавляла слабѣйшихъ, стремилась подчинить, а иногда ассимилировать ихъ, считала за собою право власти надъ ними, которое освящалось давностью, допускала надъ ними насиліе, и всякую съ ихъ стороны попытку къ самосохраненію признавала преступленіемъ. Жизнь, однако, продолжала развиваться инымъ путемъ, и государство оставалось только внѣшнею формою объединяющей полицейской власти... И русская исторія представляла то же, хотя съ своеобразными особенностями. Русское государство складывалось изъ частей, которыя прежде жили собственною независимою жизнью, и долго послѣ того жизнь частей высказывалась отличными стремленіями въ общемъ государственномъ строѣ. Найти и уловить эти особенности народной жизни частей Русскаго государства составляло для меня задачу моихъ занятій русскою исторіею. Насколько это могло мнѣ удаться—долженъ былъ показать опытъ; но я взялъ на себя задачу чрезвычайно трудную и, какъ показалось мнѣ самому на дѣлѣ, мало удобо-исполнимую по причинѣ моей малой подготовки къ работамъ надъ этой задачей. Меня утѣшало только то, что я могъ хотя сдѣлать мало, но по крайней мѣрѣ намѣтить дорогу другимъ, болѣе меня способнымъ и свѣдущимъ. Во всякомъ случаѣ я былъ увѣренъ, что любой изъ нашихъ ученыхъ не былъ еще въ состояніи болѣе меня приняться за это дѣло. Въ такомъ духѣ я и началъ читать свои лекціи, обративши вниманіе на черты мѣстной исторіи русскихъ земель и княжествъ и на отличную жизнь инородцевъ, вошедшихъ въ составъ Русской державы“ *).

Слѣдованіе такой выработанной за долгое время программѣ привело Костомарова къ характеристикѣ особенностей

---

*) Литературное наслѣдіе. Стр. 113—114.

двухъ русскихъ народностей, къ опредѣленію значенія федеративнаго начала въ древней исторіи Руси, вѣчевыхъ порядковъ въ сѣверорусскихъ народо-правствахъ, изслѣдованіямъ бытовой жизни и нравовъ великорусскаго народа и т. п. Многіе были несогласны съ основными мыслями Костомарова, видѣли въ нихъ тенденціозность; другіе не сходились съ частностями его историческихъ толкованій, какъ напр. Погодинъ, вступившій съ нимъ въ публичный диспутъ по вопросу о норманскомъ или иномъ происхожденіи Руси. Этимъ объяснялась та лихорадочная дѣятельность историка, которая не давала ему времени въ теченіе цѣлаго года даже пріискать себѣ квартиру. Ему, какъ новатору, приходилось не только излагать, но и полемизировать. Тѣмъ не менѣе сочувствіе образованнаго русскаго общества къ его ученой дѣятельности, а слѣдовательно и къ ея направленію, высказывалось очень ярко. И университетскія и публичныя его лекціи посѣщаемы были громаднымъ стеченіемъ публики; послѣ лекцій его выносили на рукахъ, встрѣчали апплодисментами и т. п. Онъ самъ разсказываетъ, что въ Новгородѣ, гдѣ онъ читалъ лекцію въ пользу воскресныхъ школъ, послѣ первыхъ словъ его: „Кланяюсь Св. Софіи и Великому Новгороду!“ взрывъ рукоплесканій прервалъ его. „Теперь (1870), въ пору почти общей трезвости, все это представляется почти дѣтскимъ, прибавляетъ автобіографъ; а тогда вся слышавшая меня публика пришла въ какое-то опьяненіе. По окончаніи лекціи меня вынесли на рукахъ“ *).

Эти факты общаго сочувствія къ историку даже во время его жизни совершенно устраняютъ тѣ нападки, несогласныхъ съ нимъ въ частностяхъ или въ общемъ, соратниковъ его по историческимъ работамъ и публицистовъ, которыя раздавались противъ его тенденціозности и пристрастія къ особому роду явленій въ исторіи русской жизни. Оваціи, какія оказывало просвѣщенное общество любимому имъ ученому, доказываютъ только, что при оцѣнкѣ событій глухой старины онъ стоялъ на уровнѣ прогрессивныхъ стремленій тогдашняго времени. Въ этомъ отношеніи упрека историку, какъ таковому, сдѣлать нельзя. Всякій человѣкъ—сынъ сво-

*) Русская Мысль. 1885, VI, 36.

его вѣка; живя во второй половинѣ XIX вѣка, можно совершенно спокойно разсказывать о временахъ дикости нравовъ, пыткахъ и застѣнкахъ, но нельзя уже сочувствовать этимъ формамъ и проявленіямъ звѣрства. Тонъ изложенія, въ которомъ чувствуется отвращеніе автора къ нимъ не есть недостатокъ объективности. Просвѣщенное отношеніе къ этимъ явленіямъ не есть пристрастное или неправильное, а только необходимое, при создавшихся уже условіяхъ житейской среды и общественныхъ отношеній.

Костомарова же никто изъ читавшихъ его историческія научныя сочиненія не можетъ упрекнуть въ преднамѣренномъ сгущеніи красокъ при описаніи антигуманныхъ и звѣрскихъ поступковъ. Даже въ своихъ историческихъ романахъ, въ технической, художественной отдѣлкѣ которыхъ онъ оставилъ позади себя многихъ другихъ романистовъ, онъ не поддается искушенію обратиться къ чувствамъ читателя и дѣйствовать на нихъ при помощи высказыванія своихъ личныхъ мнѣній. И тутъ, пишетъ ли онъ о „Черниговкѣ“, „Кудеярѣ“, илио бращается къ древней жизни грековъ въ своей драмѣ „Эллины Тавриды“, мы видимъ того же историка, который прежде всего заботится о вѣрной передачѣ до мельчайшихъ подробностей, какъ внѣшней обстановки, такъ и внутренняго духа жизни данной эпохи.

Упреки Костомарову въ украинофильствѣ еще болѣе странны, чтобы не сказать болѣе: писать исторію Малороссіи и не любить самой Малороссіи невозможно. Но любовь къ ней вовсе не отрицала въ Костомаровѣ любви ко всѣмъ русскимъ, ко всѣмъ славянамъ и вообще къ человѣчеству. Если любовь къ человѣчеству и патріотизмъ объяснять проявленіемъ инстинкта сохраненія рода, то естественно, что любовь къ роду можетъ получать развитіе и питаться только изъ любви къ виду и разновидности. У Костомарова же несомнѣнно были развиты всѣ степени разно выражаемой имъ любви къ человѣчеству, а слѣдовательно необходима была и любовь къ Украинѣ и къ малорусскому народу. Впрочемъ, послѣдняя была причиною того, что онъ, достигши развитія своего таланта, не могъ стать профессоромъ ни въ Кіевѣ, ни въ Харьковѣ.

Многіе изъ Харьковцевъ, учившихся въ университетѣ въ концѣ 60-хъ и въ 70-е годы, могутъ сожалѣть, что имъ

не пришлось быть слушателями этого ученаго и профессора въ силу того, что на предложеніе Харьковскаго университета въ 1864 году занять здѣсь каѳедру русской исторіи, Костомаровъ, согласно совѣту министра Головина, отвѣчалъ отказомъ. Теперь, когда отъ цѣнныхъ во всѣхъ отношеніяхъ трудовъ Костомарова осталось лишь письменное наслѣдіе и мы лишены уже возможности слушать его устную рѣчь, приводившую когда то въ восторгъ слушателей, для Харьковцевъ еще болѣе дорогимъ является то обстоятельство, что въ своей автобіографіи онъ посвятилъ нѣсколько страницъ тому Харькову, который во время пребыванія тутъ Костомарова, оканчивался, по его словамъ, примѣрно тамъ, гдѣ нынѣ Мироносицкая площадь съ одной стороны, а съ другой—Благовѣщенская площадь, и когда жителей въ немъ было не болѣе 20—25 тысячъ.

Дорогія воспоминанія Костомарова о Харьковѣ, помѣщенныя въ его автобіографіи, начинаются съ 1833 года, когда онъ, окончивъ въ Воронежѣ курсъ гимназіи, поступилъ въ Харьковскій университетъ, и заключаются моментомъ, когда въ концѣ 1844 года онъ выѣхалъ отсюда на службу въ Кіевскій учебный округъ. Весь этотъ отрывокъ его автобіографіи, съ согласія вдовы покойнаго, перепечатывается ниже цѣликомъ. Для лицъ же, мало знакомыхъ или незнакомыхъ съ полною біографіею Костомарова, приводимъ главныя событія его долголѣтней жизни въ короткомъ хронологическомъ перечнѣ событій, заимствованныхъ изъ обѣихъ біографій и другихъ источниковъ.

Родился Костомаровъ въ 1817 году въ слободѣ Юрасовкѣ Острогожскаго уѣзда, который тогда принадлежалъ къ Слободско-Украинской губерніи, нынѣ Харьковской. До 10-ти лѣтъ жилъ въ деревнѣ, а въ годъ появленія въ печати Евгенія Онѣгина, отъ котораго отецъ его приходилъ въ восторгъ, былъ отвезенъ въ Москву—въ пансіонъ лектора французскаго языка Ге. Тутъ уже всѣ учителя, замѣтившіе его способности, называли его enfant miraculeux, кромѣ танцмейстера, который видѣлъ въ немъ идіота. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по случаю болѣзни отецъ взялъ его ранней весною въ деревню, съ тѣмъ чтобы по окончаніи привезти обратно въ тотъ же пансіонъ. Но лѣтомъ этого года отецъ его былъ убитъ крестьянами, и судьба мальчика

измѣнилась. На слѣдующій годъ мать отдала его въ пансіонъ въ Воронежѣ, а въ 1831 году въ третій классъ Воронежской гимназіи, соотвѣтствующій нынѣшнему 6, такъ какъ тогда гимназія состояла изъ 4 классовъ и въ нее поступали окончивъ 3 класса уѣзднаго училища.

Окончивъ курсъ гимназіи въ 1833 году, онъ поступилъ въ Харьковскій университетъ, въ которомъ, по окончаніи курса и послѣ неудачной военной службы въ Острогожскомъ полку, занималъ, между прочимъ, должность субъ-инспектора и еще посѣщалъ лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ. Получивъ здѣсь же степень магистра историческихъ наукъ, онъ поступилъ на службу въ качествѣ учителя гимназіи въ Ровно, а затѣмъ въ Кіевѣ. Въ 1846 году, по прочтеніи лекціи въ университетѣ Св. Владиміра, былъ единогласно избранъ профессоромъ исторіи этого университета. Эта профессура Костомарова была кратковременна, такъ какъ уже въ 1847 году онъ былъ сосланъ въ Саратовъ за участіе въ обществѣ, которое членами его было названо Кирилло-Меѳодіевскимъ братствомъ и къ которому, между прочимъ, принадлежали поэтъ Шевченко и, извѣстный впослѣдствіи писатель, Кулишъ.

Въ Саратовѣ Костомаровъ прожилъ болѣе 10 лѣтъ, сначала въ качествѣ лица, находившагося подъ надзоромъ полиціи, затѣмъ въ званіи дѣлопроизводителя статистическаго комитета и редактора мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей. Дѣятельность его въ этой сферѣ была неудачна, такъ какъ другіе служащіе въ губернскомъ правленіи находили его даже малограмотнымъ и чуть не полуидіотомъ, особенно, когда онъ напечаталъ объявленіе, что продающіяся на Волгѣ барки можно видѣть ежедневно въ губернскомъ правленіи. Болѣе успѣшно, конечно, насколько то было возможно въ Саратовѣ, шли его занятія по этнографіи и исторіи. Когда въ 1857 г. съ него былъ снятъ полицейскій надзоръ и явилась возможность переѣхать въ Петербургъ, у него вслѣдствіе этого были уже готовы два большія сочиненія—о Горѣ-злосчастіи и о Богданѣ Хмѣльницкомъ.

Получивъ свободу, Костомаровъ совершилъ поѣздку за границу, затѣмъ опять въ Саратовъ, гдѣ началъ писать „Бунтъ Стеньки Разина“ и работалъ въ мѣстномъ комитетѣ по освобожденію крестьянъ. Въ 1859 году онъ былъ избранъ Петербургскимъ университетомъ на каѳедру русской

исторіи, оставшуюся вакантною послѣ отставки профессора Устрялова. Съ этого времени начинается его лихорадочная дѣятельность какъ по чтенію лекцій, такъ и по составленію для печати новыхъ и новыхъ трудовъ по исторіи. Шевченко, возвращенный тогда же изъ ссылки, бывалъ у него часто и иногда сердилъ его въ шутку, заставляя шарманку играть одно и то же. Впрочемъ, Шевченко скоро послѣ этого умеръ (1861 г.); чтеніе же лекцій въ университетѣ Костомаровъ прекратилъ. Именно, послѣ новой поѣздки за границу въ 1861 году и многихъ поѣздокъ по Россіи съ ученою цѣлью, Костомаровъ по особымъ обстоятельствамъ, изложеннымъ имъ въ первой автобіографіи, подалъ въ отставку и съ тѣхъ поръ предался главнымъ образомъ писательской дѣятельности, участвуя своими трудами въ „Основѣ", „Современникѣ", „Вѣстникѣ Европы", „Отечественныхъ Запискахъ", „Бесѣдѣ", „Русской Мысли" и др. повременныхъ изданіяхъ и печатая свои сочиненія также отдѣльными книгами. Для собиранія матеріаловъ, необходимыхъ для этихъ трудовъ, онъ совершалъ поѣздки на дальній сѣверъ, въ Варшаву, Москву, Псковъ, Новгородъ, разные монастыри, по Волгѣ въ Саратовъ, въ Вильно, Берлинъ, Крымъ и т. д. И въ то же время за десятилѣтіе, съ 1860 по 1870, онъ успѣлъ написать и напечатать наибольшее число своихъ сочиненій. Изъ библіографическаго указателя, помѣщеннаго въ „Литературномъ наслѣдіи", можно видѣть, что за это время было напечатено 138 изъ всѣхъ 316 его сочиненій, большаго и меньшаго объема, вошедшихъ въ этотъ списокъ. Перечитывая автобіографію Костомарова и подсчитывая число поѣздокъ—имъ совершенныхъ, а по указателю, страницъ его сочиненій, можно поражаться громадными цифрами верстъ, сдѣланныхъ имъ при поѣздкахъ, количествомъ исписанной въ то же время бумаги, особенно, если примемъ во вниманіе цѣнность всего имъ написаннаго, а также и то, что въ то же время онъ еще сверхъ своихъ работъ редактировалъ изданіе сочиненій Шевченка, читалъ курсъ публичныхъ лекцій въ клубѣ художниковъ, исполнялъ разныя порученія ученыхъ обществъ и т. п.

Нельзя сказать, чтобы и въ послѣдующее время, когда сравнительно онъ ѣздилъ уже меньше, плодовитость его уменьшилась. Напротивъ, въ 70-ые годы были отпечатаны

объемистыя его сочиненія, не говоря о томъ, что ему кромѣ нихъ, приходилось редактировать много матеріаловъ археографическаго и этнографическаго содержанія. Немудрено, что при такомъ страшномъ напряженіи и безъ того не особенно сильный организмъ довольно пожилого уже человѣка сталъ ослабѣвать. Съ 1872 года начали у него болѣть глаза; врачи говорили, что единственнымъ средствомъ для избавленія его отъ слѣпоты можетъ быть воздержаніе не только отъ чтенія старыхъ бумагъ, но даже и вовсе отъ чтенія и письма. Къ счастью врачи въ этомъ случаѣ ошиблись: Костомаровъ еще 13 лѣтъ могъ работать иногда при посторонней помощи чтецовъ и писцовъ подъ диктовку, иногда и безъ нея. Къ 1872 году относится одна непріятность, о которой въ своей автобіографіи Костомаровъ разсказываетъ не безъ горечи. Онъ подалъ свое сочиненіе „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой" на соисканіе преміи. По мнѣнію Иловайскаго, которому порученъ былъ академіею наукъ разборъ этого сочиненія, оно могло быть удостоено малой преміи. Академія наукъ осталась недовольна рецензіею Иловайскаго и отправила это сочиненіе для новаго разбора марбургскому ученому профессору Герману, автору Исторіи Россіи на нѣмецкомъ языкѣ. Послѣдній присудилъ большую премію; но академія наукъ наградила Костомарова малою преміею, руководясь между прочимъ еще и тѣмъ соображеніемъ, что онъ—человѣкъ безсемейный и бездѣтный, а слѣдовательно, не нуждающійся въ средствахъ. Разсказавъ эту исторію, Костомаровъ прибавляетъ, что онъ рѣшился „никогда уже не представлять на преміи моихъ сочиненій въ то учрежденіе, которое въ раздачѣ премій не сообразуется съ приговоромъ лицъ, которымъ довѣряло разборъ сочиненій, а руководствуется особыми, ни кѣмъ оффиціально не установленными взглядами, не выраженными въ правилахъ о преміяхъ" *).

Въ 1873 году Николай Ивановичъ совершилъ поѣздку на югъ Россіи, на мѣста бывшаго Запорожья и въ Кіевѣ участвовалъ въ совѣщаніяхъ предварительнаго комитета по устройству археологическаго съѣзда. Здѣсь онъ узналъ отъ извѣстнаго этнографа Чубинскаго, что бывшая въ 1847 году

---

*) Литер. наслѣдіе. Стр. 189.

его невѣстою Алина Леонтьевна Крагельская, успѣвшая послѣ того выйти замужъ и овдовѣть, еще жива и онъ можетъ ее видѣть, такъ какъ ее ждутъ въ Кіевъ, куда она должна была привезти дѣтей своихъ къ началу ученія въ гимназію. На другой день, списавшись съ нею, онъ посѣтилъ ее—пожилую даму и при томъ больную. „Наше свиданіе, говоритъ Костомаровъ, было столько же пріятно, сколько и грустно: мы оба чувствовали, что безвозвратно прошло лучшее время жизни въ разлукѣ, тогда какъ нѣкогда оба надѣялись, что оно пройдетъ вмѣстѣ".

На слѣдующій годъ по окончаніи Кіевскаго археологическаго съѣзда, въ занятіяхъ котораго участвовалъ Николай Ивановичъ, онъ заѣзжалъ къ этой старой знакомой своей въ имѣніе погостить, а въ 1875 году обвѣнчался съ нею въ томъ же имѣніи. Это произошло также не безъ особыхъ осложненій, о которыхъ Костомаровъ не распространяется въ своей автобіографіи, но которыя мы можемъ дополнить изъ своихъ личныхъ впечатлѣній. Въ зиму 1874—75 года Николай Ивановичъ приглашенъ былъ участвовать въ вечерѣ, устроенномъ въ пользу студентовъ въ клубѣ приказчиковъ въ Петербургѣ. Онъ чувствовалъ себя уже не совсѣмъ здоровымъ и написалъ Алинѣ Леонтьевнѣ письмо съ просьбою пріѣхать къ нему въ Петербургъ. Въ названномъ вечерѣ участіе его ограничилось нѣсколькими вступительными словами къ ненапечатанной еще тогда его повѣсти „Кудеяръ", отрывки изъ которой читалъ профессоръ О. И. Миллеръ. По окончаніи чтенія, въ прихожей ему долго не удавалось допроситься своей шубы, а изъ отворяемыхъ постоянно дверей наружу, врывались порывы холоднаго снѣжнаго вѣтра. На другой день Николай Ивановичъ слегъ послѣ припадка какого-то неестественнаго каприза съ раздражительнымъ крикомъ на окружающихъ. Врачи опредѣлили тифъ. Знакомые и почитатели таланта Костомарова устроили ночныя и денныя дежурства около его постели въ помощь сестрѣ милосердія, которая находилась постоянно при больномъ. Его переносили изъ одной комнаты въ другую для постояннаго освѣженія воздуха, употребляли обмыванія, искусственное питаніе пищею, вдыханіе кислорода и т. п. Врачебное искусство, вниманіе докторовъ и уходъ совершили чудо: почти безжизненный уже

трупъ возвращенъ былъ къ жизни, которою онъ пользовался еще 10 лѣтъ для науки и родины.

Но во время безпамятства Костомарова, мать его, заболѣвшая также тифомъ, осложненнымъ крупознымъ воспаленіемъ легкихъ, умерла. Алина Леонтьевна пріѣхала изъ Полтавской губерніи въ Петербургъ и застала эту трагедію, разыгравшуюся надъ ея любимымъ человѣкомъ. Ее не пускали къ больному, пока онъ не окрѣпъ на столько, что могъ перенести свиданіе съ нею. Позже она же объяснила ему настоящую причину отсутствія матери, о которой онъ постоянно спрашивалъ, какъ только сталъ приходить въ себя.

Еще десять лѣтъ при новой обстановкѣ семейной жизни продолжалъ работать неутомимый труженикъ: въ спискѣ его сочиненій за это время насчитывается еще 112 трудовъ, изъ которыхъ такіе какъ Руина, Черниговка, Мазепа, Мазепинцы, Эллины Тавриды, Анна Іоановна, Елисавета Петровна и др. представляютъ довольно объемистые томы.

Слѣдуетъ надѣяться, что сочиненія Костомарова, переданныя вдовою его въ собственность Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, будутъ изданы этимъ учрежденіемъ во всей ихъ полнотѣ. Намъ кажется, что и все русское образованное общество, дающее пожертвованія на устройство памятниковъ великихъ писателей русской земли, можетъ придти на помощь Литературному фонду матеріальными средствами, такъ какъ лучшій памятникъ историка—его историческіе труды, изданные по способу стереотипа для возможности постояннаго повторенія ихъ по мѣрѣ требованія. Что касается до аккуратности, съ какою можетъ быть исполнено такое стереотипное изданіе Литературнымъ фондомъ, то въ этомъ едва ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе. Если бы Харьковское образованное общество взяло на себя почипъ въ первоначальной разработкѣ этой мысли и обратилось съ соотвѣтствующею просьбою къ комитету, управляющему дѣлами Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, то оно тѣмъ воздало бы только должное своему земляку, великому сыну Россіи, родившемуся въ Слободской Украинѣ и жившему извѣстное время въ Харьковѣ.

А. Русовъ.

СТУДЕНЧЕСТВО И ЮНОСТЬ КОСТОМАРОВА.

(Изъ его автобіографіи) *).

По окончаніи курса гимназіи, мнѣ, шестнадцати лѣтъ отъ роду, приходилось вступать въ университетъ: но тутъ-то я почувствовалъ, что слабъ въ математикѣ, да и при всемъ желаніи не могъ быть въ ней силенъ, когда учитель ничего не преподавалъ. Я пригласилъ для своей подготовки сосѣда, бывшаго инженера, женившагося въ то время на дочери помѣщика въ той же слободѣ. Мой новый учитель оказался вполнѣ хорошимъ и въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, занимаясь каждый день съ утра до вечера, я успѣлъ выучить почти весь курсъ того, что нужно было для вступительнаго экзамена въ университетъ. Учитель прошелъ со мною и коническія сѣченія, которыя тогда требовались.

Въ половинѣ августа 1833 года, со страхомъ и трепетомъ я отправился въ Харьковъ съ матерью и моимъ учителемъ. Вступительный экзаменъ сошелъ какъ нельзя болѣе благополучно. Профессоръ математики Павловскій, отличавшійся, какъ о немъ говорили, большою строгостью и неснисходительностью, пропустилъ меня, записавши мнѣ хорошій баллъ. Радость моя была непомѣрная. Меня помѣстили у профессора латинскаго языка Петра Ивановича Сокальскаго. Я попалъ къ нему совершенно случайно. Не предполагая прежде помѣститься у этого профессора, я отправился къ нему вмѣстѣ со своимъ учителемъ поговорить на счетъ вступительнаго экзамена изъ латыни, въ которой я себя чувствовалъ недостаточно крѣпкимъ послѣ уроковъ Андрея Ивановича Бѣлинскаго. И мнѣ, и моему учителю Петръ Ивановичъ такъ понравился, что, выходя

*) Литературное наслѣдіе. Спб. 1890. Стр. 17—46.

отъ него, мы разсудили, что всего лучше мнѣ помѣститься у этого профессора. Передавши нашу мысль моей матери, мы снова отправились къ Сокальскому и договорились съ нимъ о квартирѣ. Окончивъ вступительный экзаменъ по всѣмъ предметамъ, я простился съ матерью и моимъ деревенскимъ учителемъ, уѣхавшими домой, а самъ остался въ домѣ Сокальскаго. Мнѣ дали отдѣльную комнату въ особомъ флигелѣ, въ которомъ, кромѣ меня, было четверо студентовъ, проживавшихъ у Сокальскаго также въ отдѣльныхъ комнатахъ. Содержаніе и обращеніе съ нами было очень хорошее; одно только нѣсколько безпокоило меня: Сокальскій не дозволялъ курить табакъ, и это побуждало насъ курить въ печную трубу. Однажды я, всунувши для куренія трубку въ верхній душникъ печки, нечаянно зажегъ сажу и самъ испугался; едва потушили и не допустили до пожара, но послѣ того Сокальскій махнулъ рукою и сказалъ: „лучше курите, а то вы мнѣ и домъ сожжете!"

Въ первый годъ моего пребыванія въ университетѣ, я усиленно занялся изученіемъ языковъ, особенно латинскаго, который я очень полюбилъ, и вообще меня сталъ сильно привлекать антическій міръ. Воображеніе мое постоянно обращалось къ Греціи и Риму, къ ихъ богамъ, героямъ, къ ихъ литературѣ и памятникамъ искусствъ. Однажды, читая Иліаду въ подлинникѣ съ переводомъ Гнѣдича, мнѣ вздумалось разыграть въ лицахъ сцену, какъ Ахиллъ волочилъ тѣло Гектора вокругъ стѣнъ Иліона. Я подговорилъ своихъ товарищей, мы нашли маленькую повозочку, на которой няньки возили дѣтей Сокальскаго, я упросилъ привязать меня за ноги къ этой повозочкѣ; одинъ изъ моихъ товарищей сталъ играть роль Ахилла и потащилъ меня внизъ по деревянной лѣстницѣ флигеля, гдѣ мы жили, а двое другихъ, покрывши головы по-женски, стали на террасѣ того же флигеля и представляли Гекубу и Андромаху. Меня поволокли съ лѣстницы по двору. Стукъ, гамъ и крикъ дошли до ушей Сокальскаго, который въ то время сидѣлъ съ гостями; онъ выбѣжалъ на дворъ, за нимъ его гости—профессоры, бывшіе у него. Увидавши неожиданную сцену, Сокальскій сначала принялъ менторскій суровый видъ, но потомъ, узнавши въ чемъ дѣло, не вытерпѣлъ и

захохоталъ во все горло. За нимъ начали смѣяться и его гости. Меня развязали и замѣтили, что голова моя была въ крови, какъ впрочемъ и слѣдовало по Иліадѣ, гдѣ говорится:

... глава Пріамида,
Прежде прекрасная, бьется во прахѣ...

Когда послѣ того мы пошли къ нему обѣдать, онъ во все продолженіе стола, глядя на меня, не могъ удержаться отъ смѣха и говорилъ своимъ домашнимъ: „вотъ угостили меня! дали возможность повидать древность въ лицахъ!"

Семейство Сокальскаго состояло тогда изъ жены, трехъ малолѣтнихъ сыновей (изъ нихъ одинъ теперь Харьковскій профессоръ, другой—редакторомъ „Одесскаго Вѣстника" и замѣчательный піанистъ, а третій недавно скончался) и старой тещи, женщины чрезвычайно доброй и любимой всѣми студентами. Эта послѣдняя, по имени Надежда Емельяновна, осталась у меня въ памяти, какъ типъ старой, добродушной малороссіянки. Она говорила со всѣми не иначе, какъ по-малорусски, очень заботилась о выгодахъ квартирантовъ и по воскресеньямъ сама пекла и приносила намъ на завтракъ превосходные пирожки. Уже много лѣтъ, еще до женитьбы Сокальскаго на ея дочери, она содержала у себя квартирантовъ-студентовъ и хвалилась тѣмъ, что ее называли: „студентська мати". Въ числѣ ея бывшихъ нахлѣбниковъ былъ знаменитый Остроградскій, о которомъ она сохраняла благоговѣйное воспоминаніе, какъ о лучшемъ изъ юношей, у нея проживавшихъ.

Въ то время Харьковскій университетъ былъ въ большомъ упадкѣ. Профессорскія каѳедры занимались отчасти людьми бездарными, отчасти же хотя и талантливыми, какимъ былъ, напримѣръ, Кронебергъ, но лѣнивыми. Въ нашемъ историко-филологическомъ факультетѣ русская словесность была въ рукахъ нѣкоего Якимова. Онъ въ свое время прославился бездарнѣйшимъ переводомъ Шекспира, изъ котораго студенты приводили мѣста въ примѣръ безсмыслицы. Русскую исторію читалъ Гулакъ-Артемовскій, человѣкъ безспорно съ поэтическимъ дарованіемъ, какъ показали его малорусскія стихотворенія, но въ своихъ лекціяхъ по русской исторіи отличавшійся пустымъ риторствомъ и напыщенностью.—Профессоръ всеобщей исторіи

цыхъ былъ вскорѣ переведенъ въ Кіевъ. Онъ читалъ древнюю исторію по Герену и почти не прибавлялъ къ ней ничего своего.—Философію преподавалъ нѣкто Чановъ, бывшій прежде того частнымъ приставомъ. Греческій языкъ читалъ какой-то нѣмецъ Мауреръ, знавшій свой предметъ въ совершенствѣ, но плохо владѣвшій русскимъ языкомъ и даромъ изложенія на какомъ бы то ни было языкѣ.—Французскій языкъ читалъ Паки-де-Совиньи, бывшій недавно передъ тѣмъ профессоромъ латинскаго языка. Это былъ шутъ въ полномъ смыслѣ слова; на лекціяхъ онъ либеральничалъ въ вольтеріанскомъ духѣ, но у него нельзя было научиться ни его языку, ни литературѣ; студенты ходили на его лекціи только для потѣхи. Онъ представлялъ, какъ въ праздникъ Богоявленія архіерей святитъ воду и „суевѣры" бросаются къ рѣкѣ съ кувшинами, а „philosophe" думаетъ себѣ иное; вооружался противъ крѣпостного права и копировалъ разговоръ съ помѣщикомъ такимъ образомъ: „пожалюйте, за што ви бьетъ вашъ мальшикъ?" „O! онъ мой холёпъ?" Qu'est-ce que c'est холёпъ?" Помѣщикъ отвѣчаетъ: „ми, при государиня Катерина Алексѣевна, шили и били свой щелювѣкъ". „Ah, monsieur! при Катерина Алексѣевна биль одно время,—теперь—другое!" Начинались сто разъ повторяемые анекдоты о Вольтерѣ, о достоинствахъ его произведеній, цитировались стихи изъ какой-нибудь Альзиры, потомъ снова слѣдовало обращеніе къ Россіи съ указаніемъ разныхъ недостатковъ ея; впрочемъ доставалось на долю и нѣмцамъ. Паки-де-Совиньи, какъ истый французъ, считалъ французскій народъ самымъ образованнымъ въ свѣтѣ и говорилъ, что хотя у нѣмцевъ есть стихотворцы, какъ Шиллеръ и Гёте, но куда имъ до Расина, Кребильона и Вольтера! Ему извѣстна была только старая французская литература, о новой, современной, онъ не имѣлъ никакого понятія, да и знать объ ней не хотѣлъ. Попечителемъ Харьковскаго университета былъ тогда нѣкто Филатьевъ, который въ первыхъ мѣсяцахъ 1834 года былъ переведенъ на какую-то другую должность и уѣхалъ, не подписавши утвержденія въ званіи студентовъ болѣе ста лицъ, выдержавшихъ вступительный экзаменъ въ текущемъ академическомъ году. Въ числѣ этихъ неутвержденныхъ студентовъ былъ и я. Сокальскій объявилъ мнѣ, что, по силѣ университетскаго уста-

ва, я не имѣю права ни слушать лекціи, ни держать переходнаго экзамена; впрочемъ польстилъ меня надеждою, что, вѣроятно, будущій попечитель утвердитъ насъ всѣхъ и намъ дозволятъ держать переходный экзаменъ. Но такъ какъ слушать лекціи болѣе нельзя было, то я уѣхалъ изъ Харькова къ матери незадолго до Святой недѣли и пробылъ въ деревнѣ до августа того же года. Никогда въ жизни я до такой степени не сближался съ сельскою природою, какъ въ это время, тѣмъ болѣе, что со времени смерти моего отца, никогда не жилъ въ деревнѣ въ весенніе мѣсяцы и въ началѣ лѣта. Меня занимала каждая травка, каждый цвѣтокъ, каждая птичка и букашка. Между тѣмъ, я въ деревнѣ продолжалъ учиться по-латыни и по-французски, такъ что къ концу лѣта могъ уже свободно читать à livre ouvert всякія французскія книги и прочелъ въ это время Notre Dame Гюго, книгу, извѣстную по трудности языка, наполненнаго разными архаизмами. Эта книга сдѣлала на меня большое впечатлѣніе; я полюбилъ ея автора и принялся жадно за чтеніе другихъ его сочиненій. Въ августѣ я отправился въ Харьковъ. Тамъ былъ уже новый попечитель графъ Головкинъ, восьмидесятилѣтній старецъ, проведшій жизнь заграницей и объяснявшійся по-русски очень плохо. Первымъ его дѣломъ по вступленіи было утвердить всѣхъ неутвержденныхъ его предшественникомъ студентовъ. Намъ позволили держать экзаменъ и черезъ нѣсколько дней я былъ переведенъ на второй курсъ. Въ этотъ академическій годъ я проживалъ по прежнему у Сокальскаго, хотя уже въ другомъ домѣ, только что имъ отстроенномъ. Любовь къ латинскому языку и античному міру стала у меня охладѣвать. Я съ жаромъ увлекся французскимъ языкомъ, а съ зимы началъ заниматься и италіанскимъ. Между тѣмъ мнѣ пришло желаніе взяться и за музыку; я купилъ себѣ фортепіано за триста рублей ассигнаціями и договорилъ себѣ учителя; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ желаніе къ музыкѣ стало проходить, тѣмъ болѣе, что музыка требовала занятій по крайней мѣрѣ по нѣскольку часовъ въ день, а я на то совсѣмъ не имѣлъ времени. Съ большимъ постоянствомъ я испытывалъ свои силы въ стихотворствѣ, которымъ началъ заниматься еще во время своего пребыванія въ деревнѣ, куда удалился было, остав-

шись неутвержденнымъ въ званiи студента. Передъ тѣмъ любимѣйшимъ занятiемъ моимъ было изученiе древнихъ авторовъ и особенно Виргилiя. Я получилъ вкусъ къ античному изображенiю сельской природы и писалъ на русскомъ языкѣ идиллическiя стихотворенiя, употребляя гекзаметръ, который изъ всѣхъ размѣровъ мнѣ особенно нравился. Эти первые опыты остались ненапечатанными, а впослѣдствiи, увлекшись исторiей, я совершенно оставилъ стихописательство на русскомъ языкѣ.

1835 годъ былъ знаменателенъ въ исторiи Харьковскаго университета: въ немъ показывалось какое-то обновленiе. По разнымъ каѳедрамъ присланы были свѣжiя, молодыя силы, новые люди, возвратившiеся изъ за-границы, куда были посылаемы министромъ для окончанiя образованiя. Нашъ историко-филологическiй факультетъ былъ обновленъ появленiемъ двухъ талантливыхъ и ученыхъ профессоровъ. Первый былъ по каѳедрѣ всеобщей исторiи Михаилъ Михайловичъ Лунинъ; второй—по каѳедрѣ греческой словесности—Альфонсъ Осиповичъ Валицкiй. Первый былъ безспорно одинъ изъ лучшихъ преподавателей всеобщей исторiи, какiе когда либо являлись въ нашихъ университетахъ. Онъ былъ вооруженъ всею современною ученостью, получивъ ее въ германскихъ университетахъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ слушалъ лекцiи. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ одаренъ счастливымъ даромъ слова; грудь у него была слабая, голосъ не громкiй, дикцiя монотонная и какъ будто жеманная; но эти недостатки выкупались богатствомъ содержанiя и критическимъ направленiемъ, къ которому онъ умѣлъ расположить влеченiе своихъ слушателей. Его лекцiи по древней исторiи, и преимущественно Востока, и по средней исторiи, особенно лекцiи о распространенiи христiанства и о борьбѣ его съ язычествомъ, были столько же глубокомысленны, какъ и увлекательны. Исторiю Новыхъ вѣковъ читалъ онъ слабѣе и, какъ кажется, самъ менѣе ею занимался. Вообще лекцiи этого профессора оказали на меня громадное влiянiе и произвели въ моей духовной жизни рѣшительный поворотъ: я полюбилъ исторiю болѣе всего и съ тѣхъ поръ съ жаромъ предался чтенiю и изученiю историческихъ книгъ. Валицкiй менѣе имѣлъ на меня влiянiя, чѣмъ Лунинъ, такъ какъ я не имѣлъ ни надлежащей под-

готовки, ни особаго стремленія, чтобы сдѣлать греческую литературу и древности для себя спеціальностью; но я посѣщалъ его лекціи и слушалъ ихъ съ большимъ наслажденіемъ. Замѣтимъ, что Валицкій имѣлъ отличный даръ слова и былъ вообще въ изложеніи своего предмета гораздо живѣе Лунина.

Съѣздивши на вакаціи въ деревню и пріѣхавши снова въ Харьковъ въ августѣ 1835 года, я уже не сталъ жить у Сокальскаго и помѣстился у Артемовскаго-Гулака. Здѣсь я съ большимъ увлеченіемъ занимался исторіею и проводилъ дни и ночи надъ чтеніемъ всевозможныхъ историческихъ книгъ. Мнѣ хотѣлось знать судьбу всѣхъ народовъ; не менѣе интересовала меня и литература съ исторической точки ея зрѣнія.

Дворъ Артемовскаго-Гулака помѣщался почти при оконечности города, на одной изъ улицъ, выходившихъ къ полю. Проминувши нѣсколько дворовъ, можно было достигнуть стараго кладбища съ небольшою церковью; въ ясные, весенніе и осенніе дни ходить туда сдѣлалось для меня обычною прогулкою. Узнавши объ этомъ, мой хозяинъ растолковалъ это припадкомъ меланхоліи и сталъ уговаривать меня избирать для прогулокъ болѣе веселыя и людныя мѣста. Самъ онъ помѣщался въ одноэтажномъ деревянномъ домѣ, выходившемъ фасадомъ на улицу, а внутри довольно нарядно убранномъ. Студенты были размѣщены въ двухъ флигеляхъ, стоявшихъ во дворѣ; въ одномъ изъ нихъ, состоявшемъ изъ двухъ комнатъ, жило двое студентовъ: Деревицкій и я. Вообще во все время своего студенчества я мало сближался съ товарищами, хотя съ тѣми, съ которыми случай доставилъ возможность быть знакомымъ, находился въ хорошихъ отношеніяхъ. О характерѣ студентской корпораціи того времени можно замѣтить, что она не имѣла крѣпкой солидарности; кромѣ слушанія лекцій не было между студентами взаимныхъ интересовъ и потому не на чемъ было образоваться связи, которая бы привязывала каждаго ко всему кругу товарищей, по принадлежности его къ студентскому званію. Студенты знакомились и дружились между собою по случаю или по особымъ личнымъ сочувствіямъ и потому можно было пробыть въ университетѣ нѣсколько лѣтъ сряду и не быть знакомымъ съ товарищами

одного курса; не говорю уже о студентахъ разныхъ факультетовъ, между которыми не было даже единенія по поводу лекцій. Вообще студентовъ тогдашнихъ, по ихъ склонностямъ и развитію, можно раздѣлить на слѣдующіе разряды: 1) Сынки богатыхъ родителей, обыкновенно помѣщенные ими у профессоровъ и отличавшіеся франтовствомъ и шалопайствомъ; вся цѣль ихъ состояла въ томъ, чтобы какими бы то ни было средствами, хотя бы и недостойными, получить въ свое время дипломъ на степень кандидата или дѣйствительнаго студента; при господствовавшей издавна продажности въ Харьковскомъ университетѣ, это было не трудно: профессоры были снисходительны къ пансіонерамъ своихъ товарищей, такъ какъ у нихъ самихъ были пансіонеры, нуждавшіеся въ протекціи. „Manus manum lavat" (рука руку моетъ) говаривали они по этому поводу. Поболтавшись три года въ Харьковѣ, батюшкинъ или матушкинъ сынокъ получалъ ученую степень, дававшую право на классный чинъ, и потомъ уѣзжалъ въ родительскую берлогу и выхлопатывалъ себѣ какую нибудь должность, напримѣръ, почетнаго смотрителя училищъ, либо депутата въ дворянскомъ собраніи, или что нибудь подобное, чѣмъ какъ извѣстно, была обильна наша старая Русь-матушка, иногда же вступалъ въ военную службу, дѣлался адъютантомъ у какого нибудь генерала, а послуживши нѣсколько, удалялся въ свое имѣніе. 2) Молодые люди, видѣвшіе впереди для себя цѣлью службу; они до извѣстной степени учились порядочно, но прямой любви къ наукѣ у нихъ было мало. Кромѣ медиковъ, которые естественно шли своею дорогою, сюда слѣдуетъ причислить всѣхъ тѣхъ, которые по окончаніи курса шли въ гражданскую службу и стремились въ Петербургъ, который для нихъ былъ, такъ сказать, обѣтованною землею: Харьковскій университетъ доставилъ большой контингентъ всякимъ канцеляріямъ и департаментамъ. 3) Молодые люди, дѣйствительно занимавшіеся наукою съ любовью: изъ нихъ, особенно изъ казеннокоштныхъ, набирались учителя гимназій. Этого рода студенты были, такъ сказать, интеллигенціею университета. Въ тѣ времена между ними господствовала наклонность къ идеализму и въ большой модѣ было заниматься философіей; успѣвшіе познакомиться съ нѣмецкимъ языкомъ, съ жадностью читали нѣ-

мецкихъ философовъ, хотя, по темнотѣ послѣднихъ, не всегда ясно постигали читаемое и увлекались во всевозможныя произвольныя толкованія и системы. Наконецъ, 4) люди не настолько богатые, чтобы помѣщаться у профессоровъ и не настолько трудолюбивые и даровитые, чтобы успѣшно заниматься наукою; они жили и вели себя какъ попало: многіе предавались кутежамъ всякаго рода, иные сидѣли скромно за книгами въ уютныхъ квартирахъ, стараясь пробираться на экзаменахъ вслѣдъ за богатыми пансіонерами; ихъ судьба часто зависѣла отъ случая: иному вывозило и онъ кончалъ курсъ счастливо, другой обрѣзывался на экзаменѣ и долженъ былъ сидѣть лишній годъ въ одномъ курсѣ, жалуясь на несправедливость профессоровъ, выпускавшихъ въ дѣйствительные студенты или кандидаты профессорскихъ пансіонеровъ и строго относившихся къ тѣмъ, у кого не было протекціи. Замѣтимъ, что въ тѣ времена не было между студентами такой поражающей бѣдности, какую мы встрѣчаемъ теперь, быть можетъ, по причинѣ сравнительной дешевизны того времени.

Не смотря на то, что я жилъ у профессора, любовь къ занятіямъ была у меня настолько сильна, что мнѣ не приходилось пользоваться протекціею моего хозяина профессора. Я постоянно сидѣлъ за книгами, не имѣлъ въ городѣ почти никакихъ знакомыхъ и самыхъ товарищей принималъ рѣдко. Такой образъ жизни велъ я до самыхъ рождественскихъ святокъ, когда отправился въ деревню къ матери. Наканунѣ Крещенія, собираясь возвращаться въ Харьковъ, я поѣхалъ въ свой уѣздный городъ взять подорожную и, возвращаясь къ вечеру въ слободу, почувствовалъ себя больнымъ. Пріѣхавши домой, я заболѣлъ оспой и пролежалъ болѣе мѣсяца, а потомъ выздоравливалъ до конца марта. Болѣзнь моя была такъ сильна, что нѣсколько дней боялись смерти или, что еще хуже, слѣпоты. Глаза мои и безъ того уже требовавшіе очковъ для близорукихъ, съ этихъ поръ еще болѣе ослабѣли. 25 марта я пустился въ дорогу еще съ красными пятнами на лицѣ и съ слабыми мускулами; меня останавливали, но мнѣ ни за что не хотѣлось пропустить экзамена и оставаться въ университетѣ лишній годъ. Оказалось, что въ мое отсутствіе разнеслась вѣсть о моей смерти, и какой-то студентъ въ отвѣтъ профессору,

перекликавшему студентовъ на репетицiи и упомянувшему мое имя, заявилъ, что я умеръ, а профессоръ перечеркнулъ въ спискѣ мое имя. Послѣ Святой недѣли я принялся сильно готовиться къ экзамену и въ iюнѣ выдержалъ его. Всѣ отмѣтки были вполнѣ удовлетворительны; я былъ въ увѣренности, что получу степень кандидата за отличiе. Вспомню при этомъ забавный случай, бывшiй съ профессоромъ Паки-де-Совиньи. Такъ какъ этотъ наставникъ, по старому обыкновенiю своему, не преподавалъ никакой науки, а только либеральничалъ въ аудиторiи, то трудно было кому бы то ни было сдавать экзаменъ, изъ преподаваемаго имъ предмета. Заведено было, что предъ экзаменомъ студенты ходили къ нему на домъ брать „лесоны" и платили за каждый по красненькой (10 рублей ассигнацiями); и я отправился къ нему брать лесонъ. Профессоръ даетъ мнѣ свою собственную исторiю литературы и заставляетъ меня прочитать одну страничку, гдѣ помѣщалась рубрика: „De la litterature française sous Henri IV". Я прочелъ и далъ красненькую. „Bien, monsieur: vous aurez *optime*". Но я замѣтилъ ему, что „optime" для меня мало, что для меня нужно „eminenter", потому что если я получу изъ нѣсколькихъ предметовъ optime *), то мнѣ не дадутъ степени кандидата; я же не надѣялся получить eminenter изъ греческаго языка. Профессоръ на это сказалъ: „pour l'eminenter il faut prendre encore une leçon". Я далъ ему еще одну красненькую. Паки-де-Совиньи заставилъ меня прочесть то же самое, что я только что читалъ и обѣщалъ поставить eminenter; но когда я пришелъ на экзаменъ и былъ вызванъ, Пеки де-Совиньи перепуталъ мою фамилiю съ фамилiею другого студента и спросилъ меня „De la litterature française en général". Я прiостановился, а профессора, члены факультета, знавшiе продѣлки француза, поняли въ чемъ дѣло и начали закрывать себѣ рты отъ смѣха. Студенты, сидѣвшiе на скамьѣ сзади меня, также смѣялись. Наконецъ, постоявши немного молча, я началъ говорить ему заданный мнѣ условно урокъ о литературѣ при Генрихѣ IV. Паки де-Совиньи, какъ видно не догадываясь, остановилъ меня и замѣтилъ, что я говорю не то; я, не об-

*) Optime—очень хорошо, eminenter—превосходно.

ращая вниманія, продолжаю заученное, и въ заключеніе профессоръ хотѣлъ писать мнѣ optime, но деканъ факультета, знавшій все это, шепнулъ ему на ухо, и французъ только тогда понялъ свою ошибку и записалъ мнѣ eminenter, насмѣшивши и профессоровъ и студентовъ. Но мнѣ не помогло ничто. Когда я, въ полной увѣренности, что буду кандидатомъ, уѣхалъ домой на вакацію, Артемовскій-Гулакъ написалъ мнѣ, что я не получу степени кандидата, потому что законоучитель, экзаменовавшій меня при переходѣ изъ перваго курса во второй, записалъ мнѣ по предмету богословія „bene“ (хорошо) и такъ какъ при окончательномъ экзаменѣ не спрашивали изъ богословія, то прежде выставленная аттестація служила и при окончательномъ экзаменѣ, а имѣющему хотя одно „bene“ не давалась степень кандидата за отличіе. Нечего было дѣлать; приходилось ѣхать въ Харьковъ и держать особый экзаменъ на степень кандидата.

Послѣ вакацій я отправился снова, помѣстился у того же Артемовскаго-Гулака, но уже на другихъ условіяхъ: онъ отказался брать съ меня деньги за помѣщеніе и предложилъ мнѣ преподавать исторію его сыновьямъ. Въ такомъ положеніи я прожилъ до января 1837 года, когда былъ подвергнутъ экзамену. Случилось странное обстоятельство, показывающе до какой степени соблюденіе формальностей шло въ-разрѣзъ съ здравымъ смысломъ. Казалось бы, если богословіе помѣшало мнѣ получить степень кандидата, то стоило подвергнуть меня экзамену изъ одного богословія; меня, напротивъ того, экзаменовали изо всѣхъ предметовъ, исключая богословія, такъ какъ послѣдняя наука не входила въ программу на степень кандидата. На этомъ же экзаменѣ со мною произошелъ опять забавный случай. Я экзаменовался изъ философіи. Профессоръ этого предмета Протопоповъ давалъ студентамъ свои записки, напичканныя туманными фразами изъ нѣмецкихъ философовъ; были мѣста, въ которыхъ по-русски никакъ нельзя было добраться смысла, и учить его философію было истинное мученіе для студентовъ. Я въ это время уже немного познакомился съ нѣмецкими философами и часто, между товарищами, для потѣхи, говорилъ по русски философскимъ языкомъ совершенную чепуху, показывая, какъ можно, при помощи это-

го философскаго тумана, озадачить другихъ и показаться глубоко-ученымъ именно потому, что слушающій ничего не пойметъ. Будучи увѣренъ, что самъ много-ученый профессоръ не совсѣмъ ясно понималъ то, чему его научили нѣмцы, которыхъ языкъ онъ зналъ съ грѣхомъ пополамъ, я умышленно занесъ ему на экзаменѣ безсмыслицу, уснащивая ее всевозможными „абсолютами, абстрактами“ и тому подобными терминами, бывшими тогда въ модѣ въ философскомъ языкѣ. Протопоповъ выслушалъ со вниманіемъ и записалъ мнѣ—превосходно, воображая, что я вѣрно говорилъ ему то, что̀ прочиталъ въ какой нибудь нѣмецкой книгѣ.

По окончаніи экзамена и получивъ степень кандидата, я уѣхалъ въ деревню и вскорѣ опредѣлился въ Кинбургскій драгунскій полкъ юнкеромъ. Къ этому меня побудило желаніе узнать людей и всякое общество, между прочимъ и военное, мнѣ совершенно неизвѣстное; но нести военную службу мнѣ помѣшало воспрещеніе носить очки въ званіи юнкера и кромѣ того не прошло еще мѣсяца, какъ мнѣ уже стали надоѣдать военныя ученія и тогдашніе военные товарищи, которыхъ крайнюю пустоту я увидѣлъ. Вдобавокъ, въ городѣ Острогожскѣ, гдѣ стоялъ тогда полкъ, былъ очень богатый архивъ уѣзднаго суда, сохранившій всѣ старыя дѣла, бывшаго козачьяго полка со времени основанія города. Я сталъ заниматься этими дѣлами и увлекся этимъ занятіемъ. Это былъ мой первый опытъ въ занятіяхъ русскою исторіею по источникамъ и первою школою для чтенія старыхъ бумагъ. Археологическія занятія стали отвлекать меня отъ военной службы: вахмистръ жаловался на мое нерадѣніе, наконецъ командиръ полка пригласилъ меня къ себѣ и совѣтовалъ оставить военную службу, представляя, что я не одаренъ къ ней никакими способностями и, вѣроятно, принесу болѣе пользы обществу въ другой сферѣ. Я удалился и всецѣло принялся за свою археологію. Поработавъ цѣлое лѣто надъ козачьими бумагами, я составилъ по нимъ историческое описаніе Острогожскаго слободскаго полка, приложилъ къ нему въ спискахъ много важнѣйшихъ документовъ и приготовилъ къ печати; но потомъ задумалъ такимъ же образомъ перебрать архивы другихъ слободскихъ полковъ и составить исторію всей слободской Украины.

Намѣреніе это не приведено было къ концу: мой начатый трудъ со всѣми документами, приложенными въ спискахъ къ моему обзору, попался въ Кіевѣ между прочими бумагами при моей арестаціи въ 1847 году и мнѣ возвращенъ не былъ.

Осенью 1837 года я отправился въ Харьковъ. Чувствуя, что въ моемъ образованіи многое было упущено и желая дополнить его, я принялся прилежно слушать лекціи Лунина, иногда же посѣщалъ лекціи Велицкаго. Исторія сдѣлалась для меня любимымъ до страсти предметомъ; я читалъ много всякаго рода историческихъ книгъ, вдумывался въ науку и пришелъ къ такому вопросу: отчего это во всѣхъ исторіяхъ толкуютъ о выдающихся государственныхъ дѣятеляхъ, иногда о законахъ и учрежденіяхъ, но какъ будто пренебрегаютъ жизнью народной массы? Бѣдный мужикъ земледѣлецъ-труженикъ какъ будто не существуетъ для исторіи; отчего исторія не говоритъ намъ ничего о его бытѣ, о его духовной жизни, о его чувствованіяхъ, способѣ его радостей и печалей? Скоро я пришелъ къ убѣжденію, что исторію нужно изучать не только по мертвымъ лѣтописямъ и запискамъ, а и въ живомъ народѣ. Не можетъ быть, чтобы вѣка прошедшей жизни не отпечатались въ жизни и воспоминаніяхъ потомковъ; нужно только приняться поискать— и вѣрно найдется многое, что до сихъ поръ упущено наукою. Но съ чего начать? Конечно, съ изученія своего русскаго народа; а такъ какъ я жилъ тогда въ Малороссіи, то и начать съ его малорусской вѣтви. Эта мысль обратила меня къ чтенію народныхъ памятниковъ. Первый разъ въ жизни добылъ я малорусскія пѣсни изданія Максимовича 1827 года, великорусскія пѣсни Сахарова и принялся читать ихъ. Меня поразила и увлекла неподдѣльная прелесть малорусской народной поэзіи; я никакъ и не подозрѣвалъ, чтобы такое изящество, такая глубина и свѣжесть чувства были въ произведеніяхъ народа, столько близкаго ко мнѣ и о которомъ я, какъ увидѣлъ, ничего не зналъ. Малорусскія пѣсни до того охватили все мое чувство и воображеніе, что въ какой нибудь мѣсяцъ я уже зналъ наизустъ сборникъ Максимовича, потомъ принялся за другой сборникъ его же, познакомился съ историческими думами и еще болѣе пристрастился къ поэзіи этого народа. Когда же я

прочелъ „Запорожскую Старину“ Срезневскаго и наивно вѣрилъ какъ подлинности помѣщенныхъ тамъ пѣснопѣній, подъ именемъ народныхъ, такъ и историческимъ объясненіямъ издателя этой книги, то книга эта ввела меня въ заблужденіе. Впрочемъ, не меня одного она соблазнила: многіе знатоки и любители народной поэзіи вѣрили въ то, что въ ней выдавалось за народное произведеніе и за историческую истину. При посредствѣ Амвросія Лукьяновича Метлинскаго, съ которымъ сошелся, еще живучи у Артемовскаго-Гулака, гдѣ онъ жилъ въ качествѣ домашняго учителя, я познакомился съ издателемъ „Запорожской Старины“ Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ, тогда уже получившимъ должность адъюнктъ-профессора по статистикѣ въ университетѣ. Знакомство это возымѣло надолго сильное на меня вліяніе. Измаилъ Ивановичъ, въ то время хотя еще очень молодой человѣкъ, былъ глубоко начитанъ, замѣчательно уменъ и съ большимъ жаромъ и охотою къ научному труду. Я сталъ часто посѣщать его, и домъ его сдѣлался для меня любимымъ мѣстомъ отдыха и обмѣна мыслей. И. И. Срезневскій жилъ тогда за Лопанью, въ домѣ Юнкфера, вмѣстѣ съ матерью, женщиною очень развитою, доброю, гостепріимною и хорошею музыкантшею. Хотя спеціальностью его была статистика, но онъ не чуждался изящной литературы и поэзіи, питалъ особенную любовь къ славянскимъ языкамъ и литературамъ, любилъ также малорусскую народность, съ которою имѣлъ случай близко познакомиться, находившись передъ тѣмъ учителемъ у одного помѣщика Екатеринославской губерніи, Подольскаго, недалеко отъ днѣпровскихъ пороговъ. Вообще сближеніе мое съ этимъ человѣкомъ сильно содѣйствовало моему стремленію къ изученію малорусской народности. Въ это время отъ народныхъ малорусскихъ пѣсенъ я перешелъ къ чтенію малорусскихъ сочиненій, которыхъ, какъ извѣстно, было въ то время очень мало. До тѣхъ поръ я не читалъ ни одной малорусской книги, кромѣ Энеиды Котляревскаго, которую еще въ дѣтствѣ, при отцѣ, вздумалъ было читать, но, мало понимая, бросилъ ее. Теперь, вооружившись новыми взглядами, я досталъ повѣсти Квитки, изданныя въ то время подъ псевдонимомъ Грицька Основьяненка. Мое знаніе малорусскаго языка было до того сла-

бо, что я не могъ понять „Солдатскаго Портрета“, и очень досадовалъ, что не было словаря; за неимѣніемъ послѣдняго, служилъ мнѣ мой слуга, уроженецъ нашей слободы по имени Ѳома Голубченко, молодой парень лѣтъ шестнадцати. Кромѣ того, гдѣ только я встрѣчался съ коротко знакомыми малороссами, то безъ церемоніи осаждалъ ихъ вопросами: что значитъ такое-то слово, или такой-то оборотъ рѣчи. Въ короткое время я перечиталъ все, что только было печатнаго по малорусски, но этого мнѣ казалось мало; я хотѣлъ поближе познакомиться съ самымъ народомъ не изъ книгъ, но изъ живой рѣчи, изъ живого обращенія съ нимъ. Съ этою цѣлью я началъ дѣлать этнографическія экскурсіи изъ Харькова по сосѣднимъ селамъ, по шинкамъ, которые въ то время были настоящими народными клубами. Я слушалъ рѣчь и разговоры, записывалъ слова и выраженія, вмѣшивался въ бесѣды, распрашивалъ о народномъ житьѣ-бытьѣ, записывалъ сообщаемыя мнѣ извѣстія и заставлялъ себѣ пѣть пѣсни. На все это я не жалѣлъ денегъ, и если не давалъ ихъ прямо въ руки, то кормилъ и поилъ своихъ собесѣдниковъ. Зимою съѣздилъ я изъ Харькова въ Полтаву, осмотрѣлъ городъ и посѣтилъ его окрестности. Тогда же обозрѣлъ я поле сраженія со шведами, сходилъ на шведскую могилу, гдѣ стоялъ крестъ, съ написанными на немъ словами, произнесенными Петромъ Великимъ въ день Полтавской битвы: „а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія, слава, честь и благосостояніе ваше“. Прямо противъ могилы находился шинокъ, содержимый евреемъ. Заѣхавши туда, я встрѣтилъ старика, служившаго нѣкогда, какъ онъ говорилъ, въ ополченіи 1812 года. Этотъ старикъ повелъ меня къ огромному дубу, подъ которымъ, по преданію, отдыхалъ Петръ послѣ Полтавской битвы. Оттуда проѣхалъ я въ Диканку, имѣніе Кочубея. Меня влекло туда то обстоятельство, что въ то время я началъ писать драму, которой сюжетъ составляла извѣстная исторія Матрены Кочубей. Въ Диканкѣ священникъ показалъ мнѣ рубашку съ кровавыми пятнами, снятую съ тѣла Василія Леонтьевича Кочубея въ день его мученической смерти. Эту вещь хранили потомки какъ святыню, но никакихъ преданій, относящихся къ трагическому событію, тогда меня занимавше-

му, я не услыхалъ. Въ Диканкѣ случилось со мною происшествіе, характерное какъ черта народныхъ пріемовъ малороссовъ. Я пріѣхалъ въ село поздно и нигдѣ не могъ допроситься ночлега; между тѣмъ, морозъ былъ жестокій, приходилось замерзать на улицѣ, и я обратился къ сельскому начальству съ просьбою доставить мнѣ какой-нибудь пріютъ. Сельскій старшина отвелъ мнѣ помѣщеніе въ хатѣ одного крестьянина, но меня упорно не хотѣли пускать и только при настояніи начальства должны были пустить. Хозяинъ, лежа на печи, ворчалъ; хозяйка смотрѣла на меня исподлобья и ни за что не хотѣла разложить огня и сварить мнѣ яицъ; но, расположившись противъ ихъ воли въ ихъ хатѣ, я пытался разговориться съ непривѣтливымъ хозяиномъ, и это мнѣ удалось не иначе, какъ послѣ долгаго упрямства съ его стороны. Мало-по-малу онъ разговорился и дѣло кончилось тѣмъ, что мы съ нимъ подружились и сама суровая хозяйка стала радушною, гостепріимною. Уже было около полуночи и сами хозяева предложили развести огонь и сварить мнѣ варениковъ. Вдобавокъ у хозяина нашлась водка; мы съ нимъ выпили и закусили, а на другой день хозяева стали ко мнѣ еще услужливѣе и при выѣздѣ изъ села прощались дружески и просили не забывать ихъ, если мнѣ случится быть въ Диканкѣ.

О прошедшей исторіи Малороссіи я имѣлъ свѣдѣнія преимущественно по Бантышу-Каменскому. Не смотря на малое знакомство мое съ малорусскою рѣчью и народностію, я задумалъ писать по-малорусски и началъ составлять стихи, которые впослѣдствіи явились въ печати подъ названіемъ „Украинскихъ балладъ". Когда я пробовалъ читать мои произведенія знакомымъ малоруссамъ, бывшимъ своимъ товарищамъ, то встрѣтилъ очень неодобрительные отзывы; одни смѣялись надъ моимъ малознаніемъ и указывали мнѣ промахи, другіе поднимали на смѣхъ самую идею писать на малорусскомъ языкѣ. Замѣчательно, что Амвросій Лукьяновичъ Метлинскій, который самъ впослѣдствіи писалъ и печаталъ по-малорусски, былъ въ числѣ противниковъ моихъ идей о малорусскомъ писательствѣ. Я не поддавался ничему и напротивъ увлеченіе болѣе и болѣе овладѣвало мною.

Въ февралѣ 1838 года я принялся писать драматическое

произведеніе и въ теченіе трехъ недѣль сотворилъ „Саву Чалаго", взявши содержаніе изъ извѣстной народной пѣсни, но сдѣлалъ большую историческую ошибку, произвольно отнесши событіе, воспѣваемое въ этой пѣснѣ, къ первой половинѣ XVII вѣка, тогда какъ оно относилось къ первой половинѣ XVIII-го. Когда я прочелъ своего „Саву Чалаго" И. И. Срезневскому въ присутствіи нѣсколькихъ знакомыхъ малоруссовъ, онъ очень похвалилъ мое произведеніе, а другіе находили въ немъ разные промахи.

Вслѣдъ затѣмъ, не печатая своихъ малорусскихъ произведеній, раннею весною 1838 года, я отправился въ Москву вмѣстѣ съ Метлинскимъ, получившимъ какую-то командировку по должности библіотекаря, которую онъ занималъ въ Харьковскомъ университетѣ. Пребываніе мое въ Москвѣ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Я слушалъ университетскія лекціи тамошнихъ профессоровъ и имѣлъ намѣреніе держать экзаменъ на степень магистра русской словесности; но отложивши этотъ планъ на будущее время, въ началѣ лѣта отправился вмѣстѣ съ Метлинскимъ въ Воронежскую губернію, пробылъ недѣли двѣ у матери; потомъ, проводивши отъ себя Метлинскаго, остался въ слободѣ и съ жаромъ принялся учиться нѣмецкому языку, въ которомъ чувствовалъ себя малознающимъ. Я занимался очень прилежно все лѣто, выучилъ всю грамматику и цѣлый словарь, такъ что могъ утѣшать себя, раскрывая на удачу книгу и повѣряя знаніе нѣмецкихъ словъ, встрѣчающихся въ словарѣ. Вооружившись такимъ пріобрѣтеніемъ, я сталъ читать Гёте и въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ прочелъ его всего въ парижскомъ изданіи въ 8 въ два столбца. То же сдѣлалъ я и съ сочиненіями Шиллера.

Между тѣмъ наступала осень; я снова отправился въ Харьковъ и принялся печатать своего „Саву Чалаго". Печатаніе протянулось почти всю зиму, а я въ это время учился по-польски у одного студента и по-чешски—самоучкой, причемъ тогда же перевелъ малорусскими стихами старо-чешскія стихотворенія, извѣстныя тогда подъ именемъ Краледворской рукописи.

За „Савой Чалымъ" я отдалъ въ печать и свои стихотворенія, давши имъ общее названіе украинскихъ балладъ, названіе, невполнѣ подходившее къ содержанію всѣхъ по-

мѣщенныхъ тамъ стихотвореній. Обѣ книги, послѣ всѣхъ цензурныхъ мытарствъ, явились въ свѣтъ весною 1839 года. Любовь къ малорусскому слову болѣе и болѣе увлекала меня; мнѣ было досадно, что такой прекрасный языкъ остается безъ всякой литературной обработки и сверхъ того подвергается совершенно незаслуженному презрѣнію. Я повсюду слышалъ грубыя выходки и насмѣшки надъ хохлами не только отъ великоруссовъ, но даже и отъ малоруссовъ высшаго класса, считавшихъ дозволительнымъ глумиться надъ мужикомъ и его способомъ выраженія. Такое отношеніе къ народу и его рѣчи мнѣ казалось униженіемъ человѣческаго достоинства, и чѣмъ чаще встрѣчалъ я подобныя выходки, тѣмъ сильнѣе пристращался къ малорусской народности. Ѣздя изъ Харькова въ свое имѣніе и обратно въ Харьковъ, я по дорогѣ завелъ себѣ въ разныхъ мѣстахъ знакомыхъ поселянъ, къ которымъ заѣзжалъ и при ихъ помощи сходился съ народомъ. При этомъ я записывалъ множество пѣсенъ и разныхъ свѣдѣній о народныхъ обрядахъ и обычаяхъ.

Лѣтомъ 1839 года начался со мною рядъ несчастій, значительно подорвавшихъ мое здоровье. Вмѣстѣ съ И. И. Срезневскимъ и нѣсколькими знакомыми изъ бывшихъ моихъ товарищей и молодыхъ профессоровъ, я былъ въ женскомъ монастырѣ Хорошевѣ, въ 18 верстахъ отъ Харькова, окруженномъ красивою рощею. Мы пробыли тамъ двое сутокъ и лунныя ночи проводили на воздухѣ; вслѣдствіе этого я схватилъ горловую болѣзнь и, возвратившись въ Харьковъ, обратился къ неизвѣстному мнѣ медику, жившему въ одномъ дворѣ со мною. До тѣхъ поръ въ Харьковѣ я никогда не болѣлъ и потому не запасся постояннымъ врачомъ: тотъ же, которому я себя ввѣрилъ, былъ отъявленный шарлатанъ и осмотрѣвши меня, нашелъ во мнѣ какія-то ужасныя болѣзни, страшно напугалъ меня и началъ пичкать лекарствами, приказавши мнѣ сидѣть дома на строжайшей діэтѣ. Черезъ четыре дня зашелъ ко мнѣ случайно одинъ молодой докторъ, преподававшій въ университетѣ и увидя, что я сижу въ духотѣ, сталъ распрашивать, а когда я ему сообщилъ то, что̀ мнѣ наговорилъ мой эскулапъ, онъ расхохотался, увѣрилъ меня, что я дѣлаюсь предметомъ эксплоатаціи для шарлатана и убѣдилъ бросить

всѣ лекарства, покинуть назначенную мнѣ строгую діэту и вмѣстѣ съ нимъ идти гулять въ садъ. Я послушался, пошелъ въ садъ, а оттуда, желая болѣе разсѣять меня отъ внушенныхъ страховъ, онъ пригласилъ меня въ ресторацію, гдѣ мы вмѣстѣ поужинали и выпили вина. На другой день мой эскулапъ, узнавши объ этомъ, сказалъ мнѣ: „ну, теперь вы пропали; черезъ мѣсяцъ увидите что̀ съ вами будетъ!“ Это запало мнѣ въ воображеніе.

Со мною долго не было ничего дурного и я отправился въ свое имѣніе; но какъ только кончился мѣсяцъ и наступилъ роковой срокъ, назначенный эскулапомъ, такъ мнѣ начали представляться самые возмутительные болѣзненные признаки. Я обратился къ одному полковому врачу, который мнѣ сказалъ то же, что и харьковскій профессоръ. Недовольный этимъ, я прибѣгнулъ къ совѣту другого врача— и тотъ сказалъ мнѣ то же. Я обратился къ третьему, который нашелъ у меня такія же болѣзни, какъ и харьковскій эскулапъ. Тутъ уже ничто не могло побѣдить моей мнительности; я поторопился въ Харьковъ, началъ обращаться то къ одному, то къ другому изъ медицинскихъ профессоровъ, наконецъ одинъ изъ нихъ принялся лечить меня и поручилъ наблюдать за мною какому-то студенту изъ евреевъ. Попринимавши пилюли съ мѣсяцъ, я узналъ, что мнѣ не давали лекарствъ, а считая болѣзнь мою плодомъ воображенія, пичкали совершенно невинными средствами. Мнительность опять одолѣла меня. Я еще разъ обратился къ новому врачу, который уже началъ меня лечить дѣйствительно. Отъ его леченія не произошло ничего. Мнѣ все казалось, что я боленъ. Весною 1840 года, готовясь къ экзамену на степень магистра, я обратился еще къ одному медику, который закатилъ мнѣ такую кладь, что послѣ нея у меня сдѣлались частыя головныя боли. Наконецъ я пересталъ лечиться, испытавши, что ничто не помогаетъ тѣмъ недугамъ, которые мнѣ тогда представлялись.

Все лѣто 1840 года я провелъ въ Харьковѣ, занимаясь исторіей, съ цѣлью держать экзаменъ на степень магистра, сидѣлъ буквально дни и ночи и наконецъ подалъ прошеніе о допущеніи меня къ экзамену, и въ то же время печатался новый сборникъ моихъ украинскихъ стихотвореній подъ названіемъ „Вѣтка“. Меня позвали въ засѣданіе 24

ноября. Профессоръ Лунинъ экзаменовалъ меня изъ всеобщей исторіи очень строго; испытаніе продолжалось часъ и три четверти; я выдержалъ счастливо. Затѣмъ Артемовскій-Гулакъ экзаменовалъ меня изъ русской исторіи до такой степени поверхностно, что я могъ бы, не прочитавши ни одной книги, отвѣчать на его вопросы. Черезъ десять дней позвали меня снова на экзаменъ изъ прибавочныхъ предметовъ: политической экономіи и статистики. Изъ первой экзаменовалъ меня Сокальскій, изъ второй—мой товарищъ по студентству Рославскій. Изъ обоихъ предметовъ я отвѣчалъ удовлетворительно. За экзаменомъ слѣдовало письменное испытаніе; меня заставили во время засѣданія совѣта въ университетскомъ залѣ сочинить два разсужденія на заданныя темы, одно по всеобщей, другое по русской исторіи. Во время писанія я случайно былъ свидѣтелемъ чрезвычайно скандальной сцены. Въ засѣданіи совѣта профессоръ Лунинъ сцѣпился съ Артемовскимъ-Гулакомъ и наговорилъ ему такихъ рѣзкихъ, обличительныхъ замѣчаній, что мнѣ показалось страннымъ, какъ Артемовскій-Гулакъ могъ отбиваться отъ него своею обычною, высокопарною риторикою. Наконецъ, замѣтивши мое присутствіе и находя неумѣстнымъ допускать посторонняго свидѣтеля такимъ семейнымъ сценамъ въ ученомъ сословіи, мнѣ велѣли уйти въ другую комнату. Мои письменные отвѣты были признаны удовлетворительными и мнѣ дозволили писать и представить диссертацію на избранную мною самимъ тему. Я избралъ о значеніи уніи въ исторіи западной Руси и весною 1841 года подалъ написаную диссертацію въ факультетъ. Отдавши свое сочиненіе на разсмотрѣніе, я отправился въ Крымъ для морскаго купанья, такъ какъ, по совѣту врачей, недавніе изобильные пріемы лекарствъ и усиленная головная работа, по приготовленію къ магистерскому экзамену, требовали поправленія моего здоровья.

По возвращеніи въ Харьковъ я узналъ, что моя диссертація утверждена факультетомъ, но не всѣми ея членами. Ее не нашли достойною Артемовскій-Гулакъ и профессоръ Протопоповъ. Первый изъ нихъ находилъ, что самое заглавіе ея, по близости къ современнымъ событіямъ, не должно служить предметомъ для ученой диссертаціи; но какъ большинство членовъ утвердило ее, то она была признана, и я

началъ ее печатать. Въ это время я сблизился съ цѣлымъ кружкомъ молодыхъ людей, также какъ и я преданныхъ идеѣ возрожденія малорусскаго языка и литературы; это были: Корсунъ, молодой человѣкъ, воспитанникъ Харьковскаго университета, родомъ изъ Таганрога, сынъ довольно зажиточнаго помѣщика;—Петренко, бѣдный студентъ, уроженецъ Изюмскаго уѣзда, молодой человѣкъ меланхолическаго характера, въ своихъ стихахъ всегда почти обращавшійся къ мѣсту своей родины, къ своимъ семейнымъ отношеніямъ; Щоголевъ, студентъ университета, молодой человѣкъ съ большимъ поэтическимъ талантомъ, къ сожалѣнію, рано испарившимся; его живое воображеніе чаще всего уносилось въ старую козацкую жизнь; Кореницкій, сельскій дьяконъ: въ его стихотворной поэмѣ „Вечерници" замѣтна сильная склонность къ сатирѣ и вліяніе „Энеиды" Котляревскаго; самое его произведеніе написано тѣмъ же размѣромъ и складомъ, какъ „Энеида";—наконецъ, семинаристъ Писаревскій, сынъ священника, уже писавшаго по-малорусски и издавшаго драму „Купала на Ивана": этотъ молодой человѣкъ владѣлъ хорошо языкомъ, стихъ его былъ правиленъ и звученъ, но большого творческаго таланта онъ не показывалъ. Корсунъ затѣялъ изданіе малорусскаго сборника („Снипъ") и наполнилъ его стихами, какъ собственными, такъ и своихъ сотрудниковъ; самому издателю принадлежали стихотворные разсказы, взятые изъ народнаго вымысла о хожденіи Христа съ апостоломъ Петромъ по свѣту и о разныхъ приключеніяхъ, происходившихъ съ ними; разсказы переданы вѣрно, но цензура не дозволила печатать именъ Христа и апостола Петра, и Корсунъ долженъ былъ замѣнить ихъ именами „Билбога и Юрка". Я помѣстилъ тамъ переводъ нѣскольких еврейскихъ мелодій Байрона и трагедію „Переяславська ничъ", написанную пятистопнымъ ямбомъ безъ риѳмъ, не разбивая на дѣйствія, со введеніемъ хора, что придавало ей видъ подражанія древней греческой трагедіи. Сюжетъ трагедіи взятъ изъ эпохи Хмельницкаго при самомъ началѣ его возстанія, но мнѣ значительно повредило довѣріе, оказанное такимъ мутнымъ источникамъ, какъ „Исторія Руссовъ" Конисскаго и „Запорожская Старина" Срезневскаго; кромѣ того я уклонился отъ строгой сообразности съ условіями вѣка, который взялся изо-

бражать и впалъ въ напыщенность и идеальность, развивши въ себѣ послѣднюю подъ вліяніемъ Шиллера. Вслѣдъ затѣмъ явился другой дѣятель по части возрождающейся малорусской словесности: то былъ нѣкто Бецкій, пріѣхавшій въ Харьковъ изъ Москвы. Онъ началъ готовить сборникъ, который предполагалъ наполнить статьями, писанными по-малорусски, или относящимися къ Малороссіи. Познакомившись со мною, онъ заявилъ доброе желаніе собрать воедино разсѣянныя силы духовныхъ дѣятелей и направить ихъ къ тому, что имѣло бы мѣстный этнографическій и историческій интересъ. Я обрадовался такому появленію, видя въ этомъ зарю того литературнаго возрожденія, которое давно уже стало моею любимою мечтою. Въ это время я познакомился съ Григоріемъ Ѳедоровичемъ Квиткою и сталъ довольно часто ѣздить къ нему въ село Основу, вблизи Харькова, гдѣ онъ жилъ въ имѣніи своего брата сенатора, занимая небольшой домикъ, стоявшій отдѣльно отъ господскихъ построекъ. Я очень полюбилъ этого старика, искреннимъ сердцемъ любившаго свою народность; равнымъ образомъ его жена сдѣлала на меня пріятное впечатлѣніе: она не была уроженкой Малороссіи, но отзывалась не иначе какъ съ большою любовью обо всемъ малорусскомъ. Иногда я ѣздилъ къ нему съ Бецкимъ, иногда съ Корсуномъ. То было время самаго большого развитія таланта Квитки, поступившаго въ малорусскіе писатели уже около шестидесяти лѣтъ отъ рожденія. Кромѣ повѣстей, изданныхъ въ двухъ частяхъ, онъ готовилъ къ печати третью часть, гдѣ, какъ и въ первыхъ двухъ, предполагалось помѣстить три повѣсти. Одна изъ этихъ предполагаемыхъ повѣстей „Сердешна Оксана" явилась въ альманахѣ „Ластивка", напечатанная Гребенкою въ Петербургѣ; другая—„Покоти-поле" отдана была Бецкому и третья—„Божьи Дити", напечатана въ переводѣ въ „Современникѣ", а по-малорусски никогда не выходила. Кромѣ того у Квитки была въ то время въ рукописи большая повѣсть „Щира Любовь", изъ которой онъ составилъ драматическое произведеніе, игранное на Харьковскомъ театрѣ и напечатанное въ позднѣйшемъ изданіи сочиненій Квитки. Была у него шуточная комедія подъ названіемъ „Бой-жинка", которой содержаніе взято имъ изъ народной сказки и состоитъ въ томъ, что жена дурачитъ и проводитъ ревни-

ваго и глуповатаго мужа. Пьеса эта, какъ и „Щира Любовь", игралась когда-то на Харьковскомъ театрѣ, но большого успѣха не имѣла.

Независимо отъ этого круга украинскихъ дѣятелей, я имѣлъ кругъ другихъ близкихъ знакомыхъ. И. И. Срезневскаго долго не было въ Харьковѣ; онъ былъ за-границею, куда отправился для изученія словянскихъ языковъ; изъ другихъ близкихъ со мною личностей, принадлежавшихъ къ университетскому кругу, я вспомню профессора Александра Петровича Рославскаго-Петровскаго, съ которымъ я проживалъ нѣсколько лѣтъ на одной квартирѣ и держалъ съ нимъ общій столъ. Въ то время онъ читалъ статистику, уже послѣ моего отъѣзда изъ Харькова взялся за исторію, былъ нѣсколько времени ректоромъ и скончался не въ очень старыхъ лѣтахъ. Это былъ человѣкъ съ большою начитанностью, огромною памятью, но лѣнивый, разсѣянный, и преданный карточной игрѣ, за-то очень добросовѣстный и правдивый. А. Л. Метлинскій читалъ въ то время русскую словесность; онъ былъ очень трудолюбивъ, но не талантливъ и притомъ болѣзненъ, страдалъ грудью и говорилъ тихо и вяло. Какъ профессоръ онъ не пользовался большимъ уваженіемъ. Прежде постоянно споривщій со мною противу моихъ идей объ украинской литературѣ, онъ, наконецъ, поддался той же идеѣ, сталъ писать малорусскіе стихи и напечаталъ ихъ подъ псевдонимомъ Амвросія Могилы, назвавши свой сборникъ: „Думки и писни, та еще де що". Стихи его казались хорошими, плавными, но творческаго таланта за ними не признавали. Къ такимъ же близкимъ знакомымъ надобно причислить Поликарпа Васильевича Тихановича, бывшаго тогда учителемъ латинскаго языка въ первой гимназіи, человѣка трудолюбиваго, отлично знающаго какъ латинскую, такъ и греческую словесность и превосходнаго педагога. Послѣдній, хотя былъ со мною постоянно друженъ, но оставался совершенно холоденъ къ украинской народности и, занятый своимъ антическимъ міромъ, какъ будто ни во что не ставилъ все современное. Это былъ классикъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Впослѣдствіи онъ былъ профессоромъ въ университетѣ и въ настоящее время занимаетъ должность директора той гимназіи, въ которой началъ свое учительство.

Въ 1842 году, въ то время, какъ я готовилъ кое-что для Бецкаго въ предполагаемый сборникъ, печаталась моя диссертація и на шестой недѣлѣ поста, назначено было ея защищеніе. Въ это же время перевели куда-то Харьковскаго архіепископа Смарагда, и вмѣсто него прибылъ въ Харьковъ архіереемъ знаменитый духовный ораторъ Иннокентій Борисовъ. Ко мнѣ пріѣзжаетъ деканъ историко-филологическаго факультета Валицкій и сообщаетъ, что Иннокентій, узнавши о моей диссертаціи, выразилъ какое-то неудовольствіе и неодобреніе; затѣмъ Валицкій совѣтуетъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ архіерею, поднести ему экземпляръ моей диссертаціи и въ разговорѣ провѣдать, въ чемъ состоитъ его недовольство. Мы поѣхали. Иннокентій сказалъ, что уже читалъ ее и замѣтилъ нѣсколько мѣстъ, о которыхъ можетъ сказать, что лучше было бы, если бы ихъ не было. На одно мѣсто указалъ онъ, гдѣ о спорѣ константинопольскаго патріарха съ папою было сказано, что властолюбіе іерарховъ посѣяло вражду и раздвоеніе въ миролюбивой церкви Христовой. Это показалось архіерею несправедливымъ; о папѣ можно такъ говорить, но о патріархѣ не слѣдуетъ. Въ другомъ мѣстѣ его непріятно задѣло то, что я напомнилъ о безнравственности духовенства въ западной Руси предъ уніей, о тяжелыхъ поборахъ, которые бралъ съ русскихъ Константинопольскій патріархъ; наконецъ не понравилось ему и то, что я выразился, что унія принесла отрицательную пользу православію именно потому, что возбудила противъ себя оппозицію, которая произвела Петра Могилу и всю его преобразовательную реформу. Я началъ доказывать историческую справедливость моихъ мнѣній, а Валицкій спросилъ Иннокентія, какъ понимать его возраженія, въ цензурномъ или же только въ ученомъ смыслѣ. Иннокентій сказалъ, что единственно въ ученомъ, а никакъ не въ цензурномъ. Тогда, отвѣчалъ Валицкій, дефенденту предоставляется защищать свои положенія на каѳедрѣ во время защиты. Тѣмъ и кончилось первое свиданіе. Иннокентій, увидѣвши меня потомъ въ церкви, пригласилъ меня къ себѣ и началъ толковать снова, совѣтуя мнѣ послѣ защищенія диссертаціи ѣхать въ Петербургъ и посвятить свои труды на болѣе дѣльную и ученую разработку вопроса объ уніи. Я сказалъ, что намѣ-

ренъ заниматься другимъ, но съ той поры сталъ бывать у архіерея, который вообще былъ человѣкъ разносторонне образованный и очень пріятный въ бесѣдѣ, не говоря уже о его проповѣднической дѣятельности, которая, съ его пріѣзда, вдругъ оживила Харьковъ. Толпы публики всякаго званія и воспитанія стекались въ церковь къ его служенію и я также не упускалъ случая слушать его проповѣди, произносимыя съ признаками большого таланта.

Между тѣмъ наступалъ день защищенія моей диссертаціи. Наканунѣ этого дня является прибитое къ стѣнамъ университета объявленіе, въ которомъ говорится, что по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ защищеніе диссертаціи Костомарова отлагается на неопредѣленное время. Деканъ факультета, на мой вопросъ объ этомъ, сообщилъ мнѣ, будто Иннокентій написалъ какую-то бумагу помощнику попечителя, въ которой предлагаетъ остановить мое защищеніе до сношенія съ министромъ. Такъ какъ тогдашній попечитель графъ Головкинъ былъ очень старъ и не занимался дѣлами, то все управленіе дѣлами округа находилось въ рукахъ его помощника князя Цертелева. Я отправился къ нему и узналъ, что дѣйствительно Иннокентій сдѣлалъ такое заявленіе. Я обратился къ Иннокентію. Архіерей сказалъ мнѣ, что онъ не имѣетъ противъ меня ничего въ цензурномъ отношеніи, а только готовится оспаривать меня ученымъ образомъ. Я видѣлъ въ словахъ архіерея скрытность. Прошло между тѣмъ болѣе мѣсяца; меня извѣстили, что министръ народнаго просвѣщенія, которымъ былъ тогда графъ Сергѣй Семеновичъ Уваровъ, прислалъ написанный профессоромъ Устряловымъ разборъ моей диссертаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ уничтожить всѣ экземпляры, которые были напечатаны, а мнѣ дозволить писать иную диссертацію. Такъ какъ кромѣ профессоровъ и короткихъ знакомыхъ, я не успѣлъ ее пустить въ публичную продажу, то мнѣ поручили самому объѣздить всѣхъ тѣхъ, у кого находилась или могла найтись моя диссертація, отобрать всѣ экземпляры и представить въ совѣтъ университета для сожженія. Все это я сдѣлалъ; но большая часть профессоровъ, къ которымъ я ѣздилъ, отговорились неимѣніемъ у себя экземпляровъ подъ разными предлогами и вмѣсто ста экземпляровъ, которые были розданы, мнѣ удалось

возвратить въ правленіе менѣе двадцати. Всѣ возвращенные были преданы огню. Я былъ въ полной увѣренности, что все это дѣло Иннокентія и въ такой увѣренности оставался очень долго; въ Петербургѣ же въ шестидесятыхъ годахъ мнѣ говорили занимавшіеся архивными дѣлами въ министерствѣ Уварова, что не Иннокентій былъ причиною сожженія моей диссертаціи, а одинъ изъ Харьковскихъ профессоровъ, пославшій на меня извѣтъ министру. Однако изъ біографіи Иннокентія, напечатанной въ „Русской Старинѣ" 1878 года, оказывается главное участіе преосвященнаго Иннокентія въ тогдашнемъ задержаніи моей диссертаціи. Будучи въ то время убѣжденнымъ въ виновности Иннокентія, я однако не прекратилъ съ нимъ знакомства; онъ говорилъ мнѣ, что ни мало не причастенъ въ этомъ дѣлѣ, былъ со мною постоянно ласковъ и приглашалъ къ себѣ. Такъ было до моего выѣзда изъ Харькова.

Мнѣ позволили писать новую диссертацію и я выбралъ тему: „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи". Предметъ этотъ былъ давно уже близокъ моему сердцу; уже нѣсколько лѣтъ я записывалъ народныя пѣсни и у меня ихъ накопилось довольно. Теперь-то я предположилъ провести мою задушевную мысль объ изученіи исторіи на основаніи народныхъ памятниковъ и знакомства съ народомъ, его преданіями, обычаями и способомъ выраженія мыслей и чувствованій. Я подалъ свою тему въ факультетъ и тотчасъ встрѣтилъ неодобрительныя отношенія къ ней нѣкоторыхъ лицъ. Профессоръ философіи Протопоповъ первый не одобрилъ ее и находилъ, что такой предметъ, какъ мужицкія пѣсни, унизителенъ для сочиненія, имѣющаго цѣлью пріобрѣтеніе ученой степени; но всего страннѣе покажется, что противъ этой темы былъ и Артемовскій-Гулакъ, несмотря на то, что по правдѣ считался лучшимъ знатокомъ малорусской народности, какъ это и доказывали его собственныя малорусскія сочиненія. Онъ писалъ ихъ еще въ молодости, въ концѣ 20-хъ годовъ, а потомъ совершенно оставилъ этотъ родъ занятій до глубокой старости, когда опять написалъ нѣсколько малорусскихъ стихотвореній, но уже съ меньшими признаками таланта. Однимъ изъ превосходнѣйшихъ его малорусскихъ произведеній была басня „Панъ та собака", явно обличавшая темныя стороны тогдаш-

няго крѣпостного права. По поводу этого сочиненія, кто-то, желая подсмѣяться надъ нимъ, какъ бы въ пародію того, что говорилось нѣкогда о Херасковѣ по поводу его поэмъ, написалъ такое четверостишіе:

„Пускай въ Зоилѣ сердце поетъ,
Но Гулаку оно вреда не нанесетъ,
Рябко его хвостомъ покроетъ
И въ храмъ безсмертія введетъ".

Написанное въ насмѣшку, мимо желанія автора насмѣшки, сдѣлалось лучшею оцѣнкою и похвалою поэтическаго таланта Гулака-Артемовскаго. Старавшись цѣлый вѣкъ играть какую-нибудь роль, какъ профессоръ русской исторіи, какъ ректоръ университета и какъ попечитель двухъ женскихъ институтовъ—онъ не достигъ своей цѣли: онъ не пріобрѣлъ ни знаменитости, ни памяти потомства на этомъ поприщѣ, но остался безсмертенъ какъ народный малорусскій поэтъ; никто не превзошелъ его въ знаніи всѣхъ изгибовъ малорусской народности и въ неподражаемомъ искусствѣ передавать ихъ поэтическими образами и превосходнымъ народнымъ языкомъ. А между тѣмъ во всю свою жизнь онъ и не подозрѣвалъ—въ чемъ дѣйствительно могъ быть онъ выше всѣхъ и пріобрѣсти знаменитость какъ литераторъ! Свои малорусскія стихотворенія писалъ онъ ради шутки и считалъ ихъ не болѣе какъ шуткою. Артемовскій-Гулакъ, какъ поэтъ и человѣкъ, былъ иное лицо, чѣмъ профессоръ. Вѣрный старымъ предразсудкамъ, онъ не понималъ, что исторія, какъ наука, обязана заниматься болѣе народною жизнью, чѣмъ внѣшними событіями. Протестъ Артемовскаго-Гулака былъ, однако, не настойчивъ и когда я подалъ свою диссертацію уже написанную, онъ былъ въ числѣ утвердившихъ ее. Профессоръ Протопоповъ, напротивъ, продолжалъ оставаться при прежнемъ взглядѣ и выразился, что считаетъ даже неприличнымъ ходить на защищеніе такой диссертаціи.

Съ цѣлью увеличить средства къ жизни, которыя оказывались недостаточными отъ присылокъ изъ материнскаго имѣнія, я началъ искать себѣ службы и опредѣлился въ должность помощника инспектора студентовъ въ Харьковскомъ университетѣ. Помощниковъ было пять и мнѣ при-

ходилось не болѣе одного раза въ недѣлю ходить на дежурство въ корпусъ казеннокоштныхъ студентовъ и пробывать тамъ цѣлыя сутки, отъ утра одного дня до утра другого; все остальное время я употреблялъ на писаніе своей диссертаціи. Въ это время я квартировалъ вмѣстѣ съ профессоромъ Рославскимъ-Петровскимъ въ домѣ Альбовской, недалеко отъ театра; но квартира моя, находясь въ нижнемъ этажѣ, оказалась сырою и нездоровою; тѣмъ не менѣе я пробылъ въ ней всю осень и зиму. При этомъ я считаю нелишнимъ вспомнить о тогдашнемъ театрѣ въ Харьковѣ. Еще ранѣе, до 1840 года, театръ помѣщался въ деревянномъ зданіи, на длинной площади, носившей названіе Театральной. Труппу содержалъ сначала Штейнъ, а потомъ передалъ ее Млотковскому. Съ 1840 года театръ сталъ помѣщаться во вновь отстроенномъ каменномъ зданіи, на другомъ концѣ той же площади и находился подъ завѣдываніемъ дирекціи. Во все продолженіе времени пребыванія моего въ Харьковѣ, я довольно часто посѣщалъ спектакли, а во время моей службы помощникомъ инспектора, даже по обязанности долженъ былъ часто бывать въ нихъ. Харьковскій театръ во всѣ извѣстные мнѣ годы не лишенъ былъ появлявшихся на его сценѣ болѣе или менѣе даровитыхъ актеровъ и актрисъ. Между ними стоитъ вспомнить Млотковскую, прекрасно игравшую въ комедіяхъ и водевиляхъ, но иногда не безъ успѣха бравшуюся и за драматическія роли. Соленикъ былъ артистъ, который занималъ бы блестящее мѣсто и на столичной сценѣ и держался въ Харьковѣ единственно потому, что былъ харьковскій домовладѣлецъ и вступилъ на сцену изъ любви къ искусству. Онъ былъ превосходенъ во всякихъ комическихъ роляхъ и нѣсколько напоминалъ московскаго Шумскаго, появившагося на сценѣ въ болѣе позднее время. Не лишенъ былъ дарованія и Домбровскій, также комическій актеръ, особенно отличавшійся въ малорусскихъ роляхъ. Надобно отдать честь режиссерамъ харьковской сцены, что пьесы, назначаемыя для представленій, брались большею частію сообразно мѣстнымъ условіямъ театра; не рѣшались представлять того, что, по средствамъ театра, трудно было поставить надлежащимъ образомъ, какъ это обыкновенно дѣлалось въ провинціальныхъ театрахъ другихъ городовъ, гдѣ

нипочемъ казалось угощать публику такими спектаклями, которые и по декораціямъ, и по музыкѣ, и, наконецъ, по костюмамъ и искусству артистовъ не подходили къ провинціальной сценѣ.

Весною 1843 года моя диссертація была готова и подана на факультетъ. Тогда же Бецкій выпустилъ въ свѣтъ одну за другою три книжки своего „Молодика". Первая изъ нихъ заключала въ себѣ беллетристическія сочиненія, стихотворныя и прозаическія, на русскомъ языкѣ; тамъ я не помѣстилъ ничего. Вторая вмѣщала въ себѣ исключительно сочиненія въ стихахъ и прозѣ на малорусскомъ языкѣ; здѣсь помѣстилъ я свои стихотворенія, написанныя въ Крыму, и переводъ нѣсколькихъ пьесъ изъ старочешской Краледворской рукописи. Третья, на которой означенъ былъ уже 1844 годъ, посвящена была русскимъ статьямъ, относящимся къ исторіи и этнографіи Малороссіи; здѣсь появились мои первые историческіе опыты, касавшіеся прошедшей судьбы Малороссіи: описаніе возстанія Наливайка и біографическій очеркъ фамиліи князей Острожскихъ.

Находя, наконецъ, для себя нездоровымъ оставаться въ сырой квартирѣ, я разстался съ Рославскимъ и нанялъ себѣ квартиру за Лопанью, въ домѣ одной священнической вдовы, недалеко церкви Благовѣщенія. Это была моя послѣдняя квартира въ Харьковѣ и самая лучшая; я занималъ двѣ свѣтлыхъ комнаты во дворѣ, засаженномъ большими деревьями, при фруктовомъ садѣ, за которымъ начинался лугъ. Это былъ конецъ города. Въ это же время я вынужденъ былъ подать въ отставку изъ должности помощника инспектора, къ которой не чувствовалъ ни способностей, ни расположенія. Задумавши жениться на гувернанткѣ въ домѣ г-жи Тизенгаузъ, я вызвалъ на дуэль моего соперника, отбившаго у меня невѣсту и затѣмъ покинувшаго эту дѣвицу: понятно, что такому пылкому господину не сочли возможнымъ довѣрять наблюденіе за студентами. Я занялся преподаваніемъ исторіи въ мужскомъ пансіонѣ Зимницкаго, а между тѣмъ, тогда же мнѣ явилась мысль писать исторію эпохи Богдана Хмельницкаго. Въ маѣ 1843 года я началъ работать надъ нею. Харьковъ не представлялъ богатыхъ источниковъ для такого труда, и я принужденъ былъ ограничиться печатными польскими, русскими

и латинскими сочиненіями, но уже случайно пріобрѣлъ и нѣсколько рукописныхъ. Такимъ образомъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ, Сементовскій, сообщилъ мнѣ Грабянкину лѣтопись въ двухъ частяхъ: первая, называвшаяся „Исторія о презѣльной брани", заключала въ себѣ повѣствованіе о войнахъ Хмельницкаго до его кончины,—вторая начиналась гетманствомъ Выговскаго и велась до 1721 года. Замѣтно было, что эти двѣ части составлены были различными лицами, да и въ лѣтописи, которая мнѣ досталась, вторая часть была писана иною рукою, чѣмъ первая. Списки принадлежали, какъ показывалъ почеркъ, къ первой половинѣ XVIII вѣка. Учитель второй гимназіи Третьяковъ, бывшій мой товарищъ, удѣлилъ мнѣ другую лѣтопись, также въ спискѣ XVIII вѣка; то былъ Самовидецъ. Затѣмъ я получилъ нѣсколько рукописныхъ источниковъ отъ И. И. Срезневскаго; то были тѣ, которыя впослѣдствіи Бодянскій напечаталъ въ „Чтеніяхъ", именно: Симоновскій, Зарульскій и повѣсть „Еже содѣяся", или сказаніе о гетманахъ малорусскихъ до Богдана Хмельницкаго; наконецъ большое сочиненіе Ригельмана, которое также впослѣдствіи появилось въ печати въ Чтеніяхъ: „Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи". Въ библіотекѣ харьковскаго университета я нашелъ также нѣсколько рукописныхъ лѣтописей и одинъ рукописный сборникъ актовъ, относящихся къ исторіи Малороссіи. Отъ моего знакомаго Варзина я досталъ списокъ Конисскаго. Съ такимъ незначительнымъ запасомъ источниковъ, принялся я писать своего Богдана Хмельницкаго. Работа увлекала меня въ сильной степени и, вспоминая это время, я могу назвать его однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ жизни. По временамъ, я прочитывалъ написанныя части моего сочиненія своимъ знакомымъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занималъ И. И. Срезневскій, воротившійся изъ за-границы и вступившій тогда на каѳедру славянскихъ нарѣчій. Такъ прожилъ я до конца 1843 года. Диссертація моя была разсмотрѣна, одобрена и зимою напечатана. По ея поводу я сошелся съ профессоромъ Лунинымъ: хотя прежде я часто слушалъ его на лекціяхъ и глубоко уважалъ, но домашнимъ образомъ не былъ съ нимъ знакомъ. Теперь меня свело съ нимъ то, что моя диссертація ему особенно понравилась и онъ вполнѣ сочувствовалъ моей

мысли о введеніи народнаго элемента въ науку исторіи. Какъ человѣкъ съ европейскимъ образованіемъ, онъ способенъ былъ смотрѣть шире другихъ ученыхъ мужей стараго закала.

День защищенія моей диссертаціи назначенъ былъ 13 января 1844 года. Моими оппонентами были профессоры: Якимовъ и Срезневскій. Якимовъ, вырвавши изъ моей диссертаціи два пѣсенныхъ стиха, потребовалъ отъ меня доказать, что здѣсь есть какая нибудь поэзія *). Прежде чѣмъ я собрался отвѣчать ему, Лунинъ засмѣялся и сказалъ: „это все равно, еслибы разсѣчь человѣка по частямъ и потребовать, чтобы показали, гдѣ у него душа; ни въ ногѣ, ни въ рукѣ, ни въ ухѣ, ни въ носу нѣтъ души, а весь человѣкъ живой—съ душею". Въ концѣ защищенія прибылъ преосвященный Иннокентій, вмѣшался въ споръ и началъ проводить сравненія народной поэзіи вообще съ библіею; но Артемовскій-Гулакъ, бывшій ректоромъ, сдѣлалъ такое замѣчаніе: „ваше преосвященство! евреи были народъ, состоявшій подъ особымъ покровительствомъ божіимъ, а потому мы о немъ и его поэтическихъ произведеніяхъ касаться считаемъ неумѣстнымъ". Послѣ офиціальныхъ диспутовъ, профессоръ ботаники Черняевъ вступилъ въ толкованіе названія растеній, которыя встрѣчались въ моемъ сочиненіи въ качествѣ народныхъ символовъ, но ректоръ замѣтилъ, что диссертація моя не по предмету ботаники и вдаваться собственно въ ботаническія пренія здѣсь неумѣстно. По окончаніи защищенія, меня провозгласили получившимъ степень магистра историческихъ наукъ.

Пущенная въ публику моя диссертація получила сочувственный отзывъ только въ одномъ „Москвитянинѣ", въ статьѣ, написанной Срезневскимъ; въ другихъ журналахъ: „Библіотекѣ для чтенія" и „Отечественныхъ запискахъ" ее приняли не такъ ласково. Въ „Библіотекѣ для чтенія", которою заправлялъ тогда Сеньковскій, мои мнѣнія о важности народной поэзіи для историка подали только возможность поглумиться и позабавиться надъ моею книгою; въ „Отечественныхъ запискахъ" перо знаменитаго тогда Бѣлин-

---

*) Посію я василечки—буду поливати,
Ходи, ходи Василечку—буду привитати

скаго выразилось, что народная поэзія есть такой предметъ, которымъ можетъ заниматься только тотъ, кто не въ состояніи или не хочетъ заняться чѣмъ нибудь дѣльнѣе. Видно было, что знаменитый и впослѣдствіи такъ прославленный русскій критикъ не въ состояніи былъ видѣть важности народной поэзіи,—важности, въ наше время уже безусловно признанной наукою. Впрочемъ замѣчательно, что тотъ же Бѣлинскій, еще въ 1839 году, разбирая въ „Отечественныхъ запискахъ" моего „Саву Чалаго" и „Украинскія баллады", отнесся ко мнѣ совсѣмъ иначе и призналъ за мною несомнѣнный талантъ.

Послѣ защищенія диссертаціи я нѣсколько мѣсяцевъ продолжалъ оставаться въ Харьковѣ и занимался обработкою исторіи Богдана Хмельницкаго. Это занятіе, увлекая меня, внушало сильное желаніе побывать въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ происходили описываемыя мною событія, и съ этою цѣлью я обратился къ князю Цертелеву съ просьбою написать кіевскому попечителю о моемъ желаніи получить мѣсто въ кіевскомъ учебномъ округѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, я просилъ прописать главную ученую цѣль этого желанія. По такой просьбѣ, въ концѣ сентября 1844 года, князь Цертелевъ извѣстилъ меня, что кіевскій попечитель предлагаетъ мнѣ взять на первыхъ порахъ должность учителя исторіи въ ровенской гимназіи и для этого предоставляетъ мнѣ пріѣхать въ Кіевъ. Я тотчасъ списался съ матерью, извѣстилъ ее, что черезъ двѣ недѣли уѣду въ Кіевъ; мать моя поспѣшила пріѣхать въ Харьковъ. 7 октября вечеромъ я выѣхалъ изъ Харькова на почтовыхъ, провожаемый матерью и толпою харьковскихъ знакомыхъ, изъявлявшихъ мнѣ желаніе найти счастіе въ иномъ краѣ.

ЦЕРКОВНО-СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

ПО ДѢЛАМЪ БРАЧНЫМЪ ВЪ БѢЛГОРОДСКОЙ ЕПАРХІИ.

(1721—1799 г.) [1].

I.

Въ XVIII вѣкѣ Бѣлгородская епархія обнимала край совершенно не благоустроенный, постепенно переходившій съ военнаго на мирное положеніе. Будучи сама еще такъ недавно окраиной Русскаго государства, она и теперь отдѣлялась отъ внѣшнихъ границъ Имперіи (по крайней мѣрѣ въ первой половинѣ вѣка) лишь Ново-сербскими и Славяно-сербскими поселеніями. Отсюда въ предѣлахъ епархіи чрезвычайно значителенъ былъ подвижной элементъ населенія; да и коренная, такъ сказать, осѣдлая часть послѣдняго должна была нерѣдко принимать участіе въ заграничныхъ походахъ и войнахъ [2]). Все это не могло не отражаться невыгодно на семейныхъ отношеніяхъ обитателей Слободской Украины, лишало нерѣдко брачный союзъ необходимой устойчивости. Брачныя дѣла XVIII вѣка дѣйствительно вскрываютъ намъ эту неприглядную сторону семейной жизни по крайней мѣрѣ въ низшемъ слоѣ населе-

---

[1]) При составленіи предлагаемаго очерка авторъ имѣлъ возможность воспользоваться преимущественно дѣлами той части Бѣлгородской епархіи, которая входитъ нынѣ въ составъ епархіи Харьковской. Старѣйшія изъ этихъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Харьковской Духовной Консисторіи, восходятъ къ 20-мъ годамъ прошлаго столѣтія.

[2]) Проф. Багалѣй, Заселеніе Харьк. края, стр. 8—12.

нія Украины; наибольшій процентъ ихъ вызванъ именно указанными причинами. Выходъ замужъ за „пришлыхъ“, „незнаемыхъ“, „волочащихся“ людей, которые часто оказывались потомъ уже связанными законными браками; затѣмъ исчезновеніе, безвѣстное отсутствіе или бѣгство мужей и женъ—таковы самые частые и притомъ наиболѣе характерные, любопытные въ бытовомъ отношеніи случаи, восходившіе на обсужденіе епархіальныхъ властей. Участіе въ походахъ, да и самая долголѣтняя военная служба нерѣдко разрывала семейныя связи. Случалось, что солдатка, утомленная долгимъ ожиданіемъ мужа, рѣшалась вступать въ новый бракъ и возвращавшійся, послѣ двадцатилѣтней службы, законный мужъ ея находилъ свой домъ разрушеннымъ, дѣтей брошенными на произволъ судьбы, а ее обвѣнчанной съ другимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что далеко не всѣ подобные факты обнаруживались, становились извѣстными духовнымъ властямъ: если случайныя обстоятельства и собственное сознаніе не выводили наружу многобрачія, „пришлые“, „незнаемые“ люди доживали спокойно свой вѣкъ со второй, третьей, даже четвертой женой, при жизни всѣхъ предыдущихъ. Равнымъ образомъ и не всѣ покинутые мужья и жены утруждали духовное начальство просьбами о разрѣшеніи имъ вступить въ новый законный бракъ. Къ такимъ просьбамъ, какъ увидимъ ниже, побуждали преимущественно или слишкомъ молодой возрастъ покинутаго супруга, „невозможность никакъ пробыть по молодымъ еще лѣтамъ“ безъ мужа, или безъ жены, или же для мужей — разстройство въ хозяйствѣ, для женъ — бѣдность, необходимость пристроиться, найти пріютъ, кормильца и покровителя.

Такимъ образомъ извѣстная подвижность населенія Бѣлгородской епархіи и преобладаніе въ ней военнаго элемента были едва ли не главной причиной, благодаря которой съ одной стороны могли легко возникать незаконные браки и дѣла о признаніи браковъ недѣйствительными, съ другой—являлись поводы къ возбужденію дѣлъ бракоразводныхъ, преимущественно за побѣгомъ или безвѣстнымъ отсутствіемъ одного изъ супруговъ.

Мѣры предосторожности противъ незаконныхъ браковъ, невсегда достигающія цѣли и въ настоящее время, тѣмъ

болѣе часто должны были оказываться безсильными въ Бѣлгородской епархіи. Въ XVIII вѣкѣ браковѣнчаніе у насъ было обставлено отнюдь не меньшими, чѣмъ нынѣ, формальностями и условіями, болѣе или менѣе исполнявшимися приходскими священниками Украины. Желавшій вступить въ бракъ долженъ былъ прежде всего озаботиться о полученіи вѣнечной памяти на имя священника, къ приходу котораго онъ принадлежалъ и внести за нее установленныя „пошлинныя деньги". Учрежденія, пользовавшіяся правомъ выдачи подобныхъ памятей, зорко слѣдили за выполненіемъ этой формальности, оплачивавшейся довольно значительнымъ налогомъ,—и Домовая Канцелярія архіерея (позже Духовная Консисторія) не упускала случая освѣдомиться при возникновеніи дѣла о незаконномъ бракѣ, была ли взята память и уплачены ли за нее деньги [1]). Выправка памятей, повидимому, становилась иногда въ тягость сельскому населенію, которому приходилось подчасъ ѣздить за ними изъ далека. На практикѣ дѣлались, впрочемъ, въ этомъ отношеніи нѣкоторыя облегченія предоставленіемъ права выдавать памяти не однимъ только духовнымъ дворамъ, соборнымъ протоіереямъ и священникамъ, какъ духовнымъ управителямъ, но и нѣкоторымъ священникамъ сельскихъ церквей, по всей вѣроятности занимавшимъ какія-нибудь низшія церковно-административныя должности, каковы были должности духовныхъ заказчиковъ (благочинныхъ), десятскихъ священниковъ и т. п. [2]). Изъ показаній нѣкоторыхъ лицъ,

[1]) Въ духовныхъ дворахъ (правленіяхъ) велись особыя книги, въ которыхъ записывались имена лицъ, получавшихъ памяти. Нѣкоторымъ правленіямъ священники „мѣсячными репортами" доносили о числѣ повѣнчанныхъ браковъ и именахъ бракомъ сочетавшихся. Рапорты свѣрялись съ правленскими прошнурованными книгами.

[2]) Такимъ образомъ чрезвычайная обширность епархій въ Россіи послужила въ брачномъ правѣ, какъ и во многихъ другихъ церковно-правовыхъ институтахъ, важнымъ факторомъ, создававшимъ особенности нашихъ церковныхъ порядковъ. На Востокѣ право совершенія браковѣнчанія приходскій священникъ получалъ каждый разъ въ силу особой делегаціи, исходящей отъ центральной власти въ епархіи (Zhishman, Dos Eherecht d. orient. kirche, стр. 671—675). У насъ по названной причинѣ такой порядокъ долженъ былъ встрѣтить большія затрудненія и постепенно видоизмѣниться. Намъ неизвѣстно, была-ли предоставляема во всѣхъ русскихъ епархіяхъ выдача вѣнечныхъ памятей кому-либо, помимо священниковъ каѳедральныхъ соборовъ и духовныхъ

привлекавшихся къ допросамъ по брачнымъ дѣламъ видно, что иногда священники приступали къ вѣнчанію безъ вѣнечныхъ памятей, но взимали предварительно слѣдуемую за нихъ сумму съ тѣмъ, чтобы доставить ее потомъ по принадлежности. Если это былъ терпимый духовною властью порядокъ, то отсюда можно было-бы сдѣлать не лишенное интереса заключеніе, что неукоснительная выборка вѣнечныхъ памятей требовалась не столько какъ обязательная форма, посредствомъ которой священникъ получалъ полномочіе совершить таинство брака въ каждомъ данномъ случаѣ и не столько для предупрежденія преступленій, сколько въ видахъ обезпеченія правильнаго поступленія пошлинъ. Наконецъ духовные дворы Бѣлгородской епархіи не требовали непремѣнно личной явки желающаго вступить въ бракъ для полученія памяти; просить о ней и получать ее дозволялось и близкимъ родственникамъ жениха, напр. его отцу. Очевидно, что вѣнечная память, при такихъ условіяхъ выдачи, сама по себѣ служила лишь слабой мѣрой предупрежденія неправильныхъ браковъ, являлась какъ-бы напоминаніемъ приходскому священнику его обязанностей—употребить всѣ зависящія отъ него средства къ предотвращенію ошибки: сдѣлать обыскъ, отобрать съ кого слѣдуетъ сказки, вѣнчать въ установленное время (послѣ литургіи), словомъ, „чтобы ничего не было въ противность правамъ церковнымъ и указамъ“ [1]).

По полученіи вѣнечной памяти, приходскій священникъ приступалъ къ обыску, самой важной мѣрѣ, имѣвшей цѣлью предотвратить незаконный бракъ,—допрашивалъ окольныхъ людей, знавшихъ жениха и невѣсту, не имѣются-ли какія-либо препятствія къ браку, не связаны-ли послѣдніе уже

управителей. Въ Московской епархіи, по словамъ Розанова (Исторія Московск. епарх. управленія, ч. I стр., 50 и 109), эта обязанность лежала, кромѣ конторы отпуска вѣнечныхъ памятей (т. е. управленія при Большомъ Успенскомъ соборѣ) и духовныхъ дѣлъ управителей, также на „поповскихъ старостахъ и другихъ должностныхъ лицахъ“. Изъ дѣлъ бывшей Бѣлгородской епархіи видно, что памяти были выдаваемы, напр. Тишковскимъ попомъ Ѳедоромъ. Выдача ихъ вообще могла съ особымъ удобствомъ производиться поповскими старостами, обязанности которыхъ имѣли преимущественно финансовый характеръ.

[1]) Исторія Московск. епарх. управл. Розанова, ч. II, кн. I, прим. 319.

законными браками, не состоятъ-ли въ родствѣ или кумовствѣ и т. д. Когда женихъ и невѣста принадлежали къ кореннымъ жителямъ селенія или города, слѣдовательно были извѣстны всѣмъ и каждому въ приходѣ, обыскъ становился простой формальностью, исполненіе которой не считалось особенно необходимой, и епархіальная власть, повидимому, снисходительно смотрѣла на подобное упущеніе: по крайней мѣрѣ, бдительно слѣдя за тѣмъ, чтобы браки не совершались безъ вѣнечныхъ памятей, и не упуская подвергать взысканію виновныхъ въ нарушеніи этой обязанности, она рѣдко справлялась былъ-ли незаконный бракъ совершенъ безъ предварительнаго обыска и никогда (судя по дѣламъ, имѣвшимся у насъ подъ руками) не налагала собственно за это наказанія на приходскаго священника [1]). Но далеко не формальностью только становился обыскъ, когда священнику приходилось имѣть дѣло съ лицами пришлыми, преимущественно и дававшими поводъ сомнѣніямъ, свободны-ли они отъ такихъ отношеній и обязательствъ, съ которыми не совмѣстимъ бракъ, и прежде всего, не связаны-ли они уже бракомъ. Какъ мы замѣтили выше, такихъ пришлыхъ людей было всегда много по городамъ и селеніямъ Слободской Украйны. Въ подобныхъ случаяхъ съ окольныхъ людей, односельчанъ, знавшихъ брачущихся, отбирались также подписки или сказки, что у такого-то жителя жены никогда не было [2]). Окольные люди давали такія сказ-

---

[1]) См. напр. дѣло 1781 г. о вступленіи Ирины Васенковой во второй бракъ при жизни перваго мужа (въ опись не внесено). Здѣсь мы узнаемъ, что первый (законный) бракъ Ирины вѣнчалъ, вмѣсто Печенѣжскаго протопопа Василія Попова, священникъ Феодоръ Левицкій, находившійся при протопопѣ „за викарія", „безъ всякаго ни отъ кого письменнаго свидѣтельства, *только по одному точному знанію того села жителей*".

[2]) Производя обыскъ, священникъ приводилъ „поручиковъ" къ присягѣ. Впрочемъ до 40 годовъ XVIII столѣт. при брачныхъ дѣлахъ имѣются только простыя сказки поручиковъ, безъ клятвеннаго обѣщанія. Въ слѣдственныхъ дѣлахъ этого времени также упоминается только о взятіи со свидѣтелей, особенно родственниковъ, „сказокъ за руками" или просто „сказокъ". См. напр. дѣло 1731 г. № 4: „1731 г. маія въ 27 д., противъ доношенія слободы Протопоповки Екатеринской церкви попа Ивана Давидова, викарій ево бывшой Зміевской Покровской церкви вдовой попъ Исаія, въ Изюмѣ, въ духовномъ дворѣ допрашиванъ, а въ допросѣ своемъ по священству сказалъ: прошедшего генваря въ первыхъ числахъ сего 731 г. тоей же слободы жителя Лукьяна,

ки иногда и на духовныхъ дворахъ, которые, можетъ быть, только подъ этимъ условіемъ и выдавали въ иныхъ, сомнительныхъ случаяхъ вѣнечныя памяти. [1]).

Артемова сына, съ тамошнею жъ жителкою Дарьею, Павловою дочерью, обоихъ вторымъ бракомъ, по данной памяти отъ духовнаго двора, перевѣнчалъ по сказки протопоповскихъ жителей (такихъ-то), а при отдачѣ сказки объясняли они мнѣ, что де мужъ ея, Даріи, взятъ на каторгу на вѣчное житіе которую сказку, по прошенію ихъ, писалъ тамошній дьячокъ Никита". Вотъ образчикъ клятвеннаго обѣщанія поручика 2 половины XVIII вѣка: „Азъ, ниже именованной, обещаюсь и клянусь всемогущимъ богомъ, предъ святымъ его Евангеліемъ, что сочетовающіися ныне бракомъ гусарка Іуліана съ сержантомъ Варфоломеемъ, Стефановымъ сыномъ, которая взята съ царствующаго града Москвы умершемъ гусаромъ Семеномъ Стрыщенкомъ замужество, и оной гусаръ родился вместечки Лиицахъ, где имеетъ родственниковъ своихъ, и оная гусарка Уліана намерена своево позволенія (sic) добрымъ і непринужденимъ (произволеніемъ?) сочетатца, імеетъ на то крепкую мысль і усердное желаніе, непревратное намиреніе, і честно по достоянію таины сия всупружество с нимъ совокупитися хощитъ, і сродство между оними духовнаго и плотскаго і присвоения до супружства недопущающаго і інаго никакова правелнаго препятствия, супружеству возбраняющаго не обретаетца, і ни от кого оной гусарки сочетавающейся ниединаго ктому со онею персоною супружству принуждени нетъ и напредь сего не происходило и ныне (нѣтъ?). Сие клятвенное изявление заключаю тако: Ежели хотя едино что от вышереченного явится некогда неистенно, повиненъ к истезанию церковному и политичискому. взаключеніе сеи моеи клятвы целую Слово і крестъ Спасителя моего. аминь, въ томъ і подписуюся я коей присяги. Местечка олшанои атаманъ Кирило зенковской при томъ былъ и подписался. Присяга эта, очевидно, составлена примѣнительно къ формѣ, установленной собственно для родителей брачущихся, но писавшій, дѣлая въ ней соотвѣтствующія измѣненія, не вполнѣ совладѣлъ съ своей задачей. Такъ, понятная въ устахъ отца фраза: сынъ мой...... намѣренъ *съ моего позволенія* законно сочетаться......" измѣнена здѣсь совершенно непонятными словами: „намѣрена *своего позволенія*". срвн. Полное Собраніе законовъ № 4406 (1724 г.).

[1]) Вотъ двѣ сказки, отобранныя Харьковскимъ духовнымъ управителемъ въ 1728 г.: „Мы Харьковскаго полку, села Колупаевки жители (такіе-то) ручаемся тогожъ села Колупаевки за жителемъ Максимомъ Савельевымъ сыномъ Забинымъ, что у него 3. жены не бывало, а женится оной первымъ бракомъ, въ томъ мы нижеименованные сію, вмѣсто себя за руками, въ Харьковѣ на духовномъ дворѣ Харковскому протопопу Григорію Александрову даемъ сказку, а буде мы въ сей сказкѣ показали что ложно и за то учинитъ намъ какъ указъ Его Имп. Велич. повелѣваетъ". Вторая сказка отобрана по случаю бракосочетанія пришлаго человѣка: „1728 г. февраля въ 30 д. мы, ниже подписавшіеся Харковские жители даемъ сию сказку въ Харковѣ на духовномъ дворѣ честному отцу протопопу Григорію Александрову въ томъ, что мы вѣдаемъ прежде бившаго нѣжинскаго жителя Василія, Кузмина сына, Михай-

Легче было духовнымъ учрежденіямъ и приходскимъ священникамъ удостовѣриться въ отсутствіи законныхъ препятствій къ браку со стороны жениха, когда послѣдній принадлежалъ къ военному сословію и состоялъ на дѣйствительной службѣ. Непосредственный начальникъ нижняго чина могъ хорошо знать, женатъ-ли онъ или нѣтъ и, если не женатъ, выдать ему въ томъ удостовѣреніе [1]) Такія удостовѣренія дыйствительоо выдавались въ Бѣлгородской епархіи, при томъ не только чинамъ, состоящимъ на дѣйствительной службѣ, но и отбывшимъ срокъ ея [2]). Затѣмъ свидѣтельства начальниковъ частей, да и самихъ нижнихъ чиновъ, получали также важное значеніе для солдатокъ-вдовъ, когда послѣднимъ приходилось доказывать смерть перваго мужа. Начальникъ или товарищъ могъ не менѣе достовѣрно знать объ исчезновеніи солдата на войнѣ, могъ быть и свидѣтелемъ его смерти и похоронъ [3]). Подобные предбрачные докумен-

ленко, что внего отъ рожденія жены не имѣлось и нѣгде не женился токмо ныне въ Харкове хочетъ бракомъ совокупитися съ Харковскою жителкою дарією, Савеліевою дочерью Губровною вдовою второбрачною, а ежели имѣлось гдѣ в него В. въ живыхъ первая жена" и т. д Лица, выдававшія памяти, имѣя поводъ подозрѣвать какое-нибудь препятствіе къ браку, ограничивались иногда и простыми разспросами. Такъ поступилъ Тишковскій попъ Θедоръ.

[1]) Къ 1728 г. полевой походной артиллеріи подполковникъ Wachsmuht, увѣдомляя Харьковскую духовную канцелярію, что „команды его фурлейтъ (т. е. обозный, нижній чинъ артиллеріи, см. П. С. зак. т. XIV стр. 798) Андрей Наумовъ желаетъ сочетоваться вѣнцемъ на вдовѣ Агаѳьѣ Васильевой", удостостовѣряетъ, „что у него жены еще нѣтъ, а у вдовы мужъ умеръ въ давнихъ годахъ, въ чемъ для вѣрности имѣетъ свидѣтельство". Далѣе подполковникъ проситъ духовную канцелярію „дабы повѣлено было по Его И. В. указу о сочетованіи вѣнцемъ (упомянутыхъ Андрея и Агаѳьи) опредѣлить вѣнчальную память въ Харьковѣ свящ. отцу Стефану" См. д. 1728 г. № 14.

[2]) Отставной сержантъ Варѳоломей Волосатовъ представилъ вѣнчавшему его священнику такое свидѣтельство: „1771 году августа дня я нижеподписавшыся козловскаго пехотнаго полеваго полку порутчикъ Петръ Свирепкинъ далъ сіе свидетелство в томъ, что бывшего нашего полку которой ныне в отставке сержантъ Варфоломей Волосатовъ обрученной у себѣ жены ни в какихъ мѣстахъ не имѣитъ а и где онъ Волосатовъ законнымъ бракомъ сочетаніе имѣтъ будетъ........, то... священику по прозбе ево Волосатова венчать безо всякаго сумленія можно въ чемъ и подписуюсь и от себе свидѣтельство даю.—Д. 1776 г. № 42.

[3]) Д. 1776 г. № 42. „1771 году августа 3 дня нижеподписавшіися Харковского гусарского полку отставной гусаръ Василии Сирота, находящейся в мѣ-

ты, кажется, довольно употребительные въ Бѣлгородской епархіи, были безъ сомнѣнія вызваны особыми условіями ея положенія, опять-таки присутствіемъ въ ея предѣлахъ значительнаго числа людей военныхъ. Но, не смотря на безспорную надежность свидѣтельства непосредственнаго начальника, даже и тутъ происходили ошибки, благодаря которымъ обвѣнчивались солдаты уже женатые.

Удостовѣренія лицъ военнаго сословія о семейномъ положеніи и смерти своихъ подчиненныхъ и товарищей принимались приходскими священниками какъ предбрачные документы главнымъ образомъ за неимѣніемъ иныхъ, закономъ установленныхъ, способовъ удостовѣренія въ несуществованіи препятствій къ браку. Изъ архивныхъ дѣлъ не видно однако, чтобы служащіе въ гражданскомъ вѣдомствѣ выдавали такіе документы; а когда въ самомъ концѣ XVIII вѣка перекопская жителька Анна Лещенкова обратилась къ приходскому священнику съ просьбой обвѣнчать ее, представивъ явленное въ земскомъ судѣ свидѣтельство отъ сельскаго общества въ томъ, что первый мужъ ея находился въ отлучкѣ съ 1779 года и умеръ „на рыбномъ заводѣ Крымскихъ соленыхъ заводовъ", — то получила отказъ [1]). Другаго подобнаго случая изъ болѣе ранняго времени намъ встрѣтить въ дѣлахъ архивныхъ не пришлось. Вообще во второй половинѣ вѣка, какъ увидимъ ниже, было принято за правило выдавать оставленному супругу вѣнечную память или разрѣшеніе на вступленіе въ новый бракъ не иначе, какъ послѣ тщательнаго розыска безъ вѣсти пропавшей стороны, чрезъ духовныя правленія и земскіе суды.

Къ предбрачнымъ документамъ слѣдуетъ также причислить свидѣтельства, выдававшіяся архіереями ученикамъ

стечкѣ олшанои жителствомъ, далъ сие свидѣтелство духовнымъ дѣломъ в томъ, что Харковского гусарского полку гусарки нулияни, динисовои дочери, мужъ ея тогожъ полку гусаръ Семенъ Стрижченко при мнѣ умре (въ 1769 году, подъ Хотинымъ), кой при мнѣ жъ і похороненъ, в томъ я даю сие свидѣтелство, ежели пожелаетъ в замужство итить, венчать ей без всякаго сумнения, а буде окажется несправедливое мое показание, в такомъ случаи подвергаю себя военному суду, в чемъ і подписуюсь. коему сведителству местечка олшанои атаманъ Кирыло Зенковской, вместо вишеписаного гусара Василия Сироти неграмотного, по его прошению, руку приложилъ.

[1]) Д. 1799 г. № 11.

духовныхъ училищъ, окончившимъ курсъ ученія, или по какимъ либо уважительнымъ причинамъ оставлявшимъ учебное заведеніе до окончанія курса. Такой ученикъ входилъ съ прошеніемъ къ епархіальному архіерею о дозволеніи вступить ему въ бракъ и „имѣть промоцію“ въ такое то село епархіи. Къ прошенію префектъ присоединялъ аттестацію объ успѣхахъ и поведеніи ученика, и если архіерей находилъ просьбу заслуживавающей уваженія, то предписывалъ Консисторіи выдать „свидѣтельство“ или „билетъ [1]) ко вступленію въ законный бракъ съ надеждою рукоположенія“.

Съ отмѣной вѣнечныхъ памятей (въ 1765 г.), обыски

---

[1]) См. напр. д. 1799 г. № 30. „Харьковской Семинаріи студентъ философіи Никифоръ Котляревскій“ вошелъ къ Бѣлгородскому епископу съ такимъ прошеніемъ: „съ прошлаго 1790 года нахожусь я въ Харьковской Семинаріи, обучаясь преподаваемымъ въ ней наукамъ, начавъ съ низшихъ классовъ Грамматики, Синтаксимы, Поэзіи, Риторики, дошелъ Философіи, которой обучаюсь первый годъ; но какъ я по причинѣ скудости дарованій не могу далѣе съ успѣхомъ продолжать ученія, а сверхъ того и отецъ мой, подавъ согласіе въ монашество и находясь другой уже годъ въ Курскомъ монастырѣ по скудости своей ни чемъ меня и малолѣтняго моего брата, находящагося въ Харьковской-же Семинаріи въ Грамматическомъ классѣ къ продолженію ученія нужнымъ не снабдѣваетъ. Того ради Ваше Пр. покорнѣйше прошу о уволненіи меня отъ онаго училища въ духовное званіе и о выдачѣ мнѣ Аттестата и билета для прыисканія священно-служительскаго мѣста и ко вступленію въ законной бракъ предписать кому слѣдуетъ и о семъ учинить милостивое Архипастырское усмотрѣніе“. Къ этому прошенію сдѣлана приписка, въ которой префектъ протоіер. Андрей Прокоповичъ свидѣтельствуетъ м. проч., что Котляревскій обучается философіи „съ успѣхомъ скуднымъ, дарованіямъ его сообразнымъ, при люботщательномъ соблюденіи въ поведеніи благонравія и честности, въ чтеніи, пѣніи и знаніи церковнаго устава довольно свѣдущъ. Лѣтъ ему отъ роду 24“. Архіерей положилъ слѣдующую резолюцію: „1799 г. декабря 5 д. поелику просителевъ отецъ въ монастырѣ для полученія монашества, а братъ въ семинаріи: того ради велѣть уволить просителя къ поступленію въ законный бракъ въ надеждѣ рукоположенія во діакона по представленіи Духовнаго правленія, съ одобреніемъ прихожанъ“. Окончившій курсъ семинаристъ прилагалъ къ своему прошенію „аттестатъ“. Свидѣтельства выдавались Консисторіей въ такой наприм. формѣ: „Его Высокопреосвященство Гавріилъ митрополитъ Екатеринославскій и Херсониса Таврическаго позволилъ обучившемусь въ Харковской Семинаріи съ нижнихъ классовъ до богословіи, священническому сыну Николаю Александрову вступить въ бракъ въ надеждѣ полученія священническаго сана, вчемъ ему, Александрову изъ Екатеринославской Духовной Консисторіи за подписью и печатью сіе свидѣтельство дано. Сент 17 дня 1795 г. Также д. 99 г. № 19, 95 г. № 44 и др.

и письменныя свидѣтельства получили еще большее значеніе какъ предбрачные документы, и Бѣлгородскіе архіереи постоянно подтверждали о неукоснительномъ соблюденіи этихъ формальностей. Уже четыре года спустя преосв. Порфирій, указомъ отъ 30 октября, счелъ нужнымъ подтвердить, чтобы „изъ священниковъ и протопоповъ никто ни подъ какимъ видомъ женокъ вдовыхъ зашедшихъ и дѣвокъ, не имѣющихъ ни какой осѣдлости, но съ мѣста на мѣсто переходящихъ, не дерзалъ, подъ лишеніемъ іерейскаго чина, безъ письменныхъ и рядовыхъ свидѣтельствъ и безъ правильнаго повѣщенія или указнаго обыска, по однимъ только партикулярнымъ сказкамъ или билетамъ, вѣнчать". Подобныя же подтвержденія постоянно дѣлались и преемниками преосв. Порфирія (въ особенности Ѳеоктистомъ), а духовныя правленія обязывали священно и церковно-служителей не вѣнчать „желающихъ вступить въ законное супружество безъ вѣрнѣйшихъ о нихъ выправокъ, законныхъ свидѣтельствъ и сказокъ", „а предъ вѣнчаніемъ чинить о о тѣхъ брачущихся надлежащій обыскъ и во всемъ поступать такъ точно, какъ въ указѣ изъ Св. Правит. Сѵнода 1765 г. іюля отъ 8 дня и Духовнаго Регламента части второй о мірскихъ особахъ въ пунктахъ 11 и 12, да въ книгѣ о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ главы 3-й о тайнѣ супружества въ числахъ 122—126 и въ другихъ узаконеніяхъ предписано".

Для предупрежденія незаконныхъ браковъ важное значеніе имѣло правило о совершеніи обряда браковѣнчанія приходскими священниками брачущихся. Требованіе это, настоятельно выраженное въ нѣсколькихъ мѣстахъ 50-й главы Кормчей книги и подтвержденное затѣмъ Духовнымъ Регламентомъ [1]) считалось безусловно необходимымъ духовными властями Бѣлгородской епархіи, строго слѣдившими за его точнымъ исполненіемъ, и въ этомъ отношеніи духовная власть находила дѣятельныхъ помощниковъ въ лицѣ самого приходскаго духовенства, въ интересахъ котораго было не допускать своихъ прихожанъ въ чужіе приходы для браковѣнчанія. Ниже мы увидимъ какъ смотрѣло Слободско-укра-

[1]) Полное собраніе постановл. и распоряж. по вѣд. Правосл. Испов. т. I, стр. 28 п. 12 (издан. 2-е).

инское духовенство на эту свою обязанность, бывшую для него въ то же время правомъ, которымъ оно очень дорожило [1]). Только въ особыхъ случаяхъ, когда приходскій священникъ находился въ продолжительной отлучкѣ, онъ вступалъ въ соглашеніе съ священникомъ иного прихода и предоставлялъ ему совершеніе требъ, въ томъ числѣ и браковѣнчанія, уступая ему за труды часть вознагражденія, напримѣръ половину. Точно также, если приходскій священникъ подвергался наказанію, съ которымъ было связано лишеніе права священнодѣйствовать въ теченіе опредѣленнаго срока, или находился подъ слѣдствіемъ, епархіальная власть сама поручала совершеніе „мирскихъ требъ“ въ его приходѣ одному изъ ближайшихъ священниковъ, предписывая вести совершаемымъ требамъ точную запись и назначала иногда, какъ должны дѣлиться доходами съ нихъ состоящій подъ слѣдствіемъ, или несущій наказаніе священникъ и заступающій его мѣсто. Часто случалось, что вступающіе въ бракъ принадлежали къ двумъ различнымъ приходамъ. На этотъ случай церковный законъ считалъ компетентнымъ совершить браковѣнчаніе священника того прихода, къ которому принадлежалъ женихъ, но въ то же время допускалъ и обратный порядокъ. „Пастырь же свойственный, говоритъ 50-я глава Кормчей книги, есть, имже вѣнчани и благословени быти имутъ новобрачніи, свя-

---

[1]) Насколько вообще неохотно теряли священники своихъ прихожанъ показываетъ слѣдующій случай изъ практики сосѣдняго, Воронежскаго епархіальнаго управленія. Города Бѣловодска протопопъ Иванъ Устиновскій „Великому Господину Преосвященнѣйшему Тихону, епископу Воронежскому и Елецкому“ въ доношеніи отъ 14 февраля 1781 г. писалъ: „Въ ономъ нашемъ городѣ Бѣловодскѣ въ имѣвшихся при Троицкой церкви приходскихъ дворахъ жители по желанію своему и съ дозволенія свѣтскихъ командировъ переходятъ къ жительству въ другія мѣста, т. е. другой Николаевскій приходъ, а отъ оной Николаевской церкви тожъ нѣкоторые жители въ соборномъ приходѣ вселились, въ такомъ случаѣ, дабы не произойшло между священниками о тѣхъ дворахъ склоннаго къ ссорѣ упорства Ваше Высокопреосвященство всенижайше прошу въ подтвержденіе при коихъ церквахъ таковые дворы впредь числить о посланіи указа учинить свою милостивую архипастырскую резолюцію“. И преосвященный Тихонъ долженъ былъ разъяснить: „Кто въ которомъ приходѣ поселился или поселится, тому того прихода и быть, а прежнимъ ихъ приходскимъ священникамъ почитать таковыхъ своими прихожанами причины нѣтъ“.

щенникъ, въ его же парахіи женихъ есть". Но тутъ же прибавляетъ: „Но убо въ нѣкіихъ странахъ, въ его же невѣста поемлется, аще не оба отъ единыя парахіи, сей вѣнчаетъ: по древнему убо въ семъ каковый гдѣ обычай съдержится, сице да бываетъ". Въ Бѣлгородской епархіи (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея) существовалъ, какъ указываютъ брачныя дѣла, именно второй порядокъ. [1]).

Но при всей важности правила о непремѣнномъ совершеніи браковѣнчанія „пастыремъ свойственнымъ", оно, какъ и разсмотрѣнныя выше мѣры противъ незаконныхъ браковъ, далеко не гарантировало отъ ошибокъ. Не говоря уже о томъ, что при повѣнчаніи лицъ разныхъ приходовъ или въ чужомъ приходѣ, по особому полномочію духовнаго начальства, священникъ могъ мало или совсѣмъ не узнать одного, а то и обоихъ брачущихся, — даже имѣя дѣло только съ своими прихожанами, онъ постоянно встрѣчалъ среди нихъ людей пришлыхъ, людей съ неизвѣстнымъ прошедшимъ, никому невѣдомыхъ въ данной мѣстности [2]).

Въ одномъ только случаѣ „пастырь свойственный" былъ вполнѣ обезпеченъ отъ ошибки,—при вѣнчаніи лицъ юныхъ, когда возникало сомнѣніе, достигли ли они „совершеннаго возраста". Если они съ малолѣтства проживали въ его при-

---

[1]) См. д. 1789 г. № 78. Священникъ с. Колупаевки Евдокимъ Труфановъ не допустилъ перевѣнчать въ иномъ приходѣ того же села дѣвицу Анну съ Евдокимомъ Щировымъ, а на допросѣ по возникшему бракоразводному дѣлу объяснялъ, что „вызвался вѣнчать бракъ въ своей приходской церкви, поелику *издревле въ Колупаевкѣ такое заведеніе, въ которомъ приходѣ невѣста, то священникъ и вѣнчаетъ*".

[2]) Къ нимъ трудно было съ успѣхомъ примѣнять требованіе 50-й главы Кормчей кн.: „Да опасно блюдетъ іерей, еже не удобь (въ подлинникѣ—пе facile) въ спряженіе брака вѣнчати бѣгуновъ и пришельцевъ, и не имущихъ своея си осѣдлости: ниже тѣхъ, иже преже въ супружествѣ пожиша, яже суть воинскія жены, или плѣненныхъ и странствующихъ, развѣ аще первѣй опасное о сихъ всѣхъ сотворивъ испытаніе, и своему си пастырю вещь извѣстивъ, и отъ него благословеніе вземъ къ еже сицевое спряженіе вѣнчати и благословити" (См. проф. А. С. Павлова, 50-я глава Кормч. книги, какъ историч. и практич. источникъ русск. брачн. права. Москва, 87 г., стр. 232). Къ никому неизвѣстнымъ въ приходѣ лицамъ священникъ не могъ примѣнять часто ни обыска, ни иныхъ мѣръ предосторожности, долженъ былъ довольствоваться ихъ собственнымъ показаніемъ далеко ненадежнымъ или просто отказывать имъ въ вѣнчаніи (см напр. дѣло Ирины Васенковой, 1871 г.).

ходѣ, то сомнѣніе разрѣшалось очень легко простой справкой въ метрическихъ книгахъ или исповѣдныхъ росписяхъ.

Не трудно было убѣдиться священнику и въ согласіи родителей вообще на браки дѣтей [1]) и въ частности отцовъ и матерей—однодворцевъ на бракъ дочерей ихъ съ помѣщичьими крестьянами, — въ согласіи помѣщика на бракъ своихъ крѣпостныхъ сельскихъ старшинъ на выдачу „удѣльныхъ вдовъ и дѣвокъ изъ казеннаго въ помѣщичье и съ помѣщичьяго въ казеннаго вѣдомства селенія“ [2]).

Предписанія церковнаго закона, чтобы вѣнчаніе происходило исключительно въ церкви, предъ людьми, днемъ, послѣ литургіи или часовъ—имѣли также нѣкоторое значеніе въ смыслѣ мѣръ предупрежденія незаконныхъ браковъ. Всѣ эти условія ставились, какъ увидимъ, постоянно на видъ приходскимъ священникамъ духовными властями Бѣлгородской епархіи.

Наконецъ, намъ остается упомянуть еще объ одной мѣрѣ, введенной Петромъ I въ 1724 г. (указомъ 5 января), имѣющей цѣлью, главнымъ образомъ, предупредить браки по принужденію родителей, или помѣщиковъ. Указъ 5 января между прочимъ предписывалъ „въ прилучающихся у знатныхъ персонъ и у шляхетства и прочихъ разночинцовъ бракахъ (кромѣ крестьянства) прежде вѣнчанія брачныхъ, приводить родителей ихъ обоихъ совокупляющихся персонъ, какъ отцовъ, такъ и матерей, а которые въ живыхъ не имѣютъ плотскихъ родителей, то тѣхъ, которые вмѣсто родителей дѣйствительно вмѣняются, къ присягѣ, въ томъ, что одни не неволею ль сына женятъ, а другіе не неволею ль замужъ дочь даютъ, также и господа съ рабами не такъ ли поступаютъ“ [3]). Эта мѣра, въ противоположность всѣмъ предыдущимъ, была очевидно установлена въ интересахъ самихъ брачущихся, но церковная практика истолковала ее въ совершенно иномъ смыслѣ. Въ формѣ присяги, приложенной

---

[1]) Случаевъ браковѣнчанія безъ согласія родителей, въ дѣлахъ намъ не приходилось встрѣчать; вѣроятно ихъ почти и не было.

[2]) См. указъ Консисторіи отъ 26 окт. 1799 г., данный „по сообщенію Орловской Удѣльной Экспедиціи, а въ оную по указу Департамента Удѣловъ“.

[3]) Полн. Собр. закон. № 4406.

къ закону 5 Января, родители должны были также свидѣтельствовать, что между брачущимися нѣтъ „сродства духовнаго и плотскаго и присвоенія до супружества не допущающаго и иного никакого правильнаго препятія супружеству возбраняющаго“. Эта-то часть присяги, имѣвшая по смыслу закона лишь второстепенное значеніе, и была выдвинута практикой на первый планъ, благодаря чему, во-первыхъ, законъ получилъ экстенсивное толкованіе и сталъ распространяться на лицъ, которыхъ онъ вовсе не имѣлъ въ виду, т. е. такую присягу въ нѣсколько измѣненномъ видѣ духовенство стало требовать и отъ свидѣтелей браковѣнчанія (сравн. выше стр. 59 примѣч.); во-вторыхъ (по отношенію къ родителямъ), къ присягѣ стали приводиться едва-ли не исключительно отцы, притомъ только въ низшемъ классѣ—однодворцы, солдаты и т. д., а не „изъ знатныхъ персонъ и шляхетства“. Упоминанія о присягахъ, взятыхъ съ отцевъ-однодворцевъ и солдатъ—встрѣчаются въ брачныхъ дѣлахъ нерѣдко и изъ тѣхъ-же дѣлъ видно, что за отсутствіемъ родителей должны были присягать лица, заступавшія ихъ мѣсто, „находившіеся, говоря словами архивныхъ документовъ, въ должности отцовской“. [1]) Присяга отцовъ считалась обязательной и практиковалась до самаго конца XVIII в., чему достаточнымъ доказательствомъ, кромѣ брачныхъ дѣлъ, служитъ также указъ Бѣлгородской Консисторіи отъ 17 Авг. 1798 г. [2]) Съ этимъ любопытнымъ указомъ мы познакомимся ниже.

Церковный законъ требовалъ совершенія браковѣнчаній не только въ опредѣленные часы дня, но и въ извѣстные только дни недѣли и года. Правило это, исполнявшееся, кажется, вообще точно въ Бѣлгородской епархіи, имѣетъ исключительно религіозно-нравственное значеніе. [3]) Тоже слѣ-

---

[1]) См. напр. д. 1776 г. № 42, листъ 13.

[2]) Слѣдовательно лишь съ нѣкоторыми ограниченіями можно согласиться съ утвержденіемъ профессора Горчакова („О тайнѣ супружества“ С.-Пб. 1880 г. стр. 336), что „упомянутый законъ крайне рѣдко примѣнялся, а въ 1765 году, съ упрощеніемъ порядка установленія брака совершенно потерялъ обязательную силу“.

[3]) Рѣдко встрѣчаются въ слѣдственныхъ брачныхъ дѣлахъ точныя указанія на день совершенія обряда браковѣнчанія. Вотъ нѣсколько такихъ указа-

дуетъ сказать и объ обязанности брачущихся до браковѣнчанія быть у исповѣди и „аще мощно есть, приуготовати себе постомъ и молитвами и къ святому причащенію",—обязанности, исполненіе которой не могло служить мѣрой предосторожности противъ незаконныхъ браковъ.

Въ общемъ всѣ эти формальности [1]) и условія, которымъ должны были подчиняться въ XVIII в. лица, вступавшія въ бракъ, и совершитель обряда браковѣнчанія, могли далеко не всегда обезпечить послѣдняго, при всемъ его желаніи, отъ ошибокъ, и ему иногда совершенно неумышленно приходилось обвѣнчивать незаконные браки. Недостаточность или несовершенство принятыхъ въ практикѣ Бѣлгородской епархіи мѣръ предосторожности противъ незаконныхъ браковъ можно, слѣдовательно, считать второй причиной нерѣдкаго возникновенія послѣднихъ и возбужденія дѣлъ объ ихъ отмѣнѣ. Таковъ первый выводъ, какой мы можемъ сдѣлать изъ выше изложеннаго. Что касается, во-вторыхъ, приложенія церковнаго закона, то практика, очевидно, не слишкомъ стѣсняясь его буквой, руководствовалась имъ настоль-

---

ній, которыя могли-бы заинтересовать канониста. Въ 1789 г. священникъ с. Колупаевки Евдокимъ Трухвановъ обвѣнчалъ однодворца Ивана Щирова въ въ среду 22 января „въ десятомъ часу съ полуночи" (д. 1789 г. № 78); въ 1731 г. вдовый попъ Исаія (викарій Протопоповскаго попа Ивана Давидова) перевѣнчалъ жителя Протопоповки Лукьяна Артемова съ жителкою Дарьею Павловой „въ первыхъ числахъ января"; въ 1731 г. жителка с. Левкова Ульяна Лещенкова показывала, что вышла замужъ „въ прошломъ 1730 г. въ декабрѣ (?) мѣсяцѣ" (д. 1731 г. № 6).

[1]) Къ формальностимъ, предшествовавшимъ браковѣнчанію, можно также отнести подписки, отбиравшіяся въ случаѣ смѣшанныхъ браковъ со стороны неправославной. Вотъ для примѣра подобная подписка, данная 23 генваря 1795 г. секундъ маіоромъ Александромъ Скалонъ предъ вступленіемъ въ бракъ съ дѣвицею Анною Сабуровой. Скалонъ, между прочимъ, обязывался „жену свою ни прельщеніемъ, ни угрозами и ни какими виды въ вѣру своего исповѣданія не приводить и за содержаніе вѣры ея Православныя поношенія и укоризны не чинить и если будутъ родитися дѣти мужеска и женска полу, то мнѣ ихъ, моихъ дѣтей, крестить въ Православную вѣру Россійскаго исповѣданія; и какъ въ младенчествѣ, такъ и въ совершенномъ возрастѣ обучать ихъ всякому Православной церкви Восточныя обычаю, а въ свою вѣру также какъ и жены моея не склонять; но попускать содержать имъ ту православную вѣру даже до кончины своея, въ противномъ же случаѣ подвергая себя штрафу жесточайшаго истязанія, въ чемъ при нижеподписавшихся свидѣтеляхъ своеручно и подписуюсь".

ко, насколько то было возможно по мѣстнымъ условіямъ. Съ другой стороны, та же практика, опираясь на законъ и, не вопреки ему, выработала свои мѣры, противъ незаконныхъ браковъ, а именно по отношенію къ военному населенію епархіи.

Мертвой нормой оставались лишь два требованія 50-й главы Кормчей: 1) чтобы священникъ отказывалъ въ браковѣнчаніи тѣмъ, кто не знаетъ основныхъ истинъ вѣры и важнѣйшихъ молитвъ, и 2) чтобы до браковѣнчанія было совершаемо троекратное оглашеніе въ церкви въ праздничные дни „о хотящихъ женитися". Первое требованіе, можетъ быть, и не могло примѣняться къ населенію, среди котораго рѣдко встрѣчались люди, имѣвшіе даже такой minimum богословскихъ познаній; но оно служило иногда поводомъ епархіальнымъ архіереямъ напоминать приходскому духовенству о его обязанности учить народъ правиламъ вѣры. Такъ преосвящ. Ѳеоктистъ, употребившій вообще такъ много усилій къ огражденію святости брака среди своей паствы, указомъ отъ 29 января 1799 года, предписываетъ „священникамъ обучать въ воскресные и праздничные дни послѣ литургіи или послѣ заутрени молитвѣ Господней, символу вѣры и десятословію прихожанъ своихъ, а особливо юныхъ дѣтей, по предписанію въ книгѣ о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ, въ ст. 109, и объяснять имъ, что стыдно и грѣшно хотѣть быть отцемъ и матерью чадомъ, а не вѣдать того, чѣмъ наставлять чадъ должно".

Требованіе троекратнаго оглашенія о предстоящемъ бракѣ такъ же не исполнялось въ Бѣлгородской епархіи, какъ не исполнялось, вѣроятно, и во всей Россіи. Авторъ исторіи Московскаго епархіальнаго управленія, а вслѣдъ за нимъ и проф. Павловъ [1]) высказываютъ предположеніе, что Синодскій указъ 5 августа 1775 г, имѣвшій цѣлью вновь ввести эту непривившуюся въ практикѣ русской церкви мѣру, не былъ вовсе опубликованъ. Брачныя дѣла Бѣлгородской епархіи могутъ только подкрѣпить эту, болѣе, чѣмъ вѣроятную, догадку. Ни откуда не видно, чтобы указъ 5-го августа былъ объявляемъ по епархіи и вообще извѣстенъ Бѣл-

---

[1]) „50-я глава Кормчей книги", стр. 78, примѣчаніе 2-е.

городской консисторіи; нѣтъ на него ссылокъ, и болѣе или менѣе ясныхъ косвенныхъ указаній. Только въ одномъ предписаніи преосвященнаго Ѳеоктиста [1]) упоминается объ указныхъ *троекратныхъ* „обыскахъ". Такъ какъ собственно обыскъ не совершался троекратно, по крайней мѣрѣ таковъ не былъ узаконенный порядокъ его совершенія, то естественно придти къ сопоставленію выписаннаго нами мѣста изъ указа преосвященнаго Ѳеоктиста съ указомъ Синодскимъ отъ 5-го августа 1775 г.; но во всякомъ случаѣ это упоминаніе троекратныхъ обысковъ настолько неопредѣленно, что само по себѣ не можетъ поколебать сомнѣнія въ опубликованіи Синодскаго указа объ оглашеніяхъ.

Приложеніе къ практикѣ мѣръ предосторожности противъ незаконныхъ браковъ въ той формѣ и въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ онѣ нами очерчены выше, считалось безъ сомнѣнія, безусловно-обязательнымъ для приходского священника Бѣлгородской епархіи,—и таковъ былъ, конечно, обыкновенный порядокъ ихъ примѣненія. Отступленіе отъ этого порядка считалось уже упущеніемъ, за которое виновный рисковалъ подвергнуться дисциплинарному взысканію епархіальнаго начальства. Судя по хранящимся въ архивѣ Харьк. Дух. Консисторіи брачнымъ дѣламъ, слѣдуетъ полагать, что подобныя упущенія не были рѣдкостью въ XVIII вѣкѣ и такимъ образомъ являлись третьей не маловажной причиной возникновенія незаконныхъ браковъ. Нѣтъ, разумѣется, основанія утверждать, чтобы священникъ всегда сознательно нарушалъ правило; не соблюдая то или другое условіе предъ браковѣнчаніемъ, у него могло и не быть злаго умысла, а лишь недостаточное знакомство съ церковными законами „о тайнѣ супружества". Уровень каноническихъ познаній заурядного приходскаго священника XVIII вѣка былъ настолько невысокъ, что при всей несложности этихъ законовъ, въ такомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго, тѣмъ болѣе, что въ упомянутомъ уже указѣ преосвященнаго Ѳеоктиста отъ 17 апрѣля 1798 года, одной изъ причинъ „беззаконныхъ браковъ" называется „неупражненіе (священнослужителей) въ книго-

---

[1]) Объявлено указомъ Консисторіи 17 апрѣля 1798 г.

чтеніи". То, что имѣло мѣсто въ концѣ столѣтія, несомнѣнно въ большей еще степени можетъ быть относимо къ первой его половинѣ. Самое „упражненіе въ книгочтеніи" не всегда было доступно сельскому священнику, рѣдко имѣвшему подъ руками Кормчую книгу.

Но въ слѣдственныхъ брачныхъ дѣлахъ мы встрѣчаемъ указанія и на сознательныя, умышленныя уклоненія отъ правилъ, исполненіе которыхъ считалось обязательнымъ при браковѣнчаніи. Побужденій къ такимъ уклоненіямъ было много, особенно у сельскаго священника. Прихожанинъ—житель деревни тяготился иногда исполненіемъ той или другой формальности, поѣздками къ духовному управителю, вдвойнѣ непріятными въ весеннюю или осеннюю распутицу, поэтому охотнѣе шелъ вѣнчаться къ тому, кто менѣе точно слѣдовалъ предписаніямъ закона. Исполняя ихъ всегда точно, приходскій священникъ, въ особенности сельскій, рисковалъ обвѣнчивать меньшее число браковъ, а они-то и служили для него однимъ изъ главныхъ источниковъ содержанія. Извѣстно, какъ необезпеченно, какъ нищенски-жалко было существованіе сельскаго духовенства при Петрѣ I, извѣстно также, что позже, особенно въ мрачныя времена Бироновщины, оно окончательно обнищало. Духовенство Бѣлгородской епархіи не составляло, конечно, исключенія въ этомъ отношеніи. И здѣсь только въ городахъ оно пользовалось сравнительной зажиточностью, содержало шинки, имѣло подданныхъ [1]), по селамъ же въ его средѣ составляли нерѣдкость такіе бѣдняки, что даже не особенно высокій штрафъ взыскать съ нихъ бывало не мысдимо, и духовные управители доносили консисторіи, что съ такого-то священника какихъ-нибудь 2—3 рубля „за скудостью его доправить невозможно" [2]).

Насколько важной статьей дохода было для приходскаго

---

[1]) См. статью „Харьковъ полтораста лѣтъ назадъ" въ Харьковскомъ Календарѣ за 1885 г., стр. 645 и 647.

[2]) См. напримѣръ, д. 1731 г., № 8. Противоположныя исключенія были, но мало. Любопытный примѣръ владѣнія сельской церковью Бѣлгородской епархіи даже населенной землею см. въ статьѣ проф. А. С. Лебедева „къ вопросу о крѣпостномъ владѣніи приходскихъ церквей" въ „Чтеніяхъ общ. любител. духовн. просвѣщ." Майск. кн.

священника вѣнчаніе браковъ, видно изъ сохранившихся реестровъ, въ которыхъ показано вознагражденіе духовенству за разныя требы. Мы считаемъ нелишнимъ войти здѣсь въ нѣкоторыя подробности. До 1765 г. вознагражденіе за требы, какъ извѣстно, не подвергалось регламентаціи правительственной власти и размѣръ его вполнѣ зависѣлъ отъ желанія и усердія прихожанина, или отъ взаимнаго соглашенія послѣдняго съ священнослужителемъ. Въ брачныхъ дѣлахъ этого времени всего чаще упоминается плата въ 50 коп., 1,—1½ и 2 рубля, рѣдко больше, но меньше никогда [1]). Такъ вознаграждали за вѣнчаніе люди низшаго класса—казаки, однодворцы, солдаты; помѣщики же и вообще лица класса привиллегированнаго давали, безъ сомнѣнія, больше. Часто независимо отъ вознагражденія въ указанномъ размѣрѣ священнику, вѣнчавшіеся платили нѣкоторую сумму дьячку, напримѣръ копѣекъ 50, или-же тому и другому, сверхъ денегъ, приносили натурой хлѣбъ и т. п. Высочайше утвержденнымъ указомъ Сената 1765 г. апрѣля 18 была установлена очень скромная такса за требы, а именно велѣно, чтобы „священно- и церковно-служителями, въ селахъ и деревняхъ состоящими, съ крестьянъ, въ приходахъ ихъ имѣющихся, (за мирскіе требы) брано было: за молитву родильницы двѣ, за крещеніе младенца—три, *за свадьбу* по десяти, за погребеніе возрастъ имѣющихъ—десять, а за погребеніе младенцевъ три копѣйки, за исповѣдь-же и причастіе Святыхъ Таинъ отнюдь ничего не брать, а за молебны и поминовеніе родителей давать каждому по соизволенію и по возможности, которое опредѣляется въ разсужденіи крестьянства и людей неимущихъ; что-же касается до тѣхъ, кои по своему имуществу и желанію, за какія изъ вышеписанныхъ требы давать что по своему состоянію будутъ, оное имъ не запрещается, точію чтобъ священно-и церковно-служители ни подъ какимъ видомъ большаго себѣ за оныя требы платежа не домогались,

---

[1]) Чтобы правильно судить объ относительной высотѣ этого вознагражденія слѣдуетъ помнить, что русскій рубль первой половины XVIII вѣка стоилъ приблизительно 9—10 нынѣшнихъ. См. В. Ключевскаго, „Русскій рубль XVI—XVIII в. въ его отношеніи къ нынѣшнему". Москва. 1884 г., стр. 63—72

а довольны-бъ были таковымъ указнымъ и доброхотнымъ подаяніемъ" [1]). Но практика не хотѣла, повидимому, знать всѣхъ этихъ ограниченій, имѣвшихъ впрочемъ лишь условный характеръ, и продолжала подчиняться болѣе мѣстному обычаю, чѣмъ Сенатскому указу; епархіальная же власть, безъ сомнѣнія, хорошо зная бѣдность, а часто и нужду сельскаго духовенства, лишь крайне рѣдко, въ чрезвычайныхъ случаяхъ и по особымъ жалобамъ прихожанъ напоминала духовенству объ указѣ 65 года. По всей вѣроятности, средній размѣръ вознагражденія за браковѣнчаніе оставался въ Бѣлгородской епархіи до конца XVIII в. безъ измѣненія и колебался отъ 1 до 3 руб. [2]). Вотъ „реестръ", составленный дьячкомъ слободы Евсюга, Бѣловодской округи [3]), „за какія именно мирскія требы забрано священникомъ Петромъ денегъ":

За повѣнчаніе малороссіянина Стефана, Аврамова сына, Воробьева	1 р.	— к.
„ повѣнчаніе малорос. Парфенія со вдовою женою	2 „	— „
„ отправленіе у малороссіян. Пикелая, прозваніемъ Гука, молебна и панаеиды, которой отправленъ онымъ священникомъ съ разночинцомъ Василіемъ Смѣлянскимъ	— „	30 „
„ отправленіе у малорос. Марины молебна и панаеиды	— „	30 „
„ погребеніе у малороссіян. Емельяна младенца	— „	15 „
„ сорокоустъ жительствующаго въ хуторѣ Платоновкѣ съ малороссіян. Алексѣя Веровскаго онымъ священникомъ взята корова, которая имъ и продана цѣною за	5 „	— „
„ исправленіе сорокоуста хутора Гримучей (?) съ малорос., прозваніемъ Лимаря, взята корова, которая и продана за	4 „	— „

---

[1]) См. Полн. Собр. Закон. № 12378.

[2]) Въ „Описаніи свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ", сочиненномъ Григор. Калиновскимъ (СПб. 1776 г.) плата „за вѣнчаніе попу, дьячкамъ и пономарю" опредѣлена въ $1^1/_2$ рубля. См. „Харьковскій Сборникъ" за 1889 г., стр. 173.

[3]) Воронежской епархіи, но есть всѣ основанія думать, что епархія Бѣлгородская не разнилась отъ нея въ этомъ отношеніи. Реестръ составленъ въ 1781 году.

Такимъ образомъ только сорокоусты, исправлять которые приходилось приходскому духовенству лишь въ случаяхъ смерти зажиточныхъ прихожанъ, слѣдовательно относительно рѣдко, оплачивались выше браковѣнчаній. Препровождая свой реестръ въ Воронежскую духовную консисторію, дьячокъ жалуется единственно на то, что священникъ не беретъ его съ собой на требы и не дѣлитъ съ нимъ доходовъ, считая, очевидно, самый размѣръ доходовъ нормальнымъ, не превышающимъ размѣра, установленнаго мѣстнымъ обыкновеніемъ. Въ своемъ отвѣтномъ доношеніи и священникъ въ общемъ не опровергаетъ жалобы и данныхъ своего дьячка, но оправдывается тѣмъ, что частая нетрезвость послѣдняго не позволяетъ брать его съ собой на требы.

Но не всегда вознагражденіе за требы не превышало средней мѣры. Сельское духовенство иногда просило за браковѣнчаніе и очень крупныя суммы, о чемъ не разъ доходили свѣдѣнія до духовныхъ правленій и Бѣлгородской консисторіи. Духовныя правленія большею частью не препятствовали даже такому рѣзкому уклоненію отъ установленной Сенатомъ таксы и не давали дальнѣйшаго движенія дѣлу, но Консисторія подтверждала обязательность сенатскаго указа 18 апрѣля. Такія подтвержденія были сдѣланы при преосвященномъ Ѳеоктистѣ два раза консисторскими указами отъ 27 октября 1794 года [1]) и 29 января 1799 года, объявленными духовенству чрезъ духовныя правленія, съ отобраніемъ подписокъ [2]).

---

[1]) Д. 1794 г. № 63. Духовныя правленія и благочинные между прочимъ обязывались на случай впредь отъ прихожанъ на священно и церковно служителей жалобъ.. въ самой возможной скорости чинить изслѣдованія и съ виновными поступать по законамъ. Какія же послѣдуютъ къ нимъ жалобы прошенія или доносы, говоритъ далѣе указъ, когда и чѣмъ оные рѣшены будутъ или не рѣшены и для чего, присылать ежемѣсячно благочиннымъ въ духовныя правленія репорты, а духовнымъ правленіямъ въ консисторію—*вѣдомости* по формѣ присемъ прилагаемой.

[2]) Весьма любопытно также дѣло 1793 г. (по описи № 89), изъ котораго видно между прочимъ, что Бѣловодскими священниками (Воронежской епархіи) были взяты такія вознагражденія за браковѣнчаніе:

денегъ	3 р.	10 к.	хлѣбомъ	2 четверти	6 четвериковъ.
„	5 „	80 „	пшениц.	1 „	— —

Но если браковѣнчаніе, какъ и вообще совершеніе требъ, давало духовенству наиболѣе средствъ къ жизни и тѣмъ самымъ заставляло его дорожить прихожанами, не допускать удовлетворенія ихъ религіозныхъ потребностей священнослужителями иныхъ приходовъ, то съ другой стороны—та же самая причина являлась для него побужденіемъ къ нарушенію одного изъ важнѣйшихъ предписаній 50-й главы Кормчей „о пастырѣ свойственномъ",—и приходскій священникъ, случалось, соглашался вѣнчать не своихъ прихожанъ. Это—наиболѣе часто упоминаемая въ слѣдственныхъ дѣлахъ XVIII в. форма уклоненія отъ узаконенныхъ условій браковѣнчанія.

Трудно бывало священникамъ не переходить въ этомъ смыслѣ границъ своего прихода, когда по распоряженію епархіальной власти происходило новое распредѣленіе между ними прихожанъ-жителей одного города или села. Въ подобныхъ случаяхъ архіерею приходилось чрезъ Консисторію вновь подтверждать свое распоряженіе и угрожать строгимъ взысканіемъ за дальнѣйшее непослушаніе [1]). Крат-

денегъ	7 р.	20 к.	хлѣбомъ	1	четверт.	4	четверик.
"	8 "	— "	"	1	"	—	—
"	10 "	30 "	"	2	"	—	—
"	14 "	— "	"	2	"	2	"
"	15 "	— "	—	—	—	—	—
"	20 "	— "	—	—	—	—	—

За погребеніе большею частью бралось отъ 1 до 5 рублей, хотя и тутъ есть случаи столь высокой платы, что имъ съ трудомъ вѣрится, не смотря на свидѣтельство оффиціальнаго лица—Бѣловодскаго исправника; напримѣръ, за погребеніе священники слободъ Баранниковой и Морозовки взяли: одинъ—пару воловъ, стоявшихъ 50 рублей, другой—сына, оставшагося въ сиротствѣ, въ дворовую работу на годовое время и т. д.

[1]) Наглядной иллюстраціей такого неисполненія архіерейскаго распоряженія можетъ служить слѣдующее „прошеніе" священника соборной Троицкой церкви г. Бѣловодска, Захаріи Андреева Паламаренка: „Сего 1781 года марта 20 числа получилъ я нижайшій отъ Ваш. Высокопреосвященства о переведѣніи грамоту и указъ въ городъ Бѣловодскъ Троицкой церкви соборной вторымъ священникомъ и повелѣно было отъ Ваш. Высокоархипастырскаго благословенія указомъ раздѣлить приходъ по частямъ на трое каждому священнику по ровной части; точію и понынѣ прихода не раздѣлено и владѣютъ сами протопопъ отецъ Иванъ, Петровъ сынъ, Устиновскій по поламъ из священникомъ Григоріемъ Терентьевымъ, а мене нижайшаго не допускаютъ

временная отлучка священника изъ села или города также давала поводъ духовенству сосѣднихъ приходовъ брать на себя совершеніе требъ для прихожанъ отлучившагося пастыря и безъ его согласія, слѣдовательно самовольно, вѣнчать браки. Въ такихъ случаяхъ священникъ, интересы котораго были нарушены, входилъ обыкновенно въ духовное правленіе съ доношеніемъ, въ которомъ, указавъ на „учиненную ему съ причетниками немалую обиду", просилъ „не допустить (его) до убытку" и представить гдѣ надлежитъ, дабы онъ и причетники „отъ онаго попа награждены были"; и духовное правленіе принимало мѣры, чтобы виновный возвратилъ жалобщику „взятый (послѣднимъ) доходъ", дабы отъ онаго попа прошенія болѣе не происходило" и отбирало о томъ подписку [1]).

Но всего чаще встрѣчаются въ дѣлахъ случаи браковѣнчанія не имѣвшими на это право священниками заштатными и въ частности находившимися на дьяконскихъ мѣстахъ. Заштатныхъ священниковъ было, повидимому, очень много по приходамъ Бѣлгородской епархіи. Часто ничѣмъ

какъ до прихода, такъ до мирскихъ требъ и ни малѣйшихъ не допущаютъ отправлять, и вовсѣ обывателямъ усемъ приказали, чтобъ они обыватели мене и ни на какія мирскія случающіяся требы не звали, а звали бъ священника Григорія Терентьева исправлять случающіяся мирскія требы, а отъ мене вовсе отвратили увесь приходъ, что и нединой души я у своемъ домѣ не видалъ; чрезъ годъ сами они крестятъ и хоронятъ и бракомъ сочетаютъ, *разомъ по седми паръ венчаютъ, а венчаетъ священникъ отецъ Григорій Терентьевъ и по пяти паръ и по три пары и по двѣ пары и деньи* за трудъ изъ нихъ берутъ себѣ, а мене нижайшему ничего не даютъ и ни с какихъ мирскихъ доходовъ ниже ни единой полушки а чрезъ то я и ежедневного пропитанія почти не имѣю и пришелъ я въ самую крайнюю нужду и скудость; ктому жъ не велитъ еще и по приходу ходить сыномъ духовнымъ у домѣхъ, окончаюцщи святой постъ, молитву прочесть и на святую пасху на светлой праздникъ ничего приходу какъ хлѣбомъ такъ и деньгами не далъ а усе себѣ забралъ"... и т. д. Преосвящ. Тихонъ положилъ на это прошеніе такую резолюцію: „подтвердить протопопу строжайше чтобы священнику обидъ не чинилъ и части принадлежащей ему не касался подъ опасеніемъ лишенія протопопства, декабря 18 дня 1781 г.". (Дѣло въ опись не внесено). Аналогичные факты случались и въ Бѣлгородской епархіи. Недоразумѣнія между священниками одного прихода по поводу совершенія требъ были нерѣдкостью и въ первой половинѣ XVIII вѣка, срвн. напр. Историко-статистическ. описаніе Харьковск. епархіи, отд. II, стр. 164—165.

[1]) См. напр. д. 1747 г. № 42.

матеріально необезпеченные или принужденные довольствоваться до крайности скуднымъ содержаніемъ причетника, они легко склонялись къ вѣнчанію браковъ, чтобы нѣсколько улучшить свое бѣдственное положеніе. Въ консисторскихъ указахъ послѣдней четверти XVIII вѣка мы находимъ указанія на то, какимъ образомъ увеличилось такъ непомѣрно число заштатныхъ священниковъ. Духовныя правленія, кажется, слишкомъ спѣшили замѣщеніемъ сельскихъ приходовъ своими кандидатами, дѣлали о нихъ представленія епархіальному архіерею, аттестуя священниковъ, мѣста которыхъ предополагалось предоставить имъ, уже устарѣвшими, къ служенію неспособными. Чтобы положить конецъ этому злу, консисторія, по распоряженію преосвященнаго Ѳеоктиста, предложила такихъ, яко-бы устарѣвшихъ священниковъ присылать для освидѣтельствованія въ Бѣлгородъ и лишь въ такомъ случаѣ, если они дѣйствительно оказались-бы неспособными проходить дальнѣйшее служеніе, отставлять ихъ за штатъ. Но и послѣ этой рѣшительной мѣры зло не прекращалось, по крайней мѣрѣ результаты ея не замѣтны до самаго конца XVIII в. Правда, оставленіе за штатомъ, благодаря ей, должно было практиковаться рѣже, но уже раньше лишенные своихъ мѣстъ священники оставались безмѣстными и продолжали служить поводомъ постоянныхъ жалобъ на неправильно совершенныя ими браковѣнчанія. Во-вторыхъ, духовныя правленія нашли возможнымъ обходить столь разумное распоряженіе преосвященнаго Ѳеоктиста, какъ видно изъ указа консисторіи, отъ 30 іюня 1795 г. „Многократно, говоритъ онъ между прочимъ, предписываемо было духовнымъ правленіямъ о присылкѣ къ его преосвященству священно- и церковно-служителей престарѣлыхъ и болѣзненныхъ для освидѣтельствованія, но нѣкоторыя духовныя правленія представляютъ и нынѣ кандидатовъ на священно- и церковно-служительскія мѣста *подъ видомъ двуприходныхъ и треприходныхъ церквей*" [1]). Тотъ-же указъ даетъ намъ понять, что въ Бѣлгородской епархіи бы-

[1]) Далѣе указомъ приводятся мѣры и вообще къ улучшенію состава священно-служителей въ епархіи.

ло много заштатныхъ священно-служителей и добровольно отказавшихся отъ служенія. Относительно ихъ предписывается: „ежели кто изъ священно и церковно-служителей отъ званія своего отказался и находится на собственномъ или на чіемъ либо пропитаніи, то чтобъ и тѣ никакихъ требъ не исправляли и съ статными священно и церковно-служителями ко исправленію требъ не ходили: да и сами по приходу не бродили бъ и несогласія, ссоръ и вражды между статными священно и церковно-служителями и прихожанами не чинили, наблюдать сего не только десятоначальникамъ и благочиннымъ, но и духовнымъ правленіямъ подъ опасеніемъ штрафованія за нерадѣніе о должности своей". Въ 1799 году [1]), по поводу возникшаго слѣдственнаго дѣла о пяти случаяхъ обвѣнчанія заштатными священниками браковъ, консисторія дѣлаетъ такое любопытное опредѣленіе: „велѣть ключи церковные хранить статнымъ священникамъ у себя въ бережливости, книгъ касающихся до исправленія требъ, ризъ никакихъ, ниже епитрахиля застатнымъ священникамъ изъ церкви не давать и, буде собственныя имѣютъ, то отобрать и хранить въ церквѣ, застатнымъ священникамъ въ алтарь не входить, а стоять на клиросѣ, вслучаѣ-жъ желанія ихъ пріобщиться Святымъ Христовымъ Тайнамъ, то причащаться имъ, по очищеніи совѣсти предъ духовникомъ, въ алтарѣ на литургіи, статнымъ священникомъ совершаемой, съ возложеніемъ на себя епитрахили и поручей; буде и впредь какая-либо христіанская треба, а паче браковѣнчаніе отъ застатнаго священника совершится, то статный священникъ отвѣчать будетъ за несмотрѣніе; при томъ же о неисправленіи требъ священникомъ, на діаконскихъ мѣстахъ состоящимъ, безъ дозволенія статныхъ священниковъ чужихъ приходовъ никакихъ требъ, а паче браковѣнчанія отнюдь ни подъ какимъ видомъ не совершать, о семъ и нынѣ всѣмъ съ подписками наистрожайше подтвердить, чего наблюдать любопщательно благочиннымъ при обозрѣніи благочинія". Виновныхъ священниковъ консисторія опредѣлила „за неисполненіе по подпискамъ о неисправленіи требъ, а паче о невѣнчаніи

---

[1]) См. № 92-й за этотъ годъ.

браковъ оштрафовать въ примѣръ прочимъ отсылкою съ нарочнымъ приставомъ въ Глинскую пустынь для чтенія псалмовъ и въ труды монастырскіе, по силѣ ихъ, на полгода и велѣть настоятелю оной пустыни репортовать о нихъ ежемѣсячно“ [1]). Наконецъ, 26 января 1799 г. преосвящ. Ѳеоктистъ, обращая вниманіе консисторіи на различныя неправильности, допускаемыя при вѣнчаніи священниками, состоящими на діаконскихъ мѣстахъ, предписалъ таковыхъ „опредѣлять на праздныя штатныя священническія мѣста, буде они къ тому способны, впредь-же (имъ) не священнодѣйствовать и требъ не отправлять безъ дозволенія штатныхъ священниковъ“ [2]).

Рѣже встрѣчаются въ дѣлахъ и указахъ XVIII в. указанія на повѣнчаніе браковъ монахами „чернецами“. Если такіе случаи имѣли мѣсто, то опять таки виновными въ нихъ оказывались іеромонахи изъ вдовыхъ священниковъ [3]), обыкновенно покинувшихъ монастырь и успѣвшихъ пристроиться къ какой-нибудь приходской церкви. Указъ преосвященнаго Ѳеоктиста отъ 30 іюня, уже нѣсколько разъ цитированный нами, упоминаетъ и объ этихъ случаяхъ неправильнаго совершенія требъ. Архипастырь возлагаетъ

---

[1]) За исключеніемъ одного—Андрея Федюшина, обвѣнчавшаго бракъ въ домѣ, котораго вѣлено отослать въ Бѣлоградскій Николаевскій монастырь для чтенія псалмовъ и труды монастырскіе, безъ опредѣленнаго срока, такъ какъ о немъ имѣлись въ консисторіи другія дѣла. Проступокъ заштатнаго священника карался несравненно строже, если онъ сопровождался отягчающими вину обстоятельствами или имѣлъ своимъ послѣдствіемъ незаконный бракъ; см. напр. д. 1795 г. № 100 (труды монастырскіе продолжены до 2-хъ лѣтъ).

[2]) См. указъ консисторіи отъ 29 янв. 1799 г.

[3]) См. напр. д. 1731 г. № 4. Здѣсь мы узнаемъ, что въ 1730 г. бывшій города Маякъ Покровской церкви попъ Андрей „который нынѣ въ Святогорскомъ монастырѣ въ черицахъ, вѣнчалъ *черицемъ* Маякскихъ обывателей двѣ свадьбы“. Слѣдствіе по этому дѣлу выяснило, при какихъ обстоятельствахъ было совершено одно изъ браковѣнчаній. Въ маѣ указаннаго года былъ призванъ „маяцкими жителями“ изъ Свяаторскаго монастыря для отслуженія литургіи попъ Андрей, въ монашествѣ Артемонъ, который по окончаніи литургіи, не выходя изъ церкви, и взялся перевѣнчать жившаго въ г. Маякахъ „плотника съ женою рѣшетничкою“ безъ вѣнечной памяти „а когда онъ попъ Андрей съ маяцкихъ жителей за вѣнчаніе и пошлинныя деньги отбиралъ и въ то время сказывалъ, что де таковыя деньги посланы будутъ въ Изюмъ“ (денегъ отобрано 2 р. 16 алт. 2 деньги).

на десятоначальниковъ и благочинныхъ обязанность „любопытцательно наблюдать“ за такими духовными лицами и предписывалъ „ежели кто либо изъ вдовыхъ священниковъ и діаконовъ, пожелавшихъ въ монашество, изъ монастыря вышелъ и живетъ при приходѣ, то чтобъ никто изъ нихъ въ приходскихъ церквахъ не священнодѣйствовалъ и никакихъ отнюдь ни подъ какимъ видомъ христіанскихъ требъ не исправлялъ и по приходу не бродилъ и статнымъ священно и церковно-служителямъ и прихожанамъ поводу къ несогласію не давалъ“.

Трудно бывало духовенству Бѣлгородской епархіи предупреждать попытки къ совершенію браковѣнчанія со стороны священниковъ сосѣдней, Воронежской епархіи, жившихъ въ пограничныхъ городахъ и селеніяхъ и въ особенности по крѣпостямъ“ [1]). Состоявшіе при крѣпостяхъ или полкахъ священники, считая себя болѣе зависимыми отъ военнаго, чѣмъ духовнаго начальства, часто не повиновались послѣднему и даже отказывались являться по требованію духовныхъ правленій къ допросу [2]). Такимъ „полко-

---

[1]) Полковое духовенство было обезпечено не болѣе приходскаго. Жалованье ему полагалось ничтожное: такъ, въ 30-хъ годахъ XVIII-го стол. полковымъ попамъ Слободскихъ полковъ „производилось денежнаго и хлѣбнаго жалованья въ годъ“: 26 руб. 82 коп., 6 четвертей муки и 3 четв. пшена, одному дьячку—6 руб., 4 четв. муки и 2 четв. пшена (въ томъ числѣ, впрочемъ, нѣтъ данныхъ о „провіантѣ“ отъ Харьковскаго полка). См. изданные проф. Багалѣемъ „Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьк. и отчасти Курск. и Ворон. губ“. т. II стр. 153.

[2]) 7-го октября 1735 г. попъ Иванъ сл. Протопоповки доносилъ въ Изюмское духовное правленіе: „Увѣдомился я.... что приходу моего слободы Протопоповки житель однодворецъ Стефанъ десяцкой поѣхалъ мимо мой приходъ коннаго Ландмилицкого Томбовскаго полку въ донецкую крѣпость Воронежской епархіи къ попу Максиму, которой попъ служитъ въ Ландмилицк. Воронежск. полку, а какъ прозваніе онаго попа не вѣдаю, которой попъ вышеозначенаго однодворца перевѣнчалъ, не требуя у него вѣнечной памяти, и *кромѣ вышеозначенныхъ прихожанъ въ разныхъ числахъ многіе тамошніе обыватели въ разные крѣпости ѣздятъ и безъ вѣнечныхъ памятей вѣнчаются*“. Въ другомъ доношеніи (отъ 15 ноября того-же года), тотъ-же попъ Иванъ снова доводитъ до свѣдѣнія духовнаго правленія о нѣсколькихъ случаяхъ повѣнчанія протопоповскихъ прихожанъ попомъ Максимомъ, „который и по днесь при полку (Воронежскомъ) имѣется“. На предписаніе управителя доставить попа Максима въ правленіе, онъ между проч. замѣчаетъ: „а что вы изволили ко мнѣ писать, чтобъ весьма стараться имать оного по-

вымъ священникамъ легко было оставаться безнаказанными при неимѣніи часто постояннаго мѣста жительства и нѣкоторомъ заступничествѣ военныхъ начальниковъ. Какихъ усилій стоило иногда доставить ихъ въ духовный судъ видно изъ только что поцитированнаго нами (въ примѣчаніи) дѣла 1735 года. Послѣ тщетныхъ усилій вызвать полковаго попа Максима, обвинявшагося въ неоднократномъ повѣнчаніи чужихъ прихожанъ, чрезъ священника сл. Протопоповки Ивана, былъ посланъ въ Донецкую крѣпость, съ промеморіей на имя Ландмилицкой Воронежской полковой канцеляріи о высылкѣ виновнаго къ суду, пономарь Изюмской соборной церкви Мартынъ Колесниковъ съ дьячкомъ с. Спеваковки. Но и этотъ посланный не добился цѣли своей поѣздки. Въ крѣпости онъ уже не засталъ Воронежскаго полка, оставленный-же тамъ офицеръ (капитанъ) промеморіи не принялъ и объявилъ, что „Воронежскій полкъ пошелъ въ Воронежъ, а попъ Максимъ остался въ Донецкой крѣпости и онъ де никоей команды, какъ де себѣ съ нимъ хочешь“. „и по оныхъ его, капитана, словахъ, доносилъ соборный понамарь духовному правленію, хотѣлъ я его попа взять, токмо его, попа, въ той Донецкой крѣпости не было, а сказали что поѣхалъ въ Лозовую крѣпость для мирскихъ требъ“. И попъ Максимъ остался на свободѣ.

Само собой разумѣется, что священники, вѣнчавшіе не своихъ прихожанъ, обыкновенно не исполняли вообще установленныхъ правилъ о мѣрахъ предосторожности противъ незаконныхъ браковъ и прежде всего не требовали отъ брачущихся вѣнечныхъ памятей, которыхъ и не выдали-бы духовныя правленія на ихъ имя. О „подозрительныхъ священнаго чина людехъ, которые по домамъ церковныя требы отправляютъ“ и говорить нечего [1]). Но вѣнчать безъ памя-

---

на всякими (?) мѣрами невозможно, понеже прежде вашего ко мнѣ писанія, будучи въ крѣпости Донецкой, ѣхалъ я мимо церкви при вечерѣ и, видя, что свѣтится въ церкви, пошелъ въ церковь“. Заставъ здѣсь попа Максима, совершающимъ обрядъ браковѣнчанія, попъ Иванъ сталъ ему говорить: „на что ты вѣнчаешь безъ памяти? а онъ сказалъ: „тебѣ до меня и вашимъ духовнымъ управителямъ дѣла нема, понеже я полковой попъ Воронежскаго походнаго полку, а не Тамбовскаго, живущаго при семъ“.

[1]) Указъ 1732 г., полученный въ Харьковѣ 3-го мая изъ домовой канцеляріи архіеп. Досиѳея.

тей рѣшались иногда и приходскіе священники, т. е. выражаясь терминомъ кормчей книги „пастыри свойственные“. Доносовъ на упущеніе этого рода сохранилось сравнительно много. Впрочемъ, едва-ли можно отсюда сдѣлать заключеніе, что оно было зауряднымъ явленіемъ въ Бѣлгородской епархіи. Сравнительно большое число доносовъ скорѣе свидѣтельствуетъ о той строгости, съ какой духовныя правленія слѣдили за выборкой памятей, о чемъ нами уже замѣчено выше. Было-бы поэтому слишкомъ рискованно особенно часто уклоняться отъ мѣры, неисполненіе которой уже само по себѣ служило достаточнымъ основаніемъ—привлечь виновнаго къ суду и подвергнуть его строгому взысканію, хотя-бы обвѣнчанный такимъ образомъ бракъ и былъ вполнѣ законный. Всякій разъ, получивъ доношеніе о совершенномъ браковѣнчаніи безъ вѣнечной памяти, духовное правленіе распоряжалось „о доправленіи“ съ виновнаго „пошлинныхъ денегъ“ или отбирало подписку объ уплатѣ ихъ и „учиня по силѣ указовъ и духовныхъ правъ разсмотрѣніе“, опредѣляло виновному „за продерзость“ наказаніе „по указу, дабы и другимъ было неповадно“. Вѣнечныя деньги взыскивались съ большою строгостью и, если виновный оказывался умершимъ, то взысканіе падало на его дѣтей [1]). Напротивъ, совершеніе обыска и отбираніе сказокъ оставлялось, вѣроятно, чаще, чѣмъ можно было-бы предполагать на основаніи упоминанія объ этомъ въ брачныхъ дѣлахъ. О такихъ отступленіяхъ отъ установленнаго порядка большею частью говорится лишь вскользь безъ особаго ударенія или тогда, если результатомъ недостаточной осторожности священника оказывался бракъ незаконный.

Браковѣнчаніе не въ установленное время или не въ церкви совершалось приходскими священниками большею частью въ тѣхъ случаяхъ, когда они знали какое-либо пре-

[1]) См. напр. д. 1747 г. № 4, въ которомъ два случая такого вѣнчанія браковъ безъ памятей. За повѣнчаніе безъ памятей, съ тѣхъ поръ какъ доходъ съ нихъ сталъ поступать въ казну (съ 1716 г. см. Полн. Собр. зак. № 3026), привлекали виновныхъ къ отвѣтственности и гражданскія власти. Такъ въ 1759 г. 19-го апрѣля въ Харьковск. духовномъ правленіи полученъ изъ казеннаго приказа указъ, „о присылкѣ въ приказъ таковыхъ священницъ, которые безъ отпуску съ духовныхъ управителей, вѣнечныхъ памятей людей вѣнчаютъ“.

пятствіе къ браку, по крайней мѣрѣ имѣли основаніе подозрѣвать таковое, или-же хотѣли вѣнчать безъ вѣнечной памяти и боялись огласки. Въ дѣлахъ не разъ упоминается о браковѣнчаніяхъ „ночною порою“, „въ полунощи“, „въ своей избѣ“ [1]). Полковые священники, напр. вышеупомянутый попъ Максимъ, вѣнчали въ часовняхъ, также, сплошь и рядомъ, не въ урочное время. Вѣнчаніе въ часовняхъ, кажется, было вообще довольно заурядным явленіемъ и во многихъ другихъ епархіяхъ, чему старался положить конецъ Святѣйшій Синодъ указамъ 1769 года [2]), предписавшимъ „во всѣхъ епархіяхъ учинить священникамъ наикрѣпчайшее съ подписками подтвержденіе, чтобы мимо церквей въ часовняхъ отнюдь никого не вѣнчали подъ опасеніемъ лишенія чиновъ ихъ“.

Выше мы упоминали о томъ важномъ значеніи, которое имѣли метрическія книги для разрѣшенія сомнѣній о брачномъ совершеннолѣтіи жениха и невѣсты. На практикѣ справки по этимъ книгамъ становились часто невозможными, благодаря неисправному веденію ихъ во многихъ приходахъ, особенно тамъ, гдѣ не самъ священникъ вносилъ въ

[1]) Напр. въ указѣ консисторіи 1735 г., данномъ въ отсутствіи архіепископа Досиѳея на имя Изюмскаго духовнаго управителя, протопопа Прокопія Бужинскаго: „По Ея Имп. Вел. указу и по опредѣленію Бѣлгородской Духовной консисторіи содержавшейся въ той консисторіи вѣдомства твоего села Гусинки Георгіевской церкви попъ Петръ за безчинное его житіе и вѣнчаніе беззаконно сестры своея отъ жива мужа, ночною порою въ полунощи въ избѣ съ Кондратьемъ кучеромъ отпущенъ въ домъ свой до прибытія на престолъ преосвященнаго архіерея, и священнослуженія и мирскихъ требъ, ему нигдѣ ни тайно, ни явно не отправлять, потому для вѣдома послать къ тебѣ протопопу Прокопію указъ, а какъ преосвященный архіерей на престолъ прибудетъ, о священнослуженіи ему, попу, явится и бить челомъ ему, преосвященному архіерею и протопопу Прокопію Бужинскому о томъ вѣдать и чинить по сему Ея И. В. указу (слѣдуютъ подписи казначея, духовника и секретаря). См. также д. 1747 г. № 4 и друг.

[2]) Цитируется въ нѣсколькихъ указахъ Бѣлгородской консисторіи, наприм. отъ 1 декабря 95 года. Въ первой половинѣ XVIII в. консисторіи приходилось принимать мѣры не только, чтобъ вѣнчаніе браковъ происходило исключительно въ церквахъ, но и къ искорененію нѣкоторыхъ неумѣстныхъ обыкновеній. Такъ, указомъ, полученнымъ въ Харьковскомъ духовномъ правленіи 28 марта 1738 г., повелѣвается „о надсмотрѣніи, не творятся-ли въ какихъ церквахъ безчинія, а именно при вѣнчаніи не пьютъ-ли горѣлки?“

книгу каждый случай браковѣнчанія, а полагался на дьякона и даже дьячка. Бѣлгородская консисторія старалась, сколько могла, побудить подвѣдомственное ей духовенство относиться болѣе внимательно къ веденію метрическихъ записей, но безуспѣшно. „Книги исповѣдныя и метричныя, гласитъ ея указъ отъ 23 ноября 1795 г., должны писать священно и церковно-служители своихъ приходовъ подъ присмотромъ десятоначальниковъ и благочинныхъ и присутствующіе въ духовныхъ правленіяхъ должны люботщательно наблюдать, чтобъ метричные и исповѣдные книги въ свое время и со всякою исправностію писаны были и неисправные тотъ часъ исправлять и во всякой исправности въ консисторію присылать въ первыхъ числахъ января всенепремѣнно". Усмотрѣвъ небрежное веденіе метрическихъ книгъ, духовное начальство подвергало виновнаго и довольно чувствительнымъ наказаніямъ. Такъ, въ 1799 г. Харьковское духовное правленіе въ мнѣніи своемъ по дѣлу о расторженіи брака крестьянина Самуила Носова, за побѣгомъ жены, между прочимъ, полагало: „А какъ означенный Самуилъ въ исповѣдныхъ 1797 и 798 годовъ росписяхъ не показанъ, сколько ему нынѣ лѣтъ отъ роду не извѣстно, равно какого года вѣнчанъ бракъ, *о писаніи-жъ метричныхъ книгъ и исповѣдныхъ росписей вѣрно-ежегодно бываютъ отъ консисторіи духовнымъ правленіямъ предписанія*, по коимъ сіе правленіе также чинитъ всѣмъ священнослужителямъ повѣстки не однократно съ подписками, дабы старались исповѣдныя росписи и метричныя книги писать вѣрно и исправно, но и послѣ таковыхъ подтвержденій нѣтъ дѣйствительнаго исполненія, то за сіе небреженіе и въ примѣръ другимъ нерадивымъ: запретивъ нынѣшнему священнику Емеліану Толмачеву, какъ онъ при сей церквѣ находится въ должности болѣе пятнадцати лѣтъ, на одинъ мѣсяцъ священнослуженіе, отослать его въ Старохарьковскій общежительный монастырь для чтенія псалмовъ, также дьячка и пономаря за непособіе ему въ тотъ-же монастырь на мѣсяцъ въ монастырское послушаніе и, по освобожденіи изъ монастыря, обязавъ всѣхъ ихъ въ Правленіи о писаніи впредь наивѣрнѣйше книгъ и росписей подпискою, опредѣлить по прежнему къ должностямъ при сей-же церкви". Консисторія утвердила въ общемъ мнѣ-

ніе духовнаго правленія и только смерть священника Толмачева, наступившая во время производства дѣла, избавила его отъ наказанія [1]).

Случалось однако, что и при наличности записей священникъ не наводилъ по нимъ справокъ по довѣрчивости-ли къ простымъ заявленіямъ родителей, или просто по небрежности, и въ результатѣ оказывался незаконный бракъ недостигшихъ совершеннолѣтія. Противъ этаго зла принималъ, какъ извѣстно, энергичныя мѣры самъ Святѣйшій Синодъ, еще въ 1751 г. предписавшій епархіальнымъ архіереямъ подтвердить подвѣдомственному имъ духовенству наикрѣпчайшими указами о невѣнчаніи малолѣтнихъ съ взрослыми [2]). Указомъ-же 1774 г. отъ 17 декабря [3]) Синодъ опредѣляетъ и строгую мѣру наказанія за повѣнчаніе по-

[1]) Опредѣляя мѣру наказанія за неправильное веденіе метрическихъ книгъ, Консисторія сообразовалась и съ общимъ поведеніемъ неисправнаго священника. Когда обнаружилось невнесеніе въ метрики брака казака Чернаго священникомъ села Дудковки Николаемъ Павловскимъ и „по справкѣ въ вѣдомостяхъ о качествахъ священно- и церковно-служителей" оказалось, что „онъ, священникъ Павловскій, состоянія непохвальнаго, пьянствуетъ и тѣмъ подаетъ прихожанамъ соблазнъ, Бѣлгородскою Консисторіею опредѣлено: означенному священнику Николаю... за невнесеніе сего брака въ метрическіе книги въ противность установленій церковныхъ, въ Кормчей книгѣ изображенныхъ, Духовнаго регламента 12 пункта и указовъ изъ Святѣйшаго Синода 1765 іюля 8 и 779 годовъ ноября 23 чиселъ и за пьянственное обращеніе быть чрезъ 5 лѣтъ безъ священнослуженія, а исправлявшаго при томъ вѣнчаніи должность дьячка Луку отослать на 1 годъ въ Харьковскій Покровскій монастырь для употребленія въ монастырскую черную работу; приходъ-же его, священника Павловскаго, препоручить ближайшей церкви священнику, которому половинную часть священническихъ доходовъ отдавать оному священнику П., а другую получать себѣ за трудъ, дьячковскіе-жъ доходы отдавать всѣ домашнимъ дьячка... на пропитаніе". На это опредѣленіе консисторіи преосвященный далъ такую резолюцію: „Касательно дьяка учинить по сему, а священника отослать въ Хотмыжскій монастырь для чтенія псалмовъ, а въ свободное время въ монастырскую работу, не допуская его до пьянства; стараться настоятелю онаго монастыря наставлять его къ трезвости и примѣрному благоповеденію и репортовать о немъ ежегодно. Половину-же доходовъ не священнику отдавать, но въ монастырь отсылать для содержанія его, священника, пищею и одѣяніемъ (дѣло 1795 г., № 110).

[2]) Свщ. проф. А. С. Лебедева „О брачныхъ разводахъ по архивнымъ документамъ Харьк. и Курск. Духовн. Консист." Москва. 87 г., стр. 18.

[3]) См. д. 1776 г., № 22.

добныхъ браковъ—„неопустительное лишеніе чиновъ; если кто вновь „окажется въ таковомъ преступленіи" предписывается лишать священства, а бывшихъ при томъ церковниковъ—ихъ званія". Этимъ указомъ и руководствовалась практика Бѣлгородскаго епархіальнаго суда [1]).

Но не всегда виновными въ такихъ браковѣнчаніяхъ оказывались одни священники и вообще духовенство. Не малая доля вины падала и на „управителей, опредѣленныхъ надъ однодворцами", между которыми особенно часто совершались браки малолѣтнихъ съ возрастными дѣвками. Эти управители сами вводили въ заблужденіе приходскихъ священниковъ неправильно выдаваемыми свидѣтельствами. Когда въ 1759 г. Бѣлгородское Однодворческое управительское правленіе, доношеніемъ въ консисторію отъ 24 декабря, потребовало подтвержденія священникамъ „о невѣнчаніи малолѣтнихъ однодворческихъ дѣтей и о неотпускѣ безъ вѣдома управительскаго и безъ свидѣтельствъ духовнымъ управителямъ вѣнечныхъ памятей" и консисторія разослала такое подтвержденіе по епархіи, то въ отвѣтъ нѣкоторыя духовныя правленія, въ свое оправданіе, доносили, что „опредѣленныя надъ однодворцами управители желающимъ бракосочетатися однодворческимъ дѣтемъ о лѣтахъ ихъ свидѣтельства даютъ малолѣтнымъ и несовершенныхъ лѣтъ, а другимъ и великовозрастнымъ незнаемо чего ради не даютъ и волочатъ напрасно". Преосв. Іоасафъ поэтому призналъ нужнымъ предписать чрезъ консисторію [2]) „ежели и безъ свидѣтельствъ управительскихъ усмотрѣно будетъ въ прав-

---

[1]) См., напримѣръ, д. 1781 г. № 86. „Священника Петра Дахневскаго и дьякона Георгія Черняева, какъ они за обвѣнчаніе въ минувшемъ 788 году 9-ти лѣтняго однодворческаго сына Никифора съ великовозрастною дѣвкою Меланіею священнослуженія уже лишены и опредѣлены въ должности церковно-причетническія, то и оставить ихъ нынѣ безъ штрафа, а только обязать ихъ въ духовномъ правленіи подписками, чтобъ они, будучи и въ нынѣшнемъ ихъ званіи, отнюдь таковыхъ преступленій чинить не отваживались, подъ опасеніемъ исключенія вовсе изъ церковнаго причта и отсылки въ свѣтскую команду; пономаря-же Венедикта Черняева, отправлявшаго при вѣнчаніи тѣхъ незаконныхъ браковъ пономарскую должность, исключивъ его изъ званія церковно-служительскаго и по отобраніи ставленной грамоты, отослать въ Харьковское намѣстническое правленіе для опредѣленія, куда годнымъ окажется".

[2]) Указомъ отъ 11 мая 1760 г. См. д. этого года № 50.

леніи духовномъ чей возрастъ и лѣта несумнительныя ко бракосочетанію, то, буди за какими либо управителей однодворческихъ нехотѣніями не дано будетъ свидѣтельства, и безъ того вѣнечныя памяти выдавать и вѣнчать и того жъ времени въ консисторію репортовать и, ежели и управительскія свидѣтельства за кѣмъ будутъ, и въ правленіяхъ духовныхъ усмотрѣно будетъ малолѣтныхъ (малолѣтство?) таковыхъ, по тѣмъ свидѣтельствамъ вѣнечныхъ памятей не выдавать и не вѣнчать и о томъ, такожъ когда усмотрѣно будетъ въ малолѣтствѣ, въ консисторію репортовать".

Но едва-ли не чаще оставлялись священниками всякія мѣры предосторожности противъ незаконныхъ браковъ, особенно же требованіе письменныхъ отпускныхъ и увольненій отъ помѣщиковъ подъ давленіемъ помѣщиковъ же и ихъ приказчиковъ, у которыхъ духовенство находилось въ сильной, такъ сказать, матеріальной зависимости. На это раздавались неоднократныя жалобы священниковъ, въ этомъ убѣждалась и консисторія. Въ 1792 г. правитель Курскаго намѣстничества и кавалеръ, Степанъ Даниловичъ Бурнашевъ, сообщеніемъ преосв. Өеоктисту изъяснялъ: „дошлоде до свѣдѣнія его, что однодворческихъ дочерей берутъ за помѣщичьихъ крестьянъ въ замужство не только безъ согласія отцовъ и матерей, но и самихъ ихъ похищая священники вѣнчаютъ, не соблюдая узаконеннаго въ семъ случаѣ порядка отобраніемъ отъ кого слѣдуетъ надлежащихъ свидѣтельствъ"... Въ виду такого „насилія, утверждаемаго таинствомъ святой вѣры", намѣстникъ просилъ о подтвержденіи и епархіи его преосвященства священникамъ, чтобы они безъ законныхъ свидѣтельствъ браковѣнчаній не совершали". Консисторія, усмотрѣвъ изъ производившихся у нея дѣлъ, „что нѣкоторые гг. помѣщики, а особливо ихъ управители и прикащики принуждаютъ священно и церковно-служителей къ запрещенному бракосочетанію и въ случаи ихъ въ томъ несогласія дѣлаютъ имъ примѣтны притѣсненіи и обиды", потребовала въ свою очередь, чтобы и Правитель намѣстничества далъ повелѣніе „дабы отъ стороны гг. помѣщиковъ, ихъ управителей и прикащиковъ соблюдаемъ былъ узаконенный въ бракосочетаніи порядокъ" [1]).

---

[1]) Браковѣнчанія безъ согласія помѣщика, безъ письменныхъ отпускныхъ

О примѣненіи на практикѣ въ Бѣлгородской епархіи въ концѣ XVIII-го в. правилъ, касающихся условій браковѣнчанія, а также о наиболѣе часто встрѣчавшихся въ то время отступленіяхъ отъ этихъ правилъ, дастъ намъ ясное представленіе указъ Бѣлгородской консисторіи отъ 17 апрѣля 1798 г. Этотъ любопытный документъ, свидѣтельствующій о большой архипастырской ревности преосвященнаго Ѳеоктиста въ дѣлѣ искорененія различныхъ неправильностей при браковѣнчаніяхъ, можетъ служить столько-же дополненіемъ къ выше изложенному, сколько подтвержденіемъ нѣкоторыхъ нашихъ выводовъ и предположеній. Приводимъ его поэтому цѣликомъ. „Въ данномъ отъ его преосвященства Ѳеоктиста, епископа Бѣлгородскаго и Курскаго Бѣлгородской консисторіи предписаніи написано: по прибытіи его преосвященства въ Бѣлгородскую епархію посланы были прежде всего отъ его преосвященства пастырскія увѣщанія чрезъ духовныя правленія ко всѣмъ священно и церковно-служителямъ о не вѣнчаніи беззаконныхъ браковъ со объясненіемъ, какіе и когда бываютъ беззаконные браки? потомъ разосланы по всѣмъ церквамъ катихизисы и книги „о должностяхъ приходскихъ пресвитеровъ", гдѣ между прочаго объяснено довольно, съ какими предосторожностями браки вѣнчать? о беззаконныхъ бракахъ многократно и изъ консисторіи посылаемыми указами объясняемо было, но *и нынѣ погрѣшаютъ священно и церковно-служители въ вѣнчаніи браковъ, когда вѣнчаютъ не въ положенное время, безъ указнаго обыска, не своего приходу, безъ дозволенія родителей, родственниковъ или помѣщиковъ, безъ записки въ метричныя книги* и чрезъ то подвергаются наказанію и сужденію, да

и увольненій совершались священниками и помимо всякаго давленія со стороны кого-бы то ни было. Въ 1791 г. были поданы „отъ нѣкоторыхъ господъ помѣщиковъ" прошенія въ Изюмск. духовн. правленіе съ жалобами на „нѣкіихъ-же Изюмскаго вѣдомства священниковъ о перевѣнчаніи ими ихъ господъ помѣщиковъ подданныхъ черкасокъ дѣвицъ съ коренными обывателями и другихъ помѣщиковъ съ подданными-жъ черкасами въ законное супружество безъ вѣдома и письменныхъ отпускныхъ или увольненій и на то дозволеній". Слѣдствіе подтвердило справедливость жалобъ и съ виновныхъ священниковъ были отобраны подписки, съ обязательствомъ впредь воздерживаться отъ подобныхъ поступковъ.

и бракосочетанные и бывшіе при бракосочетаніи во время слѣдствія безпокойствію подпадаютъ: *погрѣшаютъ священно и церковно-служители, когда въ бракъ вступить желающихъ и поѣзжанъ приводятъ къ крестному цѣлованію. Къ крестному цѣлованію велѣно приводить однихъ только родителей, что они дѣтей своихъ да и помѣщиковъ, что они крестьянъ своихъ къ бракосочетанію не принуждаютъ, а жениховъ и невѣстъ и ихъ поѣзжанъ къ крестному цѣлованію приводить отнюдь не должно*[1]), погрѣшаютъ священно и церковно-служители и въ томъ, что *принимаютъ отъ поѣзжанъ недѣльныя свидѣтельства или сказки; не надобно бы и свидѣтельствъ или сказокъ, ежелибы въ обоихъ приходахъ чинены были указные троекратные обыски и по книгамъ справки.* Всякія свидѣтельства или сказки должны быть въ какомъ-нибудь присутственномъ мѣстѣ или командѣ засвидѣтельствованы, а иначе не дѣйствительны; того ради велѣть всѣмъ въ Бѣлоградской епархіи духовнымъ правленіямъ собрать всѣ бывшія доселѣ о невѣнчаніи беззаконыхъ браковъ предписанія и, учиня изъ нихъ Екстракты, вручить всѣмъ благочиннымъ для отдачи священно и церковно-служителямъ со объясненіемъ имъ, когда и каковъ бываетъ беззаконный бракъ? а до того объяснить имъ выше упомянутыя предосторожности. Благочинные, объѣзжая имъ порученныя церкви, испытывали-бы люботщательно, сколько браковъ обвѣнчано, всѣ-ли законные и записаны-ли въ метричныя книги? Ежели-же гдѣ благочинный узнаетъ о обвѣнчанномъ беззаконномъ бракѣ тотъ часъ-бы доносилъ духовному правленію, кто гдѣ и когда тотъ бракъ обвѣнчалъ? а духовное правленіе, ни мало немедля, сыскивало-бы священно и церковно-служителей, беззаконный бракъ обвѣнчавшихъ къ допросу и сужденію. При допросахъ же они обыкновенно запираются, но голословныхъ ихъ запирательствъ не принимать, а должны они въ послѣдовавшемъ на нихъ доносѣ себя очищать крѣпкими доказательствами или достовѣрными свидѣтельствами, въ случаѣ жъ какова-либо сумвѣнія и невозможности къ разрѣшенію онаго безъ допросовъ, справокъ и свидѣтель-

[1]) Значитъ присяги практиковались въ Бѣлгородской еп. до самаго конца XVIII в.

скихъ показаній отъ свѣтскихъ людей, требовать отъ присутственныхъ мѣстъ, посылая и запросные пункты: а духовное правленіе людей свѣтскихъ, а особливо отдаленныхъ сельскихъ, какъ бракомъ сочетанныхъ, такъ и поѣзжанъ къ допросу не требовать; по взятымъ же отъ священно и церковно-служителей въ духовныхъ правленіяхъ допросамъ и учиненнымъ по книгамъ справкамъ и по присланнымъ изъ свѣтскихъ присутственныхъ мѣстъ свидѣтельскимъ показаніямъ рѣшить немедленно на основаніи законовъ подъ опасеніемъ оштрафованія за медленіе; но *какъ по слѣдствіямъ оказывается, вѣнчаніе священно и церковно-служителями беззаконныхъ браковъ причиною* помраченіе ихъ ума отъ винопитія или *отъ неупражненія въ книгочтеніи недоумѣніе*, то благочиннымъ о пристрастныхъ къ винопитію священно и церковно-служителяхъ репортовать его преосвященству нынѣ немедленно, а впредь репортовать объ нихъ ежемѣсячно, *не упражняющихся-жъ въ книгочтеніи заохочивать къ сему благопотребному и спасительному предмету*. При книгочтеніи благопотребно и какое либо художество или рукодѣліе, священно и церковно-служителямъ приличное, а особливо нынѣ, когда обработывать землю имъ запрещено; къ поученію какому-либо художеству или рукодѣлію домашнему всѣми способами стараться должны, чтобъ не быть въ праздности къ многимъ порокамъ, болѣзнямъ и бѣдствіямъ поводъ подающей. Священно и церковно-служители дѣтей своихъ съ малолѣтства къ благонравію и къ книгочтенію, а притомъ и къ какому-либо художеству или рукодѣлію не только наученіемъ но и собственнымъ примѣромъ поощрять обязаны и вышеписанное къ незабвенной памяти чрезъ благочинныхъ внушить имъ съ обстоятельнымъ объясненіемъ".

Но какъ-же поступала Бѣлгородская епархіальная власть, когда ея обсужденію подлежалъ бракъ, обвѣнчанный съ нарушеніемъ правилъ, изложенныхъ въ статьѣ Кормчей „о тайнѣ супружества" и безъ соблюденія всякихъ формальностей, т. е. обвѣнчанный не пастыремъ свойственнымъ (а наприм. заштатнымъ священникомъ), не въ церкви, безъ вѣнечной памяти, не въ установленное время, и т. д.? Казалось бы подобный бракъ долженъ былъ получать признаніе законнаго, если, по изслѣдованіи, не обнаруживалось

ни одного препятствія, наличность котораго поражала-бы его недѣйствительностью (такъ назыв. impedimentum dirrimentii); но случаи подобнаго рода рѣшались епархіальною властью не всегда такъ, что видно изъ дѣла 1795 года [4]) объ отмѣнѣ брака „обывателя Романа Соловянова съ женою его Анною". Указъ „Харьковскаго Покровскаго Училищнаго монастыря Архимандриту и Ректору Василію съ братіею" „насланный" по этому дѣлу изъ Бѣлгородской духовной консисторіи, гласитъ: „По производившемуся въ Ахтырскомъ Духовномъ Правленіи дѣлу о повѣнчаніи города Лебедина Георгіевской церкви заштатнымъ священникомъ Артеміемъ Доброносовымъ Лебединскаго обывателя Романа Соловянова съ женою вдовою Анною, Гавриловою дочерью, Бахтенковою внѣ церкви, безъ причетниковъ безъ обыску и не въ надлежащее время Бѣлгородскою консисторіею опредѣлено и его преосвящен. Феоктистомъ, епископомъ Бѣлградскимъ и Курскимъ, утверждено: какъ изъ обстоятельствъ дѣла сего, при слѣдствіи открывшихся, явствуетъ, что обыватель Романъ Соловяновъ съ женою вдовою Анною, Гавриловою дочерью, вѣнчанъ *не приходскимъ, а уволеннымъ отъ должности и находящимся сверхъ штата священникомъ, при томъ безъ причетниковъ, безъ обыску, внѣ церкви и не въ надлежащее время* — въ противность установленій церковныхъ въ Кормчей книгѣ въ главѣ о тайнѣ супружества и въ законѣ градскомъ въ гранѣ о уставѣ совѣщанія браку изображенныхъ и указовъ изъ свят. Правит. Синода 1765 іюля 8 и 1769 годовъ августа 18 числъ: *для того оный его, Романа С., съ женою Анною бракъ, согласно мнѣнію духовн. правленія, не почитать дѣйствительнымъ; когда-же они пребудутъ въ своемъ намѣреніи и по учиненіи узаконеннаго обыска не окажется никакова препятствія, то обвѣнчать ихъ по надлежащему въ церкви въ узаконенное время приходскому священнику; а когда не согласны будутъ или будетъ какое препятствіе къ супружеству, въ такомъ случаѣ дозволить имъ вступить въ законные браки съ другими лицами* и, обязавъ подписками, чтобъ они вмѣстѣ ни подъ какимъ видомъ не жили и Романъ ее Анну своею женою, а сія — его мужемъ не назы-

вали, отправить ихъ, по мѣсту жительства ихъ, въ свѣтскую команду съ тѣмъ, чтобы съ ея стороны объ удаленіи ихъ одного отъ другого въ разныя мѣста для отвращенія соблазна учинено было надлежащее разсмотрѣніе. Что-же касается до застатнаго священника Артемія Д., поелику онъ зная, что ему яко уволенному отъ должности ни какихъ мирскихъ требъ исправлять не слѣдуетъ, вѣнчалъ оный бракъ и при томъ беззаконно, обольстившись какъ изъ показаній обывателей (названы имена) видно, взятками, слѣдовательно, всемилостивѣйшему манифесту 1793 года сентября 2 дня не подходитъ, то его, Доброносова, за сіе преступленіе отослать въ Харьковскій Покровскій Училищный монастырь на два года для употребленія въ монастырскіе труды, и при этомъ священнослуженія и мирскихъ требъ не исправлять ему по смерть его и о семъ въ Ахтырское Дух. Правл. и къ Вамъ Архимандриту и Ректору Василію послать указы".

Такое опредѣленіе консисторіи могло быть слѣдствіемъ своеобразнаго толкованія слѣдующаго мѣста статьи Кормчей „о тайнѣ супружества": „изряднѣе же да вѣсть іерей, яко супружества.... яже не съ благословеніемъ церковнымъ и чиннымъ отъ своего си пастыря сіе есть, отъ епископа или отъ тоя парохіи священника, вѣнчаніемъ при двоихъ или тріехъ поне свидѣтелей съвершаемая, по соборному установленію и святыхъ отецъ ученію, не законна, паче же беззаконна и ничтоже суть". Но въ большинствѣ случаевъ Бѣлгородская епархіальная власть не объявляла недѣйствительнымъ брака, обвѣнчаннаго не „пастыремъ свойственнымъ" (хотя бы и заштатнымъ священникомъ) и безъ свидѣтелей, а лишь налагала, какъ мы видѣли выше, на виновное духовенство болѣе или менѣе строгія дисциплинарныя взысканія.

Таковы были въ общихъ чертахъ причины, благопріятствовавшія возникновенію въ Бѣлгородской епархіи незаконныхъ браковъ; примѣненіе къ церковной практикѣ узаконенныхъ условій совершенія обряда браковѣнчанія; мѣры епархіальнаго начальства противъ различныхъ неправильностей, допускавшихся духовенствомъ при вѣнчаніи и, наконецъ, послѣдствія, которымъ подвергались духовныя лица за подобныя неправильности. Намъ предстоитъ теперь

разсмотрѣть практику по дѣламъ брачнымъ собственно церковнаго *суда*. Дѣла эти могутъ быть подраздѣлены на двѣ группы: 1) дѣла о признаніи браковъ недѣйствительными (отмѣна брака, или, выражаясь языкомъ школы,—annullatio matrimonii) и 2) бракоразводныя въ собственномъ смыслѣ этого слова (расторженіе брака, divortium) [1]).

В. Демидовъ.

[1]) Различіе отмѣны брака отъ развода, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что отмѣняются браки *незаконные* съ самаго момента ихъ совершенія, разводомъ-же расторгается законный, дѣйствительный бракъ.

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ФИЛАРЕТЪ,

АРХІЕПИСКОПЪ ХАРЬКОВСКІЙ,

по письмамъ къ его другу Валковскому помѣщику Н. Н. Романовскому

(1851—1861 г.).

КЪ МАТЕРІАЛАМЪ ДЛЯ БІОГРАФІИ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО ФИЛАРЕТА И

НА ПАМЯТЬ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЯ СО ДНЯ ЕГО КОНЧИНЫ

(1866—1891 г.).

Предварительно считаемъ нужнымъ сообщить краткія свѣдѣнія о личности друга преосвященнаго Филарета. Надворный совѣтникъ Николай Николаевичъ Романовскій родился въ 1801 году въ г. Валкахъ. Первоначальное воспитаніе получилъ въ уѣздномъ училищѣ, гдѣ отецъ его былъ штатнымъ смотрителемъ. Законоучитель этого училища, извѣстный тогда протоіерей В. Снѣсаревъ, своими уроками по Закону Божію имѣлъ весьма доброе вліяніе на всю жизнь Романовскаго. „Нельзя забыть, пишетъ Романовскій, исполненныхъ помазанія уроковъ законоучителя о. Василія; я слушалъ его уроки еще мальчикомъ, и теперь въ старости согрѣваюсь сладкимъ воспоминаніемъ о нихъ; идти на урокъ Закона Божія считали мы праздникомъ; не помню ни одного товарища, не знавшаго когда-либо урока его; и не помню, чтобы наказывалъ онъ за неисправности; дивное перерожденіе умовъ и сердецъ совершалось легко и свободно безъ скорбей и болѣзней; и мы плакали вмѣстѣ съ незабвеннымъ наставникомъ, когда онъ передавалъ намъ крестныя страданія Господа, понесенныя за грѣхи всего міра. О! Сколько тогда обѣтовъ излетало изъ юныхъ сердецъ нашихъ не усублять своею жизнію терновъ воз-

любленному Спасителю"[1]). Окончивъ курсъ въ гимназіи Романовскій поступилъ въ Харьковскій университетъ. По своей наклонности и способностямъ онъ желалъ избрать юридическій или филологическій факультетъ, но отецъ рѣшительно воспротивился такому выбору и указалъ ему факультетъ медицинскій. Выслушавъ полный курсъ медицинскихъ наукъ, Романовскій въ 1822 году поступилъ въ свой родной городъ Валки на должность уѣзднаго врача. Скоро за симъ онъ женился на дочери богатаго помѣщика Харьковскаго уѣзда дѣвицѣ Вѣрѣ Филипповнѣ Устиновой. Вѣра Филипповна была очень добрая и кроткая женщина, но слаба здоровьемъ. Дѣтей у нихъ не было. Николай Николаевичъ, будучи самъ плохого здоровья, тяготился должностью врача и въ началѣ сороковыхъ годовъ вышелъ въ отставку. Дворянство Валковскаго уѣзда тогда-же избрало его на должность уѣзднаго судьи. Тутъ онъ сразу обнаружилъ свои блестящія дарованія. Это былъ настоящій судья, какихъ въ то время было весьма мало въ Харьковской губерніи. Слушай онъ юридическій факультетъ, изъ него могъ-бы выйти очень дѣльный юристъ. Наконецъ, въ самое тяжелое для Россіи время,—въ годы Крымской войны, онъ, по выбору, служилъ въ должности предводителя дворянства Валковскаго уѣзда.

Николай Николаевичъ—личность весьма замѣчательная. Это былъ глубокій христіанинъ, истинно добрый человѣкъ, дворянинъ древняго склада, какихъ не много уже осталось въ современномъ обществѣ. Живя въ нѣсколькихъ шагахъ отъ приходскаго храма, онъ любилъ этотъ храмъ и много сдѣлалъ для него. Въ воскресные и праздничные дни Романовскій—первый посѣтитель храма, и всегдашнимъ его здѣсь мѣстомъ былъ—клиросъ. Онъ любилъ и понималъ церковное пѣніе. Уставъ зналъ во всей тонкости и причетники безпрекословно покорялись его руководству. Чтеніе паремій, апостола было всегда за нимъ. Худой и тощій до того, что казалось, у него едва душа держится въ тѣлѣ, читалъ громко, каждое слово произносилъ внятно и пѣлъ пріятнымъ баритономъ. Шутя любилъ называть себя сверхштатнымъ

[1]) Историко-Статистич. Опис. Харьк. Епарх. Отд. II ст. 221.

соборнымъ причетникомъ; въ сущности онъ и былъ таковымъ. Къ своему духовному отцу, настоятелю собора, протоіерею А. Солодовникову, во всю жизнь питалъ сыновнюю любовь. Какъ одинокаго—въ первый же годъ священства лишившагося жены—онъ сблизилъ съ своимъ семействомъ и здѣсь Солодовниковъ былъ точно свой, близкій родной. Этимъ вниманіемъ онъ поддержалъ и сберегъ этого достойнѣйшаго протоіерея въ самую трудную пору его жизни [1]). Какъ человѣкъ, получившій высшее образованіе, Романовскій интересовался всѣми отраслями знанія, любилъ изящную и духовную литературу. Въ великій постъ по вечерамъ всегдашнимъ его чтеніемъ была библія, прологъ, четь-минеи, патерикъ печерскій и т. п. Читалъ онъ превосходно, а разсказывалъ еще лучше. Онъ обладалъ чарующимъ краснорѣчіемъ, именно сжатостью выраженія, красотою слова, удачнымъ подборомъ эпитетовъ, сосредоточенностію мысли и ясностію того, о чемъ говорилъ. Особенно мастерски разсказывалъ анекдоты: простой случай умѣлъ передать такъ забавно, что морилъ со смѣху самыхъ серьезныхъ людей. Былъ находчивъ на отвѣты, не рѣдко ѣдокъ, чрезъ что наживалъ себѣ враговъ. Память у него была изумительна. Все прошлое, бывалое съ нимъ лѣтъ 50 назадъ, или слышанное имъ отъ родителей его или старожиловъ, передавалъ съ такою подробностію, съ такою наглядностію, какъ будто это происходило вчера. Были примѣры, когда онъ, выслушавъ проповѣдь преосв. Иннокентія Борисова, слово въ слово потомъ повторялъ среди своихъ близкихъ знакомыхъ и при этомъ въ точности воспроизводилъ тонъ голоса и всѣ пріемы проповѣдника. Николай Николаевичъ и его жена жили очень достаточно, они радушно принимали въ своемъ домѣ богатаго и бѣднаго, дав-

[1]) Преосвященные Иннокентій и Филаретъ отличали прот. Солодовникова особымъ вниманіемъ. И онъ вполнѣ стоилъ того. Еще тридцать лѣтъ тому назадъ Е. И. Топчій въ своихъ воспоминаніяхъ замѣтилъ, что „протоіерей А. Солодовниковъ такое духовное лицо, какихъ мало въ Харьковской епархіи какъ по прямодушію, готовности служить ближнему, такъ и по безъ укоризненности жизни" (Юж. Край 1883 г. № 906). По случаю 50-лѣтія священства онъ былъ сопричисленъ къ ордену Св. Владиміра 3-й ст. Съ 1886 г. состоялъ въ заштатѣ. Мы ему обязаны нѣкоторыми свѣдѣніями о Романовскомъ. Скончался 23 февраля 1891 года на 77 году жизни.

но знакомаго и совершенно неизвѣстнаго. Онъ былъ большой мастеръ принять гостя, угостить, заставить засидѣться у себя. Иной заходилъ къ нему на часъ, а просиживалъ нерѣдко за полночь. И все это у него выходило какъ-то естественно, просто. Да и самъ онъ часто засиживался у другихъ, увлекаясь разсказами, забывая ожидавшія его дѣла. „Романовскій, пишетъ въ своемъ дневникѣ ректоръ Харьковской семинаріи, архимандритъ Герасимъ, замѣчательная была личность въ современномъ ему обществѣ по рѣдкимъ способностямъ, по правдивости, твердости характера и по неистощимому остроумію“ [1]). Въ 1837 г. Романовскій имѣлъ счастье угощать въ своемъ домѣ чаемъ и завтракомъ покойнаго Государя Александра Николаевича, бывшаго тогда Наслѣдникомъ Престола. Начальники губерніи, посѣщая Валки, обыкновенно останавливались въ домѣ Романовскаго и принимали отъ него хлѣбъ соль. Странники, путешествующіе по Святымъ мѣстамъ, монахини разныхъ монастырей, проѣзжавшія черезъ Валки за сборомъ, останавливались въ домѣ Романовскихъ. Послѣдніе были гости собственно госпожи Романовской; для нихъ она устроила въ дворѣ особый флигель и здѣсь они не рѣдко проживали по цѣлымъ недѣлямъ. Николай Николаевичъ былъ весьма привѣтливъ ко всѣмъ владыкамъ, бывшимъ на каѳедрѣ Харьковской, любовно и гостепріимно открывалъ имъ двери своего дома. Преосвящ. Смарагдъ Крыжановскій въ первое посѣщеніе его дома былъ очарованъ гостепріимствомъ и бесѣдой его. Какъ человѣкъ прямой и безцеремонный, разъ, во время вечерняго чая, въ присутствіи гостей, сказалъ ему: „Николай Николаевичъ! Можетъ быть по душѣ ты и бездѣльникъ, но вижу, что слова устъ твоихъ, а паче дѣла твои истинно христіанскія; нельзя не полюбить тебя“. При этомъ онъ обнялъ и поцѣловалъ его. Преосв. Иннокентій во время посѣщенія Валокъ всегда останавливался на дачѣ Романовскаго (дес. 200 земли и лѣса); называемой „Болгары“, въ двухъ верстахъ отъ города. Здѣсь находился очень красивый лѣтній домъ, фруктовый садъ, прудъ съ родниковой водой и купальня. „Припоминаю, ни-

[1]) Самарск. Епарх. Вѣд. 1873 г.

шетъ въ своихъ запискахъ Е. И. Топчій, одинъ изъ вечеровъ, проведенныхъ мною въ присутствіи преосвящ. Иннокентія на дачѣ Романовскаго. Служилъ онъ обѣдню въ Валковскомъ Преображенскомъ соборѣ — это было 6 августа 1842 г.—храмовой праздникъ собора, а обѣдалъ и ночевалъ на этой дачѣ. Онъ и его братъ родной—Матвѣй Алексѣевичъ Борисовъ, протоіерей собора А. Солодовниковъ, хозяинъ и я вечеромъ пошли къ пруду купаться — и просидѣли тамъ до разсвѣта. Лунная ночь, прохлада, купанье въ чистой, проточной водѣ, возобновляемое нѣсколько разъ по желанію преосвященнаго, чай послѣ купанья, прекрасный разнообразный дессертъ, увлекательная бесѣда владыки, анекдоты хозяина одинъ другого забавнѣе въ добавокъ къ радушному гостепріимству—благодаря всему этому, ночь прошла незамѣтно для насъ. Между разговоромъ и анекдотами Иннокентій шутя обратился къ хозяину съ вопросомъ: „Кто вамъ, Н. Н-ичъ, далъ право заводить у себя на дачѣ рай, по изгнаніи изъ него нашего прародителя Адама? [1]). И въ бытность свою на каѳедрѣ Одесской, преосвящ. Иннокентій продолжалъ свои добрыя отношенія къ Н. Н. Романовскому: то лично видѣлся, то переписывался съ нимъ. „Желаніемъ возжелѣхъ видѣть Николая Николаевича, говоритъ преосв. Иннокентій, и я вызвался, пишетъ Филаретъ Романовскому, послать вамъ эстафетъ. Итакъ, пожалуйте, ждемъ съ нетерпѣніемъ" [2]). Считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь имѣющіяся у насъ и еще нигдѣ не напечатанныя два письма преосв. Иннокентія къ Н. Н. Романовскому: одно изъ Петербурга, гдѣ онъ былъ на чредѣ въ Св. Сѵнодѣ, другое изъ Одессы. Вотъ первое письмо: „Въ новомъ лѣтѣ незабвенному Николаю Николаевичу новой благодати Господней! Бьетъ 12 часовъ: Новый годъ— вознесши мысль къ Тому, въ десницѣ Коего времена и лѣта, обращаю ее потомъ на людей; и кто же, думаете, представился мнѣ первый?—Вы. Почему?—по вашей добротѣ и уму. Изъ устъ моихъ вы не примите это за лесть. Въ 12 часовъ, въ Новый годъ не пишутъ такихъ лестей въ Валки. Воздадимъ за это славу Господу и постараемся хра-

---

[1]) „Южный Край" 1883 г. № 906.

[2]) Письмо 4.

нить то, что отъ Него низошло на насъ. Видите изъ сего, что въ Петербургѣ думаютъ не объ одномъ Петербургѣ. Думаете-ли Вы о насъ?—Надѣемся. Ибо есть союзъ душъ и и сердецъ, который, будучи заключенъ единажды, никогда потомъ не разрывается.

Вы теперь на свободѣ. Чѣмъ же вы заняты? дѣятельность—ваша природа. И надобно же, чтобы вы сами творили ее для себя. Пути Божіи неисповѣдимы; есть жребіи, кои откроются *тамъ*. Вамъ одинъ изъ таковыхъ. За то и дана Вамъ Вѣра, которая видитъ ясно и во мракѣ. Можете и насъ спросить: чѣмъ мы заняты? На отвѣтъ не стало бы цѣлой ночи. Когда Богъ приведетъ увидѣться (а какъ бы желалось!), тогда разскажемъ хоть часть. Мы среди океана, помолитесь за насъ.

Въ новомъ лѣтѣ—прежней Вѣры, новаго усердія къ добру, высоты надъ треволненіями жизни, и не забвенія тѣхъ, кои васъ отъ сердца любятъ и уважаютъ.

Посылается часть смирны (какая можетъ быть на сѣверѣ) принесенной нами ко гробу здѣшняго покойнаго Владыки" [1]). СПБ. 1849 г. янв. 1 д.

А вотъ другое письмо изъ Одессы:

„Отъ души благодарю васъ, присно-незабвенный для насъ, да думаю и для всѣхъ, васъ знающихъ во истину Николай Николаевичъ, за вашу любовь николиже отпадающую. Дай Богъ, чтобы всѣмъ намъ достигнуть туда-же, куда желаете достигнуть мнѣ. Ибо для всѣхъ насъ—*видимая временна*, одно *навидимое* вѣчно и постоянно. Да пріиметъ въ лицѣ вашемъ мою благодарность и вся не великая числомъ и пространствомъ, но не малая духомъ, вѣрою и любовію церковь Валковская, которая для меня никогда не забвенна по многому.

О священникѣ безмѣстномъ сожалѣю вмѣстѣ съ Вами: пусть скорѣе подаетъ ко мнѣ просьбу—я приму его. Теперь есть не мало праздныхъ мѣстъ—только пусть не медлитъ. Я почти все лѣто и осень провелъ въ разъѣздахъ: оттуда и неисправность въ корреспонденціи. Хочется хоть

[1]) Разумѣется митрополитъ Петербургскій Антоній, скончавшійся 19 ноября 1848 г., надъ гробомъ котораго А. Иннокентій говорилъ слово. (Пропов. Иннокентія т. V, стр. 383).

немножко все поустроить; а нуждъ и потребностей бездна. Это не епархія, а цѣлый экзархатъ.

Благодать Господа съ вами, домомъ вашимъ, и со всѣми, иже окрестъ васъ".

Вашъ отъ души слуга

3 Декабря 1850 г. Иннокентій А. Херсонскій.

„Не вздумаетъ ли вашъ о. протоіерей [1]) перемѣститься къ намъ. Какъ бы мы были ему рады—въ настоящемъ его образѣ, или—*въ новомъ* [2]).

Изъ этихъ писемъ нельзя не видѣть, что преосвященный Иннокентій былъ искренно расположенъ къ Николаю Николаевичу Романовскому и высоко цѣнилъ его, однако между ними не было той тѣсной задушевной дружбы, какая существовала между симъ послѣднимъ и Филаретомъ. Это зависѣло, между прочимъ, отъ личнаго характера того и другого іерарха. Преосвящ. Иннокентій былъ человѣкъ гостепріимный и общительный. Это была натура подвижная и отзывчивая. Стоя на іерархической высотѣ, онъ умѣлъ жить въ близкомъ единеніи съ свѣтскимъ обществомъ. Въ бесѣдахъ *съ своими* онъ былъ весьма откровененъ, что еще болѣе сближало его съ ними. Его гостинная всегда была открыта для лицъ, интересовавшихся знакомствомъ съ такимъ замѣчательнымъ по уму мужемъ, какимъ былъ Иннокентій. Не говоря уже о тѣхъ особахъ, кои пользовались тогда въ обществѣ почетною извѣстностію, даже юноши-студенты Харьковскаго университета по цѣлымъ десяткамъ ходили къ нему по вечерамъ (конечно, по приглашенію и въ назначенные имъ дни) и многосторонне образованный іерархъ проводилъ съ ними время въ ученой бесѣдѣ [3]). Совершенно другой по своему внутреннему строю былъ Филаретъ. Достаточно сказать, что это былъ въ полномъ смыслѣ монахъ и аскетъ въ душѣ, всегда сосредоточенный въ себѣ и молчаливый и всегда занятый какимъ-либо ученымъ трудомъ. Преосвящ. Филаретъ, какъ испытавшій много скорбей отъ людей въ Ригѣ, гдѣ, по его словамъ, онъ и „стѣ-

---

[1]) Т. е. А. Солодовниковъ, о которомъ выше говорили.

[2]) Т. е. въ монашескомъ.

[3]) Вѣстн. Европы 1872 г. кн. 1, стр. 107.

намъ плохо довѣрялъ—не только людямъ", въ первые годы его жизни въ Харьковѣ былъ слишкомъ разборчивъ и остороженъ въ отношеніяхъ къ другимъ и не каждому довѣрялъ себя. Онъ, если и отдавалъ себя обществу, то только по крайней необходимости. Преосв. Иннокентій, будучи крѣпкаго тѣлосложенія, пользовался въ Харьковѣ цвѣтущимъ здоровьемъ. Преосвящ. Филаретъ былъ слабъ отъ природы, весьма часто подвергался болѣзнямъ, что невольно располагало его къ уединенной жизни. Вотъ, между прочимъ, почему у Иннокентія было въ Харьковѣ много друзей, у Филарета былъ одинъ и именно Романовскій. Другого, писалъ Филаретъ Романовскому, болѣе любимаго и болѣе достойнаго любви, нѣтъ у меня въ Харьковѣ [1]).

Преосв. Филаретъ по пріѣздѣ въ Харьковъ (20 декабря 1848 г.) на другой же день служилъ литургію въ своей Крестовой церкви. Романовскій присутствовалъ на этой литургіи и слушалъ его привѣтственную рѣчь. Послѣ литургіи вмѣстѣ съ духовенствомъ и именитыми гражданами онъ представлялся владыкѣ, затѣмъ и послѣ во время пріѣздовъ своихъ въ Харьковъ, заходилъ къ нему. Посѣщенія эти имѣли характеръ обычнаго визита. Началомъ взаимной дружеской связи былъ первый пріѣздъ Филарета въ Валки. Это было въ 1849 г. 5 августа, наканунѣ храмоваго праздника городскаго собора. По обычаю Н. Н. Романовскій предложилъ Филарету покои своего дома, а послѣ литургіи въ загородней дачѣ „Болгары" обѣдъ, на который были приглашены почетные граждане и сосѣдніе помѣщики. Радушный хозяинъ такъ увлекъ своего дорогого гостя, что, вопреки своему маршруту, онъ провелъ у него цѣлый лишній день. Времени было достаточно, чтобы узнать и полюбить одинъ другого. Разставшись друзьями, они потомъ весьма часто видѣлись и вели дружескую переписку. Послѣдняя длилась до самой смерти Романовскаго (1861 г.). Изъ писемъ Филарета мы видимъ, что Романовскій былъ для него не только добрый другъ, но и дорогой совѣтникъ въ дѣлахъ по управленію епархіей.

Административная дѣятельность преосв. Филарета въ Харьковской епархіи была чрезвычайно разнообразна и бо-

---

[1]) Письмо 43.

гата своимъ содержанiемъ. Она еще ждетъ достойнаго историка [1]). Съ своей стороны, пользуясь случаемъ, мы укажемъ на нѣкоторыя ея характерныя особенности, приведемъ два, три опыта изъ его дѣятельности, вмѣстѣ съ этимъ коснемся нѣсколько частной его жизни.

Забота поднять уровень образованiя въ духовенствѣ—была выдающейся чертою въ дѣятельности Филарета, какъ администратора. На духовенство онъ смотрѣлъ, какъ на источникъ религiозно-нравственнаго просвѣщенiя народа. По его справедливому взгляду многостороннее богословское образованiе должно быть неотъемлемымъ качествомъ каждаго священника. Вотъ почему Филаретъ прежде всего озаботился оживить этотъ источникъ, возвысивъ образовательный цензъ духовенства. Ясно сознавая высокое значенiе для семьи и прихода, какое должна имѣть образованная жена священника, онъ въ первый же годъ по прибытiи на паству (1849 г.), занялся учрежденiемъ въ Харьковѣ училища для образованiя дочерей духовенства. Цѣль эту онъ ясно выразилъ въ слѣдующемъ предложенiи своемъ духовенству: „дать знать по епархiи, пишетъ онъ консисторiи, что по окончанiи курса дѣвицъ въ духовномъ женскомъ училищѣ принято будетъ мною за правило—дозволять кандидатамъ священства вступать въ бракъ съ получившими образованiе въ духовномъ училищѣ, но не съ свѣтскими, или получившими свѣтское образованiе, тѣмъ менѣе не получившими никакого образованiя“ [2]). Также въ первый годъ своего служенiя въ Харьковѣ онъ окончательно приготовилъ для жилья громадный, начатый еще при Иннокентiи, каменный корпусъ и перевелъ туда семинарiю, помѣстивъ въ прежнихъ зданiяхъ консисторiю и духовное училище. На освященiе зданiя и храма онъ пригласилъ все городское духовенство и почетныхъ гражданъ. Всѣ видѣли, какъ радъ былъ Филаретъ, что заботы его о семинарскомъ зданiи такъ

---

[1]) Изъ частной жизни о епархiальной дѣятельности преосв. Филарета въ Харьковѣ въ литературѣ очень мало извѣстно. Мы имѣемъ весьма обстоятельно составленное г. Листовскимъ жизнеописанiе Филарета, напечатанное въ 4-хъ кн. Русскаго Архива за 1887 г., но изъ 130 стр. не болѣе 10-ти посвящено административной дѣятельности преосв. Филарета въ Харьковѣ.

[2]) Арх. Харьк. Дух. Конс. 1853 г. № 172.

быстро выполнились. „Домъ образованія готовъ. Храмъ просвѣщенія освященъ. Остается учиться. Пріидите чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ“. Такъ началъ онъ свое слово, сказанное на освященіи храма воспитанникамъ семинаріи. Но что еще важнѣе, Филаретъ поставилъ учебное дѣло и особенно преподаваніе богословскихъ предметовъ на довольно надлежащую высоту; пригласивъ въ семинарію лучшихъ начальниковъ и наставниковъ. Самъ слѣдилъ за состояніемъ богословской науки, для чего ежегодно требовалъ для своего просмотра письменныя занятія учениковъ богословія. Кромѣ посѣщеній богословскаго класса, онъ всегда присутствовалъ на выпускныхъ экзаменахъ, обыкновенно производя ихъ въ своемъ загородномъ саду и тутъ же намѣчалъ даровитыхъ воспитанниковъ, которымъ потомъ сразу давалъ хорошія мѣста и епархіальныя должности. Особенно по душѣ ему были выпуски семинаристовъ, бывшихъ подъ руководствомъ инспектора семинаріи архимандрита Іакова, человѣка необыкновенно энергичнаго, строгаго и высокой монашеской жизни [1]). Съ своей стороны семинаристы питали глубокую признательность къ преосв. Филарету — своему высокому патрону — за его заботы о воспитаніи ихъ и старались утѣшать его успѣхами и добрымъ поведеніемъ [2]). Когда окончился второй выпускъ учениковъ

---

[1]) Архимандритъ Іаковъ Поспѣловъ, воспитанникъ Московской академіи XII курса, настоятель Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, здравствующій и нынѣ.

[2]) Какъ нѣкоторый слабый отзвукъ тѣхъ благодарныхъ чувствъ, какія одушевляли тогдашнихъ богослововъ, коимъ послѣ старыхъ, тѣсныхъ и мрачныхъ помѣщеній пришлось оканчивать курсъ въ новомъ прекрасномъ зданіи, осмѣливаемся привести рѣчь, сказанную Филарету въ день его ангела (1 дек. 1850 г.) пишущимъ эти строки.

„Преосвященный Владыко, милостивѣйшій отецъ нашъ и архипастырь!

Въ тотъ самый день, когда почилъ на Елисеѣ сугубый духъ Иліинъ, — *сыны пророческіе*, какъ говорится въ книгѣ царствъ, *вышли на срѣтеніе Елисею и поклонились ему до земли* (4 кн. цар. 2—15). Что побудило сыновъ пророческихъ воздать столь глубокое почитаніе? Безъ сомнѣнія и чувство благоговѣйнаго уваженія къ сугубой пророчествующей благодати, почившей на Елисеѣ, а съ другой стороны и чувство глубокой признательности къ нему за его попеченіе объ нихъ: ибо извѣстно, что училище пророческое, гдѣ сыны пророческіе получали духовное образованіе, было управляемо самимъ пророкомъ Елисеемъ.

Съ тѣми-же чувствами и мы, воспитанники духовнаго просвѣщенія, исходимъ въ срѣтеніе тебя, преосвященнѣйшій Владыко, въ день твоего тезоиме-

богословія (каждый въ 50 человѣкъ), то Филаретъ объявилъ духовенству разъ навсегда, что лицъ, не окончившихъ курсъ семинаріи онъ не будетъ производить во священники. По возможности онъ оставался вѣренъ этому распоряженію. У Филарета было правило—давать священническія мѣста сообразно съ степенью образованія просителя. Правила этого онъ строго держался даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда при назначеніи священниковъ на мѣста былъ нѣсколько стѣсняемъ просьбами помѣщиковъ, или начальниковъ военныхъ поселеній. Вотъ одинъ изъ множества въ этомъ родѣ примѣровъ. Начальникъ 8 округовъ украинскаго военнаго поселенія, генералъ-лейтенантъ баронъ Энгельгартъ, просилъ Филарета уволить за штатъ старика-священника 1-го округа воен. поселенія слободы Преображенской Корнильева и перевесть на его мѣсто племянника его, священника села Березоваго Григорія Попова. Онъ далъ такую резолюцію (Апр. 6, 1851 г.) „отвѣчать отъ моего имени генералу, что на увольненіе Корнильева за штатъ по дряхлости и болѣзни согласенъ я, но на переведеніе По-

---

нства. Срѣтаемъ тебя, преосвященнѣйшій Владыко, и съ чувствами глубокаго почтенія: ибо чрезъ это почитаніе желаемъ выразить уваженіе къ сугубой Благодати Божіей, почившей въ тебѣ и къ благодати ангела Божія, въ образъ котораго ты нынѣ былъ облеченъ, и къ благодати святительства превѣчнаго архіерея, которою ты также облеченъ былъ Духомъ Святымъ чрезъ нѣсколько дней послѣ настоящаго дня. Срѣтаемъ тебя нынѣ съ сыновними чувствами искреннѣйшей нашей признательности къ тебѣ милосердный отецъ нашъ и архипастырь: ибо настоящій день живо напоминаетъ намъ объ отеческихъ опытахъ архипастырскаго твоего правленія нашимъ духовнымъ вертоградомъ, подъ сѣнію котораго мы такъ покойно наслаждаемся всѣми удобствами къ образованію и умственному и нравственному, удобствами, смѣемъ сказать, такими, какихъ не многіе имѣютъ. Такъ срѣтаютъ день твоего ангела всѣ воспитанники духовнаго вертограда. А мы, готовящіеся нынѣшній годъ на вступленіе въ пастырское служеніе, срѣтаемъ тебя, архипастырь нашъ, съ сугубыми чувствами благоговѣйной признательности, какъ раздаятеля намъ благодати священства.

О! еслибы Господь далъ, по твоимъ Святительскимъ молитвамъ, возвыситься и намъ до достойнаго принятія пророчествующей благодати, какъ нѣкогда въ училищахъ пророковъ возвышались до нѣкоего Божественнаго вдохновенія. Тогда Божественная благодать, преподанная тобою намъ чрезъ рукоположеніе, содѣлала бы и насъ ревностными сотрудниками въ многотруднѣйшемъ служеніи твоемъ, архипастырь нашъ, Богодарованной тебѣ Харьковской паствѣ“.

пова согласиться не могу, потому что Поповъ въ числѣ 49 товарищей своихъ окончилъ ученіе только 42-мъ ученикомъ, т. е. однимъ изъ послѣднихъ, тогда какъ Преображенскій приходъ, гдѣ одного мужескаго пола 1393 человѣка, требуетъ священника съ хорошимъ запасомъ свѣдѣній и съ хорошими дарованіями ума и сердца". При этомъ предложилъ принять генералу въ сл. Преображенское, изъявившаго согласіе поступить туда, студента семинаріи Гавріила Вертеловскаго. Священникъ Поповъ самъ обратился къ владыкѣ съ просьбой дать ему мѣсто въ с. Проображенскомъ, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что онъ купилъ здѣсь домъ и заплатилъ 250 руб., думая пріютить въ немъ своего дядю—дряхлаго и бездѣтнаго Корнильева. Филаретъ пишетъ: „если торгашъ обманулся въ торгашничествѣ: кто въ отвѣтѣ? Пусть притомъ не забываетъ, что торгашъ—не надежный священникъ". Генералъ снова просилъ Филарета за Попова. Онъ (11 мая) пишетъ: „отвѣчать, что по причинамъ, прописаннымъ въ прежнемъ отношеніи не могу недостойнаго Попова опредѣлить на мѣсто Корнильева въ оскорбленіе совѣсти моей и воспитанникамъ достойнымъ,—тѣмъ болѣе, что по законамъ церкви ни родство, ни денежные разсчеты не должны входить въ разсужденіе о правахъ на священство!" [1]). Съ тою же цѣлію, т. е., чтобы поднять духовенство со стороны степени его образованія, Филаретъ значительно увеличилъ ряды его числомъ, получившихъ академическое образованіе.

Изъ напечатанной переписки его съ Московскою Академіей видно, съ какимъ интересомъ, вниманіемъ и заботливостью онъ относился къ молодымъ академистамъ, когда привлекалъ ихъ къ себѣ на службу. Вотъ что писалъ онъ въ 1850 году профессору Московской академіи Горскому, приглашая въ Харьковъ воспитанниковъ Московской академіи. „Здѣсь, т. е. въ Харьковѣ, житье священника доброе. Городъ богатый. веселый хоть куда. Не думаю, чтобы какой-либо другой губернскій городъ могъ сравниться съ Харьковомъ, если судить по обычаямъ свѣта. Можетъ быть даже онъ слишкомъ веселъ" [2]). Окончившимъ курсъ

[1]) Архивъ Х. Духов. Консист. 1856 г. № 23.

[2]) Твор. Св. Отецъ. 1885 г. Кн. IV, стр. 418.

въ академіи онъ давалъ лучшія мѣста и почетныя должности. Такъ въ члены консисторіи онъ опредѣлялъ исключительно питомцевъ академіи. При немъ Харьковская консисторія всегда состояла изъ трехъ магистровъ, двухъ кандидатовъ и одного студента семинаріи. Послѣдній, впрочемъ, былъ назначенъ еще предшественникомъ Филарета.

Благочиннымъ г. Харькова былъ протоіерей І. Гапоновъ, магистръ богословія и авторъ многихъ сочиненій; человѣкъ весьма уважаемый духовенствомъ и гражданами. Замѣчательно, что никогда ни прежде, ни послѣ не было столько въ Харьковской епархіи священниковъ изъ окончившихъ курсъ въ академіи, какъ за время Филарета. Воспитанники академіи были настоятелями во всѣхъ уѣздныхъ соборныхъ церквахъ, а двое даже въ селѣ. „Питомцевъ академіи, пишетъ онъ профессору Горскому, люблю. Теперь (въ 1852 году) по всѣмъ уѣзднымъ городамъ помѣщены академики протоіереями. Но дальше не знаю, гдѣ буду помѣщать ихъ“ [1]). Будучи твердо убѣжденный въ той истинѣ, что для священника учиться всю жизнь и безпрерывно пополнять запасы своихъ знаній есть его призваніе и долгъ, Филаретъ потребовалъ отъ духовенства постояннаго самообразованія. Дабы возбудить въ немъ любовь къ умственнымъ интересамъ, онъ основалъ при градскихъ и при богатыхъ сельскихъ церквахъ библіотеки и выписывалъ для нихъ лучшія печатныя поученія для народа, и академическіе журналы, преимущественно Творенія Св. Отецъ. Вотъ что писалъ онъ по этому предмету консисторіи. „Сознавая обширную пользу и для изученія вѣры, и для назиданія въ благочестіи, какую доставляетъ изданіе твореній отцевъ церкви, предлагаю консисторіи сдѣлать распоряженіе, дабы соборныя, городскія и изъ сельскихъ церкви первыхъ трехъ классовъ непремѣнно выписывали бы для церковныхъ библіотекъ творенія отцевъ церкви, начиная съ перваго года изданія ихъ и продолжали выписывать и продолженіе ихъ. Объ исполненіи сего имѣютъ донести мнѣ благочинные“ [2]). „Ваше академическое изданіе, писалъ онъ профессору Горскому, усердно распространяется мною по епархіи. Оно

[1]) Твор. Св. Отецъ 1885 г. Кн. IV, стр. 434.

[2]) Архивъ Хар. Дух. Консисторіи 1848 г. № 300.

полезно и для монастырей и для церквей приходскихъ. Отцы церкви, особенно предподобный Ефремъ Сиринъ, вѣрные путеуказатели". Для малограмотныхъ причетниковъ онъ учредилъ при нѣкоторыхъ благочинныхъ причетническія школы, гдѣ обучались они чтенію, письму и пѣнію. Филаретъ особенно слѣдилъ за правильнымъ церковнымъ пѣніемъ. Вотъ предложеніе его, данное консисторіи. „Поелику по указу Сѵнода (отъ 23 іюня 1853 года за № 6486) пѣніе по древнихъ нотнымъ книгамъ признается за правило, а во многихъ церквахъ Харьковской епархіи причетники никогда не поютъ по нотнымъ книгамъ, поютъ же напѣвомъ самымъ испорченнымъ и неправильнымъ и священники до того мало обращаютъ на то вниманія, что въ иныхъ церквахъ даже нѣтъ ни одной нотной книги, то предлагаю консисторіи немедленно предписать благочиннымъ, чтобы они озаботились для всѣхъ церквей благочинія пріобрѣсти октоихи, обиходы и ирмологіи" [1]). Филаретъ пользовался всѣми удобными случаями втянуть духовенство въ ученую работу: такъ онъ привлекъ его къ совмѣстному съ нимъ труду по составленію историко-статистическаго описанія Харьковской епархіи; завелъ при церквахъ лѣтописи для внесенія туда замѣчательныхъ въ приходѣ событій, и сдѣлалъ обязательнымъ для него трудъ въ церкви обучать народъ молитвамъ. Особенно ревностно стремился къ усиленію проповѣдничества въ епархіи. „По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ писалъ онъ консисторіи (отъ 13 янв. 1854 г.) многіе изъ священниковъ не говорятъ назначенныхъ имъ проповѣдей; равно многіе почти никогда не предлагаютъ поученій даже изъ печатныхъ книгъ. Посему постановляется: а) проповѣди по назначенію начальства произносить только въ городахъ и мѣстные городскіе благочинные имѣютъ быть цензорами проповѣдей; о исполняющихъ или не исполняющихъ сей обязанности цензоры-благочинные имѣютъ доставлять мнѣ вѣдомости каждый годъ, б) вмѣняется въ непремѣнную обязанность дабы священники въ вокресные и праздничные дни и особенно во дни четырехъ постовъ говорили поученія, если не своего сочиненія, то изъ печатныхъ книгъ, каковы —Сѵнодскія поученія, блаж. Тихона Воронежскаго о дол-

---

[1]) Архивъ Хар. Дух. Конс. 1853 г. № 244.

жностяхъ христіанина, Владиміра, епископа Костромскаго, и другихъ новѣйшихъ учительныхъ и назидательныхъ архипастырей—выбирая предварительно самое близкое къ состоянію и понятію паствы своей. Консисторія имѣетъ учинить немедленно распоряженіе" [1]) Благочинные въ началѣ каждаго года представляли Филарету росписанія проповѣдей. Разсматривая ихъ, онъ дѣлалъ замѣтки, иногда очень оригинальныя. Беремъ для образчика росписаніе проповѣдей по благочинію города Харькова на 1850 годъ.

Въ графѣ вѣдомости показанъ священникъ Воскресенской церкви І. К. съ обозначеніемъ мѣсяца и дня, когда онъ обязанъ сказать проповѣдь своего сочиненія. Противъ его фамиліи Филаретъ пишетъ: „занятъ особымъ дѣломъ (пѣвчій архіерейскаго хора) съ него довольно и того". Той же церкви священникъ Г. П. онъ пишетъ: „и себя не выучилъ добру". Рождественской церкви протоіерей Н. М. „и въ молодыхъ лѣтахъ мало имѣлъ способностей къ проповѣдничеству. Гдѣ уже быть проповѣдникомъ старику"? Соборной Успенской церкви священникъ Е. М. Филаретъ пишетъ: „плохой проповѣдникъ." Троицкой церкви священникъ І. Л. „по книгамъ не умѣетъ читать. Гдѣ уже сочинять что нибудь, кромѣ глупостей"? [2]).

Благочинные обязаны были разъ въ годъ являться съ проповѣдью въ Каѳедральный соборъ [3]); проповѣди ихъ цензоровалъ ректоръ или инспекторъ Семинаріи.

Преподаватели Духовнаго училища и профессора Семинаріи разъ или два въ годъ каждый изъ нихъ произносилъ проповѣдь въ соборѣ или монастырѣ. Послѣдніе чаще всего проповѣдывали во время Великихъ постовъ на такъ называемыхъ пассіяхъ, кои къ сожалѣнію теперь совершенно вышли изъ обычая. На этихъ пассіяхъ самъ Филаретъ говорилъ въ Покровскомъ монастырѣ свои бесѣды о страданіяхъ Господа Нашего Іисуса Христа, весьма бо-

---

[1]) Архивъ Дух. Конс. 1854 г. № 325.

[2]) Архивъ Дух. Конс. отъ 3 дек. 1849 г. № 310.

[3]) Вслѣдствіе просьбы благочинныхъ Филаретъ освободилъ ихъ отъ обязанностей являться въ Харьковъ для сказыванія проповѣди, „но съ тѣмъ, пишетъ Филаретъ въ своей резолюціи, чтобы ежегодно они вносили въ Комитетъ Училища дѣвицъ духовнаго званія по семи рублей на содержаніе одной изъ сиротъ".

гатыя драгоцѣнными для души и сердца наставленіями. За каждый истекшій годъ онъ просматривалъ вѣдомости благочинныхъ и кто безъ уважительныхъ причинъ не говорилъ проповѣди, того онъ штрафовалъ въ пользу женскаго Духовнаго училища отъ одного до двухъ рублей. Дабы быть увѣреннымъ, что проповѣди, назначаемыя духовенству, дѣйствительно пишутся и произносятся, онъ имѣлъ обычай внезапно указомъ изъ своей канцеляріи требовать, чтобы извѣстный благочинный въ теченіи одной недѣли собралъ всѣ проповѣди, сказанныя духовенствомъ его округа за прошедшій годъ и вмѣстѣ съ копіею утвержденнаго росписанія представилъ ему для ревизіи. Накочецъ для той же самой цѣли,—чтобы заставить духовенство постоянно поддерживать и освѣжать въ своей памяти Богословскія познанія, Филаретъ при всякомъ удобномъ случаѣ у себя дома и особенно во время ревизіи церквей, испытывалъ духовенство въ знаніи богословія. Во время обзора епархіи испытанія свои онъ обыкновенно производилъ въ домѣ благочиннаго, куда предварительно собиралось духовенство цѣлаго округа. Предметы испытанія онъ разнообразилъ: въ одномъ благочиніи экзаменовалъ по догматическому богословію, въ другомъ по нравственному, въ третьемъ по расколу, а иногда давалъ обдумывать самыя простыя темы, напр., о пьянствѣ, воровствѣ, божбѣ и т. п. и тутъ же предлагалъ сказать нѣсколько словъ въ видѣ краткаго поученія простому народу. Діаконовъ и причетниковъ онъ испытывалъ въ знаніи краткаго катихизиса, церковнаго устава и пѣнія; но чаще этихъ лицъ экзаменовалъ инспекторъ Семинаріи, архимандритъ Іаковъ, или членъ консисторіи прот. І. Гапоновъ. Эти испытанія были непріятны духовенству. Въ первый проѣздъ по епархіи (въ 1849 году), когда онъ чуть не всю ее обозрѣлъ, изъ страха предстать архіерею на экзаменъ, не явилось около ста человѣкъ изъ причта, и всѣ они были оштрафованы въ пользу устроеннаго тогда духовнаго пріюта. Священники внесли по 1 руб., діаконы по 50 коп. и причетники по 25 коп. Особенно не по душѣ были экзамены старикамъ-священникамъ. Во избѣжаніе непріятностей отъ плохихъ отвѣтовъ на экзаменѣ, они вынуждены были бросать свои хозяйственныя, лѣтнія занятія, браться за учебники, напр. катихизисъ Филарета, или семинарскія

тетрадки и заучивать на память то, что нѣкоторыми было давно забыто. Благочинный Гр. Тимошевскій, здравствующій нынѣ, такъ описываетъ душевное состояніе подвѣдомаго ему духовенства въ ожиданіи экзамена. „Предстоялъ экзаменъ. Это было въ 1855 году. Вотъ тутъ-то всполошилось духовенство и старое и молодое. Дѣло предстояло страшное.—Экзаменъ. Всѣ мы ожидали архіерея въ церкви. Струсилъ, признаюсь, и я, когда увидѣлъ, что съ владыкою пріѣхали инспекторъ Семинаріи архимандритъ Іаковъ—строгій аскетъ и протоіерей Гапоновъ—извѣстный проповѣдникъ. Владыка приказалъ всѣмъ идти ко мнѣ въ домъ, здѣсь будетъ экзаменъ. И пошло духовенство съ великимъ страхомъ. А что было съ нимъ до пріѣзда владыки, трудно и передать. Вся эта братія ходила съ катихизисомъ по огороду и вычитывала, а болѣе смѣлые и шутники прятали книжки у своихъ товарищей. Шумъ и чуть не отчаяніе всеобщее: тотъ бѣгаетъ съ крикомъ: „теперь я пропалъ!" другой обѣщаетъ послѣ счастливаго экзамена сходить на богомолье въ Воронежъ и т. п. Словомъ, во время ожиданія владыки была суматоха такая, что и выразить трудно" [1]). Къ чести духовенства Харьковской епархіи нужно сказать, что въ большинствѣ случаевъ Филаретъ находилъ священниковъ обладающихъ вполнѣ зрѣлыми и основательными богословскими познаніями. Для примѣра приведемъ нѣсколько его аттестацій изъ перваго обозрѣнія епархіи: „Священникъ С. С. отвѣчалъ при испытаніи весьма хорошо—имѣть въ особомъ вниманіи", „священникъ І. Р. очень удовлетворительно", „священникъ І. Ч. весьма хорошо—имѣть въ особомъ, вниманіи", „прот. Н. С. отлично способный и благонамѣренный, имѣть въ особенномъ вниманіи, между прочимъ и тогда, когда нужно дѣлать важныя порученія", свящ. І. Г.—священникъ свѣдущій, образованный и способный", „свящ. С. П. хорошо отвѣчалъ", „свящ. М.—дов. разумный", „свящ. Н. Д.—очень хорошъ—заслуживаетъ благодарности", „свящ. Г. С. при испытаніи отвѣчалъ очень хорошо—имѣть въ особомъ вниманіи." Въ это же самое время, т. е. при первомъ обозрѣніи епархіи, онъ встрѣтилъ очень достаточное число священниковъ съ свѣдѣніями въ догма-

---

[1]) „Благовѣстъ". 1884 г. № 1 стр. 6.

тахъ вѣры очень слабыми. Страхъ и трепетъ предъ архіереемъ были, конечно, одною изъ причинъ, что нѣкоторые священники, особенно старики, теряли голову. Приведемъ для образчика слѣдующія его отмѣтки: „свящ. І. Д. неучъ", „свящ. І. К. слабый", „свящ. І. Я. мало толку", „свящ. І. Ж. плохо знаетъ о крещеніи", „свящ. М. Р. плохо, не умѣетъ сказать ничего противъ воровства", „свящ. А. Н. дуракъ—ничего не знаетъ". Были случаи, хотя весьма рѣдкіе, кагда Филаретъ встрѣчалъ въ отвѣтахъ священниковъ полное отсутствіе знанія догматовъ вѣры, выслушивалъ иногда такія свѣдѣнія, которыя составляли по истинѣ открытія въ богословской наукѣ. Такъ напримѣръ: „свящ. Г. Ѳ. на вопросъ преовященнаго: сколько лицъ въ Іисусѣ Христѣ? отвѣчалъ—два; то же самое подтвердилъ и свящ. А. А." На вопросъ преосвященнаго: „Кто таковъ Іисусъ Христовъ по естеству"? прот. П. В. отвѣчалъ: Спаситель, родившійся отъ дѣвы, на вопросъ: сколько лицъ въ Іисусѣ Христѣ?—отвѣчалъ—пять" [1]).

О причетникахъ и говорить нечего. Нѣкоторые оказывались совершенно безграмотны, неумѣвшие ни пѣть, ни читать, ни писать. Если поведеніе кого либо изъ причта было отмѣчено въ вѣдомости благочиннаго не одобрительно, Филаретъ тутъ-же во время производства экзамена подвергалъ какому либо наказанію, каковое наказаніе самъ же на вѣдомости и отмѣчалъ, а лицамъ аттестованнымъ съ отличной стороны объявлялъ благодарность. Подобныхъ отмѣтокъ очень много и всѣ онѣ разнообразны, оригинальны и вну-

---

[1]) Архивъ Харьковской Духовной Консисторія 1849 г. № 128. Филаретъ былъ изумленъ такими отвѣтами настоятеля Бѣловодскаго собора, протоіерея П. В., но ему сказали, что В.—протоіерей изъ пономарей. Филаретъ пишетъ консисторіи „доставить справку какими судьбами неучившійся нигдѣ пономарь В. попалъ въ соборнаго протопопа". По справкѣ оказалось, что В. въ 1808 году былъ пономаремъ при Бѣловодскомъ соборѣ, въ 1820 г. тутъ же діакономъ, и въ 1823 священникомъ (занялъ мѣсто отца). Въ 1842 г. за примѣрное поведеніе и усердіе къ благолѣпію соборнаго храма, на который онъ пожертвовалъ своихъ денегъ 4.600 руб., преосвященный Иннокентій Борисовъ возвелъ его въ санъ протоіерея, а въ 1847 г. наградилъ Сунодальной скуфіей. Преосвященный Филаретъ вызвалъ его въ Харьковѣ гдѣ, подъ руководствомъ протоіерея І. Шароцкаго, онъ изучилъ главнѣйшіе догматы Христовой вѣры. Въ благодарность за это обученіе онъ пожертвовалъ на постройку женскаго духовнаго училища 100 р.

шительны. Копіи съ нихъ хранились въ канцеляріи преосвященнаго, а подлинныя въ консисторіи, которая обязана была выводить ихъ всегда на справку, когда только касалось дѣло до того или другого лица. Интересно знать какъ велись эти экзамены. Вотъ что пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, [1]) здравствующій нынѣ прот. С. Сулима „Филаретъ пріѣхалъ въ Харьковъ незадолго до праздника Рождества Христова.

Каждый изъ священниковъ, посѣщая Харьковъ, интересовался узнать о новомъ архіереѣ, его характерѣ, требованіяхъ и проч. Отзывы были рѣзко различны: одни называли его добрымъ, снисходительнымъ, другіе строгимъ и суровымъ.

Болѣе всего занимало каждаго то, что Филаретъ при обозрѣніи епархіи, намѣренъ экзаменовать духовенство и хорошо свѣдующихъ въ Богословіи переводить на лучшія мѣста, а оказавшихъ неудовлетворительные отвѣты на худшія. Однихъ это радовало, но другихъ, и особенно стариковъ, сильно смущало. Настала весна 1849 г. и Филаретъ предпринялъ свои поѣздки по епархіи, а съ ними и экзамены. Условившись съ своимъ товарищемъ по семинаріи священникомъ Іоанномъ Рудинскимъ [2]) мы заранѣе, дня за три до назначеннаго срока, пріѣхали въ сл. Алексѣевскую Крѣпость, гдѣ въ домѣ благочиннаго Павла Ковалевскаго назначенъ былъ экзаменъ, наняли квартиру и занялись чтеніемъ семинарскихъ тетрадокъ по догматическому Богословію. Наша квартира обратилась въ временную школу, куда приходили нѣкоторые священники послушать наши уроки. Владыка гдѣ-то въ дорогѣ былъ задержанъ и вопреки своему росписанію двумя днями опоздалъ. Вдругъ часовъ въ 11 утра раздался колокольный звонъ. Всѣ мы встрепенулись. Видя блѣдныя лица товарищей, да и самъ, конечно, поблѣднѣлъ я невольно, почти дрожащимъ голосомъ сказалъ: „какой страхъ, св. отцы, напалъ на насъ при необычномъ колокольномъ звонѣ и приближеніи владыки—экзаментора, человѣка подобострастнаго намъ. Что же будетъ, когда загремятъ ангельскія трубы и позовутъ

[1]) Воспоминанія протоіерея Сулимы не были въ печати.

[2]) Священникъ слоб. Чернокаманки, сконч. въ 1870 г.

насъ на всемірный экзаменъ къ владыкѣ неба и земли? Теперь будемъ давать отвѣтъ сами за себя, а тогда и за пасомыхъ нашихъ". Всѣ молчали и, поникнувъ головы въ землю, тихими шагами потянулись на гору въ церковь. Здѣсь благочинный поставилъ насъ около амвона съ правой стороны. Народу было очень много. Вотъ является и преосвященный и съ нимъ членъ Консисторіи протоіерей І. Гапоновъ. Роста преосвященный былъ небольшаго, лицо очень красивое, но истомленное и блѣдное, волосы на головѣ и бородѣ черные, клобукъ носилъ очень низко, смотрѣлъ больше внизъ, а когда поднималъ голову, то взглядъ казался серьезнымъ, даже нѣсколько сердитымъ. По окончаніи благочиннымъ обычнаго при встрѣчѣ молитвословія, владыка сказалъ нѣсколько словъ къ народу и затѣмъ началъ давать ему благословеніе, а мы всѣ пошли въ домъ благочиннаго. Дорогой одинъ изъ священниковъ, и какъ теперь помню св. М. Л., говоритъ мнѣ: „я такъ перепуганъ суровымъ видомъ преосвященнаго, что, по всей вѣроятности, ни на одинъ вопросъ не дамъ отвѣта. Ну, что если владыка скажетъ: докажи изъ свящ. писанія Божество Св. Духа, а я всѣ тексты перезабылъ". Слушай, говорю ему: „Ананіе, почто сатана—исполни сердце твое"... „Помню, помню, прервалъ меня Л." И чтоже? этаго счастливца дѣйствительно владыка спросилъ о Божествѣ Св. Духа и онъ отдѣлался этимъ текстомъ, даже сказалъ ему хорошо. Еще до начала экзамена нѣкоторые священники взяли отъ меня и Рудинскаго слово въ затруднительныхъ случаяхъ подсказывать: я долженъ былъ стать по правую сторону священниковъ, а о. Рудинскій по лѣвую. На долю свящ. Рудинскаго палъ жребій доказать Божественное достоинство І. Христа на основаніи Священнаго Писанія. Легкій вопросъ, подумалъ Рудинскій, и смѣло отвѣтилъ, что Апостолъ Іоаннъ, въ началѣ своего Евангелія, такъ говоритъ: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово.* Здѣсь подъ словомъ разумѣется второе Лицо Св. Троицы. „Чѣмъ это докажешь", спрашиваетъ владыка? Тѣмъ, отвѣчаетъ Рудинскій, что въ этой же первой главѣ своего Евангелія сему слову Апостолъ приписываетъ воплощеніе: *Слово плоть бысть.* Похваливъ его за этотъ отвѣтъ, владыка говоритъ: „ну, теперь объясни каждое слово Еванге-

лія". Рудинскій покойно и обдуманно отвѣчалъ, что *въ началѣ* означаетъ предвѣчное существованіе Іисуса Христа, *было у Бога*—означаетъ единство Его съ Богомъ Отцомъ; но на послѣднихъ словахъ текста совершенно растерялся: вмѣсто того, чтобы сказать: *Слово было Богъ,* сказалъ: Богъ былъ Слово. „Не такъ, замѣчаетъ ему владыка, повтори еще". Онъ повторилъ по прежнему. Я подсказалъ ему ὁ λόγος. Владыка говоритъ: „тебѣ подсказываютъ ὁ λόγος", и при этомъ сказалъ по гречески всю фразу: Θεὸς ἦν ὁ λόγος. Рудинскій еще болѣе смѣшался и молчалъ. Тогда владыка говоритъ ему: „Здѣсь λόγος очевидно есть лицо, о которомъ разсуждаетъ евангелистъ, а Θεος сказуемое Слова; Θεος потому уже, что есть сказуемое, поставлено безъ члена. Значитъ, слова: Θεός ἦν ὁ λόγος нужно перевести такъ: *Слово есть Самъ Богъ.* „Смотри же замѣть мнѣ это хорошенько". „Ну, теперь скажи ты, подсказщикъ", обратился ко мнѣ владыка, „чѣмъ еще можно доказать Божество втораго Лица Св. Троицы?" Чудесами Іисуса Христа, отвѣчалъ я. „Чудеса, говоритъ владыка, творили пророки и апостолы, они даже воскрешали мертвыхъ, слѣдовательно чудесами нельзя доказать Божества Іисуса Христа". Пророки и апостолы творили чудеса, отвѣчалъ я, не своею силою, но данною имъ Богомъ, а Іисусъ Христосъ совершалъ чудеса силою своего Божества. Онъ не только воскрешалъ мертвыхъ, но и Самъ воскресъ изъ мертвыхъ. Воскресить самому себя—это было самое величайшее чудо изъ всѣхъ чудесъ и оно свойственно только Сыну Божію. Этимъ отвѣтомъ, сколько помню, экзаменъ мой кончился. Ни похвалы, ни порицанія онъ не высказалъ, а сдѣлалъ какую то отмѣтку противъ моей фамиліи въ благочинническои вѣдомости. Нѣкоторыхъ священниковъ за худые отвѣты сильно конфузилъ, называлъ неучами, невѣжами, дураками, такихъ священниковъ, кои болѣе 40 лѣтъ были на службѣ. По многимъ благочинническимъ округамъ были нерѣдкіе примѣры, когда Филаретъ священниковъ и діаконовъ, оказавшихся по экзамену весьма слабыми въ Богословіи, тутъ-же штрафовалъ деньгами въ кассу какого либо учрежденія, вызывалъ въ Харьковъ и поручалъ кому либо изъ городскихъ священниковъ для наученія, или переводилъ на худшія мѣста. Причетниковъ онъ каралъ поклонами или деньгами,

отсылалъ для наученія въ монастырь или къ сосѣднему причетнику, знающему пѣніе и уставъ, или вовсе удалялъ отъ мѣста. Спустя около полугода послѣ этого экзамена, владыка потребовалъ меня къ себѣ. Послѣ доклада о мнѣ владыка вышелъ, держа въ рукѣ тетрадь. Оказалось, что это была та вѣдомость, куда онъ вносилъ экзаменическія отмѣтки. Первый вопросъ его былъ; „ты такъ хорошо окончилъ курсъ, почему же поступилъ на бѣдное мѣсто?" —Мѣсто это, отвѣчалъ я, было зачислено за мной преосвященнымъ Иннокентіемъ, когда я былъ еще за скамьей семинаріи. Женившись немедленно по окончаніи курса на сиротѣ, я тогда же поступилъ на это мѣсто. „Это дѣлаетъ тебѣ честь, сказалъ владыка, хвалю и за то, что продолжаешь заниматься богословскими предметами; я предлагаю тебѣ богатый приходъ въ слободѣ Волоская Балаклейка, согласенъ ли?" Согласіе свое я выразилъ молча, павши ему въ ноги. Возвращая мнѣ прошеніе, которое, по приказанію его, я написалъ тутъ же въ его канцеляріи, онъ сказалъ: „тамъ есть старшій священникъ З. А., у него по церкви оказались безпорядки, да видно онъ и малограмотенъ, я назначилъ тебя старшимъ священникомъ". Вторично я палъ ему въ ноги. На другой годъ, проѣздомъ въ г. Купянскъ, преосвященный посѣтилъ Балаклейскую церковь. При встрѣчѣ, я стоялъ въ облаченіи среди церкви, шло обычное краткое молитвословіе; товарища моего, священника З. А., владыки позвалъ въ алтарь объяснить ему три изображенія, написанныя на стѣнахъ алтарныхъ. Два изъ нихъ (моленіе Спасителя о чашѣ и преломленіе Имъ хлѣба въ Еммаусѣ) онъ объяснилъ; но третье—ангела, держащаго въ правой рукѣ фонарь, а въ лѣвой зеркало—не съумѣлъ. Тогда владыка предложилъ объяснить мнѣ. Я сказалъ, что, по толкованію отцевъ церкви, зеркало означаетъ зерцало судебъ Божіихъ о спасеніи рода человѣческаго, а горящая свѣча въ фонарѣ, хотя и свѣтящаяся, но закрытая стекломъ означаетъ то, что эти судьбы Божіи до времени были закрыты. „Стыдно, сказалъ онъ свящ. А—ву, видѣть столько лѣтъ предъ собой это изображеніе и не поинтересоваться узнать смыслъ его". Послѣ осмотра церковной отчетности и ризницы, онъ посѣтилъ мой домъ, выпилъ чашку чаю и при прощаньи, благословляя семью, сказалъ, чтобы я завтра

служилъ съ нимъ въ г. Купянскѣ. На этомъ служеніи онъ наградилъ меня набедренникомъ". Наконецъ приведемъ отзывъ самого преосвященнаго о результатахъ этого перваго его экзамена духовенства. „Хотя духовенство Харьковской епархіи, пишетъ онъ въ предложеніи, данномъ Консисторіи, по жизни своей, особенно по духу кротости и миролюбію вообще, заставляетъ благодарить за него Господа, но свѣдѣнія весьма многихъ священниковъ, діаконовъ и причетниковъ въ догматахъ вѣры очень слабы. Это безъ сомнѣнія зависитъ отъ того, что не занимаются ни чтеніемъ книгъ, ни размышленіемъ о вѣрѣ. Почти нигдѣ мнѣ не случалось видѣть ни въ церкви, ни у священниковъ, даже пространнаго катихизиса Филарета. Потому необходимо, дабы всѣ священники и діаконы снабжены были пространными катихизисами, а всѣ причетники краткими катихизисами Филарета и внушено было заниматься предметами вѣры съ должнымъ стараніемъ, такъ какъ особенно священникъ долженъ быть готовъ къ отвѣту на всякій вопросъ о вѣрѣ по Апостолу [1])". Въ этотъ же первый обзоръ Харьковской епархіи, Филаретъ подвергъ экзамену крестьянъ и тутъ то встрѣтился онъ съ ихъ полнымъ религіознымъ невѣжествомъ. Крестьянскія дѣти даже многіе родители ихъ не были знакомы съ самыми простыми молитвами. Не задаваясь сразу широкой программой, Филаретъ предписалъ, чтобы священники обучали прихожанъ необходимѣйшимъ молитвамъ въ самомъ храмѣ. „Замѣчено мною, писалъ онъ Консисторіи, что немногіе священники занимаются тѣмъ, чтобы обучать народъ молитвамъ и правиламъ благочестія, да и въ рѣдкихъ церквахъ случалось мнѣ видѣть такую полезную для простого народа книгу, какова Тихона Задонскаго о должностяхъ христіанина. Потому то особенно считаю должнымъ дабы объявлена была моя благодарность протоіерею Лобковскому, священникамъ Іоанну Чижевскому и Ѳедору Туранскому за усердіе ихъ къ обученію народа христіанскому благочестію. Между тѣмъ необходимо: а) обязать всѣхъ сельскихъ священниковъ подписками, дабы ревностно занимались обученіемъ народа молитвамъ, правиламъ вѣры и благочестія;

---

[1]) Архивъ Х. Дух. Консисторіи 1849 г. № 317.

б) вмѣнить въ обязанность, дабы послѣ каждой воскресной литургіи сами священники, или по его приказанію кто либо другой изъ причта вслухъ всѣхъ читалъ молитвы: Царю небесный, Пресвятая Тройце, Отче нашъ, Милосердія двери отверзи намъ и заповѣди Господни, а каждый изъ народа повторялъ бы слова въ слухъ вслѣдъ за учащимъ. Само собой понятно, что обученіе должно совершаться до толѣ, пока большинство не узнаетъ наизустъ всего того, что указано выше. Особенно вступающихъ въ бракъ молодыхъ людей испытывать, знаютъ-ли молитвы необходимыя и настоятельно требовать отъ нихъ, дабы изучали необходимыя молитвы. Но послѣднее во-первыхъ тогда должно быть требуемо, когда обученіе со стороны священниковъ уже было дѣлаемо, во вторыхъ требованіе это не только не должно соединяться съ видами корысти, но даже и подозрѣніе въ томъ должно быть всячески отклоняемо, иначе нарушители сего будутъ судимы со всею строгостію; в) поставить священникамъ въ обязанность, дабы какъ можно чаще читали для народа самыя простыя поученія, особенно изъ упомянутаго сочиненія святителя Тихона о должностяхъ, Синодскія еженедѣльныя поученія и т. п Это относится преимущественно къ сельскимъ церквамъ, такъ какъ для простого народа другого рода поученія мало понятны или вовсе непонятны, а слѣдовательно и безполезны; г) благочиннымъ вмѣнить въ обязанность, дабы строго наблюдали за выполненіемъ сихъ предписаній и о невыполняющихъ доносили подъ опасеніемъ быть въ отвѣтственности за нерадивыхъ. Имъ же вмѣнить въ обязанность, дабы донесли въ какихъ церквахъ нѣтъ книжки о должностяхъ христіанина, а Консисторія озаботится высылкою потребнаго числа экземпляровъ сей необходимой книги" [1]). Первый, кто наблюдалъ за исполненіемъ сихъ предписаній, былъ самъ-же Филаретъ. При послѣдующихъ обзорахъ епархіи, посѣщая сельскія церкви, онъ испытывалъ не только дѣтей, но и взрослыхъ крестьянъ въ знаніи ими Закона Божія. Въ 1855 году въ отчетѣ Св. Сѵноду о религіозномъ состояніи паствы онъ писалъ: „знаніе сельскими прихожанами начальныхъ истинъ

---

[1]) Архивъ Харьк. Духов. Консисторіи 1849 г., № 317.

вѣры и необходимѣйшихъ молитвъ замѣтно возвысилось, потому что на сей предметъ было обращено мною особое вниманіе священниковъ".

Другая выдающаяся черта въ личности Филарета, какъ администратора—это его строгая самостоятельность въ управленіи епархіей. При самомъ бѣгломъ разсмотрѣніи его резолюцій, положенныхъ имъ на дѣлахъ консисторскихъ, невольно изумляешься—какъ доставало у него силъ и времени нести такую массу трудовъ. Не имѣя викарія, онъ самъ работалъ надъ важными и маловажными дѣлами и вездѣ его доставало. Вникая съ участіемъ въ бытъ сельскаго духовенства, онъ видѣлъ какъ мало оно гарантировано отъ произвола ближайшихъ его властей. Ему очень не нравилось привиллегированное положеніе членовъ духовныхъ правленій, пользовавшихся избыткомъ на счетъ бѣднаго сельскаго духовенства и довольно горделиво относившихся къ нему. Въ первый же годъ поступленія на Харьковскую епархію онъ закрылъ четыре духовныхъ правленія, а впослѣдствіи и остальныя три. Членамъ Консисторіи онъ также мало давалъ простора; чрезвычайно зорко слѣдилъ за дѣлопроизводствомъ ея и за всякую оплошность каралъ рѣзкими и безцеремонными резолюціями вродѣ слѣдующихъ: „постановленіе это дико, или опредѣленіе это глупо". Многія опредѣленія ея измѣнялъ, дополнялъ или же возвращалъ для новаго пересмотра и рѣшенія. Консисторія, согласно требованію устава, въ своихъ постановленіяхъ обыкновенно буквально держалась такъ называемыхъ законныхъ доказательствъ. Филаретъ, не пренебрегая ими, принималъ въ разсужденіе всѣ обстоятельства, открывающіяся въ дѣлѣ и могущія основать убѣжденіе и дѣлалъ свое личное постановленіе, которое консисторія потомъ приводила въ исполненіе. Лѣтъ восемь предъ симъ Св. Сѵнодъ издалъ для руководства Консисторіи уставъ. Въ дополненіе къ нему преосвященный Филаретъ издалъ свое руководственное пособіе. „Такъ какъ, писалъ онъ въ предложеніи Консисторіи, по опытамъ мнѣ извѣстно, что въ Харьковской консисторіи постановляются то ошибочныя рѣшенія, то слишкомъ медленно составляются опредѣленія отъ того, что чрезвычайно трудно отыскать разсѣянные по дѣламъ разныхъ годовъ и книгамъ указы и правила церковныя, то

извлеченныя мною изъ дѣйствующихъ законоположеній правила церковныя, прилагая при семъ, предлагаю Консисторіи съ тѣмъ, чтобы она пользовалась симъ извлеченіемъ, какъ пособіемъ для пріисканія законовъ и правилъ, самыя же правила и законы, какъ понятно, должны быть приводимы къ дѣлу въ подлинномъ ихъ видѣ", [1]). Многія донесенія въ Св. Сунодъ, отчеты о состояніи епархіи, отношенія къ начальству губерніи, попочителю округа и другимъ высокопоставленымъ лицамъ, секретныя дѣла по расколу онъ писалъ собственною рукою. Такъ работать для него было дѣломъ привычнымъ. Въ Ригѣ онъ самъ писалъ бумаги не только на черно, но и на бѣло, а число дѣлъ въ годъ доходило у него до 10 т. [2]) Просителей онъ принималъ самъ лично и, написавъ резолюцію, отдавалъ просьбу его въ руки для передачи куда слѣдуетъ по содержанію просьбы. Награждалъ ли кого, давалъ-ли мѣсто кому, или переводилъ на другое—всѣ подобныя распоряженія часто дѣлалъ, не требуя напередъ справокъ изъ консисторіи. Были примѣры, когда нѣкоторыхъ священниковъ лишалъ должности и даже удалялъ съ мѣста безъ всякаго слѣдствія, основываясь исключительно на томъ, что неблагонадежность ихъ къ службѣ ему лично извѣстна. Но такъ дѣйствовалъ Филареръ не вслѣдствіе самовластія, не допускавшаго никакихъ ограниченій, а въ силу убѣжденія, что для духовенства тотъ особенно дорогъ архіерей, который своимъ сердцемъ и умомъ, вникая въ епархіальныя дѣла, самъ вершитъ ихъ. Для самоличнаго управленія духовенствомъ у него было достаточно средствъ подъ руками. Въ первые два года онъ отлично изучилъ епархію. Что всесторонне онъ зналъ исторію прошедшей ея жизни—тому очевиднымъ доказательствомъ служитъ трудъ его—историко-статистическое описаніе епархіи. Современное состояніе духовенства также прекрасно было извѣстно ему. Благочинные обязаны были два раза въ годъ доставлять ему вѣдомости; сюда, по напередъ данной имъ программѣ, они заносили подробныя свѣдѣнія о церкви, причтѣ и приходѣ. Эти свѣдѣнія Фила-

---

[1]) Арх. Конс. 1854 г. № 377.

[2]) Письмо къ Иннокентію 43.

ретъ провѣрялъ и дополнялъ при личныхъ сношеніяхъ съ духовенствомъ и преимущественно во время ревизіи епархіи, которую производилъ каждое лѣто, нерѣдко въ два, три пріема, внимательно осматривая храмы, утвари, ризницы, архивы, отчетности, кладбища, школы и дома духовенства. У Филарета не было никакихъ посредствующихъ лицъ между нимъ и духовенствомъ. „Искренно скажу тебѣ, писалъ онъ изъ Харькова профессору Горскому, что право не имѣю желанія и не дозволяю себѣ принимать слухи со стороны. Кажется предъ судомъ Божіимъ могу сказать неукоризненно, что не принимаю къ себѣ наушниковъ. По моему они низки во всякомъ случаѣ. Ужели чья либо совѣсть дозволитъ считать подобныхъ людей доброжелателями? Не вѣрю. Китайская пословица говоритъ умно: правду или неправду говоритъ низкій человѣкъ, не слушай его" [1]). Вообще доносчиковъ онъ терпѣть не могъ. Если доносъ оказывался ложнымъ, то за ябеднический поступокъ вызывалъ доносчика на испытаніе въ архіерейскій домъ на цѣлый мѣсяцъ, или лишалъ мѣста. Къ взаимнымъ жалобамъ духовенства другъ на друга онъ относился съ полнымъ пренебреженіемъ и даже не выслушивалъ ихъ.

„Я не имѣю обыкновенія, писалъ онъ Иннокентію, довѣрять опалующимся, особенно священникамъ" [2]). Правда, Романовскій много сотрудничалъ Филарету: по праву друга онъ предлагалъ ему свои совѣты, иногда обращался къ нему съ нѣкоторыми просьбами, но такое вмѣшательство въ епархіальныя его дѣла никогда не заходило далѣе тѣхъ границъ, какія указывали ему благоразуміе и деликатность. Романовскій много помогалъ ему, но отнюдь не верховодилъ имъ. Съ своей стороны Филаретъ съ благодарностію принималъ его совѣты, съ полною готовностью, предупредительностію и терпѣніемъ исполнялъ его просьбы, но если исполненіе его желаній встрѣчалось съ требованіями долга и закона, то онъ прямо, но спокойно отвергалъ его просьбы.

„Вы думаете, а иногда и говорите, писалъ онъ Романовскому, что не исполняю просьбъ или желаній вашихъ по

---

[1]) Письмо 138 „Твор. св. отецъ" 1885 г., кн. 4, стр. 476.

[2]) Письмо къ Иннокентію 49.

неправымъ причинамъ. Права ли совѣсть моя предъ Господомъ знаетъ это Одинъ Всевѣдущій. Но я желаю поступать не иначе, какъ по совѣсти. Если бы иначе поступалъ я, вы сами имѣли бы право и осуждать меня, и не любить меня. Богъ свидѣтель—я люблю добрую душу вашу, но потому-то, что очень люблю васъ и долженъ наблюдать за своимъ сердцемъ, чтобы не увлекалось оно чувствами къ несправедливому" [1]).

Вотъ еще одна особенность въ административной дѣятельности Филарета, которая, впрочемъ, была очень непріятна духовенству,—это его торопливость и поспѣшность—священниковъ еще не старыхъ увольнять за штатъ, а на мѣсто ихъ ставить людей молодыхъ, не рѣдко только что вышедшихъ изъ за скамья семинарской. Правда, уставъ Консисторіи предоставлялъ право священнику 60 лѣтъ по болѣзненному состоянію просить увольненія отъ должности, но Филаретъ самъ увольнялъ за штатъ [2]). Для этого достаточно было благочинному донесть ему, что такой-то священникъ не всегда служитъ въ храмѣ и не всѣ требы прихожанъ исполняетъ, потому что старъ и слабъ здоровьемъ. Поступая такъ, онъ руководился правиломъ—общее благо ставить выше блага частнаго лица. По его убѣжденію тотъ священникъ, изъ-за котораго по слабости его здоровья и старости лѣтъ случаются упущенія въ приходѣ, хотя бы то и рѣдкія, не долженъ занимать мѣсто. Увольняя за штатъ далеко еще не старыхъ лѣтами, онъ этимъ самымъ побуждалъ всѣхъ стариковъ священниковъ, а равно и прочихъ членовъ причта, заранѣе заботиться объ устройствѣ своихъ семействъ. Филаретъ видѣлъ, что многіе священники, удерживавшіе за собой мѣсто до глубокой старости, умирая оставляли свои семьи въ такомъ положеніи, что онъ не находилъ никакихъ средствъ помочь имъ. Такая безпечность родителей о дѣтяхъ сильно огорчала его. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Города Ахтырки при Николаевской

---

[1]) Письмо 25.

[2]) Нужно, впрочемъ, замѣтить, что при увольненіи за штатъ стариковъ-священниковъ Филаретъ всячески старался обезпечить ихъ: бездѣтнымъ старикамъ съ ихъ женами назначалъ пособіе отъ попечительства, а одинокимъ вдовцамъ—предлагалъ мѣсто и содержаніе въ монастырѣ.

церкви умеръ священникъ, служившій здѣсь 44 года и оставившій послѣ себя жену и двухъ устарѣвшихъ дочерей. Мѣсто это онъ, согласно указу Св. Сѵнода, отдалъ протоіерею Назаревскому, бывшему своему сподвижнику въ Ригѣ и страдальцу за православіе. Вдова обратилась къ Филарету съ просьбой зачислить это мѣсто за дочерью. „При всемъ моемъ живомъ состраданіи къ бѣдной семьѣ, пишетъ онъ на ея прошеніи, я не имѣю возможности исполнить ея просьбы. Надлежало исполнить и исполнено распоряженіе Святѣйшаго Сѵнода. Не могу при этомъ не напомнить старцамъ-священникамъ, что они напрасно къ скорби своихъ семей не дѣлаютъ благовременныхъ распоряженій, а когда дѣлаетъ начальство это распоряженіе неблагодарно негодуютъ и тяжко грѣшатъ противъ начальства". Въ такихъ запоздалыхъ своихъ нуждахъ нѣкоторыя изъ вдовъ обращались къ Романовскому; но и онъ не всегда успѣвалъ въ своемъ ходатайствѣ. „Сію минуту, пишетъ Филаретъ Романовскому, получилъ я ваше письмо о Гуляйпольской вдовѣ. Жаль ее. Но что дѣлать. Мѣсто давно зачислено за Щекинымъ. Откроется ли возможность указать ему на другое мѣсто? Не увѣренъ въ скорой возможности. Много безъ мѣстъ изъ окончившихъ курсъ ученія" [1]). Не малымъ побужденіемъ для Филарета къ увольненію стариковъ-священниковъ безъ ихъ прошеній служило его желаніе скорѣе пристроить къ мѣстамъ лучшихъ учениковъ семинаріи, съ цѣлію въ лицѣ ихъ имѣть образованныхъ и способныхъ пастырей. Изъ многихъ примѣровъ въ этомъ родѣ укажемъ на слѣдующій. Студентъ семинаріи С. Мухинъ проситъ дать ему мѣсто въ слободѣ Мартовой, которое занималъ старикъ І. Гутниковъ. При немъ же состоялъ священникомъ сынъ его В. Гутниковъ, который въ тоже время былъ и благочиннымъ. По справкѣ оказалось, что старикъ былъ еще довольно крѣпокъ силами, неопустительно исправлялъ богослуженіе и требы и самъ собственноручно писалъ всѣ документы. Сынъ его, благочинный Гутниковъ, просилъ Филарета оставить отца на мѣстѣ, такъ какъ старикъ своими трудами и доходами помогаетъ ему, человѣку весьма многосемейному. Филаретъ пишетъ: „Ста-

---

[1]) Письмо 8.

рецъ Гутниковъ слишкомъ дряхлъ—объ этомъ и говорить нечего, приходъ же большой и сынъ его занятъ дѣлами благочиннаго. Люблю добраго благочиннаго и готовъ помогать ему въ устроеніи экономическихъ дѣлъ его, но безъ оскорбленія обязанностей къ другимъ. А о. благочинный самъ долженъ видѣть, что состояніе Мухина, дьячковскаго сына, окончившаго ученіе въ числѣ лучшихъ учениковъ, требуетъ моей заботы. Потому священникъ Яковъ Гутниковъ, какъ 73-хъ лѣтній дряхлый старецъ, по указу 1778 г., увольняется за штатъ, а студентъ Мухинъ опредѣляется на его мѣсто"[1]). Нельзя при этомъ не замѣтить, что нѣкоторые изъ окончившихъ курсъ семинаріи были слишкомъ поспѣшны и не разборчивы въ подачѣ своихъ прошеній на такъ называемыя *живыя мѣста*, на коихъ еще состояли въ должности старики-священники. Такъ студентъ семинаріи В. проситъ Филарета предоставить ему мѣсто въ сл. Большой Писаревкѣ священника Соколовскаго на томъ основаніи, что онъ престарѣлыхъ лѣтъ (ему было не болѣе 58 лѣтъ), бездѣтенъ и имѣетъ достаточное состояніе. Филаретъ вызвалъ этого священника къ себѣ, служилъ съ нимъ литургію и, наконецъ, далъ такую резолюцію: „Не имѣю причинъ добраго и еще не ослабѣвшаго силами священника Соколовскаго лишить мѣста"[2]). Многіе изъ уволенныхъ за штатъ не могли мириться съ своимъ положеніемъ и просили оставить ихъ на приходѣ, доказывая, что они не такъ еще слабы здоровьемъ, какъ донесъ благочинный. Были примѣры и очень частые, когда Филаретъ самъ, по личному своему усмотрѣнію, возвращалъ имъ мѣста, но въ большинствѣ случаевъ эти просьбы онъ передавалъ на разсмотрѣніе Консисторіи. При этомъ каждый разъ предписывалъ, чтобы при составленіи опредѣленія она имѣла въ виду: а) полную справку о просителѣ, б) что число окончившихъ курсъ въ семинаріи всегда превышаетъ число 50, которымъ надобно дать мѣста священническія, а ихъ очень часто мало, а иногда нѣтъ ни одного, в) что много остается священниковъ съ хорошими способностями и поведеніемъ, об-

---

[1]) Архивн. дѣло сл. Мартовой за 1853 г.

[2]) Архивн. дѣло сл. Большой Писаревки за 1853 г.

ремененныхъ семействами, но которые остаются безъ штатныхъ мѣстъ и т. п. При такихъ требованіяхъ со стороны Филарета рѣдко кому изъ уволенныхъ священниковъ удавалось возвратить свои мѣста. Недовольные отказомъ Консисторіи, переносили свои жалобы Святѣйшему Сvноду. Нѣкоторые изъ нихъ въ своихъ жалобахъ настолько были настойчивы, что Филарету приходилось вести съ Святѣйшимъ Сvнодомъ очень долгую и непріятную переписку. Укажемъ на слѣдующій примѣръ. Въ концѣ 1849 года Филаретъ уволилъ за штатъ осьмидесятилѣтняго протоіерея Старобѣльскаго собора Е. Ѳ. Этотъ протоіерей былъ вдовый и безсемейный. Не смотря на то, что онъ имѣлъ собственный домъ, и достаточное состояніе, Филаретъ, увольняя его за штатъ, опредѣлилъ ему изъ суммъ попечительства ежегодное пособіе въ количествѣ 50 руб. Но старцу крайне не хотѣлось оканчивать жизнь въ положеніи заштатнаго. Три раза онъ жаловался Святѣйшему Сvноду и каждый разъ Сvнодъ оставлялъ прошеніе его безъ послѣдствій. Уже не задолго до своей смерти онъ подалъ жалобу на Высочайшее имя. На указѣ Святѣйшаго Сvнода—представить о немъ подробныя свѣдѣнія и заключеніе.—Филаретъ написалъ: „Консисторія поспѣшитъ сдѣлать свое дѣло. О! Когда Господь избавитъ меня отъ этого безсовѣстнаго просителя". Также точно поступалъ онъ со стариками священниками и въ Черниговѣ. Уволенные жаловались. Св. Сvнодъ не только одобрилъ систему Филарета, но рекомендовалъ ее для руководства всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ. Въ письмахъ преосвященнаго Филарета къ Романовскому мы встрѣчаемъ довольно ясное указаніе на то, что послѣдній, по праву друга, позволялъ себѣ укорять Филарета за его жестокость къ лицамъ виновнымъ. Такъ, въ одномъ изъ писемъ, Филаретъ заговоривъ о своемъ двоюродномъ братѣ, пишетъ: „Ему бѣдному много-много доставалось отъ горячаго своего отца. Затѣмъ продолжаетъ: отецъ его вамъ нравится. И однако онъ не такъ слабосерденъ къ виновнымъ, какъ вы хотите. И я грѣшный кажусь вамъ по временамъ не правымъ" [1]). Обвиненія эти, по всей вѣроятности, были на столько часты и рѣзки, что

[1]) Письмо 25.

Филаретъ находилъ для себя нужнымъ оправдываться предъ нимъ. Такъ, напримѣръ, Филаретъ пишетъ: „Не грѣшите, не жалуйтесь на жестокость мою“ [1]). Въ другомъ письмѣ пишетъ: „При свиданіи съ вами скажу вамъ нѣсколько словъ въ защиту себя противъ обвиненій меня въ жестокости“ [2]). Что говорилъ Филаретъ Романовскому въ защиту себя, мы не знаемъ, но то несомнѣнно, что впечатлѣніе, которое онъ производилъ собою на духовенство, при первой встрѣчѣ съ нимъ и особенно при пріемѣ прошеній, было не въ пользу его. Онъ казался грустнымъ, угрюмымъ, сухимъ и даже суровымъ. Просителей принималъ въ своей передней, подавая прошеніе, они падали ему въ ноги. Весьма часто онъ тутъ-же просматривалъ прошеніе, затѣмъ уходилъ въ кабинетъ, здѣсь писалъ резолюцію и молча возвращалъ просителю. Если прошеніе было написано безграмотно, или наполнено кляузами, или проситель домогался того, что Филаретъ находилъ почему либо невозможнымъ выполнить, онъ тутъ же бросалъ прошеніе къ ногамъ просителя и, не сказавъ ни слова, уходилъ въ кабинетъ свой. Это стояніе просителей-священниковъ въ передней, эти земные поклоны, это молчаливое отношеніе къ нимъ было не совсѣмъ пріятно духовенству, особенно послѣ привѣтливаго пріема просителей его предшественника преосв. Иннокентія. Романовскій иногда намекалъ Филарету, что въ этомъ случаѣ онъ подражаетъ московскому митрополиту, но что образецъ этотъ, по своей высотѣ, не всегда удобенъ и приложимъ къ духовенству, живущему въ иномъ краѣ, при другихъ условіяхъ, обычаяхъ и привычкахъ. Не нравилась духовенству его молчаливость. Вѣроятно, на эту сторону обращалъ вниманіе его преосв. Иннокентій. Филаретъ отвѣчалъ ему: „Не могу отгадать, по какому поводу обвиняете меня въ ошибкѣ московскомъ. Не потому ли, что неговорливъ. Но это не дѣло воли“. [3]) Несомнѣнно и то, что въ назначеніи наказаній онъ былъ иногда поспѣшно рѣшителенъ и строгъ. Таковымъ мы видѣли его по отношенію къ тѣмъ священ-

---

[1]) Письмо 23.
[2]) Письмо 16.
[3]) Письмо 46.

никамъ и діаконамъ, которыхъ онъ переводилъ на худшія мѣста, собственно за то, что плохо отвѣчали ему на экзаменѣ. Духовенство особенно сильно роптало на преосв. Филарета за то, что онъ былъ слишкомъ поспѣшенъ въ удаленіи за штатъ такихъ священниковъ, которые, по своимъ лѣтамъ и состоянію здоровья, еще могли бы, безъ особаго вреда для прихожанъ, продолжать свое служеніе. Филаретъ зорко слѣдилъ за состояніемъ раскола въ епархіи. Если замѣчалъ, что въ извѣстномъ приходѣ вновь появился расколъ или увеличивается прежній, онъ винилъ въ этомъ приходскаго священника и грозилъ ему удаленіемъ отъ мѣста: онъ давалъ срокъ не далѣе какъ на одинъ годъ и, если видѣлъ, что расколъ въ прежнемъ состояніи, то, не принимая во вниманіе никакихъ оправданій, переводилъ на другое мѣсто. Точно такъ поступалъ и съ законоучителями, если при посѣщеніи школъ крестьянскіе мальчики оказывались съ плохими познаніями по Закону Божію. Недолюбливалъ онъ молодыхъ, бездѣтныхъ вдовцовъ-священниковъ, особенно, если они вели жизнь открытую и праздную. Такихъ за самый, повидимому, малый проступокъ (напр. игру въ карты) онъ лишалъ мѣста и отсылалъ въ монастырь, совѣтуя при этомъ оставаться въ немъ навсегда. Были примѣры, когда, по письменному доносу помѣщика, подкрѣпленному удостовѣреніемъ мѣстнаго благочиннаго, священника, обвиняемаго въ зазорной жизни, или во вмѣшательствѣ въ крѣпостныя права помѣщика, онъ, безъ слѣдствія и суда, переводилъ на другое мѣсто. Лицъ, предающихся пьянству, рѣшительно не могъ терпѣть. Для таковыхъ, въ наказаніяхъ своихъ, онъ былъ не умолимъ и наказанія его были иногда суровы. Запрещеніе священнослуженія, лишеніе рясы, низведеніе въ причетники—это были обычныя наказанія; чаще всего нетрезвыхъ удалялъ отъ мѣста навсегда. Нетрезвыхъ причетниковъ каралъ поклонами въ церкви (отъ 200 до 1000 въ два-три пріема), посылалъ въ свой загородній домъ, опредѣлялъ въ сторожа при училищахъ и семинаріяхъ, лишалъ мѣстъ, увольнялъ въ свѣтское званіе, а во время разбора духовенства отдавалъ въ военную службу. Да, Филаретъ твердо и высоко держалъ ввѣренную ему власть. Исполненіе долга онъ считалъ для себя священнѣйшимъ. „Не умѣю, писалъ онъ Романовско-

му, дѣла дѣлать шутя. Страхъ суда Божія мѣшаетъ". [1]) Весьма естественно, что такое строгое исполненіе имъ долга могло отражаться и дѣйствительно отражалось на иныхъ подчиненныхъ очень тяжело. Филаретъ, какъ человѣкъ и притомъ больной и постоянно занятый учеными дѣлами, иной разъ дѣйствительно могъ быть суровымъ и даже несправедливымъ, но это зависѣло частію отъ прирожденной ему пылкости характера, частію отъ раздражительности, съ которою онъ боролся всю жизнь, а частію отъ поспѣшности въ дѣлахъ, которыя онъ рѣшалъ весьма часто самолично. Какъ администраторъ, замѣчаетъ одинъ біографъ, Филаретъ съ подчиненными ему былъ поспѣшно-рѣшительнымъ, рѣзкимъ, а нерѣдко и суровымъ. Какъ человѣкъ, онъ былъ несомнѣнно добрый: суровымъ и рѣзкимъ дѣлали его положеніе и тѣ трущобныя обстоятельства ненормальности жизни русскаго духовенства, которыя не могутъ не возмущать и не столь умнаго, какъ онъ, человѣка. [2]) Вотъ отзывъ о немъ архим. Герасима, который служилъ при немъ въ Харьковѣ около пяти лѣтъ въ должности ректора семинаріи. „Проникнутый, пишетъ онъ, сознаніемъ нравственнаго долга и занятый постоянно дѣломъ или приготовленіемъ къ дѣлу съ утра до ночи, Филаретъ казался иногда сухимъ, необщительнымъ, взыскательнымъ, даже жестокимъ подъчасъ; но проходило нѣсколько минутъ, онъ дѣлался ласковъ и искрененъ, готовъ былъ извиняться и не рѣдко извинялся въ ошибкахъ своихъ" [3]). Филаретъ не скрывалъ своихъ недостатковъ, а напротивъ первый винилъ себя. Въ письмѣ Иннокентію, который указывалъ на его недостатки, онъ такъ отвѣчалъ ему изъ Харькова: „Кто безъ грѣха, кто безъ недостатковъ? когда бы только Господь посылалъ мнѣ свѣтъ свой, чтобы видѣть мнѣ свои прегрѣшенія" [4]). Живя въ Петербургѣ на чредѣ, Филаретъ, замѣчаетъ архимандритъ Герасимъ, жалѣлъ и не безъ грусти замѣтно, что не заслужилъ, какъ видитъ теперь, любви въ Харьковѣ и раскаивался, что мно-

---

[1]) Письмо 25.

[2]) Русск. Старина 1881 г. кн. IV, ст. 796.

[3]) „Самарск. Епарх. Вѣд." 1873 г., стр. 194.

[4]) Письмо 42.

гое дѣлалъ не такъ, какъ бы слѣдовало [1]). Харьковскій протоіерей Шерорцкій въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что „рѣшительныя резолюціи преосвященнаго Филарета были иногда непріятны для многихъ. Составилось было мнѣніе о суровости архипастыря. Но при набожномъ настроеніи души преосвященнаго, онъ скоро же и перемѣнялъ свои резолюціи, если по чьему либо ходататайству и по разъясненію находилъ, что сурово поступилъ съ подчинененными" [2]). Г. Листовскій приводитъ слѣдующій примѣръ изъ Черниговской дѣятельности Филарета. Лишилъ онъ благочинія одного священника, но убѣдившись, что онъ былъ оклеветанъ, онъ при встрѣчѣ съ нимъ, во время объѣзда епархіи въ с. Больмочовкѣ, поклонился ему низко и сказалъ: „Прости меня, о. Іоаннъ; я невинно тебя осудилъ" [3]). Таковъ онъ былъ въ Черниговѣ, такимъ онъ былъ и въ Харьковѣ. „Не говорю о другихъ, пишетъ священникъ Гр. Тимошевскій, нѣсколько разъ приходилось мнѣ видѣть и слышать, что владыка Филаретъ, казавшійся иногда суровымъ, чрезвычайно былъ уступчивъ, добръ, милостивъ и прямодушенъ. Однажды я былъ оклеветанъ предъ владыкою. Буря поднялась было не на шутку. Самъ владыка говорилъ, какъ онъ сильно огорченъ; лица, бывшія при этомъ вступились за меня и доказали владыкѣ, что на меня взведена неправда. Владыка потребовалъ формулярный мой списокъ и, прочитавши его, вздохнулъ и сказалъ:—прости меня, Господи! Я обманутъ жестоко. Передайте этому бѣдному, обиженному священнику мое извиненіе. Да, я въ запальчивости могъ надѣлать великой бѣды. Намъ всегда нужна осмотрительность. Слава Богу, что я не распорядился наказаніемъ.—Таковъ то былъ владыка! Да дастъ ему Господь по богатству добродѣтели его" [4])! А вотъ еще одинъ фактъ. Положившись на доносъ благочиннаго, Филаретъ безъ суда и слѣдствія лишилъ пособія изъ суммъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія одну молодую вдову—жену священника и исключилъ ее изъ духовнаго вѣдомства за то, что она будто бы ведетъ за-

---

[1]) Самарск. Епарх. Вѣд." 1873 г., стр. 244.

[2]) „Духов. Вѣстникъ" 1866 г., т. XV, стр. 438.

[3]) Русскій Архивъ 1887 г. № 10, стр. 242.

[4]) „Благовѣстъ" 1884 г., № 1, стр. 8.

зорную жизнь. Романовскій зналъ эту вдову, зналъ что она безукоризненнаго поведенія и подпала гнѣву благочиннаго единственно по личной враждѣ его къ ней. Онъ смѣло возвысилъ свой голосъ предъ Филаретомъ и доказалъ ему, что благочинный безсовѣстно оклеветалъ ее. Наведши о вдовѣ обстоятельныя справки, Филаретъ былъ изумленъ правотой невинно оклеветанной женщины. Онъ вызвалъ къ себѣ благочиннаго и вдову и тутъ-же первому велѣлъ подать въ отставку отъ должности благочиннаго, а второй объявилъ, что онъ не только уничтожилъ свою резолюцію, но увеличилъ ея содержаніе отъ попечительства и даетъ обѣщаніе быть для ней защитникомъ и покровителемъ. Растроганная вдова, обливаясь слезами, упала къ ногамъ владыки, цѣловала ихъ и при этомъ охватила ихъ руками такъ, что съ трудомъ келейникъ могъ оторвать ее. По окончаніи этой сцены, лишь только вдова ушла, Романовскій сдѣлавъ поклонъ Филарету, сказалъ ему съ дружескою откровенностію: „Жаль, святой владыка, что вдова эта ограничилась только слезами и цѣлованіемъ ногъ вашихъ. Будь я на ея мѣстѣ и имѣй, вмѣсто одного, ея зубы,—искусалъ бы ноги ваши, чтобы вы почувствовали, можно ли такъ жестоко поступать съ подчиненными, довѣряя доносу одного благочиннаго". Выше мы замѣтили, что Филаретъ былъ неумолимо строгъ къ виновнымъ въ пьянствѣ. Справедливость впрочемъ требуетъ сказать, что и этихъ лицъ онъ каралъ съ строгою разборчивостію: иначе лицъ, одержимыхъ закоренѣлою страстію къ пьянсту и иначе впадавшихъ въ этотъ порокъ по увлеченію, по слабости воли, тѣмъ болѣе тѣхъ, которые были уличены въ нетрезвости въ первый разъ. Были примѣры, когда Филаретъ при опредѣленіи наказанія за проступокъ въ нетрезвости руководился чувствомъ и духомъ полнаго всепрощенія. Таковымъ онъ показалъ себя въ дѣлѣ съ бывшимъ протодіакономъ своимъ Василіемъ Никитскимъ. Случай его нетрезвости былъ выдающійся изъ ряда подобныхъ, о которомъ много тогда ходило говора по всей епархіи. Не смотря на то, что Никитскій въ теченіе 12-ти лѣтъ безпорочно служилъ при двухъ предшественникахъ Филарета и былъ любимъ ими, всѣ предполагали, что Филаретъ не пощадитъ его, что провинившемуся такъ публично, грозитъ низведеніе въ причет-

ники. Вотъ что писалъ Филаретъ Иннокентію объ этомъ случаѣ: „Для дней святыхъ здѣсь для меня случилось нѣсколько непріятностей. Между прочимъ протодіаконъ Никитскій, во время самаго православія, до того явилъ постыдную славу свою, что не зналъ я какъ окончилось служеніе. Что будешь дѣлать съ этими людьми? Точно какъ безумные вызываютъ на себя несчастія. Дѣло въ глазахъ цѣлаго города. И хотѣлъ бы закрыть грѣхъ брата, но нѣтъ возможности. Все, что по моему можно было сдѣлать, состояло въ томъ, что по приказанію подалъ онъ просьбу объ увольненіи отъ должности по болѣзни. И при всемъ томъ осталось не безъ опасеній" [1]). Передадимъ этотъ фактъ словами самого Никитскаго: „Филаретъ былъ милостивый архіерей, его милосердіе многіе испытали на себѣ, испыталъ и я. Былъ со мною въ 1852 году слѣдующій несчастный случай. Вечеромъ въ прощальное воскресенье собралось въ залъ владыки все Харьковское духовенство по древнему обычаю (который, къ сожалѣнію, давно уже оставленъ) испросить у него архипастырское прощеніе и благословеніе на великопостные подвиги. Тутъ былъ и я. Владыка долго давалъ наставленіе духовенству: слышу, говорилъ онъ, что за своими недосугами и длиннымъ великопостнымъ богослуженіемъ, вы стѣсняетесь готовить поученіе народу во время поста. Постъ самое лучшее время для проповѣдыванія Слова Божія: читайте готовыя проповѣди преосвященнаго Иннокентія, онѣ понятны городскому народу и сильно дѣйствуютъ на душу. Отпуская духовенство, онъ низко поклонился и сказалъ: „простите меня грѣшнаго", духовенство отвѣтило ему земнымъ поклономъ и затѣмъ каждый подходилъ и бралъ благословеніе. Принимая благословеніе, я спросилъ владыку: будетъ-ли совершаться чинъ православія? Немного подумавъ, онъ сказалъ: „нѣтъ, не будетъ". По окончаніи всенощной въ субботу первой недѣли Великаго Поста, владыка призываетъ меня къ себѣ и говоритъ: „чинъ православія я буду совершать, проситъ городское общество, возьми книжицу и просмотри". Я отвѣчалъ, что порядокъ этого богослуженія мнѣ хорошо извѣстенъ. Лишь только я воротился домой, приходитъ ко мнѣ келейникъ преосвященнаго—

---

[1]) Письмо 31.

мой давній задушевный другъ. Просидѣвъ съ нимъ за пріятельской бесѣдой до четырехъ часовъ утра, я отправился прямо въ соборъ къ заутрени. Во время служенія литургіи, я былъ бодръ и только подъ конецъ почувствовалъ тяжесть въ головѣ и сильную жажду. Во время пріобщенія владыки обязанность мою у престола исполнялъ седмичный соборный діаконъ, а я пошелъ въ пономарку и здѣсь для утоленія жажды выпилъ цѣлую бутылку церковнаго вина. Въ обычное время при началѣ чина православія я взялъ благословеніе у владыки и сталъ на уготовленномъ мѣстѣ—на лѣвомъ клиросѣ. Служеніе происходило въ верхней соборной церкви, она была переполнена народомъ и сильно натоплена—духота была страшная. Пѣснь: „Кто Богъ велій" я пропѣлъ безукоризненно, читалъ символъ вѣры отчетливо, но къ концу чтенія началъ чувствовать приливъ крови къ головѣ. Когда же сталъ возглашать „анаѳема", то и теперь не могу дать себѣ отчета, почему каждый разъ при произнесеніи этого слова правой рукой я указывалъ на генерала П—на, стоявшаго у праваго клироса прямо противъ меня. Мнѣ послѣ разсказывали, что смущенный генералъ пятился то въ ту, то въ другую сторону и, наконецъ, вынужденъ былъ выйти изъ церкви. Слышу глухой шумъ въ церкви. Это меня нѣсколько смутило, я замѣтилъ, что у меня рябитъ въ глазахъ и двоятся буквы. При возглашеніи вѣчной памяти почившимъ царямъ, Петру I-му я произнесъ два раза и началъ въ третій разъ. Подбѣгаетъ ко мнѣ ключарь прот. Малиновскій и говоритъ: „опомнись, что ты дѣлаешь: Петру I-му въ третій разъ произносишь вѣчную память".—„А развѣ, отвѣчалъ я ему, такой великій монархъ не заслужилъ этого?" Отвѣтъ этотъ, сказанный мною громко, тономъ человѣка обиженнаго, произвелъ въ народѣ сильный шумъ и говоръ, меня внезапно объялъ какой-то страхъ, я моментально очнулся, въ головѣ сразу просвѣтлѣло и я окончилъ свое дѣло какъ слѣдуетъ. Владыка, какъ передавали мнѣ, въ это время испытывалъ самыя тяжкія душевныя муки, что ясно отражалось на лицѣ его: опустивъ голову, онъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ. Во время разоблаченія и выхода изъ церкви, владыка не сказалъ никому ни слова. Съ сильнымъ укоромъ совѣсти возвратился я домой, мнѣ тяжело было глядѣть не только

на семью свою, но и на свѣтъ Божій. Къ вечеру я почувствовалъ головную боль и ознобъ, затѣмъ жаръ, а ночью появился бредъ и я около двухъ мѣсяцевъ пролежалъ въ постелѣ въ горячкѣ. Владыка нѣсколько разъ присылалъ ключаря освѣдомляться о ходѣ моей болѣзни. По выздоровленіи первый мой выходъ былъ къ преосвященному. Лишь только онъ вышелъ ко мнѣ, я палъ предъ нимъ на колѣни: „каюсь, говорю, виноватъ, простите". „Встань, отвѣчалъ онъ, будемъ у Господа просить прощеніе. Я радъ, что ты выздоровѣлъ, я скорбѣлъ за тебя". Эти слова такъ тронули меня, что у меня навернулись слезы. „Оставилъ-бы тебя по прежнему при себѣ, продолжалъ онъ, но не могу, ты это самъ долженъ понять. Обожди, я дамъ тебѣ священническое мѣсто". Конечно, я ожидалъ самое убогое мѣсто, гдѣ либо въ глухомъ селѣ. Каково же было мое изумленіе, когда, спустя мѣсяца три, онъ далъ мнѣ мѣсто при одной изъ Харьковскихъ церквей. Съ той поры я прослужилъ безпорочно священникомъ болѣе тридцати лѣтъ. Теперь я въ заштатѣ и уже одной ногой стою въ могилѣ [1]), но милосердіе владыки, покрывшее мой тяжкій грѣхъ, всегда храню въ глубинѣ сердца и всегда возношу свои молитвы о упокоеніи души милостиваго Филарета".

Изъ епархіальныхъ дѣлъ Филарета первое по времени и по важности значенія для епархіи—это устройство имъ женскаго духовнаго училища. Это самый видный памятникъ живой заботливости его о благѣ духовенства Харьковской епархіи. Замѣчательно, что изъ всѣхъ русскихъ іерарховъ тогдашняго времени первымъ основателемъ учебнаго заведенія дѣвицъ духовенства для своей епархіи на средства самаго же духовенства былъ Филаретъ. Достойно вниманія и то, что прежде всѣхъ другихъ предпріятій добрая душа Филарета остановилась на устройствѣ пріюта для духовныхъ сиротъ. Вотъ воззваніе, съ которымъ онъ обратился чрезъ благочинныхъ къ духовенству, спустя два мѣсяца (16 февр. 1849 г.) по прибытіи на епархію [2]).

„Имѣя въ виду съ одной стороны благодѣтельное попеченіе правительства объ учрежденіи пріютовъ для дѣвицъ

---

[1]) Свящ. В. Никитскій сконч. въ 1888 году.

[2]) Это воззваніе Филарета нигдѣ еще не было напечатано.

духовнаго званія, а съ другой множество бѣдныхъ и въ Харьковской епархіи, я, при помощи Божіей, полагаю твердое и рѣшительное намѣреніе учредить пріютъ для бѣдныхъ дѣвицъ духовныхъ въ г. Харьковѣ. Искренне желаю и прошу милосерднаго Бога, чтобы благодать Его расположила сердца всего моего духовенства и всей моей паствы въ пользу таковаго истинно благодѣтельнаго дѣла, соединяющаго въ себѣ пользы какъ нынѣшняго, такъ и будущаго духовенства.

Особенно обращаюсь къ лицамъ довѣреннымъ, дабы они, содѣйствуя моему желанію, употребили все стараніе о пожертвованіи какъ отъ духовенства, такъ и отъ свѣтскихъ лицъ въ пользу таковаго заведенія.

Буду надѣяться на васъ, отецъ почтенный, что вы съ особымъ усердіемъ постараетесь отвѣтствовать цѣли моего желанія, и донесете ко мнѣ благовременно, а мое благословеніе пребудетъ съ вами".

Не смотря на самое неблагопріятное въ ту пору время для сбора пожертвованій (холера 1848 г., цынга, падежъ скота, неурожай хлѣба), духовенство, дворянство, купечество, даже крестьяне откликнулись на призывъ архипастыря щедрыми пожертвованіями. Уже къ началу 1852 г. было въ сборѣ 21,500 руб. сереб. Жертвовали: кирпичъ, дерево, желѣзо и т. п., а для будущихъ воспитанницъ холстъ, бѣлье, ситцы и проч. Преосвященный Филаретъ всегда и во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ служившій примѣромъ щедрой христіанской благотворительности, лично отъ себя пожертвовалъ на первый разъ,—5,860 руб., да отъ архіерейскаго домоправленія 3000 руб. сереб. Оставалось избрать мѣсто для училища. Одни предлагали ему въ недавно предъ симъ отрытомъ Николаевскомъ женскомъ монастырѣ, другіе совѣтывали присоединить духовный пріютъ къ Харьковскому свѣтскому пріюту. Филаретъ избралъ мѣсто за городомъ, вблизи новаго городскаго кладбища. Мѣсто это очень просторное, впослѣдствіи чрезъ покупку по весьма дешевой цѣнѣ сосѣдней земли еще болѣе было расширено. Еще въ первые годы училища Филаретъ развелъ при немъ прекрасный садъ. И такое удобное мѣсто онъ пріобрѣлъ не теряя для покупки его ни одной копѣйки. Многіе осуждали Филарета за выборъ мѣста, кото-

рое отдѣлялось тогда отъ города пустымъ пространствомъ на довольно значительное разстояніе. Но это пустое мѣсто, давно уже заселено жилыми зданіями и училище, такъ сказать, слилось съ городомъ. Святѣйшій Сvнодъ предлагалъ Филарету замѣнить это мѣсто другимъ, опасаясь, какъ бы кладбище не имѣло вреднаго вліянія на здоровье дѣтей. Опасенія были напрасны. По своей возвышенности мѣсто это одно изъ здоровыхъ въ Харьковѣ. Не вдали отъ него, еще до постройки училища, находились учебныя заведенія — Ветеринарный институтъ и Институтъ Благородныхъ дѣвицъ, а впослѣдствіи Технологическій институтъ. Въ настоящее время рядомъ съ училищемъ строится коммерческое учебное заведеніе. Со времени открытія училища прошло 35 лѣтъ, но въ немъ ни разу не было заболѣваній дѣтей, которыя зависѣли бы собственно отъ сосѣдства могилъ, да и самое кладбище, которое, къ слову сказать, содержится въ образцовомъ порядкѣ, по недостатку мѣстъ для могилъ въ настоящее время весьма близко къ совершенному закрытію. Весной 1852 года Филаретъ сдѣлалъ закладку зданія, а черезъ два года уже былъ готовъ, небольшой въ 18 комнатъ, трехъ этажный, каменный корпусъ. На первый разъ было принято 30 дѣвочекъ. Испросивъ у Святѣйшаго Сvнода благословеніе, Филаретъ 6 Іюня 1854 года, въ присутствіи духовенства и гражданъ освятилъ зданіе и училище, или, какъ тогда называли, пріютъ духовный. „Послѣ долгихъ и не легкихъ заботъ, пишетъ Филаретъ проф. Горскому, Богъ помогъ, наконецъ, поставить себя въ возможность открыть въ Харьковѣ училище для бѣдныхъ дѣвицъ духовнаго званія. Помяните о семъ моемъ начинаніи предъ мощами угодника Божія преп. Сергія, да будетъ благословеніе его на семъ дѣлѣ, столько сильное предъ Господомъ“ [1]). Въ 1856 году онъ расширилъ зданіе съ сѣверной стороны, устроилъ здѣсь церковь и вновь принялъ 30 дѣвочекъ. Разъ опредѣленныя на содержаніе училища пожертвованія съ церквей и отъ духовенства шли обычнымъ чередомъ. Филаретъ, впрочемъ, съ

---

[1]) Письмо 117.

каждымъ годомъ открывалъ новые источники [1]). Работы были производимы очень быстро и съ соблюденіемъ строгой экономіи. За постройками онъ самъ лично слѣдилъ. Приводя къ концу послѣднюю пристройку, отъ пишетъ Романовскому: „корридоръ въ училищѣ еще не готовъ. Чтоже дѣлать? Спѣшимъ, спѣшимъ, а все не у берега. Такъ Богу угодно для леченія нашихъ грѣховъ" [2]). Закладка дома, отрытіе училища, освященіе домовой церкви, экзамены воспитанницъ—на всѣхъ этихъ и подобныхъ торжествахъ училища, по приглашенію Филарета, присутствовалъ и другъ его Романовскій. Любимая послѣобѣденная прогулка для Филарета была посѣщеніе вмѣстѣ съ Романовскимъ училища. Сироты-дѣти, въ лицѣ своего архипастыря видѣли нѣжнаго отца, который зорко вникалъ во все, что относилось къ ихъ содержанію, обученію и воспитанію. Въ каждый свой пріѣздъ въ училище Романовскій привозилъ съ собой лакомства и самъ лично раздавалъ дѣтямъ. Романовскій оказалъ весьма важную услугу Филарету, указавъ ему на должность начальницы училища дѣвицу Анну Николаевну Лукьяновскую. Эта личность вполнѣ была на своемъ мѣстѣ. На долю ея, какъ первой начальницы, выпало не мало хлопотъ по устройству внутренняго порядка въ училищѣ. Въ то время дѣти и особенно сироты поступали въ училище почти неграмотны, послѣднія ничѣмъ не отличались отъ крестьянскихъ дѣвочекъ. Для завѣдыванія дѣлами училища Филаретъ учредилъ комитетъ, который состоялъ изъ трехъ протоіереевъ. Штатъ преподавателей былъ очень не великъ: законоучитель, онъ же и священникъ домовой церкви, учитель русскаго языка и ариѳметики, учитель церковнаго пѣнія и начальница, которая преподавала географію и гражданскую исторію. Подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ начальницы состояли: классная дама, учительница шитья и экономка. Вотъ и весь штатъ служащихъ. Филаретъ цѣнилъ труды начальницы и былъ внимателенъ къ ней. Лишь только замѣчалъ ея усталость, онъ отправлялъ ее въ домъ Романовскаго, гдѣ она жила иногда по

---

[1]) Въ 1852 г. Филаретъ издалъ первое отдѣленіе своего труда: „Описаніе епархіи" въ пользу Харьковскаго Духовнаго училища дѣвицъ.

[2]) Письмо 31.

цѣлому мѣсяцу. „Какова Анна Николаевна—спрашивалъ онъ Романовскаго—поправляется ли?“ [1]) Въ другомъ письмѣ пишетъ: „Аннѣ Николаевнѣ приказъ—быть покойной“ [2]). Единственной наградой для него за всѣ его хлопоты и труды по училищу были успѣхи дѣтей, коими они радовали его на экзаменахъ. Вотъ что онъ писалъ Св. Сvноду о первомъ экзаменѣ, бывшемъ въ іюлѣ 1856 года, спустя два года послѣ открытія училища: „Испытаніе, произведенное мною тридцати ученицамъ, обучавшимся два года въ училищѣ, показало ихъ вполнѣ успѣшными во всѣхъ предметахъ, такъ что остается благодарить Господа за ихъ успѣхи; сверхъ успѣховъ въ знаніи краткаго катихизиса, русской исторіи, географіи и другихъ предметовъ, онѣ уже весьма удовлетворительно занимаются работами—шитьемъ и по хозяйству, такъ что сшили себѣ и новымъ ученицамъ рубашки и платья и связали чулки; дѣти сами отправляютъ чтеніе и пѣніе при богослуженіи храма, по двѣ изъ нихъ поочередно каждый день помогаютъ въ столовой и кухнѣ, наблюдаютъ за чистотой въ классныхъ и спальныхъ комнатахъ. Необыкновенно быстрыми успѣхами своими Харьковское училище дѣвицъ одолжено преимущественно благочестивой ревности и опытности начальницы Анны Николаевны Лукьяновской—дѣвицы духовнаго званія, долго занимавшей должность учительницы и въ пансіонахъ и въ частныхъ благородныхъ домахъ“ [3]). А вотъ отзывъ одного изъ постороннихъ свѣтскихъ лицъ, присутствовавшихъ, по приглашенію Филарета, на этомъ экзаменѣ: „весьма удовлерительные отвѣты, большею частію своими словами, бѣглою складною рѣчью, а также развязность воспитанницъ привели въ восхищеніе присутствовавшихъ на экзаменѣ, даже изумили многихъ, видѣвшихъ при открытіи училища, назадъ тому два года, какими дикарками поступала тогда большая часть этихъ дѣвицъ. Нельзя было не остаться довольнымъ такими необыкновенными успѣхами воспитанницъ и не поздравить начальницу и ея помощницу съ прекраснымъ началомъ

---

[1]) Письмо 30.
[2]) Письмо 31.
[3]) Архивъ Харьк. Духов. Консисторіи 1856 г. № 296.

службы" [1]). Живя въ Петербургѣ, куда въ маѣ 1858 года Филаретъ былъ вызванъ для присутствія въ Св. Сунодѣ и переносясь мыслію въ Харьковъ, душа его очень часто останавливалась на любимомъ его дѣтищѣ—женскомъ духовномъ училищѣ. Начальница была вполнѣ благонадежна и онъ за нее былъ покоенъ, но она часто болѣла. „Прошу васъ любовію, пишетъ онъ Романовскому, побывать въ училищѣ, посѣтить больную Анну Николаевну и написать мнѣ, что увидите тамъ" [2]). Мы не упомянули, что для обезпеченія существованія училища Филаретъ образовалъ при немъ основной капиталъ въ 23,630 руб., который хранился въ банковыхъ билетахъ. Въ Петербургѣ представился ему случай пріобрѣсть облигаціи желѣзныхъ дорогъ съ большими выгодами для училища и онъ рѣшился обмѣнять на нихъ всѣ билеты. Вотъ что онъ писалъ по этому поводу инспектору семинаріи іеромонаху Павлу [3]), который наблюдалъ за учебною частію въ училищѣ: „Отецъ инспекторъ! Очень давно послано мною предложеніе Комитету духовнаго дѣвичьяго училища—выслать ко мнѣ въ Петербургъ всѣ билеты училища для обмѣна ихъ на акціи или облигаціи компаніи желѣзныхъ дорогъ. Что это значитъ, что доселѣ не получаю ихъ? Здѣсь уже готовы были для меня облигаціи съ большими выгодами для училища; но оставалось отказаться отъ нихъ за неполученіемъ билетовъ. Видно преумныя головы вздумали умничать по своему. Съ нихъ довольно, если выполняютъ то, что придумано лучшими. Объявите Комитету, чтобы съ первою же почтою высланы были ко мнѣ билеты и о послѣдствіяхъ пришлите рапортъ". За училищемъ, по всѣмъ его частямъ, въ отсутствіе Филарета наблюдалъ ректоръ семинаріи, архимандритъ Герасимъ; но и онъ скоро былъ вызванъ въ Петербургъ. Тогда Филаретъ передалъ училище наблюденію Романовскаго. Поручая воспитанницъ покровительству Романовскаго, Филарету достаточно было въ письмѣ сказать ему: „вы любите о Господѣ дѣтей училищныхъ" [4]). Рома-

---

[1]) „Харьковскія Губернскія Вѣдомости" 1856 года, № 36.

[2]) Письмо 37.

[3]) Нынѣ Епископъ Астраханскій.

[4]) Письмо 38.

новскій дѣйствительно любилъ дѣтей училищныхъ и былъ сострадателенъ къ вдовамъ и сиротамъ духовнымъ. Свою заботу о нихъ онъ не разъ доказывалъ самымъ дѣломъ: выхлопотать у Филарета мѣсто для сироты, выдать ее въ замужество, опредѣлить въ домъ людей богатыхъ для какого либо полезнаго служенія, или оказать ей матеріальное пособіе,—это было любимымъ дѣломъ Романовскаго. Многія вдовы, при посредствѣ Романовскаго, устраивали весьма счастливо судьбу своихъ дочерей, у которыхъ потомъ сами имѣли пріютъ. Случалось, что у вдовы не хватало средствъ изготовить къ ставкѣ рясу своему зятю, нерѣдко такому-же сиротѣ и бѣдняку какъ и дочь ея и такой ставленникъ является къ рукоположенію въ кафтанѣ и рясѣ Филарета, выпрошенныхъ у него Романовскимъ. Въ бытность Филарета въ Петербургѣ, умеръ (18 февраля 1859 года) законоучитель этого училища, священникъ о. Іоаннъ Чудновцовъ [1]) и онъ снова обращается съ просьбой къ Романовскому. „Много мнѣ жаль того, пишетъ онъ Романовскому, что добрый о. Іоаннъ оставилъ училище. Забота теперь о томъ, кѣмъ замѣнить о. Іоанна? Примите участіе въ семъ дѣлѣ, сколько силы вамъ позволятъ. О. Іоанна послалъ мнѣ Господь неожиданно, но вотъ и взялъ его къ себѣ“ [2])

О. Іоаннъ Чудновцовъ состоялъ священникомъ въ слоб. Щуровой, Изюмскаго уѣзда—одномъ изъ бѣднѣйшихъ приходовъ. Во время экзамена духовенства—въ первый его обзоръ епархіи—Чудновцовъ изумилъ Филарета глубиной и широтой своихъ богословскихъ познаній; онъ перевелъ его въ Харьковъ на должность законоучителя училища. Онъ высоко цѣнилъ о. Іоанна. „Это жемчужина, говорилъ онъ, найденная мною на селѣ“. Воспитанницы были искренно

---

[1]) На рапортѣ благочиннаго о смерти священника Чудновцова Филаретъ написалъ: „Богъ да упокоитъ усерднаго дѣлателя своего. Попечительство обратитъ вниманіе на вдову“. Священникъ Чудновцовъ былъ безсребренникъ и никакого имущества не оставилъ послѣ себя. Филаретъ это зналъ и по его распоряженію его жена (Чудновцовъ былъ бездѣтенъ) до смерти своей получала отъ Попечительства пособія 50 р. ежегодно и отъ Кладбищенской Успенской церкви, при которой онъ былъ похороненъ, имѣла комнатку въ церковномъ домѣ.

[2]) Письмо 42.

привязаны къ нему и иначе не называли его, какъ „родненькимъ батюшкой“ [1]). По дорогѣ въ Черниговъ на свою новую паству, Филаретъ дня три-четыре прожилъ въ Харьковѣ. Въ одинъ изъ этихъ дней онъ посѣтилъ училище. Воспитанницы простились съ нимъ съ искренними слезами. Начальницу, безутѣшно плакавшую, онъ благословилъ иконою Богоматери. Не зная какъ и еще выразить ей свою благодарную память, онъ потребовалъ синодикъ, заведенный имъ для записи именъ благотворителей училища, и въ утѣшеніе ея, тутъ же написалъ на немъ: „Завѣщеваю всѣмъ iереямъ, имѣющимъ служить при училищной церкви, поминать въ своихъ молитвахъ первую начальницу Харьковскаго духовнаго женскаго училища, боголюбивую рабу Анну (Лукьяновскую) по ея кончинѣ“. Грѣшный Филаретъ А. Ч. Іюля 3 дня 1859 года. И на каѳедрѣ Черниговской Филаретъ не забывалъ Харьковскаго училища, а съ нимъ и начальницу Лукьяновскую. „Любящей Господа Аннѣ Николаевнѣ, писалъ онъ Романовскому, земной поклонъ. Пусть мужается и укрѣпляется сердце ея въ упованіи на Господа“ [2]). Въ другомъ письмѣ онъ спрашиваетъ Романовскаго: „Какъ поживаютъ дѣтки—и былъ-ли выпускъ? Напишите пожалуста“. Дошелъ до него слухъ, будто воспитанницы училища, за недостаткомъ средствъ, испытываютъ нѣкоторыя лишенія въ своемъ содержаніи (слухъ, впрочемъ, не основательный). „Напишите и о томъ, присовокупляетъ Филаретъ: не найдете-ли средства оказать помощь безъ оскорбленія отношеній любви и даже безъ возбужденія поводовъ къ тому, чтобы считать себя оскорбленнымъ? Подумайте съ совѣстью христiанскою. Что смогу—сдѣлаю. Подкрѣпляйте Анну Николаевну добрыми вашими совѣтами. Жалалъ-бы утѣшить ее, но могу ли? Видите сами“ [3]). А. Н. Лукьяновская въ 1861 году была уволена преосвященнымъ Макаріемъ отъ должности начальницы, согласно ея прошенію [4]). Въ 1864 году преосвященный Филаретъ пригласилъ

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ священникѣ изложены въ нашей статьѣ въ жур. „Духовный Дневникъ“ 1864 года, № 6-й.

[2]) Письмо 46.

[3]) Письмо 47.

[4]) У Лукьяновской было довольно писемъ, писанныхъ ей Филаретомъ изъ

ее на должность начальницы вновь устроеннаго имъ въ Черниговѣ такого же училища, которую она исполняла здѣсь до кончины Филарета. Остальные годы жизни своей она провела въ г. Валкахъ, въ домѣ Романовскихъ. Сконч. въ 1886 году.

Преосвященный Филаретъ любилъ пчеловодство. Въ загороднемъ домѣ у него была очень порядочная пасека. „Завожу, писалъ онъ Иннокентію, но не много пчелъ. Чудныя насѣкомыя! пріятно и полезно смотрѣть на нихъ“ [1]). Любовь къ пчеловодству подала ему мысль устроить тутъ же на дачѣ свѣчной заводъ. Романовскій посовѣтовалъ ему пригласить опытнаго пчеловода и хозяина, которому смѣло онъ могъ довѣрить наблюденіе за веденіемъ дѣла по свѣчному заводу. Это былъ Макарій, іеромонахъ Куряжскаго монастыря. Макарій—въ мірѣ протоіерей Венедиктъ Ястремскій—болѣе двадцати лѣтъ священствовалъ въ слободѣ Люботинѣ, вблизи города Валокъ и былъ коротко извѣстенъ Романовскому. Свѣчной заводъ Макарій поставилъ на прочныхъ началахъ, дѣла его приняли широкіе размѣры, свѣчи доставлялись для церквей всей епархіи, прибыль отъ завода получалась весьма солидная. Нужно замѣтить, что изъ всѣхъ іерарховъ русской церкви первый учредитель свѣчныхъ заводовъ при архіерейскихъ домахъ былъ Филаретъ. Митрополитъ Московскій писалъ ему: „Не завидую вашему свѣчному богатству; но дивлюсь, какъ вы рѣшились на такое многосложное дѣло, и какъ умѣете вести оное... Теперь, когда вы вашимъ *примѣромъ* подали поводъ тому, что всѣ архіереи могутъ сдѣлаться фабрикантами, а многіе священники прикащиками, желалъ бы я имѣть нѣкоторое понятіе о томъ, какъ у васъ сіе устроено и откуда берете вы мастеровъ“ [2]). О трудахъ преосв. Филарета по устройству и операціямъ свѣчнаго завода мы скажемъ въ другое вре-

---

Петербурга и Чернигова. Въ 1876 году она передала ихъ учителю Харьковскаго женскаго Епархіальнаго училища В. Л. Спасскому, какъ матеріалъ для его труда по составленію имъ историческаго очерка училища. Къ сожалѣнію Спасскій скоро умеръ. Очеркъ не былъ составленъ и письма Филарета оказались затерянными.

[1]) Письмо 47.

[2]) Письмо 26 Твор. Св. Отцевъ. 1884 г. Кн. 1, стр. 337.

мя и въ особой статьѣ. Теперь же коснулись этого предмета съ тою цѣлью, дабы показать на сколько умѣлъ Романовскій находить людей для Филарета, къ коимъ послѣдній привязывался потомъ всей душой. Онъ скоро оцѣнилъ въ Макаріи не только хозяйственную способность, но еще болѣе опытность въ духовной жизни. Уволивъ отъ управленія заводомъ, онъ опредѣлилъ его монастырскимъ и своимъ духовникомъ. Какъ духовникъ онъ стоялъ близко къ внутренней жизни святителя, зналъ его келейную жизнь, его духовное настроеніе, его покаяніе, его частыя слезы, его ночныя бдѣнія. Во время исповѣди, онъ нерѣдко самъ плакалъ, смотря на смиреннаго, кроткаго, плачущаго владыку. При первой вѣсти о вызовѣ Филарета на чреду въ Св. Сѵнодъ, онъ обратился къ Макарію съ просьбой ѣхать съ нимъ. „Съ тобой, о. духовникъ, я боюсь разставаться. Ты нуженъ для моей души. Сотвори любовь со мною. Поѣдемъ со мною и будемъ всегда вмѣстѣ до самой могилы“ [1]). Съ этой поры Макарій не разлучался съ Филаретомъ до самой смерти его. Въ Петербургѣ всѣ порядки по управленію подворьемъ были за нимъ. Въ Черниговѣ, будучи уже въ санѣ архимандрита, Макарій былъ намѣстникомъ въ первоклассномъ Елецкомъ монастырѣ, гдѣ Филаретъ имѣлъ зимнее мѣстопребываніе. Этотъ монастырь былъ сильно запущенъ. Въ первый же годъ по прибытіи въ Черниговъ, Филаретъ принялся за обновленіе его, Макарій много въ этомъ сотрудничалъ ему. „У насъ съ о. Макаріемъ, писалъ онъ Романовскому, уже начались по монастырю заботы и работы“ [2]). Для Филарета, какъ видно, не легка была разлука съ Макаріемъ на самое короткое время. Разъ, это было скоро по пріѣздѣ въ Черниговъ, Макарій отпросился у него пожить нѣкоторое время у своихъ дѣтей въ Харьковской епархіи. Скоро Филаретъ началъ скучать за нимъ. „Каково-то поживаетъ мой о. Макарій, спрашиваетъ Филаретъ у Романовскаго. Называю его своимъ отъ того, что пребываніе въ Петербургѣ очень сблизило душу мою съ нимъ—и онъ сталъ мнѣ своимъ“ [3]).

---

[1]) Благов. 1884 г., № 1-й, стр. 10.
[2]) Письмо 40.
[3]) Письмо 46.

Скорому возвращенію Макарія въ Черниговъ Филаретъ былъ очень радъ. „Слава Богу, говорилъ онъ, я вижу своего Макарія. Намъ съ тобою уже здѣсь кончать свое земное странствованіе". Такъ и сбылось. О. Макарій, похоронивъ своего владыку, и самъ скоро послѣдовалъ за нимъ [1]).

Одновременно съ устройствомъ дѣвичьяго духовнаго училища, Филаретъ съ такимъ же усердіемъ трудился надъ обновленіемъ дѣвичьей Хорошевской обители. Въ первое свое посѣщеніе этого монастыря онъ былъ очарованъ прекрасной его мѣстностью. Дѣйствительно мѣстность эта одна изъ лучшихъ въ Слободской Украинѣ. За то убожество обители, ея крайній запущенный видъ произвели на Филарета грустное впечатлѣніе. Келльи монахинь, тѣснившіяся около двухъ монастырскихъ храмовъ, представляли собой кучки невзрачныхъ и весьма ветхихъ, деревянныхъ, крытыхъ гонтомъ, лачужекъ. Тутъ-же стояли деревянныя службы для разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей, домикъ для пріѣзда богомольцевъ и шесть простыхъ избъ, гдѣ жили монастырскіе служители. Построеніе келлій производилось по прихотямъ, а не по приличію благоустроенной обители. Съ перваго взгляда было видно, что инокини, поселяясь здѣсь, строили келліи какъ и гдѣ хотѣли, лишь-бы не вдали отъ храма. Плана никакого не было. Планъ явился уже въ 1833 году. Сличивъ монастырскія зданія съ планамъ, Филаретъ увидѣлъ значительныя отступленія и безпорядки. Такъ на сѣверной сторонѣ переулокъ, назначенный на планѣ отъ юга къ сѣверу, весь застроенъ и тамъ же поставлено множество зданій, неназначенныхъ на планѣ, такъ, что въ случаѣ пожара не только не возможно было-бы спасти зданій, но могли бы погорѣть и живущія въ нихъ. На южной сторонѣ зданія поставлены такъ близко къ Архангельской церкви и частію тоже вопреки плану, что въ случаѣ пожара, эта церковь находилась бы въ неотвратимой опасности. Безпорядки и произволъ до того велики были при постройкѣ зданій, что въ одной связи сдѣлано разновременно по четыре и пять пристроекъ къ зданію старому и отъ того иныхъ корпусовъ и починять нельзя было безъ разобранія

[1]) Благов. 1884 г. № 1-й, стр. 10.

всего зданія. Напримѣръ, двѣ части зданія довольно крѣпки, а три части, находящіяся подъ одной и той же крышей, валятся. Поэтому, чтобы возстановить эти три ветхія необходимо было ломать и двѣ крѣпкія. Вслѣдствіе умноженія числа сестеръ, въ оградѣ монастыря для устройства келлій мѣста оказалось мало, по этому было дозволено строить келліи за оградой монастыря, и за оградой было почти столько же живущихъ какъ и внутри монастыря, и онѣ считались равноправными членами монастыря; сообщеніе между тѣми и другими было свободное во всякое время. Но эти, такъ называемыя „заоградныя монахини“, были почти лишены ближайшаго надзора со стороны игуменіи. Наконецъ, въ здѣшнемъ монастырѣ издавна принятъ былъ монашествующими странный обычай — пріобрѣтать собственныя келліи построеніемъ вновь или покупкою однѣми сестрами у другихъ и передавать право на келліи своимъ родственницамъ или посторонимъ—бывшимъ у нихъ на послушаніи, отъ чего, а также и въ случаѣ смерти пріобрѣтательницы келліи, безъ передачи кому либо права на оную, возникали ссоры, тяжбы и домогательства правъ не только на келлію, но и на житье въ монастырѣ нетерпимыхъ въ немъ лицъ. Филаретъ рѣшилъ весь монастырь перестроить вновь: всѣ обветшавшія и гнилыя зданія уничтожить и на ихъ мѣстѣ устроить пять каменныхъ корпусовъ съ теплою, въ одномъ изъ нихъ, церковію. По смѣтѣ архитектора на приведеніе въ исполненіе этихъ предпріятій требовалось не менѣе ста тысячъ рублей. Между тѣмъ обитель не имѣла рѣшительно ни какихъ средствъ. Для Филарета отсутствіе денегъ повидимому не служило особымъ препятвіемъ къ осуществленію задуманнаго плана. Игуменія Антонина Чубарова [1]) устроила при монастырѣ обширный кирпичный заводъ, разослала надежныхъ монахинь съ просительными книгами въ разныя, преимущественно южныя, губерніи. Съ своей

---

[1]) Антонина Чубарова, дочь помѣщика, въ 1829 г. поступила въ Тамбовскій Вознесенскій монастырь, здѣсь въ 1840 году она приняла монашество и была ризничей. Въ 1850 г. преосвященный Филаретъ вызвалъ ее въ Хорошевскій монастырь на должность казначеи и въ концѣ того-же года вручилъ ей должность игуменіи.

стороны Филаретъ обратился лично ко многимъ знакомымъ помѣщикамъ и купцамъ съ просьбой о помощи, напечаталъ въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ „возваніе ко всѣмъ православнымъ христіанамъ, приглашая любовь ихъ во Христѣ къ пособіямъ на возобновленіе Святой обители, которая въ теченіи двухъ столѣтій была предмѣтомъ особенной заботливости дворянства и козаковъ Украины". Кромѣ сего онъ пригласилъ настоятелей монастырей къ пожертвованію въ возможной доли изъ суммъ монастырскихъ, священникамъ поручилъ въ своихъ приходахъ испрашивать подаяніе на монастырь въ продолженіе трехъ лѣтъ, сюда направилъ большую часть штрафныхъ денегъ, испросилъ у управляющаго Палатой Государственныхъ имуществъ даровой отпускъ лѣса и, наконецъ, самъ на первый разъ пожертвовалъ свыше трехъ тысячъ рублей.

Съ весной 1852 года началась работа. Очень часто Филаретъ пріѣзжалъ сюда и самъ вникалъ во всѣ подробности производившихся работъ. И вотъ на томъ самомъ мѣстѣ, противъ соборнаго храма, гдѣ прежде стояли ветхія деревянныя монашескія келліи, менѣе чѣмъ въ два года, былъ устроенъ огромный трехъ-этажный корпусъ [1]). Затѣмъ онъ устроилъ каменныя службы для хозяйственныхъ запасовъ и гостинный дворъ для посѣтителей и богомольцевъ. Извѣстно, что монастырь стоитъ на очень крутой островерхой горѣ, на высотѣ около 20 саженъ надъ окрестными низменными мѣстами. Дорога въ монастырь была очень затруднительна. Игуменія Антонина, по указанію Филарета, раскопала и расчистила гору съ восточной ея стороны и устроила прямой, легкій и удобный въѣздъ. Желая избавить отъ трудовъ монахинь встаскивать на своихъ плечахъ воду въ монастырь, Филаретъ устроилъ водоемную машину, употребивъ на это изъ своихъ средствъ 2,300 р. „Водоемная машина", писалъ онъ Иннокентію, „уже доставляетъ въ монастырскую гору воду на протяженіи 60-ти шаговъ. Это на будущее

---

[1]) Корпусъ, угломъ, имѣетъ 19 саж. длины и 7 саж. ширины. Въ верхнемъ этажѣ находится 18 келлій для монахинь, тутъ-же келліи для всѣхъ начальствующихъ лицъ и отдѣльные покои для пріема владыки; въ среднемъ этажѣ помѣщается 34 келліи и прекрасное, свѣтлое и просторное помѣщеніе для общей трапезы, въ нижнемъ этажѣ—12 келлій, кухни и четыре подвала.

время сохранитъ здоровье многихъ, очень многихъ жительницъ Хорошева, которыя безъ того бѣдственно страдали" (письмо 33) [1]). За время Филарета этотъ монастырь былъ значительно обогащенъ недвижимымъ имуществомъ. Такъ, по его ходатайству, было удѣлено изъ казенныхъ дачъ 12 десятинъ луговой и сѣнокосной земли, участокъ лѣса въ 40 десятинъ и 40 десятинъ лѣса было куплено имъ на средства монастыря. Наконецъ, при усердіи игуменіи Антонины, возобновилъ соборную Вознесенскую церковь, устроилъ въ ней прекрасный иконостасъ, а теплый Архангело-Михайловскій храмъ расширилъ, устройствомъ двухъ боковыхъ придѣловъ. Почитательница Филарета генеральша С. Н. Герасимова, пожертвовавъ значительную сумму на расширеніе храма, просила его, чтобы одинъ изъ придѣловъ (сѣверный) былъ посвященъ въ память соименнаго его святого. Филаретъ на ея прошеніи далъ 4 іюля 1858 г. такую резолюцію: „Пусть, по желанію благотворительницы обители С. Н. Герасимовой, одинъ придѣлъ зимней церкви будетъ во имя праведнаго Филарета, который помолится и за грѣшнаго Филарета".

Много трудовъ вложилъ Филаретъ, благоустрояя внутреннюю жизнь инокинь этой обители. Нужно замѣтить, что Хорошевскія монахини въ своей жизни пользовались довольно значительною долею свободы. Жили онѣ на собственный счетъ, занимаясь обдѣлкою фольговыхъ иконъ, шитьемъ и вышиваньемъ церковныхъ вещей и т. п. и тѣмъ поддерживали свое существованіе, т. е. кормились, одѣвались, отапливали и ремонтировали свои келліи. Многія изъ монахинь имѣли при своихъ келльяхъ кухню, кладовую, погребъ, дровникъ, тутъ же при келльи былъ цвѣтникъ или маленькій фруктовый садикъ. Очевидно, что существованіе сестеръ прочно не было обезпечено. Большинство изъ нихъ жило очень бѣдно. Для монахинь, не имѣвшихъ достаточныхъ родныхъ, не владѣвшихъ никакимъ рукодѣльнымъ искусствомъ, для больныхъ, престарѣлыхъ не было при монастырѣ ни богадѣльни, ни больницы, ни общей трапезы.

---

[1]) Къ сожалѣнію эта машина, какъ неудачно, по неопытности инженера, устроенная, скоро прекратила свое дѣйствіе.

Обычай заводить при келльяхъ кухни, кладовыя, погреба и т. п. поддерживался другимъ, несвойственнымъ иноческой жизни, обычаемъ—самосодержанія всѣми жизненными потребностями. Это самосодержаніе рождало необходимость отлучаться изъ монастыря въ ближайшія селенія, большею частію въ Харьковъ, за 18 верстъ, для продажи каждою своихъ издѣлій и за покупкою новыхъ матеріаловъ и разныхъ потребностей для своего продовольствія. Чтобы во время отлучки въ Харьковъ монахини могли имѣть въ немъ особое отъ мірянъ помѣщеніе, монастырь рѣшилъ было пріобрѣсти въ Харьковѣ собственный домъ. Предшественникъ Филарета, преосв. Иннокентій, въ 1847 году ходатайствовалъ у Свят. Сѵнода объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на укрѣпленіе за Хорошевскимъ монастыремъ приторгованнаго въ Харьковѣ дома, но Государь Императоръ Николай Павловичъ на пріобрѣтеніе дома не соизволилъ и собственноручно написалъ: „какая въ томъ необходимость, не очень понимаю, служить будетъ только предлогомъ не жить въ монастырѣ, а бродить по городу“ [1]). Преосв. Филаретъ въ первый же годъ управленія епархіею сдѣлалъ самое строгое распоряженіе, дабы монахини и послушницы ни подъ какимъ видомъ не отлучались изъ своего монастыря и особенно въ Харьковъ, а обращались бы за удовлетвореніемъ своихъ нуждъ къ настоятельницѣ монастыря. Мѣра эта осталась безъуспѣшною единственно отъ того, что каждая почти изъ живущихъ въ монастырѣ, питаясь трудами рукъ своихъ, не полагалась на успѣшный и выгодный сбытъ въ Харьковѣ своихъ издѣлій лицами посторонними, а тѣмъ болѣе на выгодную покупку другими матеріаловъ для новыхъ издѣлій и продовольственныхъ продуктовъ. Филаретъ пришелъ къ убѣжденію, что единственный способъ сколько-нибудь ограничить отлучки монахинь—это подчинить ихъ уставу общежитія. При содѣйствіи игуменіи Антонины на первый разъ, въ видѣ опыта, онъ учредилъ чинъ общей трапезы съ убѣжденіемъ къ сему болѣе склонныхъ и менѣе упорныхъ. Мы видѣли, что удобства въ помѣщеніи монахинь, требуемыя общежитіемъ, были уже отчасти пріуготовлены постройкой довольно обшир-

[1]) Арх. Хорош. мон. за 1847 г., № 95.

наго корпуса. Остановка была за средствами. Стараніемъ игуменіи Антонины, при содѣйствіи казначеи Елисаветы, средства были пріисканы и въ такой мѣрѣ, что при расчетливомъ и бережливомъ употребленіи оказались вполнѣ достаточны. Вотъ эти средства: 1) хлѣбъ и другіе разные продукты съ пахатной земли, каковой имѣется при монастырѣ около 100 десятинъ, 2) разные припасы, получаемые съ двухъ монастырскихъ мельницъ (какъ-то — мука, крупа, пшено и проч.), 3) рыба, получаемая изъ двухъ довольно обширныхъ озеръ, 4) доходы отъ продажи просфоръ, 5) всѣ пожертвованія продуктами и деньгами за неусыпное денноношное чтеніе въ трапезѣ псалтыри, соединенное съ моленіемъ о душахъ усопшихъ, 6) всѣ доходы по продажѣ разныхъ монастырскихъ издѣлій (каждая сестра, пользующаяся общею трапезой, обязана была три дня въ недѣлю нести общія работы: шитье золотомъ, шелкомъ, жемчугомъ и т. п., отдѣлкою въ фольгу иконъ и т. п.), 7) наконецъ, всѣ доходы отъ продажи изданія, пожертвованнаго Филаретомъ, въ пользу общежія „Историко-статистическое описаніе монастырей Харьковской епархіи". Нѣкоторыя монахини, какъ увидимъ послѣ, съ большою неохотой, а иныя чуть не съ ожесточеніемъ отнеслись къ учрежденію общей трапезы. Впрочемъ, большинство сестеръ не могло не видѣть на сколько оно благодѣтельно, особенно для такихъ монахинь, которыя съ трудомъ пріобрѣтали для себя кусокъ хлѣба. Въ первый же годъ общею трапезою пользовалось около 50 душъ, а затѣмъ съ каждымъ годомъ это число увеличивалось. Въ концѣ 1852 года Филаретъ писалъ Иннокентію: „Дѣла Хорошевскаго монастыря мало по малу устроиваются въ лучшемъ видѣ. Число участвующихъ въ общей трапезѣ по своей волѣ увеличивается. Теперь питается до 130 бѣдныхъ и ревнующихъ о безмятежномъ житіи" [1]). Въ теченіе трехъ лѣтъ чинъ общей трапезы достаточно окрѣпъ и Филаретъ нашелъ необходимымъ утвердить и освятить его высшею властію Святѣйшаго Сѵнода. Онъ уже имѣлъ утѣшеніе выразить предъ Сѵнодомъ тѣ благія послѣдствія, какія въ такое короткое время успѣло общежитіе оказать для духовно-нравственной

[1]) Письмо 33.

жизни сестеръ обители. „Каждая изъ сестеръ, пользующаяся общею трапезой, писалъ онъ, менѣе имѣетъ заботы и житейскихъ попеченій о своемъ существованіи. Службу церковную слушаютъ безъ развлеченія и разсѣянія мыслей о утреннемъ днѣ—что ясти и пити. Имѣя общую трапезу непремѣнно избавляются нѣкоторыя отъ зависти, а иныя отъ прихотливости, всѣ же въ точности исполняютъ церковный уставъ о пищѣ и питіи, чего не бывало въ Хорошевѣ при господствѣ своеволія келлейнаго, дозволявшаго себѣ даже нетрезвость. При прежнемъ образѣ жизни молодыя послушницы посылались старшими въ городъ по дѣйствительнымъ нуждамъ келліи, то подъ предлогомъ нуждъ и это пріучало молодыхъ къ разсѣянности и разнымъ порокамъ духа. Прекратить эти гибельныя отлучки въ городъ не было возможности пока могли указывать на многочисленныя нужды келлейной жизни“. Святѣйшій Сѵнодъ въ 1854 году утвердилъ общежитіе и выразилъ желаніе, „чтобы и самая одежда монашествующихъ была общественная, дабы и въ семъ отношеніи монахини были отрѣшены отъ житейскихъ нуждъ и попеченій“. Филаретъ тогда-же въ основу капитала, проценты съ коего шли бы на устройство одежды бѣднымъ монахинямъ, пожертвовалъ на вѣчное время собственныхъ денегъ 1000 руб. По утвержденіи общежитія Святѣйшимъ Сѵнодомъ, преосвященный Филаретъ еще строже сталъ охранять это учрежденіе. Такъ, онъ дозволялъ постригать въ монашество не прежде, пока не будетъ отобрана отъ постригаемой подписка въ томъ, что она даетъ обѣщаніе безпрекословно повиноваться правиламъ общежитія. Просился кто либо въ обитель на время, въ видахъ испытанія себя, Филаретъ писалъ: „дозволяется, но, какъ разумѣется само собой, послѣ Сѵнодскаго указа, съ условіемъ слѣдовать правиламъ общежитія“. Въ 1854 году Филаретъ выразилъ игуменіи и казначеи благодарность со внесеніемъ въ послужной ихъ списокъ и предоставилъ право, когда онѣ, по старости или по другимъ причинамъ, добровольно сложатъ съ себя настоящія должности, то каждая изъ нихъ можетъ имѣть до самой смерти въ новоустроенномъ корпусѣ покойное и приличное помѣщеніе—особую келлію съ тремя отдѣленіями, какую сами онѣ избрать пожелаютъ, кромѣ настоятельскихъ комнатъ. Въ 1855 году

Антонина, по ходатайству Филарета, за ея отличную и усердную службу была удостоена благословенія Святѣйшаго Сунода. Въ 1856 году онъ снова ходатайствовалъ о награжденіи Антонины и она получила наперсный крестъ „за труды, какъ сказано въ Сунодальномъ указѣ, по приведенію обители въ лучшій видъ постройкой каменныхъ зданій и за учрежденіе въ обители порядка самаго стройнаго и чиннаго, прекратившаго множество неустройствъ, безпокоившихъ до того времени епархіальное начальство".

Послѣднее доброе дѣло, которымъ Преосвященный Филаретъ закончилъ свое служеніе епархіи,— это исходатайствованіе имъ предъ Святѣйшимъ Сунодомъ казеннаго жалованья духовенству уѣздныхъ городовъ. Въ этомъ дѣлѣ живое участіе принималъ Романовскій; собственно онъ былъ, такъ сказать, иниціаторъ его. Интересна его докладная записка, которую онъ подалъ Филарету въ 1858 году. Въ этой запискѣ онъ наглядно изложилъ тѣ основанія, по коимъ находилъ необходимымъ улучшить матеріальный бытъ духовенства своего родного города Валокъ, чрезъ назначеніе изъ казны жалованья какъ замѣны земли, которой не имѣло городское духовенство и какъ пособіе къ скуднымъ его доходамъ. Въ ту пору, какъ видно изъ записки Романовскаго, населеніе уѣздныхъ городовъ, за самыми малыми исключеніями, въ большинствѣ составляли государственные крестьяне, обремененные постоями и разными случайными повинностями [1]). Такіе прихожане, при всемъ усердіи, не въ состояніи были доставить своимъ причтамъ сколько нибудь безбѣдное содержаніе. Изъ представленныхъ Романовскимъ преосвященному справокъ оказалось, что причтъ только одной церкви г. Валокъ получаетъ дохода въ годъ 450 р., причты другихъ церквей гораздо меньше, даже не получали 200 руб. Такимъ образомъ высшій доходъ собственно священника простирался въ годъ до 100 руб., а низшій до 70 руб Между тѣмъ, по расчету Романовскаго, на основаніи существовавшихъ тогда на жизненныя потребности цѣнъ, необходимо для годичнаго содержанія священника съ семействомъ, состоящимъ изъ пяти душъ, 451 руб. 82 коп.,

[1]) Въ 1858 году въ г. Валкахъ было жителей 6.800. Въ этомъ числѣ собственно одихъ крестьянъ было 6.165 душъ, а остальные 635 душъ составляли мѣщане, цеховые, нижніе военные чины, купцы, дворяне и духовенство.

а именно: на содержаніе пищею съ прокормленіемъ прислуги 208 руб., одеждой 73 р. 25 к., на отопленіе и освѣщеніе дома 42 р. 50 к. (не принимая въ расчетъ его покупку или наемъ), работника и работницы съ ихъ одеждою 55 р., на содержаніе лошади, необходимой по разбросанности прихода 73 руб. 13 коп. Филаретъ не могъ не видѣть, что если и въ содержаніи семьи при себѣ священникъ вынужденъ терпѣть нищету, то чѣмъ ему содержать одного или двухъ сыновей въ училищѣ или семинаріи, чѣмъ содержать діакону или дячку сына въ училищѣ? Что содержаніе причтовъ уѣздныхъ городовъ было крайне ограничено, даже далеко хуже многихъ сельскихъ, въ этомъ не разъ убѣждался Филаретъ собственнымъ опытомъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе сельскихъ священниковъ, выдающихся образованіемъ и поведеніемъ переводить къ церквамъ уѣздныхъ городовъ. Многіе изъ такихъ священниковъ, получивъ назначеніе въ уѣздный городъ, какъ величайшей милости, просили оставить ихъ на прежнихъ мѣстахъ, сравнительно гораздо болѣе обезпеченныхъ въ содержаніи; даже воспитанники семинарій предпочитали уѣзднымъ городамъ мѣста сельскія, гдѣ причты ограждены, по крайней мѣрѣ, отъ вопіющей бѣдности землею и жалованьемъ. Консисторія, по распоряженію Филарета, собравъ чрезъ благочинныхъ отъ причтовъ всѣхъ уѣздныхъ городовъ мнѣнія относительно ихъ содержанія, отослала отъ имени его преосвященства ходатайство въ Святѣйшій Сѵнодъ о назначеніи причтамъ всѣхъ уѣдныхъ городовъ казеннаго жалованья. Это ходатайство почти буквально было составлено на основаніи докладной записки Романовскаго. При немъ были приложены справочныя цѣны валковской думы и подробная смѣта для семьи священника, составленная тѣмъ-же Романовскимъ. Въ своемъ представленіи преосвященный Филаретъ просилъ Святѣйшій Сѵнодъ назначить жалованье въ слѣдующемъ размѣрѣ: соборному протоіерею 130 руб., священнику 110 руб., діакону 60 руб., дячку и пономарю по 30 руб. Итого для 8 протоіереевъ 1040 руб., для 41 священника 4510 руб., для 22 діаконовъ 1680 руб., для 90 причетниковъ 2700 руб., а всего 9930 руб. [1]). Кстати, скоро за

[1]) Архивъ Харьковской Духовной Консисторіи 1858 г. № 346.

симъ Филаретъ былъ вызванъ на чреду въ Святѣйшій Сѵнодъ и дѣло это принялъ подъ свое личное покровительство. Но Святѣйшему Сѵноду предварительно понадобились нѣкоторыя дополнительныя справки. Филаретъ, извѣщая объ этомъ Романовскаго (2 января 1859 г.), пишетъ ему: „о городскихъ священникахъ хлопоталъ я здѣсь. Но дѣло отослано въ Харьковъ за справками. Хочется помочь бѣднымъ. Но удастся ли? Не знаю" [1]). Хлопоты преосвященнаго Филарета увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Духовенство уѣздныхъ городовъ торжественно совершило благодарственное молебствіе и молебствіе просительное о благоденствіи Государя Императора, Святѣйшаго Сѵнода, мѣстнаго архіерея и архіепископа Филарета, бывшаго уже тогда на каѳедрѣ Черниговской.

Извѣстно, что преосвященный Филаретъ былъ неусыпный труженикъ науки. Онъ увлекался учеными трудами до того, что часто лишалъ себя сна и пищи. Окончивъ утромъ пріемъ просителей, онъ уединялся иногда на весь день и ночь въ свой рабочій кабинетъ. Случалось, что лица, имѣвшія право являться къ нему безъ доклада (напр.: экономъ архіерейскаго дома, письмоводитель, ключарь), входили въ кабинетъ его и терялись, не видя здѣсь владыки; потомъ уже они находили его тутъ же, лежащимъ на полу съ перомъ въ рукахъ, запыленнымъ и заваленнымъ со всѣхъ сторонъ ворохомъ разныхъ древнихъ рукописей и грядами полураскрытыхъ книгъ. Это онъ копался и рылся въ нихъ, дѣлалъ разныя замѣтки и извлеченія, словомъ превращался „въ книжнаго червя" какъ онъ самъ себя называлъ [2]) Тутъ же около него стоялъ стаканъ чаю, нерѣдко тотъ самый, который былъ поданъ ему еще наканунѣ и который принималъ келейникъ иногда не тронутымъ. Такое неестественное, полулежачее, во время занятій, положеніе нерѣдко заканчивалось головными болями, а иногда даже кровоизліяніями изъ горла. Романовскій своими посѣщеніями Филарета, своими бесѣдами съ нимъ нѣсколько ослаблялъ его увлеченіе учеными занятіями. Кстати современныя событія тогдашней общественной жизни: крымская война, работы

---

[1]) Письмо 39.

[2]) Твор. Св. Отецъ 1884 г., кн., 2 стр. 607.

комитетовъ по освобожденію крестьянъ, судебная и земская реформы и т. п. давали много самыхъ интересныхъ матеріаловъ для разговора. Дабы сколько возможно чаще видѣться съ этимъ „дорогимъ своимъ соловьемъ", какъ называлъ онъ въ письмахъ Романовскаго, Филаретъ пользовался къ тому всѣми случаями. Такъ, у него поставлено было своего рода правиломъ знаменательные дни въ его жизни: день рожденія, день ангела, хиротоніи во епископа, храмовые праздники своихъ крестовыхъ церквей, дни говѣнія, дни нѣкоторыхъ святыхъ и т. п. проводить вмѣстѣ съ Романовскимъ. „Всѣмъ усердіемъ любящей души прошу васъ, пишетъ онъ, пріѣзжайте поскорѣе въ Харьковъ, чтобы вмѣстѣ праздновать 25 Сентября—день преподобнаго Сергія" [1]). Пріѣзжалъ Романовскій на день, на два, но, удерживаемый преосвященнымъ, онъ проживалъ нерѣдко по цѣлымъ недѣлямъ. Въ Великій постъ говѣли вмѣстѣ и Романовскій слушалъ богослуженіе въ ближайшей къ Крестовой церкви комнатѣ, называемой „моленной". Разъ онъ остался говѣть въ своей приходской церкви, Филаретъ пишетъ: „а васъ слѣдуетъ побранить. Зачѣмъ не пріѣхали сюда говѣть? Здѣсь тепло и покойно" [2]). Если разныя дѣла по службѣ или по хозяйству надолго задерживали Романовскаго дома, то Филаретъ до того скучалъ за нимъ, что самъ пріѣзжалъ къ нему. „Владыка-Филаретъ, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ священникъ Г. Тимошевскій, былъ очень друженъ съ Н. Н. Романовскимъ, съ которымъ не разставался иногда по нѣсколько мѣсяцевъ. Бывало какъ начнутъ они прощаться и цѣловаться, такъ и со стороны трогательно до слезъ. Тутъ и земные поклоны одинъ другому и благословенія и благожеланія безъ конца. Владыка нѣсколько разъ въ году навѣщалъ этого своего сердечнаго друга [3]). „Обозрѣвая юго-западную часть епархіи, онъ всякій разъ назначалъ служеніе въ г. Валкахъ. Случалось, что отсюда онъ бралъ Романовскаго съ собою и съ нимъ продолжалъ свое путешествіе чаще всего въ Ахтырскій монастырь на храмовой Троицкій праздникъ, или же приглашалъ его къ

---

[1]) Письмо 5.

[2]) Письмо 23.

[3]) Благов. 1884 г. № 1, стр. 6.

себѣ и отсюда въ Ахтырку. „Пожалуйста, писалъ онъ, пріѣзжайте во Всесвятское и вмѣстѣ поѣдемъ въ Ахтырку. Изъ Всесвятскаго выѣзжаю въ село Никитовку 22-го или 23-го мая. Ожидаю васъ съ нетерпѣніемъ“ [1]). По дорогѣ туда или обратно онъ заѣзжалъ къ владѣльцу слоб. Никитовки Н. Д. Хрущову, котораго онъ очень уважалъ за его набожность. Н. Д. Хрущовъ, дабы доставить пріятный отдыхъ дорогому гостю, устроялъ для него по вечерамъ прогулки въ саду или въ оградѣ церковной, которая была замѣчательна своими аллеями (одна аллея была дубовая, другая параллельно съ первою березовая, третья липовая, четвертая сосновая) или катанье на лодкѣ въ своемъ огромномъ прудѣ. Впереди ѣхали пѣвчіе въ матроскихъ костюмахъ (у Хрущова былъ свой церковный хоръ) и пѣли разные духовные гимны и канты. Всего же чаще онъ занималъ Филарета рыбною ловлей, которую онъ такъ любилъ. Въ одномъ изъ писемъ своихъ онъ, между прочимъ, писалъ преосвященному Иннокентію херсонскому: „гостилъ у Н. Д. Хрущова, въ Никитовкѣ. Какая прекрасная мѣстность! Поймали рыбъ 100, 50 и 3 малыхъ и великихъ, такъ что едва не проторжеся мрежа“ [2]). Не можемъ не занести сюда переданный намъ, нынѣ здравствующимъ протоіереемъ Гавріиломъ Ѳедоровскимъ, слѣдующій разсказъ о преосвященномъ Филаретѣ: обозрѣвая въ 1857 году 3-й благочинническій округъ Валковскаго уѣзда, владыка приказалъ ему, какъ благочинному, собрать на сколько возможно въ ранній часъ утра слѣдующаго дня въ квартиру его (квартира была въ слоб. Водолагѣ, въ домѣ благочиннаго) всѣхъ, кто изъ призрѣваемыхъ епархіальнымъ попечительствомъ особенно нуждается въ пособіи по своей бѣдности. Явилось значительное число сиротскихъ семействъ и онъ въ кабинетѣ роздалъ щедрую милостыню каждому семейству, а кто, за дальностію разстоянія или болѣзнею изъ указанныхъ имъ въ спискѣ лицъ, не явился, для таковыхъ онъ вручилъ ему деньги съ приказаніемъ раздать имъ, не объявляя, что эти деньги получены отъ него. Вмѣстѣ съ Романовскимъ Филаретъ ежегодно ѣздилъ въ Святогор-

---

[1]) Письмо 27.

[2]) Письмо 47.

скую пустынь къ храмовому (15 Августа) ея празднику. „Заѣду къ вамъ, пишетъ Филаретъ, 7 августа; но какъ хотите, не оставлю васъ въ Валкахъ, поѣдемъ въ Святогорье“ [1]). Святогорье для Филарета была самая любимая обитель, которую онъ посѣщалъ въ иной годъ по два раза, проживая здѣсь по нѣсколько дней. И нигдѣ, какъ здѣсь онъ не испытывалъ столько духовныхъ наслажденій. Порядокъ жизни монастырской, общежительный уставъ Аѳонской горы, благолѣпіе храмовъ, дивное богослуженіе—все это было по душѣ Филарету. Богослуженіе здѣсь совершается почти непрерывно и день и ночь въ теченіе цѣлаго года. Самъ Филаретъ ежедневно отправлялъ торжественныя богослуженія то въ томъ, то въ другомъ монастырскомъ храмѣ, или въ домовой Потемкинской церкви. Совершалъ крестные ходы по рѣкѣ Донцу къ монастырскому скиту, то по крытой галлереѣ съ непрерывающеюся лѣстницею болѣе чѣмъ въ 400 ступеней къ храму св. Николая. Этотъ храмъ воздвигнутъ на горѣ, на выдавшейся мѣловой скалѣ, съ которой даже верхи соборнаго храма представляются далеко внизу. Все, что можно было отсюда окинуть взглядомъ, наполнялось молящимся народомъ, который собирался сюда къ храмовому празднику изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Невольно чувство благоговѣйнаго восторга обнимало душу святителя при столь величественномъ христіанскомъ зрѣлищѣ, о чемъ онъ любилъ говорить всякій разъ, когда заходила рѣчь о храмовомъ праздникѣ въ Святогорьѣ. Особенное умилительное впечатлѣніе производило какъ на Филарета и сослужащихъ ему, такъ и молящихся цѣлыхъ тысячъ міранъ совершеніе литій подъ открытымъ небомъ предъ западными вратами храма въ тихую и теплую южную ночь, при мерцаніи звѣздъ на небѣ и при множествѣ свѣтильниковъ, возженныхъ на мѣстѣ службы и на карнизахъ храма и другихъ монастырскихъ зданіяхъ. Въ Святогорской обители въ это время подвизался юродивый Ѳеодоръ, Ѳедя, какъ называли его въ монастырѣ,—это былъ простой безграмотный монахъ, котораго послушаніе состояло въ ежедневной работѣ на монастырской кузницѣ. Обладалъ онъ отъ природы громадною физическою силою, но былъ кротокъ и сми-

[1]) Письмо 29.

ренъ какъ агнецъ. Филаретъ, будучи самъ великій подвижникъ о Христѣ, послѣ случайной бесѣды съ этимъ монахомъ на кузницѣ, увидѣлъ въ немъ глубокую духовную мудрость и даже прозорливость. Въ каждый пріѣздъ свой въ Святыя Горы онъ въ часы своихъ досуговъ приглашалъ его къ себѣ въ свои покои и бесѣдовалъ съ нимъ. Ѳедя обходился съ нимъ запросто, какъ съ равнымъ себѣ, говорилъ ему „ты", выражался иногда довольно рѣзко, но всегда умѣлъ сказать что-либо на пользу души владыки. Предлагаемые ему Филаретомъ чай или фрукты, онъ бралъ въ руки только тогда, когда лично получалъ на то благословеніе своего духовнаго старца, которому беззавѣтно былъ преданъ. Безъ его благословенія не касался къ скудной своей пищѣ, а съ благословенія бралъ голыми руками раскаленное желѣзо. (Скончался 30 января 1868 г.). Въ это же самое время подвизался здѣсь въ затворѣ, въ мѣловомъ утесѣ другой подвижникъ, постриженный въ схиму (1852 г. 29 августа) Филаретомъ, іеросхимонахъ Іоаннъ. Изсѣченная съ незапамятныхъ вѣковъ въ мѣловой скалѣ тѣсная, узкая и низкая пещера съ пробуравленною въ наружу скалы для свѣта скважиною,—точно птичье гнѣздо, служила ему въ теченіе 17 лѣтъ келліей. Старецъ отличался дѣтскою простотой, надъ которой братія нерѣдко глумилась. Филаретъ глубоко уважалъ его, съ любовію отзывался о немъ и своимъ покровительствомъ оберегалъ его и давалъ ему свободу безпрепятственно проходить свой многотрудный подвигъ. Во время пребыванія своего въ обители онъ каждый разъ, въ видѣ частнаго богомольца, ходилъ къ нему въ келлію, приносилъ ему въ даръ восковыя свѣчи и здѣсь у изголовья его гроба, предъ стоявшимъ высокимъ деревяннымъ крестомъ, со слезами исповѣдывался у него (скончался 11-го августа 1867 г.). Мѣстностью Святогорскою Филаретъ былъ очарованъ. „Святыя горы—писалъ онъ преосв. Иннокентію—это единственное по прелести мѣсто" [1]). По вечерамъ Филаретъ вмѣстѣ съ Романовскимъ и настоятелемъ обители всходилъ на верхъ скалы и отсюда долго любовался живописными видами, простирающимися болѣе чѣмъ на 40 вер. въ окрестности. „Донецкая скала, говоритъ онъ въ своемъ

---

[1]) Письмо 21.

историко-статистическомъ описаніи Святогорья,—дивное созданіе дивнаго Художника природы. Смотрите на нее съ Донца или изъ-за Донца десять, двадцать разъ въ день—и не скажите: довольно! Не выразимо красивъ видъ ея! А если взойдете на вершину скалы или сосѣдней съ нею горы—предъ вами даль изумительная по разнообразію и картинности видовъ" [1]). Сюда же ко дню праздника Успенія Богородицы всегда пріѣзжали изъ Петербурга возсоздатели Святогорья: Татьяна Борисовна Потемкина и ея мужъ Александръ Михайловичъ. Разъ (въ 1851 г.) Татіана Борисовна отправилась сюда съ больною своею сестрой. „Для больной, пишетъ Филаретъ Романовскому, нужно утѣшеніе, какое только вы въ состояніи приносить. Татіана Борисовна очень проситъ васъ чрезъ меня и я вмѣстѣ съ нею прошу—поспѣшите въ Святогорье по крайней мѣрѣ столько, сколько дозволятъ вамъ ваши дѣла" [2]). Одинъ изъ Харьковскихъ дворянъ, г. Пашковъ, бывшій въ числѣ гостей въ домѣ Потемкиной, въ своихъ воспоминаніяхъ такъ отзывается о Романовскомъ: „Здѣсь, въ Святогорьѣ, вмѣстѣ съ харьковскимъ архіереемъ Филаретомъ, былъ на праздникѣ обители другъ его Романовскій—личность рѣзко выдававшаяся и въ высшей степени замѣчательная. Это весьма талантливый и просвѣщенный помѣщикъ Валковскаго и Изюмскаго уѣздовъ Николай Николаевичъ Романовскій, котораго за обширный умъ, громадныя свѣдѣнія и неподражаемую способность разсказывать анекдоты сразу оцѣнили и очень полюбили Потемкины и всѣ Петербургскіе гости. Неистощимое остроуміе, юморъ, сатира, а главное неподражаемые разсказы анекдотовъ—морили петербуржцевъ со смѣху, гдѣ онъ былъ душею общества каждый разъ, когда Потемкина пріѣзжала въ Святогорье" [3]). Въ 1854 году Филаретъ вздумалъ посѣтить Москву. Сюда влекло его благоговѣйное желаніе поклониться мощамъ угодника Божія Преподобнаго Сергія Радонежскаго, подъ покровомъ котораго онъ получилъ высшее образованіе въ Московской академіи и гдѣ протекли первые годы его службы. „Если здоровье и обстоятельства, пишетъ Филаретъ Романовскому, не позволятъ вамъ рѣшиться на холодное и

[1]) Историко-Статистическое Описаніе Харьк. епархіи, стр. 143.

[2]) Письмо 13.

[3]) „Южный Край" 1884 г. № 1318.

скорое путешествіе, пожалуйста пріѣзжайте покрайней мѣрѣ проводить меня" [1]) Романовскій рѣшился сопутствовать ему. Въ среднихъ числахъ января прибыли они въ Москву и остановились въ покояхъ, отведенныхъ московскимъ митрополитомъ въ одномъ изъ монастырей, гдѣ и прожили около трехъ недѣль. Свиданіе съ митрополитомъ было дорогимъ и давно желаннымъ для Филарета. Митрополитъ только теперь увидѣлъ его въ санѣ епископа, а онъ, какъ извѣстно, былъ ему духовнымъ отцемъ по монашеству, отличалъ его своимъ особымъ вниманіемъ и ему одному, изъ всѣхъ своихъ духовныхъ сыновей, вручилъ свое имя. Митрополитъ нѣсколько разъ приглашалъ его вмѣстѣ съ Романовскимъ къ обѣденному столу и вечернему чаю. Пріятно было Филарету видѣть академію, гдѣ онъ прожилъ болѣе 15 лѣтъ и для которой онъ такъ много добра сдѣлалъ: въ ректуру его, какъ извѣстно, Московская академія достигла апогея своей учености. Тутъ же въ стѣнахъ академіи жилъ дорогой его ученикъ и искренній другъ, профессоръ Александръ Васильевичъ Горскій, съ коимъ онъ не видѣлся съ той поры, какъ вызванъ былъ на епископство въ Ригу— т. е. болѣе 14 лѣтъ. При помощи Горскаго онъ получилъ здѣсь всѣ тѣ справки, какія нужны были ему для его сочиненій по цензурному комитету. Здѣсь онъ ознакомился съ тѣми славянскими рукописями московской сунодальной и лаврской библіотекъ, какія со времени его отъѣзда въ Ригу были открыты и потомъ описаны А. Горскимъ и К. Невоструевымъ. Филаретъ возвратился въ Харьковъ 7 марта. Тогда же онъ писалъ Горскому: „все еще брежу лаврою, академіею, Москвою. Дорогія душѣ моей мѣста". [2]) Романовскій также съ восторгомъ воспоминалъ о своемъ путешествіи и время, проведенное имъ въ Москвѣ и лаврѣ, называлъ самымъ счастливымъ въ своей жизни.

Преосвященный Филаретъ былъ друженъ со многими дворянами Харьковской губерніи. Нѣкоторые изъ нихъ были потомки древнихъ и именитыхъ фамилій, другіе были извѣстные по своей религіозности, а иные по своему значительному богатству. Этому сближенію весьма много со-

---

[1]) Письмо 17.

[2]) Твор. Св. Отецъ 1885 г. кн. IV, стр. 448.

дѣйствовалъ Романовскій. Замѣчательно, что дворяне, съ коими Романовскій имѣлъ давнія дружескія связи, были сердечно привязаны къ Филарету. Съ своей стороны Филаретъ былъ также искренно преданъ многимъ дворянамъ. Запросто онъ принималъ ихъ у себя, также точно запросто и самъ бывалъ у нихъ. Самый близкій и давній пріятель Романовскаго, а вмѣстѣ и Филарета, былъ помѣщикъ Евфимъ Ивановичъ Топчій, уроженецъ и старожилъ г. Харькова, служилъ (съ 1845 по 1858 г.) начальникомъ отдѣленія при палатѣ государственныхъ имуществъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ и съ той поры у него осталась любовь къ церкви и ея служителямъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ Топчій пишетъ: „изъ архіереевъ харьковскихъ были знамениты своею ученостію Иннокентій и Филаретъ, оба они любили меня, послѣдній считалъ меня своимъ другомъ, что я старался всячески оправдать на самомъ дѣлѣ. Заплати имъ Господи за ихъ любовь“ [1]). Въ письмахъ къ Романовскому Филаретъ весьма часто вспоминаетъ о немъ. „Ефимъ Ивановичъ, пишетъ онъ, утѣшаетъ меня своими посѣщеніями. Спасетъ его Богъ“ [2]). Въ другомъ письмѣ пишетъ: „Ефимъ Ивановичъ третьяго дня былъ у меня. Я такъ былъ радъ, такъ былъ радъ, увидавъ его въ своихъ кельяхъ, что готовъ былъ прыгать отъ радости“ [3]). Топчій съ своимъ семействомъ жилъ въ Харьковѣ, въ собственномъ домѣ. Филаретъ часто навѣщалъ его. Однажды въ 1857 году Топчій сильно заболѣлъ. Филаретъ прежде всего позаботился о душѣ больного. Чрезъ своего духовника іеромонаха Макарія онъ убѣдилъ его принять Св. Тайны, а затѣмъ, при посредствѣ Романовскаго, склонилъ составить духовное завѣщаніе. Такую-же услугу чрезъ посредство Романовскаго Филаретъ оказалъ семейству помѣщика Ковалевскаго. „Ольгѣ Николаевнѣ (Ковалевской) пишетъ онъ Романовскому, назначенъ короткій срокъ Мудрѣйшимъ. Между тѣмъ она еще не сдѣлала распоряженія о своихъ... Поспѣшите сдѣлать доброе дѣло— сказать ей о необходимомъ по земному бытію—по-

---

[1]) „Южный Край“ 1883 г., № 928.
[2]) Письмо 9.
[3]) Письмо 14.

бывайте у нее" [1]). При участіи Романовскаго Ковалевская исполнила совѣтъ Филарета. Въ своемъ завѣщаніи (п. 3) между прочимъ она выразила слѣдующу просьбу къ нему: „У святительскихъ ногъ его преосвященства испрашиваю милосердаго мнѣ упокоенія. Со мною живетъ родной братъ мой, студентъ университета Д. Н. Шараповъ, находящійся въ болѣзненномъ состояніи до того, что не можетъ самъ распорядиться своимъ содержаніемъ и требуетъ непремѣнно человѣка съ истинною любовію о немъ заботящагося. Не имѣя кому поручить его и зная опытно, какъ милосердно сердце ангела церкви харьковской, я умоляю ваше преосвященство оказать мнѣ милость и принять несчастнаго брата моего Димитрія подъ отеческое попеченіе ваше, помѣстивъ его въ какую найдете возможнымъ обитель. По сему завѣщанію имѣютъ быть доставлены вамъ полторы тысячи рублей съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ на эту сумму братъ мой былъ содержимъ, а капиталъ хранился бы въ казенномъ кредитномъ учрежденіи до смерти его, а по кончинѣ его капиталъ этотъ долженъ остаться неотъемлемою собственностію обители его призрѣвшей для поминовенія какъ его, такъ и меня". Филаретъ тогда же помѣстилъ больнаго въ Ахтырскій монастырь. „Прошу, писалъ онъ настоятелю, для подаянія братской любви несчатному, опредѣлить благонравнаго и сострадательнаго послушника". Но у Шарапова скоро начали обнаруживаться признаки полнаго разстройства умственныхъ способностей. Тогда онъ пріютилъ его въ харьковской больницѣ, гдѣ Шараповъ скоро и скончался.

Каждую зиму проживала въ Харьковѣ богатая помѣщица Валковскаго уѣзда вдова Наталія Николаевна Коствеская, издавна коротко знакомая Н. Н. Романовскому. Преосвященный Иннокентій уважалъ ее за ея набожность и благотворенія. Она много помогала ему при возобновленіи имъ Ахтырскаго монастыря, въ пользу котораго достаточно передала земли и денегъ [2]). Уважалъ ее и Филаретъ, онъ часто бывалъ у нея въ домѣ и по указа-

[1]) Письмо 22.

[2]) При самомъ возобновленіи Ахтырскаго монастыря Костевская пожертвовала 5 тыс. руб. асиг., впослѣдствіи пожертвовала 119 дес. земли съ лѣсомъ и водяною мельницей на рѣкѣ Ворсклѣ.

ніямъ его Костевская много благотворила храмамъ, монастырямъ и женскому духовному училищу. Но одинъ случай, повидимому маловажный, навлекъ на Филарета сильное негодованіе со стороны Костевской и поставилъ его въ такое положеніе, изъ котораго безъ помощи Романовскаго онъ не зналъ какъ выйти. Случай такой: у Костевской съ дѣтства воспитывалась одна бѣдная дѣвушка, круглая сирота, по имени Марія. Костевская была бездѣтна. Дѣвушка эта была мало развитая и нервная, а благодѣтельница ея, какъ избалованная, старая помѣщица, была требовательна и капризна. У этой дѣвушки въ монастырской церкви, гдѣ она была вмѣстѣ съ ея благодѣтельницей, кто-то уворовалъ молитвенникъ, который былъ дорогъ Костевской, какъ подарокъ уважаемаго ею Кіевскаго схимника. Она такъ озлобилась за это на свою воспитанницу, что выгнала ее изъ дому и приказала не являться на глаза, если не будетъ отысканъ молитвенникъ. Послѣ напрасныхъ поисковъ въ монастырской церкви, дѣвушка забилась въ уголъ и плакала. Кто-то изъ монаховъ направилъ ее къ Филарету. Узнавъ въ чемъ дѣло, Филаретъ поручилъ городскому благочинному отвесть ее къ Костевской съ просьбой отъ его имени простить ее и снова принять въ свой домъ. Костевская и слушать не хотѣла и выразила свое неудовольствіе на преосвященнаго за то, какъ высказала благочинному, что онъ промѣнялъ ее на пустую дѣвчонку. „Наталія Николаевна, писалъ онъ Иннокентію, на меня въ большомъ неудовольствіи. Удивительная богомолка! Выгнала изъ дома на морозъ воспитанницу за то, что кто-то утащилъ въ церкви ея молитвенникъ" [1]). Что дальше дѣлать съ этой дѣвушкой, Филаретъ самъ не зналъ. Романовскій взялъ ее въ домъ свой и затѣмъ въ скоромъ времени выдалъ ее въ замужество за столоначальника Харьковской Консисторіи П. В. Подольскаго, а преосвященный снабдилъ ее всѣмъ необходимымъ для первоначальнаго обзаведенія. Это еще болѣе озлобило Костевскую и она всюду поносила Филарета. Преосвященный это зналъ, но молчалъ. Такъ прошло болѣе года. Наконецъ старуха, тронутая великодушіемъ владыки, одумалась. Она простила Ма-

---

[1]) Письмо 25.

рію, снова приблизила ее къ себѣ [1]) и затѣмъ первая явилась къ владыкѣ съ сознаніемъ своей виновности предъ нимъ. Филаретъ съ своей стороны опять сталъ бывать у нея. Въ одномъ изъ писемъ своихъ, приглашая Романовскаго въ Харьковъ, онъ пишетъ: „Да васъ и кромѣ меня ждутъ многіе, между прочими и Наталія Николаевна, у которой пишу къ вамъ сіе письмо" [2]). Приведемъ и еще опытъ помощи, оказанной Романовскимъ преосвященному Филарету въ его сношеніяхъ съ дворянами. Въ 1856 году возникъ съ новою силою тяжебный споръ между двумя дворянскими родственными домами, который начался болѣе 20 лѣтъ тому назадъ и производился въ харьковской палатѣ гражданскаго суда. Дѣло шло о правѣ на наслѣдство весьма богатыхъ имѣній въ Валковскомъ уѣздѣ, принадлежащихъ помѣщику штабсъ-капитану Ѳ. Г. Шидловскому и перешедшихъ послѣ его смерти въ 1835 году, въ силу домашняго его духовнаго завѣщанія, мимо другихъ наслѣдниковъ, 13-ти лѣтней племянницѣ его—дочери двоюроднаго его брата Наталіи Алексѣевнѣ, бывшей потомъ во второмъ бракѣ за харьковскимъ губернаторомъ генералъ-лейтенантомъ И. Д. Лужинымъ. Наслѣдники покойнаго Ѳ. Шидловскаго Николай и Романъ Шидловскіе опровергали подлинность и дѣйствительность завѣщанія по несоблюденію нотаріальныхъ условій, формальности домашняго завѣщанія, а именно, что актъ этотъ не былъ утвержденъ узаконеннымъ числомъ достовѣрныхъ свидѣтелей. Филаретъ былъ одинаково расположенъ и близокъ къ дому Шидловскихъ и къ дому Лужина. И самъ онъ и чрезъ своего друга Романовскаго употреблялъ всѣ мѣры, чтобы склонить враждующихъ путемъ взаимныхъ уступокъ къ христіанскому примиренію. По обязанности предводителя дворянства Романовскій долженъ былъ назначить опеку надъ имѣніемъ Шидловскаго „Старый Мерчикъ", которое, какъ весьма богатое и благоустроенное и служило главнымъ предметомъ судеб-

[1]) Обязанная посредничеству Романовскаго, Марія Подольская получила отъ г-жи Костевской все то приданое, какое было назначено ей прежде. Съ своей стороны Подольская осталась признательною къ своей благодѣтельницѣ. Какъ родная дочь она ухаживала за Костевскою во время постигшей ее предсмертной болѣзни: на ея рукахъ она и скончалась въ началѣ 60-хъ годовъ.

[2]) Письмо 16.

наго процесса. „Думаю, пишетъ онъ Романовскому, часто думаю о вашемъ Мерчанскомъ дѣлѣ. Оно непріятно. Какъ-то Господь поможетъ вамъ устроить опеку! Да, тяжело дѣлать неугодное людямъ, но чего однако требуетъ совѣсть [1]). Спустя мѣсяца два Филаретъ извѣщаетъ его, что онъ предлагалъ И. Д. Лужину помириться съ Шидловскими и при этомъ сообщаетъ ему, что Лужинъ и жена его не прочь отъ мира и желаютъ, чтобы онъ, Романовскій, принялъ на себя дѣло посредника. „Для добра, пишетъ онъ, почему не похлопотать. И должность ваша—обязываетъ васъ къ тому. Примитесь-ка плотнѣе за дѣло" [2]). Посредство Романовскаго имѣло полный успѣхъ. Шидловскіе и генеральша Лужина, сдѣлавъ другъ-другу уступки, миролюбно согласились прекратить дѣло навсегда.

Преосвященный Филаретъ въ первые годы своего пребыванія въ Харьковѣ занялся составленіемъ историко-статистическаго описанія Харьковской епархіи. Съ цѣлію найти необходимые для сего документы, онъ рылся почти во всѣхъ извѣстныхъ тогда архивахъ общественныхъ учрежденій, куда имѣлъ свободный доступъ. Не такъ удобно было ему проникать въ архивы частныхъ лицъ. Романовскій видѣлъ съ какимъ вниманіемъ Филаретъ относился къ каждому полуистлѣвшему лѣтописному листку, если онъ былъ ему интересенъ. Желая оказать въ этомъ дѣлѣ какую-либо помощь, онъ при каждомъ удобномъ случаѣ копался въ библіотекахъ. и экономическихъ конторахъ хорошо знакомыхъ ему помѣщиковъ. Здѣсь удавалось ему находить дорогіе письменные памятники Украинской старины, какъ-то: древнія купчія крѣпости, раздѣльные акты, духовныя завѣщанія и т. п. Всѣ такіе документы Филаретъ принималъ съ величайшею благодарностію. Какъ старожилъ онъ много передалъ ему народныхъ преданій о первоначальномъ заселеніи г. Валокъ и уѣзда. Въ одномъ изъ писемъ Филаретъ пишетъ Романовскому: „ожидаю вашихъ писаній объ о. протоіереѣ и блаженномъ Иванѣ. Какъ хотите, но въ Пасху привезите ихъ" [3]). Здѣсь Филаретъ говоритъ о протоіереѣ Василіѣ Снѣсаревѣ, который былъ на службѣ въ

[1]) Письмо 25.

[2]) Письмо 26.

[3]) Письмо 3.

г. Валкахъ почти цѣлое полстолѣтіе (съ 1787 г. по 1833 г.). Романовскій зналъ его какъ бывшаго законоучителя по уѣздному училищу и потомъ какъ приходскаго священника. Много свѣдѣній о немъ онъ имѣлъ отъ своего отца, съ которымъ Снѣсаревъ служилъ въ Валковскомъ уѣздномъ училищѣ (съ 1807 г.). Протоіерей Снѣсаревъ—личность очень замѣчательная. Достаточно сказать, что попечитель Харьковскаго университета, графъ Потоцкій, побывавъ на его урокѣ въ училищѣ и выслушавъ его проповѣдь въ церкви, предлагалъ ему каѳедру профессора Богословія въ Харьковскомъ университетѣ. Біографію Снѣсарева Романовскій мастерски написалъ. По своей обширности и назидательности—это единственная біографія въ книгѣ Филарета—Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи. Въ 1850 хъ годахъ эта статья Романовскаго была перепечатана въ нѣкоторыхъ духовныхъ журналахъ и потомъ во многихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Блаженный Иванъ—это Иванъ Храль, сынъ Харьковскаго торговца, который въ 1830-хъ годахъ извѣстенъ былъ Харькову, какъ юродивый Христа ради (сконч. 1841 г.) „Алферовъ, пишетъ Филаретъ, обѣщалъ мнѣ прислать фамильныя записки о Лесевицкихъ. Но все не дождусь. Даже не знаю, гдѣ онъ теперь живетъ. Иначе во второй разъ написалъ бы къ нему. Не окажете-ли вы помощи“ [1]). Лесевицкіе—выходцы изъ-за Днѣпра—владѣли (со второй половины XVII вѣка) на Украинѣ большими имѣніями и нѣкоторые изъ нихъ занимали здѣсь видныя должности. Записки о Лесевицкихъ были въ рукахъ Филарета и онъ ими пользовался [2]), но цѣлы ли онѣ теперь и гдѣ именно, къ сожалѣнію, слѣды затеряны. Съ 1856 года начались труды правительства по освобожденію крестьянъ отъ трехъ-вѣковаго рабства. Это былъ самый животрепещущій предметъ для дружеской бесѣды и переписки Филарета съ Романовскимъ. Положеніе крестьянъ было близко душѣ Филарета, у котораго она сильно наболѣла еще въ Ригѣ, глядя какъ бароны-нѣмцы обращались съ своими крестьянами. Предстоявшая эмансипація крестьянъ еще болѣе занимала Романовскаго, какъ по-

---

[1]) Письмо 3.

[2]) „Харьковскій Календарь“ 1885 г., стр. 657.

мѣщика. Тогда въ средѣ помѣщиковъ слышались энергическіе протесты противъ намѣренія правительства освободить крестьянъ отъ зависимости помѣщиковъ, непремѣнно съ надѣломъ ихъ землею. Филаретъ со вниманіемъ прислушивался къ ходившимъ мнѣніямъ среди Харьковскихъ дворянъ, зорко слѣдилъ за разработкой этого вопроса на дворянскихъ собраніяхъ. Въ своихъ письмахъ къ Романовскому онъ извѣщалъ его о времени губернскихъ комитетовъ по улучшенію крестьянскаго быта, дѣлился съ нимъ слухами о дѣлахъ и намѣреніяхъ правительства по этому столь важному вопросу, о дѣятельности комитетовъ въ другихъ губерніяхъ и т. п. Въ Харьковѣ, какъ и повсюду, комитетъ раздѣлился на двѣ партіи: меньшинство желало освобожденія крестьянъ *съ землей*; другая партія настаивала лишь на личной свободѣ. Филаретъ это зналъ и если находилъ, что дворяне въ своихъ собраніяхъ выработали какое либо основательное, по его мнѣнію, постановленіе, то совѣтывалъ Романовскому принять таковое: „желалъ-бы отъ глубины души, пишетъ Филаретъ, чтобы искреннѣйшій мой Николай Николаевичъ принялъ его съ миромъ души и совѣсти, а затѣмъ и послѣдовалъ по его мыслямъ" [1]). Филаретъ смотрѣлъ на освобожденіе крестьянъ съ *землею*, какъ на дѣло святое и справедливое, какъ на начало прогресса и конецъ всѣмъ неустройствамъ въ Россіи. Онъ желалъ, чтобы и другъ его Романовскій, какъ предводитель Валковскаго дворянства, проникся духомъ самоотверженія и былъ для дворянъ своего рода апостоломъ. Однако Романовскій не вполнѣ раздѣлялъ взглядъ Филарета и крѣпко стоялъ за сохраненіе одного изъ важнѣйшихъ правъ дворянства—неприкосновенности поземельной собственности. Въ спорахъ съ Филаретомъ Романовскій, защищая свой взглядъ, выставлялъ ему на видъ разныя нежелательныя явленія, могущія произойти отъ сосѣдства равноправнаго съ помѣщикомъ крестьянина. Филарету очень непріятно было, что Романовскій въ своихъ мысляхъ относительно освобожденія крестьянъ съ землею остался непреклоннымъ. „Мнѣ страшно за васъ, писалъ онъ, особенно тогда, когда возстаете вы противъ надѣла крестьянъ землею. Я въ васъ не узнаю

---

[1]) Письмо 32.

тогда ни христіанина, ни даже человѣка.... Вы въ оправданіе указываете на непріятныя для васъ послѣдствія на дѣла, напримѣръ, на сосѣдство съ безпечнымъ и не разборчивымъ хохломъ. Это—не оправданіе. Вы смѣшиваете два дѣла: дѣло и его послѣдствія. Предлагайте мѣры противъ неспокойныхъ послѣдствій, это вамъ предоставлено, но не осуждайте святого дѣла" [1]).

Въ письмахъ преосвященнаго Филарета есть нѣкоторыя указанія на отношенія его къ роднымъ. Первый изъ нихъ, посѣтившій Филарета въ Харьковѣ, былъ родной братъ его Василій, прозывавшійся по имени отца Григорьевымъ. Филаретъ въ это время обозрѣвалъ епархію, ему дали знать и онъ поспѣшилъ въ Харьковъ. „Между другими причинами почему я поспѣшилъ въ Харьковъ, пишетъ онъ Романовскому, одна такая, предъ которою и вы преклоните голову. Меня ждетъ тамъ, какъ увѣренъ я, братъ мой, который у меня, какъ знаете, одинъ" [2]). Лично видѣвшіе этого брата передавали, что онъ по внѣшнему виду, манерамъ, движеніямъ, росту, голосу и т. п., удивительно какъ похожъ на Филарета. Филаретъ и онъ—это были чистые двойники. Только внимательно присмотрѣвшись, можно было замѣтить, что лицо и руки у него не такъ нѣжны, не такъ бѣлы, какъ у Филарета, что, конечно, зависѣло отъ различной внѣшней обстановки въ жизни того и другого. Въ молодости своей этотъ Василій имѣлъ намѣреніе принять монашество. Разъ пошелъ онъ за благословеніемъ въ Саровъ къ дивному старцу Серафиму вмѣстѣ съ своимъ братомъ Димитріемъ. Димитрій, впослѣдствіи Филаретъ, былъ тогда еще въ отроческомъ возрастѣ. Старецъ Серафимъ сказалъ ему: „это только вотъ этому брату твоему, указывая на Димитрія, Богъ далъ талантъ каждый мѣсяцъ по книгѣ изъ кармана выкладывать, а ты ступай домой и живи какъ Богъ велитъ" [3]). Василій женился и былъ діакономъ въ родномъ селѣ Коноѣевѣ Шацкаго уѣзда, Тамбовской епархіи Въ 1856 году гостилъ у Филарета двоюродный его братъ Никита Воскресенскій. „Вчера въ Славянскѣ, пишетъ Филаретъ Романовскому, въ послѣдній разъ служилъ вмѣстѣ съ бра-

[1]) Письмо 32.

[2]) Письмо 5.

[3]) „Русскій Архивъ" 1887 г. № 8, стр. 425.

томъ, а въ пятницу служилъ съ нимъ въ Святогорьѣ. Богъ знаетъ увидимся ли мы съ нимъ? А мы съ нимъ вмѣстѣ росли, вмѣстѣ учились, вмѣстѣ были наказываемы. Ему бѣдному много, много доставалось отъ горячаго отца своего. Съ нимъ мы, что важнѣе прочаго, полагали начало духовной жизни" [1]). Филаретъ до семилѣтняго возраста учился грамотѣ дома, а затѣмъ былъ отданъ въ Вышинскую пустынь, гдѣ вмѣстѣ съ этимъ братомъ, подъ руководствомъ ученаго іеродіакона Никона, бывшаго префектомъ въ Рязанской семинаріи, готовился къ поступленію въ Шацкое духовное училище. Уроки были каждый день предваряемы посѣщеніемъ монастырскаго Богослуженія. Въ училищѣ Димитрій въ спискѣ своихъ товарищей былъ первымъ ученикомъ, а Никита вторымъ. Въ Семинаріи учились также вмѣстѣ. Впослѣдствіи Никита былъ настоятелемъ Балаклавскаго Георгіевскаго монастыря и скончался въ Кіевской лаврѣ, живя здѣсь на покоѣ. Разъ пріѣзжалъ къ Филарету родной его дядя, протоіерей Димитрій, съ своей родной сестрой Даріей. Эта тетка, остававшаяся до своей смерти дѣвицею, сильно любила его и заботилась о нёмъ точно нѣжная мать. Едва малютка началъ ходить, она постоянно брала его съ собой въ церковь и ставила на клиросъ. Будучи шести лѣтъ, онъ уже пѣлъ дискантомъ и читалъ апостола, а тетка стояла передъ нимъ среди церкви и держала ему книгу Апостолъ [2]). Нѣжнымъ вниманіемъ тетки онъ пользовался во все время своего воспитанія не только въ семинаріи, но даже и въ академіи. Она-то собственно расположила его принять монашество. „Однажды былъ со мной, говорилъ Филаретъ Романовскому, такой случай: когда я былъ ректоромъ Московской Академіи пришлось мнѣ въ Мартѣ мѣсяцѣ переѣзжать чрезъ рѣку по льду, вдругъ ледъ проломился и экипажъ и лошади стали тонуть. Въ эту самую минуту какая то невидимая сила выбрасываетъ меня изъ экипажа сажени на три на ледъ и жизнь моя была спасена. Чрезъ нѣсколько дней получаю отъ тетки письмо, въ которомъ спрашиваетъ меня: что случилось со мной такого то числа? Она видѣла во

---

[1]) Письмо 25.
[2]) Руководство для сельскихъ пастырей 1867 г. № 5-й.

снѣ Святителя Николая, который сказалъ ей: благодари Господа, вчера я спасъ твоего любимца. Старица Дарья скончалась на девяностомъ году жизни. Изъ Риги онъ привезъ съ собою въ Харьковъ двоюродного брата, діакона Ивана Дмитріева. Отецъ его былъ крѣпостной крестьянинъ помѣщика Нарышкина, владѣльца села Коноблева—родины Филарета, и былъ женатъ на теткѣ Филарета, занимая здѣсь должность регента церковнаго хора. Филаретъ, бывши еще ректоромъ Московской Академіи, съ большими лишеніями для себя и не малыми трудностями выкупилъ его у помѣщика со всей семьей. Замѣтивъ въ сынѣ его Иванѣ талантъ къ живописи, онъ далъ ему средства окончить курсъ въ Академіи художествъ. Въ 1847 году вызвалъ его въ Ригу, рукоположилъ въ діакона къ Покровской церкви, а затѣмъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Харьковъ рукоположилъ во священника къ Николаевской церкви слободы Деркачей, гдѣ спустя два года онъ скончался, оставивъ не малую семью на попеченіе Филарета. Въ Рижской архіерейской домовой церкви и въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ есть нѣсколько иконъ прекрасной академической живописи. Это труды покойнаго Дмитріева. У этого Дмитріева была родная сестра Евдокія. Съ раннихъ лѣтъ (съ 1834 по 1850 г.) она жила келейницею у монахини Антонины въ одномъ изъ женскихъ монастырей Тамбовской епархіи. Съ нею же она перешла въ Хорошевскій монастырь, куда Антонина была вызвана Филаретомъ для занятія должности игуменіи. Она была отличная рукодѣльница и клирошанка. Преосвященный Филаретъ отнесся къ ней съ полнымъ родственнымъ вниманіемъ: онъ посвятилъ ее въ монахини съ именемъ Елисаветы и затѣмъ, по представленію игуменіи, вручилъ ей должность казначеи. Скоро послѣ смерти своего брата она сильно заболѣла. „Евдокія, пишетъ Филаретъ Романовскому, очень нездорова. Пріѣзжайте пожалуйста къ намъ, если сами не больны". [1]) Спустя нѣкоторое время она снова заболѣла и онъ опять обращается къ Романовскому: „Усердно прошу васъ поспѣшить пріѣздомъ къ намъ. Елисавета очень больна. Ожидаю и еще и еще прошу". [2])

---

[1]) Письмо 2.

[2]) Письмо 7.

Съ болью въ сердцѣ однако же мы должны занести сюда, что эта родственница Филарета оказалась лицомъ не умѣвшимъ или не хотѣвшимъ понять и оцѣнить заботы и вниманіе къ ней преосвященнаго. Послѣ мы увидѣмъ какъ много клеветъ пришлось вытерпѣть Филарету изъ-за нея. „Извѣстно по опытамъ, писалъ онъ Иннокентію, что родственники вездѣ и для всѣхъ преосвященныхъ ничего болѣе не приносили кромѣ скорбей, по милости страстей человѣческихъ". [1]) Самый горькій опытъ этой истины онъ узналъ (къ крайнему сожалѣнію довольно поздно) на своей родственницѣ Елисаветѣ Дмитріевой. Въ своей келейной жизни она пользовалась правами на особыя удобства: имѣла прекрасное помѣщеніе, нѣсколькихъ послушницъ, особый столъ, одѣвалась изящно и вообще заботилась о своемъ комфортѣ и туалетѣ. По отношенію къ сестрамъ держала себя гордо и обращалась съ ними сурово. Капризамъ своимъ и своеволію она не знала границъ; нерѣдко сама игуменія вынуждаема была подчиняться ей. При всякомъ случаѣ давала знать не только сестрамъ, но и лицамъ постороннимъ, что она родственница преосвященнаго. Она часто пріѣзжала въ Харьковъ къ преосвященному, не испрашивая напередъ дозволенія игуменіи. Въ бесѣдѣ и вообще въ обращеніи съ владыкой держала себя смѣло и свободно. Скажутъ: неужели Филаретъ не видѣлъ, что его родственница такъ наглядно злоупотребляетъ его вниманіемъ къ ней, неужели онъ не зналъ, что людское легкомысліе готово всякій фактъ перетолковать въ угоду себѣ и обратить въ предметъ злорѣчія? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ приведемъ мнѣніе о Филаретѣ бывшаго его товарища по службѣ въ Московской Академіи, покойнаго Могилевскаго архіепископа Евсевія, высказанное имъ по поводу одного измышленнаго на Филарета нареканія, когда онъ былъ еще ректоромъ Московской академіи: „Филаретъ—это была чистая, простая душа. Онъ не понималъ зла. Бывало, его станешь предостерегать: зачѣмъ ты такъ неосторожно поступаешь? Могутъ вѣдь вотъ какъ объяснить, во зло истолковать. А онъ этого не понимаетъ, какъ человѣкъ въ невинномъ можетъ объяснить зло. „Да какъ же это? Да какъ

---

[1]) Письмо 37.

же можно сказать, чего нѣтъ?“ И съ такимъ младенческимъ сердцемъ онъ остался до гроба. Таковъ онъ былъ и въ Харьковѣ. Если онъ дѣйствовалъ иногда не осторожно и вызывалъ клевету на себя, то не потому, чтобы былъ ея достоинъ, а потому, что не былъ остороженъ: видѣлъ въ людяхъ одно доброе и не вѣрилъ, что можно измыслить зло тамъ, гдѣ его не было“. [1]) Изъ родственниковъ Филарета въ Харьковской епархіи были еще два родные племянника—оба сыновья родного его брата, Василія, Иванъ и Георгій. Иванъ въ память дяди прозывался Гумилевскимъ, а второму, какъ родившемуся 4 апрѣля—въ день св. Георгія, иже въ Малеи, отецъ далъ фамилію Маліевскій. Этотъ Маліевскій, по окончаніи курса въ Харьковской Семинаріи, священствовалъ въ одномъ селѣ Лебединскаго уѣзда. Иванъ Гумилевскій, по окончаніи курса въ Тамбовской семинаріи въ 1847 году, былъ вызванъ Филаретомъ въ Ригу, гдѣ, послѣ годичнаго изученія имъ латышскаго языка, былъ опредѣленъ священникомъ Рижскаго уѣзда къ Петропавловской Коплогузенской церкви. Здѣсь онъ занималъ должность депутата и цензора проповѣдей, писанныхъ на латышскомъ языкѣ. Въ теченіи двухъ лѣтъ обратилъ въ православіе изъ раскола 2-хъ человѣкъ, изъ римско-католичества 4-хъ и изъ лютеранства 72-хъ. Въ 1852 году Филаретъ перевелъ его въ Харьковскую епархію и опредѣлилъ къ Сумской Николаевской церкви. Но въ это самое время возникло дѣло по доносу пастора, который обвинялъ Гумилевскаго въ томъ, будто-бы онъ, при обращеніи лютеранъ, употреблялъ насильственныя мѣры. Православіе въ этомъ краю тогда находилось въ такомъ сильномъ загонѣ, что оправдываться было не мыслимо. Нѣмцы принимали въ это время рѣшительныя мѣры, чтобы православіе не распространялось между лютеранами-крестьянами. Православные священники, безъ присутствія полицейскаго чиновника лютеранина, не имѣли права крестьянъ-лютеранъ не только принимать къ себѣ, но даже вести бесѣду съ ними. Иначе имъ грозилъ отъ нѣмцевъ судъ и наказаніе. По опредѣленію Святѣйшаго Сунода Гумилевскій былъ присужденъ къ запрещенію въ священнослуженіи и къ ссылкѣ въ Коренную Пустынь

---

[1]) Русскій Архивъ 1887 г. № 10, стр. 262.

Курской епархіи. „Прошу любовь вашу, писалъ Филаретъ Иннокентію, бывшему тогда на чредѣ въ Сунодѣ, вступитесь за бѣдняка о. Іоанна Гумилевскаго, чтобы по крайней мѣрѣ страданіе невиннаго не отягчалось до безмѣрія продолжительностію“[1]). Болѣе всего ему жаль было жены Гумилевскаго. Она происходила изъ хорошаго дома Рижской епархіи и теперь очутилась одна въ чужомъ городѣ съ малолѣтними дѣтьми безъ крова и средствъ къ жизни. Она ничего не знала о судьбѣ своего мужа и потому сильно горевала о немъ. Филаретъ утѣшалъ ее письмами и высылалъ ей деньги на содержаніе. У насъ уцѣлѣли два его письма. Мы ихъ помѣстимъ здѣсь какъ образчикъ его писемъ къ роднымъ, которыя, по свидѣтельству лицъ, имѣвшихъ случай читать ихъ, дышали нѣжною дружбою и участіемъ, и которыя всѣ, къ сожалѣнію, истреблены пожаромъ въ 1869 году [2]). Въ началѣ 1853 года Гумилевскій былъ освобожденъ изъ монастырскаго заключенія и получилъ въ Курской епархіи священническое мѣсто, въ 1855 году Филаретъ снова перевелъ его въ Харьковскую епархію и на этотъ разъ далъ ему одинъ изъ лучшихъ приходовъ въ Харьковѣ, именно при базарной Благовѣщенской церкви. Но не долго онъ здѣсь былъ: въ 1859 году преосвященный Макарій перевелъ его въ г. Ахтырку къ приходской Николаевской церкви, гдѣ въ 1879 году онъ скончался отъ разрыва сердца. Въ томъ же году былъ удаленъ на худшее мѣсто и другой племянникъ Филарета, Георгій Маліевскій, скончавшійся въ 1883 году. „Обстоятельства кровныхъ моихъ, писалъ Филаретъ изъ Чернигова Романовскому,—не радостны. Что дѣлать? Такъ надобно по грѣхамъ моимъ! Надобно предаваться волѣ Божіей, предъ которою и безъ того мы много грѣшны“ [3]). Вотъ что писалъ Филаретъ женѣ о. І. Гумилевскаго, когда мужъ ея жилъ въ ссылкѣ въ монастырѣ. „Любезная племянница! Миръ Божій да будетъ съ тобою. Господь милостивъ. Онъ если и посылаетъ намъ скорби, то для нашего-же спасенія. Потому что необходимо для вѣчной жизни, что полезно для спасенія нашей души, то должны

[1]) Письмо 34.

[2]) Русскій Архивъ 1887 г. № 8, стр. 467.

[3]) Письмо 47.

мы принимать съ благодарностію Господу или покрайней мѣрѣ съ покорностію Ему. Что мужъ твой не сказалъ тебѣ зачѣмъ поѣхалъ въ Курскъ вини меня, я не велѣлъ ему сказывать тебѣ о томъ, чтобъ безвременно не отягощать тебя скорбію. Теперь скорби ваши близки уже къ концу. Я писалъ къ преосвященному Курскому за мужа твоего. И преосвященный писалъ мнѣ, что онъ все употребитъ для успокоенія судьбы вашей. На первый разъ онъ назначилъ мѣсто о. Іоанну въ Мирополье. Это не далеко отъ Сумъ. Въ послѣдствіи обѣщаетъ дать лучшее мѣсто, когда откроется такое мѣсто. Итакъ вотъ видишь, что напрасны твои страданія за дѣтокъ. Все устроится. Потерпимъ и помолимся Господу Богу. О томъ, что пишу тебѣ нѣтъ нужды говорить другимъ. Послѣ того, что сказано о вашей судьбѣ, думаю ты не будешь болѣе волноваться сомнѣніями и скорбями. Бойся грѣха. Повторяю: молись и Господь все устроитъ. Надежда на Него—никого не оставляющаго въ стыдѣ. Люди думаютъ дѣлать намъ зло, а Господь обратитъ зло въ благое. Я хотѣлъ было вызвать тебя въ Харьковъ, но ожидать окончанія думаю одинаково для тебя и въ Сумахъ. Да и переѣздъ изъ Сумъ въ Харьковъ со всѣмъ скарбомъ былъ бы лишній, тогда какъ надобно будетъ ѣхать въ Мирополье. Когда мужъ возвратится къ тебѣ, тогда, отправивъ скарбъ въ Мирополье, можете заѣхать ко мнѣ.

Божіе благословеніе да будетъ съ тобою и съ дѣтьми твоими.

1852 г. Филаретъ Е. Х. и А.
Іюля 3 дня.

P. S. Посылается тебѣ на нужды. Надѣюсь скоро увидѣться съ преосвященнымъ Курскимъ и сказать и попросить его за васъ.

Вотъ другое письмо:

Любезная племянница!

Молись Господу и не унывай! Грѣхъ не надѣяться на Господа, а надѣясь нельзя не молиться. Ты, думаю я, слышала, что въ Бѣлгородѣ видѣлся я съ Курскимъ владыкою. Онъ обѣщалъ сдѣлать все для васъ несчастныхъ, что отъ него зависитъ и уже послалъ въ Сѵнодъ представленіе.

Надобно просить Господа, чтобы явилъ Онъ свою милость къ вамъ. Рѣшеніе зависитъ отъ Сунода. Посылаю тебѣ 35 руб. Въ нуждахъ твоихъ помогать готовъ.

1852 г. Христосъ съ тобою!
Октября 29 дня. Филаретъ Е. Х. и А."

Преосвященный Филаретъ съ дѣтства имѣлъ слабый организмъ, а лѣта, ученые труды и разныя служебныя непріятности еще болѣе ослабили его физическія силы. Въ Харьковъ онъ пріѣхалъ уже съ надломленнымъ здоровьемъ. Здѣсь онъ очень часто подвергался мучительной зубной боли, которая, по его словамъ, не разъ вынуждала его отправлять „всенощную въ смыслѣ древнихъ христіанъ", т. е. не спать всю ночь [1]). Сидячая жизнь сильно вредила его здоровью. „Болитъ спина, пишетъ онъ Романовскому, отъ того, что безтолково сижу; привязался къ бесѣдамъ" [2]). Ревматизмъ въ ногахъ приковывалъ его къ постели на цѣлыя недѣли. Но самая опасная его болѣзнь—это хроническое разстройство желудка. Въ августѣ 1857 года Филаретъ пишетъ Романовскому: „Былъ я болѣнъ. И если не ошибаюсь, современемъ эта болѣзнь положитъ меня во гробъ. Такъ думаю по ея ходу и началу". [3]) Тогда же онъ писалъ о своей болѣзни проф. Горскому: „Два раза былъ я болѣнъ и въ первый разъ такъ сильно, что близокъ былъ ко гробу. Того и смотри, что позовутъ туда. Худо то, что худо готовлюсь къ той жизни" [4]). Изъ письма архимандрита Герасима, которое онъ писалъ въ это же самое время, т. е. въ августѣ 1857 г. игуменіи Симбирской обители видно, что онъ страдалъ желудочными припадками: „Нашъ владыка, пишетъ онъ, сильно изнемогъ отъ разстройства желудка, которое, по его замѣчанію, возобновляется у него періодически". [5]) Филаретъ, какъ извѣстно, скончался отъ холеры при обозрѣніи епархіи въ г. Конотопѣ. Съ увѣренностію можно сказать, что къ холерѣ, которая тогда въ августѣ 1866 г. эпидимически здѣсь свирѣпствовала, рас-

---

[1]) Письмо 3.
[2]) Письмо 6.
[3]) Письмо 29.
[4]) Письмо 131.
[5]) Душеп. чтеніе. Іюль 1887 г.

положила его давняя его болѣзнь, т. е. хроническое разстройство желудка. Не смотря на частое свое недомоганіе, онъ не любилъ лѣчиться и, пересиливая себя, продолжалъ работать. Изрѣдка онъ пользовался домашними средствами по совѣту Романовскаго, а въ болѣе серьезныхъ случаяхъ его лѣчилъ семинарскій врачъ Ив. Ник. Рейпольскій, а иногда приглашалъ ординарнаго профессора Харьковскаго Университета, доктора Нарановича. Впрочемъ эти врачи каждый разъ предварительно совѣщались съ Романовскимъ, какъ отчетливо изучившимъ организмъ Филарета. Самъ Романовскій очень часто болѣлъ и на столько сильно, что подумывалъ о смерти. „Друже мой, умирать тебѣ такъ рано—не приказано, пишетъ Филаретъ ему. Надобно, чтобы вы отправили меня туда напередъ; мнѣ дѣлать здѣсь нечего, потому что добраго не дѣлаю“ [1]). Въ другомъ письмѣ пишетъ: „И опять говорю: живите, живите о Господѣ: нужны вы здѣсь, нельзя вамъ такъ скоро отсюда, какъ вы мечтаете“. [2]) Разъ, проживая въ женином имѣніи въ Изюмскомъ уѣздѣ „Вѣрино Поле“, Романовскій простудилъ ноги и сильный ревматизмъ уложилъ его въ постель. Въ душевной своей скорби онъ письменно просилъ Филарета заочно помолиться о немъ. Филаретъ немедленно отправился къ нему. Совершивъ двухъ-сотъ верстное разстояніе, онъ на другое же утро послалъ въ Святогорскую пустынь, находящуюся невдалекѣ отъ этого имѣнія, за іеромонахами и іеродіакономъ. Прибыли пресвитеры церковные и подъ предстоятельствомъ Филарета, совершили надъ нимъ таинство Св. Елеосвященія. Передавая своимъ знакомымъ о такомъ вниманіи къ нему Филарета, обыкновенно онъ заканчивалъ свой разсказъ словами любимаго имъ древняго мудреца: другъ вѣренъ—врачеваніе житію, другъ вѣренъ—кровъ крѣпокъ, обрѣтый его—обрѣте сокровище. (Сир. 6. 14).

Прот. Н. Лащенковъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ году).

---

[1]) Письмо 6.

[2]) Письмо 28.

ОТДѢЛЪ II.

СТАТИСТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКІЙ.

[illegible] его [illegible] болѣзнь, и [illegible] ироническое раз-
[illegible]. Не смотря на [illegible] своего [illegible]ванія,
онъ не любилъ лѣчиться и, [illegible] себя, продолжалъ
работать. Нерѣдко онъ пользовался домашними средствами
по совѣту Рождественскаго, а въ болѣе серьезныхъ случаяхъ
его лѣчилъ [illegible] врачъ Ив. Ник. Рейпольскій, а
иногда приглашались ординарный профессоръ Харьковскаго
Университета, доктора Наранович[illegible]. Впрочемъ эти врачи
каждый разъ предварительно совѣщались съ Рождественскимъ,
какъ [illegible] организма Филарета. Самъ Ро-
ждественскій очень часто болѣлъ и на столько сильно, что по-
[illegible]: „Другъ мой, умрешь себѣ тадъ раньше—
не пугайся, писалъ Филаретъ ему. Надѣюсь, чтобы ты
отправился жить туда [illegible]; отъ [illegible] ничего,
потому что добраго [illegible] [1]. Въ другомъ письмѣ пи-
шетъ: „Я знаю, [illegible] о Господѣ нуж-
нѣ ли здѣсь, нельзя жить тамъ скорѣ отсюда, какъ мы хо-
тѣлось“ [2]. Разъ, [illegible] въ Пан-
скомъ уѣздѣ „Вѣрное Поле“, Рождественскій простудилъ ноги
и [illegible]
[illegible]
помолиться о немъ, Филаретъ немедленно отправился къ
нему. Совершивъ [illegible], онъ на
другое же утро поѣхалъ въ Святогорскую пустынь, нахо-
дящуюся недалеко отъ этого имѣнія, на іеромонахамъ и
іеродіаконамъ. Прибывъ [illegible] въ домъ пред-
[illegible] Филарета, совершили надъ нимъ таинство
Св. Елеосвященія. Передавая своимъ знакомымъ о такомъ
[illegible] къ нему Филарета, обыкновенно онъ заканчивалъ
свой разсказъ словами любимаго имъ древняго мудреца:
другъ вѣрный—[illegible], другъ вѣрный—кровъ
крѣпокъ, обрѣтый его—обрѣте сокровище. (Сир. 6, 14).

Прот. П. Лащенковъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ томѣ).

[1] Письмо 4.
[2] Письмо 29.

КЪ ВОПРОСУ
О
ДОХОДНОСТИ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА
ВЪ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

I.

Средніе урожаи хлѣбовъ на владѣльческихъ земляхъ Харьковской губерніи.

Сельско-хозяйственною и экономическою литературою неоднократно поднимались вопросы о стоимости производства сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и о доходности земледѣлія, но для рѣшенія этихъ первостепенныхъ вопросовъ не имѣется достаточно матеріаловъ, такъ какъ и тѣ недостаточныя данныя, какія собраны, не отличаются безпристрастіемъ.

Нѣкоторыя свѣдѣнія сообщались хозяевами съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ доказать убыточность земледѣльческаго промысла.

Чтобы опредѣлить доходность владѣльческихъ земель губерніи, прежде всего необходимо установить среднюю урожайность продуктовъ полеводства за возможно продолжительный періодъ времени.

Единственнымъ матеріаломъ при рѣшеніи этого важнаго вопроса могутъ служить свѣдѣнія Департамента Земледѣлія и сельско-хозяйственной промышленности, составленныя по сообщенію добровольныхъ корреспондентовъ, но и эти свѣдѣнія нуждаются въ критической разработкѣ и не могутъ быть принимаемы для расчетовъ цѣликомъ.

Корреспонденты Департамента, при ихъ ограниченной чи-

сленности и случайномъ составѣ, распредѣлены неравномѣрно по губерніи, а потому средніе выводы урожайности, построенные на этихъ сообщеніяхъ, не всегда отвѣчаютъ *средней* дѣйствительности.

Выводъ можетъ получиться преувеличеннымъ противъ среднихъ условій даннаго района, если корреспонденціи будутъ касаться результатовъ, получившихся въ образцовыхъ хозяйствахъ и наоборотъ. Этимъ вполнѣ объясняется то обстоятельство, что по свѣдѣніямъ Департамента средніе урожаи озимой пшеницы по Лебединскому уѣзду, ниже таковыхъ Ахтырскаго уѣзда, такъ какъ въ числѣ корреспондентовъ этого послѣдняго состоятъ лучшіе хозяева (Кенигъ, Вейсе), тогда какъ изъ Лебединскаго уѣзда даются сообщенія посредственными экономіями, между тѣмъ, озимая пшеница лучше другихъ хлѣбовъ оплачиваетъ удобреніе и хорошую обработку.

Чтобы уловить, хотя отчасти, эти случайныя усложненія въ ту или въ другую сторону, необходимо сопоставить между собою средніе выводы по всѣмъ уѣздамъ губерніи, а также провѣрить ихъ другими данными, какія могутъ быть добыты или изъ печатныхъ источниковъ, или извлечены непосредственно изъ записей хозяевъ.

При значительной однородности почвъ Харьковской губерніи, средніе урожаи хлѣбовъ находятся въ прямой зависимости отъ метеорологическихъ условій ея различныхъ мѣстностей.

Поэтому прежде всего нужно установить тотъ порядокъ, въ какомъ слѣдуютъ уѣзды губерніи, по среднимъ урожаямъ хлѣбовъ вообще, а также озимыхъ и яровыхъ въ частности.

По свѣдѣніямъ Департамента Земледѣлія, за 9-ти лѣтній періодъ времени (81—89 г.), средніе урожаи всѣхъ хлѣбовъ по уѣздамъ слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ:

1) Сумской 7,8 четв., 2) Лебединскій 6,8 четв., 3) Ахтырскій—6,3, 4) Богодуховскій—6,3, 5) Валковскій—6,2, 6) Волчанскій—5,7, 7) Харьковскій—5,6, 8) Зміевскій—5,0, 9) Изюмскій—4,8, 10) Купянскій—4,9, 11) Старобѣльскій—3,9, средній губерніи 5,7 четв.

Отсюда видно, что средніе урожаи хлѣбовъ понижаются по направленію отъ сѣверо-запада на юго-востокъ губерніи.

Въ частности средніе урожаи хлѣбовъ за 9 лѣтъ были таковы:

УѢЗДЫ.	Озимые хлѣба.			Яровые хлѣба.			
	Рожь.	Пшеница.	Среднее.	Пшеница.	Ячмень.	Овесъ.	Среднее.
Сумскій	7,6	7,2	7,4	5,7	7,7	11,50	8,3
Лебединскій	6,8	6,1	6,5	4,9	6,9	9,30	7,0
Ахтырскій	6,7	6,7	6,7	4,1	6,3	7,50	6,0
Богодуховскій	6,6	5,7	6,1	4,5	5,8	8,7	6,3
Валковскій	6,4	5,3	5,8	4,7	6,8	8,0	6,5
Волчанскій	6,2	5,4	5,8	3,5	5,4	8,2	5,7
Харьковскій	5,8	5,0	5,4	4,0	5,1	8,0	5,7
Зміевскій	4,8	4,3	4,6	3,1	5,1	7,5	5,2
Изюмскій	5,0	3,9	4,4	3,2	5,1	6,6	5,0
Купянскій	4,9	3,9	4,4	3,1	5,1	7,5	5,2
Старобѣльскій	3,5	3,3	3,4	2,6	4,3	5,7	4,2

Изъ обозрѣнія этой таблицы видно, что въ урожаѣ нѣкоторыхъ хлѣбовъ встрѣчаются уклоненія ни начемъ не основанныя и противорѣчащія тому порядку, въ какомъ поставлены уѣзды по урожаю всѣхъ хлѣбовъ, и гдѣ эти частныя уклоненія скрадываются. Въ приведенной выше таблицѣ, прежде всего бросается въ глаза, что урожаи по двумъ смежнымъ уѣздамъ: Изюмскому и Купянскому, совершенно сходны по всѣмъ хлѣбамъ, за исключеніемъ овса. Такъ какъ оба эти уѣзда сходственны въ почвенномъ и климатическомъ отношеніяхъ,—то и сходство урожаевъ указываетъ на то, что они отвѣчаютъ средней дѣйствительности, а слѣдовательно могутъ быть приняты безъ измѣненій.

Различіе въ среднихъ урожаяхъ овса объясняется тѣмъ, что въ Купянскомъ уѣздѣ, вслѣдствіе затруднительнаго сбыта ячменя, овесъ занимаетъ въ сѣвооборотѣ высшее противъ ячменя мѣсто, а слѣдовательно и пользуется большимъ вниманіемъ со стороны хозяевъ; второстепенный же хлѣбъ обыкно-

венно сѣется и на худшей землѣ и послѣ всѣхъ хлѣбовъ. Въ Изюмскомъ же уѣздѣ, расположенномъ вдоль желѣзной дороги, ячмень имѣетъ болѣе обезпеченный сбытъ, а потому предпочитается овсу. Такъ какъ урожай ячменя тождественъ въ 4-хъ уѣздахъ, то онъ доженъ быть оставленъ безъ измѣненія, а урожай овса въ Изюмскомъ уѣздѣ слѣдуетъ сравнить съ Купянскимъ, и тогда онъ сравнится и съ Зміевскимъ. Урожаи двухъ другихъ сосѣднихъ уѣздовъ Харьковскаго и Волчанскаго также близки и могутъ быть совсѣмъ сравнены.

Урожай ржи въ Зміевскомъ уѣздѣ получился *очевидно* ниже средняго, такъ какъ озимая пшеница, болѣе нѣжный и рискованный хлѣбъ, даетъ въ этомъ уѣздѣ высшій урожай на 0,4 четверти противъ Изюмскаго уѣзда,—поэтому нѣтъ никакихъ основаній къ тому, чтобы рожь давала низшій урожай. Чтобы приблизиться къ средней величинѣ необходимо поднять урожай ржи въ Зміевскомъ уѣздѣ до 5,4 четв. Въ смежномъ съ Зміевскимъ, Константиноградскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, расположенномъ къ западу отъ него, средній урожай ржи—5,7 четверти.

Въ четырехъ уѣздахъ Екатеринославской губерніи, расположенныхъ отъ востока къ западу и отчасти сѣверо-западу, урожаи хлѣбовъ слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: Луганскій 4,0 четв., Бахмутскій 4,3 четв., Павлоградскій 4,5 четв., и Новомосковскій—5,0 ч., средняя разница между уѣздами на 0,4 ч.

Если принять во вниманіе, что Константиноградскій уѣздъ лежитъ западнѣе, и если съ средняго урожая этого уѣзда, сбросить 0,4 четв., то останется 5,3 четв., т. е. почти столько же, сколько принято для Зміевскаго уѣзда.

По Константиноградскому уѣзду имѣются вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія относительно урожаевъ хлѣба за 11 лѣтъ (79—89 г.), извлеченныя изъ экономическихъ книгъ и напечатанныя въ отчетахъ мѣстной уѣздной управы. По этимъ даннымъ, средніе урожаи хлѣбовъ таковы: рожь 7,4 четв., оз. пшеница 5,9 четв., яр. пшеница 4,9 четв., ячмень 6,1 четв., овесъ 10,2 четв. Свѣдѣнія эти извлечены изъ книгъ лучшихъ экономій уѣзда (Карловка, Циглеровка, Гранкино, Павловка, Кустолово и пр.), а потому можно принять, что полученные урожаи выше среднихъ урожаевъ процентовъ на 20%. Понизивъ ихъ по этому расчету на 20% получимъ: для ржи 5,9 четв., оз. пшеницы 4,71, яров. пшеницы 3,9, ячменя 4,9 и овса 8,1 четв.

Сбросивши отсюда для Зміевскаго уѣзда, какъ лежащаго восточнѣе Константиноградскаго уѣзда—0,4 ч. получимъ: рожь 5,5 четв., озимая пшеница 4,31 ч., яровая пшеница 3,5 четв., ячмень 4,4 ч., овесъ 7,7 четв. Результаты эти весьма близки къ тѣмъ, какіе получились въ выше приведенной таблицѣ съ поправкою для ржи.

Изъ той же таблицы видно, что нѣкоторые урожаи хлѣбовъ, показаны ниже среднихъ, для данныхъ уѣздовъ, а именно: озимой пшеницы въ Лебединскомъ уѣздѣ, всѣхъ яровыхъ хлѣбовъ въ Ахтырскомъ уѣздѣ, озимой и яровой пшеницы и ячменя въ Богодуховскомъ уѣздѣ.

Къ Ахтырскому уѣзду съ сѣверо-востока прилегаетъ Суджанскій уѣздъ, средніе урожаи котораго для озимыхъ хлѣбовъ вполнѣ тождественны съ Ахтырскимъ уѣздомъ, а для яровыхъ на 0,8 четв. выше.

Къ Харьковскому уѣзду, тоже съ сѣверо-востока прилегаетъ Бѣлгородскій уѣздъ, средніе урожаи котораго почти тождественны съ урожаями Харьковскаго уѣзда.

Къ востоку и югу отъ Старобѣльскаго уѣзда расположены два уѣзда: Богучарскій (Воронежской губ.) и Луганскій (Екатеринославской губ.). Средніе урожаи этихъ уѣздовъ: рожь 4,2 четв., оз. пшеница 3,7 четв., яров. пшеница 3,1 четв., ячмень 5,0 четв., овесъ 6,5, четв. Такъ какъ эти уѣзды не имѣютъ никакихъ преимуществъ передъ Старобѣльскимъ уѣздомъ, а Луганскій уѣздъ во многомъ ему уступаетъ, то установленные для нихъ урожаи должны быть приняты и для Старобѣльскаго уѣзда.

Послѣ всѣхъ этихъ исправленій, средніе урожаи хлѣбовъ Харьковской губерніи опредѣлятся такъ:

Уѣзды.	Озимые хлѣба.			Яровые хлѣба.			
	Рожь.	Пшеница.	Среднее.	Пшеница.	Ячмень.	Овесъ.	Среднее.
Сумскій	7,6	7,2	7,4	5,7	7,7	11,50	8,3
Лебединскій	6,8	6,8	6,8	5,0	7,2	10,30	7,5
Ахтырскій	6,7	6,7	6,7	4,8	6,9	9,30	7,0
Богодуховскій	6,6	5,7	6,1	4,8	6,8	8,7	6,8

Уѣзды.	Озимые хлѣба.			Яровые хлѣба.			
	Рожь.	Пшеница.	Среднее.	Пшеница.	Ячмень.	Овесъ.	Среднее.
Валковскій	6,4	5,3	5,8	4,7	6,8	8,0	6,5
Волчанскій	6,2	5,0	5,6	4,0	5,1	8,0	5,7
Харьковскій	6,2	5,0	5,6	4,0	5,1	8,0	5,7
Зміевскій	5,4	4,3	4,8	3,2	5,1	7,5	5,3
Изюмскій	5,0	3,9	4,4	3,2	5,1	7,5	5,3
Купянскій	4,9	3,9	4,4	3,2	5,1	7,5	5,2
Старобѣльскій	4,2	3,7	3,9	3,1	5,0	6,5	4,9
	5,9	5,2	5,5	4,1	6,0	8,4	6,2

Вѣсъ четверти зерна за 8-лѣтній періодъ времени (81—88) былъ слѣдующій въ Харьковской губерніи: рожь 9 п., оз. пшеница 9,6 п., яровая пшеница 9,4 п., ячмень 7,9 п., овесъ 5,8 п.

По переводѣ мѣръ въ пуды получимъ слѣдующіе урожаи хлѣбовъ на вѣсъ:

Уѣзды.	Рожь.	Озимая пшеница.	Яровая пшеница.	Ячмень.	Овесъ.
Сумскій	69,4	69,10	53,6	60,80	66,70
Лебединскій	61,2	65,30	47,0	56,90	56,70
Ахтырскій	60,3	64,30	45,10	54,50	52,90
Богодуховскій	59,4	54,70	45,10	53,7	50,5
Валковскій	57,6	50,90	44,2	53,7	46,40
Волчанскій	55,8	48,0	37,6	40,30	46,40
Харьковскій	55,8	48,0	37,6	40,30	46,40
Зміевскій	48,6	41,3	30,1	40,3	43,5
Изюмскій	45,0	37,5	30,1	40,3	43,5
Купянскій	44,0	37,5	30,1	40,3	43,5
Старобѣльскій	37,8	35,5	29,1	39,5	37,70

Если принять урожаи Сумскаго уѣзда за 100, то урожаи остальныхъ уѣздовъ губерній составятъ:

У ѣ з д ы.	Рожь.	Озимая пшеница.	Яровая пшеница.	Ячмень.	Овесъ.
Сумскій	100	100	100	100	100
Лебединскій	88	94	88	93	85
Ахтырскій	86	93	84	90	80
Богодуховскій	85	79	84	88	76
Валковскій	83	73	82	88	70
Волчанскій	80	70	70	66	70
Харьковскій	75	70	70	66	70
Зміевскій	70	60	56	66	65
Изюмскій	65	54	56	66	65
Купянскій	63	54	56	66	65
Старобѣльскій	54	51	54	65	56

Таблицу урожаевъ, получившуюся сопоставленіемъ между собою свѣдѣній Департамента Земледѣлія, необходимо провѣрить со свѣдѣніями, извлеченными изъ возможно большаго числа хозяйствъ.

Повѣрку эту нужно, однако, производить съ осторожностію, такъ какъ большинство имѣній, ведущихъ счетоводство, принадлежитъ къ числу выдающихся, а потому сообщенныя ими свѣдѣнія, несомнѣнно, превысятъ средній результатъ урожайности.

По отношенію имѣній, находящихся въ среднихъ условіяхъ, можно привести слѣдующія данныя:

У ѣ з д ы.	Рожь.	Озимая пшеница.	Яровая пшеница.	Ячмень.	Овесъ.	Среднее.
ВАЛКОВСКІЙ.						
Камышеваха (81—87 г.)	60,6	57,8	38,10	46,1	49,1	50,2
Среднее по уѣзду	57,6	50,9	44,20	53,7	46,3	50,5

Уѣзды.	Рожь.	Озимая пшеница.	Яровая пшеница.	Ячмень.	Овесъ.	Среднее.
Харьковскій и Волчанскій.						
Александровка (64—76 г.) . .	67,8	57,3	40,6	37,4	47,0	
Захаровка (83—88 г.)	68,4	53,6	34,2	47,9	44,4	
Должикъ (77—87 г.)	56,4	54,0	36,0	44,4	46,2	
	64,2	54,9	36,9	43,2	45,9	49,0
Среднее по 2-мъ уѣздамъ. . .	55,8	48	37,6	40,3	46,4	45,2
Изюмскій и Купянскій.						
Изюмецъ (79—88 г.)	48,7	45,5	33,9	44,2	49,2	
Виноградное (70—81 г.) . . .	54	41,3	35,4	—	43,1	
Жеребецъ (81—87 г.)	56,6	42,7	28,5	40,1	44,5	
Трудолюбовка (82—89 г.). . .	53,8	38,0	36,1	44,6	53,6	
	53,3	41,9	33,5	42,9	47,6	43,8
Среднее по 2-мъ уѣздамъ. . .	44,5	37,5	30,1	40,3	43,5	39,2

Получившіеся результаты въ общемъ не нарушаютъ того порядка уѣздовъ, въ какомъ они поставлены по урожайности хлѣбовъ, выведенной на основаніи свѣдѣній Департамента Земледѣлія. Наибольшая разница получилась по отношенію озимыхъ хлѣбовъ, урожайность которыхъ значительно ниже по изданіямъ Департамента.

По другимъ имѣніямъ губерніи имѣются также точныя свѣдѣнія объ урожаяхъ хлѣбовъ, за довольно продолжительный періодъ времени, но имѣнія эти принадлежатъ къ числу лучшихъ имѣній, а потому сообщенныя ими свѣдѣнія, несомнѣнно выше среднихъ и приводятся здѣсь для того, чтобы обнаружить вліяніе на урожаи сѣвооборота, удобренія и улучшенной полевой культуры.

Уѣзды	Рожь.	Озимая пшеница.	Яровая пшеница.	Ячмень.	Овесъ.
ЛЕБЕДИНСКІЙ.					
Имѣнія графа М. М. Толстого за 14-ть лѣтъ (76—88 г.)	79	89,4	49,5	58	82,5
Терновское имѣніе князя и княгини Щербатовыхъ за 10 л. (80—89 г.)	80,6	102,4	60,5	61	84
	79,8	95,9	55	59,50	83,2
Среднее по уѣзду	61,2	65,30	47,0	56,90	56,70
Разница	18,6	30,6	8,0	2,6	26,5
АХТЫРСКІЙ.					
Тростянецкое имѣніе Кенига за 11-ть лѣтъ (77—86 г.).	90,3	108,1	66,2	—	—
Среднее по уѣзду.	60,3	64,30	45,10	—	—
Разница	30,0	44,8	21,1	—	—
ХАРЬКОВСКІЙ.					
Большая Рогозянка фонъ-деръ-Лауницъ за 7 лѣтъ (83—89 г.) . .	58,6	77,4	—	65,8	67,1
Среднее по уѣзду	55,8	48,0	—	40,30	46,40
Разница	2,8	29,4	—	25,5	20,7
ВОЛЧАНСКІЙ.					
Бѣлый Колодецъ Скалона за 12 лѣтъ (64—76 г.).	77,4	85,5	—	—	64,5
Хут. Постоялый Батезатула за 6 лѣтъ (80—85 г.)	68,3	78,6	—	48,2	58
	72,6	82,0	—	48,2	61,2
Среднее по уѣзду	55,8	48,0	—	40,30	46,40
Разница	16,8	34,00	—	7,9	14,8

Разница между урожаями озимой и яровой пшеницы, установленными по даннымъ Департамента Земледѣлія, постепенно понижается отъ сѣверо-запада губерніи на юго-востокъ и составляетъ: въ Сумскомъ уѣздѣ 16,4 п., въ Лебединскомъ—18,3 п., въ Ахтырскомъ—19,20 п., въ Богодуховскомъ—9,6 п., въ Валковскомъ—6,7 п., въ Волчанскомъ и Харьковскомъ—10,4 п., въ Зміевскомъ—11,2 п., въ Изюмскомъ и Купянскомъ—7,4 п., въ Старобѣльскомъ—6,4 пуда. Такъ какъ на величину этой разницы оказываютъ вліяне, постоянно дѣйствующія метеорологическія причины, то и пониженіе ея также должно слѣдовать извѣстному порядку. Между тѣмъ изъ таблицы урожаевъ видно, что порядокъ этотъ нарушается.

Обстоятельство это можно объяснить только тѣмъ, что урожаи хлѣбовъ установлены не вполнѣ точно. Такъ нужно полагать, что урожаи яровой пшеницы, выведенные для Сумскаго уѣзда, нѣсколько преувеличены. Выводъ этотъ подтверждается свѣдѣніями Зеленьковской экономіи графа М. М. Толстого, изъ которыхъ видно, что средніе урожаи яровой пшеницы за 14 лѣтъ (76—88)—49,5 п., а имѣніе графа Толстого принадлежитъ къ числу благоустроенныхъ. Изъ сличенія другихъ данныхъ также можно заключить, что урожаи озимой пшеницы въ Богодуховскомъ и Валковскомъ уѣздахъ нѣсколько понижены противъ нормальныхъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ является вполнѣ основательнымъ ввести необходимыя поправки въ таблицу урожаевъ, основанную на свѣдѣніяхъ Департамента Земледѣлія, въ такомъ направленіи, чтобы образовался правильно убывающій рядъ, въ которомъ бы разница между урожаями озимой и яровой пшеницъ понижалась непрерывно отъ сѣверо-запада къ юго-востоку губерніи.

Послѣ таковыхъ поправокъ средніе урожаи хлѣбовъ опредѣлятся въ слѣдующей таблицѣ:

Уѣзды.	Рожь.	Озимая пшеница.	Яровая пшеница.	Ячмень.	Овесъ.	Среднее.
Сумскiй	69,4	69,1	50,0	60,8	66,7	63,2
Лебединскiй	61,2	65,3	47,0	56,9	56,7	57,4
Ахтырскiй	60,3	64,3	45,1	54,5	52,9	55,4

Уѣзды.	Рожь.	Озимая пшеница.	Яровая пшеница.	Ячмень.	Овесъ.	Среднее.
Богодуховскій	59,4	59,2	45,1	53,7	50,5	53,6
Валковскій	57,6	55,0	43,0	53,7	46,4	51,1
Волчанскій	55,8	48,0	37,6	40,30	46,4	45,6
Харьковскій	55,8	48,0	37,6	40,3	46,4	45,6
Зміевскій	48,6	41,3	32,1	40,3	43,5	41,2
Изюмскій	45,0	37,5	30,1	40,3	43,5	39,3
Купянскій	45,0	37,5	30,1	40,3	43,5	39,3
Старобѣльскій	37,8	35,5	29,1	39,5	37,5	35,9
Среднее	54,2	51,0	38,8	47,3	48,5	48

2. Изъ пропашныхъ растеній въ предѣлахъ Харьковской губерніи воздѣлываются: сахарная свекла, кормовая свекла, картофель и зерновая кукуруза.

а) Сахарная свекла играетъ важную роль въ 4-хъ сѣверо-западныхъ уѣздахъ губерніи, а потому свекловичное хозяйство наиболѣе изслѣдовано, хотя въ изданіяхъ Департамента Земледѣлія стали помѣщаться систематическія свѣдѣнія объ урожаяхъ свеклы только съ 1885 года.

Наиболѣе развита свекловичная культура въ Сумскомъ уѣздѣ, затѣмъ въ Лебединскомъ, Ахтырскомъ и наименѣе въ Богодуховскомъ, хотя урожаи свеклы по всѣмъ четыремъ уѣздамъ замѣтно не различаются, что подтверждается работами земскихъ статистиковъ Сумскаго и Богодуховскаго уѣздовъ.

По изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ Сумскомъ уѣздѣ, среднiй урожай свеклы опредѣленъ для заводскихъ хозяйствъ въ 95,1 берковца (12 пуд.).

По расчетамъ статистическаго бюро Богодуховскаго уѣзда, среднiй урожай свеклы опредѣленъ въ 97 берковцевъ. Изъ работъ этихъ несомнѣнно явствуетъ, что урожаи свеклы въ двухъ крайнихъ уѣздахъ свекловичнаго района сходственны между собою,—хотя опредѣленные ими средніе урожаи нѣсколько понижены, такъ какъ земскія статистическія работы заканчиваются 1883 годомъ, между тѣмъ, въ теченіе послѣд-

нихъ 5 лѣтъ, урожаи свеклы возвысились, вслѣдствіе улучшенія свекловичной культуры и лучшаго подбора сѣмянъ. Такъ въ этотъ 5-тилѣтній періодъ времени (84—88 г.) по свѣдѣніямъ Департамента Земледѣлія урожаи свеклы были:

Сумскій уѣздъ	124	бер.
Лебединскій	127,6	„
Ахтырскій	112,25	„
Богодуховскій	148,06	„

По свѣдѣніямъ акцизнаго надзора, напечатаннымъ въ „Вѣстникѣ Финансовъ“, средній урожай свеклы въ Харьковской губерніи, за 6 лѣтъ (85—89)—115,2 берковца, (85 г.—117 б., 86 г.—111,6 б., 87 г.—112 б., 88 г.—114,88 б., 89 г.—137,21 б., 90 г.—110 берковцевъ).

Такъ какъ наиболѣе свѣдѣній относительно урожаевъ свеклы имѣется по Сумскому уѣзду, то поэтому, при установленіи среднихъ урожаевъ свеклы, необходимо остановиться на данныхъ Сумскаго уѣзда, тѣмъ болѣе, что эти данныя обнимаютъ собою хозяйства, находящіяся въ самыхъ различныхъ условіяхъ.

По отчетамъ акцизнаго надзора и по сообщеніямъ заводскихъ хозяйствъ, средній урожай свеклы по Сумскому уѣзду, за 9-лѣтній періодъ времени (80—88) составляетъ 109,33 берковца.

Для установленія полнаго десятилѣтняго урожая не имѣется свѣдѣній за 1879 годъ, но можно съ положительностью утверждать, что присоединеніе урожая этого года не могло-бы повліять на положеніе средняго выбора, полученнаго за 9 лѣтъ, такъ какъ 1879 годъ отличался хорошимъ урожаемъ свеклы, что видно изъ данныхъ, сообщенныхъ 4-мя свекловичными хозяйствами,—изъ которыхъ видно, что урожаи свеклы въ 1879 году были слѣдующіе:

Гребениковское имѣніе графа Толстого	119	бер.
Славгородское имѣніе кн. Голицына	108	„
Тростянецкое имѣніе Кенига	146	„
Ново-Сухановское имѣніе	99,5	„

Такимъ образомъ, можно прійти къ положительному заключенію, что средній урожай сахарной свеклы за послѣднее десятилѣтіе опредѣляется въ 109,33 берк. (12 пуд.) съ десятины.

б) Относительно урожаевъ картофеля имѣются свѣдѣнія Департамента Земледѣлія за 8-милѣтній періодъ (81—88) и по этимъ свѣдѣніямъ таковъ средній урожай картофеля въ пудахъ для тѣхъ уѣздовъ губерніи, въ которыхъ картофель составляетъ предметъ полевой культуры:

Сумскій	618 пуд.
Лебединскій	465 „
Ахтырскій	473 „
Богодуховскій	494 „
Волчанскій	406 „
Харьковскій	391 „

Кромѣ того, имѣются свѣдѣнія относительно урожаевъ картофеля въ слѣдующихъ имѣній:

Сумскій уѣздъ—Желѣзнякъ (за нѣсколько лѣтъ)	750 п.
Харьковскій у.—Б. Рогозянка за 6 л. (83—88 г.)	641 „
Волчанскій у.—х. Постоялый за 6 л. (80—85)	566 „
Лебединскій у.—Зеленьковка за 4 г. (85—88)	694 „

в) Зерновая кукуруза культивируется въ Харьковской губерніи немногими хозяевами и притомъ она еще не вошла въ постоянный сѣвооборотъ, а потому свѣдѣнія объ этомъ растеніи въ изданіяхъ Департамента Земледѣлія отличаются отрывочнымъ характеромъ на столько, что ихъ невозможно подвергнуть обобщенію. Видно только, что въ теченіе послѣднихъ лѣтъ зерновая кукуруза засѣвалась въ уѣздахъ: Ахтырскомъ, Харьковскомъ, Волчанскомъ и Купянскомъ.

По сообщеніямъ отдѣльныхъ хозяйствъ урожаи кукурузы были слѣдующіе:

Тростянецкое имѣніе Кенига (кукуруза бессарабская сѣется послѣ яроваго хлѣба) за 7 л. (80—86 г.)	132,9 пуд.
Больш.-Рогозянка (Харьк. уѣзда) сѣется кукуруза Секлеръ—7 лѣтъ (83—89)	109,3 „
Лозовая А. М. Селастенникова (Богод. у.), сѣется Чинквантино 10 лѣтъ (1877—1886)	98,8 „

На основаніи столь недостаточныхъ данныхъ трудно сдѣлать опредѣлённый выводъ относительно средней урожайности зерновой кукурузы по уѣздамъ, но для центральныхъ уѣздовъ губерніи можно принять средній урожай ея въ 100 пуд. на десятину.

г) Кормовая кукуруза почти повсемѣстно оставлена въ Харьковской губерніи и замѣняется кормовою свеклою, культура же кормовой свеклы еще молодая, а потому нельзя дѣлать никакихъ выводовъ о ея средней урожайности. Одно можно сказать, что кормовая свекла въ южной половинѣ губерніи иногда даетъ невозможно высокіе урожаи—до 5000 пуд. на десятинѣ, а иногда почти совсѣмъ пропадаетъ (до 500 пудовъ). Поэтому при кормовой свеклѣ долженъ быть какой-либо запасный кормъ, способный выдерживать храненіе въ теченіе 3—4 лѣтъ, такъ какъ кормовая свекла должна скармливаться въ первомъ же году послѣ уборки.

Относительно урожайности кормовой свеклы имѣются свѣдѣнія за 12 лѣтъ (77—88 г.) изъ имѣнія графа М. М. Толстого (Лебединскаго уѣзда), изъ которыхъ видно, что средній урожай свеклы 2070 пудовъ. Изъ Бѣлгородскаго уѣзда (смежнаго съ Харьковскимъ) сообщены свѣдѣнія изъ Безсоновки относительно урожаевъ свеклы за 4 года (84—87 г.) въ 1258 пудовъ.

д) Изъ кормовыхъ травъ въ Харьковской губерніи засѣваютъ на сѣмена: эспарцетъ, люцерну и красный клеверъ. Относительно урожаевъ этихъ травъ сообщены свѣдѣнія изъ имѣнія Зеленьковки Лебединскаго уѣзда:

Красный клеверъ за 12 лѣтъ . . 9 п. 20 ф.
Люцерна за 10 лѣтъ. . . . . . 4 п. 35 ф.
Эспарцетъ за 5 лѣтъ . . . . . 32 п. 20 ф.

е) Урожаи соломы въ копнахъ или пудахъ по большей части не регистрируется даже въ экономіяхъ, ведущихъ счетоводство, а запасъ кормовъ опредѣляется саженями по длинѣ ожередовъ соломы, которые не имѣютъ какого-либо опредѣленнаго размѣра, а складываются, болѣе или менѣе, въ зависимости отъ соломоподъемныхъ приспособленій и количества рабочихъ, поставленныхъ для укладки соломы.

По записямъ двухъ имѣній—средній урожай копенъ на десятинѣ:

Валковскій уѣздъ, за 7 лѣтъ: рожь 14, озимая пшеница 13, яровая пшеница 10, ячмень 12 и овесъ 12 копенъ.

Купянскій уѣздъ, за 7 лѣтъ (81—87 г.): рожь 12, озимая пшеница 11, яровая пшеница 9, ячмень 10 и овесъ 10 копенъ.

Принимая во вниманіе эти данныя и различіе въ урожаяхъ

зерна между уѣздами, можно съ достаточною приблизительностью опредѣлить урожай соломы въ копнахъ по уѣздамъ:

Уѣзды.	Рожь.	Озимая пшен.	Яровая пшен.	Ячмень.	Овесъ.
Сумскій, Лебединскій и Ахтырскій	15	15	12	14	13
Богодуховскій, Валковскій, Волчанскій и Харьковскій	14	13	10	12	12
Зміевскій, Изюмскій и Купянскій	12	11	9	10	10
Старобѣльскій	10	8	8	8	8

По свѣдѣніямъ Зеленьковской экономіи графа М. М. Толстого, средній вѣсъ соломы въ копнѣ: ржи 10 п., озимой пшеницы 8 п., яровой пшеницы 7 п., ячменя 6 п. и овса 6 п.

Поэтому средній урожай соломы въ пудахъ составитъ на одну десятину:

Уѣзды.	Рожь.	Озимая пшен.	Яровая пшен.	Ячмень.	Овесъ.
Сумскій, Лебединскій и Ахтырскій	150	120	84	84	78
Богодуховскій, Валковскій, Волчанскій и Харьковскій	140	104	70	72	72
Зміевскій, Изюмскій и Купянскій	120	88	63	60	60
Старобѣльскій	100	64	56	48	48

II.

Мѣстныя продажныя цѣны на зерно въ Харьковской губ.

Казалось бы, что для правильнаго опредѣленія мѣстныхъ продажныхъ цѣнъ на зерно, стоило-бы только установить эту цѣну на заграничныхъ потребительныхъ рынкахъ и изъ нея вычесть фрахтовые и торговые расходы; но наша хлѣбная торговля на столько дезорганизована, что цѣны на зерно въ мѣстахъ производства колеблятся въ болѣе значительной степени и часто независимо отъ колебанія ихъ на потребительныхъ рынкахъ. Посредникъ-торговецъ, прежде чѣмъ купить продуктъ у производителя, запродаетъ его на срокъ за условленную цѣну и потомъ уже производитъ закупки, часто несуществующаго еще хлѣба, причемъ, всегда предлагаетъ

minimal'ную цѣну, какая устанавливается подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ.

При такомъ порядкѣ торговли, посредникъ этотъ почти всегда торгуетъ на чужія деньги, которыя оплачиваются высокимъ процентомъ, перелагаемымъ на производителя хлѣба.

Крупные портовые экспортеры не имѣютъ опредѣленнаго раіона для хлѣбной операціи, а получаютъ продуктъ въ томъ раіонѣ, гдѣ его въ данномъ году окажется больше и гдѣ онъ уродится лучшаго качества,—сообразно чему экспортныя конторы ежегодно мѣняютъ раіоны своей торговой дѣятельности. Гдѣ они покупаютъ, тамъ и хлѣбныя цѣны складываются для производителя нѣсколько лучше, въ остальныхъ же мѣстахъ покупаютъ хлѣбъ мелкіе „кулаки", торгующіе на чужія деньги и подбираютъ только тотъ хлѣбъ, который „лежитъ плохо", въ силу ли особенной нужды хозяина въ деньгахъ, или по невѣдѣнію относительно дѣйствительныхъ цѣнъ. Бывали примѣры, что торговцы по соглашенію съ нѣкоторыми изъ хозяевъ ставили въ договорахъ о продажѣ хлѣба низшую противъ условленной цѣну, чтобы ввести такимъ образомъ въ обманъ другихъ хозяевъ. Очевидно, что при такихъ торговыхъ порядкахъ не могутъ установиться правильныя цѣны. Кулакъ беретъ хозяина, такъ сказать, измoромъ; выхватывая хлѣбъ по немногу, онъ ожидаетъ когда и кому изъ хозяевъ придетъ крайняя нужда въ деньгахъ.

Съ другой стороны, въ періоды усиленнаго взысканія податей и повинностей, крестьяне поголовно вывозятъ свой хлѣбъ на рынокъ и тамъ продаютъ его во что-бы то ни стало, такъ какъ не наблюдалось примѣра, чтобы крестьянинъ повезъ свой хлѣбъ обратно, вслѣдствіе низкой цѣны на него; вѣдь дома его ждетъ съ нетерпѣніемъ сборщикъ. На этотъ случай и сложилась народная поговорка „своей цѣны не установишь на базарѣ".

Мѣстные торговцы—ссыпщики хлѣба нерѣдко вступаютъ въ стачку для пониженія цѣнъ.

Существуютъ крупные торговые центры у желѣзнодорожныхъ станцій, каковы: Алексѣевка, Лозовая, Барвенково, М. Перещепина, Кобеляки и др., гдѣ хлѣбная торговля основана, главнымъ образомъ, на ссыпномъ крестьянскомъ хлѣбѣ, среди котораго иногда попадаются продукты очень высокаго качества.

Продажа огромныхъ массъ крестьянскаго „податного" хлѣба дѣйствуетъ вообще угнетающимъ образомъ на хлѣбныя цѣны въ мѣстахъ производства.

Такъ какъ государство для удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей не можетъ обойтись безъ взысканія податей и повинностей, поэтому и хлѣбные рынки не могутъ быть избавлены отъ переполненія ихъ крестьянскимъ хлѣбомъ, продаваемымъ при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ.

Изъ этой неизбѣжной дилеммы могутъ вывести только „податные" элеваторы въ уѣздахъ, которые должны очищать и рассортировывать крестьянскій хлѣбъ и затѣмъ переливать его на большой хлѣбный рынокъ, минуя мѣстную торговлю, которая вступитъ тогда на болѣе правильный путь. Эти податные элеваторы съ незначительными затратами могутъ быть выстроены изъ нынѣ существующихъ запасныхъ магазиновъ, которые тогда сдѣлаются ненужными, такъ какъ въ элеваторахъ всегда можно задержать хлѣбъ для потребностей мѣстнаго населенія, если бы это понадобилось. Отъ продажи запаснаго хлѣба образовались бы громадные оборотные капиталы, которые могли бы служить регуляторомъ хлѣбныхъ цѣнъ.

Организація этого дѣла, несомнѣнно, оказала бы огромное вліяніе на хлѣбную торговлю, но разработка его должна быть предметомъ особаго изслѣдованія. Хлѣбная торговля кормитъ массу посредниковъ, совершенно не нужныхъ и оплачиваетъ незаконные поборы. Помимо крупныхъ и мелкихъ торговцевъ, крупныхъ и мелкихъ комиссіонеровъ, къ хлѣбной торговлѣ пристегнуты еще, такъ называемые „отправители", принимающіе хлѣбъ въ экономіяхъ и сдающіе его на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Отправители эти получаютъ отъ 5—10 коп. съ четверти хлѣба. При сдачѣ хлѣба на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ или при его погрузкѣ нерѣдко уплачивается секретный, повагонный сборъ въ пользу желѣзно-дорожныхъ служащихъ, каковой сборъ обыкновенно составляетъ по 3 руб. на вагонъ,—а въ экстренныхъ случаяхъ значительно возвышается.

При среднемъ урожаѣ въ 5 четв. съ десятины налогъ въ пользу отправителей и желѣзно-дорожныхъ агентовъ составляетъ 50—75 к. на посѣвную десятину, что превышаетъ сумму всѣхъ повинностей, лежащихъ на землѣ въ пользу государства, земства и сословныхъ учрежденій.

Чтобы устранить эти совершенно излишніе налоги, необхо-

димо, чтобы элеваторы принадлежали сословнымъ или земскимъ учрежденіямъ, такъ какъ частныя лица или компаніи всегда найдутъ для себя выгоднѣе платить дань желѣзнодорожнымъ агентамъ, въ виду того, что эту дань можно переложить на злополучнаго хозяина хлѣба.

Всѣ обстоятельства, указывающія на полную дезорганизацію хлѣбной торговли и на ея пренебреженіе интересами производителей, лишаютъ изслѣдователя возможности установить правильную цѣну хлѣба на мѣстахъ производства, сообразно его стоимости на потребительныхъ рынкахъ. При такомъ положеніи вещей приходится руководствоваться дѣйствительными цѣнами, по какимъ продавался землевладѣльцами хлѣбъ въ разныхъ мѣстахъ губерніи.

На цѣну продаваемаго хлѣба оказываютъ вліяніе не только его качество, но и личность продавца и его экономическое положеніе, поэтому для установленія среднихъ цѣнъ необходимо было-бы принять въ разсчетъ огромное число показаній; но въ этомъ отношеніи, какъ нарочно, замѣчается особенная бѣдность матеріала.

Во многихъ имѣніяхъ, ведущихъ счетоводство, отсутствуютъ свѣдѣнія относительно продажи продуктовъ, такъ какъ расходы производятся управляющими, ведущими отчетность въ израсходованныхъ деньгахъ, а продукты хозяйства продаются самими владѣльцами, не ведущими никакихъ счетовъ по приходу и расходу.

Тѣмъ не менѣе приходится довольствоваться тѣмъ, что имѣется подъ рукою.

Чтобы получить результаты, болѣе отвѣчающіе современному положенію нашего сельскаго хозяйства, необходимо принимать въ разсчетъ хлѣбныя цѣны, существовавшія съ 1883 года, то-есть, со времени ихъ пониженія вслѣдствіе перепроизводства хлѣба и появленія новыхъ конкурентовъ на всемірномъ хлѣбномъ рынкѣ.

Въ изданіяхъ Департамента Земледѣлія имѣются свѣдѣнія и относительно хлѣбныхъ цѣнъ, но они сведены не по уѣздно, а по цѣлой губерніи, а потому и не могутъ служить основаніемъ для разсчетовъ.

Для установленія продажныхъ цѣнъ на зерно имѣются свѣдѣнія, извлеченныя изъ экономическихъ записей за различные періоды времени. Чтобы получить возможно правильный

результатъ, при существующемъ матеріалѣ, необходимо свести всѣ имѣющіяся свѣдѣнія къ одному періоду времени (83—88 годы).

Имѣются свѣдѣнія изъ слѣдующихъ имѣній:

У ѣ з д ы.	Рожь.	Озимая пшеница.	Яровая пшеница.	Ячмень.	Овесъ.
	Цѣна въ копѣйкахъ за пудъ.				
Лебединскій.					
Боброво (50 в. отъ ст. Боромля) . . .	49,6	85	83,5	47,8	42,6
Будки (30 в. отъ ст. Виры)	56,4	86,4	84,5	51,2	
Терны (25 в. отъ ст. Бѣлополье) . . .	54,1	88,8	86,0	51.8	46,6
	53,3	86,7	84,6	50,3	44,6
Харьковскій.					
Больш.-Рогозянка (18 в. отъ ст. Дергачи)	52,5	87,2	—	52,8	46
Зміевскій.					
Орловка (15 в. отъ ст. Краснопавловки)	54,1	87,5	86,5	49,1	53
Изюмскій.					
Софіевка (50 в. отъ ст. Барвенково) .	52,8	86,6	85,5	46,3	48
Купянскій.					
По Жеребцу (55 в. отъ ст. Славянскъ)	45	76,3	76,3	40,6	41

Свѣдѣнія эти не могутъ быть приняты въ разсчетъ безъ измѣненій, такъ какъ вышеозначенныя имѣнія находятся въ различныхъ разстояніяхъ отъ желѣзнодорожныхъ станцій, а эти разстоянія вліяютъ на мѣстную цѣну хлѣбныхъ продуктовъ. Съ удаленіемъ отъ желѣзной дороги хлѣбныя цѣны падаютъ въ большей степени, чѣмъ увеличивается стоимость гужевой доставки, купцы берутъ съ хозяина извѣстную плату за безпокойство, причиняемое отдаленной поѣздкою при покупкѣ хлѣба. Для полученія среднихъ хлѣбныхъ цѣнъ нужно поставить ихъ въ зависимость отъ среднихъ разстояній до желѣзно-дорожныхъ станцій въ каждомъ изъ уѣздовъ губерніи.

Приблизительныя среднія разстоянія для гужевой доставки

хлѣба, изъ уѣздовъ Харьковской губерніи, до станцій желѣзныхъ дорогъ, выразятся слѣдующей таблицей:

Уѣзды.	Желѣзно-дорожныя станціи.	Какой дороги.	Разстояніе.
Сумскій	Отъ ст. Ворожба до ст. Сыроватка.	Сумскій участокъ Хар.-Ник. ж. д.	13
Лебединскій	Отъ ст. Ворожба до ст. Тростянецъ.	Той-же	25
Ахтырскій	Отъ ст. Сумы до стан. Яблочное.	Той-же	23
Богодуховскій	Отъ ст. Яблочное до ст. Максимовка.	Той-же	—
	Отъ ст. Люботинъ до ст. Кочубеевки.	Хар.-Ник. ж. д.	18
Валковскій	Отъ ст. Люботинъ до ст. Кочубеевки.	Той-же	—
	Отъ ст. Мерефа до ст. Борки.	Хар.-Аз. ж. д.	16
Харьковскій	Отъ ст. Казачья-Лопань до ст. Мерефа	Той-же	—
	Отъ ст. Максимовки до ст. Люботинъ.	Хар.-Ник. ж. д.	15
Волчанскій	Отъ ст. Бѣлгородъ до ст. Харьковъ.	Хар.-Аз. ж. д.	70
Зміевскій	Отъ ст. Мерефы до ст. Лозовая.	Той-же	28
Изюмскій	Отъ ст. Краснопавловки до ст. Дружковки	Той-же	25
Купянскій	Отъ ст. Харьковъ до ст. Славянскъ.	Той-же	85
Старобѣльскій	Отъ ст. Михайловки до ст. Миллерово.	Коз.-Вор.-Рос. ж. д.	—
	Отъ ст. Луганскъ до ст. Лисичанскъ.	Донецкой ж. д.	60

По даннымъ, извлеченнымъ изъ экономическихъ книгъ гужевая доставка хлѣба обходится среднимъ числомъ за пудъ.

до	10 верстъ	отъ	1,8	до	2	коп.
„	20 „	„	2,8	„	3	„
„	30 „	„	3,5	„	4,25	„
„	40 „	„	4,75	„	5,50	„
„	50 „	„	6,00	„	6,75	„

до	60 верстъ	отъ	7,25	до	8,00	коп.
„	70 „	„	8,50	„	9,25	„
„	80 „	„	9,75	„	10,50	„
„	90 „	„	11,0	„	11,75	„
„	100 „	„	12,25	„	13,00	„

Принимая во вниманіе стоимость доставки хлѣба къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ, а также тѣ цѣны, какія извлечены изъ экономическихъ книгъ по дѣйствительной продажѣ зерна на мѣстахъ, можно принять съ возможною приблизительностію слѣдующія цѣны по уѣздамъ:

Уѣзды.	Рожь.	Озимая пшеница.	Яровая пшеница.	Ячмень.	Овесъ.
Сумскій	54	88	86	51	45
Лебединскій	53	86	84	50	44
Ахтырскій	52	85	83	49	43
Богодуховскій	52	85	83	49	43
Валковскій	53	86	84	50	44
Харьковскій	52	86	84	52	46
Волчанскій	44	78	76	42	40
Зміевскій	51	85	83	49	45
Изюмскій	52	86	84	50	44
Купянскій	42	76	75	40	40
Старобѣльскій	45	78	80	42	42
	50,0	83,5	82	47,7	43,1

По свѣдѣніямъ Департамента Земледѣлія, среднія цѣны по Харьковской губерніи за 7-лѣтній періодъ времени (83—89 г.), составляли за пудъ:

Рожь 52,3 к., озимая пшеница—84,4 к., яровая пшеница—80,1 к., ячмень—48,5 к., овесъ—46 коп.

Цѣны эти мало разнятся отъ тѣхъ, которыя опредѣлены выше по дѣйствительной продажѣ экономическихъ хлѣбовъ и по соображенію со средними разстояніями до желѣзнодорожныхъ станцій.

Установленіе среднихъ цѣнъ составляетъ самый трудный для рѣшенія вопросъ, такъ какъ онѣ колеблятся и отъ качества зерна и по времени года и по состоянію грунтовыхъ и желѣзныхъ дорогъ,—а также находятся въ зависимости отъ большей или меньшей состоятельности посредниковъ торговцевъ, отъ состоянія заграничныхъ рынковъ и денежнаго курса и даже отъ времени взысканія податей и повинностей.

По этимъ причинамъ для установленія среднихъ величинъ необходимо имѣть подъ рукою огромное число данныхъ, въ массѣ которыхъ могли бы потонуть всѣ эти побочныя вліянія; между тѣмъ, въ дѣйствительности въ нашемъ распоряженіи имѣются самыя скудныя свѣдѣнія. Справочныя цѣны, доставляемыя волостными правленіями, составляются чрезвычайно небрежно и не отвѣчаютъ дѣйствительнымъ базарнымъ цѣнамъ, а потому онѣ не могутъ быть приняты даже въ соображеніе.

При установленныхъ въ предыдущей таблицѣ среднихъ цѣнахъ на зерно и при среднихъ урожаяхъ продуктовъ полеводства валовая доходность посѣвовъ, производимыхъ на владѣльческихъ земляхъ опредѣлится слѣдующимъ образомъ для каждаго изъ уѣздовъ губерніи.

Уѣзды.	Рожь.	Озимая пшеница.	Яровая пшеница.	Ячмень.	Овесъ.	Среднее по уѣзду.
Сумскій	37,48	60,81	43,00	31,00	30,0	40,45 р.
Лебединскій	32,44	56,16	39,48	28,45	24,95	36,29 „
Ахтырскій	31,36	54,65	37.43	26,70	22,76	34,58 „
Богодуховскій	30,89	50,32	37,43	26,31	21,71	33,33 „
Валковскій	30,53	47,30	36,12	26,85	20,42	32,24 „
Харьковскій.	29,00	41,28	31,58	20,96	21,34	28,83 „
Волчанскій	24,55	37,44	28,57	16,98	18,56	25,21 „
Зміевскій	24,79	35,10	26,64	19,75	18,70	24,99 „
Изюмскій	23,40	32,25	25,28	20,15	19,14	24.04 „
Купянскій	18,48	28,50	22,57	16,12	17,40	20,61 „
Старобѣльскій	17,01	27,69	23,28	16,59	15,83	20,08 „
Среднее по губерніи . .	27,27	42,90	31,90	22,70	21,00	29,15 р.

Доходность ржи и проса выпускается, такъ какъ эти хлѣба засѣваются владѣльцами въ ничтожномъ количествѣ (около 1%), да и то по большей части испольно.

III.

Количество и стоимость зерна высѣваемаго на одной десятинѣ въ разныхъ уѣздахъ Харьковской губерніи.

Количество высѣваемаго на одной десятинѣ зерна находится въ зависимости отъ почвенныхъ и климатическихъ условій данной мѣстности, а также отъ качества зерна и времени производства посѣвовъ.

По свѣдѣніямъ Департамента Земледѣлія, собраннымъ отъ землевладѣльцевъ въ 1883 г., среднее количество высѣваемаго зерна, по переводѣ мѣръ въ пуды, опредѣляется такимъ образомъ:

Уѣзды.	Рожь.	Озимая пшеница.	Яровая пшеница.	Ячмень.	Овесъ.
Сумскій, Лебединскій и Ахтырскій	9	7,8	8,8	7,7	9,0
Богодуховскій, Валковскій, Харьковскій и Волчанскій	7,9	7,8	6,6	7,7	8,3
Зміевскій, Изюмскій, Купянскій и Старобѣльскій	7,3	7,8	5,2	7,2	7,1
Среднее	8,1	7,8	6,9	7,5	8,1

По свѣдѣніямъ Центральнаго Статистическаго Комитета среднее количество высѣваемаго зерна по 3-хъ лѣтнему выводу (83—85 г.) составляетъ:

	Рожь.	Озимая пшеница.	Яровая пшеница.	Ячмень.	Овесъ.
I-й раіонъ	8,8	9,1	8,9	8,9	9,3
II-й раіонъ	8,6	8,6	8,2	8,6	8,9
III-й раіонъ	7,7	7,9	7,2	7,2	7,0
	8,4	8,5	8,1	8,2	8,4

Повидимому свѣдѣнія Центральнаго Статистическаго Комитета, относительно количества высѣваемаго зерна, точнѣе данныхъ Департамента Земледѣлія, основанныхъ на маломъ числѣ сообщеній, въ числѣ которыхъ могли встрѣтиться, выражающія оригинальный взглядъ на предметъ. Кромѣ того, свѣдѣнія доставленныя Депертаменту Земледѣлія, несомнѣнно касаются и рядоваго и разбросного сѣва, что при маломъ числѣ корреспондентовъ могло повлiять на средній выводъ въ ту или другую сторону,—смотря по тому сколько корреспонденцій касалось рядового, а сколько разбросваго сѣва.

Свѣдѣнія Центральнаго Статистическаго Комитета основаны на отзывахъ болѣе значительнаго числа лицъ и притомъ о такомъ предметѣ,—сужденіе о которомъ доступно всякому хозяину, не имѣющему никакого понятія о счетоводствѣ.

По среднему выводу изъ свѣдѣній, полученныхъ Департаментомъ Земледѣлія и Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ количество высѣваемаго зерна опредѣляется такъ:

		Рожь.	Озимая пшеница.	Яровая пшеница.	Ячмень.	Овесъ.
I-й раіонъ	Свѣд. Департ. Земледѣлія	9	7,8	8,8	7,7	9,0
	Свѣд. Центр. Стат. Ком.	8,8	9,1	8,9	8,9	9,3
	Среднее.	8,9	8,4	8,8	8,3	8,1
II-й раіонъ	Свѣд. Департ. Земледѣлія	7,9	7,8	6,6	7,7	8,3
	Свѣд. Центр. Стат. Ком.	8,6	8,6	8,2	8,6	8,9
	Среднее.	8,2	8,2	7,4	8,1	8,6
III-й раіонъ	Свѣд. Департ. Земледѣлія	7,3	7,8	5,2	7,2	7,1
	Свѣд. Центр Стат. Ком.	7,7	7,9	7,2	7,2	7,0
	Среднее.	7,5	7,8	6,2	7,2	7,0
	Среднее по губерніи .	8,2	8,1	7,5	7,9	8,2

Изъ этимъ данныхъ видно, что наиболѣе густой сѣвъ производится въ уѣздахъ сѣверо-западныхъ, менѣе страдающихъ отъ засухъ и сорныхъ травъ, уничтожаемыхъ пропашными растеніями. Затѣмъ густота сѣва постепенно уменьшается по направленію на юго-востокъ губерніи и достигаетъ minimum'а въ уѣздахъ съ переложнымъ сѣвооборотомъ и наиболѣе страдающихъ отъ засухъ, такъ какъ густой сѣвъ болѣе испаряетъ почвенной влаги.

По свѣдѣніямъ, непосредственно-сообщеннымъ хозяевами и извлеченнымъ изъ экономическихъ записей количество высѣваемаго на одной десятинѣ зерна таково:

	Рожь.	Озимая пшеница.	Яровая пшеница.	Ячмень.	Овесъ.
I-й раіонъ.					
Лебединскій уѣздъ:					
Голубовка	8,0	8,0	9,0	8,5	11,7
Зеленьковка	8,3	8,7	9,5	8,5	—
Терны	9,1	9,0	9,5	9,0	9,5
Будки	8,5	8,5	8,5	8,5	11,0
Буймиръ	8,0	8,0	8,5	8,5	9,0
	8,4	8,4	9,0	8,6	10,5
II-й раіонъ.					
Валковскій, Харьковскій и Волчанскій уѣзды:					
Должикъ	8,5	8,2	8,0	8,7	9,0
Ст. Водолага	8,0	8,5	8,0	—	9,0
Бѣлый Колодецъ	8,6	9,0	8,0	8,0	8,6
Великій Бурлукъ	7,9	8,4	8,2	7,7	7,5
Титовка	8,0	8,0	7,5	8,0	8,2
	8,2	8,4	7,9	8,1	8,5

III-й раіонъ. Зміевскій, Изюмскій, Купянскій и Старобѣльскій уѣзды:	Рожь.	Озимая пшеница.	Яровая пшеница.	Ячмень.	Овесъ.
Пятигорскъ	9,0	9,6	7,8	7,8	—
Доброполье	7,0	7,0	6,5	9,0	9,0
Отрада	7,9	8,3	8,3	6,7	7,5
Орловка	7,7	7,8	8,5	—	7,5
Николаевка	7,9	8,0	7,0	8,0	9,0
Млинки	7,5	8,0	7,10	7,8	9,0
Виноградное	8,6	8,5	7,5	—	8,6
Трудолюбовка	7,0	7,0	6,0	7,5	7,5
Маргаритовка	8,0	8,0	6,0	8,0	—
Комаровка	8,5	8,5	7,8	7,8	9,0
Софіевка	8,2	8,2	7,5	9	9,1
Веселая	8,0	8,0	6,0	9	9
Александровка-Лозная	8,2	8,5	7,3	—	8,6
	8,0	8,1	7,2	8,1	8,5

Сравнивши эти свѣдѣнія съ результатами средняго вывода, полученнаго на основаніи свода данныхъ Департамента Земледѣлія и Центральнаго Статист. Комитета получимъ:

		Рожь.	Озимая пшеница.	Яровая пшеница.	Ячмень.	Овесъ.
I раіонъ.	а) Сводныя данныя	8,9	8,4	8,8	8,3	9,1
	б) По сообщенію хозяевъ.	8,4	8,4	9,0	8,6	10,5
II раіонъ.	а) Сводныя данныя	8,2	8,2	7,4	8,1	8,6
	б) По сообщенію хозяевъ.	8,2	8,4	7,9	8,1	8,5
III раіонъ.	а) Сводныя данныя	7,5	7,8	6,2	7,2	7,0
	б) По сообщенію хозяевъ.	8,0	8,1	7,2	8,1	8,5

Изъ этой сравнительной таблицы видно, что для I и II раіоновъ губерніи общій выводъ, полученный изъ свѣдѣній Департамента Земледѣлія и Центральнаго Статистическаго Комитета весьма близко подходитъ къ сообщеніямъ хозяевъ, что же касается III-го юго-восточнаго раіона губерніи, то здѣсь для яровыхъ хлѣбовъ получилась значительная разница, которая объясняется тѣмъ, что свѣдѣнія сообщались хорошими хозяевами, которые имѣютъ возможность производить болѣе густой сѣвъ при удобреніи и лучшей обработкѣ земли.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ можно прійти къ положительному заключенію, что средній выводъ относительно количества высѣваемаго зерна, полученный изъ данныхъ Департамента Земледѣлія и Центральнаго Статистическаго Комитета можетъ быть принятъ за близкій къ дѣйствительности.

Стоимость же высѣваемаго на одной десятинѣ зерна выразится въ слѣдующей таблицѣ:

Уѣзды.	Рожь.	Озимая пшеница.	Яровая пшеница.	Ячмень.	Овесъ.
Сумскій	4,80	7,39	7,56	4,23	4,09
Лебединскій	4,71	7,22	7,49	4,15	4,00
Ахтырскій	4,63	7,14	7,30	4,07	3,91
Богодуховскій	4,26	6,97	6,14	3,97	3,70
Валковскій	4,35	7,05	6,22	4,05	3,78
Харьковскій	4,26	7,05	6,22	4,05	3,78
Волчанскій	3,60	6,40	5,62	3,40	3,44
Зміевскій	3,82	6,63	5,15	3,53	3,01
Изюмскій	3,90	6,70	5,21	3,60	3,08
Купянскій	3,15	5,93	4,65	2,88	2,80
Старобѣльскій	3,38	6,08	4,96	3,10	2,94
	4,08	6,78	6,04	3,82	3,50

IV.

Опредѣленіе для Харьковской губерніи стоимости рабочихъ рукъ и упряжнаго дня лошади и пары воловъ.

A) Всѣ сельско-хозяйственныя работы выполняются въ Харьковской губерніи сроковыми, мѣсячными или поденными рабочими.

Пахать и вообще подготовка земли къ посѣву преимущественно и почти исключительно выполняются лѣтними сроковыми рабочими, которые нанимаются отъ начала весны до 1 ноября или 14 ноября.

Посѣвъ и молотьба выполняются больше мѣсячными и частію поденными.

Уборка хлѣбовъ во всей сѣверо-западной половинѣ губерніи производится только издѣльно, десятинщиками, а юго-восточной по преимуществу поденными и чѣмъ выше урожай, тѣмъ большая часть хлѣба убирается поденными, такъ какъ въ такомъ случаѣ всегда прибѣгаютъ къ найму пришлыхъ рабочихъ, которые нанимаются большею частію поденно съ недѣльнымъ расчетомъ и рѣдко помѣсячно. Только въ годы полныхъ неурожаевъ въ юго-восточныхъ уѣздахъ губерніи хлѣба убираются издѣльно мѣстнымъ населеніемъ.

Не малая доля экономическихъ хлѣбовъ убирается крестьянами по условіямъ съ владѣльцами за пользованіе землею и пастьбу скота на владѣльческихъ земляхъ, а также за солому, полову, хмызъ и пр.

Стоимость поденныхъ рабочихъ измѣняется по времени года, а стоимость рабочаго дня мѣсячныхъ и сроковыхъ рабочихъ весьма мало разнится отъ поденныхъ, а при дурной организаціи работъ, поденные рабочіе обходятся дешевле сроковыхъ; такъ въ одномъ имѣніи Лебединскаго уѣзда, средняя цѣна поденныхъ за 8 лѣтнихъ мѣсяцевъ была 35 коп., а рабочій день сроковыхъ обошелся экономіи по 40 коп.

По свѣдѣніямъ Департамента Земледѣлія за 7-лѣтній періодъ времени (1882—1888 года) стоимость поденныхъ рабочихъ составляла:

Уѣзды.	При посѣвѣ.				Во время уборки хлѣбовъ.			
	Рабоч.		Работница.		Рабоч.		Работница.	
Сумскій	42,0	1-й р. 37,3	26	1-й р. 25,3	66	64	42,5	44
Лебединскій . . .	33,3		25		62,5		46,1	
Ахтырскій . . .	36,6		25		63,3		44,1	
Богодуховскій . .	35,8	2-й р. 34,7	26,1	2-й р. 24,9	73,3	68,7	47,8	45,2
Валковскій . . .	37,5		27,5		68,3		44.0	
Харьковскій . .	37,0		23,7		70,8		49,3	
Волчанскій . . .	28,5		22,3		62,5		39,7	
Зміевскій	37,5	3-й р. 35,5	25,1	3-й р. 24,6	73,3	72,9	46,1	47,1
Изюмскій . . .	36,3		25		72,5		48,1	
Купянскій . . .	31,6		20,7		85,0	85,0	50,5	50,5
Старобѣльскій . .	35,5		24,6		101,7	101,7	55,3	55,3
Среднее . .	35,6		24,8		74,2		46,7	

По хозяйственнымъ учетамъ, произведеннымъ въ Харьковской губерніи, средняя годовая стоимость рабочаго и полурабочаго дня (въ томъ числѣ и женскаго) опредѣляется такимъ образомъ:

	Рабочій день.	1/2 рабочій день.
Шебекино	40	25
Славгородъ	41,5	30
Тростянецъ	50	40
Будки	50	—
Безсоновка	40	28
Бѣлый Колодецъ	32	24
Терны	40	28
Зеленьковка	42	30
Харьковская ферма	42,3	28,3
Александр. Лозная	35,0	25,0
	41,28	28,6

Изъ данныхъ, опубликованныхъ Департаментомъ Земледѣлія, видно, что цѣны поденныхъ рабочихъ, за исключеніемъ времени уборки хлѣбовъ, колеблятся въ весьма незначительной степени въ разныхъ уѣздахъ губерніи, такъ что для разсчетовъ можетъ быть принимаема средняя цѣна по губерніи.

Свѣдѣнія относительно дѣйствительной стоимости рабочаго дня, на основаніи хозяйственныхъ учетовъ, не могли быть приведены по всѣмъ уѣздамъ губерніи, но средній выводъ изъ нихъ можетъ быть допущенъ для всѣхъ уѣздовъ, такъ какъ въ этомъ выводѣ не заключается данныхъ по уборкѣ хлѣбовъ поденными рабочими, стоимость которыхъ замѣтно колеблется въ разныхъ мѣстахъ губерніи.

Отбросивъ дроби, можно принять рабочій день въ 41 к., а полурабочій (въ томъ числѣ и женскій) въ 29 коп.

Б) Стоимость упряжнаго дня лошади и пары воловъ по хозяйственнымъ учетамъ получается раздѣленіемъ стоимости ихъ содержанія на число проработанныхъ дней и по различнымъ имѣніямъ губерніи, относительно которыхъ имѣются свѣдѣнія, опредѣляется въ такомъ размѣрѣ:

	Рабочій день лошади.	Раб. день пары воловъ.
Шебекино	45	50
Славгородъ	35	50
Троицкое	34	30
Тростинецъ	40	60
Бѣлый Колодецъ	40	35
Терны	42	54
Зеленьковка	30	40
Ферма Мин. Госуд. Имуществъ	46,4	40
Александровская-Лозная	30	26
Безсоновка	52,7	54,3
	39,51	43,93

Число выработанныхъ дней лошадьми и волами определяется различно, въ зависимости отъ организацiи работъ и системы полеводства:

	Конскихъ.	Пароволов.
Терны	191,0	175,20
Тростянецъ	173,76	109,44
Славгородъ	210,00	200,00
Троицкое	300,00	200,00
Александр. Лозная	230,00	180,00
	220,9	172,5

Стоимость упряжнаго дня находится въ зависимости, помимо организацiи хозяйства, отъ стоимости кормовъ, что въ свою очередь зависитъ отъ цѣнности земли, оказывающей влiянiе на оцѣнку кормовъ и пастьбищъ. По этому несомнѣнно, что въ сѣверныхъ уѣздахъ губернiи стоимость упряжнаго дня должна быть нѣсколько выше, чѣмъ въ южныхъ, хотя различiе это въ значительной степени сглаживается различiемъ въ урожаѣ травъ.

Стоимость упряжнаго дня еще въ большей степени находится въ зависимости отъ огранизацiи полевыхъ работъ.

При многопольномъ сѣвооборотѣ рабочiй скотъ употребляется въ работу болѣе равномѣрно въ теченiе года и большее число дней,—при трехпольномъ же и въ особенности переложномъ хозяйствѣ численность рабочаго скота разсчитана для экстреннаго выполненiя работъ въ возможно кратчайшiй срокъ. Хотя при экстенсивномъ хозяйствѣ скотъ менѣе работаетъ, а слѣдовательно и требуетъ меньше корма и ремонта, но это обстоятельство не можетъ вознаградить хозяина за прогульные дни, которые неминуемы въ трехпольномъ или переложномъ сѣвооборотѣ.

Само собою разумѣется, что приведенный выше результатъ хозяйственнаго учета стоимости упряжнаго дня имѣетъ значенiе для хозяйствъ, въ которыхъ существуетъ какая либо организацiя въ работахъ, но въ большинствѣ хозяйствъ не существуетъ никакой организацiи, а потому и стоимость упряжнаго дня можетъ колебаться въ значительныхъ предѣлахъ, а въ зависимости отъ этого получается различная стоимость сельско-хозяйственнаго производства. Отсюда такое разногласiе во взглядахъ хозяевъ на прибыльность или убыточность сельско-хозяйственнаго промысла. Въ одной экономiи Харь-

ковской губерніи, придерживающейся 6-ти польнаго сѣвооборота, волы вырабатываютъ всего 80 дней въ году, а лошади 96 дней. Принимая во вниманіе вышеприведенные хозяйственные учеты, опредѣляющіе среднюю годовую стоимость упряжнаго дня конскаго и пароволоваго, а также различіе въ стоимости содержанія скота, можно установить слѣдующія нормы для 3-хъ раіоновъ губерніи.

	Стоимость рабочаго дня.	
	Лошади.	Пары вол.
1. Сумскій, Лебединскій, Ахтырскій и Богодуховскій . . .	42	52
2. Валковскій, Харьковскій и Волчанскій	39	42
3. Змиевскій, Изюмскій, Купянскій и Старобѣльскій. . . .	36	32
Среднее	39	42

При опредѣленіи стоимости упряжнаго дня приняты во вниманіе всѣ расходы по содержанію рабочаго скота, какъ-то: кормъ, присмотръ, помѣщеніе, % на капиталъ и пр. Въ различныхъ хозяйствахъ скотъ получаетъ весьма разнообразный кормъ, и въ различной пропорціи, такъ какъ количество отпускаемаго корма находится въ зависимости отъ того запаса его, какой имѣется въ распоряженіи хозяина. Съ кормовыми нормами справляются весьма немногіе, а еще рѣже ими руководствуются. Несомнѣнно одно, что всякій хозяинъ старается по возможности использовать прежде всего солому, сбоину и полову, чтобы поменьше скормить сѣна. Въ неурожайные на сѣно годы многіе хозяева совсѣмъ его не даютъ скоту, а замѣняютъ соломенною рѣзкою и половою, которыя обмѣшиваются мукою и дертью, во время употребленія скота въ работу. Скотъ получаетъ лучшій кормъ передъ началомъ весеннихъ работъ, да въ началѣ зимы, такъ какъ между хозяевами распространено мнѣніе, что лучше подкормленный скотъ, легче выдерживаетъ холода и потребуетъ впослѣдствіи менѣе питательнаго корма.

По отношенію продолжительности зимняго кормленія скота, Харьковскую губернію можно раздѣлить на 3 раіона:

I раіонъ. уѣзды: Сумскій, Лебединскій, Ахтырскій и Богодуховскій—180 дней, отъ 20 октября по 20 апрѣля.

II раіонъ уѣзды: Валковскій, Харьковскій и Волчанскій—170 дней отъ 25 октября по 15 апрѣля.

III раіонъ уѣзды: Зміевскій, Изюмскій, Купянскій и Старобѣльскій—160 дней, отъ 30 октября до 10 апрѣля.

Разница въ продолжительности зимняго кормленія происходитъ не столько отъ климатическихъ условій, сколько отъ различія въ характерѣ пастьбищъ. Въ южныхъ уѣздахъ болѣе твердыя пастьбища, ранѣе заростаютъ съ весны травою и не такъ скоро выбиваются скотомъ.

Въ хозяйствахъ корма задаются скоту въ такомъ разнообразномъ количествѣ, что не представляется никакой возможности вывести среднія величины при ограниченномъ числѣ практическихъ данныхъ.

Относительно количества расходуемыхъ кормовъ имѣются свѣдѣнія изъ слѣдующихъ экономій:

На 1 лошадь:	Шебекино . . .	90	п. сѣна	90	п. сол.	91,5	пуд. овса.
	Троицкое . . .	136	"	90	"	112	" "
	Александр. Лозная	150	"	90	"	54	" "
	Славгородъ . .	100	"	35,5	"	62	" "
	Зеленьковка . .	42,5	"	50,0	"	24	" "
На 1-го вола:	Шебекино . . .	25	"	105	"	48	п. свек. жому.
	Зеленьковка . .	42,5	"	85	"	85	п. бурак.
	Славгородъ . . .	125	"	65	"	40	свек. жому.
	Троицкое . . .	65	"	120	"	450	в. барды.
	Александр. Лозная	140	"	60	"	60	"
	Цыглеровка . . .	80	"	120	"	120	бураковъ.

Въ зимніе мѣсяцы работаютъ преимущественно лошади, волы же находятся почти въ покоѣ. По свѣдѣніямъ Тростянецкой экономіи, лошадь работаетъ въ зимній мѣсяцъ 12,18 дней, а волъ только 5,07 дней.

Придерживаясь нормъ Вольфа, дневную дачу корма можно принять въ такомъ размѣрѣ, а) для одного вола:

	Усвояемыхъ.			
	Протеина.	Жира.	Безаз. вещ.	
15 ф. посредствен. сѣна .	0,81	0,16	3,80	
30 ф. соломы яровой . .	0,42	0,15	4,43	
10 ф. половы и сбоины .	0,42	0,11	3,32	
Итого . . .	1,65	0,42	11,55	Отношеніе 1:7

	Протеина.	Жира.	Безаз. вещ.
	УСВОЯЕМЫХЪ.		
Норма для вола въ 25 п. вѣсомъ при умѣренной работѣ	1,60	0,30	11,3

б) для лошади:

	Усвояемыхъ.		
	Протеина.	Жира.	Безаз. вещ.
10 ф. хорошаго сѣна . . .	0,85	0,30	3,83
15 ф. соломы	0,21	0,07	2,23
8 ф. овса	0,75	0,40	3,50
Итого . . .	1,81	0,77	9,56

Норма для лошади 25 пуд. вѣса при умѣренной работѣ	1,80	0,60	11,2

Такъ какъ средній вѣсъ рабочей лошади не болѣе 20 пудовъ, то приведенная дневная дача корма достаточна будетъ и для усиленной работы.

Принявъ въ основаніе приведенныя выше дневныя дачи корма, опредѣлимъ годовой расходъ на содержаніе лошади и пары воловъ по раіонамъ:

І-й раіонъ: Сумскій, Лебединскій, Ахтырскій и Богодуховскій уѣзды, на 180 дней зимняго кормленія:

а) Для пары воловъ: 135 пуд. сѣна, 270 пуд. соломы и 45 п. половы.

б) Для лошади: 45 пуд. сѣна, 67,8 п. соломы и 36 п. овса. Озимой соломы на подстилку по 50 п. на штуку.

ІІ-й раіонъ: Валковскій, Харьковскій и Волчанскій на 170 дней зимняго кормленія:

а) Для пары воловъ: 127,5 пуд. сѣна, 255 яровой соломы и 42,5 пуд. половы.

б) Для лошади: 42,5 п. сѣна, 63,7 п. соломы и 34 п. овса. Озимой соломы на подстилку по 45 пуд. на штуку.

ІІІ-й раіонъ: Зміевскій, Изюмскій, Купянскій и Старобѣльскій уѣзды на 160 дней зимняго кормленія:

а) Для пары воловъ 120 п. сѣна, 240 п. яров. соломы и 40 пуд. половы.

б) Для лошади: 40 пуд. сѣна, 60 пуд. соломы и 31 п. овса. Озимой соломы на подстилку по 40 п. на штуку.

При учетѣ стоимости упряжной силы обыкновенно принимаютъ слѣдующія цѣны на корма:

	Сѣно.	Яровая солома и полова.	Озимая солома.	Овесъ.
I раіона (за пудъ)	20	7,5	3,0	45
II раіона "	16	6,0	2,5	44
III раіона "	12	5,0	2,0	43
Копѣекъ . .	16	6	2,5	44

При этихъ цѣнахъ кормовыхъ средствъ, зимнее содержаніе рабочаго скота обходится:

ПАРЫ ВОЛОВЪ.

I-й раіонъ:	135 пуд. сѣна по 20 коп.	27	руб.
	270 пуд. яровой соломы по 7,5 к. .	20,25	"
	45 пуд. половы по 7,5 к.	3,37	"
	100 пуд. озимой соломы по 3 к. . .	3,00	"
		53,62	"
II-й раіонъ:	127,5 пуд. сѣна по 16 к.	20,40	"
	255 п. яр. соломы по 6 к.	15,30	"
	42,5 пуд. половы по 6 коп. . . .	2,15	"
	90 пуд. оз. соломы по 25 коп. . .	2,25	"
		40,10	"
III-й раіонъ:	120 п. сѣна по 12 к.	14,40	"
	240 п. яр. соломы по 5 к.	12,00	"
	40 п. половы по 5 к.	2,00	"
	80 п. оз. соломы по 2 к.	1,60	"
		30,00	"

ЛОШАДИ.

I-й раіонъ:	45 п. сѣна по 20 к.	9,00	"
	67,5 п. яров. соломы по 7,5 к. . . .	5,06	"
	36 п. овса по 45 к.	16,20	"
	50 п. оз. соломы по 3 к.	1,50	"
		31,76	"

II-й раіонъ:	42,5 пуд. сѣна по 16 к.	7,80	руб.
	63,7 пуд. яр. соломы по 6 к.	3,82	„
	34 пуд. овса по 44 к.	14,96	„
	50 п. оз. соломы по 2,5 к.	1,25	„
		27,83	„
III-й раіонъ:	40 п. сѣна по 12 к.	4,80	„
	60 п. соломы по 5 к.	3,00	„
	31 п. овса по 43 к.	13,33	„
	50 п. оз. соломы по 2 к.	1,00	„
		22,13	„

Кромѣ того, нужно отнести на содержаніе упряжной силы слѣдующіе расходы:

	Лошади.	Пары воловъ
Присмотръ и подвозка корма	4	10,00
Ремонтъ животныхъ (лошадь въ теченіе 10 лѣтъ теряетъ 3/4 стоимости своей, а волъ въ теченіе 5 лѣтъ 1/4) . .	3,00	5,00
8% на стоимость животныхъ (лошадь 40 р., волъ 50 р.) .	3,20	8,00
6% на цѣнность строеній (20 и 15 р. на штуку) . . .	1,20	1,80
Ремонтъ и страхованіе строеній 3%	0,60	0,90
Ремонтъ и погашеніе упряжи	2,50	0,50
Ковка лошадей	1,60	—
Медикаменты	0,30	0,60
Итого.	16,40	26,80

Затѣмъ полная стоимость содержанія рабочихъ животныхъ получится:

	Лошади.	Пары воловъ
	Рубли.	
I-й раіонъ	48,16	80,42
II-й раіонъ	44,23	66,90
III-й раіонъ	38,53	56,80
Среднее	43,60	68,00

Такъ какъ наши хозяйства по большей части страдаютъ отсутствіемъ организаціи, то поэтому нельзя принять для разсчета высшаго числа упряжныхъ дней, приходящихся на одну лошадь и пару воловъ.

Въ имѣніи Александровка-Лозная, гдѣ ведется экстенсивное, переложное хозяйство, лошадь работаетъ 230 дней, а волъ 180 дней въ году. Такъ какъ въ этомъ имѣніи существуетъ правильная организація работъ, то означенное число дней не можетъ быть принято для средняго имѣнія; а потому представляется наиболѣе близкимъ къ дѣйствительности принять для лошади 180 упряжныхъ дней, а для воловъ 150 дней. При такомъ напряженіи работы стоимость упряжнаго дня составляетъ:

	Лошади.	Пары воловъ
	Копѣекъ.	
I-й раіонъ	26,7	53,60
II-й раіонъ	24,6	44,60
III-й раіонъ	21,4	38,00
	24,2	45,4

Получившійся выводъ относительно пароволоваго дня весьма близокъ къ приведеннымъ выше экономическимъ учетамъ (43,93 коп.),—стоимость же конскаго дня значительно разнится отъ хозяйственныхъ учетовъ,—при которыхъ принимается во вниманіе содержаніе не только рабочихъ, но и упряжныхъ лошадей, которыя содержатся на конюшнѣ круглый годъ и получаютъ лучшій кормъ. Такъ въ Славгородской экономіи на 55 рабочихъ лошадей содержится 15 разъѣздныхъ, а въ Шебекинской—на 200 рабочихъ, 60 разъѣздныхъ. Если принять во вниманіе, что содержаніе упряжной лошади болѣе чѣмъ въ 2 раза дороже рабочей, то станетъ вполнѣ понятною, получившаяся разница въ стоимости упряжнаго дня лошади, противъ хозяйственныхъ учетовъ.

Солома, получаемая въ хозяйствѣ считается побочнымъ продуктомъ, который имѣетъ рыночную цѣнность только въ видѣ остатка отъ корма экономическаго скота, причемъ цѣнность этого остатка находится въ зависимости, не только отъ его

кормоваго достоинства, сколько отъ урожая сѣна и состоятельности мѣстнаго крестьянскаго населенія, которое является единственнымъ покупателемъ соломы. Чѣмъ состоятельнѣе мѣстное населеніе, тѣмъ больше у него скота и тѣмъ выше цѣнность соломы.

Въ виду этого, при учетѣ стоимости упряжнаго дня, стоимость соломы и половы должны быть исключены,—послѣ чего останется:

	Лошади.	Пары воловъ
	Копѣекъ.	
1. Сумскій, Лебединскій, Ахтырскій и Богодуховскій . . .	22,9	35,8
2. Валковскій, Харьковскій и Волчанскій	21,7	31,5
3. Зміевскій, Изюмскій, Купянскій и Старобѣльскій . . .	19,2	27,5
	21,3	31,6

Въ заключеніе необходимо разсмотрѣть вопросъ относительно того, достаточно-ли получается въ хозяйствѣ соломы для содержанія всего скота, который необходимъ для безостановочной обработки земли.

Въ экономіяхъ не стѣсненныхъ оборотнымъ капиталомъ, обыкновенно содержится на 10 дес. экономической пахати—1 пара воловъ и 1 лошадь. Къ этому нужно прибавить 1 корову и 3 подростка. Такимъ образомъ на 10 дес. посѣва приходится 5 шт. крупнаго рогатаго скота (считая 3 подростка за 2 кр.). Приходъ и расходъ соломы видѣнъ изъ слѣдующей таблицы:

Десятины.		Приходъ соломы и половы.		Расходъ на 5 штукъ.		Остатокъ.	
		Соломы.	Половы и сбоин.	Соломы.	Половы и сбоин.	Соломы.	Сбоин. и пол.
	1-й раіонъ.						
5	Озимый хлѣбъ	720	90	250	90	470	—
5	Яровой хлѣбъ.	410	61	410	61	—	—

Десятины		Приходъ соломы и половы.		Расходъ на 5 штукъ.		Остатокъ.	
		Соломы.	Половы и сбоин.	Соломы.	Половы и сбоин.	Соломы.	Сбоин. и пол.
	II-й раіонъ						
5	Озимый хлѣбъ	550	82	225	82	325	—
5	Яровой хлѣбъ.	305	45	305	45	—	—
	III-й раіонъ						
4	Озимый хлѣбъ	328	48	280	48	128	—
6	Яровой хлѣбъ.	294	45	294	45	90	—

Отсюда видно, что вся полова, сбоина и яровая солома идутъ на кормъ скота, остается только озимая солома, которая, съ грѣхомъ по поламъ, также употребляется въ кормъ, но въ видѣ рѣзки, да еще обмѣшанной мукою, озимая солома можетъ быть вся использована, а въ такомъ случаѣ количество скота можетъ быть увеличено по раіонамъ на 3, 2 и 1 штуку.

Дальнѣйшее увеличеніе скота возможно только при введеніи въ сѣвооборотъ кормовыхъ корнеплодовъ, кормовой и зерновой кукурузы. Расширеніе сѣнокосовъ для замѣны соломы сѣномъ убыточно для хозяйства. Сѣно можетъ быть выгоднымъ кормомъ на столько, на сколько оно необходимо, чтобы использовать солому, полову и сбоину, т. е. въ количествѣ 36% по отношенію общаго вѣса соломы, половы и сбоины.

Въ I-мъ раіонѣ губерніи нѣтъ степныхъ сѣнокосовъ, а сѣно доставляется луговыми и частію балковыми сѣнокосами.

Во II-мъ раіонѣ степныхъ сѣнокосовъ очень мало, такъ что они не должны быть принимаемы въ разсчетъ, сѣно собирается съ луговъ и балковыхъ сѣнокосовъ.

Въ III-мъ раіонѣ преобладаютъ степные сѣнокосы, и на нихъ долженъ быть основанъ разсчетъ кормовъ. Съ 10 десятинъ посѣвовъ получается соломы и половы 715 пуд.; сѣно должно составлять 36% съ этого количества или 257 пуд.

Считая среднiй урожай естественныхъ степныхъ сѣнокосовъ въ 45 пудовъ съ десятины, для полученія необходимаго количества сѣна слѣдуетъ оставить въ перелогѣ 5,71 десятины на 10 дес. посѣва и на 5 дес. толоки или почти 1/4 часть пахатной земли.

Такимъ образомъ представляется возможность оставлять $^1/_4$ часть земли въ перелогѣ въ теченіе 6 лѣтъ, послѣ чего она распахивается, и поступаетъ въ 3-хъ польный сѣвооборотъ, изъ котораго одно поле запускается въ сѣнокосъ.

V.

Разсчетъ рабочихъ силъ и исчисленіе полевыхъ расходовъ.

Въ Харьковской губерніи придерживаются трехпольнаго и переложнаго сѣвооборотовъ, изъ нихъ трехпольный господствуетъ въ 7-ми уѣздахъ: Сумскомъ, Лебединскомъ, Ахтырскомъ, Богодуховскомъ и Валковскомъ и въ половинѣ Волчанскаго уѣзда.

Въ раіонахъ свеклосахарнаго и винокуреннаго производствъ, верстъ на 15 въ окружности, трехпольный сѣвооборотъ переходитъ въ четырехпольный съ пропашными растеніями: сахарною свеклою и картофелемъ.

Въ части Волчанскаго и въ Зміевскомъ уѣздѣ совершается переходъ къ трехполью, а въ остальныхъ уѣздахъ: Изюмскомъ, Купянскомъ и Старобѣльскомъ господствуетъ переложный сѣвооборотъ, который изрѣдка въ болѣе населенныхъ мѣстахъ переходитъ въ трехполье.

Культурные пріемы находятся въ зависимости не только отъ принятаго сѣвооборота, но и отъ климатическихъ условій. Въ мѣстностяхъ менѣе страдающихъ отъ засухъ, многократная перепашка земли поднимаетъ урожайность хлѣбовъ, тогда какъ въ засушливыхъ мѣстностяхъ перепашка земли дѣйствуетъ неблагопріятнымъ образомъ на посѣвы, такъ какъ при второй перепашкѣ выносится на поверхность болѣе сырой слой и подвергается изсушающему дѣйствію вѣтровъ.

Такъ изъ опытовъ, произведенныхъ на опытномъ полѣ Полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества видно, что въ 1886 году, рожь уродила послѣ двойной пахати на 23 пуда съ десятины менѣе, чѣмъ послѣ одинарной, а въ 1887 году на 15 пуд. меньше.

На опытныхъ поляхъ Харьковскаго сельско-хозяйственнаго общества получился въ 1886 году подобный же результатъ,

хотя въ пользу ординарной вспашки, получилась разница въ 10 пудовъ.

Въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи, перепашка замѣняется экстирпированіемъ, имѣющимъ цѣлію разрыхлить пахать безъ переворачиванія пласта и послѣдовательнымъ боронованіемъ для истребленія сорныхъ травъ, иссушающихъ почву.

Вообще въ этой части губерніи, обработка земли и посѣвъ производятся гораздо тщательнѣе, тогда какъ хозяева юго-восточной части губерніи стараются поскорѣе окончить посѣвъ, не заботясь о качествѣ работы, лишь-бы менѣе высушить почву и какъ можно ранѣе произвести весенній посѣвъ, чтобы воспользоваться весеннею влагою. Нерѣдко вся обработка заключается въ однократной осенней пахати, по которой весною разбрасывается зерно и закрывается 2—3 боронами.

Вошедшее, было, въ употребленіе укатываніе посѣвовъ, оставляется хозяевами, такъ какъ оно не оказываетъ благопріятнаго вліянія на посѣвы. Укатываніемъ имѣлось въ виду уплотнить верхній слой пахати и тѣмъ воспрепятствовать выдуванію зерна дѣйствіемъ продолжительныхъ, сухихъ юго-восточныхъ вѣтровъ. Въ настоящее время эта цѣль достигается болѣе глубокою задѣлкою зерна.

Всѣ культурные пріемы имѣютъ цѣлію не столько разрыхленіе почвы, сколько освобожденіе ея отъ сорныхъ травъ.

Прежніе многолѣтніе перелоги, дававшіе чистую пахать, составляютъ большую рѣдкость, даже въ степныхъ уѣздахъ. Въ настоящее время наиболѣе распространенный перелогъ 6—7-лѣтній, въ теченіе какого періода поле только успѣваетъ хорошо зарости пыреемъ, который съ трудомъ истребляется и глушитъ хлѣба.

Удобреніе признается обязательнымъ подъ озимую пшеницу въ четырехпольномъ сѣвооборотѣ, нерѣдко примѣняется въ трехпольномъ и составляетъ рѣдкое явленіе въ переложномъ хозяйствѣ.

Весьма многіе хозяева степныхъ уѣздовъ убѣждены во вредѣ удобренія для черноземныхъ почвъ. Говорятъ, что хлѣба на удобренныхъ поляхъ болѣе страдаютъ отъ засухъ, а въ благопріятные годы хлѣба идутъ въ солому и даютъ легковѣсное зерно. Нѣкоторые степные хозяева находятъ также, что на мелкой пахати хлѣба менѣе страдаютъ отъ засухъ и указываютъ на примѣръ нѣмцевъ-колонистовъ, которые сѣютъ

весною подъ букера (трехлемешные плуги) и получаютъ удовлетворительные результаты. Нужно однако замѣтить, что болѣе тщательная обработка земли получаетъ право гражданства среди южныхъ хозяевъ. Сакковскіе плуги, разбросныя сѣялки и конныя грабли распространены повсемѣстно въ Харьковской губерніи. Конныя молотилки и вѣялки пріобрѣтаются и крестьянами,—это были первыя машины, проникшія въ южно-русскую деревню. Жнеи употребляются только въ южныхъ уѣздахъ, такъ какъ при трехрублевой уборкѣ десятины нѣтъ надобности прибѣгать къ пособію машинъ.

Въ зависимости отъ сѣвооборотовъ въ Харьковской губерніи распространены наиболѣе слѣдующіе культурные пріемы:

1) Озимое поле.

Четырехпольный сѣвооборотъ.	Трехпольный сѣвооборотъ.	Переложный сѣвооборотъ.
1. Запашка удобренія плугомъ на 4 вершка. Боронованіе вслѣдъ.	1. Запашка удобренія или первая пахать на 4—5 вершковъ.	1. Вспашка на 4—5 вершковъ.
2. Рыхленіе сохою, экстирпаторомъ или 4-хъ-лемешнымъ плужкомъ. Боронованіе вслѣдъ.	2. Рыхленіе сохою, экстирпаторомъ или 4-хъ-лемешнымъ плужкомъ.	—
3. Посѣвное экстирпированіе или троеніе сохою или 4-лемешн. плужкомъ. Боронованіе вслѣдъ. Посѣвъ рядовою сѣялкою. Укатываніе.	3. Боронованіе. Посѣвъ разбросною сѣялкою. Боронованіе или запашка посѣва (въ южныхъ уѣздахъ).	3. Боронованіе. Посѣвъ разбросною сѣялкою. Боронованіе или закрытіе зерна раломъ или запашникомъ.

Въ частности бываютъ уклоненія отъ указанныхъ пріемовъ, такъ одни хозяева при четырехпольномъ сѣвооборотѣ рыхлятъ землю или экстирпируютъ только одинъ разъ, а другіе, ведущіе переложное хозяйство, боронятъ вслѣдъ за пахатью, чтобы воспрепятствовать образованію грудъ, наконецъ, иные хо-

зяева производятъ рядовой сѣвъ и при трехпольномъ и переложномъ сѣвооборотѣ.

2) Яровое поле.

Четырехпольный сѣвооборотъ.	Трехпольный сѣвооборотъ.	Переложный сѣвооборотъ.
1. Осенняя или весенняя перепашка многолемешными плужками.	1. Осенняя пахать на глубину 4 вершковъ.	1. Осенняя пахать на 4 вершка, подъ яровую пшеницу на 5 вершковъ.
2. Экстирпированіе. Боронованіе. Посѣвъ рядовою сѣялкою. Укатываніе.	2. Боронованіе. Посѣвъ разбросною сѣялкою. Боронованіе или запашка (въ южныхъ уѣздахъ).	2. Боронованіе. Посѣвъ разбросною сѣялкою. Боронованіе или запашка.

1) Обработка озимаго поля.

а) Переложный сѣвооборотъ, основанный на естественномъ возстановленіи плодородія почвы посредствомъ вывѣтриванія и почвеннаго броженія, хотя и нуждается въ удобреніи, но не въ такой степени, какъ трехпольный, а въ особенности многопольный сѣвооборотъ.

Для возстановленія плодородія почвы, а въ особенности для улучшенія ея физическихъ свойствъ, приходится прибѣгать къ удобренію навозомъ.

Только немногіе хозяева вывозятъ въ поле навозъ собственнымъ инвентаремъ,—большинство же производятъ эту работу наемными подводами издѣльно, а потому имѣется очень мало данныхъ для учета количества рабочихъ силъ, необходимыхъ для вывозки удобренія.

Стоимость удобренія зависитъ отъ силы его, а потому для опредѣленія этой стоимости необходимо установить среднюю норму удобренія, каковую можно принять въ 120 экономическихъ (150 крестьянскихъ) возовъ или по 2400 пуд. на казенную десятину.

Относительно количества необходимой рабочей и упряжной

силъ для удобренія одной десятины, имѣются свѣдѣнія изъ двухъ имѣній:

Зеленьковка . . .	15,83 пѣшихъ дней и 13,59 конскихъ.
Безсоновка . . .	12,20 „ „ и 17,60 „
Среднее . . .	14,00 пѣшихъ дней и 15,60 конскихъ.

Стоимость этихъ силъ опредѣлится на основаніи приведенныхъ выше учетовъ:

14 пѣш. дней × 40 коп. + 15,6 × 21,3 коп. = 8 р. 92 к.

Со стоимостью раскидки навоза по 1 р. 50 к. на десятину— 10 р. 42 к.

Изъ другихъ имѣній имѣются положительныя данныя относительно стоимости удобренія одной, десятины земли издѣльно. Свѣдѣнія эти относятся къ удобренію разной силы, но для сравненія всѣ они приведены къ одной, выше принятой нормѣ, въ 2400 пуд. навоза на 1 десятину:

Славгородъ	9 р. 80 к.
Шебекино	12 „ 00 „
Бѣлый Колодецъ	12 „ 40 „
Терны	9 „ 80 „
Троицкое	9 „ 65 „
Среднее	10 р. 73 к.

Кромѣ того, имѣются свѣдѣнія о стоимости вывозки въ поле одного конскаго воза:

Безсоновка—150 возовъ по 6 к.	9.00 р.
Пятигорскъ—120 возовъ (20 п.) по 9 к. . . .	10.80 „
Должикъ—(среднее за 5 лѣтъ) 150 возовъ по 6 к. .	9,00 „
Млинки—(за 5 лѣтъ) 150 возовъ по 6,5 к. . .	9,75 „
Будки—120 возовъ (20 п.) по 10,5 к.	12,60 „
Среднее	10,27 р.
Прибавивши стоим. раскидки навоза по 1 р. 50 к.	11,77 „

Средній расходъ на вывозку и раскидку навоза въ количествѣ 2400 п. на десятину составитъ 10 р. 97 к.

б) Если въ имѣніи практикуется двойная пахать, то запашка навоза, по большей части, производится наемными плугами или сохами, такъ какъ въ это время года ихъ можно нанять недорого, а также потому, что работа эта произво-

дится на небольшую глубину, доступную для крестьянскаго инвентаря.

Если же удобренное паровое поле пашется разъ, а затѣмъ только экстирпируется и боронится, а также если земля совсѣмъ не удобряется, то пахать производится экономическимъ инвентаремъ на полную глубину отъ 4—5 вершковъ.

На эту работу, по опыту хозяевъ, требуется слѣдующее количество рабочей и упряжной силъ:

Работа производится 2-хъ парными Сакковскими плугами, при одномъ плугаторѣ и 1 погонычѣ, которые выпахиваютъ въ апрѣлѣ 0,34 дес., въ маѣ 0,5 дес., въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ 0,6 дес. Средній успѣхъ работы 0,53 десятины въ день. По этому разсчету на одну десятину требуется:

1,88 орудій, 1,88 рабочихъ, 1,88 полурабочихъ и 3,75 паръ воловъ. Этотъ разсчетъ подтверждается и сообщеніями хозяевъ:

	Рабочихъ.	Полурабоч.	Пары воловъ
Рогозянка	2	2,00	3,75
Славгородъ	2,50	2,50	5,00
Бѣлый Колодецъ	1,66	3,34	3,34
Зеленьковка	1,66	3,34	3,34
Безсоновка	1,20	1,20	3.00
Среднее . . .	1,80	2,47	3,68

При поднятіи перелоговъ требуется трехпарный плугъ при одномъ плугаторѣ и 2-хъ погонычахъ. Успѣшность работы одного плуга 0,50 дес. въ день, такъ какъ распашка перелоговъ должна производиться раньше мякотныхъ земель. Поэтому на одну десятину требуется:

2 орудія, 2 рабочихъ, 4 полурабочихъ, 6 паръ воловъ.

в) Передъ посѣвомъ пашня боронится обыкновенными одноконными боронами валькуровскаго типа, иногда говардовскими въ два звѣна. При 6 боронахъ идетъ 2 рабочихъ. Боронованіе идетъ въ 3 слѣда (2 бороны вдоль и 1 впоперекъ), съ успѣшностію 0,8 дес. въ день на одну борону.

На одну десятину требуется:

1,25 орудій, 0,40 пѣшихъ дней и 1,25 конскихъ дней.

г) Разбросный сѣвъ Эккертовскою сѣялкою, по сообщенію хозяевъ, требуетъ рабочихъ и упряжныхъ силъ:

	Рабочихъ.	Полурабоч.	Лошадей.
Троицкое.	0,12	0,10	0,20
Славгородъ	0,12	0,12	0,24
Бѣлый Колодецъ .	0,11	0,11	0,22
Среднее . . .	0,12	0,11	0,22

д) Чтобы закрыть зерно бороною въ 3 слѣда требуется:

1,25 орудій, 0,40 рабочихъ, 1,25 лошадей.

е) Рядовой сѣвъ употребляется, преимущественно, въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи при четырехпольномъ сѣвооборотѣ, гдѣ почва достаточно подготовлена для правильнаго дѣйствія рядовыхъ сѣялокъ. Поэтому для общаго учета рядовой сѣвъ можно игнорировать, не нарушая правильности средняго вывода.

Для подготовки земли къ рядовому сѣву она экстирпируется, для чего требуется на 1 десятину:

0,75 орудій, 0,75 полурабочихъ и 1,33 паръ воловъ.

Для производства посѣва:

0,20 орудій, 0,20 рабочихъ, 0,20 полурабочихъ и 0,40 паръ воловъ (въ 2 смѣны).

Для укатыванія рядоваго сѣва:

0,33 орудій, 0,33 полурабочихъ, 0,66 лошадей.

Хотя рядовой сѣвъ обходится нѣсколько дороже разбросанаго, но онъ съ избыткомъ окупается экономіей въ сѣменахъ, составляющій до 2 пуд. зерна на десятину.

2) Яровое поле.

Пахать на зябь производится въ сентябрѣ и октябрѣ, а потому успѣшность работы составляетъ по 0,5 дес. на паровоповый плугъ при 1 рабочемъ и 1 полурабочемъ. Весенній посѣвъ производится въ сырую землю, а потому боронованіе требуетъ болѣе силъ, чѣмъ при озимомъ посѣвѣ.

Поэтому для обработки яроваго поля требуется:

	Орудій	Рабочихъ.	Полурабоч.	Паръ воловъ	Лошадей.
Пахать. . .	2,0	2,00	2,00	4,0	—
Боронованіе .	1,66	0,52	—	—	1,66
Посѣвъ. . .	0,15	0,15	0,15	—	0,30
Боронованіе .	1,25	0,40	—	—	1,25
Итого. .	5,06	3,07	2,15	4	3,21

3) Въ большинствѣ случаевъ въ Харьковской губерніи хлѣба убираются подесятинно, причемъ въ сѣверной половинѣ губерніи почти не существуетъ уборки хлѣбовъ поденными, тогда какъ въ южной половинѣ, по преимуществу, практикуется этотъ способъ,—и лишь только въ неурожайные годы, когда мѣстное населеніе, безъ помощи пришлаго, въ состояніи выполнить своевременно всю работу по уборкѣ хлѣбовъ, таковые убираются десятинщиками. Вслѣдствіе этого, учетъ рабочихъ силъ по уборкѣ хлѣбовъ чрезвычайно затруднителенъ.

На основаніи опыта нельзя поставить количества рабочей силы, потребной для уборки хлѣбовъ, въ прямое соотношеніе къ величинѣ урожая, но нѣкоторая зависимость должна существовать въ силу первичнаго механическаго закона, что для выполненія большей работы въ тотъ же періодъ времени требуется и большая сила. Съ возвышеніемъ урожая работа косаря возрастаетъ въ меньшей степени, нежели работа вязальниковъ, которые должны выполнить извѣстные пріемы, отнимающіе время,—независимо отъ затраты силы.

По даннымъ Бѣло-Колодецкой экономіи на 1 уборку 1 дес. хлѣба требуется:

При урожаѣ 18 к. . . 2,5 косарей и 4,5 вязальниковъ.
„ „ 11 „ . . 2,00 „ и 2,5 „

Несомнѣнно, что уборка хлѣбовъ, если она не выполняется десятинщиками, можетъ производиться только поденными или мѣсячными, такъ какъ сроковыхъ рабочихъ слишкомъ недостаточно для своевременной ручной уборки хлѣбовъ безъ содѣйствія машинъ. Если же число сроковыхъ рабочихъ установить по потребностямъ жатвы, то въ остальное время трудъ

этихъ рабочихъ не найдетъ приложенія въ хозяйствѣ и плата ихъ явится расходомъ непроизводительнымъ.

Поэтому для оцѣнки рабочей силы, необходимо принять данныя Департамента Земледѣлія, опредѣляющія цѣнность поденныхъ рабочихъ и полурабочихъ во время уборки хлѣбовъ.

По этимъ даннымъ, стоимость уборки хлѣбовъ опредѣляется по уѣздамъ такимъ образомъ:

	Рожь.		Озимая пшеница.		Яровая пшеница.		Ячмень.		Овесъ.	
	Рабочихъ.	Женщинъ.	Косарей.	Вязал.	Косарей.	Вязал.	Косарей.	Вязал.	Косарей.	Вязал.
Ахтырскій, Лебединскій и Сумскій уѣзды:										
Копенъ	15	—	15	—	12	—	14	—	13	—
Рабочихъ	2,7	3,3	2,6	3,3	2,2	2,4	2,4	2,8	2,3	2,6
Поденная плата	64	44	64	44	64	44	64	44	64	44
Стоимость	3 р. 18	—	3,12	—	2,46	—	2,77	—	2,62	—
Богодуховскій, Харьковскій, Валковскій и Волчанскій уѣзды.										
Копенъ	14	—	13	—	10	—	12	—	12	—
Рабочихъ	2,6	3,1	2,4	3,0	2,0	2,0	2,2	2,4	2,2	2,4
Поденная плата	69	45	—	—	—	—	—	—	—	—
Стоимость уборки	3,19 р.	—	3,01	—	2,28	—	2,60	—	2,60	—
Змiевскій и Изюмскій уѣзды.										
Копенъ	12	—	11	—	9	—	10	—	10	—
Рабочихъ	2,4	2,6	2,2	2,4	1,9	1,9	2,0	2,0	2,0	2,0
Поденная плата	73	47	—	—	—	—	—	—	—	—
Стоимость уборки	2,97 р.	—	2,73	—	2,28	—	2,40	—	2,40	—
Купянскій уѣздъ.										
Поденная плата	85	51	—	—	—	—	—	—	—	—
Стоимость уборки	3,37 р.	—	3,20	—	2,58	—	2,72	—	2,72	—

	Рожь.		Озимая пшеница.		Яровая пшеница.		Ячмень.		Овесъ.	
	Рабочихъ	Женщинъ	Косарей.	Вязал.	Косарей.	Вязал.	Косарей.	Вязал.	Косарей.	Вязал.
Старобѣльскій уѣз.										
Копенъ	10	—	8	—	8	—	8	—	8	—
Рабочихъ	2,2	2,3	1,9	1,9	1,8	1,8	1,8	1,8	1,8	1,8
Поденная плата .	102	55	—	—	—	—	—	—	—	—
Стоимость уборки .	3,51 р.	—	3,04 р.	—	2,83	--	2,83	—	2,83	—

Въ теченіе всего періода уборки хлѣбовъ, поденная плата не удерживается на одномъ уровнѣ: она поднимается во время уборки пшеницы (оз. и яров.) и падаетъ ко времени уборки овса, а затѣмъ еще болѣе понижается къ уборкѣ проса и гречи.

Поэтому въ вышеприведенной таблицѣ нужно сдѣлать поправку, поднявъ стоимость уборки озимой пшеницы на 10% для всей губерніи, а яровой для сѣверной половины на 10% и для южной на 15%. Съ другой стороны—нужно понизить стоимость уборки овса на 5% для всей губерніи.

Различіе въ % надбавки объясняется тѣмъ, что въ южной части губерніи посѣвъ яровой пшеницы преобладаетъ надъ всѣми хлѣбами, а уборка ея требуетъ особенной поспѣшности, во избѣжаніе потери зерна отъ осыпанія, а потому требуется одновременный наемъ большихъ массъ рабочихъ.

Послѣ такой поправки стоимость уборки озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ опредѣлится въ такомъ размѣрѣ:

УѢЗДЫ.	Рожь.	Озим. пшен.	Яров. пшен.	Ячмень.	Овесъ.
Сумскій, Лебединскій и Ахтырскій.					
Уборка десятины	3,18 р.	3,43	2,71	2,77	2,49
Приходится на копну	21,2	22,8	22,6	19,8	19,1
Богодуховскій, Валковскій, Харьковскій и Волчанскій.					
Уборка десятины	3,19	3,31	2,51	2,60	2,47
На копну	22,8	25,5	25,1	21,7	20,6

Уѣзды.	Рожь.	Озим. пшен.	Яров. пшен.	Ячмень.	Овесъ.	
Змієвскій и Изюмскій.						
Уборка десятины	2,97	3,00	2,62	2,40	2,28	
На копну	24,7	27,2	29,1	24,0	22,8	
Купянскій.						
Уборка десятины	3,37	3,52	2,96	2,72	2,58	
На копну	28,0	32,0	33,0	27,2	25,8	
Старобѣльскій.						
Уборка десятины	3,51	3,34	3,25	2,83	2,69	По всѣмъ хлѣбамъ.
На копну	35,1	41,8	40,60	35,4	33,6	
По губерніи. среднее . . .	3,24	3,32	2,81	2,66	2,50	2,91
на копну . .	26,3	29,8	30,00	25,6	24,3	27,2

Относительно того, во что обходится уборка 1 дес. хлѣба издѣльно имѣются положительныя свѣдѣнія по слѣдующимъ имѣніямъ:

	Озимой.	Яровой.	Среднее.
Будки	4,0 р.	3,50 р.	3,75 р.
Зеленьковка . . .	3,72	3,20	3,46
Терны	3,75	3,25	3,50
Б. Колодецъ. . .	3,00	2,14	2,57
Шебекино	3,75	3,25	3,50
Млинки	3,50	2,75	3,13
Бероновка	3,89	2,63	3,27
Должикъ (за 7 л.) .	3,25	2,75	3,00
Среднее	3,61	2,95	3,28 р.

Изъ этихъ данныхъ видно, что учетъ стоимости уборки хлѣбовъ, основанный на исчисленіи количества потребной рабочей силы, различается на 37 коп. на десятинѣ противъ свѣдѣній, сообщенныхъ хозяевами. Разница эта вполнѣ понятна, такъ какъ свѣдѣнія тѣ относятся къ благоустроеннымъ имѣніямъ, которыя получаютъ болѣе высшій урожай, а слѣдова-

тельно и должны нѣсколько болѣе расходовать на уборку хлѣбовъ. Съ другой стороны наиболѣе сильныя хозяйства, чтобы выполнить работу своевременно, захватываютъ перваго рабочаго, а потому должны немного переплачивать. Нужно сказать, что эта переплата съ излишкомъ окупается.

4) Стоимость перевозки копенъ зависитъ отъ времени, когда работа эта производится и отъ разстоянія до поля, съ котораго копны перевозятся.

Работа эта выполняется частію экономическимъ инвентаремъ, частію крестьянами издѣльно отъ копны, а еще чаще въ видѣ отработковъ по различнымъ условіямъ съ экономіями.

Первый способъ чаще всего примѣняется при подвозкѣ копенъ къ паровой молотилкѣ, второй при свозкѣ копенъ въ скирды.

Относительно стоимости перевозки 1 копны хлѣба наймомъ имѣются слѣдующія свѣдѣнія:

Александровка Лозная	12 к.
Зеленьковка	8
Терны	10
Будки	10
Среднiй хуторъ.	7,50
Грязновскiй хуторъ (Рубежное) .	7,10
Должикъ (за 7 л.).	8,25
Млинки (за 3 г.)	8,50
Среднее	8,92 к.

Эти свѣдѣнія извлечены изъ книгъ значительныхъ имѣній, гдѣ перевозка производится на большомъ разстояніи, даже при существованіи полевыхъ токовъ и хуторовъ, а потому для среднихъ имѣній вышеозначенный итогъ можетъ быть пониженъ до 8 коп., и только для ржи его нужно поднять до 9,5 коп.

Поэтому перевозка копенъ хлѣба съ 1 дес., при исчисленныхъ выше среднихъ урожаяхъ соломы, обойдется по раіонамъ:

Уѣзды.	Рожь.	Озим. пшен.	Яров. пшен.	Ячм.	Овесъ.
Сумскій, Лебединскій и Ахтырскій .	1,42	1,20	96	1,12	1,04
Богодуховскій, Валковскій, Харьковскій и Волчанскій	1,33	1,04	80	96	96
Зміевскій, Изюмскій и Купянскій . .	1,14	88	72	89	80
Старобѣльскій	95	64	64	64	64
Среднее	1,22	94	78	88	86

По даннымъ Зеленьковской экономіи на перевозку 1 копны требуется 0,15 пѣшихъ дней и 0,14 конныхъ дней, что составляетъ—на копну 8,65 копѣйки.

По свѣдѣніямъ Бѣлоколодецкой экономіи та же работа требуетъ 0,12 рабочихъ дней и 0,1 конныхъ, что составляетъ на копну 7,09 коп.

Среднее для двухъ имѣній—7,87 коп. на копну, т. е. почти столько же, сколько принято выше для учета.

5) Для учета конной молотьбы почти не имѣется никакихъ матеріаловъ, что же касается стоимости работы паровой молотилки, то по этому предмету имѣется нѣсколько учетовъ, хотя въ этихъ учетахъ показано различное топливо и различный процентъ погашенія машины. Чтобы получить средній выводъ, необходимо всѣ эти разсчеты привести къ одному, наиболѣе употребительному топливу—каменному углю. Рабочій день машины требуетъ:

	Экономическій расходъ.	Топливо.	Погашеніе и ремонтъ.
Славгородъ . . .	30,40 р.	30 пуд.	—
Троицкое . . .	24,26 р.	угля по	16,91
Шебекино . . .	21,00	20 коп.	14,00
Бѣлый Колодецъ .	21,00	6,00 р.	14,00
Среднее	24,16	6,00	14,97

Слѣдовательно дневной расходъ молотьбы съ погашеніемъ и ремонтомъ машины—45 р. 12 коп.

По опыту хозяевъ средній дневной умолотъ 10 сильной паровой молотилки,—считая и ненастные дни,—180 копенъ, слѣдовательно, на одну вымолоченную копну приходится расхода 25 коп.

Выводъ этотъ вполнѣ подтверждается и сообщеніями другихъ хозяевъ, изъ которыхъ видно, что на 1 копну падаетъ расхода:

Бѣл. Колодецъ . . 24,00
Захаровка . . . . 26,30 к.
Терны . . . . . . 25,03 (17 к.+8,03 погашеніе и рем.)

Будки	25,50
Буймиръ	24,50
Среднее	25,83 к.

Для дневной работы 10-сильной паровой молотилки, по свѣдѣніямъ большинства экономій, требуется рабочихъ силъ и другихъ расходовъ:

30 рабочихъ 41 коп.	12 р. 30 к.
20 полурабочихъ 28 коп.	5 „ 60 „
12 лошадей 21,3 коп.	2 „ 56 „
4 пары воловъ 31,6 коп.	1 „ 26 „
30 п. каменнаго угля 20 коп.	6 „ 00 „
Ремонтъ, смазка, погашеніе стоимости машинъ	14 „ 97 „
	42 „ 96 „
Машинистъ и кочегаръ	2 „
Итого	44 р. 69 к.

Раздѣливши эту сумму на среднюю производительность машины, въ 180 копенъ, получимъ стоимость вымолота одной копны *24,8 копѣйки*.

Принимая во вниманіе производительность конной молотилки, а также и то, что она требуетъ на ремонтъ и погашеніе не болѣе 2 к. на копну (вмѣсто 8,5 коп. требуемыхъ паровой молотилкою) расходъ на вымолотъ одной копны хлѣба конною молотилкою можно опредѣлить съ достаточною приблизительностію въ 20 копѣекъ (22 коп. для озимаго и 18 к. яроваго хлѣба).

Такъ какъ въ нашихъ хозяйствахъ преобладаютъ конныя молотилки, то стоимость конной молотьбы и должна быть принимаема въ разсчетъ.

Расходъ на молотьбу хлѣба съ 1 десятины, при среднемъ его урожаѣ, составитъ по раіонамъ губерніи:

У ѣ з д ы.	Рожь.	Озим. пшен.	Яров. пшен.	Ячмень.	Овесъ.
Сумскій, Лебединскій и Ахтырскій	3,30	3,30	2,16	2,52	2,34
Богодуховскій, Валковскій, Харьковскій и Волчанскій	3,08	2,86	1,80	2,16	2,16

Уѣзды.	Рожь.	Озим. пшен.	Яров. пшен.	Ячмень.	Овесъ.
Зміевскій, Изюмскій и Купянскій . .	2,64	2,42	1,80	1,80	1,80
Старобѣльскій	2,20	1,76	1,44	1,44	1,44
Среднее	2,80	2,58	1,75	1,98	1,94

Дѣлая сводъ всѣхъ полевыхъ расходовъ, за исключеніемъ стоимости удобренія, получимъ слѣдующую таблицу:

Уѣзды.	Рожь.	Озим. пшен.	Яров. пшен.	Ячмень.	Овесъ.	Средніе.
Сумскій	17,47	20,09	17,31	14,56	13,88	16,66
Лебединскій	17,38	19,92	17,15	14,48	13,79	16,54
Ахтырскій	17,30	19,84	17,05	14,40	13,70	16,46
Богодуховскій	16,63	18,95	15,17	13,61	13,21	15,51
Валковскій	16,47	18,78	15,15	13,59	13,19	15,43
Харьковскій	16,47	18,78	15,15	13,59	13,19	15,43
Волчанскій	15,72	18,13	14,55	12,94	12,85	14,84
Змiевскій	14,93	17,29	13,69	12,11	11,47	13,90
Изюмскій	15,01	17,36	13,75	12,18	11,54	13,97
Купянскій	14,66	17,11	13,53	11,78	11,56	13,73
Старобѣльскій	14,40	16,18	13,87	11,59	11,29	13,47
	16,04	18,40	15,10	13,16	12,70	15,08

За вычетомъ полевыхъ расходовъ со стоимости средняго урожая остается:

Уѣзды.	Рожь.	Озим. пшен.	Яров. пшен.	Ячмень.	Овесъ.	Средн. по уѣзду.
Сумскій	20,01	40,72	25,69	16,44	16,12	23,77
Лебединскій	15,06	36,24	22,33	13,97	11,16	19,75
Ахтырскій	14,06	34,81	20,38	12,30	9,06	18,12
Богодуховскій	14,26	31,37	22,26	12,60	9,50	17,80

Уѣзды.	Рожь.	Озим. пшен.	Яров. пшен.	Ячмень	Овесъ.	Средн. по уѣзду.
Валковскій	14,06	28,52	20,97	13,24	7,23	16,80
Харьковскій	13,53	22,50	16,43	7,37	8,15	13,60
Волчанскій	8,83	19,31	14,02	3,97	5,71	10,37
Змiевскій	9,86	17,73	12,95	7,64	7,23	11,09
Изюмскій	8,93	14,79	11,53	7,97	7,60	10,07
Купянскій	3,82	11,39	9,04	4,34	5,84	6,88
Старобѣльскій	2,61	11,51	9,41	5,00	4,54	6,61
Среднее по губерніи	11,37	24,44	16,82	9,53	8,38	14,11

Стоимость удобренія земли не принята въ разсчетъ, такъ какъ оно съ излишкомъ окупается прибавочнымъ урожаемъ.

Полевые расходы падаютъ въ слѣдующемъ размѣрѣ на пудъ получаемыхъ изъ урожая продуктовъ:

Уѣзды.	Рожь.	Озим. пшен.	Яров. пшен.	Ячмень.	Овесъ.	Среднее.
Сумскій	25,2	28,9	34,6	23,9	20,8	26,7
Лебединскій	25,4	30,6	36,5	25,4	24,2	29,2
Ахтырскій	28,6	30,8	38,0	26,4	26,0	29,9
Богодуховскій	28,0	32,0	33,6	28,3	26,0	29,6
Валковскій	28,6	34,1	35,2	25,3	28,4	30,5
Харьковскій	30,0	39,0	40,3	33,6	30,0	34,6
Волчанскій	28	38,0	38,7	32,0	27,7	32,9
Змiевскій	30,7	41,8	42,5	30,0	24,0	33,8
Изюмскій	33,3	46,3	45,6	30,2	26,8	36,3
Купянскій	33,3	45,6	44,9	29,2	24,2	35,4
Старобѣльскій	38,0	45,6	47,7	32,0	30,0	38,7
Средній полевой расходъ въ коп. на пудъ	30,2	37,5	39,8	28,8	26,1	32,5
Средняя продажн. цѣна пуда	50,0	83,5	82,0	47,7	43,1	
Остатокъ въ коп. на пудъ	19,8	46,0	42,2	18,9	17,0	28,8

VI.

Исчисленіе общихъ расходовъ.

При установленіи общихъ расходовъ, падающихъ на полеводство, не представляется никакой возможности разобраться въ тѣхъ данныхъ, какія сообщаются хозяевами по экономическимъ учетамъ, такъ какъ пріемы и основанія этихъ учетовъ чрезвычайно разнообразны.

Въ однѣхъ экономіяхъ общіе расходы разносятся на всю эксплоатируемую землю, въ другихъ на одну посѣвную. Въ иныхъ случаяхъ расходъ на ремонтъ и погашеніе инвентаря выводится по стоимости всѣхъ имѣющихся въ имѣніи орудій, какъ дѣйствующихъ, такъ и вышедшихъ изъ употребленія,— а также нерѣдко бываетъ, что расходъ на пріобрѣтеніе новыхъ орудій причисляется къ ремонту.

Многіе хозяева, выводя расходъ на ремонтъ орудій и построекъ, ничего не сносятъ на ихъ погашеніе; съ другой стороны, для погашенія принимаются разнообразные періоды времени. Да едва-ли и возможно установленіе на прочныхъ основаніяхъ продолжительности службъ различныхъ орудій и построекъ. Обыкновенно службу молотильной машины ограничиваютъ 10-лѣтнимъ срокомъ,—а между тѣмъ находимъ дѣйствующими въ экономіяхъ старыя Бутеноповскія молотилки начала 60-хъ годовъ,—тоже самое можно сказать относительно Эккертовскихъ сѣялокъ и Рансомовскихъ плуговъ, имѣющихъ право на 25-лѣтній служебный юбилей. На службу машины, несомнѣнно, оказываютъ неотразимое вліяніе присмотръ и уходъ за ними, а также своевременность и цѣлесообразность ремонта. Для практическихъ, приблизительныхъ разсчетовъ приходится принимать произвольныя величины. Службу земледѣльческихъ орудій, по настоящему, не слѣдуетъ опредѣлять временемъ, такъ какъ продолжительность этой службы зависитъ не отъ теченія времени, а отъ количества произведенной орудіями работы, а въ этомъ направленіи не было сдѣлано никакихъ изслѣдованій.

При наличности такихъ условій, затрудняющихъ правильность учета, самыя достовѣрныя свѣдѣнія, сообщенныя хозяевами, нуждаются въ разработкѣ, безъ чего эти свѣдѣнія не могутъ быть принимаемы въ разсчетъ.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе на тѣ данныя, относительно общихъ расходовъ по имѣніямъ, какія собраны были Департаментомъ Земледѣлія для опредѣленія стоимости производства главнѣйшихъ хлѣбовъ въ Европейской Россіи.

Въ изданіи Департамента, помимо сводныхъ общихъ выводовъ, приведены для примѣра нѣкоторые хозяйственные учеты по всѣмъ губерніямъ, изъ каковыхъ видно, что общіе расходы по имѣніямъ колеблятся въ такихъ широкихъ предѣлахъ, которые указываютъ на разнообразіе пріемовъ и основаній, принятыхъ хозяевами для учетовъ. На сколько разнообразны показанія хозяевъ можно видѣть изъ слѣдующей таблицы, основанной на этихъ показаніяхъ:

ГУБЕРНІИ.	Починка, страхованіе и погашеніе построекъ и инвентаря.	Расходъ на администрацію.
Херсонская . . .	отъ 20 коп. до 2 руб.	отъ 25 к. до 5 р.
Екатеринославская .	отъ 50 к. до 1 р. 13 к.	отъ 50 к. до 1 р. 65 к.
Полтавская . . .	отъ 30 к. до 2 р.	отъ 50 к. до 2 р. 50 к.
Харьковская . . .	отъ 1 р. до 14 р. 15 к.	отъ 75 к до 4 р. 75 к.
Воронежская . . .	отъ 25 к. до 2 р.	отъ 50 к. до 3 р.

Такимъ образомъ, въ одной и той же хозяйственной полосѣ, которую составляютъ три среднихъ черноземныхъ губерніи,—расходъ на починку, страхованіе и погашеніе инвентаря и построекъ колеблется отъ 25 к. до 14 р. 15 к., а расходъ на администрацію отъ 50 к. до 4 р. 75 к. на десятину.

По выводамъ Департамента Земледѣлія, основаннымъ на собранныхъ имъ свѣдѣніяхъ, общіе расходы по имѣніямъ въ трехъ средне-черноземныхъ губерніяхъ составляютъ на 1 посѣвную десятину:

ГУБЕРНІИ.	Озим. пшен.	Яров. пшен.	Среднее.
Полтавская	3,42 р.	2,95 р.	3,18 р.
Харьковская	5,79	4,99	5,39
Воронежская	3,85	3,20	3,52
	4,36	3,72	4,05 р.

На возвышеніе итога по Харьковской губерніи повліяли показанія сахаро-заводскихъ имѣній, по которымъ общіе расходы выше среднихъ въ 2 и 3 раза.

Департаментомъ Земледѣлія исчислены общіе расходы по тремъ средне-черноземнымъ губерніямъ для озимыхъ хлѣбовъ въ 4 р. 50 к., а для яровыхъ въ 3 р. 63 к., среднее въ 4 р. 06 к.

Во время Харьковскаго областнаго съѣзда сельскихъ хозяевъ, бывшаго въ 1886 году, была избираема коммиссія для разработки матеріаловъ, сообщенныхъ хозяевами съ цѣлію опредѣленія стоимости производства хлѣбовъ. Коммиссія эта пришла къ заключенію, что общіе расходы по веденію хозяйства составляютъ для Харьковской губерніи по 4 руб. 33 к. на посѣвную десятину.

Кромѣ приведенныхъ выше данныхъ, еще имѣются свѣдѣнія относительно общихъ расходовъ по слѣдующимъ имѣніямъ, ведущимъ счетоводство:

	На 1 посѣвную десят. приход.:
Терны, Лебединскаго у. (за 3 года)	7 р. 23 к.
Славгородъ, Ахтырскаго уѣзда	4 р. 96 к.
Средній хуторъ и Бѣлый Колодецъ, Волчанскаго у.	4 р. 26 к.
Зеленьковка и Дмитровка, Лебединскаго у.	6 р. 50 к.
Безсоново, Бѣлгородскаго уѣзда	5 р. 88 к.
Одно имѣніе Кобелякскаго уѣзда	5 р. — к.
Среднее	5 р. 64 к.

Полученный здѣсь выводъ слѣдуетъ признать нѣсколько выше средняго для губерніи, такъ какъ всѣ вышеозначенныя имѣнія принадлежатъ къ числу лучшихъ, ведущихъ болѣе сложное хозяйство и получающихъ возвышенный доходъ. Помимо того, въ приведенныхъ свѣдѣніяхъ исчисленъ расходъ на ремонтъ и погашеніе всѣхъ построекъ, а, слѣдовательно, въ томъ числѣ скотныхъ дворовъ и конюшенъ, тогда какъ расходъ на ремонтъ и погашеніе ихъ отнесенъ нами къ полеводству, какъ одинъ изъ факторовъ, повліявшихъ на стоимость упряжной силы.

Общіе расходы по имѣніямъ относятся къ слѣдующимъ статьямъ:

1) Администрація и счетоводство.

2) Ремонтъ и погашеніе мертваго инвентаря.

3) Ремонтъ и погашеніе построекъ.

4) Поземельные налоги.

1. По свѣдѣніямъ Департамента Земледѣлія, средній расходъ на *администрацію* для имѣній средне-черноземныхъ губерній исчисленъ въ такомъ размѣрѣ на 1 дес.

Полтавская губернія	1 р. 44 к.
Харьковская „	1 „ 99 „
Воронежская „	1 „ 63 „
Среднее . . .	1 р. 69 к.

Изъ приведенныхъ въ изданіяхъ Департамента отдѣльныхъ учетовъ видно, что нѣкоторыми хозяевами относится къ администраціи имѣнія расходъ на наемъ пастуховъ, конюховъ и пр. Изъ другихъ учетовъ можно заключить, что учтено содержаніе всей администраціи, по всѣмъ отраслямъ хозяйства, а не по одному полеводству.

Въ числѣ корреспондентовъ Департамента Земледѣлія находятся извѣстныя экономіи, ведущія правильное счетоводство и заслуживающія довѣрія; по свѣдѣніямъ этихъ экономій расходъ на администрацію составляетъ:

		Расх. на администрацію.	Общ. кол. земли въ имѣніи.
Херсонской губ.	Веселый Кутъ (за 5 лѣтъ) . . .	1,00 р.	1580 дес.
„	Бражковка (за 8 лѣтъ)	0,60	3332
„	Мигиская экономія	0,74	—
Екатериносл. г.	Бутовичевка (за нѣск. лѣтъ) . .	0,90	4022
„	Екатериновка (за 5 л.)	0,98	11584
„	Пески	0,75	15000
Воронежской г.	Татарка	1,00	7319
Полтавской губ.	Войтовцы (за 5 л.)	2,50	869
„	Толкачевка (за 3 г.)	1,00	1453
„	Борозенка (за 3 г.).	1,00	560
	Среднее	1 р. 05 к.	

По нѣкоторымъ имѣніямъ Харьковской губерніи исчисленъ расходъ на администрацію, доходящій до 4 руб. 75 к. на посѣвную десятину, но во всѣхъ этихъ имѣніяхъ находятся свеклосахарные заводы, требующіе дорогой и сложной администраціи. Введеніе въ разсчетъ этихъ свѣдѣній особенно повліяло на возвышеніе средняго вывода, полученнаго Департаментомъ Земледѣлія по отношенію расхода на администрацію. Послѣдній полученный нами результатъ въ 1 р. 05 к., основанный на экономическихъ учетахъ, чисто земледѣльческихъ имѣній, можетъ быть принятъ для дальнѣйшихъ разчетовъ.

2. *Ремонтъ и погашеніе мертваго инвентаря.* Родъ и число необходимыхъ для каждаго имѣнія земледѣльческихъ орудій находятся въ прямой зависимости отъ системы хозяйства, принятаго сѣвооборота, отъ количества обрабатываемой земли и ея почвенныхъ условій.

Въ разсчетахъ своихъ мы будемъ принимать, что весь экономическій посѣвъ обрабатывается экономическимъ инвентаремъ, что въ имѣніяхъ принятъ трехпольный сѣвооборотъ или что озимый посѣвъ равняется яровому и, наконецъ, что обработкѣ подлежатъ черноземныя почвы.

Въ большинствѣ экономій, не стѣсненныхъ рабочимъ скотомъ, на каждый плугъ назначается 30 дес. пахати, причемъ достигается полная и правильная обработка земли. Слѣдовательно, на 1 дес. посѣва требуется $^1/_{30}$ ч. плуга.

Относительно производства посѣва, вся забота хозяина заключается въ томъ, чтобы своевременно произвести яровой сѣвъ, который нуждается въ весенней влагѣ. Для озимаго сѣва въ расположеніи хозяина имѣется достаточно времени. Поэтому количество орудій, необходимыхъ для посѣва, опредѣляется пространствомъ занимаемымъ яровыми хлѣбами. Для возможнаго обезпеченія урожая, посѣвъ яровыхъ хлѣбовъ долженъ быть оконченъ въ 2 недѣли или въ 12 рабочихъ дней, въ теченіе какового времени одна борона можетъ заработать 10 десят., что вмѣстѣ съ 10 дес. озимаго посѣва составитъ 20 дес., слѣдовательно, на посѣвную десятину требуется $^1/_{20}$ ч. бороны. При успѣшности дневной работы разбросной сѣялки въ 10 десят., она можетъ въ 12 дней засѣять 120 дес. яроваго хлѣба, что вмѣстѣ съ такимъ же количествомъ озимаго посѣва составитъ 240 дес. На одну посѣвную десятину нужно имѣть $^1/_{240}$ ч. разбросной сѣялки.

При успѣшности работы экстирпатора вдвое противъ плуга, на 60 дес. достаточно одного орудія. Конныя грабли служатъ для сгребанія сѣна, а главнымъ образомъ для сгребанія колоса по жнивьямъ. Американскими граблями можно сгресть въ 1 рабочій день съ 6 дес. сѣно и съ 12 д. колосъ. Считая, что колосъ собирается въ теченіе всего времени уборки хлѣба, т. е. 12 дней, однѣхъ грабель достаточно на 144 дес. хлѣбнаго посѣва.

Для опредѣленія силы необходимой для даннаго хозяйства, молотильной машины можно принять во вниманіе результаты конкурсныхъ испытаній, производившихся въ 1880 г. на Харьковской сельско-хозяйственной фермѣ и въ 1882 г. на Московской выставкѣ.

Результаты этихъ испытаній таковы:

а) На Харьковской фермѣ:

Какого завода машины.	Число лошадин. силъ.	Наибольшее успѣшіе одной лошади.	Обмолочено въ часъ озимаго хлѣба.
А. П. Прянишникова	6	17 п.	14 к.
Э. И. Мельгозе (въ Харьковѣ)	6	12 „	18 „
Э. И. Мельгозе.	2	12,5 „	5,8 „
Э. Липгардтъ—(въ Москвѣ)	4	14,5 „	13,5 „
Э. Липгардтъ	2	10,5 „	8,0 „
А. М. Теплякова (Тульск. губ.)	4	18 „	12,0 „
Итого . . .	24	—	71,3 к.

Среднiй успѣхъ молотьбы въ 1 часъ на лошадиную силу . . . . 3 копны.

б) На Московской выставкѣ:

	Число лошадин. силъ.	Обмолочено въ часъ ржи.
Мальцова.	2	6,4 к.
Мальцова	6	11,7 „

	Число лошадин. силъ.	Обмолочено въ часъ. ряд.
Лингардта	3	5,0 „
„	6	9,2 „
Мельгозе	4	9,8 „
Итого. . . .	21	42,1 к.

Средній успѣхъ молотьбы въ 1 часъ на лошадиную силу . . . . 2 копны.

Средняя успѣшность молотьбы по двумъ испытаніямъ опредѣляется по 2,5 коп. озим. хлѣба въ часъ на лошадиную силу.

При обычной обстановкѣ молотьбы въ хозяйствахъ никогда не получается такой успѣшности работы, какая обнаружена на конкурсныхъ испытаніяхъ. Обыкновенно принимаютъ на 1 лошадиную силу въ рабочій день—15 коп. озимаго и 20 коп. яроваго хлѣба. Въ 40 рабочихъ дней молотьбы 1 лошадь вымолачиваетъ 600 копенъ озимаго и 800 коп. яроваго хлѣба. Принимая на всякій случай нѣсколько высшую норму урожая хлѣба въ копнахъ, получимъ что на каждую десятину посѣва требуется 0,02 лошадиной силы, или на 50 дес. одна лошадь.

Одна ручная колонистская вѣялка свободно перевѣетъ зерно вслѣдъ за 2 и 3-хъ конной молотилкой, а сортировка за 4-хъ конной. Поэтому на 1 дес. посѣва требуется 0,01 вѣялки и 0,005 сортировки.

Что касается соломорѣзокъ и корнерѣзокъ, то ихъ достаточно имѣть по одной на каждый хуторъ, примѣрно въ 400—500 дес. посѣва.

Такимъ образомъ потребность хозяйства въ мертвомъ инвентарѣ опредѣлится такимъ образомъ на 1—посѣвную десятину:

	Стоимость одного орудія.	На сколько десятинъ одно орудіе.	Приходится на 1 д. стоимости орудія
Плугъ	40	30	1,33
Борона	12	20	0,60

	Стоимость одного орудія.	На сколько десятинъ одно орудіе.	Приходится на 1 д. стоимости орудія
Экстирпаторъ	50	60	0,84
Сѣялка	120	240	0,50
Конныя грабли	90	144	0,63
4-хъ конная молотилка	450	200	2,25
Вѣялка	50	100	0,50
Сортировка	80	200	0,40
Корнерѣзка и соломорѣзка	80	400	0,20
Возовъ	40	10	4,00
Упряжъ	5	10	0,50
Итого			11,75 р.

Такъ какъ ремонтъ и погашеніе молотилки введены въ стоимость молотьбы при исчисленіи полевыхъ расходовъ, то подесятинная стоимость этой машины должна быть исключена, послѣ чего остается инвентаря на 1 дес. 9 руб. 50 коп.

Относя на ремонтъ и погашеніе 10% со стоимости инвентаря, ежегодный расходъ на 1 посѣвную десятину составитъ—95 коп.

3. *Стоимость построекъ и расходъ на ремонтъ и погашеніе ихъ.*

Стоимость господскихъ хозяйственныхъ строеній находится въ прямой зависимости отъ количества земли въ имѣніи и отъ принятой въ немъ системы хозяйства.

а) Для имѣнія, примѣрно, въ 600 дес. посѣва требуется домъ въ 6—7 комнатъ, деревянный, оштукатуренный или обложенный кирпичемъ, крытый желѣзомъ. Квадратное содержаніе такой постройки составитъ около 40 кв. с. (длины 8 с., ширины 5 саж., высоты 1,8 с.).

На основаніи матеріала, извлеченнаго изъ цѣлой массы оцѣнокъ по земскому страхованію Полтавской губерніи, средняя стоимость квадратной сажени, указаннаго выше дома, опредѣлится въ 80 р. (отчетъ ревизіонной коммиссіи губернскому собранію 1887 г.), а всего дома въ 3200 руб.

На посѣвную десятину принятаго размѣра имѣнія приходится по 5 руб. 33 коп.

Для имѣній меньшаго размѣра постройка можетъ быть значительно удешевлена, вмѣсто штукатурки—мазка, вмѣсто желѣзной—гонтовая, камышевая и, наконецъ, соломенная крыша, далѣе вмѣсто крашенныхъ—бѣлые полы, а вмѣсто столярной работы—плотничная и т. д.

Поэтому можно принять неизмѣнной величиной, соотвѣтствующую стоимость господскаго дома, по 5 р. 33 к. на одну посѣвную десятину; только для значительныхъ имѣній эта величина понизится.—Кромѣ господскаго дома требуется двѣ двойныхъ избы, конюшня съ сараемъ и погребъ съ ледникомъ.

На основаніи земскихъ изслѣдованій по Полтавской губ. стоимость избъ установлена такимъ образомъ: плетневая двойная 150 р., одинарная съ сѣнями 100 р., рубленая двойная 300 р., одинарная съ сѣнями—100 р. (журналы Константиноградскаго земскаго собранія 1886 г.). Опредѣляя потребность для имѣнія съ 600 десятинами посѣва въ двухъ двойныхъ рубленыхъ избахъ,—стоимость ихъ опредѣлится въ 600 руб.

Стоимость ледника и погреба можно принять въ 150 р.

Сарай и конюшня на 8 лошадей—должны имѣть 12 саж. длины 3 сажени ширины, при 1,5 сажени высоты.—Такая постройка обойдется.

45 саж. досчатыхъ стѣнъ по 8 р. .	360 руб.
48 саж. крыши черепичной по 10 р.	480 „
6 перегородокъ для станковъ въ 9 кв. саж. по 8 руб.	48 „
Итого .	888 руб.

Такимъ образомъ общая стоимость господскихъ стреній—4838 руб.

Часть этой стоимости нужно отнести на сѣнокосы. При господствующей системѣ хозяйства на 3 десят. пахатной земли (2 дес. посѣва и 1 дес. толоки) нужно имѣть 1 дес. степнаго или ½ дес. луговаго сѣнокоса. Если принять 1 дес. степнаго сѣнокоса за ½ дес.,—то на этотъ сѣнокосъ нужно отнести ⅐ ч. стоимости господскихъ построекъ; послѣ чего на посѣвной землѣ останется 4147 р., т. е. по 6 р. 91 к. на десятину.

б) Расходъ на ремонтъ и погашеніе скотныхъ дворовъ и конюшенъ выведенъ уже по полеводству, при исчисленіи сто-

имости упряжной силы,—а потому нѣтъ основанія для причисленія этого расхода къ общимъ расходамъ по имѣніямъ.

На крупную штуку рогатаго скота и на лошадь полагается 0,57 саж. по длинѣ сарая, слѣдовательно для 40 головъ, при постановкѣ ихъ въ 2 ряда, необходимо имѣть сарай длиною 11,4 саж. и саж. и шириною 4 сажени.

Стоимость такого сарая:

досчатыхъ стѣнъ 46,2 кв. саж. по 8 руб.	369 р. 60 к.
черепичной крыши—60,7 к. с. по 10 „	608,00 р.
ясли—22,4 сажня по 1 руб.	22,40 „
Итого.	999,00 „

На посѣвную десятину по 1 р. 67 коп.

в) Необходимая для имѣнія вмѣстимость амбаровъ должна находиться въ прямой зависимости отъ посѣвной площади и величины урожаевъ. Въ одной кубической сажени вмѣстимости амбара помѣщается 45,6 четв. хлѣба,—а за исключеніемъ 20% на проходы—37,2 четв.

Раздѣляя это послѣднее количество на средній урожай хлѣбовъ въ разныхъ уѣздахъ губерніи, получимъ искомый объемъ амбара на посѣвную десятину, а именно: для Сумскаго уѣзда 0,18 к. с., Лебединскаго 0,16 к. с., Ахтырскаго и Богодуховскаго 0,15 к. с., Валковскаго 0,14 к. с., Волчанскаго и Харьковскаго 0,12 к. с., Зміевскаго, Изюмскаго и Купянск. 0,11 к. с. и Старобѣльскаго 0,10 к. с. Для опредѣленія цѣнности амбара, примѣрно, въ 75 к. с., изъ которыхъ за вычетомъ средняго прихода, остается для засыпки 60 куб. с., можно принять нормы, выработанныя Полтавскимъ губернскимъ земствомъ и напечатанныя въ докладахъ губернской управы за1890 годъ (№ 65).

По этимъ нормамъ стоимость амбара принятаго объема (10 с. длины, 5 с. ширины и 1,5 саж. высоты) опредѣлится: фундаментъ—80 стульевъ—80 р.

45 к. саж. наружныхъ стѣнъ изъ пластинъ по 11 р.	495 руб.
46 к. с. досчастыхъ перегородокъ для закромовъ по 8 р.	368 „
50 саж. пола досчатаго по 9 руб. . .	450 „
10 к. саж. потолка надъ среднимъ проходомъ по 6 р.	60 „
60 к. с. крыши желѣзной по 11 р. . .	660 „
	2113 р.

На кубическую сажень вмѣстимости зерна приходится по 35 р. 20 коп.

На посѣвную десятину падаетъ со стоимости амбаровъ по уѣздамъ: въ Сумскомъ 6 р. 34 к., Лебединскомъ 5 р. 63 к., Ахтырскомъ и Богодуховскомъ 5 р. 38 к., Валковскомъ 4 р. 92 к., Волчанскомъ и Харьковскомъ 4 р. 22 к., Зміевскомъ, Изюмскомъ и Купянскомъ 3 р. 87 к. и Старобѣльскомъ 3 р. 52 коп.

г) Размѣры инвентарнаго сарая находятся въ зависимости отъ числа необходимыхъ по системѣ хозяйства орудій и отъ занимаемаго каждымъ изъ нихъ пространства.

Количество необходимыхъ орудій опредѣлено выше, а занимаемое ими пространство видно изъ слѣдующихъ цифръ;

	Занимаемое жилищное пространство.	Приходится на 1 десят.
Плугъ квадр. арш. . .	10	0,33
Экстирпаторъ	12	0,20
Борона (при укладкѣ одна на другую)	1	0,05
Сѣялка	14	0,06
Конныя грабли	12	0,05
Молотилка конная . . .	21	0,10
Передача къ ней	4	0,02
Вѣялка	6	0,03
Сортировка	6	0,02
Возы (по 2 одинъ на другомъ).	10	1,00
Итого		1,86 к. а.

На 1 посѣвную десятину 0,21 куб. саж.

Чтобы опредѣлить стоимость инвентарнаго сарая нужно предположить постройку сарая произвольныхъ размѣровъ, примѣрно въ 50 квадр. саженъ (10 с. длины 5 с. ширины 1 с. высоты).

30 к. с. досчатыхъ стѣнъ по 8 р.	240 р.
60 к. с. желѣзной крыши по 11 р.	660 „
25 к. с. пола (на половинѣ сарая).	200 „
Итого .	1100 р.

На квадратную сажень 22 руб., а на посѣвную десятину по 4 р. 62 коп.

д) Необходимый размѣръ казармъ для рабочихъ опредѣ-

ляется количествомъ экономическаго скота и пространствомъ запашки.

На каждыя 10 дес. экономической запашки можно положить по 1 рабочему и 1 полурабочему,—а на каждаго рабочаго по $1^1/_2$ куб. сажени помѣщенія; такъ какъ казармы наиболѣе наполнены лѣтомъ, то этого объема воздуха вполнѣ достаточно.

Казарма въ 10 саж. длины, 3 с. ширины и 1,33 с. высоты обойдется:

37,25 к. с. наружныхъ и внутреннихъ стѣнъ лимпачевыхъ или глинобитныхъ по 6 руб. .	223 р. 50 к.
40 кв. с. крыши земляной по 4 р. . . .	160 „ — „
2 печи по 25 рублей	50 „ — „
Итого .	433 р. 50 к.

На кубическую саж. приходится по 10 р. 80 к., а на посѣвн. десят. $\frac{10{,}80 \text{ р.} \times 3 \text{ к. с.}}{10 \text{ десят.}} = 3$ р. 24 к.

е) При веденіи хозяйства за счетъ экономіи на каждыя 10 дес. посѣва нужно имѣть въ запасѣ 25 п. разнаго рода провизіи, а на одну десятину 2,5 пуд.—Требуемое для этого помѣщеніе стоитъ—25 коп.

Общая стоимость построекъ на посѣвную десятину и расходы на ихъ ремонтъ и погашеніе составляютъ:

Уѣзды.	Стоимость построекъ		На ремонтъ 2% погашеніе 3% итого 5%
Сумскій	22 р.	78 к.	114 коп.
Лебединскій	22	07	110
Ахтырскій и Богодуховскій.	21	82	109
Валковскій	21	36	107
Волчанскій и Харьковскій.	20	66	103
Зміевскій, Изюмскій и Купянскій	20	31	102
Старобѣльскій	19	96	100
Среднее . .	21 р.	28 к.	

4. Земельныя повинности составляютъ по уѣздамъ:

Уѣзды.	Государственныя.	Земскія.	Дворянскія.	Итого.
Сумскій	20,0	45	4,5	65,5
Лебединскій	16	33	4,0	53,0
Ахтырскій	16	23,7	8,5	48,2
Богодуховскій	14	33,0	3,8	50,8
Валковскій	14	30,0	4,0	48,0
Харьковскій	15	22,5	5,2	42,7
Волчанскій	11	18,8	3,9	33,7
Зміевскій	11,5	20,0	2,8	34,3
Изюмскій	6,0	13,0	1,7	20,7
Купянскій	5,8	17,5	2,4	25,7
Старобѣльскій	4,1	15,0	1,9	21,0

Всего общихъ расходовъ, падающихъ на посѣвную десятину:

Уѣзды.	Управленіе.	Ремонтъ и погаш. построекъ.	Рем. и погаш. инвентаря.	Повинности.	Итого.	
Сумскій	105 к.	114 к.	95,0	65,5	3 р.	79,5 к.
Лебединскій	105	110	95,0	53,0	3	63
Ахтырскій	105	109	95	48,2	3	57,2
Богодуховскій	105	109	95	50,8	3	59,8
Валковскій	105	107	95	48,0	3	55
Харьковскій	105	103	95	42,7	3	45,7
Волчанскій	105	103	95	33,7	3	36,7
Зміевскій	105	102	95	34,3	3	36,3
Изюмскій	105	102	95	20,7	3	22,7
Купянскій	105	102	95	25,7	3	27,7
Старобѣльскій	105	100	95	21,0	3	21
Среднее	105 к.	106,5	95,0	40,3	3 р.	46,8 к.

При исчисленіи общихъ расходовъ ничего не отнесено на оплату процентами капиталовъ, вложенныхъ въ сельско-хозяйственное предпріятіе, такъ какъ задача настоящей работы заключается именно въ установленіи процента получаемаго хозяиномъ на сумму всѣхъ капиталовъ: основнаго, стоячаго и оборотнаго,—вложенныхъ имъ въ имѣніе.

Что касается абсолютнаго чистаго дохода, получаемаго съ посѣвной десятины, занимаемой разнаго рода хлѣбами, то таковая выразится въ слѣдующей таблицѣ:

У ѣ з д ы.	Рожь.	Озим. пшеница.	Яров. пшеница.	Ячмень.	Овесъ.	Средн. съ десят.
Сумскій	16,22	36,93	21,90	12,65	12,33	20,00
Лебединскій	11,43	33,51	18,70	10,34	7,53	16,12
Ахтырскій	10,49	31,14	16,81	8,73	5,49	14,55
Богодуховскій	10,67	27,77	18,56	9,10	4,90	14,22
Валковскій	10,51	24,97	17,42	9,71	3,68	13,26
Харьковскій	9,07	19,04	12,97	3,22	4,70	9,95
Волчанскій	5,46	15,95	10,65	0,62	2,34	7,01
Змієвскій	6,50	14,45	8,59	4,28	3,87	7,73
Изюмскій	5,16	11,66	8,30	4,63	4,37	6,84
Купянскій	0,54	8,11	5,76	1,16	2,56	3,60
Старобѣльскій	0,40	8,30	6,20	1,69	1,33	3,40
Среднее	7,86	21,08	13,35	6,08	4,67	10,61р.

Примая во вниманіе всѣ расходы по имѣнію какъ полевые, такъ и общіе, опредѣлимъ стоимость производства пуда хлѣбныхъ продуктовъ:

У ѣ з д ы.	Рожь.	Озимая пшеница.	Яровая пшеница.	Ячмень.	Овесъ.
Сумскій	30,6	34,5	42,2	30,5	26,4
Лебединскій	34,40	36,1	44,2	32,0	31,0
Ахтырскій	34,60	36,6	46,0	33,0	34,5
Богодуховскій	34,10	39,8	41,6	32,0	33,0
Валковскій	34,80	40,6	44,3	32,0	36,1

Уѣзды.	Рожь.	Озим. пшеница	Яров. пшеница.	Ячмень.	Овесъ.
Харьковскій	34,0	46,7	50,0	42,1	35,8
Волчанскій	32,4	45,0	47,6	40,0	35,0
Зміевскій	37,6	50	53,1	38	34
Изюмскій	40,5	54,3	56,0	38,2	34
Купянскій	40,0	54,3	56,0	37,0	34
Старобѣльскій	46,6	54,6	58,7	37,4	38,6
Среднее	36,3	44,8	49,1	35,6	33,9
Средняя продажная цѣна по губерніи	50,0	83,5	82,0	47,7	43,1
Остатокъ въ пользу хозяина	13,3	38,7	32,9	12,1	8,2

В. Мезенцовъ.

ИСТОЧНИКИ:

1. Описаніе Волчанскаго уѣзда въ С.-Х. ст. отношеніи Н. Клингена. Харьковъ 1882 г.

2. Зміевскій уѣздъ (бѣглый очеркъ) Л. В. Иллашевича. Харьковъ 1887 г.

3. Сумскій уѣздъ.—Описаніе Козлова. Издано Сумскимъ уѣзднымъ земствомъ. Харьковъ 1883—1884 года.

4. Отчеты, доклады и журналы—Харьковскаго Общества Сельскаго Хозяйства—выпускъ I—1889 г.

5. Харьковская Сельско-хозяйственная выставка 1880 года.

6. Планъ веденія хозяйства въ имѣніи А. Н. Масловской при сл. Троицкой.—Составилъ Перепелкинъ. Москва 1882 г.

7. Очеркъ Тростянецкаго имѣнія В. Е. Кенига, Харьковъ 1887 г.

8. Основы шебекинскаго хозяйства—г. Ребиндеръ. Харьковъ 1887 г.

9. Краткое описаніе Терновскаго имѣнія князя и княгини Щербатовыхъ.—Харьковъ 1890 г.

10. Описаніе двухъ имѣній графа М. М. Толстаго, состав. М. М. Кабештовымъ.

11. Журналъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства 1896 г. № 2.

12. Каталогъ Харьковской сѣменной выставки 1884 г.

13. Журналы и отчеты Харьковск. Общ. сельск. хозяйства. Харьковъ 1883 г.

14. Харьковскій Календарь за 1886 годъ.

15. Выборки изъ экономическихъ книгъ нѣсколькихъ имѣній.

16. Изданія Департамента Земледѣлія съ 1881—1889 годы.

17. Отчеты Константиноградской земской управы за 1884—1889 годы.

18. Вѣстникъ Финансовъ съ 1886—по 1890 годъ.

19. Доклады Полтавской губернской земской управы за 1890 № г. 65.

ПУТЕШЕСТВІЕ АКАДЕМИКА ГИЛЬДЕНШТЕДТА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Іоаннъ Антонъ Гильденштедтъ родился въ Ригѣ 26-го апрѣля 1745 г. Отецъ его Антонъ Гильденштедтъ былъ сначала секретаремъ императорской главной консисторіи, а затѣмъ ассесоромъ гофгерихта, мать Доротея, урожденная Виргинъ, единственной дочерью бургомистра города Пернау, Якова фонъ-Виргина [1]).

Въ виду того, что Гильденштедтъ является позднѣе однимъ изъ выдающихся ученыхъ русской академіи наукъ, было бы особенно желательно поподробнѣе прослѣдить ходъ его воспитанія и образованія; къ сожалѣнію и о томъ, и о другомъ мы имѣемъ только очень краткія свѣдѣнія.

Первымъ наставникомъ Гильденштедта былъ его отецъ; благодаря выдающимся способностямъ и прилежанію, мальчикъ очень рано поступилъ въ одинъ изъ высшихъ классовъ императорскаго лицея въ Ригѣ, ректоромъ котораго былъ въ то время пасторъ Лодеръ. Уже въ 1758 г. Гильденштедтъ лишился отца, а въ 1761 г. и матери. Въ 1763 г. онъ поступилъ въ берлинскую медико-хирургическую коллегію, а въ 1767 г. послѣ кратковременнаго пребыванія въ Франкфуртѣ на Одерѣ былъ на 22-мъ году своей жизни удостоенъ здѣсь степени доктора. За нѣсколько недѣль до полученія ея онъ былъ избранъ въ члены тамошняго общества естествоиспытателей. По рекомендаціи одного изъ его учителей въ коллегіи Гледича онъ былъ приглашенъ въ Россію въ императорскую академію наукъ для участвованія въ научныхъ экспеди-

---

[1]) Единственнымъ матеріаломъ для біографіи Гильденштедта служили свѣдѣнія, находящіяся въ предисловіи къ нѣмецкому изданію его путешествій.

ціяхъ, предпринятыхъ въ то время академіей въ различные края Россіи. Въ Петербургъ Гильденштедтъ прибылъ въ апрѣлѣ 1768 г. Сначала ему было поручено объѣхать одну только Астраханскую губернію, но затѣмъ по предложенію Гмелина размѣръ даннаго ему порученія былъ значительно расширенъ. Путешествіе Гильденштедта, продолжавшееся 7 лѣтъ (1768—1775), т. е. занявшее половину всего пребыванія его въ Россіи, несомнѣнно составляетъ важнѣйшую эпоху его жизни, прекраснымъ доказательствомъ чего является его дневникъ и много другихъ трудовъ, преимущественно зоологическаго и историко-географическаго содержанія [1]), которые были написаны имъ частью во время его путешествія, частью послѣ него и матеріалъ для которыхъ былъ въ большинствѣ случаевъ почерпнутъ имъ изъ этого путешествія. На послѣднемъ я не буду теперь останавливаться, такъ какъ оно достаточно выяснится ниже при описаніи содержанія дневника его.

Во время отсутствія Гильденштедта, именно въ 1770 г., онъ былъ назначенъ адьюнктомъ академіи, а въ 1771 г. дѣйствительнымъ членомъ академіи и профессоромъ естественной исторіи. Въ то же время онъ въ 1770 г. былъ избранъ въ члены С.-Петербургскаго вольнаго экономическаго общества, въ 1774 г. въ члены берлинскаго общества естествоиспытателей и въ 1779 г. въ члены эрфуртской академіи.

Гильденштедтъ несомнѣнно обладалъ знаніями основательными, обширными и разносторонними; отношеніе его къ своему дѣлу, къ наукѣ, было въ высшей степени добросовѣ-

[1]) Mus Suslica, Nov. Com. Petr. Vol. XIV. Part. I, p. 389 tab. 7; Anas Nyroca, ibid. p. 463 seq.; Spalax, novum glirium genus, ibid. p. 409, seq. tab. 8. 9; Pereghusna nova Mustelae species, ibid. p. 441, seq. tab. 10; Salmo Leucichthys et Cyprinu chalcoides, Nov. Com. Petr. Vol. XVI, p. 531 seq. tab. 16; Krascheninikofia, novum plantae genus. Ibid. p. 548, tab. 17; Cyprinus Capoeta et C. Mursa, Nov. Com. Petr. Vol. XVII p. 507 seq. tab. 8. 9; Acerina, piscis ad Percae genus pertinens, Nov. Com. Petr. Vol. XIX p. 455 tab. 11; Sex avium descriptiones: Loxia Rubicilla, Tanagra melanictera, Muscicapa melanoleuca, Motacilla erythrogastra, Scolopax subarquata, Scolopax cinerea, Eod. Vol. p. 463 seq. tab. 12—19; Schacaliae historia, Nov. Com. Petr. Vol. XX p. 449 seq.; Chaus animal feli adfine, Eod. Vol. p. 484 tab. 14. 15; рѣчь на 50-ти лѣтній юбилей академіи: Memoire sur les produits de Russie propres à tenir la balance du commerce extérieur toujours favorable 1777; нѣмецкій переводъ въ 4-мъ томѣ С.-Петербургскаго журнала; русскій переводъ въ Академическихъ извѣстіяхъ; Abhandlung von den Häfen am asowischen, schwarzen und weissen Meer, не-

стное, вполнѣ безкорыстное; его скромность и строгость къ самому себѣ были причиной того, что онъ оставилъ послѣ себя гораздо меньше трудовъ, чѣмъ былъ бы въ состояніи. Всегда кроткій, ровный въ обращеніи, строгій къ себѣ и снисходительный къ другимъ, онъ не только никогда не дѣлалъ зла, но даже и въ мысляхъ боялся обидѣть ближняго; всегда готовый служить ему, отзывчивый на все доброе, полезное, онъ въ 1779 г. основалъ библіотеку на совершенно безкорыстныхъ началахъ; не менѣе безкорыстно работалъ онъ и въ вольномъ экономическомъ обществѣ, президентомъ котораго былъ избранъ въ 1780 г. Но особенно ярко обнаруживалось его человѣколюбіе и самоотверженіе въ его медицинской практикѣ, бывшей причиной его столь преждевременной смерти. Вылѣчивъ многихъ отъ гнилой горячки, свирѣпствовавшей въ 1781 г. въ Петербургѣ, онъ самъ сдѣлался жертвой ея; его истощенный непосильнымъ трудомъ организмъ не вынесъ болѣзни; онъ скончался 13-го марта 1781 г., всего на 36-мъ году своей жизни.

Императорская академія наукъ, созданная по мысли великаго Петра, вскорѣ сдѣлалась центромъ умственной жизни въ Россіи; ею впервые было положено начало всестороннему научному изученію нашего отечества. Едва окрѣпнувъ, это молодое учрежденіе предприняло цѣлый рядъ научныхъ экспедицій по всей Россіи; экспедиціи эти и труды, явившіеся результатомъ ихъ, впервые знакомили съ Россіей и иностранцевъ, и самихъ русскихъ. Дѣятельное участіе въ нихъ на

торико-географическій календарь за 1776 г. и 1-й томъ С.-Петерб. журнала; Von den Häfen am caspischen Meer, ист.-геогр. календарь за 1777 г. и 3-й томъ С.-Петерб. жур.; Geographische, chymische und medicinische Beschreibung der im astrachanischen Gouvernement am Terekflusz gelegnen warmen Bäder, ист.-геогр. календарь 1778 г. и С.-Петерб. жур. 1782, а также въ 1-мъ томѣ путешествій; Geographische, historische und statistische Nachrichten von der neuen Gränzlinie des russischen Reichs, zwischen dem Terekflusz und dem asowischen Meer, ист.-географ. календарь 1779 г. и 7-й томъ С.-Петерб. журн.; Gedanken über eine zwischen Ruszland und Deutschland auf der Donau und dem schwarzen Meer zu eröfnende Handlung, рус. акад. извѣстія и 10-й томъ С.-Петерб. жур.; Beschreibung des Desmans oder der Bisamratte, Труды берл. общ. естествоиспытателей; Reisen nach Georgien und Imerethi. Aus seinen Papieren gänzlich umgearbeitet und mit Anmerkungen begleitet von Jul. von Klaproth; Berlin 1815; Beschreibung der kaukasishen Länder. Aus seinen Papieren umgearbeitet von Jul Klaproth, Berlin. 1834.

ряду съ послѣдними принимали и иностранцы, явившіеся въ XVIII вѣкѣ въ большомъ количествѣ въ Россію: между ними были и высокозамѣчательныя личности, много потрудившіяся на пользу Россіи. Сочиненія и иностранныхъ, и русскихъ академиковъ-путешественниковъ дали массу совершенно новыхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ науки; многія изъ этихъ сочиненій сохранили значеніе и по настоящее время, до сихъ поръ давая неистощимый матеріалъ къ изученію той или иной мѣстности Россіи. Между многими славными именами, каковы имена Стеллера, Гмелиновъ, Палласа, Лепехина, Озерецковскаго, Зуева и другихъ, работавшихъ на этомъ поприщѣ, не послѣднее мѣсто принадлежитъ Гильденштедту. Ниже я остановлюсь на одномъ изъ его трудовъ, именно на дневникѣ его путешествій по Россіи, изъ котораго и заимствованъ предлагаемый отрывокъ.

Всегда строго относившійся къ своимъ трудамъ, Гильденштедтъ много времени посвятилъ приведенію въ порядокъ и обработкѣ матеріаловъ для своего дневника; работа эта не была имъ докончена. Уже послѣ его смерти дневникъ былъ по приказу академіи наукъ изданъ академикомъ Палласомъ въ 2-хъ томахъ: 1-й томъ вышелъ въ 1787 г., второй въ 1791 г. Не смотря на долговременныя подготовительныя работы самого Гильденштедта, Палласу пришлось много потрудиться надъ изданіемъ дневника. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Гильденштедтъ оставилъ только отрывочныя извѣстія, такъ что издателю приходилось пополнять ихъ изъ подробныхъ донесеній Гильденштедта академіи; въ другихъ мѣстахъ, правда немногихъ, издатель напротивъ дѣлалъ сокращенія, находя ихъ излишне подробными. Особенно много пришлось ему поработать надъ 1-мъ томомъ; 2-й былъ почти подготовленъ къ печати самимъ Гильденштедтомъ. Дневникъ снабженъ небольшимъ предисловіемъ и нѣсколькими картами и таблицами, а также сравнительной таблицей словъ различныхъ кавказскихъ нарѣчій и описаніемъ плуговъ и косъ, употребляемыхъ въ Малороссіи.

Содержаніе путешествія, а слѣдовательно и дневника слѣдующее: выѣхавъ изъ Петербурга 8-го мая 1768 г., Гильденштедтъ изслѣдовалъ источники Двины, Днѣпра, Волги и Дона; проведя зиму въ Москвѣ, онъ 1769-й годъ употребилъ на проѣздъ черезъ Воронежъ, Новохоперскъ и Царицынъ въ Астрахань. Слѣдующіе $3^1/_2$ года, именно отъ начала 1770 г. до

половины 1773 г., Гильденштедтъ посвятилъ путешествію по Кавказу. Описаніе послѣдняго, занявъ болѣе двухъ третей 1-го тома, захватываетъ и часть 2-го, при чемъ Гильденштедтъ не ограничился описаніемъ своего путешествія, но и составилъ еще обстоятельное описаніе Кавказа, занимающее цѣлую треть перваго тома. Вторую половину 1773 г. Гильденштедтъ употребилъ на ознакомленіе съ окрестностями Черкаска, именно посѣтилъ Азовъ, устья Дона и часть береговъ Азовскаго моря. Затѣмъ онъ отправился въ Кременчугъ, гдѣ провелъ зиму и часть лѣта 1774 г., предпринимая поѣздки по Новороссіи. Намѣреніе его ѣхать въ Крымъ къ величайшему его сожалѣнію не могло осуществиться, вслѣдствіе тогдашней войны съ Турціей. Подобно остальнымъ путешествовавшимъ академикамъ онъ получилъ высочайшій приказъ вернуться въ Петербургъ. Желая извлечь изъ обратнаго путешествія по возможности больше пользы, Гильденштедтъ предпринялъ поѣздку черезъ Слободскую губернію въ Бахмутъ, а отсюда черезъ ту же губернію, Кіевъ и Батуринъ, пріѣхалъ въ самомъ концѣ 1774 г. въ Москву, а 2-го марта 1775 г. въ Петербургъ.

Гильденштедтъ путешествовалъ съ тремя студентами: Соколовымъ, Бѣляевымъ и Зряковскимъ, набивателемъ чучелъ Тарбѣевымъ и чертежникомъ Бѣлымъ; онъ не всегда ѣздилъ вмѣстѣ съ ними: иногда они предпринимали по его приказанію самостоятельныя поѣздки, а потомъ опять соединялись въ условленномъ мѣстѣ. Для облегченія Гильденштедта въ ознакомленіи съ мѣстностями, черезъ которыя онъ проѣзжалъ, канцеляріи той или иной губерніи доставляли ему нѣкоторыя офиціальныя свѣдѣнія, таковы напр.: Вѣдомости о провинціяхъ и комисарствахъ Слободско-Украинской губерніи и состоящихъ въ нихъ мѣстечкахъ, селахъ, деревняхъ и находящихся во оныхъ жителяхъ мужскаго и женскаго пола съ подраздѣленіемъ ихъ на сословія. [1]) Вѣдомости эти, спеціально составленныя для Гильденштедта, были, впрочемъ, ему мало полезны.

Однако не смотря на то, что академія позаботилась объ

[1]) Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерній въ XVI—XVIII ст., собранные и редактированные Д. И. Багалѣемъ. Изд. Харьк. ист.-фил. общ. Харьковъ. 1890 г., т. II-й, № 51, стр. 319—398.

удобствахъ его путешествія, снабдивъ его денежными средствами, помощниками и указами къ административнымъ властямъ тѣхъ мѣстъ, черезъ которыя онъ проѣзжалъ, ему все же случалось встрѣчать затрудненія, такъ, напримѣръ, онъ нѣсколько разъ жалуется на задержку въ снабженіи его деньгами или конвоемъ. Во время этого путешествія Гильденштедтъ и его спутники собрали довольно обширныя коллекціи минераловъ, животныхъ и растеній.

Внимательно всматриваясь въ дневникъ путешествій Гильденштедта, начинаешь невольно съ удивленіемъ и глубокимъ уваженіемъ относиться къ этому труженнику-иностранцу, съ такой добросовѣстностью и любовью изучавшему чужую для него страну. Давая массу совершенно новыхъ для того времени свѣдѣній, дневникъ его и до сихъ поръ нисколько не утратилъ своего значенія. Онъ захватываетъ столько разнообразныхъ отраслей знаній и сторонъ жизни, что ознакомленіе съ нимъ ясно опредѣляетъ цѣль Гильденштедта, вполнѣ достигнутую имъ, подмѣтить и описать все, что только доступно человѣку умному, чуткому, всесторонне образованному. Я не буду останавливаться теперь на разсмотрѣніи достоинствъ дневника Гильденштедта; они выяснятся сами собой ниже при подробномъ разборѣ одной сравнительно небольшой его части.

Изъ обширнаго 2-хъ томнаго дневника Гильденштедта были переведены до сихъ поръ слѣдующія части: Пребываніе и поѣздки вокругъ Черкаска и поѣздка изъ крѣпости Св. Димитрія вдоль Новой линіи, помѣщено въ Запискахъ одесскаго общества исторіи и древностей, томъ IX; хозяйственныя и статистическія данныя, извлеченныя изъ главы о Елисаветградской провинціи, напечатанныя въ Елисаветградскомъ Вѣстникѣ за 1884 г.; та же глава въ полномъ видѣ, помѣщенная въ Елисаветрадскомъ Вѣстникѣ за 1889 г.; Географическое и статистическое описаніе Грузіи и Кавказа, переводъ Германа, Спб. 1809 г.

Предлагаемый ниже отрывокъ заключаетъ въ себѣ описаніе части Слободской губерніи, черезъ которую Гильденштедтъ проѣзжалъ два раза во время своей поѣздки въ Бахмутъ и обратно. Пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ для извлеченія по возможности большей пользы изъ своихъ путешествій, Гильденштедтъ и въ данномъ случаѣ устроилъ такъ, что черезъ Слободскую губернію оба раза проѣзжалъ разными путями. За-

хваченная его поѣздкой часть Слободской губерніи составляетъ южныя половины теперешнихъ уѣздовъ: зміевскаго, изюмскаго, старобѣльскаго и отчасти купянскаго и валковскаго. Въ своемъ описаніи Гильденштедтъ не ограничивается тѣми мѣстами, гдѣ онъ останавливался и проѣзжалъ, а захватываетъ гораздо большее пространство: описавъ болѣе или менѣе подробно мѣсто своей остановки, онъ обыкновенно упоминаетъ и объ окрестностяхъ его верстъ на 15 во всѣ стороны, часто же захватываетъ и гораздо болѣе отдаленныя мѣста на разстояніе 30, 40 и даже болѣе верстъ; чаще всего это случается при остановкѣ его на какой нибудь рѣкѣ: тогда онъ почти всегда называетъ важнѣйшія населенныя мѣста по всему теченію этой рѣки въ предѣлахъ Слободской губерніи, особенно яркимъ примѣромъ чего является рѣка Осколъ.

Прежде чѣмъ говорить о содержаніи даннаго отрывка, я нѣсколько остановлюсь на внѣшней сторонѣ его. Въ описаніи путешествій важное значеніе имѣютъ географическія названія, часто сильно искажаемыя иностранцами. Такихъ искаженій у Гильденштедта почти нѣтъ; если же они и встрѣчаются, то большей частью настолько незначительны, что исправленіе ихъ не представляетъ никакого труда. Небольшое затрудненіе при чтеніи дневника, особенно въ собственныхъ именахъ, представляетъ сильно устарѣвшая орѳографія. Затѣмъ укажу на слѣдующіе промахи: вмѣсто слободы Спиваровки, упоминаемой Гильденштедтомъ на стр. 213 (нѣмец. изд.) и не встрѣчающейся во всей поѣздкѣ, слѣдуетъ понимать слободу Спѣваковку; на стр. 246 упоминается рѣка Караваевка; все предъидущее указываетъ, что это ничто иное, какъ Калантаевка; на стр. 234 Гильденштедтъ говоритъ, что, выѣхавъ изъ Маяковъ, онъ проѣхалъ около 6 верстъ *на сѣверъ* и версты черезъ 3 прибылъ въ Славянскъ, прибавляя затѣмъ, что отъ Маяковъ до Славянска считается около 10 верстъ; бѣглаго взгляда на карту достаточно, чтобы убѣдиться, что вмѣсто *на сѣверъ* слѣдуетъ читать *на югъ*.

Перейду теперь къ внутреннему содержанію предлагаемаго отрывка. При чтеніи послѣдняго прежде всего обращаетъ на себя вниманіе масса свѣдѣній о характерѣ той мѣстности, черезъ которую проѣзжалъ Гильденштедтъ, такъ что въ естественно-историческомъ отношеніи отрывокъ этотъ имѣетъ наиболѣе важное значеніе. Конечно, свѣдѣнія эти не всегда

одинаково подробны. Въ однихъ мѣстахъ Гильденштедтъ упоминаетъ только о почвѣ, въ другихъ изслѣдуетъ и горную породу: разбираетъ составъ ея, дѣлитъ на слои, напримѣръ, у слободы Новой Водолаги. Отлично прослѣжена у него мѣловая порода по берегамъ Донца: подробно описавъ ее у Святогорскаго монастыря, Гильденштедтъ и ниже постоянно указываетъ на видоизмѣненія въ ея составѣ, на мѣсто ея прекращенія, а также на присутствіе ея по берегамъ другихъ встрѣченныхъ имъ рѣкъ. Не менѣе внимательно указано у него присутствіе каменныхъ породъ въ той или иной, мѣстности. Однимъ словомъ, если сгруппировать свѣдѣнія по этому вопросу, разбросанныя по разнымъ мѣстамъ отрывка, то составится довольно полное и ясное представленіе и о почвѣ, и о горной породѣ Слободской украины. То же можно смѣло сказать и относительно устройства поверхности. Указанія этого рода встрѣчаются положительно на каждой страницѣ; Гильденштедтъ вездѣ точно отмѣчаетъ встрѣчавшіяся ему возвышенности, ровныя или низменныя мѣста и балки; наиболѣе вниманія удѣляетъ онъ берегамъ рѣкъ; здѣсь подчасъ приводятся и цифровыя данныя, конечно приблизительныя. На основаніи его разсказовъ можно нарисовать себѣ профиль той мѣстности, черезъ которую онъ проѣзжалъ. О рѣкахъ Гильденштедтъ даетъ намъ также весьма обстоятельныя свѣдѣнія: онъ отмѣчаетъ всѣ встрѣчавшіеся ему на пути ручьи и рѣки, иногда указывая направленіе ихъ, часто ширину и глубину, а время отъ времени и свойства воды; съ особеннымъ вниманіемъ отмѣчаетъ онъ встрѣчавшіеся ему мосты и плотины, опредѣляя длину важнѣйшихъ изъ нихъ. Больше всего указаній приходится на долю Донца, какъ наибольшей изъ встрѣченныхъ имъ рѣкъ; по предлагаемому отрывку можно составить себѣ полное представленіе о той части Донца, вдоль которой онъ ѣхалъ, т. е. объ измѣненіяхъ въ направленіи его, берегахъ, днѣ, свойствахъ воды, глубинѣ, ширинѣ, мостахъ, плотинахъ и даже устроенныхъ на немъ паромахъ. Постоянно указывая степныя и вообще открытыя мѣста, Гильденштедтъ повидимому не пропускаетъ безъ вниманія ни одного лѣса: въ предлагаемомъ отрывкѣ онъ упоминаетъ о 13 большихъ и 25 малыхъ лѣсахъ, сопровождая свои указанія небольшими характеристиками; благодаря этому отрывокъ пріобрѣтаетъ большое значеніе для исторіи лѣсовъ въ данной

мѣстности; сравнивъ извѣстія Гильденштедта съ болѣе ранними и болѣе поздними свѣдѣніями о лѣсахъ, можно получить вѣрную картину измѣненій, происшедшихъ въ этой области за нѣсколько столѣтій. Для ботаника огромое значеніе имѣютъ его перечни различныхъ породъ деревьевъ, растущихъ въ лѣсахъ; кромѣ того Гильденштедтъ приводитъ также массу названій степныхъ и полевыхъ растеній той или иной мѣстности. Это детальное перечисленіе породъ деревьевъ, кустарниковъ и травъ даетъ обширный матеріалъ для изученія флоры того времени въ южной части Слободской губерніи, тѣмъ болѣе что Гильденштедтъ не всегда ограничивается только названіемъ того или иного растенія, но иногда останавливается на немъ и подробнѣе.

Важные матеріалы въ этомъ отрывкѣ заключаются также для характеристики внутренняго быта мѣстнаго населенія. При чтеніи его вниманіе невольно останавливается на массѣ населенныхъ мѣстъ, преимущественно слободъ, часто довольно подробно описываемыхъ имъ. Не останавливаясь ни на Святогорскомъ монастырѣ, который Гильденштедтъ описываетъ довольно подробно, ни на городахъ, мѣстечкахъ и хуторахъ, о которыхъ Гильденштедтъ говоритъ сравнительно мало, перейду прямо къ слободамъ, которыя онъ дѣлитъ на двѣ группы: малороссійскія и однодворческія или великорусскія. Онъ упоминаетъ о 28 однодворческихъ и 48 малороссійскихъ слободахъ, при чемъ по теперешнимъ уѣздамъ онѣ распредѣляются такъ: въ зміевскомъ уѣздѣ по Украинской линіи только однодворческія слободы, на остальную же часть его приходится одинаковое количество и тѣхъ, и другихъ; въ изюмскомъ уѣздѣ малорусскихъ слободъ упоминается немного больше, чѣмъ великорусскихъ; въ старобѣльскомъ значительно больше малорусскихъ, именно на 8 великорусскихъ приходится 22 малорусскихъ, и въ купянскомъ упоминается одинаковое количество тѣхъ и другихъ. Слѣдя далѣе за терминологіей слободъ, мы замѣчаемъ раздѣленіе ихъ на казенныя и владѣльческія; первыхъ Гильденштедтъ упоминаетъ 21, вторыхъ 34. Сверхъ того онъ упоманаетъ еще о 8-ми монастырскихъ слободахъ, 2-хъ вольныхъ, 4-хъ пикенерскихъ, 1-й войсковой и 3-хъ раскольничьихъ. Прилагая къ слободѣ тотъ или иной терминъ, Гильденштедтъ не забываетъ указать въ ней и количество населенія, но тутъ у него нѣтъ никакой опредѣленной формы:

онъ указываетъ то число хатъ или семействъ, то число жителей мужескаго пола, а иногда и то, и другое. Слѣдуетъ замѣтить также, что цифровыя данныя его только приблизительныя и даются имъ большею частью только о тѣхъ слободахъ, въ которыхъ онъ останавливался во время своей поѣздки въ Бахмутъ; на обратномъ пути такихъ данныхъ почти не встрѣчается.

Такъ какъ со въѣзда Гильденштедта въ Слободскую губернію путь его нѣкоторое время шелъ приблизительно вдоль Украинской линіи, то онъ и упоминаетъ о восьми крѣпостахъ, принадлежавшихъ къ этой линіи, замѣчая, что пять изъ нихъ (крѣпости: Св. Іоанна, Орловская, Алексѣевская, Михайловская и Слободская) стояли уже въ то время пустыми. Говоря о нихъ очень кратко, Гильденштедтъ подробнѣе останавливается на Петровской крѣпости и позже на Изюмской, впрочемъ уже не принадлежавшей къ Украинской линіи. Не смотря на свою отрывочность, свѣдѣнія Гильденштедта даютъ возможность воспроизвести типъ тогдашней крѣпости. Проѣзжая недалеко отъ Украинской линіи на протяженіи отъ Бѣлевской до Петровской крѣпости, т. е. до восточнаго конца, упирающагося въ Донецъ, Гильденштедтъ подробно указываетъ направленіе этой части линіи и нѣсколько разъ упоминаетъ о редутахъ и окопахъ, встрѣчавшихся по ней, и палисадахъ, преграждающихъ рѣки Берестовую и Береку. Кромѣ укрѣпленій, принадлежавшихъ къ Украинской линіи, Гильденштедтъ указываетъ еще нѣсколько старыхъ крѣпостей и, наконецъ, много разъ говоритъ о старыхъ валахъ, преимущественно около Донца, довольно подробно описывая ихъ устройство и направленіе. Въ общемъ, если собрать эти, правда довольно краткія свѣдѣнія, то составится нѣкоторое, не могу сказать полное, представленіе объ укрѣпленіяхъ данной мѣстности и не только во вторую половину XVIII вѣка, но и въ гораздо болѣе раннее время.

Познакомившись изъ вышесказаннаго съ характеромъ самого Гильденштедта и его труда, можно, было бы, пожалуй, ожидать отъ него болѣе или менѣе подробной характеристики населенія описываемой имъ мѣстности. Но съ какой стороны не оцѣнивать предлагаемаго отрывка, мы прежде всего не должны забывать, что проѣздъ Гильденштедта черезъ Слободскую губернію туда и обратно занялъ всего 17 дней и что

кромѣ Славянска онъ нигдѣ не останавливался болѣе, какъ на ночь. При воспоминаніи объ этомъ намъ станетъ яснымъ, что Гильденштедтъ не былъ въ состояніи дать намъ полной характеристики мѣстнаго населенія. Для такой характеристики нужно долгое, внимательное наблюденіе и изученіе быта и характера народа. Но все же Гильденштедтъ немогъ оставить безъ вниманія отношенія сталкивающихся здѣсь великорусскаго и малорусскаго племенъ. Говоря объ одной изъ слободъ смѣшаннаго населенія, Гильденштедтъ отмѣчаетъ вліяніе малороссіянъ на великоруссовъ, выразившееся въ заимствованіи у нихъ обычая обработки земли волами, въ постройкѣ своихъ избъ отчасти на малороссійскій ладъ; но тутъ же, указывая на то, что однодворцы сохраняютъ неприкосновенной свою одежду, которую онъ подробно описываетъ, даетъ понять, что даже внѣшнее взаимодѣйствіе этихъ двухъ племенъ не было сильнымъ; говоря же о слободахъ смѣшаннаго населенія, онъ нѣсколько разъ упоминаетъ о раздорахъ между обоими племенами, чѣмъ ясно указываетъ, что внутренняго сближенія между ними не было, а по его мнѣнію и не могло быть. Далѣе Гильденштедтъ проводитъ параллель между однодворцами и малоруссами въ нѣкоторыхъ изъ ихъ занятій, но на это я укажу ниже.

Прежде чѣмъ перейти къ извѣстіямъ Гильденштедта о занятіяхъ жителей, замѣчу еще, что онъ даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о податяхъ и воинской повинности населенія; но эти свѣдѣнія и немногочислены, и отрывочны, такъ что не могутъ привести и опредѣленному выводу ни о разницѣ въ податяхъ жителей слободъ казенныхъ и неказенныхъ, великорусскихъ и малорусскихъ, ни о воинской повинности того или иного населенія.

Вслѣдствіе довольно южнаго положенія и плодородной почвы Слободской губерніи, земледѣліе играло въ ней самую важную роль. Въ немъ Гильденштедтъ проводитъ довольно рѣзкую параллель между малоруссами и однодворцами. Онъ обстоятельно разсказываетъ о воздѣлываніи земли однодворцами, отмѣчая въ этомъ дѣлѣ превосходство послѣднихъ надъ малоруссами; очень подробно описываетъ способы сохраненія запаснаго хлѣба,—у однодворцевъ въ стогахъ на полѣ, у малоруссовъ въ земляныхъ ямахъ, указывая недостатки того и другого способа; говоритъ о запасныхъ магазинахъ Слободской губерніи и, наконецъ, дѣлаетъ въ разныхъ мѣстахъ краткія

замѣчанія о сильномъ неурожаѣ 1774 года, о морозѣ, бывшемъ по Украинской линіи въ ночь съ 12-го на 13-е августа, о трехпольной системѣ и неудобреніи полей въ окрестностяхъ Староверовки и Лѣнивки, о яровомъ и озимомъ посѣвахъ и т. д. Тутъ же будетъ кстати замѣтить, что Гильденштедтъ довольно часто, правда всегда кратко, упоминаетъ о встрѣчавшихся ему мельницахъ и мельничныхъ плотинахъ.

О скотоводствѣ Гильденштедтъ даетъ намъ мало свѣдѣній; только разъ останавливается онъ на овцеводствѣ, сообщая нѣкоторыя подробности о стрижкѣ овецъ и уходѣ за ними, опять таки сопоставляя малоруссовъ съ однодворцами; другія замѣчанія, касающіяся скотоводства, очень немногочислены и отрывочны.

О садоводствѣ мы находимъ у Гильденштедта также не много свѣдѣній. Не болѣе 5—6 разъ упоминаетъ онъ о садахъ, указывая размѣры ихъ и породы деревьевъ въ нихъ; нѣсколько больше свѣдѣній даетъ онъ о виноградникахъ; упоминая о нихъ, онъ почти каждый разъ отмѣчаетъ плохой сортъ винограда и необходимость разведенія лучшихъ сортовъ и приходитъ, въ виду вышеупомянутаго мороза въ августѣ мѣсяцѣ, къ заключенію о невыгодности разведенія виноградниковъ сѣвернѣе Украинской линіи. Далѣе Гильденштедтъ упоминаетъ одинъ разъ о бахчѣ, подробно описывая арбузы, а другой разъ говоритъ о разведеніи малоруссами въ Изюмѣ земляныхъ яблокъ, волошской рѣпы и брюквы.

Цѣлью поѣздки своей черезъ Слободскую губернію Гильденштедтъ выставляетъ желаніе познакомиться съ солянымъ производствомъ въ Славянскѣ и Спѣваковкѣ. Такое заявленіе даетъ намъ право ожидать обстоятельныхъ свѣдѣній по этому вопросу; Гильденштедтъ вполнѣ оправдываетъ такія ожиданія. Проведя въ Славянскѣ 3 дня, онъ всесторонне ознакомился съ интересовавшимъ его дѣломъ. Въ первой половинѣ своего описанія онъ подробно говоритъ о соляныхъ озерахъ и рѣчкѣ Калантаевкѣ, о колодцахъ, укрѣпленіи варницъ и самого Славянска и о проектированномъ каналѣ для сплава къ варницамъ дровъ; во второй половинѣ онъ переходитъ къ самому производству: указавъ на неудачное распредѣленіе зданій, онъ даетъ въ высшей степени обстоятельное описаніе и прежняго устройства соляныхъ варницъ, и современнаго ему и, по пунктамъ доказавъ превосходство перваго надъ вторымъ,

переходитъ къ неменѣе подробному изложенію процесса солеваренія; наконецъ, указавъ на слабое развитіе здѣсь соляного производства, подробно описываетъ устройство градирни, необходимой для усовершенствованія дѣла. Описаніе соляного производства въ Славянскѣ, отличающееся подробностью, точностью и ясностью, не только составляетъ одну изъ интереснѣйшихъ частей даннаго отрывка, но и является важнымъ вкладомъ въ исторію соляного дѣла въ Россіи. Помимо своихъ прочихъ достоинствъ, этотъ вкладъ важенъ еще и тѣмъ, что является единственнымъ описаніемъ соляного производства въ Славянскѣ во вторую половину XVIII вѣка, и тѣмъ, что представляетъ въ зародышѣ то дѣло, которое достигло теперь значительнаго развитія.

Свѣдѣнія Гильденштедта о солеваренномъ производствѣ въ слободѣ Сѣваковкѣ гораздо кратче, что и вполнѣ понятно, такъ какъ, не достигнувъ большихъ размѣровъ, производство это было прекращено здѣсь еще за 40 лѣтъ до поѣздки Гильденштедта, такъ что описаніе его имѣетъ главнымъ образомъ значеніе, какъ свидѣтельство о неудачной попыткѣ.

Довольно обстоятельныя свѣдѣнія даетъ намъ Гильденштедтъ еще о винокуренномъ производствѣ. Онъ подробно описываетъ устройство одного изъ винокуренныхъ заводовъ, находившагося подъ слободой Протопоповкой, отмѣчая его недостатки. Упоминая далѣе о другомъ винокуренномъ заводѣ въ слободѣ Гѣевкѣ, Гильденштедтъ указываетъ преимущества его надъ вышеописаннымъ. Эти два описанія вполнѣ выясняютъ ту степень развитія, на которой стояло тогда винокуренное дѣло въ Слободской губ.

Затѣмъ важно еще хоть и краткое замѣчаніе Гильденштедта о разведеніи въ 1774 году въ слободѣ Новой Водолагѣ шелковичныхъ червей по инціативѣ правительства, первые опыты котораго дали однако плохіе результаты.

О ремеслахъ и торговлѣ Гильденштедтъ почти не говоритъ. Всего разъ упоминаетъ онъ только о кожевенномъ и гончарномъ ремеслахъ въ той же слободѣ Новой Водолагѣ; что же касается торговли, то указываетъ только ярмарки въ Бѣлевской крѣпости и опять таки въ Новой Водолагѣ.

Предлагаемый отрывокъ содержитъ въ себѣ также свѣдѣнія, касающіяся археологіи, именно описаніе каменныхъ

бабъ, видѣнныхъ Гильденштедтомъ въ Петровской крѣпости и на рѣчкѣ Дальнихъ Ступкахъ.

Выше разобрано содержаніе даннаго отрывка съ нѣсколькихъ сторонъ; остается спросить еще, что даетъ этотъ отрывокъ для мѣстной исторіи, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Если не считать рисуемой имъ вѣрной и довольно полной картины южной части Слободской губерніи во вторую половину XVIII вѣка, то прійдется отвѣтить, что очень мало. 3—4 указанія на споры мѣстныхъ жителей съ запорожцами, нѣсколько болѣе указаній на смѣшеніе въ нѣкоторыхъ слободахъ великорусскаго населенія съ малорусскимъ, на подчиненіе въ одной и той же слободѣ части жителей изюмскому, части—бахмутскому управленію и во избѣжаніе отъ перваго споровъ, а отъ второго административной путаницы переселеніе жителей изъ одной слободы въ другую,—вотъ и все; да и эти свѣдѣнія чрезвычайно отрывочны. Но все его описаніе, взятое цѣликомъ, въ *настоящее время* является уже историческимъ матеріаломъ первостепеннаго значенія, давая намъ множество данныхъ для характеристики внутренняго быта Слободской украйны въ концѣ XVIII в. То, что для Гильденштедта было современнымъ, для насъ является уже исторіей. Если бы Гильденштедту и были сдѣланы нѣкоторые упреки въ неполнотѣ или неопредѣленности тѣхъ или другихъ свѣдѣній, то эти упреки теряли бы всякое значеніе при одномъ воспоминаніи о короткомъ времени, употребленномъ имъ на проѣздъ черезъ Слободскую губернію, и о разнообразіи даваемыхъ имъ свѣдѣній, изъ которыхъ значительная часть все-же отличается полнотой и точностью.

М. Салтыкова.

Дневникъ путешествія по Слободско-Украинской губерніи академика С.-Петербургской Академіи Наукъ Гильденштедта

въ августѣ и сентябрѣ 1774 года.

14-го августа. Сегодня я предпринялъ небольшую поѣздку изъ Бѣлевской крѣпости [1]) въ Бахмутъ, желая осмотрѣть восточную часть Украинской линіи [2]), поселенія, основываемыя по обѣимъ сторонамъ ея съ 1739 г., и соляные источники въ въ Спиваровкѣ, *) Славянскѣ и Бахмутѣ; эта поѣздка дала мнѣ возможность составить впослѣдствіи полное описаніе Новороссійской губерніи. Уѣзжая, я оставилъ часть своихъ людей и вещей въ Бѣлевской, куда еще не вернулся съ западной части линіи студентъ Бѣляевъ.

Я выѣхалъ на восьми почтовыхъ лошадяхъ. Выйдя изъ Бѣлевской, дорога пересѣкла линію и шла около 10 вер. между линіей и рѣкой Берестовой по низменному лугу до устья рѣчки Берестовеньки (Berestawinka); затѣмъ дорога снова пересѣкла линію въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣдняя примыкаетъ къ упомянутой рѣчкѣ, и шла около 5 вер. вдоль нея до однодворческой слободы Берестовеньки, находящейся отъ Бѣлевской въ 15 вер. на NO. Лугъ между Бѣлевской и устьемъ Берестовеньки гораздо болѣе отличается характеромъ сѣверныхъ луговъ, чѣмъ луга по Орели; онъ покрытъ слѣдующими растеніями: Sanguisorba officinalis, Spiraea Ularia, Epilobium palustre, Rhinanthus Crista galli, Bidens tripartita, Polygonum Bistorta, Triglochin

---

*) Вѣроятно Спѣваковка, такъ какъ о Спиваровкѣ во все время путешествія Гильденштедта въ Бахмутъ и обратно имъ ни разу не упоминается.

palustre, Phalaris glomerata, Phleum pratense, Mentha gentilis и Rumex Patientia; послѣднее растеніе встрѣчается также на низменныхъ лугахъ по берегамъ Орели и Днѣпра и въ Елизаветградской провинціи, но не столь часто, какъ здѣсь, гдѣ оно, какъ и всѣ Rumices hermaphroditi, называется конскимъ щавелемъ, т. е. Acetosa caballina. Большіе, сердцевидные и шерстистые листья, величина, цвѣтъ и твердость этого растенія, а также запахъ корня дѣлаютъ его чрезвычайно похожимъ на ревень, такъ что его легче, чѣмъ другіе виды Rumicis, принять за Rhaponticum veterum. Rumex crispus также встрѣчается на этихъ лугахъ. Сѣно, поставленное на нихъ большими стогами, имѣющими форму частью призмъ, частью усѣченныхъ конусовъ, не высокаго достоинства, вслѣдствіе того, что крупно. У устья Берестовеньки по берегамъ ея часто встрѣчаются Alnus и Salix Caprea.

Верстахъ въ 2-хъ выше устья Берестовой на NW отъ нея лежитъ крѣпость св. Іоанна. Подобно другимъ крѣпостямъ она представляетъ правильный четыреугольникъ и принадлежитъ къ линіи, но теперь стоитъ пустая. Противъ нея на ZO отъ Берестовой лежитъ пикенерская [3]) слобода Петровка, принадлежащая къ Бѣлевской ротѣ. Она была основана во время образованія донецкаго пикенерскаго полка и населена малороссіянами, добровольно пришедшими сюда изъ болѣе сѣверныхъ провинцій. Недалеко отъ этой пикенерской слободы лежитъ владѣльческая слобода Фонциглерова, названная такъ по имени владѣльца; она состоитъ приблизительно изъ 50 малороссійскихъ хатъ. Слобода Берестовенька, какъ и всѣ остальныя однодворческія [4]) слободы, лежащія по Украинской линіи, была заложена во время устройства послѣдней. Слобода эта занимаетъ оба берега рѣчки Берестовеньки; церковь стоитъ въ сѣверо-западной части слободы; болѣе низменная часть ея находящаяся верстахъ въ 2-хъ, называется Рѣшетиловскимъ хуторомъ. Слобода Берестовенька состоитъ изъ 114 хатъ и 451 души мужескаго пола, платящихъ подушныя подати. Теченіе Берестовеньки здѣсь очень слабое; по берегамъ ея часто встрѣчаются: Rumex crispus, Euphrasia odontites и Cerastium aquaticum. Перемѣнивъ лошадей въ Берестовенькѣ, мы переѣхали по мосту болотистую рѣчку Берестовеньку и затѣмъ ѣхали 15 вер. по юго-восточной сторонѣ плоской балки этой рѣчки до однодворческой слободы Старовѣровки; на полпути

между Берестовенькой и Старовѣровкой мы проѣхали через расположенный по правую сторону рѣчки Малавуевъ хуторъ, принадлежащій къ послѣдней слободѣ. Она очень велика, именно состоитъ хатъ изъ 400, расположенныхъ по обоимъ берегамъ рѣчки, поросшимъ Salix alba, которая здѣсь очень высока; въ этой слободѣ насчитывается 1392 души мужескаго пола. Церковь стоитъ на правомъ берегу, а около нея, какъ во всѣхъ здѣшнихъ слободахъ, находится почтовый дворъ, гдѣ мы снова перемѣнили лошадей. На нихъ мы проѣхали еще 5 верстъ по плоской балкѣ рѣчки Берестовеньки до ея начала, а оттуда еще 5 вер. по ровной, высокой степи мимо крѣпости св. Параскевіи (Paraskewy) и пикенерской слободы Параскевки, оставшихся въ нѣкоторомъ разстояніи на лѣво отъ насъ до однодворческой слободы Лѣнивки.

Крѣпость св. Параскевіи имѣетъ также форму четыреугольника; она расположена на возвышеніи праваго берега рѣки Берестовой, по которой она составляетъ самую верхнюю и въ то же время первую крѣпость, такъ какъ далѣе линія идетъ на востокъ отсюда къ источнику рѣки Орели. По восточную сторону крѣпости находится небольшая балка, поросшая обыкновеннымъ мелкимъ кустарникомъ, а около версты на востокъ отъ этой балки лежитъ въ низменности на правомъ берегу Берестовой упомянутая пикенерская слобода, принадлежащая къ Параскевійской ротѣ. Между крѣпостями Бѣлевской и св. Параскевіи въ нѣсколькихъ верстахъ направо отъ насъ осталась крѣпость Орловская, отстоящая отъ той и другой на 15 вер.; она лежитъ на правомъ берегу Берестовой и теперь пуста.

Въ Лѣнивкѣ на песчаномъ холмѣ растетъ нѣсколько большихъ березъ, которыя рѣзко бросаются въ глаза, такъ какъ березы въ здѣшней мѣстности встрѣчаются очень рѣдко. Простыя фруктовыя деревья, какъ-то: вишни, сливы, яблони и груши, растутъ по одиночкѣ около хатъ въ однодворческихъ слободахъ; у малороссіянъ они встрѣчаются гораздо чаще; за то однодворческія деревни густо обсажены вдоль заборовъ ивами и тополями, что придаетъ имъ привѣтливый видъ; однако и этихъ деревьевъ не такъ много, какъ могло бы быть, если бы въ теченіе 35 лѣтъ были приложены должныя старанія о ихъ разведеніи; тогда не было бы и недостатка въ дровахъ.

Въ земледѣліи однодворцы превосходятъ малороссіянъ [5]). Во многихъ дворахъ видны большіе скирды ржи, пшеницы и проса, которые окажутся очень полезными при неурожаѣ этого года. У малороссіянъ, наоборотъ, такого запаса нигдѣ не встрѣчается. Уже оба прошлые года не были урожайны по линіи; этотъ же годъ въ высшей степени плохъ. Вслѣдствіе сухости этого лѣта, приходилось большею частію не жать, а косить рожь, пшеницу, ячмень и овесъ, такъ какъ эти хлѣба были слишкомъ рѣдки и низки. То же дѣлается теперь здѣсь и съ просомъ. Гречиха уродилась значительно лучше и обѣщала хорошую жатву; но и на нее была потеряна всякая надежда, когда въ ночь съ 12 на 13 августа случился сильный морозъ, попортившій все. Этотъ морозъ частью повредилъ и поскони, что было особенно замѣтно на большихъ поляхъ, занимающихъ всю балку рѣчки Берестовеньки. Этотъ морозъ былъ такъ силенъ, что цвѣты многихъ дикихъ растеній, какъ то Xanthium spinosum и Datura Stramonium (дурманъ), а также тыквы, совершенно завяли. Если бы виноградныя лозы были въ Бѣлевской въ этомъ году плодоносны, то виноградъ былъ бы по всей вѣроятности также испорченъ этимъ морозомъ. Вредъ послѣдняго для винограда былъ, вѣроятно, особенно великъ въ Чугуевѣ, а также и подъ Крюковымъ. Этотъ случай вполнѣ подтверждаетъ то мнѣніе, что винодѣліе невыгодно на сѣверъ отъ Украинской линіи.

Вокругъ Старовѣровки и Лѣнивки стоитъ много небольшихъ вѣтряныхъ мельницъ. Сегодня мы по этой дорогѣ встрѣтили хлѣбопашца, усердно обрабатывавшаго поле подъ озимую рожь. Поля, назначенныя для послѣдней, перепахиваются уже въ послѣднихъ числахъ іюня. Сѣятель раздѣляетъ эти перепаханныя поля на равныя части бороздами, отстоящими другъ отъ друга сажени на двѣ, затѣмъ ходитъ между ними и на каждые два шага сыпетъ по полной горсти зерна то направо, то налѣво. Засѣянное поле сейчасъ же перепахивается и заборанивается. Однодворцы пашутъ обыкновенной русской сохой, запряженной въ одну лошадь и управляемой однимъ человѣкомъ; человѣкъ, запахивающій посѣвъ, привязываетъ къ своему поясу поводъ той лошади, которая тащитъ борону, и такимъ образомъ заставляетъ ее подвигаться нѣсколько влѣво отъ себя. Благодаря этому, одинъ человѣкъ въ одно и то же время и запахиваетъ, и заборониваетъ посѣвъ. Удобреніе полей на-

возомъ здѣсь неизвѣстно. Крестьяне здѣшнихъ деревень дѣлятъ обыкновенно свою пахатную землю на три части, изъ которыхъ каждая послѣ двухлѣтней обработки оставляется на третій годъ подъ паръ. Снятый съ полей хлѣбъ однодворцы складываютъ по воронежскому обычаю въ стоги въ формѣ усѣченныхъ конусовъ, имѣющихъ въ окружности около 10 саж. Стоги ставятся на доскахъ на футъ отъ земли; хлѣбъ складывается такъ, что обрѣзанные концы стеблей обращаются наружу; сверху же стогъ покрывается соломой. Если умѣло поставить стогъ, то хлѣбъ сохраняется въ немъ невредимо около 10 лѣтъ и все еще бываетъ пригоденъ для посѣва. Хотя мыши обыкновенно и гнѣздятся въ такихъ стогахъ, но въ этомъ случаѣ, какъ говорятъ, онѣ не такъ сильно вредятъ, какъ если бы хлѣбъ лежалъ уже вымолоченный въ амбарахъ. Если-бы стоги ставились на станки, которые имѣли бы по четыремъ угламъ обитыя жестью стойки, то хлѣбъ былъ бы совершенно предохраненъ отъ мышей. Когда понадобится зерно, то изъ стога берется часть сноповъ, сушится въ овинѣ и молотится обыкновенными молотильными цѣпами. Хлѣбъ предпочитаютъ сушить въ овинахъ, а не на солнцѣ, такъ какъ такимъ образомъ избѣгается даже малѣйшая потеря зерна. Малороссіяне же сушатъ хлѣбъ, разложивъ снопы по полю, послѣ чего везутъ ихъ домой и сейчасъ же вымолачиваютъ; зерновой хлѣбъ они хранятъ въ ямахъ, имѣющихъ сажень глубины и нѣсколько футовъ ширины и засыпаемыхъ сверху землей въ уровень съ почвой. Такъ какъ здѣшняя глинистая земля очень тверда и суха, то этого обычая порицать нельзя. Въ ямахъ зерно хорошо сохраняется отъ мышей; но, какъ говорятъ, дѣлается негоднымъ для посѣва. Было бы желательно, чтобы въ каждой деревнѣ были заведены правильно устроенные запасные магазины [6]), необходимость которыхъ особенно очевидна при настоящемъ неурожаѣ.

15-го августа. Мы переночевали въ Лѣнивкѣ. Въ ней считается 354 души мужескаго пола и около 150 хатъ. Кромѣ платящихъ подушныя подати здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ однодворческихъ слободахъ, живутъ отставные солдаты изъ однодворцевъ, которымъ указываются слободы для поселенія, гдѣ они и живутъ своимъ хозяйствомъ. Дѣти ихъ уже платятъ подушныя подати; дѣти же солдатъ, набираемыхъ изъ крѣпостныхъ, въ свою очередь должны отбывать воинскую повин-

ность. Берестовая около этой слободы очень болотиста; берега ея покрыты большимъ ольховымъ лѣсомъ. Въ немъ растутъ: Eupatorium cannabinum, Polygonum Persicaria, Lycopus europaeus, Coreopis Bidens, Spiraea Ulmaria, Lythrum Salicaria, Urtica dioica, Solanum scandens, Scutellaria galericulata, Potentilla Anserina, Cincinalis, Carex ruffa, Sium aquaticum и камышъ. На возвышенности около этой слободы находится поле, засѣянное огурцами, дынями, арбузами и тыквами; оно на здѣшнемъ нарѣчiи называется баштаномъ, а на астраханскомъ вѣрнѣе бахчей. Большая часть арбузовъ, созрѣвши только на половину, погибла отъ мороза. Здѣшнiе арбузы по величинѣ и достоинству сильно уступаютъ астраханскимъ. По западной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самой южной части линiи съ Царицынки (Tscharichenka) начинаются лучшiе арбузы этой мѣстности. Они бываютъ съ коричневыми или черными сѣменами; тѣ и другiя въ серединѣ или бѣлые, или красные; кожа или совсѣмъ бѣлая, или бѣлая съ зелеными крапинками; форма ихъ частью шарообразная, частью продолговатая.

Выѣхавъ утромъ изъ Лѣнивки, мы ѣхали по правому берегу Берестовой до пикенерской слободы Параскевки. Немного ниже ея находится большой мостъ на сваяхъ; въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ ниже его Берестовая заграждена палисадами, къ которымъ съ обѣихъ сторонъ примыкаетъ линiя, идущая затѣмъ 30 вер. на Ю, не встрѣчая рѣкъ, по сухой степи до рѣки Береки, прикрывающей ее съ юга до самаго Донца.

На источникѣ Берестовой, въ 7 вер. выше Лѣнивки, лежитъ большая однодворческая слобода Старо-Охочая (Staro-Ochotschna); въ ней считается 942 души мужескаго пола. Оба берега Берестовой (я теперь ее всю проѣхалъ) возвышаются на 20 саж.; они состоятъ изъ обыкновенной желтоватой щелочной глины, покрытой хорошимъ черноземомъ; песчаныя мѣста встрѣчаются рѣдко.

Между упомянутымъ мостомъ и палисадами мы переѣхали Берестовую, совершенно высохшую въ этомъ мѣстѣ. Дорога шла 7 вер. около самой линiи по совершенно ровному полю до редута [*]), стоящаго на полпути между крѣпостями св. Параскевiи и Ефремовской, а отсюда еще 7 вер. до крѣпости Ефремовской и до однодворческой слободы того же имени, называемой также слободой Трешатовской. Отъ упомянутаго редута начивается балка, направляющаяся къ Берестовой; она

густо заросла небольшимъ лѣскомъ. Въ немъ я замѣтилъ слѣдующія породы деревьевъ: Corylus (орѣшникъ), Pyraster Evonymus (бересклетъ), Prunus spinosa (тернъ), Tilia (липа), Platanoides, Quercus (дубъ), Fraxinus (ясень), Acer campestre и tataricum (кленъ), Populus temula (осина), Salix alba (верба), Ulmus (караячъ или вѣрнѣе карагачъ), называемый въ Малороссіи берестиной и отличающійся своими маленькими и жесткими листьями отъ русскаго вяза; встрѣчаются также Oxyacantha (боярышникъ) и Cornus sanguinea, названія котораго однодворцы не знали; малороссіяне же называютъ его „свидиной".

Слобода Трешатовская или Ефремовская состоитъ всего изъ 35 хатъ и 92 душъ. Она лежитъ у источника рѣки Орели, по обоимъ берегамъ которой растетъ огромный лѣсъ, отобранный въ казну. Единственныя крупныя деревья, растущія въ немъ, дубы; они огромной величины и отличной породы. Промежутки между ними густо заросли мелкими породами деревьевъ, какъ-то: Corylus, Sambucus, Evonymus, Acer campestre, Ulmus, Malus, Pyraster и Prunus spinosa. Въ этомъ лѣсу растутъ также: Convallaria majalis и multiflora, Asarum et Viola canina, Hedera terrestris, а по опушкѣ Nepeta Cataria. Отсюда до крѣпости Ефремовской Екатерининская [8]) провинція пользуется землями по ту сторону линіи или между линіей и рѣкой Орелью. Далѣе же на востокъ между крѣпостями Ефремовской и Алексѣевской запорожцы [9]) не дозволяютъ жителямъ провинціи пользоваться землями по ту сторону линіи; отъ этого мѣста до рѣки Донца границей они назначили рѣку Береку, текущую параллельно линіи на небольшомъ разстояніи отъ нея. Прежде здѣшніе жители пользовались землями на протяженіи 5 верстъ за линію; теперь же въ теченіе уже 3-хъ лѣтъ они платятъ запорожцамъ за право косить сѣно по 3 коп. съ копны, содержащей отъ 7 до 8 пуд. Нѣкоторыя же деревни, основанныя по ту сторону рѣки Береки частью частными лицами, частью пикенерами, отодвинуты ими три года тому назадъ далеко на югъ. Степь между крѣпостями св. Параскевіи и Ефремовской очень плодородна; по обѣимъ сторонамъ линіи встрѣчается много плоскихъ балокъ, занятыхъ сѣнокосными лугами. Растенія этой степи обыкновенныя, уже прежде встрѣчавшіяся по линіи.

Изъ Ефремовской мы переѣхали на свѣжихъ лошадяхъ совсѣмъ высохшую Орель, черезъ которую построенъ здѣсь не-

большой мостъ. Проѣхавъ 7 верстъ параллельно линіи на небольшомъ разстояніи отъ нея, мы переѣхали плоскую и теперь сухую балку рѣки Орельки, снабженную мостомъ. Орелька беретъ начало въ нѣсколькихъ верстахъ на сѣверъ отсюда и впадаетъ въ Орель съ лѣвой ея стороны на 50 верстъ южнѣе. До крѣпости Алексѣевской и до однодворческой слободы Алексѣевской, расположенной около нея въ низменности по обоимъ берегамъ рѣки Береки, намъ оставалось еще около 8 вер. Крѣпость эта теперь пуста; въ ней и вокругъ нея находится всего нѣсколько магазиновъ [10]). Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ нея стоятъ на горѣ развалины дома князя Кантеміра и садъ его. Домъ этотъ деревянный, онъ гніетъ безъ всякой пользы; садъ состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ деревьевъ, большей частью вишень, немногихъ яблонь, грушъ и винограду; вся усадьба уже нѣсколько лѣтъ не огорожена и стоитъ безъ всякаго присмотра. Въ слободѣ Алексѣевской считается около 700 душъ мужескаго пола.

Въ 8-ми верстахъ отъ нея у самаго начала рѣчки Береки лежитъ однодворческая слобода Верхоберeки (Werchowije Bereky) или Берецкія Вершины, состоящая изъ 1620 душъ мужескаго пола. Обѣ эти слободы привозятъ строевой лѣсъ и дрова изъ дубоваго лѣса, расположеннаго у источника рѣчки Гомольши, впадающей въ Донецъ; этотъ лѣсъ составляетъ спорное владѣніе между Зміевскимъ монастыремъ и этими однодворческими поселеніями. Овцы въ этомъ году гибнутъ здѣсь въ большомъ количествѣ отъ оспы; рогатый же скотъ уже нѣсколько лѣтъ держится хорошо. Берека представляетъ теперь всего нѣсколько лужъ; весною же она приводитъ въ этомъ мѣстѣ въ движеніе мельницу. На сѣверъ противъ источника рѣки Береки лежатъ на рѣчкѣ Бишкинѣ, впадающей въ Донецъ, двѣ однодворческія слободы: Верхній и Новый Бишкинъ (Werchnija и Nowaja Byschkin); первая состоитъ изъ 1221, а вторая изъ 423 душъ мужескаго пола. У Алексѣевской крѣпости черезъ Береку поставлены палисады [11]), связывающіе обѣ стороны линіи, идущей отсюда до самаго Донца параллельно Берекѣ на небольшомъ разстояніи на сѣверъ отъ нея.

Отъ Алексѣевской мы проѣхали на свѣжихъ лошадяхъ 15 верстъ до однодворческой слободы Михайловки, лежащей на правомъ низменномъ берегу рѣчки Киселя въ 2-хъ верстахъ выше ея впаденія въ Береку. Эта дорога шла по открытой

совершенно ровной степи на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ линіи, перерѣзываемой здѣсь нѣсколькими оврагами, склоняющимися къ Берекѣ. На этой степи на ряду съ обыкновенными степными растеніями очень часто встрѣчаются мелкое миндальное дерево и спаржа. Верстахъ въ 4-хъ отъ слободы дорога примыкаетъ къ началу заросшей обыкновеннымъ кустарникомъ балки, направляющейся къ рѣкѣ Киселю. Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ ниже слободы лежитъ на возвышеніи теперь пустая крѣпость Михайловская. Весною здѣсь по лѣвому берегу Киселя обыкновенно бьютъ маленькіе соленые ключи, теперь впрочемъ совершенно изсякшіе. Въ очень же болотистомъ и поросшемъ камышемъ руслѣ Киселя шириною всего въ нѣсколько шаговъ нѣтъ и слѣдовъ солянаго налета; весною эта небольшая рѣчка, берущая начало въ 8-ми верстахъ на сѣверъ отсюда, приводитъ въ движеніе водяную мельницу. Противъ источника Киселя у начала рѣчки, впадающей въ Донецъ, лежитъ въ 10 верстахъ отсюда однодворческая слобода Шабелинка, состоящая изъ 755 душъ мужескаго пола. Заборы въ Михайловской слободѣ обсажены ивами и ольхами.

Отсюда мы ѣхали 15 верстъ почти прямо на востокъ черезъ балки: Разоренный Лугъ, Крутой Логъ и Плоскую балку до слободы Лозовой или Лозовеньки (Losowinka), лежащей въ низменности у источника рѣчки того же имени. Слобода эта состоитъ изъ 80 хатъ и 280 душъ мужескаго пола. Въ 7-ми верстахъ на ZO отъ нея на версту выше устья рѣчки Лозовеньки лежитъ на правомъ берегу ея теперь пустая крѣпость Слободская, въ которой при церкви живетъ только священникъ да нѣсколько отставныхъ солдатъ [12]). Пересѣченныя нами между Михайловской и Лозовенькой довольно крутыя балки покрыты рѣдкимъ и мелкимъ кустарникомъ, но представляютъ хорошіе сѣнокосные луга; находящаяся между ними гладкая, высокая степь, какъ и вдоль всей линіи, состоитъ изъ глины, покрытой хорошимъ черноземомъ. Жители береговъ Донца привозятъ себѣ строевой лѣсъ и дрова частью изъ слободы Мѣловой, частью изъ Протопоповки; первая лежитъ верстахъ въ 24-хъ на сѣверъ, вторая въ стольких же верстахъ на востокъ; въ первой 874, во второй 760 душъ мужескаго пола. Около слободы Лозовой или Лозовеньки, по лѣвую сторону рѣчки на горѣ виднѣются неправильные окопы, имѣющіе нѣсколько ты-

сячъ шаговъ въ окружности; они, вѣроятно, нѣкогда служили для укрѣпленія какого-нибудь лагеря.

16-го августа. Переночевавъ въ Лозовенькѣ, мы на слѣдующее утро выѣхали изъ нея и ѣхали 24 версты на 20. Первая половина этого пути шла по ровной степи, вторая вдоль праваго берега балки, идущей къ рѣчкѣ Берeчкѣ, которую мы переѣхали въ концѣ этого пути въ 2-хъ верстахъ выше ея впаденія въ Донецъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ однодворческая слобода Михайловская. По балкамъ рѣчки Берeчки растетъ небольшими группами разнообразный мелкій кустарникъ. Изъ подножія холма у рѣчки Берeчки бьетъ нѣсколько слабыхъ ключей, обнаруживающихъ соль въ налетѣ; вода же ихъ имѣетъ едва солевый вкусъ; эти ключи бьютъ изъ желтой песчаной глины. Возвышенія по этой рѣчкѣ уже не состоятъ изъ чистой сѣро-желтой глины, какъ было мною замѣчено до сихъ поръ по линіи, а содержатъ въ себѣ много желтаго песку съ примѣсью желѣза и кусковъ бѣлаго мергеля. Впрочемъ настоящихъ каменныхъ залежей по этой рѣчкѣ еще не встрѣчается.

На краю возвышенности вышиною приблизительно въ 20 саж., представляющей склонъ степи между рѣками Берекой и Берeчкой къ Донцу, лежитъ крѣпость Петровская, заключающая со стороны Донца Украинскую линію. Она имѣетъ видъ четыреугольника, каждая сторона котораго равняется приблизительно 150 шагамъ; въ ней и вокругъ нея стоитъ нѣсколько казенныхъ, совершенно развалившихся, деревянныхъ зданій, служившихъ частью казармами и караульнями, частью магазинами и лазаретами прежняго ландмилицкаго полка [13]); эти зданія слѣдовало бы или продать за дешевую цѣну, или поправить и занять подъ магазины. Крѣпость лежитъ на линіи непосредственно на возвышеніи праваго берега рѣчки Берeчки верстахъ въ 2-хъ отъ лѣваго берега рѣчки Береки. Отъ крѣпости линія идетъ внизъ по возвышенію и тянется еще 2 версты по низменности, лежащей между устьями обѣихъ упомянутыхъ рѣкъ, до праваго низкаго берега Донца, у котораго она оканчивается редутомъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ ниже устья Берeчки и верстахъ въ 3-хъ выше устья Береки. Между устьями этихъ двухъ рѣкъ Донецъ дѣлится на два рукава. На Донцѣ здѣсь устроена мельничная плотина; но теперь черезъ него можно въ этомъ мѣстѣ переѣхать и

вбродъ. Между крѣпостью Петровской и правымъ берегомъ Беречки нѣкогда находилась солдатская слобода; теперь же здѣсь находится пикенерская слобода, состоящая всего изъ нѣсколькихъ десятковъ хатъ; она составляетъ часть Петровской роты донецкаго пикенерскаго полка. Къ этой ротѣ еще 3 года тому назадъ принадлежала также такъ называемая слобода Камышеваха-Грушеваха, состоящая приблизительно изъ 200 хатъ и лежащая у устья рѣчки того же имени на правомъ берегу рѣки Береки верстахъ въ 6 на 20 отъ крѣпости; она была заложена 10 лѣтъ тому назадъ полковникомъ Алымовымъ съ нѣсколькими добровольными переселенцами изъ малороссіянъ и имѣетъ уже теперь церковь. Но на эту слободу имѣютъ притязанія запорожцы, причисляющіе всѣ мѣста, лежащія по правому берегу Береки, къ своимъ владѣніямъ, границу которыхъ въ этомъ мѣстѣ съ востока составляетъ Донецъ, а съ запада изгибъ Орели. Донецъ въ этомъ мѣстѣ составляетъ границу и Новороссійской губерніи [14]); земли, лежащія по лѣвому берегу Донца, принадлежатъ уже къ Слободской губерніи, именно къ Изюмской провинціи. Лѣвый высокій берегъ Донца отстоитъ отсюда на 10 съ чѣмъ то верстъ; Донецъ дѣлаетъ въ этомъ мѣстѣ значительный изгибъ; низменность, лежащая въ послѣднемъ, вся покрыта густымъ и большимъ лѣсомъ, который отлично виденъ изъ крѣпости Петровской. Этотъ лѣсъ состоитъ большей частью изъ дубовъ; около же Изюма онъ заканчивается соснами, вслѣдствіе песчанаго грунта.

Въ слободѣ Петровской считается 345 однодворцевъ мужескаго пола; въ верстѣ отъ нея вверхъ по Донцу лежитъ однодворческая слобода Веревкина; въ ней считается 349 душъ; еще въ 7-ми верстахъ вверхъ по Донцу лежитъ однодворческая слобода Протопоповка, состоящая изъ 760 душъ мужескаго пола. Послѣдняя слобода имѣетъ нѣсколько хуторовъ у источника рѣчки Чепеля, впадающей въ Донецъ въ нѣсколькихъ верстахъ выше этой слободы; на ея нижнемъ теченіи расположена малороссійская слобода Чепель, принадлежащая къ Слободской губерніи.

Внутри крѣпостныхъ верковъ крѣпости Петровской у воротъ стоятъ двѣ статуи [15]), подобныя замѣченнымъ мною на Манычѣ и по Днѣпровской линіи. Онѣ стоятъ въ 10-ти шагахъ одна отъ другой и обращены лицемъ на западъ; одна изъ нихъ мужская, другая женская. Величина ихъ не много больше обык-

новеннаго человѣческаго роста, но онѣ очень толсты. Въ нихъ хорошо замѣтенъ калмыцкій или ногайскій типъ. Мужская статуя имѣетъ гладкій головной щитъ; на спинѣ ея висятъ три косы до самой поясницы; на груди на рукахъ и на бедрахъ замѣтны возвышенія, изображающія повидимому кольчугу. Статуя изображена въ сидячемъ положеніи съ свѣсившимися ногами и руками, сложенными на дѣтородныхъ частяхъ и держащими для большаго прикрытія послѣднихъ параллелипипидъ, имѣющій одну пядь длины и нѣсколько дюймовъ толщины. Женская статуя одинаковой величины съ мужской; голову ея покрываетъ высокая головная повязка, имѣющая форму пѣтушьяго гребня; волосы разсыпаны короткими локонами по плечамъ; подбородокъ острый; животъ отвислый; груди мало замѣтны. Мужская статуя стоитъ на сѣверъ и направо отъ женской. Эти статуи сдѣланы изъ крупнаго зернистаго песчаника. Очень можетъ быть, что отъ нихъ и получила свое названіе рѣка Берека; онѣ по всей вѣроятности были поставлены въ память какого нибудь князя и его супруги; князь же по татарски—бей, отсюда княжеская рѣка—Бей-Су или по русски Бей-рѣка, перешло затѣмъ въ Берека, а отсюда уже плеоназмъ рѣка Берека [16]); точно также произошло названіе Бештовыхъ горъ.

Водка въ однодворческихъ и другихъ слободахъ Екатерининской провинціи продается откупщиками по 2 р. за ведро. По дорогѣ изъ Лозовеньки въ Петровскую крестьяне были заняты жатвой проса; вся гречиха въ этой мѣстности погибла отъ мороза, случившагося 13-го августа; посконь также замѣтно пострадала.

Выѣхавъ изъ Петровской на свѣжихъ лошадяхъ, мы вторично переѣхали рѣчку Берeчку, потомъ черезъ нѣсколько сотъ шаговъ пересѣкли линію и, проѣхавъ отсюда около 5-ти верстъ по низменности, занимающей уголъ между устьемъ рѣки Береки и Донцомъ, переѣхали по мосту рѣку Береку въ 2-хъ верстахъ ниже вышеупомянутой слободы Камышевахи-Грушевахи. Затѣмъ мы ѣхали около 20-ти верстъ по возвышенной степи параллельно Донцу на небольшомъ разстояніи отъ него до земляного вала, шедшаго вглубь степи съ праваго берега Донца, на которомъ вправо отъ дороги лежитъ слобода Топальская, состоящая изъ хуторовъ, принадлежащихъ жителямъ Изюма; далѣе мы проѣхали еще 5 верстъ до слободы Каменки, лежащей у устья рѣчки того же имени.

Почти круглая низменность верстъ въ 5 ширины, находящаяся между устьями рѣки Береки и Беречки, въ дождливые годы, особенно весной почти вся затопляется. Вслѣдствіе этого многія мѣста ея заросли камышемъ и Scirpus elatus и Typha; нѣкоторыя же годятся подъ сѣнокосные луга; впрочемъ сѣно съ нихъ не высокаго достоинства, такъ какъ растущія здѣсь травы крупны и мало питательны, а именно: Eryngium amethystinum, Cichorium Intybus, Plantago media, Chrysocome Lynosiris, Senecio Iacobaea, Iacea nigra, Statice Limonium diffusum и strictum, Euphorbia palustris, Euphrasia odontites, Centaurea lutea, Dactylis glomerata, Inula salicina, Tanacetum offic., Althaea offic., Sanguisorba offic., Aster Amellus, Plantago aquatica, Serratula arnensis. На Берекѣ плаваетъ Nymphaea alba и lutea, а по берегамъ большими кустами растутъ шиповникъ и Artemisia Abrotanum, которые я съ самаго Дона и Хопра въ первый разъ увидѣлъ въ дикомъ видѣ здѣсь. По берегамъ Береки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выцвѣтаетъ соль. Вода въ Берекѣ прѣсная, а теченіе ея очень слабо. Русло заключено между крутыми берегами, возвышающимися на нѣсколько футовъ, и здѣсь между Камышевахой и устьемъ имѣетъ 3 саж. ширины. По всей Берекѣ нигдѣ не встрѣчается мало-мальски значительнаго лѣса; по обоимъ же берегамъ Донца растетъ большой лѣсъ, простирающійся съ лѣваго берега на 10 верстъ вглубь страны; балки, направляющіяся къ Донцу и къ Каменкѣ, также поросли лѣскомъ. Самая крупная и распространенная порода деревьевъ здѣсь дубы; между ними же растутъ: Ulmus campestris, Evonymus europaeus, Acer tataricum, campestre и platanoides, Fraxinus excelsior, Cornus sanguinea, Crataegus Oxyacantha baccis rubris, Corylus, Malus Sylvestris, Pyraster, а по опушкѣ въ большомъ количествѣ встрѣчается терновникъ. Въ тѣни же этихъ деревьевъ растутъ: Asarum, Viola canina и odorata, Convallaria multiflora, Petasites, Hedera terrestris, Aristolochia Clematitis, Galium Rubioides, Vicia sepium.

Земляной валъ, который мы пересѣкли въ 5-ти верстахъ отъ Каменки, начинается съ праваго берега Донца отъ владѣльческой слободы Грековки, принадлежащей къ Изюмской провинціи и лежащей верстъ на 6 выше Изюма, и идетъ по степи между Донцомъ и Торцомъ. Одни утверждаютъ, что этотъ валъ вмѣстѣ съ обѣими рѣками идетъ до Славянска; другіе, что онъ снова упирается въ Донецъ между Изюмомъ

и Маяками и такимъ образомъ замыкаетъ изгибъ Донца. Такихъ валовъ, замыкающихъ пространства, лежащія въ небольшихъ изгибахъ Донца, у города Изюма было встрѣчено нами еще два; первый находится приблизительно въ 4-хъ верстахъ отъ Изюма, второй въ 2-хъ верстахъ раньше перваго; оба они имѣютъ всего нѣсколько верстъ въ длину. Эти валы, повидимому, очень стары; объ этомъ можно заключить по ихъ обвалившимся и заросшимъ рвамъ. Рвы эти обращены на югъ. Около 3-хъ лѣтъ тому назадъ запорожцы назначили этотъ ровъ, начинающійся отъ Грековки, своей границей съ Изюмомъ и Каменкой и изгнали жителей послѣднихъ изъ ихъ многочисленныхъ хуторовъ, расположенныхъ по верхнему теченію Каменки и Торца. Вмѣсто этихъ хуторовъ запорожцы заложили на рѣкѣ Сухомъ Торцѣ, недалеко отъ Колодежной (Kolodeschnaja) балки большую слободу и назвали ее Барвенковой [16]) (Berwinka). Жители ея большей частью малороссіяне изъ полтавскаго полка, которыхъ и слѣдовало бы, и можно было бы удержать въ немъ. Около этой слободы находится также паланка (Palanka), что на здѣшнемъ нарѣчіи значитъ уставленный пушками окопъ, въ которомъ живетъ полковникъ. Паланка, кажется, есть искаженное татарское слово каланча. Разстояніе этой запорожской слободы отъ Каменки считается 30 верстъ. Послѣ нея нѣтъ болѣе ни одной слободы ни на Торцѣ, ни на Самарѣ до Новосельца; за то на этихъ рѣкахъ очень много хуторовъ холостыхъ лицъ или зимовниковъ. Правымъ берегомъ Донца отъ устья Береки до упомянутой линіи теперь владѣютъ также запорожцы.

Каменка—малороссійская слобода съ церковью, состоящая приблизительно изъ 100 хатъ и 366 душъ мужескаго пола. Она принадлежитъ къ Изюмской провинціи и лежитъ въ 7 верстахъ отъ Изюма внизъ по Донцу на разстояніи около одной версты отъ послѣдняго или отъ устья рѣчки Каменки, берущей начало вмѣстѣ съ нѣсколькими балками верстахъ въ 15 на югъ. Въ Каменкѣ много обильныхъ ключей, благодаря чему еще и теперь послѣ чрезвычайно сухаго лѣта теченіе ея на столько быстро, что приводитъ въ движеніе двѣ мельницы, изъ которыхъ каждая имѣетъ три постава. Обѣ эти мельницы принадлежатъ казнѣ; откупъ ихъ даетъ ежегодно 170 руб., причемъ на откупщикѣ лежитъ обязанность ремонта. Кабакъ же отдается здѣсь на откупъ за 270 руб. въ годъ; жители

платятъ ежегодно по 80 коп. подушной подати; изъ нихъ набираются также рекруты для изюмскаго гусарскаго полка; [17]) это новое устройство, очень похожее на существующее въ Великороссіи, введено всего три года тому назадъ. Для облегченія бѣдныхъ здѣсь, какъ и во всей Слободской губерніи, теперешнимъ губернаторомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ сдѣлано распоряженіе, чтобы всѣ жители мужескаго пола вносили ежегодно по одному гарнцу ржи, ячменя и овса; этотъ запасъ хранится въ особомъ зданіи и послѣ того, какъ каждаго сорта хлѣба наберется по четверику, раздается нуждающимся. Однако изъ этого магазина хлѣбъ обыкновенно выдается для посѣва или для пищи только подъ условіемъ возвращенія слѣдующей осенью взятаго съ прибавленіемъ одной девятой его. Излишекъ запаса продается, и вырученныя деньги хранятся при каждой слободѣ, что даетъ возможность въ случаѣ нужды сейчасъ-же закупить новаго хлѣба. Это учрежденіе желательно было бы ввести во всемъ государствѣ, но для того, чтобы быть полезнымъ, оно требуетъ соблюденія правилъ осторожность, существующихъ въ Бернѣ.

На возвышенности, склоняющейся къ правому берегу Каменки, я въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ покинулъ берега Днѣпра у Кременчуга, увидѣлъ опять камни, однако совершенно непохожіе на тамошніе. Здѣшняя горная порода известковая съ примѣсью песку и состоитъ главнымъ образомъ изъ известковаго туфа, похожаго на замѣченный мною у Маныча, Кучугума и Конской; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это ничто иное, какъ слежки небольшихъ гладкихъ окаменѣлыхъ раковинъ. Эта горная порода лежитъ здѣсь горизонтальными однообразными пластами, которые сверху покрыты темно-красной жирной глиной. Говорятъ, что въ Каменкѣ иногда находятъ совершенно черные камни, похожіе на угли; это можетъ быть настоящіе окаменѣлые угли; но мнѣ не пришлось ихъ видѣть; недостатокъ времени не позволилъ мнѣ произвести изысканія даже и въ балкѣ вверхъ по Каменкѣ. Ни соленой воды, ни налета соли по Каменкѣ не встрѣчается.

Около Каменки на возвышеніи по лѣвую сторону рѣчки разведенъ 10 лѣтъ тому назадъ виноградникъ, обращенный лицемъ на югъ и состоящій изъ нѣсколькихъ сотъ виноградныхъ лозъ; почва состоитъ здѣсь изъ темно-красной глины съ примѣсью желѣза; эта почва очевидно неблагопріят-

на для винограда. Хотя его въ этомъ году и довольно много, но онъ очень мелокъ; въ это время онъ только начинаетъ зрѣть. Мороза, случившагося по Украинской линіи 13-го августа, здѣсь почти не было, такъ что виноградъ остался цѣлъ; да и гречиха пострадала очень мало. Cornus sanguinea, листья которой по линіи были повреждены этимъ морозомъ, здѣсь совершенно свѣжа; изъ этого можно заключить, что это очень нѣжное дерево, поэтому-то оно и не встрѣчается въ холодной Воронежской губерніи. Кромѣ климата причиной присутствія или отсутствія различныхъ породъ деревьевъ и другихъ растеній является почва. Напримѣръ, мнѣ кажется, что Viburnum Lantana, Spirae crenata и Teucrium Chamaedrys не могутъ расти тамъ, гдѣ подъ черноземомъ нѣтъ камней; они свойственны кавказскому хребту и затѣмъ показываются только въ Елизаветградской провинціи; по всей же Украинской линіи, гдѣ совсѣмъ нѣтъ камней, они не встрѣчаются. Слѣдовательно въ томъ мѣстѣ, гдѣ они растутъ, нужно подъ черноземомъ предполагать существованіе каменныхъ залежей. На каменистой возвышенности у Каменки я часто встрѣчалъ Polium album, называемый здѣсь чебрецемъ; подъ тѣнью же деревьевъ росли Physalis Alkenkengi, называемые здѣсь михунками; ягоды ихъ употребляются въ пищу. Pimpinella Saxifraga, растущая здѣсь между камнями, не смотря на небольшіе размѣры, имѣла чрезвычайно сильный запахъ и вкусъ.

Въ низменности у рѣчки Каменки также находится фруктовый садъ, принадлежащій казнѣ и состоящій приблизительно изъ 60 деревьевъ: большая часть ихъ представляетъ хорошія породы яблонь и грушъ, извѣстныхъ здѣсь подъ именемъ дуль, армудъ, гливъ и бергамотовъ. Есть здѣсь и нѣсколько кустовъ крыжовника. Въ этомъ году урожай на фрукты плохъ, такъ что этотъ садъ не отданъ въ аренду. Виноградникъ же отданъ въ этомъ году на откупъ за 15 руб. Нѣсколько недѣль тому назадъ съ виноградныхъ лозъ были срѣзаны дикіе ростки; послѣ же сбора виноградныя лозы закапываются въ землю необрѣзанными; ихъ обрѣзываютъ только весною.

Здѣсь я видѣлъ чрезвычайно большія ямы для сохраненія зерноваго хлѣба; каждая изъ нихъ вмѣщаетъ до 300 четвертей. По словамъ жителей хлѣбъ можетъ храниться въ нихъ невредимо лѣтъ 10; для посѣва же онъ уже черезъ 3 года

едва годится, такъ что годность его опредѣляется путемъ опыта передъ каждымъ посѣвомъ. Отверстіе ямы бываетъ въ 3 фута длины и 4 фута ширины; подъ землею же яма расширяется по произволу. Прежде, чѣмъ высыпать въ нее хлѣбъ, она накаливается и такимъ образомъ высушивается; высыпанный въ нее хлѣбъ покрывается соломой, а отверстіе ея крѣпко забивается землей. Если яму спустя нѣкоторое время прійдется открыть, то прежде, чѣмъ спускаться въ нее, слѣдуетъ продержать ее открытой нѣсколько дней для провѣтриванія и доступа свѣжаго воздуха; безъ такой предосторожности спустившійся можетъ умереть отъ слишкомъ спертаго воздуха.

17-го августа. Выѣхавъ утромъ изъ Каменки, мы ѣхали верстъ 6 до стараго землянаго вала со рвомъ, по ровной возвышенности, между Донцомъ и рѣчкой Каменкой ближе къ первому, по оврагамъ, склоняющимся частью къ Донцу, частью къ Каменкѣ; черезъ 4 версты мы вторично переѣхали такой же валъ, а еще черезъ 8 верстъ достигли источника рѣчки Голой Долины, у котораго находится почтовая станція; около послѣдней стоитъ кабакъ, принадлежащій монастырю. Дорога сюда шла все время по ровной глинистой возвышенности, лишенной камней; но въ балкѣ рѣчки Голой Долины показываются залежи чешуйчатой, кварцовой, очень твердой, бѣлой горной породы, пригодной для жернововъ. Степь здѣсь поросла Cichorium Intybus, Stipa pennata, Salvia nemorosa, Chrysocome villosa, Achillaea Millefolium, Adonis vernalis, Asparagus offic., Verbascum nigrum, Absinthium ponticum и vulgare, Dianthus plumarius, Iacea nigra, Sium Falcaria, Eryngium campestre, Aster Amellus, Thalictrum flavum, Origanum heracleoticum, Convolvulus arvensis, Lavatera thuringica, Veronica multifida, Daucus Carota, Phlomis tuberosa, Euphorbia Esula, Athamanta Cervaria, Pimpinella Saxifraga, Lotus corniculata. Балки въ этой мѣстности всѣ поросли лѣскомъ; кромѣ того на этомъ промежуткѣ находится еще два большихъ лѣса, изъ которыхъ каждый имѣетъ верстъ 10 въ окружности. Одинъ называется Теплинскимъ лѣсомъ, другой Черкаскимъ. Первый простирается отъ Донца до источника Голой Долины [18]) и принадлежитъ Святогорскому монастырю; второй покрываетъ балки, окружающія верховье Голой Долины, и является теперь спорнымъ владѣніемъ между жителями Изюма и запорожцами, сдѣлавшими 3 года тому

назадъ рѣчку Голую Долину своей границей съ Изюмской провинціей.

Самая распространенная порода деревьевъ въ этихъ лѣсахъ дубы, достигающіе здѣсь такой большой величины, что нѣкоторые изъ нихъ, по моему мнѣнію, пригодны для кораблестроенія; ихъ было бы легко, особенно изъ Теплинскаго лѣса, сплавлять внизъ по Донцу и по Дону на верфи въ Таганрогъ. Донскіе казаки заказываютъ здѣсь большія лодки, на которыхъ ѣздятъ по Дону и по Азовскому морю. На дубовыхъ листьяхъ здѣсь часто встрѣчаются отличные чернильные орѣшки, называемые здѣсь дубовыми яблоками. Между дубами растутъ: Tilia, Ulmus, Evonymus europaeus angustifolius et latifolius, Corylus Avellana, Acer compestre, tataricum и platanoides, Fraxinus excelsior значительной величины, Cornus sanguinea, Crataegus Oxyacantha baccis rubris; по опушкамъ этихъ лѣсовъ растетъ въ большомъ количествѣ терновникъ, обильный въ этомъ году ягодами, и много дикихъ грушъ значительной величины. Дикія яблони встрѣчаются рѣже; Padus же еще рѣже, такъ что я даже не замѣтилъ его; но по согласному показанію жителей онъ изрѣдка встрѣчается здѣсь. Что же касается грабины, Carpinus Betulus, то это вопросъ спорный; одни жители утверждаютъ, что она встрѣчается очень рѣдко; другіе говорятъ, что она совсѣмъ не растетъ здѣсь. Sorbus aucuparia по единогласному показанію не растетъ по Донцу ни внизъ, ни вверхъ отъ Украинской линіи. Подъ тѣнью деревьевъ въ этихъ лѣсахъ растутъ Plantae umbrosae, о которыхъ я часто упоминалъ при описаніи Елизаветградской провинціи; чаще же всего встрѣчаются Asarum, Viola canina и Aegopodium Podagraria. Не мало лѣсу растетъ и по лежащимъ западнѣе и впадающимъ въ сѣверный берегъ Торца рѣчкамъ и балкамъ, напр. по рѣчкѣ Карульчинѣ, по Бобровой и по Колодежной балкамъ, также по обоимъ берегамъ Торца отъ Изюма до Серебрянки. Говорятъ, что пространство между Святогорскимъ монастыремъ и Маяками особенно замѣчательно разнообразіемъ породъ деревьевъ; вслѣдствіе этого я рѣшилъ свернуть съ обыкновенной дороги въ Славянскъ, до котораго отъ станціи Голой Долины считается 21 верста, и сдѣлать крюкъ черезъ упомянутыя мѣста.

Отъ станціи Голой Долины я проѣхалъ 9 верстъ почти прямо на востокъ по южной опушкѣ Теплинскаго лѣса до

Святогорскаго монастыря. Правый берегъ Донца въ этомъ мѣстѣ очень крутъ и представляетъ мѣловой кряжъ вышиною саженей въ 40. Сверху идетъ узкая очень крутая дорога къ Донцу, на берегу котораго у подножія крутыхъ горъ и лежитъ Святогорскій монастырь. Монастырскія зданія, состоящія изъ двухъ церквей и дома, въ которомъ живетъ архимандритъ съ остальными монахами, окружены четыреугольной стѣной [19]), каждая сторона которой имѣетъ шаговъ 60. Надъ рѣкою въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ выше монастыря мѣловой кряжъ образуетъ нѣсколько отвѣсныхъ, голыхъ, неровныхъ пирамидальныхъ вершинъ; онѣ являются почти самыми высокими во всемъ кряжѣ и достигаютъ саженей 30 надъ поверхностью воды. Между ними построена небольшая часовня, одна половина которой вырублена въ мѣловомъ кряжѣ, а другая пристроена изъ кирпича. Около этой часовни въ мѣловомъ кряжѣ вырублены кельи и глубокіе ходы; кромѣ нихъ около церкви начинается подземный ходъ, по которому можно спуститься въ нижній монастырь. Этотъ вырубленный въ мѣловомъ кряжѣ ходъ довольно крутъ и имѣетъ саженей 200 длины. Наружный же ходъ изъ монастыря въ верхнюю часовню еще круче. Еще до построенія монастыря монахи находили убѣжище противъ нападеній татаръ въ подземныхъ кельяхъ; съ тѣхъ же поръ, какъ Θеодоръ Шиповскій [20]), начальникъ харьковскаго полка, построилъ около 100 лѣтъ тому назадъ монастырь, окруженный стѣной, монахи находились въ большей безопасности отъ татаръ. Около монастыря черезъ Донецъ построенъ мостъ на сваяхъ, имѣющій около 33 саж. длины и незаливаемый водой. Донецъ въ этомъ мѣстѣ имѣетъ всего только 28 саж. ширины и нѣсколько футовъ глубины. Теченіе его очень слабо, вода прозрачна и вкусна. Лѣвый берегъ Донца низменный; на немъ 15-го августа бываетъ ярмарка. Въ 3-хъ верстахъ отъ монастыря вверхъ по Донцу на правомъ его берегу лежитъ небольшое село Богородичное (Bogoroditschna), принадлежащее монастырю; вслѣдствіе чрезвычайной крутизны горъ между этой деревней и монастыремъ нѣтъ проѣзжей дороги. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ монастыря внизъ по Донцу лежитъ другая небольшая деревня, принадлежащая монастырю и извѣстная подъ именемъ слободы Монастырской.

Въ томъ мѣстѣ мѣлового кряжа, гдѣ находится часовня,

показываются кремневые пласты. Я замѣтилъ два такихъ пласта: первый идетъ саженяхъ въ 5-ти ниже высочайшей изъ пирамидальныхъ вершинъ и саженяхъ въ 15-и ниже высочайшей вершины всего хребта; второй саженяхъ въ 4-хъ ниже перваго, но все еще саженяхъ въ 20-ти надъ поверхностью воды въ рѣкѣ. Эти пласты лежатъ почти горизонтально съ небольшимъ уклономъ отъ наружной стороны хребта вглубь его; они имѣютъ всего отъ половины до 2-хъ дюйм. толщины. Наружныя поверхности ихъ не гладки, а слабо волнисты; изъ нихъ какъ вверхъ, такъ и внизъ выходятъ тупые пальцеобразные отростки. Мѣлъ вездѣ плотно прилегаетъ къ кремню, кажущемуся какъ-бы обтянутымъ бѣлой кожей. Это настоящій кремень; цвѣтъ его черно-бурый. Такимъ образомъ, многочисленные кремни, встрѣчающіеся по низменности у Донца, нечто иное, какъ обломки отъ этихъ пластовъ. Эти кремневые пласты въ мѣловомъ хребтѣ явленіе столь же странное, какъ и вертикальная кремневая жила, видѣнная мною раньше въ известковомъ хребтѣ у Ріона; и то, и другое явленія подаютъ поводъ ко многимъ соображеніямъ въ исторіи кремней. Верхній слой, покрывающій мѣловой хребетъ и идущій, повидимому, до самаго русла рѣки, состоитъ изъ обыкновенной, сѣрожелтой, щелочной глины. Мѣловыя горы, образующія въ этомъ мѣстѣ правый высокій берегъ Донца, покрыты простой сосной, Pinus sylvestris, достигающей здѣсь значительной величины. Между соснами изрѣдка встрѣчаются березы, чаще дубы, липы, ольхи или Fraxinus, берестъ или Ulmus, Evonymus, Sambucus nigra, Acer campestre и platanoides, Salix caprea, Cornus sanguinea и орѣшникъ; ближе къ Донцу растутъ: Populus alba, tremula и Rhamnus Frangula, а между ними много дикаго хмѣля. Встрѣчаются здѣсь и небольшія дикія вишни. Подъ тѣнью этихъ деревьевъ около монастыря растутъ: Artemisia Abrotanum, Chelidonium maius, Panicum luteum, Bursa Pastoris, Telephium maius album, Viola canina, Geranium robertianum, Verbascum Thapsus, Convallaria multiflora, Hedera terrestris, Asarum, Galium rubioides, Origanum heracleaticum, Linaria ,Salvia verticillata, Cytisus hirsutus, Athamanta Cervaria, Scabiosa ochroleuca. Въ 2-хъ верстахъ отъ монастыря по дорогѣ въ Маяки лежитъ на возвышенномъ мѣстѣ въ небольшой балкѣ въ лѣсу виноградникъ, принадлежащій монастырю; онъ состоитъ приблизительно изъ 400 виноградныхъ лозъ и разведенъ болѣе 10 лѣтъ тому назадъ. Хотя винограду въ немъ и много,

но онъ мелокъ и плохаго сорта. Уходъ за виноградомъ здѣсь такой же, какъ и подъ Каменкой. На ряду съ нимъ растутъ прекрасныя яблони, груши и бергамотовыя деревья хорошей породы. Отъ этого виноградника мы ѣхали еще 7 вер. сначала по возвышенности, затѣмъ спустились въ низменность, лежащую у Донца, и снова поднялись на возвышенность, по которой и ѣхали до городка Маяковъ, лежащаго на правомъ берегу Донца. По всему пути отъ монастыря до Маяковъ какъ на возвышенностяхъ, такъ и по краямъ балокъ виднѣлся мѣлъ, (составляющій здѣшнюю горную породу), то обнаженный, то покрытый сѣро-желтой глиной. На этой почти чистой мѣловой почвѣ, покрытой только тонкимъ слоемъ чернозема, растутъ недалеко отъ монастыря: Sempervivum globiferum, Polium album, Veronica incana, Stoechas citrina, Potentilla verna, Anemone Pulsatilla и Euphrasia lutea; послѣдней я не встрѣчалъ съ Новохоперской крѣпости. Cerasus pumila и Amygdalus nana часто встрѣчались по пути на открытыхъ мѣстахъ. Большая часть дороги шла лѣсомъ, покрывающимъ край возвышенности, склоняющейся къ Донцу.

Лѣсъ, лежащій на возвышенности Донца между монастыремъ и Маяками, состоитъ главнымъ образомъ изъ сосенъ; между ними на ряду съ другими породами, свойственными этой мѣстности, встрѣчаются три болѣе рѣдкія породы, именно: Ligustrum album, Rhamnus catharcticus и Rhus Cotinus; относительно перваго дерева я не могъ узнать ни названія, ни на что оно употребляется; второе называется здѣсь жостиремъ; ягоды его идутъ на окраску кожи въ желтый цвѣтъ; третье (Cotinus) носитъ названіе шевскаго деревца, т. е. кожевеннаго дерева, такъ какъ съ помощью его листьевъ выдѣлывается сафьянъ. Кромѣ песчаныхъ холмовъ, расположенныхъ на сѣверъ отъ Терека, и мѣстности Гардъ (Gard) на Бугѣ я до сихъ поръ не встрѣчалъ въ Россіи этого кустарника. Въ низменности, лежащей у Донца, по дорогѣ часто попадались Populus alba, tremula и Salices, а въ ихъ тѣни росли Ptarmica и Ballote. На мѣловой возвышенности, расположенной противъ Маяковъ и открытой полуденнымъ лучамъ, я встрѣтилъ Teucrium Pseudiva и Thymus pusillus, которые еще ни разу не попадались мнѣ по восточную сторону Днѣпра; около нихъ росъ Marrubium peregrinum.

18 августа. Мы переночевали въ Маякахъ. Этотъ городокъ [21])

лежитъ на правомъ берегу Донца въ низменности, окруженной отлогими холмами, имѣющими саженей 20 вышины. Городокъ невеликъ и неправильно построенъ; онъ окруженъ сухимъ рвомъ и частоколомъ и состоитъ приблизительно изъ 100 плохихъ домовъ, построенныхъ на малороссійскій ладъ. Жители принадлежатъ частью къ Изюмской провинціи Слободской губерніи, частью къ Бахмутской провинціи Новороссійской губерніи. Къ Изюмской провинціи принадлежитъ 357 душъ мужескаго пола, платящихъ подушныя подати; изъ нихъ набираются рекруты въ изюмскій гусарскій полкъ. Къ Бахмутской провинціи принадлежитъ около 50 пикенеровъ и почти столько же однодворцевъ. У Маяковъ черезъ Донецъ построенъ мостъ саженей въ 50 длины; ширина же рѣки теперь всего 20 саженей. Берега Донца покрыты лѣскомъ; возвышенность на востокъ отъ города также поросла лѣсомъ, принадлежащимъ казнѣ; изъ него берутся дрова для славянскихъ соляныхъ варницъ, а съ нѣкоторыхъ поръ и для бахмутскихъ, такъ какъ около Бахмута не осталось болѣе лѣса. Сѣверный холмъ состоитъ изъ обнаженнаго мѣла; южный же покрытъ глиной и хорошимъ черноземомъ. Въ этой мѣстности водятся отличныя свиньи, питающіяся лѣсными грушами, яблоками и желудями. Такъ какъ винокуреніе и продажа вина здѣсь вольныя, то и огонки идутъ свиньямъ въ пищу.

Здѣсь, какъ и во всей Малороссіи, на винокуреніе идетъ огромное количество зерноваго хлѣба, что поднимаетъ цѣну на хлѣбъ и вызываетъ пьянство. До конца мая мѣсяца четверть ржи стоила здѣсь одинъ рубль; теперь же цѣна повысилась до 3-хъ рублей, такъ какъ уже предвидится неурожай, а весь хлѣбъ ушелъ на винокуреніе.

Въ 10 верстахъ отъ Маяковъ внизъ по Донцу на правомъ его берегу лежитъ городокъ Райгородъ; онъ немного больше Маяковъ; построенъ же и укрѣпленъ, какъ и Маяки; населенъ онъ малороссіянами, принадлежащими къ Слободской губерніи.

Выѣхавъ утромъ изъ Маяковъ, мы ѣхали верстъ 6 на сѣверъ *) по ровной возвышенности, съ которой намъ открывался обширный видъ на восточную низменность Донца. Переѣхавъ затѣмъ по мосту рѣчку Бесарабиху, мы поднялись на возвы-

*) Очевидно ошибка; слѣдуетъ читать *на югъ*.

шенность, а черезъ 3 версты спустились въ балку, по которой протекаетъ рѣка Торецъ; недалеко отъ лѣваго берега его лежитъ городъ Славянскъ, отстоящій отъ Маяковъ на 10 верстъ; въ Славянскѣ я нанялъ квартиру, намѣреваясь пробыть въ немъ нѣсколько дней, чтобы подробно ознакомиться съ здѣшнею мѣстностью, славящеюся своими соляными источниками.

Балка, по которой протекаетъ рѣчка Бесарабиха, впадающая въ Торецъ немного выше его устья, покрыта красивымъ лѣскомъ, состоящимъ изъ: Tilia, Corylus, Malus sylvestris, Acer campestre и tataricum, Ulmus, Cornus sanguinea, Quercus, Sambucus, Platanoides, Fraxinus, Oxyacantha, Pyraster; подъ тѣнью этихъ деревьевъ растутъ: Mentha Pulegium, Cerastium aquaticum, Solanum nigrum, Geum urbanum, Aegopodium Podagraria, Viola canina, Convallaria multiflora и majalis, Hedera terrestris, Petasites, Chaerophyllum sylvestre, Lapsana communis, Arabis pendula, Bidens tripartita, Daucus Carota, Epilobium palustre, Lysimachia Nummularia, Inula Helenium, Erigeron canadense, Spiraea Ulmaria, Carex ruffa, Stachys sylvatica, Chelidonium majus, Aristolochia Clematitis, Asclepias Vincetoxicum, Asarum, Origanum vulgare и Lycopus europaeus. Ни въ этихъ, ни въ предшествовавшихъ болѣе обширныхъ лѣсахъ не встрѣчается ни грибовъ, ни папортниковъ. Какъ лишайныя, такъ и мховыя растенія попадаются рѣдко, особенно послѣ засухи этого года. На сухой, глинистой возвышенности у рѣчки Бесарабихи растутъ: Asparagus offic., Agrimonia Eupatorioides, Stipa pennata, Chrysocoml villosa, Sonchus amplexicaulis, Aster Amellus, Inula hirta, Adonis vernalis, Scabiosa ochroleuca, Cichorium Intybus, Stoechas citrina, Phlomis tuberosa и Herba venti, Esula, Thalictrum flavum, Eryngium campestre, Achillaea nobilis и Millefolium, Verbascum nigrum и phoeniceum, Statice Limonium, Pimpinella Saxifraga, Galium luteum, Salvia nemorosa, Absinthium ponticum, Sium Falcaria, Crithmum campestre, Salvia verticillata, Melilotus offic., Consolida regalis, Alyssum incanum; на ряду съ мелкими миндальными и вишневыми кустами попадается также Spartium spinosum, небольшой колючій кустарникъ, называемый здѣшними жителями дерезой и употребляемый на вѣники; этотъ кустарникъ встрѣчался намъ нѣсколько разъ на степяхъ, лежащихъ по Украинской линіи. Засѣянныя гречихой поля, встрѣчавшіяся намъ сегодня между Маяками и Славянскомъ, очень немного пострадали отъ

мороза, бывшаго 13-го августа, что является естественнымъ признакомъ значительно болѣе теплаго климата.

Отъ 19 до 21 августа. Эти дни проведены нами въ Славянскѣ. Городъ этотъ лежитъ въ ровной долинѣ въ балкѣ, по которой протекаетъ рѣка Торецъ, въ 2-хъ верстахъ на сѣверъ отъ его лѣваго берега между пятью соляными озерами, окружающими городъ съ запада, сѣвера и востока; съ южной и восточной стороны эти озера соединяются соленой рѣчкой Калантаевкой. Эта рѣчка беретъ начало въ сѣверо-западномъ углу города и принимаетъ въ себя воду изъ 4-хъ озеръ, носящихъ теперь слѣдующія названія: Косу Слѣпой, Старо-Майданное, Червонное и Кривое [22]). Отсюда она течетъ саженей 400 на югъ, затѣмъ почти двѣ версты на востокъ, принимаетъ каналъ, отводящій соленую воду изъ пятаго озера Маяцкаго, течетъ еще версту на 20 и впадаетъ затѣмъ въ Торецъ съ лѣвой его стороны приблизительно въ 6-ти верстахъ выше впаденія послѣдняго въ Донецъ. Эта рѣчка имѣетъ всего нѣсколько шаговъ ширины и теперь вслѣдствіе сухаго лѣта пересохла: сильно высохли и соляныя озера, такъ что вода изъ нихъ почти совсѣмъ не стекаетъ въ рѣчку. Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ влѣво отъ нея между большимъ озеромъ Маяцкимъ и рѣкою Торцомъ лежитъ 8 небольшихъ озеръ, которыя теперь почти совсѣмъ высохли. Около нихъ видна сухая каналообразная низменность, заливаемая весной Калантаевкой. Между озеромъ Кривымъ и Калантаевкой расположено 6 небольшихъ лужъ, отстоящихъ другъ отъ друга на нѣсколько шаговъ; онѣ представляютъ остатокъ колодцевъ, изъ которыхъ здѣшніе жители нѣкогда доставали разсолъ и около которыхъ производили выварку соли, бывшую прежде вольной. Колодцы же, изъ которыхъ теперь достается разсолъ, находятся на лѣвомъ берегу рѣчки Калантаевки въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ ниже ея источника между озерами Червоннымъ и Старо-Майданнымъ. Ихъ пять. Первый, и въ то же время самый верхній, считая по теченію Калантаевки, и самый низкій, считая по горизонту его отверстія, имѣетъ 12 фут. глубины; отверстіе же его приблизительно въ 6 кв. фут. Внутри его стоитъ вертикальная труба, изъ которой бьетъ разсолъ. Этотъ колодецъ называется Ново-Запретенымъ; онъ даетъ 40 куб. фут разсолу въ часъ. Изъ него къ рѣчкѣ Калантаевкѣ сдѣланъ стокъ шаговъ въ 10

длины, по которому разсолъ могъ бы свободно стекать, если бы на немъ не было устроено 4-хъ черпаковъ, снабженныхъ простыми рычагами, которыми 4 человѣка, смѣняемые другими четырьмя, поднимаютъ разсолъ въ трубу, оканчивающуюся во 2-мъ колодцѣ, называемомъ Мазановымъ, въ 9-ти фут. ниже его верхняго отверстія, совпадающаго съ поверхностью земли. Мазановъ колодецъ лежитъ болѣе, чѣмъ на сажень выше Запретенаго. Въ одной горизонтальной плоскости съ Мазановымъ колодцемъ лежатъ два меньшихъ колодца, не носящихъ особыхъ названій; первый изъ нихъ отстоитъ приблизительно на 28, второй на 33 шага отъ Мазанова колодца; глубина ихъ 20 фут., а отверстія въ 3 кв. фут. Изъ этихъ двухъ колодцевъ, такъ же какъ и изъ Мазанова, разсолъ самъ стекаетъ по горизонтальнымъ трубамъ, проложеннымъ со дна ихъ, въ пятый главный колодецъ, отстоящій отъ перваго или Ново-Запретенаго на 140 шаговъ на югъ; глубина пятаго колодца 20 фут., а отверстіе его приблизительноно въ 10 кв. фут. и лежитъ немного ниже отверстія Мазанова, но выше Ново-Запретенаго. Въ этомъ главномъ колодцѣ разсолъ, смѣшанный съ разсоломъ всѣхъ предъидущихъ колодцевъ, немного крѣпче разсола Ново-Запретенаго. Изъ 27 унцевъ разсола колодца Ново-Запретенаго получается 1 унцъ 2 драхмы 48 гранъ твердыхъ остатковъ; изъ смѣшаннаго же разсола главнаго колодца—1 унцъ 6 др. 46 гранъ; на это количество приходится 3 грана земли, 3 грана чистой кристаллизированной и 3 грана некристаллизируемой соли. Изъ главнаго колодца разсолъ поднимается по 4-хъ или 6-ти дюймовымъ трубамъ въ небольшой бассейнъ помощью обыкновеннаго горизонтальнаго колеса и двухъ шестерень, приводимыхъ въ движеніе 8 волами или лошадьми. Этотъ бассейнъ поднятъ на 15 фут. надъ землей и имѣетъ 2 сажени длины, 3 фута ширины и 3 фута глубины. Въ серединѣ его въ днѣ сдѣланы отверстія для двухъ вертикальныхъ трубъ, по которымъ разсолъ стекаетъ въ двѣ горизонтальныя трубы и отводится ими въ другой большой бассейнъ, находящійся приблизительно въ 150 саженяхъ на юго-западъ отсюда на правомъ берегу Калантаевки. Этотъ бассейнъ поднятъ на 2 фута надъ землей и имѣетъ 2 сажени длины, 8 футовъ ширины и 3 фута глубины; онъ снабженъ крышей. Изъ этого бассейна разсолъ стекаетъ по короткимъ вертикальнымъ трубамъ, течетъ нѣсколько саженей по горизонтальнымъ трубамъ и за-

тѣмъ поднимается по вертикальнымъ вверхъ; каждая изъ послѣднихъ оканчивается надъ солеваренной сковородой, куда разсолъ и течетъ до тѣхъ поръ, пока не запрутъ крановъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ въ сторону отъ этого бассейна стоитъ соляная варница, содержащая 6 сковородъ, а сбоку ея находится соляный магазинъ. Бассейновъ, соляныхъ варницъ и магазиновъ по два; вмѣстѣ съ караульней и лѣсопильней они занимаютъ продолговатый четыреугольникъ, имѣющій около 120 саженей длины и около 45 саж. ширины; по угламъ онъ укрѣпленъ частью частоколомъ, частью земляными батареями [23]).

Южная и западная стѣны укрѣпленія соляныхъ варницъ составляютъ въ то же время часть городскаго укрѣпленія, имѣющаго около 1300 саженей въ окружности. Оно неправильно и состоитъ частью изъ частокола, на болотистыхъ же мѣстахъ изъ рогатокъ; во время настоящей войны построено нѣсколько правильныхъ земляныхъ батарей и бастiоновъ, работы надъ которыми еще не окончены. Въ укрѣпленiи находится около 40 пушекъ и 2 роты гарнизонныхъ солдатъ. Въ крѣпостныхъ веркахъ сдѣлано четверо воротъ: бахмутскiя, изюмскiя, маякскiя (Majatskaja) и соловарскiя (Salowarskaja). Посреди крѣпости лежитъ озеро Червонное, черезъ которое протекаетъ рѣчка Калантаевка, берущая начало въ озерѣ. Бóльшая внутренняя часть крѣпости затопляется весной сильно разливающимися озерами; прежде послѣ разлитiя въ крѣпости на цѣлый годъ оставались лужи, что дѣлало городъ очень грязнымъ, а воздухъ нездоровымъ; теперь-же всѣ лужи засыпаны. Прежде крѣпостные верки обнимали бóльшее пространство, именно тянулись до восточной стороны озера Кривого, такъ что въ нихъ входили и старые колодцы. Въ центрѣ въ то время стоялъ такъ называемый замокъ, находящiйся теперь въ сѣверо-восточномъ углу. Замокъ представляетъ четыреугольникъ приблизительно въ 50 кв. саж., окруженный частоколомъ, а по угламъ имѣющiй батареи; въ немъ хранятся военные снаряды. Недалеко отъ замка стоитъ одна церковь, около главнаго колодца другая. Домовъ въ городѣ насчитывается около 150; всѣ они очень плохо построены; лавокъ немного; въ нихъ ведется мелочная торговля. На востокъ и на западъ отъ укрѣпленiя лежатъ предмѣстiя, состоящiя приблизительно изъ 200 домовъ. Крѣпость и гарни-

зонъ находятся подъ начальствомъ коменданта, подчиненнаго кіевскому оберъ-коменданту; теперь комендантомъ въ Славянскѣ полковникъ Ѳеодоръ Петровичъ Караваевъ. Жители—малороссіяне; большая часть ихъ принадлежитъ къ Изюмской провинціи и подчинена магистрату; нѣкоторые присоединились къ луганскому пикенерскому полку, слѣдовательно принадлежатъ къ Бахмутской провинціи и находятся подъ начальствомъ пикенерскаго офицера; впрочемъ они скоро будутъ переведены отсюда въ новыя роты луганскаго пикенерскаго полка; наконецъ третью часть жителей составляютъ солевары; ихъ насчитывается около 80 семействъ; принадлежатъ они къ бахмутскому вѣдомству соляныхъ дѣлъ и находятся подъ начальствомъ капитана, которому порученъ надзоръ за здѣшнимъ солеваренимъ производствомъ и который назначается соляной конторой.

Южную половину крѣпости окружаетъ на нѣкоторомъ разстояніи старый земляной валъ, составляющій продолженіе уже не разъ замѣченнаго мною; ровъ его обращенъ на югъ. Валъ этотъ начинается отъ праваго берега Донца въ 5-ти верстахъ выше Изюма, идетъ нѣсколько верстъ параллельно рѣчкѣ Голой Долинѣ, сюда же приходитъ съ западной возвышенности; направляется затѣмъ къ лѣвому берегу Торца, котораго и достигаетъ въ 2-хъ верстахъ на югъ отъ крѣпости, и идетъ далѣе до Донца параллельно Торцу то по правую, то по лѣвую его сторону. Такимъ образомъ этимъ рвомъ окружено противъ нападеній крымскихъ татаръ пространство по правому берегу Донца, имѣющее около 10 верстъ въ ширину и 50 верстъ въ длину. Валъ этотъ не представляетъ сплошной линіи, но часто прерывается лѣсами и балками. Устройство его приписывается бояриму Косагову [24]) (Kosagan), бывшему, какъ говоритъ преданіе, 200 лѣтъ тому назадъ русскимъ княземъ.

Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ на югъ отъ соляныхъ варницъ валъ пересѣкается каналомъ, имѣющимъ 2 добрыхъ версты длины и проведеннымъ отъ Торца къ варницамъ; ширина его около 2-хъ саженей. Проектъ этого канала былъ, какъ говорятъ, сдѣланъ покойнымъ надворнымъ совѣтникомъ Юнкеромъ, чтобы привозить водой къ самымъ варницамъ дрова изъ Торца, куда они сплавлялись изъ Донца. Но проектъ этотъ не былъ осуществленъ; сооруженіе канала

было прекращено вслѣдствіе угрожавшаго наводненія города и соляныхъ озеръ. Мнѣ кажется, что для этой цѣли было бы проще расчистить и расширить рѣчку Калантаевку.

Тѣмъ-же Юнкеромъ были устроены вышеупомянутые колодцы, водоподъемныя машины и соляныя варницы. Въ этомъ устройствѣ я не могу одобрить двухъ вещей. Во-первыхъ: что насосы не были поставлены на самомъ низкомъ мѣстѣ, именно у колодца Ново-Запретенаго, въ который разсолъ могъ бы самъ стекать по подземнымъ трубамъ изъ 4-хъ остальныхъ вышележащихъ колодцевъ; это избавило бы отъ необходимости держать у колодца 8 лишнихъ работниковъ, получающихъ по 5 к. поденной платы. Теперь же слѣдовало бы по крайней мѣрѣ попытаться уплотненіемъ стѣнъ колодца Ново-Запретенаго повысить въ немъ уровень воды на столько, чтобы она сама стекала въ Мазановъ колодецъ. Если бы это оказалось невозможнымъ, то насосъ слѣдовало бы непремѣнно поставить за колодцемъ Ново-Запретенымъ. Въ послѣдній слѣдовало бы привести разсолъ съ помощью трубъ не только изъ 4-хъ остальныхъ колодцевъ, но и изъ лежащихъ вокругъ нихъ озеръ, изъ которыхъ, впрочемъ, разсолъ нужно было бы пускать только тогда, когда онъ, вслѣдствіе усиленнаго испаренія, достаточно сгустится, т. е. въ іюлѣ и въ августѣ мѣсяцѣ. Во-вторыхъ, въ устройствѣ Юнкера я не могу одобрить того, что варницы поставлены далеко отъ колодца, именно въ 150 саженяхъ, вслѣдствіе чего требуется большое количество трубъ, что влечетъ за собой излишніе расходы и частыя остановки въ производствѣ. Причиной отдаленности варницъ была, вѣроятно, низменная мѣстность вокругъ колодцевъ, недающая возможности вырыть печныя ямы въ нѣсколько футовъ глубины; но этого неудобства легко было бы избѣжать построеніемъ печей надъ землей; да кромѣ того шагахъ въ 40 на востокъ отъ колодцевъ около озера Червоннаго мѣстность на столько высока, что на ней можно было бы смѣло, не опасаясь воды, вырыть печныя ямы въ нѣсколько футовъ глубины. При теперешнемъ устройствѣ всего проложено 360 деревянныхъ трубъ въ $2^1/_2$ сажени длины каждая; это количество трубъ легко могло бы быть уменьшено до 30.

Въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны Юнкеру по высочайшему повелѣнію было поручено усовершенствованіе

здѣшняго солеваренннаго производства, и дѣйствительно соляныя варницы Юнкера устроены отлично. Сначала предполагалось построить 4 варницы, на самомъ же дѣлѣ построено было всего двѣ съ 6 сковородами каждая; добываніе соли производилось въ нихъ болѣе 30-ти лѣтъ; два года тому назадъ устройство Юнкера было замѣнено другимъ. Я опишу оба устройства, прежнее по варницѣ Юнкера, сохранившейся по нынѣ, хотя и въ разрушенномъ видѣ, и теперешнее по новой варницѣ, въ которой производится работа теперь, а затѣмъ укажу преимущества и недостатки и того, и другого устройства.

Соляная варница Юнкера имѣетъ около 24 саженей длины и около 4 саженей ширины. Высота стѣнъ ея около 8 футовъ, высота же крыши около 2 саженей. Въ одной изъ продольныхъ стѣнъ сдѣлано 3 двери обыкновенныхъ размѣровъ, одна дверь посреди зданія, остальныя двѣ по бокамъ его на одинаковомъ разстояніи отъ средней двери и отъ концовъ зданія; между дверьми сдѣлано по два окна, а между концами зданія и крайними дверьми по окну, такимъ образомъ всего 6 оконъ; въ стѣнѣ между каждыми двумя окнами футахъ въ 6-ти отъ земли сдѣланы горизонтальныя отверстія въ $1^1/_2$ сажени длины и въ полфута ширины. Противъ нихъ въ противоположной продольной стѣнѣ сдѣланы отверстія сверху до низу также въ $1^1/_2$ сажени длины; эти отверстія въ случаѣ нужды могутъ забираться досками. Посреди поперечныхъ стѣнъ варницы сдѣланы отверстія такой же величины. Противъ каждой двери продольной стѣны внутри варницы стоитъ каменная печь; такихъ печей три; по направленію ширины варницы онѣ имѣютъ $1^1/_2$ сажени, по направленію же длины ея только 6 футовъ; съ низу печи при каждой продольной сторонѣ ея находится по 2 трубы, отстоящихъ другъ отъ друга на 4 фута; 4 трубы каждой печи соединяются надъ печью въ одну трубу, идущую къ крышѣ. Противъ каждыхъ двухъ трубъ устроена топка, углубленная въ землю на 3 фута; она одинаковой величины съ солеваренной сковородой, стоящей на ней, т. е. имѣетъ 2 квадр. сажени; топка имѣетъ для вбрасыванія топлива отверстіе приблизительно въ 3 квадр. фута, сдѣланное противъ отверстій печи и закрываемое желѣзными дверцами; подъ дверцами топки находится зольникъ; топочная рѣшетка сдѣлана изъ кирпича; бока топки закруглены и сверху плотно прилегаютъ къ соле-

варенной сковородѣ; всѣ щели тщательно замазаны, чтобы не терялся жаръ. Сковороды выкованы изъ листоваго желѣза; величина ихъ около 2-хъ квадр. саженей, а глубина почти футъ. Для того, чтобы онѣ не лежали всей тяжестью на топкѣ, онѣ подвѣшиваются на 9 крюкахъ, прикрѣпленныхъ къ дну сковороды, къ поперечнымъ балкамъ зданія. Въ 3-хъ футахъ надъ сковородой начинается труба, сдѣланная изъ тонкихъ досокъ; она выходитъ, немного съуживаясь, на 2 фута поверхъ крыши и прикрывается особой небольшой крышей; по этимъ трубамъ поднимаются съ поверхности сковороды водяные пары. Около каждой сковороды у продольныхъ стѣнъ варницы стоитъ ящикъ приблизительно въ 2 сажени длины, 3 фута ширины и 3 фута глубины, постепенно съуживающійся къ дну и имѣющій по серединѣ отверстіе; этотъ ящикъ называется садовницей; въ него ссыпается съ сковороды мокрая соль; она лежитъ въ немъ 12 часовъ до тѣхъ поръ, пока не стечетъ вся жидкость, называемая старухой или кореннымъ разсоломъ, въ ящикъ, поставленный въ землѣ подъ отверстіемъ и называемый старушницей. Таково устройство соляныхъ варницъ Юнкера.

Новоустроенная варница имѣетъ 19 саженей длины и 4 сажени ширины; одной продольной стѣны совсѣмъ нѣтъ; вмѣсто нея стоитъ только нѣсколько столбовъ; остальныя три стѣны сплошныя. Вышина стѣнъ около 8-ми футовъ, вышина же крыши около 1½ саженей. Въ конькѣ крыши сдѣланъ прорѣзъ приблизительно въ 16 дюймовъ ширины для выхода дыма и паровъ. Внутри варницы вдоль продольной стѣны ея стоитъ 6 круглыхъ печей, имѣющихъ въ діаметрѣ 2 саж.; печи отстоятъ другъ отъ друга на 1 сажень; таково же разстояніе и крайнихъ печей отъ стѣнъ. Вдоль продольной открытой стѣны варницы сдѣлана противъ каждой печи яма; отверстіе ея въ 6 квадратныхъ футовъ, глубина также 6 футовъ; въ эту яму открываются печныя дверцы, а подъ послѣдними находится зольникъ. Печная рѣшетка сдѣлана изъ кирпича; форма печи круглая; боковыя ея стѣны углублены въ землю; высота же ея достигаетъ около 5-ти футовъ, такъ что верхніе ея края выступаютъ надъ поломъ варницы приблизительно на 1½ фута. На нихъ стоитъ сковорода; дымъ и пламя выходятъ вокругъ всей сковороды черезъ щель между ней и краями печи. Сковороды дѣлаются изъ тол-

стыхъ желѣзныхъ листовъ, соединенныхъ заклепками; онѣ круглы и имѣютъ въ діаметрѣ 2 сажени; дно ихъ плоское; бока, имѣющіе почти футъ вышины, загнуты наружу. Сковороды подвѣшиваются къ поперечнымъ балкамъ варницы на крюкахъ, прикрѣпленныхъ въ днѣ ихъ. На сковороду идетъ около 62 листовъ желѣза, каждый въ 20 фун. вѣсу. Пудъ желѣза стоитъ теперь 2 руб. 10 коп., за работу же сковородъ, дѣлаемыхъ на мѣстѣ, платится по 9 руб., такъ что каждая сковорода обходится приблизительно въ 80 руб. Она служитъ, смотря по качеству желѣза, отъ 60 до 100 дней; края же сковороды при новомъ устройствѣ портятся пламенемъ гораздо раньше. Около сковородъ по продольной стѣнѣ стоятъ вышеописанныя садовницы и старушницы; труба, по которой разсолъ самъ течетъ въ сковороду и которая въ случаѣ нужды запирается краномъ, устроена въ этихъ варницахъ также, какъ и въ прежнихъ.

Изъ сказаннаго видно, что новое устройство варницы обходится въ 4 раза дешевле стараго; за то убытки, причиняемые первымъ, значительно превышаютъ его кажущуюся выгоду. Недостатки его слѣдующіе:

1) Оно требуетъ очень много топлива, такъ какъ большая часть жару выходитъ по краямъ сковородъ и такимъ образомъ теряется; устройство же Юнкера требуетъ топлива значительно меньше, такъ какъ въ немъ пламя не выходитъ наружу.

2) Новое устройство препятствуетъ испаренію; устройство же Юнкера, наоборотъ, способствуетъ ему трубами, отверстіями, окнами и дверьми, которыя слѣдуетъ открывать, сообразуясь съ направленіемъ вѣтра, и такимъ образомъ опять таки сберегаетъ топливо.

3) При новомъ устройствѣ края сковородъ скоро портятся пламенемъ; у Юнкера они совсѣмъ не подвергаются дѣйствію огня.

4) При новомъ устройствѣ копоть, садящаяся на внутренней поверхности крыши, падаетъ въ сковороды; въ нихъ же черезъ открытую стѣну приносится вѣтромъ всевозможный соръ; въ устройствѣ Юнкера этого неудобства нѣтъ, благодаря дымовымъ трубамъ, дверямъ и окнамъ.

5) При новомъ устройствѣ рабочимъ приходится работать посреди дыму и жара отъ выходящаго вокругъ сковородъ пла-

мени; въ варницахъ Юнкера температура умѣренная, дыму же совсѣмъ нѣтъ.

6) Варницы новаго устройства почти непригодны зимой, тогда какъ въ варницахъ Юнкера выварку соли можно производить круглый годъ.

И такъ, старое устройство, очевидно, имѣетъ передъ новымъ огромныя преимущества. Сходно съ теперешнимъ устройствомъ нѣкогда варили соль простые казаки въ нѣсколькихъ сотняхъ сковородъ размѣрами немного меньше теперешнихъ; но то, что было простительно тогда, не можетъ быть терпимо теперь.

Ниже я опишу самый способъ выварки соли. Разведя подъ сковородой огонь, пускаютъ на нее разсолъ изъ находящейся около нея трубы. Разсолъ течетъ въ продолженіе 6 часовъ; все это время онъ кипитъ и вывариваетcя. Во время шестичасовой варки на дно большой сковороды ставятся четыреугольныя желѣзныя сковородки; величина ихъ квадратный футъ, а глубина 1 дюймъ; въ центрѣ сковородки сдѣланъ вертикальный стержень фута въ 2 длины, съ помощію котораго сковородка ставится и поднимается. Эти сковородки называются мапотками; въ нихъ осѣдаетъ во время варки разсола въ теченіе 6-ти первыхъ часовъ частью песчаная, частью известковая земля; этотъ осадокъ называется глеемъ; снятый съ сковородокъ онъ большей частью выбрасывается, иногда же его даютъ въ небольшомъ количествѣ овцамъ для лизанія. Черезъ 6 часовъ сковорода оказывается почти полной; тогда, заперевъ кранъ, пріостанавливаютъ притокъ свѣжаго разсола; разсолъ же, находящійся въ сковородѣ, продолжаютъ кипятить еще 6 часовъ; отъ такой 12-ти часовой варки лѣтомъ получается 30 пудовъ соли, а весною и осенью только 25. Небольшое количество разсола, остающееся въ сковородѣ по снятіи съ нея соли, предоставляется солеварамъ; давъ ему наскоро увариться, они получаютъ соль, которая называется гаманамъ и которую они продаютъ въ свою пользу. Въ теченіе 12 часовъ сгораетъ $1^1/_2$ куб. сажени дровъ; кубическая же сажень стоитъ отъ $1^1/_2$ до 4 р.; у каждой сковороды посмѣнно работаютъ 4 человѣка; они получаютъ отъ казны по копейкѣ съ пуда добытой соли, такимъ образомъ каждый изъ нихъ за 12 часовъ, т. е. за каждую варку, получаетъ $7^1/_2$ к.; у частныхъ же лицъ рабочіе получаютъ по $12^1/_2$ коп. за каждую варку съ хозяйскими харчами.

Со сковороды соль, добытая въ теченіе 12 часовъ, ссыпается въ стоящій около сковороды ящикъ, называемый садовницей; здѣсь она лежитъ 12 часовъ до тѣхъ поръ, пока весь коренной разсолъ или старуха не сбѣжитъ черезъ отверстіе въ бочку, стоящую подъ садовницей. Надъ отверстіемъ садовницы обыкновенно привѣшивается мочало въ видѣ вѣнка, на который соль осаждается кристаллами; эта соль самая чистая, въ ней совсѣмъ нѣтъ землистыхъ частицъ; она называется баранцами, баранцемъ или баранцовой солью; соль же, осаждающаяся на днѣ садовницы, называется цуркой или цурковой солью. Сбѣжавшій въ старушницы коренной разсолъ, содержащій въ себѣ Sal commune non crystallisabile, снова выливается въ сковороду послѣ 6-ти часовой варки въ ней свѣжаго разсола; это считается необходимымъ для полученія новой соли, однако мнѣніе это ложно и даже вредно, какъ было уже мною замѣчено при описаніи селитроваренія. Послѣ 6-ти варокъ, т. е. каждые 3 дня сковороды очищаются отъ соляной накипи, называемой ракой. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ: вынувъ изъ сковороды соль въ послѣдній, т. е. въ шестой разъ, впускаютъ въ нее немного свѣжаго разсола и крѣпко трутъ соляную накипь для выдѣленія изъ нея соли, послѣ чего разсолъ выливается; затѣмъ просушиваютъ накипь, разведя огонь, и отдѣляютъ ее отъ сковороды сильными ударами молотковъ, что чрезвычайно портитъ сковороды, дѣлая въ нихъ трещины. Постороннія лица, желающія вываривать соль на своемъ топливѣ, платятъ за каждую сковороду 10 руб. въ сутки, а за водоподъемную машину 17 коп., четыремъ же рабочимъ, состоящимъ при каждой сковородѣ, даютъ по рублю въ сутки и харчи.

Солеваренное производство въ Славянскѣ ведется вообще вяло и небрежно, такъ что ежегодный доходъ его невеликъ; охотниковъ до него мало, такъ какъ здѣшняя соль имѣетъ плохой сбытъ въ Малороссію, куда теперь въ огромномъ количествѣ привозится крымская соль; сбытъ же ея въ Слободскую губернію, снабжаемую эльтонскою солью, запрещенъ [25]). Крымскій ханъ, отдавая на откупъ свои соляныя озера, получаетъ ежегодно отъ Россіи большую сумму; добываемая изъ этихъ озеръ соль частью употребляется въ Малороссіи, частью отправляется въ Польшу. А если бы солеваренное про-

изводство въ Славянскѣ велось дѣятельнѣе, то можно было бы легко обойтись безъ крымской соли, и торговля отъ этого нисколько не пострадала бы. Не трудно было бы предпринять мѣры для увеличенія количества добываемой соли и уменьшенія количества расходываемаго теперь топлива и труда; этого легко достигнуть устройствомъ градирни; она была бы здѣсь особенно выгодна, такъ какъ дѣйствовала бы въ теченіе 8 мѣсяцевъ, именно съ половины марта до половины ноября; кромѣ того жаркая и сухая погода, а также частые и сильные сухіе юго-восточные вѣтры много способствовали бы выпариванію разсола. Градирню слѣдуетъ устроить въ нѣсколькихъ шагахъ отъ водоподъемной машины, изъ верхняго бассейна которой разсолъ слѣдуетъ провести по горизонтальному желобу подъ крышу градирни; высота послѣдней должна равняться 20-ти футамъ, такъ какъ высота бассейна водоподъемной машины, равная теперь 15 футамъ, легко можетъ быть увеличена на 5 фут. удлиненіемъ вертикальныхъ трубъ и устройствомъ болѣе мелкаго бассейна, глубина котораго должна равняться одному футу. Горизонтальное колесо, приводящее въ движеніе посредствомъ 2-хъ шестерень 4 насоса, поставленныхъ въ колодцѣ, могло бы приводить въ движеніе еще 2 насоса посредствомъ третьей шестерни, поставленной между двумя прежними; эти насосы поднимали бы разсолъ по 2-мъ трубамъ изъ нижняго бассейна градирни вторично подъ крышу ея, откуда разсолъ снова фильтровался бы. Къ этимъ же двумъ трубамъ градирни могутъ быть придѣланы и боковыя трубы для отвода достаточно сильнаго раствора въ солеваренныя сковороды; послѣднія должны быть поставлены въ нѣсколькихъ шагахъ отъ градирни; ихъ понадобится только двѣ, особенно если увеличить ихъ размѣръ до $2^1/_2$ квадратныхъ саженей; тогда онѣ будутъ давать столько же соли, сколько теперь получается съ 12-ти сковородъ неградированнаго разсола. Изъ сказаннаго видно, что при такомъ усовершенствованномъ устройствѣ количество топлива, работниковъ, зданій и сковородъ значительно уменьшится; сковороды будутъ служить дольше, такъ какъ градированный разсолъ даетъ очень мало соляной накипи; большую часть ея онъ оставляетъ въ градирнѣ на хворостѣ. Если вышеупомянутый Теплинскій лѣсъ будетъ отнятъ отъ Святогорскаго монастыря, и имъ будутъ пользоваться раціонально, то я увѣренъ, что никогда не будетъ недо-

статка въ топливѣ: дрова можно будетъ удобно сплавлять сюда по Донцу, Торцу и Караваевкѣ *).

По введеніи новаго устройства не слѣдуетъ никому, кромѣ солеваровъ, позволять селиться по близости колодцевъ и озеръ. Наводненія, гнилыя испаренія и отсутствіе хорошей воды дѣлаютъ эту мѣстность въ высшей степени нездоровой и неудобной для торговли и промысловъ. Въ 2-хъ же верстахъ на югъ отъ города по Торцу, въ томъ мѣстѣ его, гдѣ начинается каналъ, идущій къ солянымъ варницамъ, есть сухая, возвышенная и ровная мѣстность, на которой слѣдовало бы построить новый правильный городъ; по серединѣ его протекалъ бы Торецъ, имѣющій хорошую здоровую воду и не выступающій здѣсь изъ береговъ. Укрѣпленія можно было бы съузить для сокращенія расходовъ, оставивъ ихъ только вокругъ соляныхъ варницъ; въ случаѣ опасности они все-таки служили бы жителямъ убѣжищемъ, къ которому впрочемъ приходилось бы рѣдко прибѣгать, такъ какъ русскія границы теперь на столько расширены, что это мѣсто не можетъ быть болѣе названо пограничнымъ.

Все сказанное мною о славянскихъ озерахъ и колодцахъ, о расположеніи и укрѣпленіи города, а также о самомъ солеваренномъ производствѣ поясняется прилагаемымъ планомъ города и его окрестностей (лист. 6-й), соляныхъ варницъ и отдѣльныхъ ихъ зданій **). Названія озеръ и колодцевъ, сообщенныя Юнкеромъ, частью искажены, частью теперь совсѣмъ неизвѣстны.

Всѣ возвышенности вокругъ Славянска состоятъ изъ обыкновенной сѣро-желтой щелочной глины, встрѣчающейся даже около озеръ; дно же озеръ топкое и содержитъ въ себѣ синеватую глину. Разсолъ имѣетъ запахъ сѣрной печени. Далѣе вверхъ по Торцу на возвышенностяхъ показывается песчаникъ кремневыхъ и кварцовыхъ породъ, особенно у рѣчки Голой Долины и у балки Калиновки. На сѣверной возвышенности недалеко отъ города изъ подъ земли бьютъ ключи хорошей воды; вся колодезная вода въ городѣ имѣетъ солоноватый вкусъ. Соляныя озера сплошь замерзаютъ зимой. Въ очень давнее время, когда разсолъ брался непосредственно

*) Вѣроятно Калантаевка.

**) Такого плана въ нашемъ экземплярѣ соч. Гильденштедта не оказалось.

изъ озеръ, соль иногда къ концу лѣта сама осаждалась: теперь же по берегамъ видѣнъ только слабый налетъ соли. На берегахъ озеръ и рѣчки Калантаевки растетъ много солончаковыхъ растеній; очень часто встрѣчается даже Anabasis aphylla, покраснѣвшая теперь отъ ночныхъ морозовъ. Попадается также Atriplex pedunculata; до сихъ поръ я встрѣчалъ ее только около бердянскихъ соляныхъ озеръ у Петровской; встрѣчается также Salsola sativa и Salsola Kali и hirsutissima, также Statice Echinus, которую я видѣлъ только по солончаковымъ берегамъ Манычa и Artemisia или Absinthium folio tenuius multifido camphoram spirans; по берегамъ Калантаевки на возвышенностяхъ, заливаемыхъ только весной, растетъ Statice Limonoides въ такомъ большомъ количествѣ, что все пространство бываетъ покрыто цвѣтами, какъ-будто синимъ покрываломъ; между ними нерѣдко растутъ также Sanguisorba officinalis и различные виды простыхъ Atriplices и Chenopodia. Въ верстѣ отъ Славянска на сѣверъ отъ него у конца озера Косу-Слѣпаго у подножія холма нѣсколько лѣтъ тому назадъ разведенъ виноградникъ приблизительно во 100 лозъ, принадлежащій частному лицу. Виноградъ—мелкаго и плохого сорта, какъ и подъ Каменкой. Слѣдовало-бы сдѣлать попытку достать съ Дона лучшіе сорта. Встрѣчаются также хорошія породы яблонь, грушъ, сливъ, вишень и бергамотъ; послѣднія продаются по 25 коп. сотня.

22 августа. Выѣхавъ изъ Славянска и проѣхавъ 3 версты на востокъ, мы переѣхали по мосту Торецъ; мостъ имѣетъ 55 шаговъ длины, ширина же рѣки теперь всего 30 шаговъ. Отсюда мы проѣхали еще 19 верстъ по возвышенности до почтовой станціи, лежащей на рѣчкѣ Васюковкѣ (Waskovka) у хутора Макагоновки; проѣхавъ же отъ него 7 верстъ, переѣхали балку Копанки, затѣмъ еще черезъ 10 верстъ переправились по мосту на другую сторону рѣчки Дальнихъ Ступокъ, а черезъ 2 версты отсюда достигли пересохшей рѣчки Ближнихъ Ступокъ и затѣмъ ѣхали еще 2 версты до Бахмута. Всего отъ Славянска до Бахмута считается 43 версты. По всей этой дорогѣ по рѣчкамъ и въ балкахъ лежатъ хутора, принадлежащіе частью къ Славянску, частью къ Райгороду, частью къ Бахмуту; на правомъ же берегу Донца между устьями Торца и Бахмута расположены 3 слободы: 1) Лихопековка (Lychopäkovka), владѣльческая малороссійская слобода

изъ 15 семействъ, 2) Кривая Лука (Kriwoiluka), войсковая слобода съ церковью изъ 80 семействъ и 3) Дроповка, владѣльческая слобода изъ 15 семействъ; всѣ три принадлежатъ къ изюмской провинціи. Мѣстность здѣсь слабо возвышенная; склоны балокъ не особенно круты. Горная порода состоитъ вѣроятно изъ каменныхъ залежей, которыя впрочемъ почти нигдѣ не выступаютъ наружу; только у рѣчки Васюковки виденъ крупный песчаникъ съ примѣсью желѣза; каменные пласты покрыты сѣро-желтой щелочной глиной, смѣшанной съ значительнымъ количествомъ небольшихъ кремней; почва же вездѣ состоитъ изъ плодороднаго чернозема. Между Острой Доливой и Сухой Балкой верстахъ въ 6-ти на юго-востокъ отъ Славянска стоитъ на холмѣ женская статуя, подобная вышеописаннымъ; она высѣчена изъ крупнаго песчаника; на возвышенности же около рѣчки Дальнихъ Ступокъ я замѣтилъ другую женскую статую, отличающуюся отъ предъидущихъ тѣмъ, что туловище ея не имѣетъ рукъ и представляетъ простой продолговатый прямоугольникъ; груди статуи плоскія и отвислыя; голова покрыта обыкновенной высокой повязкой. Говорятъ, что въ Крыму такихъ статуй не встрѣчается; особенно же много ихъ между Днѣпромъ и Перекопомъ. Возвышенности здѣсь покрыты обыкновенными степными растеніями, замѣченными мною уже вокругъ Славянска; по Торцу недалеко отъ моста растутъ: Rumex Patientia, Ononis spinosa, Cichorium Intybus, Arctius Lappa, Echinops Ritro, Iris Pseudacorus, Artemisia vulgaris, Daucus Carota, Serratula arvensis; по рѣчкѣ Васюковкѣ растутъ: Cyperus fuscus, Ranunculus sceleratus, Coreopsis Bidens, Epilobium palustre, Lythrum Salicaria, Lycopus europaeus, Erysimum officinale, Solanum nigrum, Xanthium spinosum, Cerastium aquaticum, Geranium sanguineum, Inula Helenium, Carduus spinosissimus, Althaea officinalis, Tanacetum officinale, Panicum luteum, Cotula foetida; по рѣчкѣ Дальнимъ Ступкамъ попадаются: Sagittaria, Plantago aquatica, Crus galli. Лѣсокъ, растущій по балкамъ, встрѣчающимся по дорогѣ изъ Славянска въ Бахмутъ, невеликъ; въ немъ растутъ: Quercus, Populus tremula, Prunus spinosa, Pyraster, Malus sylvestris, Oxyacantha, Acer tataricum и Tilia.

31-го августа. Выѣхавъ утромъ изъ девятой роты или изъ Желто-Ярскаго окопа, мы немного ниже его переправились черезъ Донецъ на паромѣ. Послѣдній состоялъ изъ 3-хъ большихъ долбленыхъ деревьевъ, соединенныхъ между собой наложенными сверху досками. Паромъ двигался по канату умѣренной толщины. Такіе паромы находятся у каждой лежащей по Донцу роты. Ширина Донца въ этомъ мѣстѣ около 50 саж. Раньше Серебрянки черезъ него нѣтъ моста. Послѣ переправы мы спускались 7 верстъ по лѣвому берегу Донца до однодворческой слободы Стараго Айдара, лежащей на правомъ берегу рѣки Айдара верстахъ въ двухъ выше ея устья. Вправо отъ дороги находится лѣсъ, простирающійся по обоимъ берегамъ Донца приблизительно на полверсты въ ширину; влѣво же отъ нея лѣсъ находится въ нѣсколькихъ верстахъ и тянется на западъ отъ рѣки Айдара.

Породы деревьевъ, наиболѣе свойственныя этому мѣсту Донца, дубъ и берестъ; между ними встрѣчаются также: Prunus spinosa, Salix alba, Populus alba, nigra и tremula, Acer tataricum, Malus sylvestris, Rhamnus catharcticus и Frangula, Cornus sanguinea, Evonymus europaeus, Tilia, Oxyacantha, Sambucus nigra; между этими деревьями попадаются: Rubus vulgaris, Rosa canina, Abrotanum, Euphorbia palustris, Erigeron canadense, Tanacetum offic., Petasites, Convallaria majalis, Artemisia vulgaris, Rumex patientia, Solanum scandens, Leonurus Marrubiastrum. Вдоль нѣсколько песчаной дороги растутъ: Euphrasia lutea, Hedysarum Onobrychis, Euphorbia Cyparissias, Plantago Psyllium, Salsola hirsutissima и Tragus, Serpyllum maius, Dianthus plumarius, Cytisus hirsutus, Polygonum aviculare, Bromus cristatus, Stoechas citrina, Potentilla verna; на также нѣсколько песчаныхъ паровыхъ поляхъ растутъ: Artemisia Santonicum, Consolida regalis, Antirrhinum dalmaticum и Linaria, Verbascum nigrum, Melilotus offic., Alyssum incanum, Acanthium Onopordon. Въ рѣкѣ Айдарѣ у слободы Стараго Айдара плаваютъ: Nymphaea lutea и Marsilea natans, которыя я въ этомъ году замѣтилъ въ первый разъ здѣсь; по сырымъ низменностямъ растутъ: Verbena offic., Potentilla Anserina, Persicaria mitis, Malva rotundifolia, Inula Pulicaria, Iris Pseudacorus, Carex ruffa, Lythrum Salicaria, Agrimonia Eupatorioides, Aristolochia Clematitis, Gentiana Pneumonanthe и Euphrasia Odontites. Низменности по Айдару, имѣющія нѣсколько сотъ шаговъ ширины, поросли лѣскомъ, въ которомъ преобладаетъ дубъ и Acer tataricum; между ними

встрѣчаются также: Ulmus campestris и Cornus sanguinea, Prunus spinosa, Malus sylvestris, Oxyacantha, Evonymus, Pupulus tremula, Pyraster; на наиболѣе сырыхъ мѣстахъ растутъ Salix alba, viminalis и Cinerea, попадается и камышъ. Орѣшникъ пока еще не встрѣчается; говорятъ, что онъ изрѣдка попадается въ окрестностяхъ слободы Новаго Айдара верстахъ въ 30-ти вверхъ отсюда. Черепахъ въ рѣкѣ Айдарѣ много.

Слобода Айдаръ лежитъ у подошвы песчанаго холма, возвышающагося на правомъ берегу рѣки Айдара на нѣсколько саженей, и простирается по низменности до праваго берега рѣки. Окрестности этой слободы изобилуютъ лѣсомъ; сѣнокосныхъ же луговъ мало, а пахотная земля плоха, такъ какъ низменности, простирающіяся отъ Донца и Айдара, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ песчаны. Верстахъ въ 8-ми отсюда внизъ по Донцу находится устье рѣки Евсюга (Iausuga), которая вмѣстѣ съ впадающей въ лѣвый берегъ Донца рѣкой Койсугомъ (Koisuga) (татарское названіе, означающее овечью рѣку) составляетъ границу бахмутской провинціи съ бѣлгородской губерніей и донскими казаками. На рѣкѣ Койсугѣ 10 лѣтъ тому назадъ основано три слободы, населенныхъ бѣглыми раскольниками, вернувшимися изъ Польши. Эти слободы называются въ общежитіи Верхней, Средней и Нижней сотней; оффиціально же Верхняя называется Черниговкой, Средняя—Лашиновкой (Laschagofka), названія же третьей я не могъ узнать. Онѣ состоятъ приблизительно изъ 300 семействъ и принадлежатъ къ валуйскому округу бѣлгородской губерніи. Сначала многіе жители умирали здѣсь отъ непривычки къ климату и водѣ. На рѣкѣ Евсюгѣ лежатъ двѣ малороссійскія владѣльческія слободы: слобода св. Дмитрія и слобода св. Петра или Петропавловская. Верстахъ въ 5-ти выше Стараго Айдара лежитъ малороссійская владѣльческая слобода Степановка, называемая также Щигловкой.

Проѣхавъ отъ Стараго Айдара версты четыре по правому берегу рѣки Айдара, мы поднялись на песчаную возвышенность и ѣхали по ней 4 версты на WNW вдоль сѣверной опушки прелестнаго дубоваго лѣска, затѣмъ по ней же еще 10 верстъ въ томъ же направленіи до Донца къ однодворческой слободѣ Трехизбянской (Trechisbenskaja). На песчаной возвышенности Айдара кромѣ вышеупомянутыхъ растеній, свойственныхъ песчанымъ мѣстностямъ, растутъ также Tribulus

terrestris и Xeranthemum annuum, которыя я здѣсь въ первый разъ замѣтилъ въ новороссійской губерніи; попадаются также Genista tinctoria и Potentilla argentea. Дубы лѣса, лежащаго на западной возвышенности у Стараго Айдара, очень велики, но плохой породы и растутъ далеко другъ отъ друга; между ними изрѣдка встрѣчаются осины. Между слободами Трехизбянской и Муратовой растетъ такой же лѣсъ, простирающійся верстъ на 15 на сѣверъ по отлого поднимающемуся холму и имѣющій верстъ 10 въ ширину. Между дубами этого лѣса попадаются также немногія березы; елей же и сосенъ въ немъ нѣтъ. Въ этомъ лѣсу лежатъ два хутора, принадлежащіе къ слободѣ Трехизбянской; одинъ состоитъ хатъ изъ 30 и лежитъ на Донцѣ въ 5-ти верстахъ выше слободы; другой верстахъ въ 10-ти на сѣверъ, состоитъ хатъ изъ 8 и называется хуторомъ Гречишкинымъ (Gretschischnika); въ самой же слободѣ, лежащей на Донцѣ въ низменности и окруженной нѣсколькими озерами, считается хатъ 80. Лѣвый возвышенный берегъ Донца имѣетъ здѣсь всего нѣсколько саженей высоты и не особенно крутъ; онъ состоитъ изъ глины, содержащей въ себѣ твердые камни смѣшанной кремневой и мѣловой породъ. Правый берегъ Донца также не крутъ; балка Донца, поросшая лѣскомъ, имѣетъ едва 1 версту ширины. Сѣнокосныхъ луговъ здѣсь мало, а пахотная земля песчана и вслѣдствіе этого плоха. Верстахъ въ 20-ти выше Трехизбянской на Донцѣ у устья рѣчки Ольховой лежитъ небольшая малороссійская владѣльческая слобода Филипповка, а противъ нея Бобровая; въ нѣсколькихъ верстахъ вверхъ на той же рѣчкѣ лежитъ слобода Муратова, а еще на нѣсколько верстъ вверхъ у источника ея—слобода Капитановка; всѣ эти три слободы населены малороссіянами и принадлежатъ частнымъ лицамъ. На 10 верстъ выше устья рѣчки Ольховой лежитъ на Донцѣ однодворческая слобода Боровская, въ окрестностяхъ которой встрѣчается въ небольшомъ количествѣ болотная руда.

Отъ слободы Трехизбянской мы ѣхали 10 верстъ на NNO по плоской, возвышенной и нѣсколько песчаной степи до слободы Райгородки, лежащей на правомъ берегу рѣки Айдара въ 15 верстахъ выше Стараго Айдара. Она называется еще Алдыновкой; это названіе она получила отъ находившагося здѣсь нѣкогда хутора. Жители ея одно-двор-

цы, переселенные сюда въ 1759 году изъ городка Райгорода, лежащаго у устья Торца, гдѣ они искони жили. Причиной этого переселенія были жалобы изюмскихъ казаковъ на недостатокъ земли и невозможность подвести повинности однодворцевъ и малороссіянъ подъ одну форму. 6 лѣтъ тому назадъ населеніе этой слободы еще увеличилось однодворцами, жившими съ 1759 г. въ слободѣ Царевъ-Борисовкѣ или Петропавловкѣ, лежащей на рѣкѣ Айдарѣ въ 8-ми верстахъ выше Райгородки; въ эту слободу они были переведены по тѣмъ же самымъ причинамъ, какъ и однодворцы изъ Райгорода, изъ городка Царева-Борисова, лежащаго на Донцѣ; затѣмъ же были выселены и изъ слободы Царевъ-Борисовки, такъ какъ на нее нашлись частные владѣльцы [26]).

Выѣхавъ изъ Райгородки на свѣжихъ лошадяхъ, мы переѣхали по мосту рѣку Айдаръ и поднимались 30 верстъ на сѣверъ по его лѣвому берегу, затѣмъ проѣхали снова по мосту въ однодворческую слободу Спѣваковку или Заводовку, лежащую на правомъ берегу рѣки Айдара. Эта дорога шла по низменности лѣваго берега Айдара, имѣющей всего саженей 300 ширины, послѣ чего почва начинаетъ постепенно подниматься, представляя большей частью сырые луга; только въ немногихъ мѣстахъ, особенно противъ слободы Новаго Айдара, почва песчаная. Оба берега Айдара на протяженіи всей этой дороги поросли узкимъ лѣскомъ, состоящимъ изъ тѣхъ же деревьевъ, которыя были упомянуты мною у Стараго Айдара; далѣе же вверхъ по Айдару лѣсъ совершенно прекращается. Правый берегъ Айдара не очень крутъ и поросъ лѣскомъ; высота его всего нѣсколько саженей; во многихъ мѣстахъ его выступаетъ наружу мѣлъ; верстахъ въ 10-ти ниже Спѣваковки возвышенность песчаная, а у самой Спѣваковки опять мѣловая. Пахотная земля на возвышенности у рѣки Айдара глинистая, смѣшанная съ пескомъ и вслѣдствіе этого неплодородная. На паровыхъ поляхъ часто растетъ Verbascum Thapsus величиной въ человѣческій ростъ, представляющій странное зрѣлище своими скипетрообразными вершинами. Растенія на низменности и на возвышенности тѣ же самыя, какъ и у Стараго Айдара. Въ то время, какъ мы проѣзжали, жители были заняты сборомъ гречихи и конопли (посконі). Озимая рожь на большинствѣ полей уже взошла.

Во время этого пути мы проѣхали мимо нѣсколькихъ де-

ревень, лежащихъ по Айдару. Въ 5-ти верстахъ отъ Райгородки на правомъ берегу Айдара лежитъ однодворческая слобода Бахмутовка; жители ея нѣсколько лѣтъ тому назадъ были переселены сюда изъ Бахмута; 6-ть же лѣтъ тому назадъ населеніе ея увеличилось благодаря однодворцамъ, переведеннымъ изъ слободы Царевъ-Борисовки или Царевки. Въ 3-хъ верстахъ выше Бахмутовки лежитъ малороссійская владѣльческая слобода Безгиновка, расположенная на лѣвомъ берегу у ключеваго потока; она населена однодворцами, переведенными въ 1759 году изъ Царева-Борисова изюмской провинціи въ слободу Царевъ-Борисовку или Петропавловку; отсюда же они всего 6 лѣтъ тому назадъ были выселены частью въ Бахмутовку, частью въ Райгородку. Въ 10 верстахъ выше Безгиновки по обѣимъ сторонамъ Айдара, расположилась однодворческая слобода Новый-Айдаръ, въ 8-ми верстахъ выше нея малороссійская владѣльческая слобода Генераловка или Венделовка (Wedelofka), а еще въ 5-ти верстахъ выше—однодворческая слобода Спѣваковка или Заводовка, куда въ 1759 году были также переведены однодворцы изъ деревни Спѣваковки или Заводовки изюмской провинціи, получившей свое названіе отъ находившихся тамъ нѣкогда соляныхъ варницъ. Въ 3-хъ верстахъ выше Спѣваковки лежитъ слобода Штормовка (Sturmofka), а еще въ 4-хъ верстахъ выше ея слобода Шульгинка; обѣ населены малороссіянами и принадлежатъ казнѣ; это—послѣднія деревни, лежащія по Айдару и въ то же время принадлежащія къ бахмутской провинціи. Остальная верхняя часть Айдара принадлежитъ къ Слободской губерніи [27]). На дорогѣ, идущей вверхъ по Айдару и по Донцу, стоятъ верстовые столбы. На мѣловыхъ возвышенностяхъ вокругъ Спѣваковки я нашелъ Axyris Ceratoides, который я въ первый разъ въ этомъ году замѣтилъ здѣсь.

1-го сентября. Мы переночевали въ Спѣваковкѣ. Въ лѣсѣ, покрывающемъ въ этомъ мѣстѣ оба берега рѣки Айдара, растутъ: Ulmus, Acer tataricum, Cornus sanguinea, Evonymus, Quercus, Rhamnus catharcticus, Acer campestre, Malus sylvestris, Pyraster и Prunus spinosa; на нѣкоторыхъ изъ этихъ деревьевъ листья уже завяли. Изъ Спѣваковки дорога шла верстъ 6 на западъ по отлогой возвышенности вдоль праваго берега сухой балки до лѣваго берега другой балки, идущей также къ рѣкѣ Айдару и называемой Попознымъ (Poposnoi) буеракомъ [28]); въ послѣдней рас-

тетъ небольшой лѣсокъ и течетъ ключевая вода, благодаря чему эта мѣстность очень удобна для основанія деревни. Въ 4-хъ верстахъ на западъ отсюда мы миновали хуторъ, оставшійся вправо отъ насъ и принадлежащій къ Боровенькѣ (Barawenka), а еще черезъ 4 версты на западъ другой такой-же. Затѣмъ дорога шла еще 6 верстъ на западъ по высокой, ровной и плодородной степи, состоящей изъ глины, покрытой черноземомъ. Затѣмъ возвышенность начала постепенно понижаться и превращаться въ песчаную степь; проѣхавъ такимъ образомъ 4 версты на западъ, мы прибыли къ рѣкѣ Боровенькѣ; переправившись черезъ нее и проѣхавъ 1 версту на сѣверъ, мы достигли слободы Боровеньки. По этой дорогѣ на глинистой высокой и ровной степи растутъ: Stipa pennata, Crithmum campestre, Galium luteum, Phlomis tuberosa и Herba venti, Inula hirta, Millefolium officinale, Iacea nigra, Veronica incana, Asparagus officinalis, Esula, Absinthium ponticum, Plantago lanceolata, Onosma Echioides, Verbascum nigrum, Statice terckiensis, Spartium spinosum; всѣ эти растенія уже отцвѣли; въ цвѣту же еще находятся: Scabiosa ochroleuca, Chrysocome villosa, Statice Limonium, Antirrhinum Linaria, Tragapogon prol., Sonchus perfoliatus, Artemisia campestris, Dianthus plumarius, Campanula и Hieracium.—Erygium campestre, Sium Falcaria, Seseli patens, Salvia nemorosa, Euphrasia lutea. Растеній Adonis vernalis и Pulsatilla, столь свойственныхъ степямъ, лежащимъ по Украинской линіи, въ этомъ мѣстѣ по Донцу не встрѣчалось. На песчаной равнинѣ, склоняющейся къ Боровенькѣ, изрѣдка попадаются большіе дубы и Cytisus hirsutus, Plantago Psyllium, Stoechas citrina, Potentilla verna, Artemiisa campetsris, Polygonum aviculare, Serpyllum maius, Salsola hirsuta, Cyparissias, Panicum sanguineum, Cichoreum Intybus, Consolida regalis, Arundo arenaria, Alyssum incanum, Echium italicum, Gypsophila muralis, Panicum luteum или viride, Crus Galli и Xanthium spinosum. По сырымъ берегамъ рѣки Боровеньки растутъ: Populus alba, Salix alba и Caprea, Quercus, Aster campestre и tataricum, но чаще всего Ulmus значительной величины; встрѣчается также въ большомъ количествѣ Prunus spinosa на ряду съ яблонями, грушами и сиренью. Подъ тѣнью этихъ деревьевъ растутъ: Arctium Lappa, Artemisia vulgaris, Cotula foetida, Datura Stramonium, Cheiranthus Erysimoides, Malva erecta, Lavatera thuringica, Leonurus Cardiaca и Marrubiastrum, Solanum nigrum, Hyosciamus niger, Cynoglossum officinale, Chaerophyllum sylvestre, Bidens

tripartita, Persicaria mitis и acris, Potamogeton natans, Antirrhinum Linaria, Atriplex vulgaris, Malva rotundifolia, Lythrum Salicaria, Inula Pulicaria, Lupulus, Lepidium latifolium, Erysimum officinale, Sophia Chirurgorum. Верстахъ въ 40 выше Боровеньки лежитъ на той же самой рѣкѣ слобода Мостки; обѣ эти слободы населены малороссіянами и нѣкогда принадлежали монастырю; теперь же отобраны въ казну и причислены къ бахмутскому округу. Обѣими завѣдуетъ гусарскій ротмистръ, живущій въ Боровенькѣ. Жители мужескаго пола платятъ ежегодно по 63 коп. подушной подати каждый, по 50 коп. съ каждой хаты и по 50 коп. съ пары воловъ. Немногіе имѣютъ по двѣ хаты; десяти же паръ воловъ почти никто не держитъ. Водка и соль продаются казеннымъ откупщикомъ, первая по 1 р. 40 к. ведро, вторая по 40 к. пудъ. Верстахъ въ 5-ти выше Боровеньки лежитъ на правомъ берегу рѣки Боровеньки слобода Кудрявцева, въ 5-ти верстахъ ниже ея—слобода Головиновка, а еще въ 5-ти верстахъ ниже у устья рѣки Боровеньки—слобода Воеводовка. Около слободы Головиновки слѣва впадаетъ въ Боровеньку рѣчка Ерикъ; на послѣдней въ 10-ти верстахъ выше ея устья лежатъ недалеко одна отъ другой слободы Арентова и Веселая, а въ 5-ти верстахъ ниже ихъ слобода Смольянинова (Smaleinnowa). По нижнему теченію рѣчки Ерика растетъ густой дубовый лѣсокъ; по Боровенькѣ немного лѣсу растетъ только верстахъ въ 10-ти выше слободы Боровеньки, далѣе же лѣсу нѣтъ, такъ что въ Мосткахъ топятъ соломой и навозомъ. Всѣ названныя слободы населены малороссіянами и принадлежатъ частнымъ лицамъ.

Около слободы Боровеньки рѣка образуетъ нѣсколько рукавовъ и протоковъ. Правая возвышенность довольно крута; она имѣетъ одну версту ширины и состоитъ изъ голаго наносного песку. Теченіе Боровеньки очень быстро, вода въ ней очень прозрачна; глубина ея приблизительно одинъ футъ, а ширина шаговъ 15.

Отъ Боровеньки мы проѣхали 17 верстъ на западъ до однодворческой слободы Краснянки, лежащей на Донцѣ. Верстъ 8 дорога шла по открытой, возвышенной глинистой степи, а затѣмъ версты 3 по сырой, обильной ключами низменности, поросшей красивымъ лѣскомъ, состоящимъ изъ дубовъ, березъ, осинъ, ольхъ и Salix Caprea. Затѣмъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ дорога шла опять по открытому

песчаному полю, на которомъ ближе къ Краснянкѣ растутъ: Pinus sylvestris не особенно хорошей породы, Betula, Alnus, Populus tremula и Salix Caprea. По берегу же Донца густо растутъ: Quercus, Ulmus, Alnus, Salix Caprea, Acer tataricum, Cornus sanguinea, Prunus spinosa, Malus sylvestris, Pyraster и Populus tremula. Въ 14-ти верстахъ отъ Краснянки внизъ по Донцу лежитъ Воеводовка, а между ею и Краснянкой слобода Екатериновка; между же слободами Боровенькой и Краснянкой на рѣчкѣ Мечетной, впадающей въ рѣку Красную, посреди красиваго лѣска, подобнаго только что описанному, лежитъ слобода Варваровка. Всѣ эти три слободы населены малороссіянами и принадлежатъ частнымъ лицамъ.

Отъ Краснянки мы проѣхали еще 18 верстъ до однодворческой слободы Сухаревой, лежащей на Донцѣ. Весьма песчаная дорога почти все время шла лѣсомъ въ небольшомъ разстояніи отъ Донца, круто поворачивающаго здѣсь на Ю. На ряду съ многочисленными соснами и березами здѣсь встрѣчаются также и вышеупомянутыя породы деревьевъ. Верстахъ въ 6-ти выше Краснянки мы переправились по мельничной плотинѣ черезъ рѣчку Красную. Въ послѣдней столько обильныхъ водою ключей, что она бываетъ въ состояніи въ продолженіе всего лѣта приводить въ движеніе находящіяся на ней мельницы. Приблизительно въ 5-ти верстахъ выше ея устья съ правой стороны въ нее впадаетъ рѣчка Кременная, берущая начало въ густомъ лѣсу; на ней лежитъ малороссійская владѣльческая слобода Кременная. На Донцѣ между устьемъ рѣчки Красной и слободой Сухаревой лежитъ слобода Шабельковка, въ которой находится винокуренный заводъ, устроенный подполковникомъ Шабельскимъ. Въ 8-ми верстахъ выше Сухаревой лежитъ малороссійская владѣльческая слобода Писаревка, около которой находится послѣдній мостъ черезъ Донецъ.

2-го сентября. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Сухареву были переселены однодворцы изъ Славянска; они поселились въ слободѣ и основали себѣ хутора по нижнему теченію рѣчки Жеребца. Чтобы освободить для нихъ мѣсто, отсюда были выселены малороссіяне, жившіе здѣсь въ количествѣ приблизительно 300 семействъ. Большая часть послѣднихъ разбѣжалась по разнымъ мѣстамъ; около 60 семействъ основало 4 года тому назадъ на верхнемъ теченіи Жеребца въ 23-хъ верстахъ отъ Сухаревой слободу Терны, принадлежащую къ

бахмутскому округу. Въ 17-ти верстахъ вверхъ по Донцу лежитъ слобода Ямполь. Слобода Сухарева расположена въ низменности верстахъ въ 2-хъ отъ лѣваго берега Донца и окружена озерами, ключами и лѣсомъ. Этой сырой низменности свойственны слѣдующія породы деревьевъ: Populus tremula, alba и nigra, Ulmus—берестъ или карагачъ и Ulmus—вязъ или вязина; листья обоихъ малы и жестки; у перваго кора скважистая и ноздреватая, у втораго гладкая; у перваго она твердая и крѣпко прилегаетъ къ дереву, вслѣдствіе чего пригодна для колесныхъ ободьевъ; у втораго она мягкая, легко отдѣляется отъ дерева и можетъ идти подобно липовой корѣ на выдѣлку лаптей и рогожи. Ulmus Ilem, попадающійся здѣсь рѣдко, отличается отъ предъидущихъ болѣе крупными и гладкими листьями; кора его занимаетъ среднее мѣсто и годится для выдѣлки лаптей. Затѣмъ часто встрѣчается здѣсь Salix alba или верба и Salix cinerea или лоза, называемая мною обыкновенно до сихъ поръ Salix caprea. Salix cinerea свойственна сырымъ мѣстностямъ по Днѣпру и по Донцу; Salix caprea или ива встрѣчается здѣсь рѣдко; у Святогорскаго же монастыря она растетъ въ большомъ количествѣ. Она любитъ сухія, гористыя и тѣнистыя мѣстности и растетъ древообразно, достигая значительныхъ размѣровъ, между тѣмъ какъ Salix cinerea растетъ крупнымъ кустарникомъ *). Впрочемъ листья и цвѣты почти одинаковы у обѣихъ. Далѣе низменности лѣваго берега Донца въ этомъ мѣстѣ свойственны: Quercus, Fraxinus, Alnus, Aster campestre и tataricum, Evonymus, Prunus spinosa, Tilia, Sambucus, Frangula; между ними только изрѣдка попадаются Corylus и Padus. Этотъ лѣсъ имѣетъ нѣсколько верстъ ширины и тянется по обоимъ берегамъ Донца на огромномъ протяженіи. По берегу Донца здѣсь растутъ также Abrotanum и Glycirrhiza echinata, которую я въ первый разъ въ этомъ году увидѣлъ здѣсь; она растетъ тутъ низкимъ кустарникомъ, почти стелющимся по землѣ. Попадаются здѣсь также: Petasites, Farfara, Tanacetum, Xanthium, Daucus Carota, Eryngium amethystinum, Rumex Patientia, Lotus corniculata; у озеръ можно видѣть много тростнику; однодворцы называютъ его камышемъ, а малороссіяне очеретомъ (Atscherot).

*) Авторъ, повидимому, принялъ Salix caprea, растущую древообразно, за Salix cinerea и ошибочно отличилъ ее отъ растущей кустами.

Берегъ Донца напротивъ Сухаревой, т. е. правый, крутъ; онъ достигаетъ саженей 20 высоты и состоитъ изъ мѣла. На немъ почти нѣтъ лѣсу; здѣсь растутъ: Cornus sanguinea, листья которой покраснѣли теперь отъ мороза, Spartium spinosum, Ligustrum album, Cytisus hirsutus, Cerasus pumila, Quercus, Platanoides, Oxyacantha, Betula, Pinus, Tilia, Rhamnus catharcticus; изъ болѣе мелкихъ растеній на этой мѣловой возвышенности растутъ: Salvia verticillata, Marrubium peregrinum, Polium album, Thymus pusillus, Bromus cristatus, Serpyllum minus, Onosma simplicissima, Artemisia linearis и rupestris, Gypsophila altissima, Chamaepithys, Veronica multifida, Antirrhinum genistifolium и Antirrhinum minus; послѣдне растеніе я замѣтилъ въ первый разъ здѣсь. У сѣверной подошвы возвышенности растетъ немного простаго мху, а по сырымъ мѣстамъ Gnaphalium Filago. Въ Донцѣ здѣсь попадаются: Spongia fluviatilis, Potamogeton natans crispum и perfoliatum. Шиповникъ и тернъ собираются жителями и сушатся въ печахъ въ запасъ для употребленія зимою въ пищу.

На правомъ высокомъ берегу Донца противъ Сухаревой возвышаются двѣ горы, имѣющія форму усѣченныхъ конусовъ и подобно всей возвышенности состоящія изъ мѣла. Онѣ поднимаются саженей на 30 надъ поверхностью воды и отстоятъ одна отъ другой на нѣсколько саженей по направленію съ О на W. Въ восточной горѣ на половинѣ ея высоты съ южной стороны лѣтъ 30 тому назадъ копали руду. Послѣдняя состоитъ изъ почковиднаго желѣзняка, смѣшаннаго съ гравіемъ, и находится въ этой горѣ гнѣздами, которыя плавились ради содержанія въ нихъ серебра. Исключительное право на добываніе этой руды принадлежало бѣлгородскимъ купцамъ; они устроили плавильный заводъ у источника упомянутой вчера рѣчки Каменки, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ много лѣсу. Но это производство было скоро прекращено, вслѣдствіе его невыгодности. Въ мѣлу здѣсь часто попадаются кремни и окаменѣлыя раковины; послѣднія, повидимому, принадлежатъ къ породѣ крупныхъ, гладкихъ морскихъ раковинъ; an Chama lutaria et coaxans Rumphii Tab. 43. lit. H. Внутреннее строеніе этихъ окаменѣлыхъ раковинъ лучистое на подобіе волокнистаго гипса; нарѣдка встрѣчаются также окаменѣлыя раковины, имѣющія въ своемъ составѣ желѣзо.

Недалеко отъ этихъ горъ въ нѣсколькихъ шагахъ вверхъ по Донцу на правомъ его берегу лежитъ первая рота бах-

мутскаго гусарскаго полка или Серебрянское укрѣпленіе; оно расположено въ долинѣ, приподнятой на нѣсколько саженей надъ поверхностью воды въ Донцѣ и окруженной со всѣхъ сторонъ плоскими возвышенностями, и состоитъ приблизительно изъ 300 хатъ; въ немъ живетъ полковой командиръ, генералъ Перерадовичъ. Берега Донца имѣютъ въ этомъ мѣстѣ нѣсколько футовъ высоты и состоятъ изъ синей глины; мѣстами на нихъ выцвѣтаетъ соль. Хотя рѣка здѣсь и неглубока, но переѣхать ее въ экипажѣ было все таки неудобно, поэтому намъ приходилось или ѣхать къ мосту, находившемуся у Писаревки, или переправляться на паромѣ. Послѣдній состоитъ изъ двухъ большихъ лодокъ, сдѣланныхъ изъ выдолбленныхъ бѣлыхъ тополей и скрѣпленныхъ между собой досками. Вслѣдствіе мелей паромъ невозможно было передвигать по канату, а приходилось двигать его багромъ и веслами.

Выѣхавъ изъ Сухаревой около полудня мы проѣхали 21 версту на NNW до однодворческой слободы Ямполовки (Iampolka), лежащей на рѣкѣ Жеребцѣ. Первыя 7 верстъ эта дорога шла по песчаному березовому лѣску, слѣдующія 7 по песчаному поросшему травой полю и послѣднія 7 по плодородной глинистой степи. На песчаной почвѣ здѣсь встрѣчаются растенія, упомянутыя уже мною у Боровеньки; кромѣ нихъ попадаются Antirrhinum genistifolium и Antirrhinum odoratissimum; послѣдняго я не встрѣчалъ съ самаго Бузувлука (Busuluk); Oenothera biennis я увидѣлъ здѣсь въ первый разъ.

Рѣка Черный Жеребецъ хотя и невелика, но имѣетъ отличную ключевую воду; по берегамъ ея песку не встрѣчается; возвышенности ея мѣловыя. Берега этой рѣки не покрыты лѣсомъ. Здѣсь я замѣтилъ, что яровыя поля, особенно бывшія подъ гречихой, засѣваются рожью, не будучи перепаханными; посѣвъ только забораниваетсл. У устья рѣки Жеребца лежитъ слобода Писаревка; выше же находятся хутора, принадлежащіе однодворцамъ, переселеннымъ въ Сухареву изъ Славянска; еще выше начинаются земли слободы Ямполовки; жители послѣдней однодворцы, переселенные 15 лѣтъ тому назадъ изъ Ямполя, лежащаго на Донцѣ, на рѣчку Евсюгъ, а съ нея, вслѣдствіе споровъ о границахъ, вскорѣ переведенные сюда. Верстахъ въ 3-хъ выше Ямполовки лежитъ на той же рѣчкѣ малороссійская казенная слобода Терны; жители ея перешли сюда изъ Сухаревой 4 года тому назадъ. Рѣка Чер-

ный Жеребецъ составляетъ по лѣвую сторону Донца границу бахмутской и изюмской провинцій съ слободой Тернами, лежащей на рѣкѣ Жеребцѣ. Въ нѣсколькихъ верстахъ выше на этой же рѣчкѣ лежитъ небольшая казенная слобода Юрьевка, принадлежащая къ изюмской провинціи. Выѣхавъ изъ Ямполовки на свѣжихъ лошадяхъ, мы переѣхали рѣку Черный Жеребецъ и поднялись на возвышенность ея праваго берега; отсюда на протяженіи 10 вер. дорога шла на W по ровной, плодородной, глинистой степи по полямъ до источника рѣчки Дербишовки, у котораго лежитъ хуторъ Орловъ (Orlowa), принадлежащій лейтенанту Орлову; проѣхавъ 2 версты вверхъ по этой рѣчкѣ по лѣвому ея берегу, мы прибыли въ слободу Дербишовку. Въ этой мѣстности мы встрѣтили большой табунъ лошадей упомянутаго владѣльца. Балка рѣчки Дербишовки заросла густымъ кустарникомъ. Слобода Дербишовка состоитъ хатъ изъ 50-ти; жителей ея составляютъ малороссіяне, принадлежащіе къ изюмской провинціи, малороссіяне луганскаго пикенерскаго полка, принадлежащіе къ бахмутской провинціи, и однодворцы изъ Маяковъ, принадлежащіе къ этой же провинціи; жителей, тянувшихъ къ бахмутской провинціи, слѣдовало бы выселить отсюда. Маяки отстоятъ на 12 верстъ отъ слободы Дербишовки; послѣдняя лежитъ на рѣчкѣ того же имени, впадающей въ рѣчку Нетригузъ.

Земли, лежащія на правомъ берегу рѣки Донца между устьями рѣкъ Евсюга (Iaussu) и Жеребца, нѣкогда принадлежали донскимъ казакамъ, которые послѣ извѣстнаго мятежа были переселены отсюда дальше внизъ. Опустѣвшая область была частью для споспѣшествованія солеваренному производству въ Славянскѣ и Бахмутѣ, частью для отдѣленія донскихъ казаковъ отъ малороссійскихъ въ нѣсколько пріемовъ заселена однодворцами изъ бѣлгородской и воронежской губерній. Къ нимъ постепенно присоединилось по собственному желанію много малороссіянъ. Время основанія большинства здѣшнихъ слободъ въ точности извѣстно. Нѣсколько сосѣднихъ малороссійскихъ дворянъ и чиновниковъ частью самовластно, частью съ разрѣшенія правительства завладѣли нѣкоторыми изъ здѣшнихъ поземельныхъ участковъ и заселили ихъ добровольными переселенцами изъ малороссіянъ. Здѣшніе однодворцы несутъ воинскія повинности и платятъ обычныя подушныя подати, именно около полутора рубля съ каждаго обы-

вателя мужескаго пола. Вольные малороссіяне платятъ большей частью по 85 коп. подушной подати и по 50 к. въ годъ съ хаты поземельныхъ денегъ или такъ называемаго чинша; нѣкоторые же уплачиваютъ только по 60 коп. подушной подати, по 50 коп. поземельныхъ денегъ да кромѣ того по 50 коп. съ пары рабочихъ воловъ или вмѣсто послѣдняго по 10 коп. съ четверти или чети, (т. е. части поля, засѣваемой одной четвертью зерноваго хлѣба). Подданные малороссіяне платятъ обыкновенно по 60 коп. подушной подати и работаютъ по 2 дня въ недѣлю на помѣщика; тѣ же изъ нихъ, которые на помѣщика совсѣмъ не работаютъ, платятъ ему по рублю съ хаты поземельныхъ денегъ, по рублю съ пары рабочихъ воловъ и по 50 коп. съ лошади въ годъ; живущіе здѣсь малороссіяне не несутъ воинскихъ повинностей. Однодворцы, живущіе между ними, заимствовали отъ нихъ многіе обычаи. Они пашутъ большимъ плугомъ, запряженнымъ волами; великорусская же соха теперь встрѣчается у нихъ рѣдко; но не смотря на это, они все еще держатъ лошадей, на которыхъ ѣздятъ; каждый крестьянинъ имѣетъ по крайней мѣрѣ по одной лошади; малороссіяне же не только пашутъ волами, но на нихъ и ѣздятъ, и развозятъ свои продукты. Однодворцы уже не живутъ въ курныхъ избахъ, а строятъ свои избы на малороссійскій ладъ съ печами, снабженными дымовыми трубами; но въ то же время они удержали великорусскій обычай стлать полъ досками, тогда какъ въ малороссійскихъ хатахъ полъ просто глиняный. Но этотъ обычай только тогда составлялъ бы преимущество однодворческихъ хатъ, если бы однодворцы были подобно малороссіянамъ чистоплотны. Женщины у однодворцевъ, какъ и мущины, удержали безъ всякой перемѣны великорусскую одежду. Поверхъ рубашки онѣ надѣваютъ сарафанъ, неимѣющій рукавовъ, и опоясываются поясомъ. Рубашки ихъ дѣлаются изъ толстаго холста собственнаго приготовленія, а сарафаны изъ толстаго камлота, большей частью окрашиваемаго въ синій цвѣтъ берлинской синью и рѣже въ красный—мареной, т. е. Galium Rubioides. Камлотъ онѣ также ткутъ сами изъ собственной шерсти весенней стрижки. Пояса, дѣлаемые изъ рѣдкой шерстяной ткани домашняго приготовленія, бываютъ красные или полосатые; иногда они замѣняются платками. На головѣ женщины носятъ низкій цилиндрическій уборъ, сдѣланный изъ

красной и бѣлой матерій, а спереди и сзади вышитый или обшитый галуномъ; подъ этотъ уборъ, называемый сорокой, онѣ прячутъ волосы. Дѣвушки же повязываютъ голову бѣлой повязкой, а волосы заплетаютъ въ одну плоскую косу. Серьги носятся всѣми; онѣ обыкновенно состоятъ изъ небольшаго кольца и подвѣшенныхъ къ нему코ралловъ; дѣвушки носятъ коралловыя нитки и вокругъ шеи. Мужчины бороды не брѣютъ; они носятъ шляпы съ отвисшими полями и кафтаны изъ толстаго сѣраго или бѣлаго сукна, приготовляемаго изъ собственной шерсти осенней стрижки, считающейся лучше шерсти весенней стрижки; они опоясываются поясомъ, а подъ кафтанъ одѣваютъ только рубашку и широкіе штаны, приготовляемые изъ толстаго холста; ноги они обвертываютъ толстыми шерстяными тряпками, а вмѣсто сапогъ носятъ лапти, которые дѣлаются изъ вязоваго или липоваго лыка. Женщины также ходятъ или въ лаптяхъ, или босикомъ. Излишекъ хлѣба здѣшніе жители продаютъ на ярмаркахъ въ Лугани, Новомъ-Айдарѣ и Бахмутѣ.

3-го сентября. Переночевавъ въ Дербишовкѣ и выѣхавъ изъ нея утромъ, мы проѣхали двѣ версты на WNW до рѣчки Нетригуза, которую и переѣхали немного ниже слободы Новоселовки (Nowoselevka), принадлежащей Святогорскому монастырю и лежащей на правомъ берегу рѣчки; въ двухъ верстахъ вверхъ по Нетригузу у устья рѣчки Шендриголовы, впадающей въ него съ лѣвой его стороны, лежитъ казенная слобода Передерговка, принадлежащая къ изюмской провинціи; еще въ нѣсколькихъ верстахъ вверхъ—слобода Павловка, также принадлежащая къ изюмской провинціи, но часть ея жителей составляютъ маяцкіе однодворцы, принадлежащіе къ бахмутскому округу; ихъ, какъ и однодворцевъ изъ Дербишовки, слѣдовало бы переселить въ бахмутскую провинцію, тѣмъ болѣе, что они находятся въ постоянныхъ раздорахъ съ малороссіянами. Отъ рѣчки Нетригуза мы проѣхали 12 верстъ до высохшей теперь рѣчки Студенка, у устья которой лежитъ слобода Студенокъ или Студеновка, состоящая изъ 30 хатъ и принадлежащая Святогорскому монастырю; версты за 4 до нея мы проѣхали деревню Кицевку (Kizovka), принадлежащую также этому монастырю. Обѣ эти деревни расположены на лѣвомъ берегу Донца на покрытой лѣсомъ низменности; между ними на противоположномъ берегу лежитъ вышеописан-

ный монастырь. Дорога отъ Нетригуза до Студенка все время шла возвышенностью по опушкѣ лѣса, простирающагося отъ лѣваго берега Донца болѣе, чѣмъ на 3 версты въ ширину; противъ него на правомъ высокомъ берегу Донца растетъ такой же густой и широкій лѣсъ, описанный мною на пути изъ Каменки въ Маяки. Въ лѣсу лѣваго берега Донца преобладаетъ дубъ; встрѣчается также осина или Populus tremula, достигающая здѣсь значительной высоты; въ діаметрѣ она иногда имѣетъ 2 фута. На влажной низменности рѣчки Студенка растутъ: Acacia или Prunus spinosa, Galium Rubivides, Daucus Carota, Artemisia vulg., Arctium Lappa, Lysimachia vulg., Tanacetum и Betonica offic., Cerasus pumila, Cytisus supinus.

Проѣхавъ отъ рѣчки Студенка 4 версты на NNW по открытому и ровному полю въ нѣкоторомъ разстояніи (вправо) отъ лѣса, лежащаго по берегамъ Донца, мы достигли песчаной балки рѣки Оскола и ѣхали по ней 2 версты на NNW до слободы Рубцевки (Rupzovka). Рѣка Осколъ протекаетъ по песчаному руслу; лѣвый отлогій ея берегъ на большое пространство вверхъ по ней песчаный, правый крутой—состоитъ изъ глины и мѣла. Балка рѣки Оскола вверхъ до самаго источника покрыта хорошимъ лѣсомъ. Въ немъ ближе къ Рубцевкѣ я замѣтилъ слѣдующія породы деревьевъ: Ulmus (берестъ и вязъ). Salix alba, Evonymus europaeus, Alnus Acer tataricum, Sambucus, Padus, Quercus, Abrotanum, Corylus, Malus, Frangula, Salix cinerea и vitellina, Prunus spinosa, Betula alba, Populus tremula, Tilia, Acer Platanoides; на песчаной почвѣ растутъ сосны или Pinus sylvestris хорошей породы. На сырыхъ обильныхъ ручьями мѣстахъ подъ тѣнью деревьевъ произрастаютъ: Cincinalis, Lupulus, Artemisia vulgaris, Eupatorium cannabinum, Ulmaria, Bidens tripartita и Coreopsis Bidens. На песчаныхъ мѣстахъ весьма часто встрѣчается Stoechas citrina, называемая здѣсь цмипомъ; жители утверждаютъ, что это растеніе, будучи употреблено при купаніи и какъ декоктъ, оказываетъ благотворное дѣйствіе на взрослыхъ и дѣтей, страдающихъ падучей болѣзнью. Вмѣстѣ съ Potentilla verna растетъ Coccionella или червецъ, собираемый въ дни св. Ильи и Петра и Павла. Онъ попадается также у корней клубницы или полуницы и около ржи. Говорятъ, что его также много растетъ по верхнему теченію Оскола у Валуекъ и Уразовы. Одинъ человѣкъ въ день можетъ набрать его горсть.

У слободы Рубцевки черезъ рѣку Осколъ нѣтъ моста, а глубина ея, достигающая футовъ 4-хъ, не даетъ возможности переправиться чрезъ нее. Вслѣдствіе этого мы отъ Рубцевки ѣхали 8 верстъ на ZW параллельно лѣвому бѣрегу рѣчки Оскола до моста, находящагося у слободы Царевъ-Борисова, лежащей на правомъ берегу. Эта дорога все время шла по весьма песчаному сосновому лѣску; онъ состоитъ изъ деревьевъ, свойственныхъ песчаной почвѣ и упомянутыхъ мною у Боровеньки; встрѣчаются въ немъ также Antirrhinum odoratissimum и genistifolium и Galium incarnatum. На влажной почвѣ береговъ Оскола растутъ деревья, упомянутыя мною у Рубцевки, а также Populus alba и nigra; подъ тѣнью же ихъ попадаются: Prunella vulgaris, Euphrasia Odontites, Scutellaria galericulata, Lycopus europaeus, Bidens tripartita, Persicaria acris, Potentilla Anserina, Inula salicifolia, Origanum offic., Gypsophila muralis, Rubus vulgaris, Inula Pulicaria, Nymphaea alba и lutea, Potamogeton natans и crispum, Myriophyllum spicatum, Marsilea natans, Scirpus elatus, Carex Pseudocyperus, Cyperus fuscus, Lythrum hyssopifolium и Salicaria, Scordium offic., Gnaphalium Filago, Myosotis Scorpioides, Veronica Anagallis aquatica, Rumex Patientia, Althaea offic., Lepidium latifolium. Въ дуплѣ одного изъ деревьевъ я замѣтилъ рой Vespa helvola, называемыхъ здѣсь шершнями (черши); они очень злы и если ужалятъ, то образуется большая опухоль. У праваго холма, которымъ возвышенная степь склоняется къ Донцу и Осколу, встрѣчаются пласты краснобурой глины, употребляемой жителями для обмазыванія хатъ, и песку почти зеленаго цвѣта. На возвышенности, достигающей саженей 20, стоитъ старая крѣпость, будто бы построенная Борисомъ Годуновымъ.

Отъ Царева-Борисова до Лимана 39 верстъ, а до устья рѣки Оскола 7 верстъ. Ниже Царева-Борисова деревень нѣтъ, выше же него онѣ лежатъ въ слѣдующемъ порядкѣ: казенныя слободы Рубцевка, Комаровка (Kamarovka), Редьковка, Гороховатка; монастырская слобода Пустынька; казенныя слободы: Сенькова, Пристѣнь, Купянка (Kupenka), Двурѣчная (Dwuritschna); владѣльческая слобода Переволочная (Perewoloschna; казенныя слободы Каменка, Тополь и Двулучная (Dwulaschnija). Всѣ онѣ принадлежатъ къ изюмской провинціи и населены малороссіянами, платящими по 95 коп. подушной подати; изъ нихъ набираются рекруты въ гусарскіе полки. Кромѣ того

они платятъ еще по 4 коп. въ годъ для содержанія почты; на эти деньги правительство покупаетъ почтовыхъ лошадей и нанимаетъ ямщиковъ; кромѣ того жители всей губерніи по особому приказу платятъ по 1 коп. съ версты въ случаѣ казенной надобности и по 2 коп. въ случаѣ частной. Кромѣ всего этого взыскивается еще по 2 коп. въ годъ такъ называемыхъ накладныхъ на рубль, идущихъ на мелкіе расходы въ провинціи [17]). Каждая слобода сверхъ этого должна содержать на свой счетъ писца и покупать бумагу. Продажа водки здѣсь вольная; водка продается по рублю за ведро. За Двулучной вверхъ по Осколу лежатъ городки Уразова и Валуйки, принадлежащіе къ бѣлгородской губерніи. Въ Валуйкахъ находится воеводская канцелярія; въ день Петра и Павла здѣсь бываетъ большая ярмарка.

Мостъ черезъ Осколъ, находящійся у Царева-Борисова, имѣетъ 75 шаговъ длины; рѣка же имѣетъ теперь всего 40 шаговъ ширины; берега ея песчаны и достигаютъ 1 саж. вышины. Въ этомъ мѣстѣ Осколъ почти во всемъ похожъ на Донецъ; вода его прозрачная, вкусная и мягкая.

Отъ Царева-Борисова дорога шла 9 верстъ на W по ровной глинистой возвышенности въ нѣкоторомъ разстояніи вправо отъ лѣса, растущаго по Донцу, до оврага, по которому протекаютъ рѣчки Морозовка, Сухой Изюмецъ и Мокрый Изюмецъ; затѣмъ 5 верстъ по этому оврагу до моста, ведущаго черезъ Торецъ въ Изюмъ; за 4 версты до этого моста, мы переѣхали первую рѣчку, за 1 версту до него вторую, а до третьей намъ оставалось еще нѣсколько сотъ шаговъ. У источника рѣчки Морозовки въ нѣсколькихъ верстахъ вправо отъ дороги лежитъ владѣльческая слобода Морозовка, а у источника рѣчки Сухаго Изюмца владѣльческая слобода Богаевка, состоящая приблизительно изъ 100 хатъ. Балка Сухаго Изюмца поросла кустарникомъ; ширина этой рѣчки нѣсколько шаговъ, а глубина 1 футъ; вода въ ней прозрачная. Морозовка же теперь совершенно суха. Мостъ, построенный черезъ Донецъ у Изюма, имѣетъ 170 шаговъ длины, ширина же рѣки всего 50 шаговъ. Правый берегъ Донца образуетъ здѣсь отлого поднимающуюся возвышенность; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ очень крутъ, а въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отсюда на югъ представляется въ видѣ большой горы, имѣющей форму усѣченнаго конуса и достигающей болѣе 30 саж. высоты надъ поверхностью

воды. Въ этомъ высокомъ берегу Донца показываются глинистые, песчаные и на половину мѣловые, на половину известковые пласты; въ нихъ часто попадаются кремни.

Изюмская крѣпость представляетъ правильный продолговатый ретраншментъ, имѣющій версты 1½ въ окружности; онъ лежитъ на серединѣ склона возвышенности праваго берега Донца у сѣверной подошвы вышеупомянутой горы; съ послѣдней открывается видъ прямо въ крѣпость. Большая часть крѣпости окружена землянымъ валомъ, рвомъ и батареями, по сѣверной же ея сторонѣ, имѣющей почти 200 саженей длины, идетъ только ровъ, защищенный снаружи рогатками, а внутри частоколомъ. Противъ этого рва на сѣверъ отъ крѣпости на песчаной поверхности, склоняющейся къ Донцу, лежитъ предмѣстіе Изюма. Въ крѣпости двѣ церкви: одна каменная, другая деревянная; въ ней находятся еще лавки, запасные магазины и нѣкоторыя общественныя зданія; жилыхъ же домовъ въ ней нѣтъ. Гарнизонъ, комендантъ котораго подчиненъ кіевскому оберъ-коменданту, состоитъ изъ нѣсколькихъ ротъ. Въ предмѣстіи Изюма находится также двѣ церкви [15]).

Здѣсь я замѣтилъ, что коровы, возвращаясь сытыми съ пастбищъ, безъ всякой нужды жадно ѣдятъ листья Datura Stramonium, поблекшіе отъ мороза. Мнѣ кажется, что вслѣдствіе этого молоко принимаетъ virtutem stupefacientum. Здѣшніе жители охотно ѣдятъ ягоды Solani nigri, называемаго здѣсь паслиномъ; ягодами же Sambucus водка окрашивается въ красный цвѣтъ. Жители разводятъ здѣсь Solanum esculentum, называемое земляными яблоками; они были нѣсколько лѣтъ тому назадъ побуждены къ этому раздачей правительствомъ сѣмянъ. Helianthus tuberosus, извѣстный здѣсь подъ именемъ волошской рѣпы, и брюква или рыганка воздѣлываются жителями по собственному побужденію. Малороссіяне вообще очень любятъ всевозможныя овощи и не довольствуются, какъ великороссы, одной капустой.

4-го сентября. Переночевавъ въ Изюмѣ и выѣхавъ изъ него утромъ, мы переѣхали по мосту Донецъ, а черезъ нѣсколько сотъ шаговъ также по мосту рѣку Мокрый Изюмецъ, приводящую здѣсь въ движеніе мельницу. Проѣхавъ 11 верстъ на WZW параллельно Донцу на небольшомъ разстояніи отъ его лѣваго берега, мы пріѣхали къ небольшой рѣчкѣ Хошуваху, на правомъ берегу которой немного выше ея устья ле-

житъ малороссійская владѣльческая слобода Зарудновка (Sarudnivka), принадлежащая къ изюмской провинціи; версты за 3 до нея влѣво отъ дороги осталось озеро Остаповское (Ostapivsky). Проѣхавъ отъ Зарудновки 3 версты, мы прибыли къ рѣчкѣ Букиню, на которой построена мельница, принадлежащая къ Зарудновкѣ; черезъ 1½ версты мы доѣхали до рѣчки Емельяновки (Amelänivka), на правомъ берегу которой въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ выше ея устья лежитъ слобода Заводы, а еще черезъ 1½ версты проѣхали слободу Спѣваковку и переправились черезъ небольшую рѣчку, приводящую въ движеніе мельницу Хомечины; Спѣваковка отстоитъ отъ Изюма ровно на 17 верстъ. Черезъ 1 версту мы снова переѣхали небольшую рѣчку и мельничную плотину, а черезъ 2 версты рѣчку Купны и мельничную плотину рѣчки Тимошенки, на которой въ нѣсколькихъ верстахъ вверхъ отсюда лежитъ хуторъ Шапельскова. Отъ послѣдняго намъ оставалось еще 10 верстъ до однодворческой слободы Протопоповки, лежащей на правомъ берегу Донца и принадлежащей къ екатерининской провинціи; Протопоповка отстоитъ отъ Спѣваковки на 13 верстъ.

Эта дорога шла все время параллельно лѣвому берегу Донца на небольшомъ разстояніи отъ него; Донецъ дѣлаетъ въ этомъ мѣстѣ крутой поворотъ на Ю0; мѣстность представляетъ здѣсь плоскую песчаную возвышенность, не особенно густо поросшую соснами; этотъ сосновый лѣсъ занимаетъ весь круглый изгибъ Донца между слободой Лысыми Горами и Изюмомъ, имѣющій 15 верстъ въ діаметрѣ. Между соснами часто встрѣчаются березы, осины и Salix viminalis Linn., т. е. небольшая ива, называемая ракитой. Дубы между соснами встрѣчаются рѣдко. Отъ самаго же лѣваго берега Донца на нѣсколько сотъ шаговъ въ ширину густо растутъ дубы; между ними встрѣчаются слѣдующія породы деревьевъ: Corylus, Fraxinus, Evonymus, Cornus sanguinea, Tilia, Frangula, Ulmus (какъ берестъ или карагачъ, такъ и вязъ), Populus nigra и alba, Acer tataricum, Salix alba и cinerea, Abrotanum, Genista tinctoria, Acer campestre и Platanoides; послѣднюю я въ наибольшомъ количествѣ замѣтилъ передъ Протопоповкой. Въ сосновомъ лѣсу я видѣлъ слѣдующія растенія: Helenium, Iris Pseudocyperus, Tanacetum, Prunella officinalis, Euphrasia Odontites, Potentilla Anserina, Gentiana Pneumonanthe, Sanguisorba officinalis, Betonica offi-

cin., Chrysocoma Lynosyris, Rumex Oxylapathum, Inula salicina, Daucus Carota, Arctium Lappa, Saponaria officin., Hedera terrestris, Petasites, Farfara, Scirpus elatus, Carices variae. Въ особенно большомъ количествѣ они покрываютъ сырыя мѣста и небольшія болотистыя лужи, образуемыя въ этомъ лѣсу многочисленными ключами. Передъ Протопоповкой на берегу Донца я замѣтилъ Scordium officin. и Nymphaea. На сухихъ песчаныхъ мѣстахъ растутъ: Alyssum incanum, Stoechas citrina, Potentilla verna, Euphorbia Cyparissias, Serpillum maius, Tragopogon pratense, Verbascum nigrum, Saseli patens, Iacea nigra, Eryngium amethystinum, Artemisia campestris, Cytisus hirsutus, Solidago Virga aurea, Veronica incana, Senecio Jacobaea, Dianthus plumarius, Arundo Arenaria, Asclepias nigra, Salsola hirsuta, Antirrhinum genistifolium, Bromus cristatus, Scabiosa ochroleuca, Sempervivum globiferum, Millefolium officinale, Plantago Psyllium, Panicum sanguineum, Crithmum campestre, Polygonum aviculare, Sideritis perfoliata, Sedum Telephium; изрѣдка попадаются Iasione montana и Pimpinella alba officinalis.

Изъ отлого поднимающейся песчаной возвышенности, покрытой этимъ лѣсомъ, бьетъ много ключей чистой прѣсной воды; эти то ключи и образуютъ рѣчки, встрѣченныя нами между Изюмомъ и Протопоповкой. Длина послѣднихъ не болѣе 5 верстъ, но онѣ такъ обильны водой, что почти круглый годъ приводятъ въ движеніе устроенныя на нихъ мельницы. Эти мельницы, а также избытокъ лѣса побудили здѣшнихъ землевладѣльцевъ къ устройству нѣсколькихъ винокуренныхъ заводовъ, называемыхъ здѣсь караванами. Я ихъ внимательно осмотрѣлъ. Одинъ изъ нихъ представляетъ зданіе, имѣющее саженей 10 длины и сажени 3 ширины; въ крышѣ приблизительно на аршинъ ниже конька сдѣланъ прорѣзъ для выхода дыма. По концамъ зданія находятся входныя двери; кромѣ нихъ стѣны не имѣютъ никакихъ отверстій. Внутри зданія вдоль одной изъ продольныхъ стѣнъ его стоятъ другъ около друга круглые бродильные чаны; они имѣютъ 1 сажень въ діаметрѣ и аршина 2 высоты. Въ нѣсколькихъ футахъ отъ нихъ устроены печи, имѣющія около 3½ футовъ вышины; основаніе ихъ приблизительно въ 6 кв. футовъ; онѣ непосредственно примыкаютъ другъ къ другу. Печное отверстіе отстоитъ почти на 2 фута отъ земли; величина его 2 кв. фута; дверецъ оно не имѣетъ. Въ верхнее отверстіе печей спущены полусферическіе котлы на столько, что верхніе ихъ края выступаютъ надъ печью на 7 дюймовъ;

ширана котловъ сверху $3^1/_2$ фута, а глубина $2^1/_2$ фута; они дѣлаются изъ чугуна и служатъ въ теченіе 8 лѣтъ. Послѣ того, какъ въ котлы положится заторъ, они закрываются круглой деревянной крышкой, входящей въ нихъ, а щели замазываются тѣстомъ. Въ крышкѣ между краемъ и центромъ сдѣлано отверстіе дюймовъ въ 7 ширины; на него вмѣсто шлема ставится глиняный горшокъ, имѣющій форму усѣченнаго конуса. Этотъ горшокъ имѣетъ около $1^1/_2$ футовъ вышины и 1 футъ ширины; изъ него выходятъ 2 или 3 глиняныя трубки, имѣющія около 6 дюймовъ длины и $2^1/_2$ дюймовъ ширины; послѣднія переходятъ въ мѣдныя трубки немного большихъ размѣровъ; мѣсто соединенія ихъ замазывается. Мѣдныя трубки имѣютъ $3^1/_2$ фута длины и на концѣ дюйма 3 ширины; онѣ въ наклонномъ положеніи проходятъ черезъ холодильникъ, сдѣланный изъ выдолбленнаго дерева и имѣющій почти аршинъ ширины и аршинъ глубины. Надъ холодильникомъ проведенъ желобъ, изъ котораго въ него постоянно черезъ маленькія отверстія течетъ холодная вода; вода же, находящаяся въ холодильникѣ, постепенно стекаетъ изъ него къ слѣдующему по узкой трубкѣ, вертикально поднимающейся со дна не выше верхняго края холодильника. Передъ отверстіемъ мѣдныхъ трубъ, выходящихъ изъ холодильника, ставятся широкіе сосуды, въ которые и капаетъ водка. У края котловъ проложены желоба, по которымъ переработанный заторъ, называемый великороссами чихиремъ, а малороссіянами бардой, стекаетъ въ свиныя корыта. Такихъ котловъ стоитъ обыкновенно по 4 въ рядъ съ каждой стороны; между ними находится большой мѣдный котелъ, имѣющій около 1 сажени ширины, чтобы нагрѣвать воду, необходимую для приготовленія затора. Это устройство имѣетъ много недостатковъ. Печи требуютъ очень много топлива; черезъ щели между крышкой и шлемомъ и по концамъ трубокъ, вслѣдствіе слишкомъ большихъ размѣровъ ихъ, улетучивается много спирта; форма и положеніе шлемовъ неудобны для забиранія паровъ. Устройство же холодильниковъ очень хорошо и достойно подражанія.

Слобода Заводы, которую мы миновали сегодня и мѣстоположеніе которой было уже описано выше, извѣстна своими соляными варницами, въ которыхъ варка соли производилась 40 лѣтъ тому назадъ. Эта слобода въ то время была основана только ради солеваренія и населена частью однодвор-

цами изъ бѣлгородской губерніи, частью солеварами изъ Славянска и Бахмута; названіе Заводовъ она получила отъ соляныхъ варницъ. Около колодцевъ, изъ которыхъ доставался разсолъ, была построена небольшая четыреугольная крѣпость съ частоколомъ и деревянными батареями по угламъ шириною приблизительно въ 200 шаговъ. Она до сихъ поръ сохранилась вмѣстѣ съ находящейся въ ней церковью. Выварка соли производилась здѣсь на счетъ казны всего годъ; будучи затѣмъ найдена невыгодной, она была прекращена, и солеваренное производство было здѣсь всѣмъ запрещено. Солевары были переведены назадъ въ Славянскъ и Бахмутъ; однодворцы же прожили здѣсь еще нѣкоторое время; наконецъ 15 лѣтъ тому назадъ и они были переселены на рѣку Айдаръ, гдѣ слобода ихъ так же называется Заводами или Спѣваковкой. Прежняя же слобода Заводы досталась частью изюмскимъ казакамъ, частью малороссіянамъ; послѣднихъ и теперь живетъ здѣсь около 30 семействъ. Слобода Спѣваковка, отстоящая отсюда на 2 версты, существовала еще до основанія слободы Заводовъ; ее населяли изюмскіе казаки, добывавшіе соль для домашняго употребленія изъ соленыхъ источниковъ, находящихся въ $1^1/_2$ верстахъ отъ слободы; вслѣдствіе этого и слобода ихъ была названа Спѣваковкой. Теперь въ ней живетъ до 40 семействъ малороссіянъ, принадлежащихъ къ изюмской провинціи; обѣ слободы соединены въ одну и извѣстны подъ названіемъ Спѣваковскихъ Заводовъ. Мѣсто, гдѣ добывалась соль, занимавшее не болѣе 100 квадратныхъ саженей, лежитъ въ углу, образуемомъ правой стороной устья Емельяновки и лѣвымъ берегомъ Донца, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ выше устья у подошвы песчанаго холма, достигающаго 2-хъ саженей высоты. Весной эта мѣстность совершенно заливается водой, отъ которой на весь годъ остается у самой подошвы холма небольшое болото, имѣющее въ окружности нѣсколько сотъ шаговъ; вода въ немъ солоноватая, почему оно и называется Соленымъ озеромъ. Пространство, лежащее вокругъ него и высыхающее послѣ наводненія, состоитъ изъ темножелтой глины, покрытой солянымъ налетомъ. Разсолъ брали не изъ озера, а изъ колодца, выкопаннаго шагахъ въ 100 на югъ отъ озера и шагахъ въ 200 отъ праваго берега Емельяновки. Деревянный срубъ колодца былъ окруженъ земляной насыпью въ $1^1/_2$ сажени вышины для за-

щиты его отъ весенняго наводненія. Изъ этого колодца разсолъ по трубамъ проводился въ соляную варницу, находившуюся шагахъ въ 300 отъ него по направленію къ рѣчкѣ Емельяновкѣ. Кромѣ этого главнаго колодца шагахъ въ 100 отъ него было еще 6 меньшихъ колодцевъ; ямы 4 изъ нихъ сохранились до сихъ поръ; 3 изъ нихъ находятся между главнымъ колодцемъ и правымъ берегомъ Емельяновки, четвертая же недалеко отъ лѣваго берега Емельяновки противъ восточной стороны озера. Эти 4 колодца теперь высохли и засыпались. Вода въ Емельяновкѣ прѣсная и очень вкусная; да и въ окрестностяхъ ея нигдѣ болѣе не встрѣчается ни соленой воды, ни соляного налета. Послѣдній показывается только на противоположномъ берегу Донца, какъ было мною уже раньше замѣчено у устьевъ Беречки и Береки; слѣдуетъ предположить, что и въ эти колодцы соленая вода притекаетъ изъ возвышенности праваго берега Донца. Расположеніе мѣстности и колодцевъ выясняется изъ небольшаго плана, наскоро набросаннаго мною по глазомѣру *). Если бы солеваренное производство въ Славянскѣ велось лучше, то какъ на здѣшній разсолъ, такъ и на бахмутскій не стоило бы обращать вниманія. Солончаковыхъ растеній здѣсь не встрѣчается. Въ окрестностяхъ главнаго колодца растутъ: Populus alba, Ulmus, Salix alba, Abrotanum, Petasites, Farfara, Atriplex vulgaris. По берегамъ Донца въ этомъ мѣстѣ попадаются известняки величиною въ голову, вѣроятно, принесенные сюда водой съ противоположнаго берега не издалека; они состоятъ изъ окаменѣлаго известковаго туфа и такихъ же гладкихъ раковинъ.

Ширина Донца у Протопоповки 24 сажени, глубина же на столько велика, что его нельзя переѣхать ни въ экипажѣ, ни верхомъ. Берега песчаны; лѣвый берегъ представляетъ широкую низменность, правый недалеко отъ Протопоповки образуетъ глинистую возвышенность, достигающую 20 саженей высоты и содержащую въ себѣ камни глинисто-мѣловой породы сѣроватаго цвѣта. У подошвы ея между упомянутыми камнями, которыми пользуются жители, бьетъ обильный водою ключъ; на отлогой же поверхности ея лежитъ слобода Протопоповка. Поднявшись на эту возвышенность, мы про-

*) И этого плана не оказалось.

ѣхали по ней 16 верстъ на NW до балки рѣки Чепеля; затѣмъ еще 16 верстъ на NNW по той же возвышенности до однодворческой слободы Мѣловой, лежащей на нѣсколько сотъ шаговъ выше устья небольшой рѣчки Мѣловой, впадающей въ Донецъ. Эта дорога все время шла на большомъ разстояніи отъ Донца, дѣлающаго здѣсь крутой поворотъ на NO. Балка рѣки Чепеля покрыта хорошимъ лиственнымъ лѣсомъ; хвойнаго лѣсу на правомъ берегу Донца не встрѣчается ни между Мѣловой и Протопоповкой, ни ниже до самаго Святогорскаго монастыря. По верхнему теченію Чепеля расположены хутора, принадлежащіе однодворцамъ изъ Протопоповки; нижнее же его теченіе занято слободой Чепелемъ, лежащей приблизительно на 1 версту выше устья рѣки Чепела; она населена малороссіянами и принадлежитъ роду Куликовскихъ [33]). „У устья Донца устроены судовыя мельницы, называемыя байдаками; кромѣ этого мѣста онѣ на Донцѣ нигдѣ болѣе не встрѣчаются. Послѣдняя плотина черезъ Донецъ находится у рѣчки Беречки; она принадлежала ландмилицкому полку, у котораго была куплена купцомъ Скопинымъ. Верстахъ въ 30-ти выше находится вторая плотина у владѣльческой слободы Капустяновки (Kapustenowa). Между послѣдней и Чепелемъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ праваго берега Донца на низменномъ лугу, занимающемъ большой изгибъ его, лежитъ владѣльческая слобода Вѣтровка (Weterovka). Верстахъ въ 10-ти выше Капустяновки на правомъ берегу Донца расположена казенная слобода Савинцы, противъ которой лежатъ другіе Савинцы; въ 30-ти верстахъ выше нихъ находится владѣльческая слобода Криничная; за ней слѣдуетъ еще на 4 версты выше слобода Мѣловая.

5-го сентября. Мы переночевали въ слободѣ Мѣловой; послѣдняя получила свое названіе отъ рѣчки Мѣловой, по обоимъ берегамъ которой на отлогихъ поверхностяхъ и расположены ея 200 хатъ; рѣчка же названа Мѣловой отъ мѣла, составляющаго горную породу нижней части ея балки; мѣлъ покрытъ сѣрымъ рыхлымъ песчаникомъ съ примѣсью желѣза; самый же верхній слой составляетъ сѣро-желтая глина и плодородный черноземъ. Балка Донца въ этомъ мѣстѣ узка; возвышенность противоположнаго берега покрыта хорошимъ лѣскомъ. На мѣловой почвѣ, открытой полуденнымъ лучамъ, растутъ: Slvia verticillata, Marrubiumperegrinum и Acanthium Ono-

pordon. На возвышенности устроено здѣсь нѣсколько небольшихъ вѣтряныхъ мельницъ; въ низменности, лежащей по обоимъ берегамъ рѣчки Мѣловой, часто растетъ конопля и капуста; паровыя поля въ большомъ количествѣ покрыты Melilotus officinalis; растутъ также Artemisia vulgaris, Cichorium, Carduus spinosissimus и nutans, Asparagus и Bardana.

Выѣхавъ утромъ изъ слободы Мѣловой, мы ѣхали на WNW по очень извилистой дорогѣ, проходящей по возвышенности на небольшомъ разстояніи отъ Донца, и, спустившись затѣмъ въ низменность, лежащую недалеко отъ него, пріѣхали въ небольшую владѣльческую слободу Копанки, расположенную въ короткомъ оврагѣ и состоящую хатъ изъ 20. Противъ нея на лѣвомъ берегу Донца лежитъ на песчаной низменности вольная слобода Великое Село. Въ этомъ мѣстѣ по обѣимъ сторонамъ Донца лѣсу весьма немного; онъ состоитъ изъ ивъ и тополей. Отъ Копанковъ дорога 7 верстъ шла опять по возвышенности на WNW на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ Донца до оврага, склоняющагося къ рѣчкѣ Шабелинкѣ (Shabelinka), на которой лежитъ хуторъ и овчарня, принадлежащ е къ Гѣевкѣ. Въ этомъ оврагѣ попадаются хорошіе сѣнокосные луга; вода во всѣхъ колодцахъ хорошая. Проѣхавъ отсюда версту, мы прибыли въ балку рѣчки Шабелинки; отсюда намъ открылся видъ на однодворческую слободу Шабелинку, лежавшую верстахъ въ 3-хъ влѣво отъ насъ; проѣхавъ 2 версты направо, мы достигли балки рѣчки Бурлея (Burlai) и слободы Гѣевки, лежащей на этой рѣчкѣ верстахъ въ 2-хъ выше ея устья и принадлежащей генералу Мейеру. Она состоитъ приблизительно изъ 100 хатъ и имѣетъ церковь, лежащую на лѣвомъ берегу рѣчки около хорошо построеннаго господскаго дома.

Окрестности этой слободы сильно изрѣзаны оврагами, состоящими изъ сѣро-желтой щелочной глины; камней въ нихъ не попадается. Эти овраги густо поросли кустарникомъ, между которымъ больше всего орѣшника; кромѣ него встрѣчаются: Quercus, Fraxinus, Acer tataricum, Tilia, Pyraster, Platanoides, Cornus sanguinea, Ulmus, Evonymus, Oxyacantha, Malus sylvestris, Prunus spinosa; подъ тѣнью деревьевъ здѣсь снова попадаются фіалки и Asarum. Черезъ рѣчку Бурляй сдѣлана мельничная плотина; около же мельницы построенъ винокуренный заводъ. Устройство его имѣетъ нѣкоторыя важныя преимущества пе-

редъ раньше описаннымъ. Печи снабжены дымовыми трубами, помѣщенными противъ печнаго отверстія и соединенными по двѣ вмѣстѣ; печныя отверстія имѣютъ всего $1^1/_2$ сажени ширины и закрываются желѣзными дверцами. Въ зданіи сдѣланъ потолокъ; между нимъ и крышей, имѣющей прорѣзъ, кончаются дымовыя трубы, благодаря чему онѣ не страдаютъ отъ дождя, а дымъ все таки имѣетъ свободный выходъ. Этимъ чердакомъ пользуются для копченія окороковъ. Во всемъ остальномъ устройство этого завода подобно описанному прежде. Этой осенью винокуреніе пріостановлено во всѣхъ заводахъ Слободской губерніи, вслѣдствіе губернаторскаго указа, вызваннаго неурожаемъ этого года.

Отъ Гѣевки намъ оставалось еще 5 верстъ до однодворческой слободы Новаго Бишкиня, находящейся въ 23-хъ верстахъ отъ Мѣловой и лежащей между рѣчками Сухимъ и Мокрымъ Бишкинемъ, впадающими въ Донецъ, приблизительно на 1 версту выше ихъ устья. Противъ Новаго Бишкиня на лѣвомъ берегу Донца лежитъ вольная слобода Старый Бишкинь, состоящая приблизительно изъ 200 хатъ. Здѣсь черезъ Донецъ устроена мельничная плотина, а верстахъ въ 10 ниже ея у слободы Андреевки находится другая.

Мѣстность между Мѣловой и Бишкинемъ представляетъ чрезвычайно плодородную глинистую степь, на которой растутъ: Stipa pennata, Eryngium campestre, Verbascum nigrum, Adonis vernalis, Millefolium offic., Cytisus supinus, Phlomis tuberosa и Herba Venti, Spartium spinosum, Chrysocome villosa, Inula hirta, Crithmum campestre, Sium Falcaria, Salvia nemorosa, Stoechas citrina, Scabiosa ochroleuca, Esula latifolia, Alyssum incanum. На нѣкоторыхъ поляхъ, мимо которыхъ проходила дорога, озимая рожь уже взошла; на многихъ другихъ ее только еще сѣютъ. Камней въ этомъ мѣстѣ на высокомъ берегу Донца не видно; но говорятъ, что верстахъ въ 5-ти у устья рѣчки Гомольши недалеко отъ старой крѣпости или городища попадается простой песчаникъ. Мѣлъ также болѣе не встрѣчается до самыхъ окрестностей Бѣлгорода. Лѣвый берегъ Донца низкій и песчаный; на немъ часто попадаются сосны, которыхъ на правомъ берегу совсѣмъ нѣтъ. Песчаная низменность простирается отъ лѣваго берега Донца на протяженіи отъ 5-ти до 10-ти верстъ въ ширину, затѣмъ снова переходитъ въ возвышенную глинистую степь.

Всѣ вышеупомянутыя (по Донцу) слободы принадлежатъ къ Изюмской провинціи и населены малороссіянами, за исключеніемъ однодворческихъ слободъ Новаго Бишкиня, Мѣловой и Протопоповки, принадлежащихъ къ Екатерининской провинціи. Между этими двумя сторонами постоянно ведутся сильные споры о границахъ; да и едва ли можно надѣяться на слитіе москалей съ хохлами, какъ они въ насмѣшку называютъ другъ друга, т. е. русскихъ съ черкасами или руснаками.

Выѣхавъ изъ слободы Новаго Бишкиня, мы переѣхали по мосту рѣчку Мокрый Бишкинь и проѣхали затѣмъ 3 версты вверхъ по ея балкѣ до устья рѣчки Ольховой; въ 3 верстахъ вверхъ отъ него на Мокромъ Бишкинѣ лежитъ однодворческая слобода Верхній Бишкинь (Werchnaja Byschkina). Вверхъ по Ольховой балкѣ мы проѣхали 1 версту до устья балки, впадающей въ Ольховую съ лѣвой ея стороны; эта балка обильна ключами; берега ея водъ обнаруживаютъ соль въ налетѣ; затѣмъ мы ѣхали еще 4 версты вверхъ по Ольховой балкѣ до самаго ея начала, гдѣ встрѣтили лѣсокъ. Отсюда мы поднялись на возвышенность, съ которой увидѣли на небольшомъ разстояніи влѣво, т. е. на востокъ отъ себя, начало балки рѣчки Береки и лежащую недалеко отъ нея однодворческую слободу Верхобереки; вправо на болѣе близкомъ разстояніи отъ насъ находилось начало балки рѣчки Гомольши. По возвышенности мы ѣхали верстъ 5 вдоль лѣвой стороны балки рѣчки Гомольши до слободы Западенки, лежащей на днѣ этой балки; верстахъ въ 3-хъ внизъ отъ Западенки находится слобода Гомольша. Вся балка съ обѣими слободами принадлежитъ Зміевскому монастырю, лежащему на правомъ берегу Донца верстахъ въ 5-ти выше устья рѣчки Гомольши. Балка Гомольша, имѣющая до 4-хъ верстъ ширины и до 10-ти верстъ длины, покрыта красивымъ лѣскомъ, который монахи очень берегутъ; у нихъ покупаютъ строевой лѣсъ и дрова однодворцы, живущіе по линіи, какъ было уже сказано выше. Наиболѣе распространенныя въ этой мѣстности породы деревьевъ дубъ и липа, достигающіе значительныхъ размѣровъ. На ряду съ ними въ большомъ количествѣ растутъ также: Corylus, Evonymus angustifolius и latifolius, Fraxinus, Acer tataricum, campestre и Platanoides, Pyraster, Malus sylvestris, Cornus sanguinea, Ulmus, Oxyacantha, Prunus spinosa; Betula и Padus попадаются рѣдко, а хвой-

наго лѣсу совсѣмъ нѣтъ. Такимъ же лѣсомъ покрытъ и правый берегъ Донца верстъ на 20 вверхъ отъ устья рѣчки Гомольши; такимъ образомъ въ лѣсѣ здѣсь недостатка не бываетъ.

Изъ Западенки мы проѣхали 12 верстъ на западъ отъ балки рѣчки Гомольши до однодворческой слободы Старо-Охочей, лежащей у источника рѣки Берестовой и отстоящей отъ Новаго Башкеня на 25 верстъ. На паровыхъ поляхъ въ окрестностяхъ этой слободы по разсказамъ растетъ много Galeopsis Ladanum, котораго я впрочемъ не замѣтилъ. Во время нашего проѣзда здѣшніе жители были заняты стрижкой овецъ. Однодворцы стригутъ овецъ два раза въ годъ—весной и осенью, малороссіяне же всего разъ въ годъ—весной. Шерсть осенней стрижки считается лучше шерсти весенней стрижки; изъ послѣдней приготовляется только плохая, жесткая, тонкая камлотовая матерія, употребляемая на женскую одежду; изъ первой выдѣлывается хорошее, мягкое сукно, идущее на мужскую одежду. Малороссійская шерсть непрочна и жестка, потому что, оставаясь на овцахъ круглый годъ, сильно пачкается, а зимой портится отъ мороза. Малороссіяне осенью не стригутъ овецъ, вслѣдствіе того, что у нихъ овцы и зиму проводятъ въ отрытомъ полѣ; если бы ихъ стригли осенью, то онѣ гибли бы отъ холода. Хорошую, тонкую шерсть можно получить только въ томъ случаѣ, если зимой кормить овецъ въ хлѣвахъ. Въ Малороссіи достоенъ похвалы тотъ обычай, что овецъ не доятъ; все молоко идетъ ягнятамъ; благодаря этому овцы выростаютъ здоровыми и крѣпкими. Этотъ же обычай соблюдается и относительно рогатаго скота; телятъ не поятъ, а они сами сосутъ корову въ теченіе полугода или болѣе; отъ коровы же въ это время берется молока очень мало. Вслѣдствіе этого въ Малороссіи приготовляется мало сыру и масла; за то рогатый скотъ достигаетъ значительныхъ размѣровъ и огромной силы; въ другихъ же мѣстностяхъ, гдѣ телятъ поятъ молокомъ или черезъ 6 недѣль совсѣмъ отучиваютъ отъ молока, скотъ бываетъ гораздо мельче. Молоко, особенно парное, имѣетъ болѣе питательную и укрѣпляющую силу, чѣмъ какой бы то ни было другой кормъ. Около слободы Старо-Охочей устроено 15 вѣтряныхъ мельницъ.

6-го сентября. Выѣхавъ утромъ изъ Старо-Охочей и проѣхавъ 7 верстъ на NW, мы достигли начала балки Гуляй-поля,

впадающей въ рѣку Жгунъ, на которой на нѣсколько верстъ ниже вправо отъ дороги лежитъ владѣльческая слобода того же имени, называемая также Коссы (Kossy). Проѣхавъ еще версту, мы достигли землянаго вала, ровъ котораго обращенъ на югъ. Этотъ земляной валъ защищаетъ открытыя мѣста, находящіяся между поросшими густымъ лѣсомъ балками; онъ тянется отъ источника рѣки Водолаги до рѣки Мжи, до окрестностей Мерефы и, такимъ образомъ, замыкаетъ уголъ между рѣками Водолагой и Мжею. Отъ вала мы ѣхали еще 10 верстъ по возвышенности параллельно рѣчкѣ Водолагѣ до слободы Новыхъ Водолагъ. Въ 5-ти верстахъ вправо отъ дороги показалась балка рѣчки Жгуна, впадающей въ Водолагу; какъ эта балка, такъ и балка рѣчки Водолаги покрыта большимъ и густымъ лиственнымъ лѣсомъ, въ которомъ преобладаютъ дубы. На рѣчкѣ Жгунѣ лежитъ слобода Борки или Бирки, состоящая приблизительно изъ 200 хатъ, и кромѣ нея еще нѣсколько меньшихъ слободъ, принадлежащихъ роду Куликовскихъ.

Въ Новыхъ Водолагахъ построено неправильное четыреугольное укрѣпленіе, имѣющее приблизительно 200 шаговъ въ квадратѣ. Валы его насыпаны изъ песку, содержащаго примѣсь желѣза, а на нихъ поставлено нѣсколько небольшихъ желѣзныхъ пушекъ. Въ крѣпости находится большая церковь и нѣсколько общественныхъ зданій, частныхъ же домовъ въ ней нѣтъ. Послѣдніе вмѣстѣ съ двумя церквами расположены по обоимъ берегамъ Водолаги и по балкѣ Очеретной (Otscheretnaja), начинающейся отъ лѣваго берега Водолаги; въ углу этой то балки и лежитъ крѣпость. Слобода эта очень значительна; въ ней насчитывается около 700 хатъ; къ ней причисляются еще слобода Малыя Водолаги (Malaja Wodolaga), находящаяся верстахъ въ 4-хъ вверхъ по рѣкѣ Водолагѣ, слободка Каравансая, расположенная еще въ 8-ми верстахъ вверхъ по той же рѣкѣ, и много хуторовъ, лежащихъ по ней же; всѣхъ жителей, принадлежащихъ къ Водолагамъ насчитывается 5058 душъ мужескаго и 5422 души женскаго пола. Прежде это были владѣльческія слободы, а потомъ онѣ отошли въ казну, получили названіе государственныхъ слободъ и были причислены къ Новороссійской губерніи. Этой весной онѣ были отняты отъ послѣдней и по именному указу переданы слободскому губернатору генералу Щербинину (Tscherbinin) и ассесору

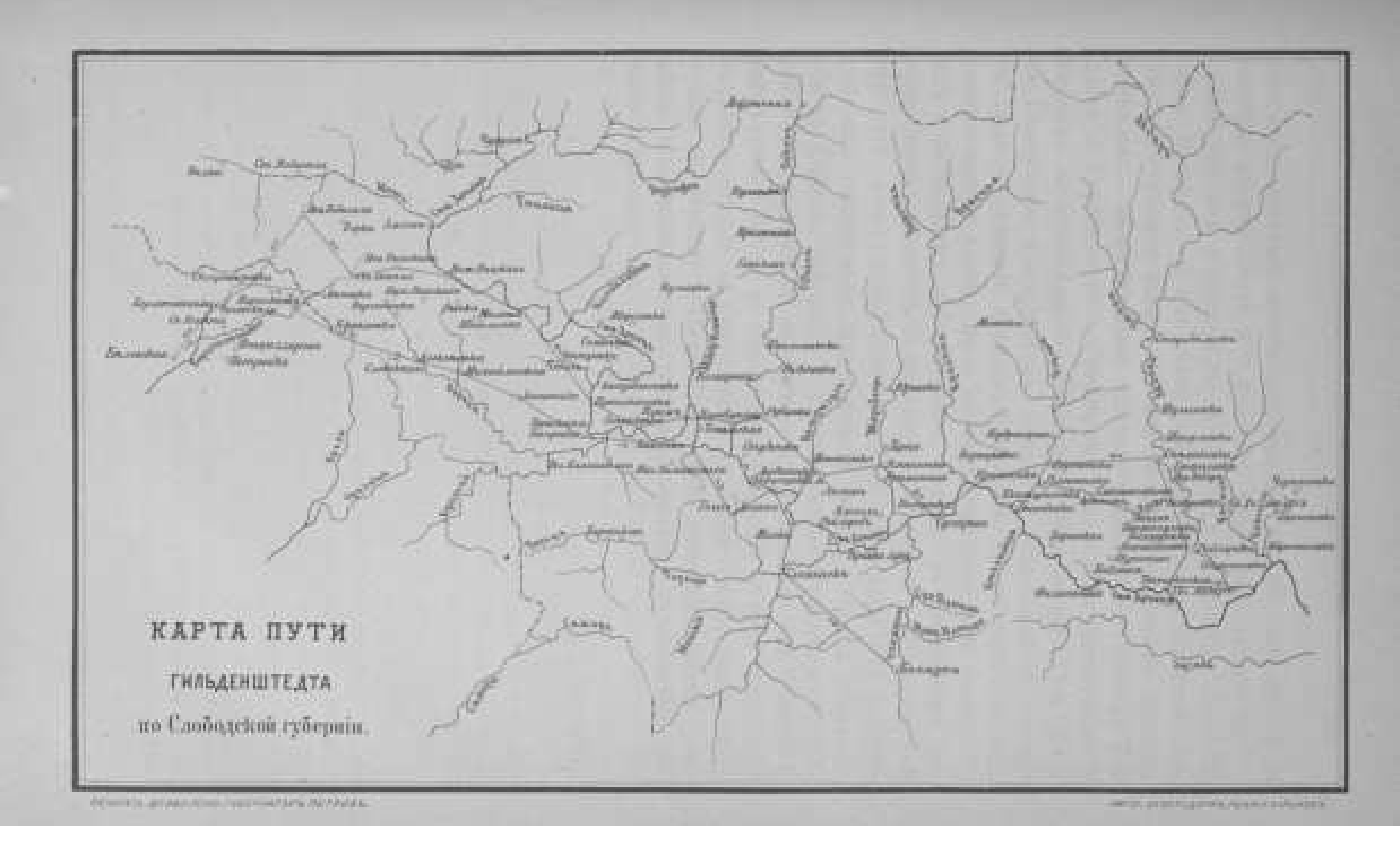
Ричкову для разведенія въ нихъ шелководства. Этой весной жителямъ были розданы сѣмена шелковичныхъ деревьевъ; но деревьевъ взошло немного, да и взошедшія большей частью засохли. Немногія же сохранившіяся достигли почти полуаршина высоты, а толщина ихъ въ гусиное перо. Казенныя подати, пока еще собираемыя Новороссійской губерніей, слѣдующія: 1) 60 коп. подушной подати въ годъ съ каждаго лица мужескаго пола; 2) чиншевой платы съ домохозяевъ по 1 р. 5 к., съ квартирантовъ или съ такъ называемыхъ сосѣдей по 52½ коп., а съ бѣдныхъ по 25 коп. въ годъ; 3) съ каждой пары рабочихъ воловъ по 20 коп. Такія же подати эти слободы платили и князьямъ Дашковымъ, которымъ онѣ нѣкогда принадлежали и которыми онѣ были заложены въ казну; послѣдней онѣ были окончательно проданы въ царствованіе Елизаветы Петровны [34]).

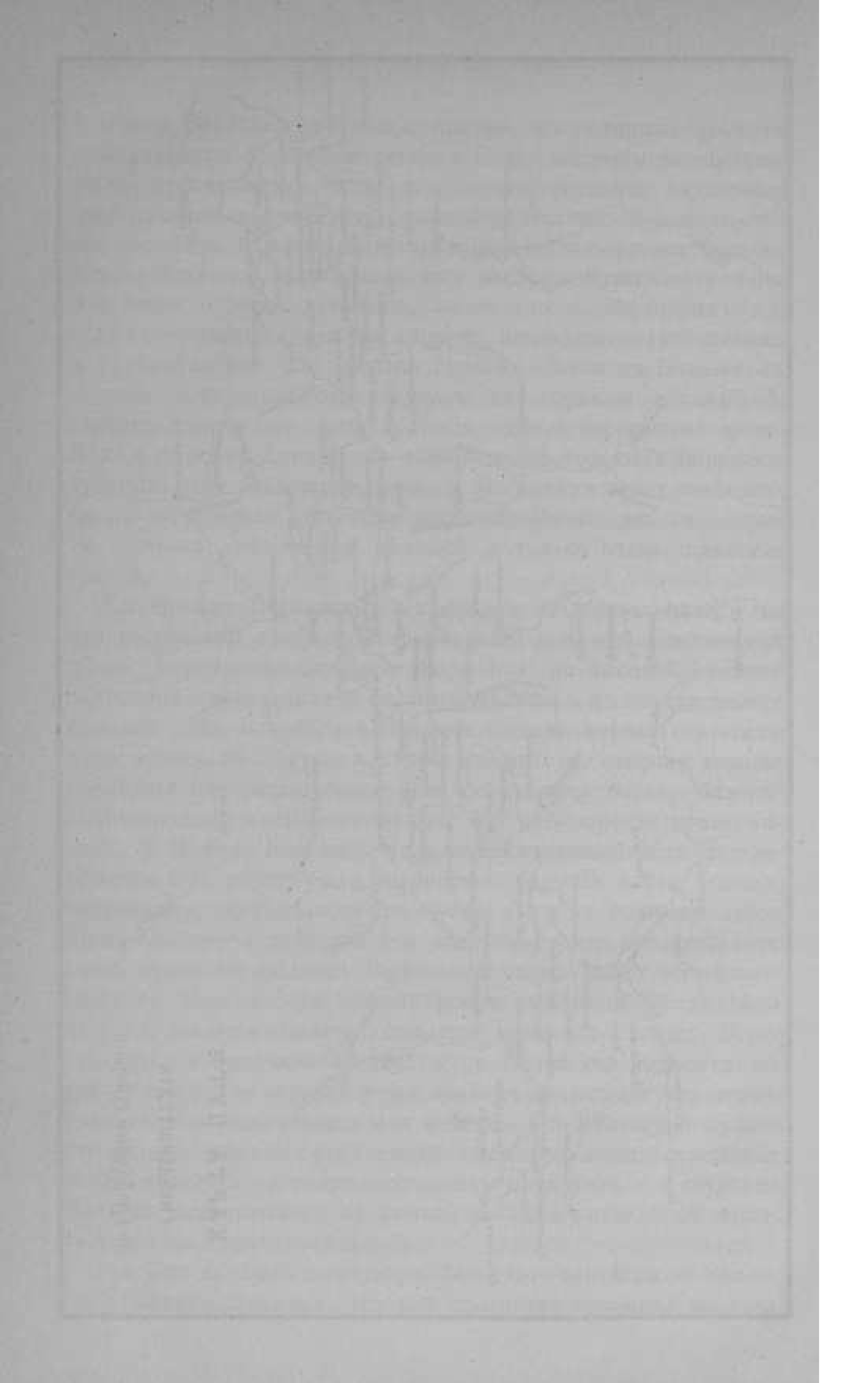
Въ Новыхъ Водолагахъ бываетъ 4 ярмарки въ годъ: 1) въ серединѣ великаго поста, 2) въ праздникъ Вознесенія Господня, 3) въ день св. Ильи и 4) въ день св. Михаила въ ноябрѣ. Жители Новыхъ Водолагъ люди зажиточные; они ведутъ торговлю и занимаются разными ремеслами и искусствами; въ слободѣ есть нѣсколько лавокъ, въ которыхъ продается все необходимое въ обыденной жизни, а также шелковыя и бумажныя матеріи и пряности. Изъ ремесленниковъ здѣсь особенно много кожевниковъ и гончаровъ. Кожи очищаютъ золой, добываемой отъ сжиганія старыхъ дубовыхъ корней, а затѣмъ дубовой корой. Гончары достаютъ глину въ балкѣ, находящейся недалеко отъ рѣки Водолаги; для добыванія ея приходится копать ямы сажени въ 3 глубины. Въ этихъ ямахъ мною замѣчены слѣдующіе слои: 1) слой глинистаго чернозема въ 3 фута; 2) слой сѣро-желтой щелочной глины въ 4 фута; сверху него попадаются мѣста бѣлаго мергеля, а снизу желтыя съ примѣсью желѣза; 3) слой синей горшечной глины съ желтыми пятнами съ примѣсью желѣза; 4) слой песчаника съ примѣсью сѣраго глинистаго песку въ 5 футовъ; 5) слой синей горшечной глины, смѣшанной съ пескомъ отъ 3 до 5 футовъ; 6) слой чистаго бѣлаго песку неопредѣленной толщины. Гончары смѣшиваютъ глину третьяго и пятаго слоевъ; приготовляемые изъ этой смѣси кирпичи похожи на голландскіе клинкеры, а посуда и кафли отличаются прочностію и имѣютъ свѣтложелтый цвѣтъ.

Новыя Водолаги окружены садами, въ которыхъ растутъ обыкновенныя фруктовыя деревья. Балки покрыты разнообразнымъ кустарникомъ, какъ-то: Corylus, Crataegus Oxyacantha, Acer tataricum и campestre, Platanoides, Fraxinus, Evonymus, Cornus sanguinea, Pyraster, Malus sylvestris, Prunus spinosa, Quercus, Ulmus, Sambucus; подъ тѣнью ихъ растутъ: Hypericum perforatum, Geum urbanum, Agrimonia, Daucus Carota. Въ сырыхъ мѣстахъ попадается Equisetum hyemale, называемое здѣсь щетомъ и употребляемое для чистки столовъ. Хаты въ Водолагахъ хорошо построены; онѣ состоятъ изъ горницы и кладовой, имѣютъ изразцовыя печи, большія окна и деревянный полъ. Какъ и по всему Донцу, онѣ строятся изъ толстыхъ липовыхъ, дубовыхъ или ольховыхъ бревенъ. По хатамъ сразу замѣчается благосостояніе здѣшнихъ жителей. Многія изъ хатъ крыты гонтомъ, нѣкоторыя соломой и только очень немногія землей.

Изъ Новыхъ Водолагъ мы проѣхали 22 версты на ZZW до однодворческой слободы Староверовки, лежащей у источника рѣчки Берестовеньки. Дорога эта шла по высокой, ровной глинистой степи, занятой большей частью подъ пашни, между балками рѣкъ Водолаги и Ивановъ (Iwany); первая изъ этихъ рѣкъ течетъ по лѣвую, а вторая по правую сторону дороги; послѣднія 5 верстъ дорога шла по правому берегу балокъ, склоняющихся къ Берестовенькѣ; всѣ онѣ поросли кустарникомъ. У Новыхъ Водолагъ по плоской возвышенности на протяженіи 5-ти верстъ были разбросаны большія дикія яблони, повидимому, пощаженныя во время вырубки бывшаго здѣсь лѣска. Во время цвѣтенія эта яблоновая роща представляетъ очень красивое зрѣлище. Орѣшникъ также часто встрѣчается здѣсь. Изъ слободы Староверовки, въ которой я былъ 14-го августа, мы на свѣжихъ лошадяхъ миновали слободу Берестовеньку и проѣхали 30 верстъ до Бѣлевской крѣпости по той же дорогѣ, по которой я уже проѣзжалъ 14-го августа; этимъ благополучно закончилась моя поѣздка. Въ Бѣлевской крѣпости меня встрѣтили оставленные тамъ мною люди; оставшіяся вещи оказались въ сохранности; здѣсь засталъ я и студента Бѣляева, вернувшагося нѣсколько дней тому назадъ съ западнаго конца Украинской линіи.

Отъ 7-го до 15-го сентября. 7-го и 8-го сентября въ Бѣлевской бываетъ ярмарка. На ней продается огромная морковь

КАРТА ПУТИ
ГИЛЬДЕНШТЕДТА
по Слободской губерніи.

красиваго желтаго цвѣта; она имѣетъ до 4-хъ дюймовъ въ діаметрѣ, вѣситъ около $1^1/_2$ русскаго фунта и очень вкусна.

Всѣ эти дни я приводилъ въ порядокъ собранные мною лѣтомъ предметы и готовился къ дальнѣйшему путешествію. 15-го сентября я отправилъ изъ Бѣлевской крѣпости въ 3-хъ экипажахъ, запряженныхъ шестью лошадьми, студентовъ Бѣляева и Тарбѣева съ собранными минералами, животными и книгами черезъ Харьковъ, Бѣлгородъ, Курскъ (Cursk) и Орелъ въ Серпуховъ; я предпочелъ ѣхать не всѣмъ вмѣстѣ, чтобы не было затрудненій доставать лошадей; кромѣ того я желалъ познакомиться черезъ нихъ съ этими мѣстностями частью по ихъ собственнымъ наблюденіямъ, частью по свѣдѣніямъ, испрошеннымъ мною изъ канцелярій Слободской и Бѣлгородской губерній. Самъ я выѣхалъ изъ Бѣлевской крѣпости на другой день, намѣреваясь ѣхать черезъ главные города Малороссіи въ Сѣвскъ, гдѣ, какъ и студентамъ въ Курскѣ, мнѣ прійдется подвергнуться карантинному очищенію; изъ Сѣвска я разсчитываю ѣхать въ Серпуховъ, гдѣ меня будутъ ждать оба студента; отсюда я уже вмѣстѣ съ ними намѣреваюсь вернуться въ Москву и Петербургъ. Мнѣ кажется самымъ удобнымъ и полезнымъ распредѣлить обратное путешествіе такимъ образомъ.

ПРИМѢЧАНІЯ Д. И. БАГАЛѢЯ.

[1]) Одна изъ крѣпостей Украинской линіи, нынѣ Константиноградъ—уѣздный городъ Полтавской губерніи.

[2]) *Украинская линія* тянулась отъ Днѣпра къ Сѣверскому Донцу по рр. Орели, Берестовой и Берекѣ на протяженіи 400 верстъ. Въ ней было 17 крѣпостей (Борисоглѣбская, Царичанка, Ливинская, Васильковская, Ряжская, Козловская, св. Ѳеодора, Бѣлевская, св. Іоанна, Орловская, св. Парасковѣи, Ефремовская, Алексѣевская, Слободская, Михайловская, Танбовская, св. Петра). Онѣ захватывали нынѣшніе Изюмскій, Зміевскій и Валковскій уѣзды Харьковской губерніи и Константиноградскій и Кобелякскій—Полтавской. Постройка ея началась въ 1731 году. Подробныя свѣдѣнія о ея постройкѣ и заселеніи см. въ моемъ изслѣдованіи „Очерки изъ исторіи колон. и быта". М. 1887, стр. 295—334; тутъ же и карта въ приложеніи.

[3]) *Пикинерскія слободы.* Пикинерскіе конные полки, такъ же какъ и гусарскіе, стоятъ въ связи съ сербской колонизаціей Новороссійскаго края. Извѣстные сербскіе выходцы—Шевичъ и Депрерадовичъ образовали на югъ отъ Украинской линіи 2 гусарскіе и 2 *пикинерные* полка; это была извѣстная Новосербія и Славяносербія, дѣлившіяся на полки, а полки на роты, селенія или шанцы. Въ 1773 году въ составъ Екатерининской провинціи входили Донецкій пикинерный полкъ (состоявшій изъ 10 ротъ и заключавшій 6694 д. военныхъ поселянъ), Днѣпровскій, заключавшій въ себѣ 9687 д., 3 государственныя слободы (Новые Водолаги, Малые Водолаги и Коровайна) и однодворческія слободы на линіи (Петровская, Веревкина, Протопоповка, Мѣловая, Лозовенская, Михайловская, Шабелинская, Новаго Бишкина, Бишкинскія вершины, Алексѣевская, Берецкія вершины, Староохочая, Лѣнивка, Старовѣровка, Берестовка, Пещанка, Лебяжинская, Залипейская, Орчиковская, Ряжская—Васильевская); сюда же нужно еще присоединить владѣльческихъ поселянъ въ количествѣ 4492 д. обоего пола. Гильденштедтъ говоритъ о многихъ однодворческихъ слободахъ. Впослѣдствіи онѣ отошли къ Харьковской губерніи, (см. А. А. Скальковскаго. Хронолог. обозрѣніе исторіи Новороссійскаго края. I, 91—95 и др.).

[4]) Однодворческія слободы были разсѣяны въ значительномъ количествѣ по Слободско-украинской и Новороссійской губ. Свое названіе онѣ получили отъ того, что были населены такъ называемыми однодворцами. Однодворцы—это низшій разрядъ служилаго сословія, обитавшій по южнымъ окраинамъ Московскаго государства и защищавшій ихъ отъ татарскихъ набѣговъ. Однодворцы, такимъ образомъ, играли отчасти такую же роль, какъ и казаки. Пер-

воначальнымъ мѣстопребываніемъ ихъ были нынѣшнія—Тульская, Рязанская, Орловская, Воронежская и Курская губ. Отсюда же они стали проникать, начиная съ XVII в., въ Слободскую украину; въ XVIII в. ими была заселена Украинская линія и вмѣстѣ съ тѣмъ они появляются и въ Новороссійской губ. Въ Слободско-Украинской губ. однодворческія слободы, заселенныя великоруссами, противополагаются войсковымъ, гдѣ обитали войсковые обыватели, потомки малороссійскихъ слободскихъ казаковъ.

[5]) Неизвѣстный авторъ „Топографическаго описанія Харьковскаго намѣстничества" сообщаетъ намъ любопытныя подробности о характерѣ малороссійскаго и великороссійскаго земледѣлія въ Харьковской губерніи. Изъ его словъ видно, что однодворцы, вообще говоря, больше занимались хлѣбопашествомъ; но за то у малороссіянъ были еще важныя дополнительныя занятія—широко развитое скотоводство, винокуреніе, ремесла, не говоря уже о садоводствѣ и огородничествѣ, которыя также пользовались широкимъ распространеніемъ. У того же автора мы находимъ прямое сравненіе однодворческаго селенія съ малороссійскимъ по внѣшнему ихъ виду, который, естественно, прежде всего долженъ былъ броситься въ глаза путешественнику Гильденштедту. Общій выводъ автора тотъ, что по внѣшности еще нельзя судить о превосходствѣ одного надъ другимъ. (Топогр. опис. Харьк. Нам. X. 1888 стр. 40—41).

[6]) Заведенія запасныхъ магазиновъ въ каждомъ селеніи требовала коммиссарская инструкція 1766 г. Въ каждомъ селеніи нужно было построить крѣпкій амбаръ и собирать въ него съ обывателей хлѣбъ на случай недорода; сборомъ долженъ былъ завѣдывать атаманъ, обязанный давать объ этомъ отчетъ коммиссарскому правленію. (См. мои „Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьк. и отч. Курской и Ворон. губ.", т 2-й, стр. 307—309).

[7]) Редуты представляли изъ себя небольшія земляныя укрѣпленія, по размѣрамъ значительно уступавшія крѣпостямъ Украинской линіи; между 2 крѣпостями было всегда извѣстное количество редутовъ. (См. о нихъ Ласковскаго „Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи" и мои „Очерки по исторіи колонизаціи").

[8]) Екатерининская провинція составляла одну изъ трехъ составныхъ частей Новороссійской губ. Въ 1773 г. въ Екатерининской провинціи обитало 55780 чел.; Екатерининская провинція захватывала южную часть нынѣшней Полтавской и Харьковской губерніи (А. А. Скальковскаго. Хрон. обозр., I, стр. 90—93).

[9]) Подробная исторія поземельной борьбы Запорожья съ Изюмской провинціей Слободско-украинской губерніи изложена въ статьѣ А. Л. Шиманова „Предсмертная поземельная борьба Запорожья" („Кіевская Старина" 1883, № 12, стр. 609—636). Въ 1768 г. уже собиралась коммиссія для полюбовнаго развода земель, но она спора не разрѣшила; каждая сторона стояла на своемъ. Полковникъ Гераджа явился дѣятельнымъ колонизаторомъ спорныхъ земель со стороны Запорожья. Въ 1774 году, когда здѣсь проѣзжалъ Гильденштедтъ, борьба была въ самомъ разгарѣ.

[10]) Въ 1774 г., какъ видно отсюда, Алексѣевская крѣпость, была уже почти заброшена: въ ней оставалось еще нѣсколько магазиновъ; нынѣ виднѣются только земляныя ямы, по всей вѣроятности, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были погреба и магазины.

[11]) Любопытно, что и рѣки были укрѣпляемы палисадами, т. е. сваями; и это, конечно, потому что черезъ нихъ татары легко находили себѣ броды.

[12]) Слободская крѣпость, какъ видно отсюда, не была еще совсѣмъ оставлена: здѣсь жилъ священникъ да нѣсколько отставныхъ солдатъ.

[13]) Интересно это описаніе заброшенной Петровской крѣпости. На сооруженіе ея и вообще Украинской линіи было потрачено множество средствъ и труда; теперь, очутившись въ центрѣ заселеннаго края, всѣ эти крѣпости, редуты и реданы потеряли всякое стратегическое значеніе: ихъ забросили и даже не хотѣли поправить, чтобъ занять подъ магазины или продать по дешевой цѣнѣ на сломъ.

[14]) Названіе Новороссійской губерніи мы встрѣчаемъ впервые въ указѣ отъ 22 марта 1764 г. Такъ стала именоваться область, заключавшая въ себѣ первоначально Новосербскій корпусъ и селенія отъ верховьевъ р. Ингула до устья р. Синюхи съ запада и по шанцъ Мишуринъ Рогъ на р. Днѣпрѣ съ востока; сюда же указами 11 іюня и 22 іюля 1764 г. была присоединена Славяносербія, Украинская линія и нѣкоторыя другія селенія, получившія общее названіе Екатерининской провинціи. Въ 1773 г. Новороссійская губернія состояла изъ 3-хъ провинцій—Екатерининской (съ 55780 душъ), Елисаветградской (съ 42085 душъ) и Бахмутской (съ 25863 душъ), въ коихъ числилось всего 123748 душъ обоего пола. (А. А. Скальковскаго. Хрон. обозр. I, 63—64, 90).

[15]) Описаніе двухъ каменныхъ бабъ, найденныхъ Гильденштедтомъ внутри Петровской крѣпости, у воротъ ея, очень интересно; но филологическія соображенія его о происхожденіи названія рѣки Береки (отъ названія бабъ-„бей", что значитъ князь), конечно, критики не выдерживаютъ.

[16]) Объ этихъ валахъ и рвахъ, служившихъ границею Запорожья съ Изюмской провинціей, говорятъ и документы, которыми пользовался А. Л. Шимановъ. По мнѣнію Запорожцевъ, граница ихъ должна была проходить недалеко отъ Изюма по самый *Косоговъ валъ*. Барвенково (Барвинкова стинка), какъ видно оттуда, была основана запорожскимъ полковникомъ Гараджей, который имѣлъ здѣсь свою паланку; сопоставленіе Гильденштедтомъ малороссійскаго слова „паланка" съ татарскимъ „каланча" болѣе чѣмъ сомнительно.

[17]) Въ 1765 г. слободскіе казачьи полки были преобразованы и переименованы въ гусарскіе; въ составъ ихъ вошли слободской гусарскій (существовавшій раньше) и по два эскадрона изъ чернаго, молдавскаго и грузинскаго гусарскихъ полковъ; недостающее число было дополнено наборомъ изъ войсковыхъ обывателей и вербовкою изъ владѣльческихъ подданныхъ (см. П. Головинскаго. Слободскіе казачьи полки. СПБ. 1864, стр. 203—205).

[18]) Я лично посѣтилъ эти мѣста лѣтомъ 1889 г. и могу сообщить слѣдующее: Въ памяти народной до сихъ поръ сохранилась поговорка, свидѣтельствующая объ опасностяхъ, которыя испытывали въ этихъ мѣстахъ проѣзжіе. „Гола долына, Гостра могыла, Теплинскій лисъ, де бере чумакивъ бисъ". „Гостра могыла" представляетъ изъ себя высокій земляной шпиль, расположенный на большомъ городищѣ; городище лежитъ на крутомъ, возвышенномъ берегу Донца; самая же могила высоко поднимается надъ всею окружающею мѣстностью, вполнѣ господствуетъ надъ нею; отсюда, какъ нельзя лучше, можно было слѣдить за проѣзжающими по шляхамъ чумаками. Берегъ Донца здѣсь очень крутой и обрывистый. Мѣловыя породы обнажены и представляютъ изъ себя такіе утесы, какъ и въ Святыхъ Горахъ. На одномъ изъ этихъ мѣловыхъ утесовъ на высотѣ не менѣе сажени видиѣется отверстіе, ведущее въ пещеру. Пещера хорошо сохранилась. Недалеко по-

казываютъ остатки другихъ пещеръ, выкопанныхъ уже въ землѣ. Весьма вѣроятно, что въ нихъ дѣйствительно прятались запорожскіе „харцызы".

[19]) Интересно, что монастырскія укрѣпленія сохранились до времени Гильденштедта. Уже въ силу своихъ топограграфическихъ особенностей Святогорскій монастырь представлялъ прекрасный укрѣпленный пунктъ; такимъ значеніемъ онъ пользовался въ продолженіе всего XVII и первой половины XVIII вѣка. Находясь за чертою русскихъ поселеній, онъ въ первое время испыталъ страшныя опасности отъ татаръ; не разъ настоятели и монахи его попадали въ плѣнъ къ крымцамъ и томились въ тяжкой бусурманской неволѣ. (См. объ этомъ Филарета „Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи", I, стр. 143—190 и мои „Очерки изъ исторіи колонизаціи", стр. 508—515).

[20]) Это свидѣтельство о постройкѣ въ Святыхъ Горахъ монастыря, окруженнаго стѣнами, Харьковскимъ полковникомъ Ѳедоромъ Шидловскимъ-ново и любопытно (мы увѣрены, что вмѣсто Шиповскаго нужно читать Шидловскій; Шиповскаго не было, а былъ только Харьковскій полковникъ Шидловскій).

[21]) Маяки тогда считались еще городкомъ, конечно, потому, что имѣли укрѣпленія, состоявшія изъ рва и частокола.

[22]) Въ настоящее время эти озера называются иначе; главнѣйшія изъ нихъ будутъ: Репное, Вейсово и Слѣпное; остальныя менѣе значительны; о нихъ имѣются работы г.г. Гордѣенка, Курдюмова, Коссовскаго и др.

[23]) Первыя извѣстія объ укрѣпленіяхъ соловаренъ относятся еще къ XVII в. (См. объ этомъ мои „Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта, I).

[24]) Валъ этотъ дѣйствительно можетъ быть названъ *Косоговымъ*, по имени боярина Косогова, который въ 1680 году и послѣдующихъ годахъ (а можетъ быть и нѣсколько раньше) занимался его постройкою. Лѣтописецъ Величко подъ 1680-мъ годомъ передаетъ, что „по указу государскомъ енералъ и воевода Григорій Ивановичъ Косоговъ, почавши отъ городовъ Слободскихъ ажъ до Днѣпра по надъ Берестовою, мѣрилъ поле на версты, волочачи колоду". Результатемъ его измѣреній былъ чертежъ этого края; „новая черта" должна была служить продолженіемъ стараго (Перекопскаго) вала. Въ составъ ея входили: Царебарисовка, Савинскъ, Балаклѣя, Лиманъ, Бишкинъ, Зміевъ, Соколовъ, Водолаги, Валки, Новый Перекопъ, Ольшаное, Золочевъ. Напечатанныя мною „Описныя и мѣрныя книги новой черты" свидѣтельствуютъ о томъ, что ген. Косоговъ чрезвычайно внимательно изучилъ эту мѣстность и ея стратегическое значеніе. Подробности объ этомъ всемъ можно прочитать въ моихъ „Очеркахъ изъ исторіи колонизаціи и быта", I, стр. 485—489.

[25]) Здѣсь у Гильденштедта, повидимому, неточность. По крайней мѣрѣ изъ наказовъ Слободско-Украинскаго дворянства въ Екатерининскую коммиссію видно, что оно должно было довольствоваться одной Бахмутскою (а не Эльтонскою) солью; прямого запрещенія не было, что же касается Эльтонской соли, то о ввозѣ ея въ Слободско Укр. губ. дворяне выражали ходатайство въ 1767 г. (См. Сбор. И. Р. И. Общ., т. 68-й стр. 190, 266); быть можетъ, впрочемъ, ходатайство ихъ къ этому времени было уважено.

[26]) Всѣ эти поселенія находятся въ нынѣшнемъ Старобѣльскомъ уѣздѣ. Райгородка называется теперь еще иначе Ендилова (См. Списки нас. мѣстн. Харьк. губ., стр. 156). Другое селеніе Райгородка находится нынѣ недалеко отъ впаденія Торца въ Донецъ (въ Изюм. у.), прежде же лежало у самаго устья (См. Филарета—Ист. Стат. Опис. Харьк. еп., V, стр. 161). Теперь Царебарисовки

въ Старобѣльскомъ уѣздѣ нѣтъ; но названіе ея отчасти сохранилось въ дер. Царевкѣ; другое названіе ея—Петропавловка (на лѣвомъ берегу Айдара). Царебрисовка свое названіе получила въ честь изюмскаго Цареборисова.

[27]) Теперь эти слободы находятся въ Старобѣльскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи.

[28]) Вѣроятно, это названіе нѣсколько искажено Гильденштедтомъ; нужно думать, что это былъ Попасный буеракъ (отъ малороссійскаго слова попасть—пастбище).

[29]) Указаніе на присутствіе въ здѣшней рудѣ серебра очень любопытно; какъ извѣстно, до сихъ поръ тщетно его разыскиваютъ въ горнопромышленномъ районѣ Екатеринославской губерніи. Извѣстіе Гильденштедта подтверждается однимъ консисторскимъ документомъ, приведеннымъ пр. Филаретомъ. Въ 1745 г. (т. е. именно лѣтъ 30 назадъ) Бѣлгородскіе купцы и свинцовыхъ заводовъ компанейщики просили о постройкѣ храма въ устроенной ими слободкѣ Свинцовыхъ заводахъ. (Филарета. Истор. стат. опис. Харьковской еп., V, 302).

[30]) Это свѣдѣніе Гильденштедта о повинностяхъ владѣльческихъ подданныхъ, т. е. крѣпостныхъ крестьянъ, въ Слободской Украйнѣ весьма важно. Оказывается, что барщина тогда (въ 1774 г.) равнялась всего двумъ днямъ въ недѣлю.

[31]) Нѣтъ сомнѣнія, что самая старая, первая крѣпость Цареборисова была построена при Борисѣ Годуновѣ и названа такъ по его имени. Объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ найденный мною наказъ строителю ея Богдану Бѣльскому и Сем. Алферову (см. мои „Матеріалы" I, стр. 5—13). Подробная исторія построенія Цареборисова разсказана въ моихъ „Очеркахъ", (I, стр. 42—51).

[32]) Планъ Изюмской крѣпости конца 60-хъ годовъ XVIII вѣка сохранился въ дѣлахъ Харьковскаго Историческаго архива (см. объ этомъ предисловіе ко 2-му тому моихъ „Матеріаловъ").

[33]) Куликовскимъ принадлежали обширныя имѣнія въ Слободской Украйнѣ. Родоначальникомъ ихъ былъ молдавскій выходецъ Прокофій Куликовскій, сдѣланный за оказанныя имъ Петру Вел. услуги Харьковскимъ полковникомъ. Въ честь его получила свое названіе, нужно думать, Куликовская улица въ Харьковѣ. (См. жалованную грамоту сыну его Юрію у г. Гурова, стр. 559—601).

[34]) Дополнительныя свѣдѣнія о Водолагахъ можно найти въ Описаніи городовъ Азовской губерніи, помѣщенномъ въ Зап. Од. общ. ист. и древностей; о развитіи здѣсь шелководства см. изданное мною „Описаніе Слободско-Украинской губ. 1802 г.", стр. 12—14.

Въ заключеніе два слова о настоящемъ отрывкѣ дневника академика Гильденштедта.

Задавшись цѣлью разыскать, комментировать и издать по возможности всѣ важнѣйшіе матеріалы по исторіи Слободской украйны, я, конечно, не могъ не обратить вниманія и на дневникъ Гильденштедта, заключающій въ себѣ много разнообразныхъ данныхъ о тѣхъ мѣстностяхъ, черезъ которыя онъ проѣзжалъ. Я отмѣтилъ извѣстія, относящіяся къ территоріи нынѣшней Харьковской губ. и предложилъ перевести ихъ г-жѣ М. Н. Салтыковой. Г-жа Салтыкова не только сдѣлала переводъ, но и составила предисловіе и карту пути Гильденштедта по Харьковской губерніи. Лекторъ нѣмецкаго языка при Харьковскомъ университетѣ г. Г. Ю. Ирмеръ принялъ на себя трудъ просмотрѣть переводъ, за что мы съ переводчицей и выражаемъ ему полную признательность.

ОЧЕРКИ РАСТИТЕЛЬНОСТИ

ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ И СОСѢДНИХЪ СЪ НЕЮ МѢСТНОСТЕЙ.

Л. О. Павловича.

(Продолженіе *).

Подклассъ II. Чашецвѣтныя, Calicyflorae.

Лепестки обыкновенно свободные, тычинки кругомъ пестика или надъ нимъ.

Семейство 23-е. Бересклетовыя, Celastrineae.

Кустарники средняго роста съ цѣльными листьями, мало-замѣтными зеленоватыми цвѣтками и красноватыми при созрѣваніи коробочками.

Бересклетъ, Evonymus. Чашечка 4-лопастная, лепестковъ и тычинокъ по 4; плодъ—коробочка съ 4-мя выдавшимися тупыми ребрами. Коробочка эта растрескивается при созрѣваніи на 4 камеры, въ каждой камерѣ по одному черному блестящему сѣмени, окруженному красною мякотью. У насъ два вида: *Б. обыкновенный*, E. europeus L., имѣетъ вѣтки гладкія, листья продолговатые, мелко-пильчатые; мякоть около сѣмянъ оранжевую, и *Б. бородавчатый*, E. verrucosus, L., называемый въ народѣ *Бруслиною*, съ вѣтками, покрытыми густо черными бугорками, листьями округленными и кровьяно-красною мякотью сѣмянъ. Оба кустарника встрѣчаются часто въ зарослях, по опушкамъ лѣсовъ и въ садахъ; цвѣтутъ въ маѣ до іюня, одновременно. Плоды имѣютъ сильное слабительное дѣйствіе, истолченные въ порошекъ употребляются при нѣкоторыхъ заразныхъ болѣзняхъ у домашнихъ животныхъ. Мелко-слойная желтоватая древесина доставляетъ лучшій матеріалъ для сапожныхъ гвоздей, зубочистокъ и т. п.; для столярныхъ подѣлокъ вѣтви не имѣютъ достаточной толщины.

Семейство 24-е. Крушиновыя Rhamneae.

Небольшіе деревья или кустарники съ цѣльными листьями, малыми зелеными цвѣтками, сидящими обыкновенно пучками въ пазухахъ листьевъ и костянковыми плодами.

*) См. „Харьковскій Сборникъ“ вып. 4-й. 1890 г.

Крушина. Rhamnus. Два вида крушины, легко различаемые, встрѣчаются у насъ часто въ черныхъ лѣсахъ, въ кустарникахъ и въ садахъ: *К. ломкая*, R. Frangula, L., высокій кустарникъ съ вѣтками спирально-расположенными, покрытыми темною корою, испещренною бѣлыми крапинками, имѣетъ листья широкіе, тупые, цѣльно-крайніе, цвѣтки обое-полые, зеленоватые, по 2—3 въ пазухахъ листьевъ; зубцовъ чашечки и тычинокъ по 5-ти; плоды въ горошину величины темно-красные, впослѣдствіи черные.—*К. обыкновенная* или *Жестеръ*, R. cathartica, L. Кустарники или небольшія деревья съ супротивными вѣтками, изъ коихъ меньшія часто заканчиваются колючкою, листья яйцевидны, или овальные, заостренные, по краямъ мелко-пильчатые; цвѣтки раздѣльно-полые, очень малые, расположенные густыми пучками въ пазухахъ листьевъ; зубцевъ чашечки и тычинокъ по 4; плодъ—черная ягода. Оба вида крушины цвѣтутъ въ маѣ, плоды созрѣваютъ въ сентябрѣ. Плоды и заболонь жестера сильно слабительны, употребляются въ медицинѣ и особенно въ ветеринаріи. Изъ ягодъ приготовляютъ зеленую краску—Vert de Vessie и сиропъ—Baccae Spinae Cervinae—изъ коры желтую и черную краску.

Семейство 25-е. Сумаховыя. Anacardiaceae.

Деревья или кустарники съ простыми или сложными листьями и маленькими цвѣтками въ густомъ сложномъ соцвѣтіи.

Сумахъ. Rhus. У насъ одинъ только видъ, *С. обыкновенный*, R. Cotinus, L., или Рай-дерево, встрѣчается, по свидѣтельству проф. Чернлева, дикорастущимъ на мѣловыхъ кряжахъ по Донцу, мнѣ однакожъ оно не попадалось. Въ садахъ и паркахъ, напротивъ, его нерѣдко разводятъ ради оригинальныхъ соцвѣтій, имѣющихъ по отцвѣтеніи видъ парика (Perücken-Baum). Рай-дерево представляетъ кустарникъ высотою въ сажень, съ простыми цѣльно-крайними, обратно-яйцевидными листьями и мелкими зеленоватыми цвѣтками. Сокъ этого кустарника ядовитъ, желтая древесина употребляется для дубленія и окрашиванія въ желтый цвѣтъ сафьяна; а корень даетъ красную краску. *С. уксусный, уксусное дерево*, R. typhyna, L. высотою отъ 2 до 3 саженъ, съ перистыми листьями и желтовато-зелеными крошечными цвѣтками въ густыхъ кистяхъ. Происходитъ изъ Канады и часто разводится у насъ въ паркахъ, какъ украшающее растеніе. Оно отлично выдерживаетъ суровыя зимы и имѣетъ сокъ острый, подозрительныхъ свойствъ. Кора употребляется для дубленія кожъ, а изъ кислыхъ ягодокъ можно приготовлять прохладительный напитокъ въ родѣ лимонада.

Семейство 26-е. Мотыльковыя. Papilionaceae.

Это богатое родами и видами семейство составляетъ отдѣлъ отряда **Бобовыхъ**, Leguminosae и имѣетъ представителями у насъ деревья, кустарники и травы. Всѣ мотыльковыя не трудно узнать по цвѣткамъ,

имѣющимъ нѣкоторое сходство съ бабочками (papilio), откуда и название. Такой цвѣтокъ состоитъ изъ сростнолистной чашечки съ 5, или меньше зубчиками и 5 различной формы лепестковъ. Верхній, б. ч. наибольшій бываетъ отогнутъ вверхъ и называется „парусомъ", два боковые называютъ „крылушками", два нижніе, сросшіеся краями пластинокъ, образуютъ „лодочку"; ноготки всѣхъ лепестковъ—свободны. Тычинокъ 10; онѣ сростаются нитями или въ одинъ пучекъ (однобратство), или 9 изъ нихъ сростаются нитями, а одна остается свободною (двубратство). Плодникъ одногнѣздный съ 1-мъ столбикомъ и рыльцемъ и однимъ или многими сѣмяночками, прикрѣпленными къ верхнему шву. Плодъ стручковатый (бобъ, бобовина) разверзающійся въ зрѣлости двумя створками, рѣдко плодъ—неразверзающійся или распадающійся на поперечные членики.

Обширное это семейство, распространенное почти по всему земному шару, содержитъ много весьма полезныхъ растеній; доставляющихъ питательныя вещества для людей и отличный кормъ для домашнихъ животныхъ. Многіе иностранные роды и виды этихъ растеній разводятся у насъ на поляхъ и въ садахъ ради питательныхъ продуктовъ, доставляемыхъ ими, или же за красоту цвѣтковъ, какъ украшающія растенія.

По формѣ плодовъ мы подраздѣлимъ роды этихъ растеній на 4 слѣдующихъ группы:

А. Плодъ (бобовина) одногнѣздный, или чрезъ вдавленіе нижняго шва почти двугнѣздный, многосѣмянный.

Дрокъ. Genista. Маленькій кустарникъ, коего одинъ видъ, *Д. красильный* G. tinctoria L. встрѣчается у насъ часто на степяхъ, въ кустарникахъ и по окраинамъ полей. Дрокъ имѣетъ короткій деревянистый стебель, лежащій въ землѣ и пускающій вверхъ зеленыя вѣтки. Онъ легко отличается отъ всѣхъ другихъ мотыльковыхъ по простымъ, ланцетнымъ листьямъ, густо покрывающимъ вѣтки и по желтымъ, довольно крупнымъ цвѣткамъ, расположеннымъ густыми гроздами на концахъ вѣтокъ. Дрокъ цвѣтетъ, начиная съ іюня, долго. Цвѣтки даютъ желтую, прочную краску, употребляемую въ народѣ для окраски тесьмы и лентъ; пчелы находятъ въ нихъ хорошій взятокъ. Листья охотно поѣдаются овцами и козами, но придаютъ горечь молоку дойныхъ коровъ.

Рокитникъ, Cytisus, легко отличается отъ дрока тройчатыми листьями, покрытыми волосками и оттопыреннымъ парусомъ цвѣтковъ. Это небольшіе кустарники съ желтыми цвѣтками. Три вида рокитника у насъ обыкновенны въ кустарникахъ, лѣсахъ, по обрывамъ овраговъ *Р. австрійскій*, C. austriacus L., отличается цвѣтками, расположенными головкою на концахъ укороченныхъ вѣтокъ; зацвѣтаетъ позже другихъ, въ іюнѣ.—*Р. двуцвѣтковый*, C. biflorus. (C. Ratisbonensis, Schaeff.), цвѣтки б. ч. попарно въ пазухахъ листьевъ образуютъ удлиненные грозды, цвѣтетъ съ апрѣля по іюнь.—*Р. вытянутый*, C. elongatus, W. et Kit., въ народѣ „Степная зиновать",

представляетъ какъ бывидоизмѣненіе предыдущаго, но вѣтки его длиннѣе и цвѣтки болѣе сближены, по 2 и нерѣдко по 3 въ пазухахъ листьевъ; кромѣ того онъ зацвѣтаетъ нѣсколько позже предыдущаго—въ половинѣ мая, на видъ онъ сѣдой отъ шелковистыхъ волосковъ, густо покрывающихъ листья и стебли.—Всѣ виды ракитника содержатъ въ сѣменахъ своихъ алколоидъ „цитизинъ", вызывающій рвоту и поносъ, а потому принадлежатъ къ немногимъ ядовитымъ растеніямъ этого семейства. Скотъ ихъ не ѣстъ.

Зольникъ. Anthyllis. У насъ одинъ только видъ: *З. обыкновенный* A. vulneraria. L., встрѣчается довольно часто на сухихъ лугахъ и особенно по мергельнымъ обрывамъ. Листья непарно-перистые, оконечный листокъ больше; цвѣтки золотисто-желтые, въ головкахъ на концахъ вѣтокъ, съ однимъ пальчато-разсѣченнымъ прицвѣтникомъ внизу; чашечка косматая, раздутая; бобъ малый съ 2—3-мя сѣменами. Цвѣтетъ въ началѣ лѣта.—Нѣкогда извѣстное цѣлебное растеніе, отваръ котораго употреблялся для заживленія ранъ, нынѣ не употребляется вовсе въ медицинѣ, а представляетъ хорошее кормовое растеніе. Въ послѣднее время за-границею неоднократно пробовали засѣвать его на тощихъ мергелистыхъ почвахъ, гдѣ растетъ успѣшно, хорошо переноситъ засуху, но укосы даетъ небольшіе.

Люцерна. Medicago. Растенія травянистыя съ тройчатыми листьями, коихъ листочки пильчато-зазубрены; цвѣтки малые въ продолговатыхъ головкахъ, стручки сильно-изогнутые или спирально-завитые, неразверзающіеся.—Только два дикорастущихъ вида съ желтыми цвѣтками встрѣчаются у насъ повсемѣстно: *Л. шведская*, M. falcata. L. иначе называемая *Юморкою, Медункою*, растетъ большими кустами съ распростертыми и приподнимающимися стеблями, на степяхъ, по межамъ, на сухихъ лугахъ, по окраинамъ дорогъ. Это многолѣтнее растеніе, сильно вкореняющееся, коего стебли подъ старость деревенѣютъ. Листочки тройчатыхъ листьевъ обратно-яйцевидные или продолговатые, пильчатые, на верху выемчатые и съ маленькою остью; цвѣтки желтые въ пазушныхъ головчатыхъ гроздахъ; стручки длиннѣе чашечки, серповидно-изогнутые.—Хорошее, питательное кормовое растеніе, особенно молодые листья и побѣги. Отлично переноситъ засуху и цвѣтетъ съ іюня до сентября. Неоднократно рекомендовано для посѣва на поляхъ, но опыты въ большихъ размѣрахъ до сихъ поръ не были сдѣланы.—*Л. хмълевидная*, M. lupulina. L. встрѣчается тоже очень часто по лугамъ и на возвышенныхъ мѣстахъ въ травѣ. Нѣжное однолѣтнее растеніе съ маленькими желтыми цвѣтками въ головкахъ; стручекъ завитый спирально и по этому признаку легко отличить его отъ другихъ нашихъ мотыльковыхъ. Кормъ нѣжный, вкусный, но не обильный.—Къ этому роду принадлежитъ и извѣстное съ глубокой древности кормовое растеніе: *Л. посѣвная*, M. sativa. L. засѣваемая у насъ нерѣдко на поляхъ, но не въ большихъ размѣрахъ. По наружности она имѣетъ большое сходство съ юморкою, но стебли у нея травянистые, сочные, прямые, листья крупнѣе и цвѣтки лило-

вые въ болѣе удлиненныхъ пазушныхъ гроздахъ. Люцерна даетъ превосходный обильный и питательный кормъ, какъ въ свѣжемъ, такъ и въ сухомъ видѣ. Нашъ климатъ, не смотря на частыя засухи, очень благопріятенъ для разведенія люцерны, но особенно богатая черноземная почва, при соотвѣтственномъ выборѣ мѣста, можетъ вполнѣ обезпечить ея урожаи. Единственнымъ препятствіемъ, какъ мнѣ кажется, для болѣе обширнаго распространенія культуры ея въ нашей мѣстности, служатъ зимнія стужи на голую землю, которыхъ люцерна не выдерживаетъ.

Донникъ (Буркунъ) Melilotus. Высокія травы съ тройчатыми листьями на длинныхъ черешкахъ и мелкими цвѣтками въ удлиненныхъ, пазушныхъ гроздахъ; вѣнчикъ опадающій, стручки короткіе. Всѣ донники—питательныя кормовыя травы, но по причинѣ горькаго вкуса и довольно сильнаго запаха въ свѣжемъ видѣ не охотно поѣдаются скотомъ, въ смѣси же съ другими травами они придаютъ сѣну ароматъ и горечь, способствующую пищеваренію. У насъ 5 видовъ донника, различить который не трудно. Съ желтыми висячими цвѣтками: *Д. лекарственный*, M. officinalis, Lam. принадлежитъ къ самымъ обыкновеннымъ и встрѣчается въ большомъ количествѣ въ дровыхъ хлѣбахъ, по окраинамъ полей и на лугахъ. Онъ достигаетъ 4—5 ф. высоты, имѣетъ прилистники узкіе, шиловидные и цвѣтки свисшіе, въ коихъ парусъ, крылушки и лодочка, почти равнодлинны. Д. этотъ имѣетъ сильный запахъ; листья и цвѣтки его, истертые въ порошокъ употребляются въ аптекахъ для приготовленія мягчительнаго пластыря (Emplastrum meliloti). Не смотря на сильную душистость, растеніе это воздѣлывается однакожъ въ Англіи на тощихъ поляхъ для корма лошадей.—Очень сходенъ съ нимъ по наружному виду и свойствамъ *Д. полевой*, M. arvensis, Wallr. (M. Petit-pierrana, W.), но ниже ростомъ предыдущаго имѣетъ тоже желтые цвѣтки, въ коихъ однакожъ крылушки длиннѣе лодочки и почти равны парусу.—Гораздо рѣже и то б. ч. на влажныхъ, солонцеватыхъ лугахъ, растетъ *Д. зубчатый*, M. dentata, Pers. отличающійся тѣмъ, что прилистники у него расширены при основаніи и съ зубчатыми краями.—Съ бѣлыми цвѣтками растетъ у насъ одинъ только видъ: *Д. бѣлый* M. alba. Lam. на сухихъ лугахъ и по берегамъ рѣкъ. Онъ выше ростомъ предыдущихъ, достигаетъ 6 ф. и не такъ душистъ. Въ концѣ 20-хъ годовъ въ Германіи усиленно рекомендовали это растеніе для посѣва на тощихъ почвахъ, гдѣ оно будто бы могло давать удивительные урожаи (Wunderklee), въ замѣнъ люцерны, требующей сильной почвы. Но опытъ далеко не оправдалъ этой рекламы.—Рѣдко встрѣчается у насъ *Д. голубой*, M. Coerulea, Lam. называемый въ народѣ „Гуньбою". По голубымъ, довольно крупнымъ цвѣткамъ, соединеннымъ въ короткіе грозды, его легко узнать даже издали. Гуньба имѣетъ сильный запахъ, острый вкусъ и, вѣроятно, небезопасна какъ кормъ для домашнихъ животныхъ. Въ Швейцаріи воздѣлываютъ ее на поляхъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ приготовляютъ зеленый сыръ (шабёръ). Траву сушатъ, растираютъ въ порошокъ и, смѣшавъ съ тощимъ творогомъ, плотно наби-

ваютъ въ коническія деревянныя формы. Отъ примѣси этого порошка сыръ получаетъ зеленоватый цвѣтъ и острый вкусъ и запахъ.

Клеверъ. Trifolium. Растенія этого богатаго видами рода легко отличаются отъ другихъ мотыльковыхъ, мелкими цвѣтками соединенными въ шаровидныя головки; въ цвѣткахъ вѣнчикъ, сросшійся съ тычинками, увядаетъ, но не отпадаетъ; стручки короткіе съ 1—2 сѣменами. У всѣхъ клеверовъ листья тройчатые съ прилистниками.— Всѣ почти виды клевера принадлежатъ къ хорошимъ кормовымъ растеніямъ, нѣкоторые изъ нихъ доставляютъ кормъ превосходный и издавна для этой цѣли воздѣлываются на поляхъ или засѣваются на искусственныхъ лугахъ. По окраскѣ цвѣтковъ, формѣ прилистниковъ и другимъ признакамъ, виды клевера не трудно отличать между собою. Въ нашей флорѣ ихъ слишкомъ 13. Укажемъ на главнѣйшіе изъ нихъ.

Клевера съ красными или блѣдно-розовыми цвѣтками: *К. луговой, Дятловина, Красная кашка*, T. pratense L. по кормовымъ достоинствамъ первоклассное растеніе; растетъ на сухихъ и влажныхъ лугахъ, на межахъ по окраинамъ дорогъ, въ садахъ и огородахъ. Принадлежитъ къ самымъ обыкновеннымъ растеніямъ и отличается округленными листочками, широкими перепончатыми прилистниками, съуживающимися на верху въ остріе. Головки круглыя, б. ч. по двѣ на короткихъ ножкахъ, стебли внизу прилегающіе. Многолѣтнее растеніе, коего видоизмѣненіе *К. посѣвный*, T. pratense var. sativum, давно извѣстно въ культурѣ. Культурная форма во всѣхъ частяхъ гораздо крупнѣе дикорастущей, имѣетъ гладкіе дутчатые (полые) стебли и головки немного удлиненныя; засѣвается у насъ во многихъ хозяйствахъ; но по причинѣ сухого климата не даетъ такихъ обильныхъ укосовъ какъ въ средней Россіи и особенно заграницею. Посѣвный клеверъ требуетъ сильной и свѣжей почвы, поэтому удается лучше на низменныхъ мѣстахъ, но и тамъ не держится въ силѣ болѣе 3 лѣтъ, и только спустя нѣсколько лѣтъ можетъ возвращаться на тоже поле. Очень сходный съ предыдущимъ *К. лѣсной*, T. medium L., встрѣчается у насъ часто по опушкамъ лѣснымъ и въ садахъ. Онъ отличается отъ перваго одиночными крупными головками, стеблемъ колѣнчато изогнутымъ, узкими прилистниками и листочками продолговатыми. По кормовому достоинству К. л. не уступаетъ луговому, но для посѣва не употребляется, такъ какъ на открытыхъ мѣстахъ не удается.—*К. степной*, T. alpestre L., тоже встрѣчается у насъ часто, на сухихъ мѣстахъ, въ кустарникахъ на склонахъ суходоли и рѣже на открытыхъ степяхъ. К. с. имѣетъ стебли прямостоячіе, прилистники узкіе, листочки продолговатые и темно-красныя (пурпуровыя) головки, б. ч. по двѣ. Хорошее кормовое растеніе въ зеленомъ видѣ и въ сѣнѣ.

Слѣдующіе 2 вида клевера имѣютъ цвѣтки блѣдно-розовые и круглыя головки на длинныхъ ножкахъ; стебли у нихъ прилегающіе, листочки округленные: *К. шведскій*, T. hybridum, L. встрѣчается у насъ не рѣдко; растетъ по низменнымъ берегамъ рѣкъ, на иловатыхъ наносахъ по окраинамъ канавъ и прудовъ, рѣже на лугахъ. Въ сред-

ней Россіи, въ климатѣ болѣе влажномъ, клеверъ этотъ сѣютъ съ успѣхомъ на поляхъ, но въ смѣси съ другими травами.—*К. земляничный*, T. fragiferum. L. растетъ только на влажныхъ болотистыхъ лугахъ. Онъ, во время цвѣтенія, имѣетъ нѣкоторое сходство съ предыдущимъ, но стебли у него лежачіе и вкореняющіеся, а въ зрѣлости перепончатыя, чашечки цвѣтковъ раздуваются и цѣлая головка получаетъ сходство съ плодомъ крупной клубники или земляники. Это растеніе обильно произростающее на равнинахъ Греціи и Италіи уже во времена Гомера извѣстно было, какъ отличное пастбищное растеніе для лошадей. Оно и у насъ сохраняетъ это достоинство и цвѣтетъ все лѣто до поздней осени—*К. полевой*, „Котики" T. arvense. L. имѣетъ тоже блѣдно-розовые, но едва замѣтные вѣнчики и въ Германіи на пастбищахъ считается тоже порядочнымъ кормовымъ растеніемъ У насъ-же въ сухомъ климатѣ, оно принадлежитъ къ сорнымъ растеніямъ на легкихъ почвахъ, гдѣ появляется часто въ большомъ изобиліи. Это небольшое, тощее, однолѣтнее растеніе имѣетъ тонкіе, сухіе, стебли и маленкіе листья. Узнать его очень легко по пушистымъ головкамъ отъ длинныхъ зубчиковъ чашечки, покрытыхъ волосками. Какъ всякая сорная трава К. п. разсѣменяется самъ собою.

Клевера съ бѣлыми цвѣтками представляютъ у насъ два вида: *К. нагорный, коновникъ*, T. montanum. L. встрѣчающійся у насъ очень часто на сухихъ, возвышенныхъ травянистыхъ мѣстахъ и на степяхъ. Это довольно крупное растеніе до 1½ ф. высоты имѣетъ прямые стебли и продолговато-ланцетные мелко-пильчатые листочки, головки круглыя, впослѣдствіи овальныя, оконечныя и пазушныя. Стебель и листья покрыты нѣжными шелковистыми волосками. К. н. доставляетъ хорошій питательный кормъ, хорошо переноситъ засуху и въ сѣнѣ указываетъ на хорошее его достоинство—*К. бѣлый*, T. repens L., растущій повсюду на лугахъ и пастбищахъ, имѣетъ стебель ползучій, вкореняющійся, головки на длинныхъ ножкахъ, листочки обратно-сердцевидные, мелко-пильчатые, голые. Низкорослый съ нѣжными стеблями и листьями доставляетъ превосходный и скоро возобновляющійся зеленый кормъ. На искусственныхъ лугахъ и пастбищахъ его охотно засѣваютъ въ смѣшеніи съ другими кормовыми травами, для которыхъ онъ составляетъ желательный подсѣдъ.

Клевера съ желтыми цвѣтками у насъ тоже не рѣдки, но въ кормовомъ отношеніи они не имѣютъ особаго значенія, такъ какъ они довольно тощи, сухи и не растутъ обильно. Чаще другихъ попадается *К. золотистый*, T. agrarium L (T. aureum. Pollich) небольшое сильно развѣтвленное растеніе со многими золотисто-желтыми головками. Онъ растетъ преимущественно по опушкамъ лѣснымъ, гдѣ достигаетъ иногда до 1½ ф. высоты. Напротивъ *К. стелющійся*, T. procumbens L. и очень сходный съ нимъ *К. нитевидный* T. filiforme L. представляютъ небольшія однолѣтнія растеньица, прилегающія къ землѣ съ мелкими листочками. Они встрѣчаются только на легкихъ почвахъ на супескахъ и б. ч. на открытыхъ мѣстахъ по окраинамъ полей и на поляхъ, не рѣдко и въ хлѣбахъ.—*К. бурый*,

T. spadiceum L. однолѣтнее растеньице съ оранжевыми продолговатыми впослѣдствіи бурѣющими головками, растетъ въ травѣ на свѣжихъ лугахъ, но попадается у насъ довольно рѣдко.

Всѣ клевера принадлежатъ къ хорошимъ медоноснымъ растеніямъ, особенно тѣ виды, у коихъ стебли сочные и головки крупныя, поэтому пасѣчникъ охотно ихъ видитъ на сосѣднихъ лугахъ и степяхъ, а посѣвъ ихъ, хотя бы въ небольшихъ размѣрахъ возлѣ пасѣки, можетъ оказать выгодное вліяніе на количество и качество меда.

Лядвенецъ Lotus. Самый обыкновенный видъ этого рода: *Л. рожковидный*, L. corniculatus. L.—небольшое травянистое, б. ч. распростертое по землѣ растеніе, встрѣчается у насъ повсюду на лугахъ, пастбищахъ, поляхъ, по межамъ и принадлежитъ къ лучшимъ кормовымъ травамъ по мягкости и сочности стеблей и листьевъ. Особенно на пастбищахъ оно очень желательно, такъ какъ цвѣтетъ продолжительно и объѣдаемое животными, постоянно пускаетъ новые побѣги. Лядвенецъ р. узнать легко по довольно крупнымъ цвѣткамъ отъ 2 до 5, образующимъ зонтикъ; парусъ и часто и крылушки этихъ цвѣтковъ б. ч. бываютъ окрашены снаружи въ кирпично-красный цвѣтъ; бобовинки длинныя, при созрѣваніи трескаются и почернѣвшія ихъ створки закручиваются локонами. Видъ этотъ довольно измѣнчивъ какъ относительно величины, такъ и относительно формы листочковъ, которые бываютъ или яйцевидные или продолговатые, иногда даже узкіе, но прилистники всегда большіе имѣютъ видъ настоящихъ листочковъ.

Робинія. Къ этому роду принадлежитъ *Бѣлая акація*, Robinia Pseudo-Acacia. L, любимое у насъ и разводимое во множествѣ въ садахъ и паркахъ дерево, съ гладкими вѣтками, перистыми листьями, колючими прилистниками и бѣлыми, душистыми цвѣтками, въ удлиненныхъ гроздахъ. Дерево это впервые привезено было изъ Виргиніи (Сѣв. Амер.) въ Парижъ садовникомъ Людовика XIII Робэномъ, отъ коего она и получила свое систематическое названіе. Еще до сихъ поръ въ парижскомъ ботаническомъ саду существуютъ экземпляры посаженные сыномъ Робэна въ 1635 г., что указываетъ на прочность и долговѣчность этого дерева, если оно разводится въ благопріятномъ климатѣ. Изъ Франціи робинія постепенно распространилась во всей южной Европѣ, а у насъ въ южной Россіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Въ нашей мѣсности робинія растетъ хорошо, отлично выдерживаетъ засуху, развивается быстро, какъ изъ сѣмянъ, такъ изъ корневыхъ отпрысковъ, достигаетъ 30—40 ф. вышины и умѣренной толщины, но на открытыхъ мѣстахъ въ суровыя безснѣжныя зимы вымерзаетъ. Хотя вымерзшія деревья б. ч. возобновляются быстро растущими корневыми отпрысками, но вымерзаніе служитъ главною причиною того, что посѣвы бѣлой акаціи при искусственномъ лѣсоразведеніи оказались у насъ, сколько мнѣ извѣстно, не удачными. Объ этомъ приходится пожалѣть, потому что дерево это имѣетъ прекрасную мелкослойную, прочную и неподвергающуюся червоточинѣ древесину, очень пригодную для столярныхъ и токарныхъ подѣлокъ. Изъ цвѣт-

ковъ б. ак. въ Молдавіи приготовляютъ прохладительный напитокъ (шербетъ), въ сѣменахъ содержится довольно много жирнаго масла и только въ корняхъ найденъ былъ химическимъ анализомъ ядовитый алколоидъ.

Другой видъ, *Робинія щетинистая* (R. hispida. L.) или *Розовая акація*, съ вѣтками, покрытыми жесткими волосками и крупными, но безъ запаха, розовыми цвѣтками, разводится у насъ тоже кое гдѣ въ садахъ и паркахъ, но невыноситъ суровыхъ зимъ и отъ времени до времени вымерзаетъ до корня, а потому небольшія деревца ея изрѣдка можно встрѣтить только въ защищенныхъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ мѣстахъ.—Еще чувствительнѣе на холодъ оказалась *Р. липкая* (R. viscosa L) съ блѣдно-розовыми цвѣтками, у коей вѣтки, чашечки и стручки покрыты железистыми волосками, выдѣляющими липкую жидкость.

Гледичія колючая, Gleditschia triacanthos. L, нѣсколько сходная по наружности, листьямъ и цвѣточнымъ кистямъ съ бѣлою акаціею, разводится у насъ кое-гдѣ въ садахъ и паркахъ. Она происходитъ изъ Канады, гораздо лучше выдерживаетъ морозы, почти не вымерзаетъ, но растетъ туго и не имѣетъ такой пріятной, тѣнистой зелени и душистыхъ цвѣтковъ, какъ бѣлая акація. Гледичія легко отличается отъ послѣдней тройчатыми, бурыми весьма твердыми колючками, сидящими въ пазухахъ листьевъ, и длинными, широкими темно-бурыми плодами (стручьями), въ зрѣлости закручивающимися въ видѣ локона.

Чилига. Caragana. Здѣсь принадлежатъ два очень обыкновенные у насъ кустарника, одинъ разводимый во множествѣ въ садахъ и паркахъ, другой—дикорастущій на степяхъ.—*Ч. древовидная* или *Желтая акація*, C. arborescens Lam. съ перистыми листьями и желтыми на длинныхъ ножкахъ цвѣтками, происходитъ изъ Сибири и разводится у насъ повсюду въ городахъ и деревняхъ въ садахъ, паркахъ, на скверахъ, образуя аллеи или живыя изгороди. Ж. акація въ видѣ большихъ кустовъ достигаетъ у насъ до 20 ф. высоты, очень сильно вкореняется, никогда не вымерзаетъ, отлично переноситъ засуху и при правильной обрѣзкѣ образуетъ очень густую и прочную изгородь. Она легко разводится черенками и отъ сѣмянъ, которыя высѣваютъ или въ парникахъ, или на паровыхъ грядкахъ; цвѣтетъ съ конца апрѣля до половины мая; сѣмена созрѣваютъ въ концѣ іюня и доставляютъ отличный кормъ для домашней птицы. Древесина этого кустарника не такъ прочна и не употребляется на столярныя подѣлки, но для топлива пригодна. Чтобы поддержать кусты Ж. ак. въ надлежащей свѣжести, необходимо отъ времени до времени сильно обрѣзывать верхушки стеблей, а старые стволы вырубать.—*Ч. кустарная*, C. frutescens. L. или *Дереза* принадлежитъ къ нашимъ степнымъ кустарникамъ. Она встрѣчается у насъ теперь гораздо рѣже, нежели прежде, на открытыхъ степяхъ, по окраинамъ овраговъ и на поляхъ, гдѣ становится весьма тягостнымъ сорнымъ растеніемъ. Дереза представляетъ небольшіе кустарники съ двупарно-перистыми листьями, снабженными колючими прилистниками и одиночными желтыми цвѣтками въ пазухахъ листьевъ. На черноземѣ и суглинкахъ она вкореняется очень

глубоко и сильно, такъ что весьма затрудняетъ паханіе и только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ обработки земледѣлецъ можетъ отъ нея отдѣлаться. Вотъ почему при увеличившихся значительно запашкахъ въ послѣднее время, дереза постепенно исчезаетъ.

Перелётъ. Oxytropis, имѣетъ у насъ представителемъ одинъ только видъ: *П. мохнатый*, въ народѣ „Соколій перелетъ", O. pilosa Dec., небольшое, травянистое растеніе, съ прямо-стоячимъ стеблемъ, пушистыми листьями и блѣдно-желтыми цвѣтками, соединенными въ густые, короткіе грозды на верху стеблей. Все растеніе покрыто густо железистыми волосками придающими ему сѣроватый, мохнатый видъ. П. м. встрѣчается у насъ изрѣдка на открытыхъ степяхъ и по склонамъ балокъ, то отдѣльно, то небольшими группами. Онъ доставляетъ хорошій, нѣжный кормъ, выноситъ засуху, но къ осени нѣжные стебли его погибаютъ; цвѣтетъ съ половины іюня.

Астрагалъ. Astragalus. Родъ этотъ легко отличается отъ другихъ мотыльковыхъ стручками, у коихъ нижній шевъ до того вдавленъ внутрь, что образуетъ продольную перегородку, раздѣляющую весь стручекъ на два гнѣзда; въ каждомъ гнѣздѣ по нѣсколько сѣмянъ; листья непарно-перистые, цвѣтки желтоватые или лиловые. Виды этого рода довольно многочисленны въ Южной Россіи. Въ украинской флорѣ ихъ около 17, а 10 изъ нихъ навѣрно встрѣчаются въ предѣлахъ Харьковской губерніи. Всѣ астрагалы представляютъ въ молодости хорошія кормовыя травы, но только нѣкоторые изъ нихъ сохраняютъ мягкость и сочность во все время существованія, большинство въ зрѣлости деревенѣютъ въ нижнихъ частяхъ и очень сильно вкореняются, отчего ихъ и не засѣваютъ на поляхъ, хотя они вообще отлично выдерживаютъ засуху. Къ самымъ обыкновеннымъ у насъ принадлежатъ слѣдующіе виды. *А. сладколистный*, A. glycyphyllos. L., встрѣчающійся часто въ кустарникахъ, по опушкамъ и дорожкамъ лѣснымъ, но не рѣдко и на открытыхъ мѣстахъ въ балкахъ и ложбинкахъ. Все растеніе голое, травянистое, свѣтло-зеленое, стебли стелющіеся, колѣнчато-изогнутые отъ 2 до 4 ф.; листочки непарно-перистыхъ листьевъ округленные; цвѣтки зеленовато-желтые, въ пазушныхъ гроздахъ, стручки длинные немного изогнутые, цвѣтетъ съ половины іюня до осени. Видъ этотъ доставляетъ очень хорошій сочный и вкусный кормъ для скота и овецъ. Корень у него сладковатый, прежде употреблялся въ аптекахъ—теперь же отваръ его употребляютъ въ народѣ отъ бѣшенства, а отваръ листьевъ пьютъ отъ накожныхъ и венерическихъ болѣзней. За сочность листьевъ неоднократно рекомендованъ для посѣва на пастбищахъ.—Рѣже встрѣчается *А. шароплодный*, A. Cicer. L. у казаковъ „Хлопунецъ", у коего стручки раздуты, мохнаты и соединены въ продолговатыя головки, сидящія на длинныхъ ножкахъ въ пазухахъ листьевъ; цвѣтки желтовато-бѣлые, листья съ 8—12 парами продолговато ланцетныхъ листочковъ, стебли приподнимающіеся, косматые отъ прилегающихъ волосковъ. Астрагалъ этотъ растетъ на сухихъ мѣстахъ, по краямъ овраговъ и канавъ и любитъ почвы плодо-

родныя съ примѣсью извести, а потому и встрѣчается чаще въ районѣ мѣловыхъ кряжей. Онъ даетъ кормъ сочный и вкусный, но не разводятъ его потому, что онъ требуетъ почвы плодородной, на которой могутъ быть съ успѣхомъ разводимы другія, лучшія кормовыя травы.—*А. эспарцетный*, A. Onobrychis. L. встрѣчается у насъ на сухихъ лугахъ и пастбищахъ, не рѣже предыдущихъ видовъ и имѣетъ по наружности и соцвѣтію большое сходство съ эспарцетомъ; листья у него съ 8—12 парами ланцетныхъ, или линейныхъ листочковъ; цвѣтки въ удлиненныхъ густыхъ гроздахъ, но не розоваго, какъ у эспарцета, а сине-лиловаго цвѣта, чѣмъ издали уже легко отличается отъ послѣдняго.—Большое сходство съ предыдущимъ имѣетъ *А. розговидный*, A., virgatus Pall., достигающій до $1^1/_2$ ф. вышины съ прямыми, деревенѣкщими при основаніи стеблями и темно-лиловыми цвѣтками, но грозды цвѣтковъ у него длиннѣе и не такъ густы, листья только съ 5—10 парами удлиненныхъ и выемчатыхъ на верхушкѣ листочковъ. Этотъ астрагалъ встрѣчается у насъ довольно часто, б. ч. на прибрежныхъ пескахъ по Осколу и Донцу; въ кормовомъ отношеніи онъ гораздо хуже другихъ, но держится хорошо и на самыхъ тощихъ почвахъ.—Гораздо рѣже у насъ встрѣчается *А. австрійскій*, A. austriacus, L. съ длинными, но рѣдкими гроздами, синевато-лиловыми цвѣтками, у коихъ лодочка желтоватая, стебли приподнимающіеся и довольно мягкіе; растетъ на возвышенныхъ мѣстахъ и на поляхъ.—Къ совсѣмъ рѣдкимъ астрагаламъ принадлежатъ: A. hypoglottis L. съ лиловыми и A. albicaulis, DC, A. dasyanthus, Pall. и др. съ желтыми цвѣтками.

В. Бобъ одногнѣздный, листья парно-перистые (Виковыя).

Горохъ. Pisum. Изъ мотыльковыхъ *Горохъ посѣвный*, или *огородный*, P. sativum, L, какъ весьма полезное яровое растеніе разводится у насъ повсѣмѣстно въ огородахъ и на поляхъ, но не въ большихъ размѣрахъ и только для мѣстнаго употребленія. Г. отличается блѣдно-зеленымъ цвѣтомъ, длиннымъ, но слабымъ стеблемъ, большими полусердцевидными прилистниками и двумя парами овальныхъ листочковъ, конецъ листоваго черешка развѣтвляется въ видѣ усовъ, которыми гор. цѣпляется за тычины и обвивается вокругъ нихъ; цвѣтки у него крупные, по два или больше на одной цвѣтоножкѣ, б. ч. бѣлые, иногда съ блѣдно-розовымъ парусомъ и лиловыми крылушками. Всѣ разновидности, этого богатаго культурными формами вида, имѣютъ сѣмена шаровидныя съ гладкою поверхностью, разной величины и оттѣнковъ, б. ч. свѣтлыхъ цвѣтовъ, смотря по породѣ.—*Г. полевой*, P. arvense L. разводится тоже у насъ не рѣдко на поляхъ и отличается отъ предыдущаго меньшими цвѣтками съ лиловымъ парусомъ и пурпуровыми крылушками, сѣрыми округленными сѣменами съ ямками съ двухъ противоположныхъ сторонъ и шероховатою поверхностью. Отдѣльныя особи этого вида встрѣчаются часто тоже и въ посѣвахъ огороднаго гороха.—Зерна гороха, содержащія очень много бѣлковыхъ веществъ, очень питательны, солома (гороховины) по питательности

гораздо лучше посредственнаго сѣна и охотно поѣдается всѣми животными.

Чечевица, Ervum. Виды этого рода имѣютъ цвѣтки маленькіе, у коихъ вѣнчикъ едва выдается изъ чашечки, бобы отъ зрѣлыхъ сѣмянъ узловато-вздутые, листья съ нѣсколькими парами узкихъ листочковъ и оконечными усиками.—Кромѣ *Чечевицы обыкновенной*, E. Lens, L., засѣваемой у насъ какъ яровое растеніе на поляхъ для зерна, мы имѣемъ и два дикорастущіе вида, сходные между собою на взглядъ и по росту, но легко отличимые. Чаще встрѣчается *Ч. волосистая*, E. hirsutum, L. нѣжное растеніе съ угловатымъ, вѣтвистымъ стеблемъ, 4—8 парами ланцетныхъ, усѣченныхъ листочковъ и цвѣтоножками съ 2—6 блѣдно-голубыми цвѣточками, стручки косматые, съ 2-мя сѣменами. Видъ этотъ растетъ б. ч. на паровыхъ поляхъ и между хлѣбами, но не рѣдко попадается и на лугахъ.—*Ч. четырехсѣмянная*, E. tetraspermum, L имѣетъ листья съ 3—4 парами линейныхъ, притупленныхъ листочковъ, цвѣтоножки съ 1—2 цвѣтками, цвѣтки бѣлые съ розовыми жилками, стручки голые съ 3—4 сѣменами. Этотъ видъ предпочитаетъ почвы легкія, песчаныя, чаще встрѣчается на лугахъ и по опушкамъ лѣснымъ, между травами; стебли до 2 ф. высоты нѣжные, цѣпляющіеся.—Оба выше указанные вида однолѣтни, встрѣчаются цвѣтущими съ мая до поздней осени, доставляютъ кормъ очень питательный и вкусный, но не обильный.

Вика. (Горошекъ), Vicia. Вики легко отличаются многопарными листьями, у коихъ черешокъ на концѣ развѣтвляясь преобразуется въ усы. Этими усами вики цѣпляются за вѣтки стоящихъ вблизи растеній и кустарниковъ и слабый ихъ стебель поднимается иногда до нѣсколькихъ футовъ. Цвѣтки у нихъ довольно крупны, съ выдающимся изъ чашечки вѣнчикомъ; они сидятъ пучками или густыми гроздами въ пазухахъ листьевъ. Изъ 18 видовъ произростающихъ въ Украинѣ, слѣдующіе 10 принадлежатъ къ болѣе обыкновеннымъ въ предѣлахъ Харьковской губерніи. А) Съ лиловыми или пурпуровыми цвѣтками различныхъ оттѣнковъ: *Вика обыкновенная* V. Cracca, L., или „мышиный, гадючій горошекъ" принадлежатъ къ самымъ обыкновеннымъ и растетъ на лугахъ, поляхъ, въ кустарникахъ въ садахъ и огородахъ, по опушкамъ лѣснымъ, но не рѣдко и на открытыхъ степяхъ. Имѣетъ стебель вѣтвистый, слабый, цѣпляющійся; листья съ 10 парами ланцетныхъ или линейныхъ листочковъ, цвѣтки лиловые въ густыхъ гроздахъ, не превышающихъ длины листьевъ; въ цвѣткахъ пластинка паруса равна его ноготку.—Очень сходная съ предыдущею, *В. тонколистная*, V. tenuifolia, Roth. отличается отъ нея болѣе длинными, превышающими длину листьевъ, гроздами и цвѣтками, у коихъ пластинки паруса вдвое длиннѣе ноготка, оттого цвѣтки становятся замѣтны и лодочка у нихъ иногда бываетъ бѣловатая, все растеніе немного косматое. Видъ этотъ встрѣчается преимущественно по опушкамъ лѣснымъ и въ кустарникахъ, а на лугахъ только въ высокой травѣ.—*В. косматая*, V. villosa, Roth, или „воробиный горошекъ", сходная съ предыдущими, чаще встрѣчается на открытыхъ

мѣстахъ, по лугамъ, на перелогахъ, нерѣдко и на прибрежныхъ песках. Она замѣтно отличается отъ предыдущихъ, тѣмъ, что стебли и листья ея б. ч. густо покрыты волосками, цвѣтки значительно крупнѣе и пластинка паруса у нихъ вдвое короче ноготка. Какъ однолѣтнее, а чаще двухлѣтнее растеніе, оно зацвѣтаетъ раньше и цвѣтущія особи ея можно встрѣчать съ половины мая до поздней осени.— Три слѣдующіе вида встрѣчаются у насъ преимущественно въ тѣнистыхъ мѣстахъ, въ лѣсахъ, кустарникахъ, по опушкамъ. Изъ нихъ самая обыкновенная, *В. заборная*, V. sepium, L. имѣетъ листья съ 3 парами овальныхъ или продолговатыхъ листочковъ и довольно крупные грязно-лиловые цвѣтки, сидящіе отъ 2 до 5 въ пазухахъ листьевъ на очень короткихъ ножкахъ. Это растеніе многолѣтнее, пускающее постоянно молодые побѣги, которые на слѣдующій годъ зацвѣтаютъ, поэтому кусты его довольно густы, хотя и не высоки. Полагаютъ, что разведеніе ея на поляхъ, какъ многолѣтняго растенія, было бы выгоднѣе, чѣмъ разведеніе однолѣтней кормовой вики.—*В. кустарная*, V. dumetorum, L. встрѣчающаяся у насъ гораздо рѣже, всегда подъ тѣнью, легко отличается отъ предыдущей цвѣточными гроздами въ 6 и больше цвѣтковъ, равными по длинѣ листьямъ и листьями съ 3—5 парами продолговатыхъ листочковъ; прилистники у нея полустрѣловидные, пильчатые; цвѣтки крупнѣе мутно-пурпуровые. Цѣпляясь за кусты лиственными усами, она поднимается иногда до нѣсколькихъ футовъ.—*В. лѣсная*, V. sylvatica L. съ густыми гроздами, превышающими длину листьевъ, легко узнается по бѣловатымъ цвѣткамъ съ лиловыми жилками на парусѣ и пурпуровымъ кончикомъ лодочки; листья у нея съ 7—9 парами эллиптическихъ листковъ и полулунными рѣсничатыми прилистниками. Въ Купянскомъ у. не рѣдка, но попадается и въ окрестностяхъ Харькова (Березовскіе мин. воды). Обѣ послѣднія тоже многолѣтніе и цвѣтутъ съ половины іюня до августа. Исключительно почти на поляхъ и между хлѣбами встрѣчается у насъ: *В. кормовая*, V. sativa L. съ листьями въ 7 паръ продолговатыхъ или обратно-яйцевидныхъ, на верху усѣченныхъ листосточковъ, съ крупными лиловыми цвѣтками, сидящими по два въ пазухахъ листьевъ, стручки не чернѣющіе, широкіе, торчащіе вверхъ, покрыты нѣжнымъ пушкомъ. Эта однолѣтняя трава, высокаго питательнаго достоинства, принадлежитъ къ древнѣйшимъ культурнымъ растеніямъ. Вика или „кормовой горошекъ" и въ настоящее время воздѣлывается въ средней Европѣ, почти въ каждомъ лучшемъ хозяйствѣ, а въ Россіи—въ царствѣ Польскомъ, въ Остзейскихъ провинціяхъ и сѣверо-западномъ краѣ. Преимущества ея состоятъ въ томъ, что она и на тощихъ, легкихъ почвахъ растетъ хорошо, развивается быстро, даетъ обильные укосы зеленаго и сухаго корма. Сѣютъ ее или одну, или б. ч. съ овсомъ, подъ защитою котораго она отлично развивается. У насъ на югѣ Россіи К. вика рѣдко засѣвается; на черноземѣ, какъ однолѣтнее растеніе, сѣять ее не выгодно, а на легкихъ почвахъ она по сухости климата не всегда удается, за то въ хлѣбахъ, попавъ тамъ съ иностранными сѣменами, она отлично развивается. Вика к., по всему вѣроятію, принадлежитъ у насъ къ мѣстнымъ, ди-

корастущимъ растеніямъ и не рѣдко попадается на лугахъ въ травѣ. *В. узколистную* V. angustifolia L. иные считаютъ прародительницею кормовой вики, отъ которой однакожъ она существенно отличается листьями съ 5 парами линейныхъ на верху усѣченныхъ листочковъ; цвѣтками пурпуровыми, сидящими по одному или по два въ пазухахъ листьевъ и линейными стручками (бобами), чернѣющими въ зрѣлости. По окраинамъ полей, особенно на болѣе легкихъ почвахъ, вика у. довольно обыкновенна и примѣсь ея къ озимой соломѣ значительно повышаетъ питательность послѣдней. Гораздо рѣже предыдущихъ встрѣчаются у насъ 2 вида вики съ желтыми цвѣтками. Изъ нихъ *В. гороховидная*, V. pisiformis, L. съ густыми гроздами блѣдно-желтыхъ цвѣтковъ и листьями въ 4 пары округленно-яйцевидныхъ листочковъ, встрѣчается изрѣдка по опушкамъ и дорожкамъ лѣснымъ, въ раіонѣ мѣловыхъ горъ чаще. Это крупное и сочное растеніе, очень хорошее въ кормовомъ отношеніи, цѣпляясь за кусты, достигаетъ 4—5 футовъ. *В. крупноцвѣтная*, V. grandiflora, Scop. съ желтыми цвѣтками попадалась мнѣ только въ южной части Изюмскаго у. въ рощахъ. Къ роду вики принадлежатъ и наши *огородные бобы*, V. Faba L., съ прямымъ стеблемъ, 4—6 парами яйцевидныхъ листочковъ, бѣлыми цвѣтками съ черными пятнушками на крылушкахъ и крупными мохнатыми стручьями. Это одно изъ древнѣйшихъ культурныхъ растеній, воздѣлывалось уже въ большихъ размѣрахъ Греками и Римлянами на хлѣбъ, для печеній или какъ овощь въ зеленомъ и зрѣломъ видѣ. Дикорастущіе въ окрестностяхъ Каспійскаго моря бобы отъ продолжительной культуры въ различныхъ странахъ и мѣстностяхъ образовали много разновидностей, отличающихся формою, величиною, цвѣтомъ, качествомъ сѣмянъ. Изъ разновидностей, такъ называемые: *конскіе бобы*, V. Faba, var. equina, Pers. часто разводятся на поляхъ въ Германіи и Англіи на сѣмена для корма лошадей. Бобы эти очень многоплодны и даютъ небольшія, округленныя сѣрыя сѣмена высокаго питательнаго достоинства, употребляемыя какъ сильный добавочный кормъ для лошадей.

Чина, Lathyrus. Виды этого рода, сходные по общему взгляду съ виками, отличаются отъ нихъ существенно столбикомъ плодника на концѣ лопатчато-сплюснутымъ. Изъ дикорастущихъ у насъ принадлежатъ къ самымъ обыкновеннымъ *Чина луговая*, L. pratensis. L. съ угловатыми, слабыми стеблями, листьями съ одною парою удлиненно-ланцетныхъ листочковъ и длинными гроздами въ 3—4 или нѣсколько лимонно-желтыхъ цвѣтковъ. Растетъ на лугахъ, въ кустарникахъ, возлѣ заборовъ и достигаетъ отъ 2—4 ф. высоты. Отличная кормовая трава. — Слѣдующіе за симъ виды, имѣющіе розовые или лиловые цвѣтки, встрѣчаются гораздо рѣже.—Такъ *Ч. клубненосную*, L. tuberosus, L. нужно искать на поляхъ и перелогахъ, по окраинамъ канавъ, гдѣ на рыхлой почвѣ она охотно поселяется. Ч. к. или „земляной орѣшекъ“, какъ ее называютъ въ народѣ имѣетъ, стебли голые, слабые; листья съ одною парою продолговатыхъ листочковъ и въ пазушныхъ гроздахъ по нѣсколько крупныхъ, красныхъ и душистыхъ

цвѣтковъ пурпуроваго цвѣта. В. к. отличается еще тѣмъ, что на корневищѣ своемъ образуетъ клубеньки величиною съ лѣсной орѣхъ. Клубеньки эти содержатъ много крахмала, охотно поѣдаются свиньями, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ Германіи, и люди употребляютъ ихъ въ пищу, подобно картофелю.—Гораздо крупнѣе предыдущихъ и легко отличаемые отъ нихъ, по окрыленнымъ, лежащимъ, или цѣпляющимся стеблямъ въ 4—5 ф. длины, и крупнымъ листочкамъ листьевъ, два близкосходные виды: *Ч. лѣсная*, L. silvestris, L., „журавлиный горохъ" съ одною парою крупныхъ, ланцетныхъ длинно-заостренныхъ листочковъ и 3—4 зеленовато лиловыми цвѣтками въ пазушныхъ гроздахъ. Растетъ изрѣдка на лѣсныхъ полянкахъ, по тропинкамъ, всегда въ тѣнистыхъ мѣстахъ.—*Ч. широколистная*, L. latifolius, L. близко сходна съ предыдущею, но крупнѣе ея, имѣетъ листочки широкіе, яйцевидные наверху пріостренные и цвѣтки блѣдно-розовые. Она встрѣчается чаще предыдущей на болѣе открытыхъ мѣстахъ по опушкамъ и въ кустарникахъ. Оба вида хорошія кормовыя травы.—*Ч. болотная*, L. palustris, L. встрѣчающаяся изрѣдка на низменныхъ влажныхъ лугахъ, имѣетъ листья съ 2—3 парами листочковъ и зеленовато-лиловые цвѣтки; и *Ч. гороховидная*, L. pisiformis, L. встрѣчающаяся у насъ очень рѣдко въ кустарникахъ легко отличается отъ другихъ по листьямъ со многими парами продолговато-овальныхъ листочковъ, крупнымъ прилистникамъ и многоцвѣтковымъ гроздамъ лиловыхъ, снаружи зеленоватыхъ цвѣтковъ.—Наконецъ *Ч. посѣвная*, L. sativus, L. или „угловатый, нѣмецкій горошекъ" засѣвается иногда у насъ въ огородахъ на грядкахъ, какъ овощь и на сѣмена, которыя питательны и вкусны. Въ Молдавіи и Валахіи посѣвную чину разводятъ и на поляхъ, какъ пищевое и какъ кормовое растеніе. П. ч. имѣетъ листья съ одной парою линейно-ланцетныхъ листочковъ, цвѣтки бѣлые, блѣдно-лиловые, въ пазухахъ листьевъ по одному на длинныхъ ножкахъ и угловатыя сѣмена зеленоватаго, сѣраго или бѣлаго цвѣта.

Сочевникъ, Orobus. Виды сочевника отличаются отъ чины и вики листьями, оканчивающимися не усами, а травянистымъ остріемъ черешка. Они растутъ исключительно въ лѣсахъ. *Сочевникъ весенній*, O. vernus, L. красивое до $1^1/_2$ ф. высоты растеніе имѣетъ листья съ 3 парами широкихъ, яйцевидныхъ, длинно-заостренныхъ листочковъ, снизу матовыхъ и блѣдно-зеленыхъ, сверху темно-зеленыхъ блестящихъ, грозды съ 4—8 пурпуровыми, при увяданіи бурѣющими цвѣтками. Этотъ первенецъ весны, зацвѣтающій еще до появленія листьевъ на деревьяхъ, растетъ у насъ въ изобиліи въ черныхъ лѣсахъ и рощахъ. Раннею весною крестьянскія дѣти приносятъ его цвѣтущія вѣтки на городской базаръ для продажи.—Столь же часто подъ тѣнью лѣсовъ встрѣчается у насъ и *С. чернѣющій*, O. niger, L. съ прямо-стоячими развѣтвленными стеблями въ 2—3 ф. высоты; листья съ 3-мя парами элептическихъ, притупленныхъ, снизу сѣровато-зеленыхъ и матовыхъ листочковъ; цвѣтки въ удлиненныхъ гроздахъ, пурпуровые, при увяданіи синѣющіе. Все растеніе при высыханіи чернѣетъ, оттого, вѣроятно, въ народѣ называютъ его „черно-зельемъ".—Изъ видовъ съ бѣ-

лыми цвѣтками довольно рѣдко встрѣчаются въ рощахъ и лѣсахъ. *С. бълесоватый*, O. canescens, (O. pallescens, M. B.). Листья у него короткіе съ 4—6 парами продолговато-линейныхъ заостренныхъ листочковъ, грозды длиннѣе листьевъ съ 3—7 желтовато-бѣлыми цвѣтками; зацвѣтаетъ съ половины іюня.—*С. бълый*, O. albus, L. имѣетъ съ нимъ большое сходство, но листья у него съ 1—3 парами линейно-ланцетныхъ, зеленыхъ и гладкихъ листочковъ, цвѣтки въ длинныхъ гроздахъ по 3—10, совершенно бѣлые.—Всѣ виды сочевника хорошія кормовыя травы, но на открытыхъ мѣстахъ у насъ почти не встрѣчаются; послѣдніе два, притомъ, довольно рѣдки.

С. Бобы съ поперечными перегородками раздѣльные на членики, или одночленные.

Вязиль. Coronilla. Одинъ только видъ этого рода *Вязиль пестрая*, C. varia, L. встрѣчается у насъ часто въ кустарникахъ, по опушкамъ лѣснымъ, нерѣдко по окраинамъ полей и луговъ. В. п. имѣетъ стебли голые, восходящіе, вѣтвистые; листья съ 10 и больше парами продолговатыхъ тупыхъ листочковъ; цвѣтки отъ 12—18 въ зонтикахъ; вѣнчики бѣлые съ парусомъ и крылушками снаружи лиловыми; стручекъ удлиненный, членистый, въ зрѣлости распадающійся на отдѣльные членики. Вязиль п. цвѣтетъ съ мая до поздней осени. По пестрымъ цвѣткамъ, расположеннымъ зонтиками, ее легко отличить даже издали. Вязиль почти единственное изъ нашихъ мотыльковыхъ растеній, сокъ котораго ядовитъ. Въ народѣ употребляютъ его для леченія отъ чахотки, лихорадки, водяной и др. болѣзней, чего однакожъ совѣтовать не слѣдуетъ. Скотъ не трогаетъ этого растенія, небольшая примѣсь его въ сѣнѣ не оказываетъ однакожъ, сколько до сихъ поръ извѣстно, никакого вреднаго дѣйствія.

Эспарцетъ. Onbrychis. *Эспарцетъ посъвный*, O. sativa. Lam., изрѣдка встрѣчается у насъ дикорастущимъ на степяхъ, по мергелистымъ обрывамъ, а культурная форма его воздѣлывается теперь многими нашими хозяевами на поляхъ въ довольно большихъ размѣрахъ, для употребленія какъ отличная кормовая трава въ своемъ хозяйствѣ и на продажу сѣмянъ. Какъ дикорастущій эспарцетъ, такъ и культурная форма его, очень сходны между собою; послѣдняя отличается только болѣе крупными размѣрами. Отличить эспарцетъ отъ другихъ мотыльковыхъ очень легко, по длиннымъ колосовиднымъ гроздамъ блѣдно-розовыхъ цвѣтковъ съ красными жилками на парусѣ; не парноперистымъ листьямъ съ 6—12 парами продолговатыхъ, ланцетныхъ листочковъ и особенно по одночленнымъ стручкамъ величиною въ горошину. Стручки, сѣтчато-морщинисты, на одномъ краю снабжены копьевиднымъ, зубчатымъ крыломъ. Этими стручками эспарцетъ и засѣвается. Э. у насъ хорошо удается на сухихъ мергелистыхъ склонахъ и вообще на мѣстахъ съ мѣловою или мергелистою подпочвою, отлично переноситъ засуху и можетъ держаться 3—4 года на одномъ и томъ же мѣстѣ, давая, правда небольшіе укосы, но весьма питательнаго и здороваго сѣна.

Д. Бобы длинные, одногнѣздные, многосѣмянные; листья тройчатые.

Фасоль, Phaseolus. *Фасоль обыкновенная*, P. vulgaris, L. съ вьющимися стеблями, тройчатыми листьями, коихъ листочки широкояйцевидны, длинно-заострены; грозды съ 2-мя бѣлыми цвѣтками на короткихъ ножкахъ и стручки длинные, плоскіе, гладкіе; разводится у насъ преимущественно въ огородахъ, какъ овощь и рѣдко на поляхъ на небольшихъ участкахъ. Однолѣтнее растеніе это происходитъ изъ Индіи, чѣмъ и объясняется, что оно весьма чувствительно къ холоду. Съ древнихъ временъ оно извѣстно въ культурѣ, а въ настоящее время въ огородничествѣ насчитываютъ до 70 разновидностей (породъ) фасоли, отличающихся высотою стеблей, формою и величиною стручьевъ и цвѣтомъ сѣмянъ. Молодые стручья употребляются какъ овощь, или для салата; сѣмяна вообще очень питательны, долго сохраняютъ всхожесть и неподвергаются порчѣ отъ насѣкомыхъ. Вотъ почему въ окрестностяхъ большихъ портовыхъ городовъ въ значительныхъ размѣрахъ воздѣлываютъ фасоль для сбыта морякамъ, которые запасаются ею на продолжительныя морскія путешествія. *Турецкая фасоль*, Ph. multiflorus, W., съ огненно-красными цвѣтками на длинныхъ цвѣтоножкахъ, разводится у насъ часто въ садахъ, какъ украшающее растеніе.

Семейство 27-е. Миндальныя, Amygdaleae.

Дикорастущіе кустарники или деревья б. ч. разводимыя въ садахъ какъ плодовыя. Цвѣтки правильные съ вогнутымъ, кругловиднымъ ложемъ, на краю котораго прикрѣплены зубчики чашечки, 5 лепестковъ и много тычинокъ; плодникъ одногнѣздный, свободный съ 1 столбикомъ. Плодъ сухая или сочная костянка.

Миндальникъ, Amygdalus. Цвѣтки почти сидячіе, плодъ сухая костянка, покрытая войлочнымъ пушкомъ. *М. степной*, A. nana, L. называемый „бобовникомъ", встрѣчается у насъ довольно часто на степяхъ, по обрывамъ овраговъ и опушкамъ лѣсовъ. Небольшой кустарникъ, съ голыми вѣтками, ланцетными, пильчатыми листьями и прекрасными розовыми цвѣтками. Цвѣтетъ раннею весною, въ концѣ апрѣля, всегда до развитія листьевъ. Изъ сѣмянъ въ нѣкоторыхъ хозяйствахъ выжимаютъ душистое масло для приправы салата. Кустарникъ разводятъ нерѣдко въ садахъ, какъ рано-цвѣтущее, украшающее растеніе.

Слива, Prunus. Цвѣтки на б. или м. длинныхъ ножкахъ изъ побочныхъ почекъ, костянка сочная. Родъ этотъ подраздѣляютъ на нѣсколько группъ. А. Абрикосовыя деревья, имѣютъ цвѣтки почти сидячіе и плоды покрыты бархатнымъ пушкомъ. *Абрикосъ настоящій*, P. Armeniaca L. имѣетъ листья голые, изъ сердцевиднаго основанія, яйцевидные, длинно-заостреные съ пушистыми черешками. А. н. плодовое дерево средней высоты происходитъ изъ Востока и въ Западной Ев-

ропѣ воздѣлывается въ садахъ въ различныхъ видоизмѣненіяхъ, доставляя вкусные плоды. У насъ абрикосы рѣдко можно встрѣтить въ садахъ, гдѣ въ защищенныхъ мѣстахъ они выдерживаютъ даже суровыя зимы, но только чрезъ нѣсколько лѣтъ приносятъ обильные и хорошаго качества плоды. B. *Сливы*, имѣютъ цвѣтки на длинныхъ цвѣтоножкахъ, плоды гладкіе, но покрытые синеватымъ налетомъ. Здѣсь принадлежатъ: *Тернъ колючій*, P. spinosa, L. вѣтвистый, растопыренный кустарникъ, коего побочныя вѣточки б. ч. заканчиваются колючками; молодыя вѣтки голыя; листья продолговатые, пильчатые, снизу почти голые, цвѣтки чисто-бѣлые изъ побочныхъ почекъ по одному, на короткихъ голыхъ цвѣтоножкахъ; плодъ малый, шаровидный, на горизонтальныхъ цвѣтоножкахъ почти черный, съ синимъ налетомъ. Тернъ растетъ у насъ повсюду, въ садахъ, по окраинамъ полей, въ рощахъ и рѣдкихъ лѣсахъ. Цвѣтетъ рано весною въ концѣ апрѣля, до появленія на немъ листьевъ. Кора, листья и плоды употребляются въ медицинѣ; вѣтки на солеваренныхъ заводахъ для устройства градиленъ; кусты для живой изгороди. *Тернословъ*, P. insiticia L. Кустарники или б. ч. плодовыя деревья, съ продолговатыми, темнозелеными, снизу слегка пушистыми листьями; молодыя вѣтки покрыты нѣжнымъ пушкомъ, цвѣтики бѣлые по 2 изъ побочныхъ почекъ, на пушистыхъ цвѣтоножкахъ; плоды шаровидные, свисшіе, черные, или у культурныхъ породъ различныхъ оттѣнковъ. Тернословъ встрѣчается у насъ въ дикомъ состояніи нерѣдко въ заросляхъ, по опушкамъ лѣснымъ и съ виду похожъ на тернъ, но отличается отъ него менѣе колючими вѣтвами и всегда парными цвѣтками. Онъ зацвѣтаетъ нѣсколькими днями позже терна, но также до развитія листьевъ. Различныя породы тернослива разводятся у насъ въ садахъ въ формѣ средняго роста плодовыхъ деревьевъ подъ названіемъ: обыкновенныхъ сливъ, дамасценокъ, мирабель, ренклодовъ, и т. п. Всѣ они зацвѣтаютъ раньше развитія листьевъ.—*Настоящія сливы*, P. domestica, L. отличаются отъ выше описанныхъ видовъ, листьми съ обѣихъ сторонъ нѣжно-пушистыми, зеленовато-бѣлыми цвѣтками и продоговатыми плодами. Сливы зацвѣтаютъ одновременно съ развитіемъ листьевъ.— Отечество сливъ достовѣрно неизвѣстно, полагаютъ, что онѣ происходятъ изъ закавказскихъ странъ, гдѣ сливы растутъ въ дикомъ состояніи въ лѣсахъ. У насъ даже одичалыя сливы совсѣмъ не встрѣчаются, такъ какъ деревья эти хотя и хорошо растутъ въ садахъ, но суровыхъ зимъ на голую землю не переносятъ и вымерзаютъ, съ трудомъ иногда возобновляясь отъ корней. Поэтому, вѣроятно, не встрѣчаемъ мы и въ нашихъ садахъ того разнообразія породъ сливъ, какимъ справедливо гордятся садовники Западной Европы.—C. Вишни. Цвѣтки на ножкахъ по два или въ зонтикахъ на верхушкѣ побочныхъ вѣточекъ, плоды сочные, гладкіе безъ налета.—*Черешня*, P. avium, L. Деревья, большею частью довольно высокія, безъ отпрысковъ, съ торчащими вверхъ вѣтвями, листья мягкіе, не много морщинистые, снизу слегка пушистые, черешки при основаніи пластинки съ 2-мя желёзками; зонтики цвѣтковъ безъ листьевъ внизу. Черешни разводятся у насъ въ садахъ, но рѣже чѣмъ вишни; въ нашихъ лѣсахъ одна-

кожъ дикорастущими не встрѣчаются вовсе, между тѣмъ, какъ въ юго-западномъ краѣ онѣ въ рощахъ и лѣсахъ обыкновенны. Полагаютъ, что отечество черешень Закавказскій край и Персія, откуда онѣ въ доисторическое время перенесены переселяющимися народами въ южную Европу, гдѣ одичали и присвоились такъ, что въ настоящее время встрѣчаются тамъ, особенно въ нагорныхъ лѣсахъ, въ видѣ высокихъ и даже очень толстыхъ деревьевъ, но съ мелкими, малосочными плодами. Культурныя же породы черешни издревле разводятся въ садахъ, доставляя любимые крупные и очень вкусные плоды, отличающіеся между собою величиною, цвѣтомъ, сочностью мяса и окраскою сока, смотря по породѣ. Черешня имѣетъ красивую и прочную древесину, охотно употребляемую для столярныхъ издѣлій; изъ вѣтвей дѣлаютъ чубуки, плоды употребляются въ свѣжемъ видѣ, а равно для вареній, сироповъ и т. п. *Вишни*, P. Cerasus, L. Деревья, легко пускающія отпрыски, средней высоты, съ растопыренными вѣтвями и узкими, гладкими, блестящими листьями; черешки безъ железокъ; цвѣточные зонтики съ листьями при основаніи; плодъ шаровидный, немного сплюснутый. Вишни происходятъ изъ Малой-Азіи и перенесены оттуда въ Италію римлянами не задолго до начала нашей эры. У насъ вишни разводятся въ большомъ количествѣ во всемъ краѣ, какъ въ крестьянскихъ садахъ, гдѣ онѣ почти одичали, такъ и въ помѣщичьихъ усадьбахъ и даютъ въ иные годы обильные урожаи плодовъ, употребляемыхъ б. ч. на приготовленіе вареній и наливокъ. Вишни гораздо лучшее переносятъ суровыя наши зимы, чѣмъ черешни; обыкновенные сорта ихъ почти никогда не вымерзаютъ. Культурныхъ породъ однакожъ въ нашихъ садахъ немного, а болѣе нѣжныя требуютъ защиты. Напротивъ, за-границею разводятъ очень много культурныхъ породъ отличнаго достоинства, извѣстныхъ подъ различными названіями: испанскихъ, желтыхъ, стекляныхъ, амарелли и т. п. Древесина вишни желтовата съ бурыми полосками, очень пригодна для столярныхъ издѣлій, а вишневый клей кое гдѣ поступаетъ даже въ продажу, хотя въ аптекахъ замѣнила его аравійская камедь. *Степная вишня*, P. Chamaecerasus, Jaqu., встрѣчается у насъ довольно часто, по опушкамъ кустарниковъ и рощъ въ видѣ небольшихъ кустарниковъ, съ голыми, блестящими, мелко-городчатыми листьями; цвѣтки въ зонтичкахъ по 4—5; плоды мелкіе, продолговатые, красные, суховаты и невкусны. Цвѣтетъ въ концѣ апрѣля одновременно съ развитіемъ листьевъ, почему легко отличить ее издали отъ терна, который всегда зацвѣтаетъ раньше развитія листьевъ. За-границею кустарникъ этотъ давно разводится въ садахъ въ различныхъ видоизмѣненіяхъ, приносящихъ хотя небольшіе, но очень вкусные и любимые плоды; въ культурѣ очень выносливъ.— *Черемуха*, P. Padus, L. растетъ у насъ большими кустарниками, или средней высоты деревьями, по берегамъ рѣкъ и окраинамъ лѣсовъ, б. ч. въ низменныхъ, сырыхъ мѣстахъ, но часто разводится и въ садахъ. Отличить ее отъ другихъ деревьевъ легко по темно-бурой корѣ, обратно-яйцевиднымъ, мелко-пильчатымъ листьямъ и особенно по длиннымъ свисшимъ гроздамъ бѣлыхъ душистыхъ цвѣтковъ. Черемуха цвѣтетъ въ концѣ апрѣля и имѣетъ маленькіе, черные, невкусные плоды,

охотно однакожъ поѣдаемые птицами; сокомъ ихъ подкрашиваютъ нерѣдко вина и водку. Кора молодыхъ вѣтокъ употребляется въ аптекахъ и содержитъ, подобно цвѣткамъ, листьямъ и косточкамъ синильную кислоту. Древесина черемухи очень цѣнится столярами.

Таволга, Spiraea. Многолѣтнія травы, или кустарники съ бѣлыми или розовыми цвѣтками въ щиткахъ, или густыхъ гроздахъ. Чашечка 5—6 разщепная, лепестковъ 5—6, тычинокъ много, плодиковъ 5—15, иногда скрученныхъ спирально. У насъ 3 дикорастущіе вида. Одинъ изъ нихъ: *Таволга болотная,* (Лабазникъ) S. Ulmaria L., встрѣчается часто по низменнымъ болотистымъ лугамъ и по берегамъ рѣкъ. Въ цвѣтеніи, въ началѣ іюня, по густымъ прерывистымъ щиткамъ мелкихъ, бѣлыхъ цвѣтковъ, она нѣсколько похожа на бузину, а потому въ народѣ и называютъ ее „болотною бузиною". Высокое до 5 фут. растеніе съ прямымъ стеблемъ и прерывисто-перистыми, снизу бѣловатыми листьями. Цвѣтки и листья въ настоѣ употребляются въ народѣ какъ потогонное средство отъ простуды, а знахарями—отъ водобоязни и другихъ болѣзней.—*Т. Клубненосная,* (медовикъ, талабанъ), S. Filipendula, L. встрѣчается на сухихъ лугахъ, по степямъ и особенно на лѣсныхъ полянахъ, гдѣ растетъ иногда въ изобиліи, имѣетъ листья прерывисто-перистые, сходные съ листьями деревея (Achillea) и цвѣтки мелкіе бѣлые, раскинутые щитками на верхушкахъ вѣтвей, съ сильнымъ медовымъ запахомъ. Корни этого растенія имѣютъ маленькія клубневидныя утолщенія. Клубенки эти прежде употреблялись въ медицинѣ (Radix filipendulae); цвѣтки доставляютъ отличный взятокъ для пчелъ, а въ настоѣ дѣйствуютъ какъ потогонное средство.—Гораздо рѣже предыдущихъ видовъ встрѣчается у насъ въ степныхъ мѣстахъ и въ кустарникахъ *Т. настоящая,* S. crenata L. низкій кустарникъ, съ продолговатыми, 3 нервными, городчато-зубчатыми листьями и бѣлыми цвѣтками въ пазушныхъ зонтичкахъ. Она разводится часто и въ садахъ, какъ украшающій кустарникъ. Вообще же въ садахъ много украшающихъ и очень выносливыхъ кустарниковъ принадлежитъ къ этому роду. Самымъ распространеннымъ изъ нихъ можно считать *Т. Верболистную,* S. salicifolia L. въ 3—4 ф. высоты, съ продолговато-ланцетными двоякозубчатыми листьями и розовыми цвѣтками въ густыхъ колосовидныхъ гроздахъ на верхушкахъ вѣтвей.

Гравилатъ, Geum. Многолѣтнія травы съ прерывисто-перистыми, корневыми и тройчатыми стеблевыми листьями. Цвѣтки довольно крупные съ чашечкою о 10 зубчикахъ; 5-лепестнымъ вѣнчикомъ и многими тычинками; плодиковъ много, каждый съ остающимся колѣнчатымъ столбикомъ. *Г. городской,* G. urbanum, L. Самое обыкновенное у насъ растеніе въ кустарникахъ и садахъ, б. ч. подъ тѣнью. Стебель восходящій, покрытый изрѣдка волосками; цвѣтки съ желтыми овальными лепестками направлены вверхъ; плодики съ двучленнымъ столбикомъ, нижняя часть котораго въ 4 раза длиннѣе верхней. Издревле извѣстное цѣлебное средство, употребляемое и до сихъ поръ въ народѣ.

Бурое корневище его, имѣющее слабый гвоздичный запахъ, содержитъ пряныя и вяжущія вещества, дѣйствующія какъ укрѣпляющее при слабомъ пищевареніи. Крестьяне заправляютъ имъ водку, а за-границею въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ разводятъ гравилатъ въ огородахъ для приправы ликеровъ.—*Г. прямой*, G. strictum L. имѣетъ такія-же точно свойства и очень сходенъ съ предыдущимъ. Онъ отличается однако отъ перваго болѣе толстыми шершаво-волосистыми стеблями, округленными, оранжевыми лепестками и плодиками, покрытыми длинными жесткими волосками; верхняя часть столбика косматая, почти равна нижней. Растетъ въ тѣнистыхъ мѣстахъ, но встрѣчается гораздо рѣже. *Г. береговой*, G. rivale L. принадлежитъ тоже къ болѣе рѣдкимъ. Онъ растетъ на сырыхъ лугахъ и по берегамъ рѣчекъ и ручьевъ. Легко отличается отъ предыдущихъ бѣлесоватыми лепестками, болѣе крупными и свисшими внизъ цвѣтками, съ прижатою чашечкою. Всѣ упомянутые виды доставляютъ грубый, но сочный и здоровый кормъ для домашнихъ животныхъ.

Малина. Rubus. Кустарники съ подземными корневищами, пускающими длинные отпрыски и лѣтніе побѣги, рѣже многолѣтнія травы. Чашечка свободная, 5-раздѣльная, лепестковъ 5, тычинокъ много; плодъ имѣетъ видъ ягоды, состоящей изъ сросшихся сочныхъ костянокъ, расположенныхъ на коническомъ ложѣ цвѣтка.—Кустарные виды этого рода необыкновенно измѣнчивы въ своихъ формахъ въ зависимости отъ почвы, мѣстоположенія, климата и особенно отъ перекрестнаго оплодотворенія (гибридаціи) при посредствѣ насѣкомыхъ, поэтому нѣкоторые ботаники много такихъ разновидностей описали какъ отдѣльные виды, не смотря на то, что они представляютъ много переходныхъ формъ и ограничены въ распространеніи тѣсными предѣлами. Для насъ эти мелкія ботаническія отличія не имѣютъ особаго значенія, и намъ достаточно будетъ различать три главныя кустарныя формы. *Малина настоящая*, R. Jdaeus, L. Кустарникъ съ подземнымъ корневищемъ, пускающимъ длинные отпрыски. Цвѣтоносные стебли двулѣтніе, съ голубоватымъ налетомъ, внизу усажены щетинками или мелкими шипиками. Листья не парно-перистые; нижніе—съ 5, верхніе съ 3 яйцевидными, мелко-зубчатыми листочками. Цвѣтки бѣлые въ удлиненныхъ гроздахъ на концахъ короткихъ вѣтокъ, чашечка отогнута. Плодъ темно-красный (малиновый), въ зрѣлости легко отдѣляется отъ ложа. Цвѣтетъ съ мая до августа. Малина произростаетъ дико, а иногда и очень обильно въ лѣсахъ западной и средней Россіи, у насъ же въ дикомъ состояніи встрѣчается гораздо рѣже, за то культурныя породы ея охотно воздѣлываются въ садахъ и при хорошемъ уходѣ въ защищенныхъ мѣстахъ отлично переносятъ зимнія стужи. Душистые и очень вкусные плоды малины, особенно у многочисленныхъ культурныхъ породъ, отличающіеся большимъ разнообразіемъ относительно величины, сочности и окраски, имѣютъ широкое примѣненіе какъ въ домашнемъ быту, такъ и въ аптекахъ (baccae Rubi Jdaei)—*Ожина*, R. fruticosus, L. имѣетъ тоже длинные отпрыски, стебли колѣнчатые, или пригнутые къ землѣ, густо покрыты шипами и щетинками; листья съ

3—5 листочками, у коихъ средніе нервы нижней поверхности и черешки усажены крючковидными шипиками. Цвѣтки обильные, бѣлые, гроздовидные на концахъ вѣтокъ. Плодъ черный, блестящій, при созрѣваніи не отдѣляющійся отъ цвѣтоложа. Въ кустарникахъ и въ чащахъ лѣсныхъ встрѣчается у насъ изрѣдка. Плоды не столь сочны и далеко уступаютъ по вкусу и нѣжности малинамъ, употребляются однако для приготовленія сиропа, а иногда и варенія. Особенно этотъ видъ при разнообразіи мѣстоположенія и освѣщенія представляетъ много разновидностей трудныхъ для опредѣленія.—*Ежевика*, R. caesius, L. имѣетъ много сходства съ предыдущими видами, но отличается отъ нихъ болѣе тонкими и слабыми стеблями, большею частью покрытыми въ молодости синеватымъ налетомъ. Листья у нея съ 3, рѣже съ 5 листочками, съ обѣихъ сторонъ блѣдно зеленоватыми. Цвѣтковъ не много, бѣлыхъ; плоды покрыты синеватымъ налетомъ, съ прижатою къ нимъ чашечкою, въ зрѣлости отдѣляются отъ цвѣтоложа—Ежевика любитъ болѣе открытыя мѣста, встрѣчается обыкновенно по опушкамъ лѣснымъ, но не рѣдко и по окраинамъ полей и канавъ. Плоды съѣдобны, но приторны.—Къ травянистымъ видамъ малины относится у насъ *Костяника*, R. saxatilis, L., корневище которой пускаетъ небольшіе отпрыски, а тонкіе слегка пушистые стебли достигаютъ не выше 1 фута; листья у нея тройчатые, цвѣтки по 2—3 въ пазухахъ листьевъ на длинныхъ ножкахъ; плоды красные, изъ нѣсколькихъ только крупныхъ костяночекъ, вкусные и прочные. Костяника попадается у насъ мѣстами и между прочимъ въ лѣсахъ Святогорскаго монастыря. Вообще же во всемъ краѣ—рѣдко.

Земляника, Fragaria. Травянистыя растенія съ подземнымъ корневищемъ, пускающимъ длинные и вкореняющіеся отпрыски, образующіе на узлахъ новыя особи; листья тройчатые. Чашечка свободная, 10-дольная, лепестковъ 5. Цвѣтоложе послѣ цвѣтенія разростается въ сочную ягоду, на поверхности коей сидятъ сухіе плодики.—Отличаютъ 3 главныя формы этого рода: *Настоящую землянику*, Fragaria vesca, L. Цвѣтки въ оконечныхъ полузонтикахъ, бѣлые, всѣ обоеполые; черешки листьевъ и цвѣтоносные стебли съ оттопыренными волосками, цвѣтоножки же отдѣльныхъ цвѣтковъ съ прижатыми; лепестки при основаніи не прикасаются; чашечка оттопыренная или отогнутая внизъ. Плоды свисшіе, красные, очень душистые. Повсюду въ рощахъ, по опушкамъ лѣснымъ и на лугахъ; цвѣтетъ съ мая до іюля, зрѣлые, очень вкусные и любимые плоды съ конца іюня, недолго.—*З. высокая*, F. elatior, Ehrh., сходная съ предыдущею, но крупнѣе и выше ея, цвѣтки больше, плоды темно-красные, торчатъ вверхъ. У насъ встрѣчается только изрѣдка по опушкамъ лѣснымъ.—*Клубника* F. collina, Ehrh. Въ общемъ сходна съ земляникою, но листья темнѣе и косматѣе; цвѣтки крупные, нижніе однополые или безполые (пустые), лепестки соприкасаются краями; плоды крупнѣе и тверже, б. ч. зеленовато-желтые, снизу до половины красные, рѣже—малиновые; доли чашечки прижаты къ плодамъ. Растетъ на болѣе открытыхъ мѣстахъ, по опушкамъ лѣснымъ, среди мелкаго кустарника, по склонамъ долинъ

и на холмахъ, по мѣстамъ въ изобиліи. Въ культурѣ извѣстно очень много породъ земляники и клубники происшедшихъ отчасти отъ описанныхъ выше дикорастущихъ въ Европѣ, частью отъ внѣ европейскихъ видовъ. Къ послѣднимъ принадлежатъ *З. ананасная*, F. grandiflora, Ehrh., *виргинская* F. virginiana, Ehrh. и др.

Сабельникъ, Comarum. Одинъ только видъ *С. болотный*, C. palustre, L. встрѣчается у насъ часто на сырыхъ, особенно торфянистыхъ лугахъ и на кочковатыхъ болотахъ. Растеніе травянистое, крупное съ длинными корневищами и отпрысками, съ красноватыми, приподнимающимися стеблями и перистыми листьями на нижнихъ съ 7, на среднихъ съ 5, а на верхнихъ съ 3 продолговатыми бѣловато-сѣрыми, тѣсно сидящими листочками. Цвѣтки буро-красные въ пазушныхъ и оконечныхъ полузонтикахъ; цвѣтоложе послѣ цвѣтенія становится губчатымъ, но не мясистымъ. Содержитъ вяжущія вещества, трава и цвѣтки могутъ быть употреблены для окрашиванія шерсти, въ кирпичный цвѣтъ.

Лапчатка. Potentilla. Небольшія травянистыя растенія, съ подземнымъ корневищемъ, образующимъ ежегодно однолѣтніе цвѣтоносные стебли, а иногда и длинные, вкореняющіеся на узлахъ отпрыски. Листья б. ч. дланевидные,—рѣже перисто-сложные. Цвѣтки небольшіе съ чашечкою о 10 зубчикахъ и 5 лепестками; плодниковъ много на сухомъ цвѣтоложѣ.—До 16 видовъ этихъ растеній принадлежатъ къ сей флорѣ, нѣкоторые изъ нихъ довольно измѣнчивы и трудны для опредѣленія. Большинство изъ нихъ полезнаго значенія не имѣютъ, доставляя только недурной кормъ для домашнихъ животныхъ. По листьямъ можно раздѣлить произрастающіе у насъ виды на 2 группы. А. Листья дланевидно-сложные, цвѣтки желтые. Здѣсь представляются намъ прежде всего маленькія весеннія растенія, зацвѣтающія въ апрѣлѣ. Они имѣютъ цвѣтоносные стебли, короткіе, непревышающіе листьевъ, растутъ б. ч. на легкихъ, супесчаныхъ почвахъ въ кустарникахъ, или на открытыхъ мѣстахъ. *Л. темно-зеленая*, P. opaca, L., стебель и листья покрыты длинными, оттопыренными волосками. Самая обыкновенная, на указанныхъ мѣстонахожденіяхъ, при ранней веснѣ зацвѣтаетъ иногда уже въ концѣ марта.—*Л. сѣдая*, P. cinerea, Chaix. сходна съ предыдущею, но сѣдая, отъ покрывающихъ ее густо звѣздчатыхъ волосковъ, столь же обыкновенная.—Изъ лѣтнихъ растеній, зацвѣтающихъ въ маѣ и іюнѣ, къ самымъ обыкновеннымъ принадлежатъ: *Л. серебристая*, P. argentea, L. съ восходящими, довольно твердыми стеблями; всѣ листья у нея 5-палые, листочки перисто-разсѣченные, доли съ отогнутыми внизъ краями; стебли и нижняя поверхность листьевъ покрыты бѣлымъ войлочнымъ пушкомъ. Произрастаетъ повсюду на сухихъ лугахъ, по окраинамъ полей, на межахъ, по склонамъ долинъ и въ кустарникахъ. Не такъ часто, по опушкамъ лѣснымъ и склонамъ, встрѣчается сходная съ предыдущею *Л. холмовая*, P. collina, Wibel., но стебли имѣетъ тоньше, разстилающіеся; верхніе листья тройчатые, листочки и доли плоскіе, снизу не столь бѣлые;

цвѣтками обильнѣе.—*Л. пригнутая*, P. inclinata, Vill., тоже сходна съ серебристою, но крупнѣе ея, стебли восходящіе; вся сѣроватая отъ покрывающихъ ее мягкихъ волосковъ, сидящихъ на маленькихъ железкахъ, лепестки длиннѣе чашечки. На сухихъ мѣстахъ изрѣдка.—Слѣдующіе 2 вида значительно разнятся отъ предыдущихъ высокимъ ростомъ, прямыми стеблями, отъ 1½ до 2 ф. высоты, только на верхушкѣ развѣтвленными и несущими крупные цвѣтки. Стебель и листья, цвѣтоножки и чашечки покрыты жесткими, длинными волосками, перемѣшанными съ короткими железистыми. *Л. прямая*, P. recta, L. Листья съ 5—7 листочками, свѣтло-зеленые.—*Л. косматая*, P. hirta, L., сходна съ предыдущею, но болѣе опушенная, сѣроватая; встрѣчается только изрѣдка въ кустарникахъ и по дорожкамъ лѣснымъ.—Въ сырыхъ тѣнистыхъ лѣсахъ, на низменностяхъ довольно часто встрѣчается *Л. ползучая*, P. reptans, L. съ крупными, одиночными цвѣтками и длинными отпрысками, ползучими и вкореняющимися; листья на длинныхъ черешкахъ изъ 5—7 клиновидныхъ листочковъ.—Довольно рѣдко и то преимущественно въ сосновыхъ борахъ растетъ у насъ *Л. лѣсная*, P. Tormentilla L, отличающаяся отъ всѣхъ другихъ цвѣтками съ чашечкою о 8 доляхъ и вѣнчикомъ съ 4 лепестками. Корневище ея, содержащее много вяжущихъ веществъ, долго употреблялось въ медицинѣ (radix Tormentillae), но и теперь настой его въ водкѣ, какъ народное средство, съ пользою употребляется противъ разслабленія и страданій желудка.—Съ бѣлыми цвѣтками встрѣчается у насъ одна только *Л. бѣлая*, P. alba L. и то очень рѣдко въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Сумскаго у.—В. Листья перистые, цвѣтки желтые. *Л. гусиная*, P. Anserina, L. Стебель ползучій, на узлахъ вкореняющійся; корневые листья непарно-перистые, со многими парами продолговатыхъ глубоко-пильчатыхъ листочковъ; цвѣтки одиночные, довольно крупные, изъ пазухъ листьевъ; лепестки вдвое длиннѣе чашечки. На влажныхъ лугахъ и выгонахъ, по окраинамъ дорогъ, самая обыкновенная. Скотъ не ѣстъ этой травы, хотя она не ядовита вовсе, утки и гуси, напротивъ, поѣдаютъ ее охотно. Вяжущія вещества содержатся преимущественно въ корневищѣ, но вмѣстѣ съ большимъ количествомъ крахмала, такъ что якутамъ и жителямъ шотландскихъ островомъ корневища эти служатъ иногда главною пищею.—*Л. лежачая*, P. Supina L., на прибрежныхъ влажныхъ пескахъ имѣетъ съ предыдущею нѣкоторое сходство, но у нея нѣтъ прикорневыхъ листьевъ, стебли лежачіе, но не вкореняющіеся, цвѣтки вдвое меньше чѣмъ у предидущей; встрѣчается гораздо рѣже и только мѣстами.

Привороть, Alchemilla. Маленькое, многолѣтнее, ярко-зеленое растеніе. *П. обыкновенный*, A. vulgaris, L. имѣетъ короткое корневище, пускающее довольно большіе, округленные, 7—9 лопастные, городчато-зубчатые листья на длинныхъ черешкахъ и однолѣтніе цвѣточные стебли, 5—6 д. высоты, съ малыми зеленоватыми цвѣтками. Цвѣтки съ двойною чашечкою, о 8 зубцахъ, вѣнчика нѣтъ вовсе, тычинокъ 4 и 1—2 плодника. Въ среднихъ губерніяхъ самое обыкновенное растеніе, встрѣчается и у насъ довольно часто на лугахъ и паст-

бищахъ и по окраинамъ дорогъ. На швейцарскихъ альпахъ, гдѣ этотъ, а равно и другіе нагорные виды этаго рода произрастаютъ въ изобиліи, считаютъ ихъ самымъ лучшимъ кормомъ для молочныхъ коровъ. Цвѣтетъ съ конца мая.

Черноголовка Sanguisorba. Многолѣтнія травянистыя растенія легко узнаваемыя по соцвѣтію, имѣющему видъ шаровидныхъ или овальныхъ головокъ, расположенныхъ на концахъ вѣтокъ. Листья длинные непарно-перистые. Два вида, сходные по наружности, но легко различаемые по соцвѣтію. *Ч. аптечная,* S. officinalis, L. до 2 ф. высоты; листья бол. частью прикорневые, съ 9—13 продолговатыми, зубчатыми листочками; верхняя часть стебля развѣтвлена на 4 длинные цвѣтоносцы; всѣ цвѣтки обоеполые, темно-пурпуровые, тычинокъ 4. Встрѣчается изрѣдка на лугахъ, большею частью на легкихъ почвахъ. Корневище, содержащее вяжущія начала, прежде употреблялось въ медицинѣ, противъ кровотеченій. Какъ кормовое средство второстепеннаго значенія.—*Ч. малая,* S. minor, Scop. (Poterium Sanguisorba, L.) почти вдвое меньше придыдущей, съ 15—19 округленными листочками на каждомъ листѣ; цвѣточныя головки почти шаровидныя зеленоваты, впослѣдствіи краснѣющія; цвѣтки однодомные, нижніе мужскіе со множествомъ висящихъ тычинокъ, верхніе—женскіе съ *коропильчатыми*, пурпуровыми рыльцами. Попадается изрѣдка на сухихъ лугахъ, большею частью на легкихъ почвахъ, или нанесенныхъ пескомъ прибрежьяхъ. Заграницею кое-гдѣ воздѣлываютъ ее въ огородахъ, ради пряныхъ листьевъ, для салата и супа; подсѣваютъ ее и на клеверныхъ поляхъ какъ здоровую примѣсь, а въ Англіи воздѣлываютъ и на поляхъ какъ второстепенное кормовое растеніе.

Рѣпяшникъ, Agrimonia. Травы съ многолѣтнимъ корневищемъ, прерывисто-перистыми листьями и обьемлющими прилистниками. Чашечка 5-зубчатая, лепестковъ 5, тычинокъ 6—7 или вдвое больше, плодиковъ 2, заключенныхъ въ отвердѣвающую, бороздчатую чашечку, снабженную въ зрѣлости крючковатыми щетинками. *Р. обыкновенный*, A. Eupatoria, L. Стебель прямой, до 3 ф. высоты, подобно листьямъ покрытъ мягкими волосками; листья съ поперемѣнными парами большихъ и меньшихъ листочковъ. Желтые цвѣтки въ длинныхъ колосьяхъ, съ зубчатымъ прицвѣтникомъ при каждомъ цвѣткѣ, трубка чашечки продолговатая съ глубокими бороздками по всей длинѣ и бурыми крючковатыми щетинками въ зрѣлости. На пустыряхъ, по холмамъ, между кустарниками, самое обыкновенное. Цвѣтетъ съ іюня все лѣто. Растеніе это еще древними народами цѣнилось какъ цѣлебное. Трава долгое время употреблялась какъ противоглистное средство и при леченіи чахотки (Herba agrimoniae). Цвѣтки даютъ прочную желтую краску. Кормъ плохой и пригоденъ только для овецъ.—*Р. душистый*, A. odorata, Ait. (A. procera, Wallr.) отличается отъ предыдущаго болѣе высокимъ ростомъ, листочками снизу не сѣро-войлочными, а зеленоватыми и чашечкою (плодовою), укороченною съ бороздками только до половины. Листочки, растертые въ пальцахъ, издаютъ сильный, но пріятный запахъ. Встрѣчается изрѣдка по окраинамъ полей и

на межахъ.—*Р. косматый*, A. pilosa, Ledeb., густо покрытъ жесткими длинными волосками, листочки болѣе ромбическіе. Растетъ въ кустарникахъ и по опушкамъ, но встрѣчается гораздо рѣже предыдущихъ.

Роза. Rosa. Кустарники съ вѣтвями, снабженными шипами. Листья непарно-перистые съ прилистниками, сросшимися съ черешкомъ. Цвѣтки большіе, цвѣтоложе (трубка чашечки) округленное, кверху съуживающееся; долей чашечки 5, большею частью съ листовиднымъ придаткомъ на верхушкахъ. Лепестковъ 5, тычинокъ множество; плодничковъ много, покрытыхъ волосками и заключенныхъ въ цвѣтоложѣ, которое въ зрѣлости разростаясь становится мясистымъ и образуетъ плодъ, называемый въ народѣ „шипшиною", краснаго или чернаго цвѣта. Родъ этотъ содержитъ много видовъ, имѣющихъ широкое распространеніе по обоимъ полушаріямъ земли. Многіе изъ этихъ видовъ съ древнѣйшихъ временъ разводятся человѣкомъ, какъ украшающія растенія и вслѣдствіе старательной и искусной культуры, а также и чрезъ гибридацію, образовали множество разновидностей или породъ, которыхъ въ настоящее время насчитываютъ нѣсколько тысячъ. Но и дикорастущія розы, называемыя обыкновенно „шиповниками", имѣютъ большую наклонность къ измѣненію, что послужило поводомъ прежнимъ ботаникамъ описать многія видоизмѣненія розы, какъ отдѣльные виды. Въ послѣднее время однакожъ эти многочисленные виды, стараются снова подвести подъ нѣсколько типическихъ формъ. Изъ нихъ слѣдующіе принадлежатъ къ нашей флорѣ: *Шиповникъ обыкновенный*, R. canina L. Высокій вѣтвистый кустарникъ, всѣ шипы однообразны, серповидны. Листья съ 5—7 листочками элиптическими, сверху гладкими и блестящими, по краямъ пильчатыми. Цвѣтки блѣдно-розовые, доли чашечки перисто-разщепленныя, опадающія. Плодъ элиптическій, гладкій, безъ остатковъ чашечки на верхушкѣ, въ зрѣлости пунцовый, кожистый. Этотъ самый обыкновенный у насъ какъ и во всей западной Европѣ, кустарникъ растетъ на степяхъ, по окраинамъ полей, въ кустарникахъ и по опушкамъ лѣснымъ. Онъ измѣняется сильно въ расположеніи вѣтвей, формѣ листочковъ, такъ что до 30 разновидностей его были описаны ботаниками какъ отдѣльные виды.—*Винная роза*, R. rubiginosa, L. Шипы серповидные, большіе и меньшіе перемѣшаны между собою. Листочки болѣе округленные, двояко-пильчатые, нижняя поверхность ихъ усѣянная ржавчинными железками, выдѣляющими эфирное ароматическое масло. Цвѣтки меньше чѣмъ у шиповника—пурпурно-розовые, чашечка и плодъ какъ у послѣдняго. Растетъ на открытыхъ мѣстахъ по обрывамъ и въ балкахъ; но встрѣчается рѣдко.—*Р. бархатистая*, R. tomentosa, Smith. даже издали легко различается отъ шиповника по сѣроватымъ листочкамъ, покрытымъ, какъ бы пылью, нѣжнымъ, бархатистымъ пушкомъ. Шипы не равномѣрные, прямые. Цвѣтки блѣдно-розовые, плоды крупнѣе, почти шаровидные, безъ остатковъ чашечки на верхушкѣ. Встрѣчается довольно часто на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ растетъ и шиповникъ, а часто и совмѣстно съ нимъ. *Шепшина* (серебрина), R. cinamomea L. Шипы неравномѣрные, большіе и меньшіе. Листочковъ 5—7. Они продолговаты, къ основа-

нію съуживающіеся клиновидно и цѣльнокрайніе, къ верхушкѣ пильчатые, снизу сѣровато-зеленые. Молодыя вѣтки коричневыя, блестящія. Цвѣтки блѣдно-розовые, доли чашечки ланцетныя, остающіяся на плодѣ. Около Ахтырки, въ Лебединскомъ и Сумскомъ у. на открытыхъ мѣстахъ и въ кустарникахъ, не рѣдко. Цвѣтетъ въ началѣ іюня.— *Р. мелколистная*, R. pinpinellifolia, L. Не большой кустарникъ, шипы различной величины, прямые. Листья съ 5—11 округленными, пильчатыми листочками. Цвѣтки небольшіе бѣлые, рѣже блѣдно-розовые; доли чашечки цѣльныя, вдвое короче лепестковъ. Плодъ шаровидный, въ зрѣлости черный. Встрѣчается рѣдко. Въ конспектѣ проф. Черняева упоминаются еще два вида: *Р. Яблочная*. R. pomifera, Herm. съ розовыми лепестками, усаженными по краямъ железками и крупными сине-лиловыми плодами, съ остающимися на верхушкѣ долями чашечки и *Желтая роза*, R. lutea, Miller, легко замѣтная по самой окраскѣ цвѣтковъ. Этихъ растеній мнѣ не приходилось встрѣчать въ предѣлахъ нашей губерніи, тѣмъ не менѣе я полагаю, что они могутъ быть найдены другими наблюдателями. Что касается культурныхъ породъ розы, разводимыхъ въ садахъ, то онѣ не многочисленны. Хотя черноземная почва вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ потребностямъ, но суровыя и безснѣжныя зимы, не смотря на старанія садовниковъ и любителей цвѣтоводства, ставятъ почти неодолимыя препятствія для успѣшнаго ихъ разведенія. Самую выносливую относительно климата *французскую розу*, Rosa gallica, L. можно еще встрѣтить во всякомъ саду съ полумахровыми или полными цвѣтками, но далеко не въ такомъ разнообразіи формъ и оттѣнковъ, какъ ее можно видѣть заграницею. Простые сорта *центифоліи*, R. centifolia L. встрѣчаются тоже во всякомъ порядочномъ саду, но принадлежащіе къ этой же группѣ нѣжные сорта, какъ *Моховая роза*, R. muscosa, Ait и особенно ремонтантныя розы (Hybrides, remontantes), появившіяся въ нашихъ садахъ только въ самое послѣднее время, рѣдко переживаютъ нѣсколько зимъ. Большая часть изъ нихъ, не смотря на прикрытіе осенью, погибаютъ отъ холода. Штамбовыя формы тоже рѣдко выходятъ цѣлыми. Выносливѣе оказываются сорта *бѣлой розы*, R. alba L. съ полумахровыми цвѣтками, но ихъ не такъ любятъ, и хорошихъ сортовъ мнѣ не приходилось здѣсь видѣть ни въ садовыхъ заведеніяхъ, ни у любителей. *Желтая роза*, R. eglanteria L., встрѣчающаяся кое-гдѣ въ садахъ, съ душистыми листьями и непріятнымъ запахомъ цвѣтковъ, почти никогда не вымерзаетъ, оставаясь зимою даже безъ прикрытія, но махровыя формы ея всегда почти, не распустившись вполнѣ, увядаютъ, что, конечно, не можетъ возбудить охоту къ ихъ разведенію. Такимъ образомъ роза, царица цвѣтовъ, не пользуется въ нашемъ краѣ тѣмъ почетомъ, на какой она вполнѣ заслужила въ странахъ болѣе для нея благопріятныхъ въ климатическомъ отношеніи.

Семейство 29-е. Яблоневыя, Pomaceae.

Къ этому семейству принадлежатъ нѣсколько дикорастущихъ древесныхъ породъ и всѣ разводимыя въ садахъ культурныя породы яблонь и грушъ.

Боярышникъ (Глодъ) Crataegus. Кустарники или небольшія деревья съ голыми колючими вѣтками, небольшими 3—5 лопастными, снизу блѣдно-зелеными листьями и мелкими цвѣтками въ щиткахъ. Плоды въ видѣ небольшихъ костянокъ, красные. *Б. обыкновенный*, C. oxyacantha, L. Встрѣчается у насъ повсюду, какъ на открытыхъ мѣстахъ, такъ и въ кустарникахъ, рощахъ и садахъ. Цвѣтетъ въ маѣ, плоды созрѣваютъ осенью. Ботаники различаютъ двѣ формы (или разновидности) боярышника. У Б. обыкновеннаго 2 столбика, плоды овальные, красные, съ 2-мя косточками. Другая разновидность, *Б. одноцестичный*, C. monogyna, Jacq. имѣетъ 1 столбикъ, плодъ шаровидный, красный, съ одною косточкою. Послѣдній встрѣчается столь же часто и въ тѣхъ же мѣстахъ, а часто и совмѣстно съ первымъ, но зацвѣтаетъ 2-мя недѣлями позже, при томъ листья у него глубже-надрѣзаны.—*Б. черноплодный*, C. melanocarpa, M. B. съ 3—5 столбиками и черными въ зрѣлости плодами, обыкновенный въ Крыму и на Кавказѣ, встрѣчается у насъ очень рѣдко. Мнѣ попадался въ Изюмскомъ у., около Славянска и въ св. горскихъ лѣсахъ.—Всѣ виды боярышника имѣютъ крѣпкую, прочную древесину и охотно употребляемую токарями на мелкія подѣлки. Въ корѣ содержится красящее желтое вещество. Плоды съ желтою мучнистою мякотью имѣютъ приторный вкусъ, но пригодны для кормленія свиней. Боярышникъ во многихъ странахъ употребляютъ для живыхъ изгородей, для чего онъ по густому развѣтвленію и колючимъ вѣткамъ очень пригоденъ. Однакожъ для плодовыхъ садовъ такую изгородь нельзя рекомендовать, такъ какъ личинки вредныхъ насѣкомыхъ, выводящіяся на боярышникѣ, питаются и листьями плодовыхъ деревьевъ и въ сухіе годы, переползая на нихъ, наносятъ имъ большой вредъ.

Груша, Pyrus. Деревья съ простыми листьями и довольно крупными цвѣтками въ негустыхъ щиткахъ. Чашечка 5-раздѣльная, лепестковъ 5, тычинокъ много; плодъ мясистый, сочный съ 5-камерною кожистою завязью внутри.—*Груша*, P. communis, L. Небольшія деревья, пирамидально-развѣтвленныя съ колючками; листья яйцевидные, заостренные, мелко-пильчатые, у коихъ черешокъ по длинѣ равенъ съ пластинкою; цвѣтки бѣлые, столбики не сросшіеся. Груша у насъ растетъ дико въ рощахъ, лѣсахъ и на открытыхъ поляхъ, съ истребленіемъ лѣсовъ однакожъ стала замѣтно рѣже. Зацвѣтаетъ въ концѣ апрѣля, немного раньше яблони. Дикая груша цвѣтетъ у насъ обильно, но не каждый годъ приноситъ много плодовъ, такъ какъ сухіе вѣтры во время цвѣтенія мѣшаютъ оплодотворенію. Плоды ея мало-сочны, терпки, только въ началѣ гніенія (пролежалые) употребляются народомъ въ пищу. Большею же частью изъ нихъ приготовляютъ хорошій грушевый квасъ, вкусный прохладительный напитокъ. Древесина груши желтовато-бурая, твердая и прочная, охотно употребляется плотниками и столярами для различныхъ подѣлокъ.—Груша съ древнѣйшихъ временъ стала культурнымъ растеніемъ. Въ настоящее время насчитываютъ до полутора-тысячи породъ груши, разводимыхъ въ Европѣ и другихъ частяхъ свѣта. Однакожъ сухой и вѣтряный климатъ

нашей мѣстности неблагопріятенъ для разведенія груши, требующей достаточно влажности въ воздухѣ и почвѣ, въ которую она глубоко погружаетъ свои корни. Оттого груши нашихъ садовъ и по росту и по качеству плодовъ далеко не могутъ сравниться съ разводимыми въ сѣверо-западной полосѣ Россіи. Нѣжныхъ же сортовъ у насъ вовсе неразводятъ, а доставляютъ ихъ обыкновенно изъ Крыма.

Яблонь, P. Målus, L. Деревья съ раскинутыми вѣтвями, яйцевидными, городчато-пильчатыми листьями, коихъ пластинки, нерѣдко пушистые снизу, вдвое длиннѣе черешковъ; цвѣтки бѣлые, снаружи слегка розовые, столбики при основаніи сросшіеся. Дикая яблонь встрѣчается у насъ чаще груши въ лѣсахъ и рощахъ, и особенно въ мѣстностяхъ съ тяжелою глинистою подпочвою (Валковск. у.) Она хорошо выноситъ нашъ климатъ и такъ какъ древесина ея не такъ прочна и красива какъ у груши, то ее меньше истребляютъ. Культурныя породы, коихъ въ настоящее время вообще насчитываютъ до 600, хотя и немногочисленныя въ нашей мѣстности, но разводятся съ большимъ успѣхомъ нежели груши. Особенно сорта съ большими прочными плодами, пригодными для моченія, пользуются у насъ большимъ спросомъ. Усовершенствованная въ послѣднее время сушка яблокъ дастъ возможность садоводамъ получать еще больше выгоды отъ разведенія хорошихъ сортовъ яблони.

Рябина, Sorbus. Деревья средняго роста съ перистыми листьями и мелкими цвѣтками въ густыхъ вѣтвистыхъ щиткахъ; плоды—мелкія костянки, въ зрѣлости пунцовыя. *Р. обыкновенная*, S. Aucuparia, L. встрѣчается у насъ изрѣдка въ рощахъ, лѣсахъ и между кустарниками. Это, по формѣ листьевъ и плодамъ, красивое дерево въ болѣе влажномъ климатѣ растетъ быстро и охотно разводится въ садахъ и паркахъ, какъ украшающее растеніе. У насъ имъ пользуются мало, такъ какъ по сухости климата рябина развивается туго, но разъ посаженная на соотвѣтственномъ мѣстѣ, держится прочно и долго. Рдѣющіе осенью плоды рябины служатъ любимою пищею для нѣкоторыхъ перелетныхъ птицъ, а въ домашнемъ хозяйствѣ на нихъ настаиваютъ хорошую наливку. Кора молодыхъ побѣговъ содержитъ дубильное вещество.

(Окончаніе въ слѣдующемъ году).

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ВОПРОСА

о происхожденіи Слободско-Украинской степи.

Подъ именемъ Украйны подразумѣваютъ часть черноземнаго пространства Европейской Россіи, имѣвшую извѣстное историческое прошлое и границы котораго, не будучи границами естественными, проводились всегда болѣе или менѣе произвольно въ зависимости отъ характера сочиненія Украйны касавшагося.

Такъ напр. профессоръ Черняевъ въ своемъ конспектѣ растеній, дикорастущихъ и разводимыхъ въ окрестностяхъ Харькова и въ Украйнѣ, придерживался дѣленія ученой экспедиціи, состоявшейся въ 1847 году въ Харьковскомъ университетѣ и давалъ Украинѣ слѣдующія границы: къ востоку и западу: рѣки—Донъ, Днѣпръ, Псел, Сеймъ; къ сѣверу: города—Курскъ и Воронежъ; къ югу: линія отъ устья рѣки Медвѣдицы до Екатеринослава. Профессоръ Багалѣй, напротивъ, въ своемъ очеркѣ исторіи колонизаціи южной окраины Московскаго государства даетъ Украинѣ болѣе тѣсныя границы и останавливается на предѣлахъ теперешней Харьковской, Курской и Воронежской губерній.

Не входя въ разсмотрѣніе другихъ, болѣе произвольныхъ границъ, мы здѣсь условимся понимать подъ этимъ словомъ низину, заключающуюся между южною покатостью средне-Русскаго плато, Донецкимъ кряжемъ, Донецко-донскимъ водораздѣломъ, рѣкою Днѣпромъ и водораздѣломъ между притоками Донца, Дона и Десны. Эта областъ, представляя среднюю часть Днѣпровско-Донскаго водораздѣла, обнимая почти всю слободскую Украйну, является вмѣстѣ съ тѣмъ и

естественно ограниченною отъ другихъ, смежныхъ частей Россіи, широкими рѣчными долинами Днѣпра и Дона естественными возвышенностями Донецкаго водораздѣла и высотами, дающими начало верховіямъ рѣкъ, образующихъ Донецъ.

Но и это выдѣленіе конечно болѣе или менѣе искусственно.

Украинскія степи представляютъ лишь части обширнаго черноземнаго лѣсо-степнаго пространства, занимающаго южную половину русской равнины. Ихъ исторія тѣсно связана съ исторіею всей этой полосы и природа ихъ болѣе или менѣе близка по своимъ главнымъ чертамъ природѣ смежныхъ черноземныхъ губерній Россіи. Поэтому прежде, чѣмъ толковать о происхожденіи и особенностяхъ природы нашего района, посмотримъ, что извѣстно о происхожденіи южнорусскихъ степей вообще.

Попытки объяснить какъ образовались эти безлѣсныя пространства, мы находимъ еще въ прошломъ столѣтіи. Древніе писатели, трактовавшіе о степяхъ нашихъ, лишь описывали ихъ характерныя особенности, не касаясь вопроса о ихъ происхожденіи.

Путешественники конца прошлаго столѣтія первые дали попытку объяснить исторію происхожденія нашей степи. Такъ Палласъ, основываясь на распространеніи въ степяхъ нашихъ чернозема, говоритъ: не поддерживая мнѣнія, что море необходимо должно было покрывать мѣста занятыя нынѣ черноземными степями, утверждаемъ однако положительно, основываясь на сложеніи и распредѣленіи чернозема, что онъ долженъ былъ осѣдать подъ водою... при вздыманіи округовъ Россіи, нынѣ занятыхъ черноземомъ, стоячія воды,—содержащія его въ осадочномъ состояніи, подвергались гніенію; при этомъ черноземъ пріобрѣлъ заключающіяся въ немъ азотистыя вещества и отчасти свойственный ему цвѣтъ, вслѣдствіе разложенія водяныхъ растеній и микроскопическихъ животныхъ, слѣды которыхъ, можетъ быть и откроются къ немъ *).

Морское же происхожденіе степямъ нашимъ и ихъ почвамъ приписывалъ и Пецгольдтъ. По его словамъ черноземъ нашъ произошелъ изъ морскаго ила, оставшагося послѣ отступленія водъ Черкаго и Каспійскаго морей, простиравшихся значительно далѣе на сѣверъ, чѣмъ теперь.

---

*) Мурчиссонъ „Геологическое описаніе Европейской Россіи" II стр. 551—2.

Эти два взгляда въ настоящее время могутъ считаться совершенно опровергнутыми. На всемъ протяженіи занятомъ черноземными степями юга Россіи, подпочвы ихъ не содержатъ въ себѣ рѣшительно никакихъ остатковъ морскихъ организмовъ. Если море и существовало на мѣстѣ теперешней Ю. Россіи, то въ слишкомъ отдаленные геологическіе періоды, чтобы имѣть вліяніе на теперешнюю ея природу.

Лишь въ 60-хъ годахъ вопросъ о прошломъ нашей степи сталъ на болѣе твердую почву. Академикъ Рупрехтъ впервые тогда указалъ, что ни въ ю. в. Россіи гдѣ были нѣкогда воды Арало-Каспійскаго моря, ни на сѣверѣ, который усѣянъ валунами, принесенными по его мнѣнію изъ Скандинавіи, льдинами плававшими по прѣсноводному морю, одѣвавшему сѣверъ Россіи и обусловившему ея болотистость, нѣтъ чернозема. Черноземная Русь, гдѣ не находятъ никакихъ морскихъ слѣдовъ, поэтому, искони вѣковъ была сушею—и сушею одѣтою степью, такъ какъ, по словамъ Рупрехта, лѣсъ не ладитъ съ черноземомъ и не можетъ образовать его.

Рупрехтъ, на основаніи наблюденій надъ черноземомъ, образовавшимся на курганахъ, и приведшихъ его къ выводу, что за тысячелѣтіе, которое эти курганы существуютъ накопилось лишь всего нѣсколько дюймовъ чернозему,—думаетъ, что для образованія почвы этой на нашихъ степяхъ, гдѣ мощность ея не менѣе аршина, нуженъ былъ громадный періодъ времени. Степи юга Россіи, по его мнѣнію, должны были быть искони вѣковъ степями. Онѣ были уже степями въ то еще время, когда на сѣверѣ Россіи существовало обширное прѣсноводное море, по которому плавали льдины, разносившія валуны Финляндскаго гранита, усѣивающаго нашъ черноземный сѣверъ. Съ юга черноземное пространство окаймляло Арало-Каспійское море, простиравшееся тогда почти до Сарепты и еще далѣе на СВ. Степная флора чернозема, какъ показалъ Рупрехтъ, отлична какъ отъ флоры сѣверной хвойной полосы области валуновъ, такъ и отъ флоры Арало-Каспійскаго побережья. Ели, по Рупрехту, не попадается въ черноземной полосѣ въ дикомъ состояніи, точно также характерные указатели чернозема какъ ковыль, тырса и многія другія степныя травы не идутъ къ сѣверу отъ его границы. Строеніе чернозема, остатки недогнившихъ травъ въ его перегноѣ, постепенности перехода почвы въ подпочву—все гово-

ритъ за то, что лишь гніеніемъ корней степныхъ травъ могли произойти эти почвы. Итакъ, съ точки зрѣнія Рупрехта, черноземъ есть вѣрное свидѣтельство того, что степи черноземныя, и укаринскія въ томъ числѣ, суть древній участокъ суши съ отдаленныхъ доисторическихъ временъ бывшій степью такою же, какою степь эта и нынѣ представляется нашимъ глазамъ. Однако взглядъ этотъ, высказанный еще въ 60-хъ годахъ, впослѣдствіи сильно оспаривался. Теперь дознано, что усыпанныя валунами пространства сѣверной Европы, съ ея безчисленными озерами и болотами, съ ея неровною холмистою поверхностью, являются намъ таковыми потому, что нѣкогда громадныя скопленія льдовъ, вродѣ теперешнихъ Гренландскихъ, покрывали Скандинавію и простираясь до средней Россіи обусловили характеръ рельефа и богатство водою сѣвера Россіи. Таянію этого ледника и его движенію мы обязаны и массою озеръ и болотъ и присутствію валуновъ въ С. Россіи.

Это открытіе сильно мѣняло постановку вопроса сдѣланную Рупрехтомъ; валуны встрѣчены были впослѣдствіи кое-гдѣ и подъ черноземомъ, слѣдовательно онъ образовался также на древней моренѣ ледника, а потому черноземная Россія должна была быть сушею годною для произрастанія растенія столь же мало времени, какъ и нечерноземный сѣверъ. Не возрастъ страны, а другіе факторы были причиною его образованія.

Не смотря на это и теперь большинство раздѣляетъ взглядъ Рупрехта, подтвержденный работами Леваковскаго, на то, что черноземъ есть результатъ гніенія корней степной растительности. Но причину характернаго расположеня почвъ въ Россіи ищутъ не въ древности подпочвы, а въ климатѣ.

Извѣстно, что успѣшное произрастаніе и развитіе тѣхъ или иныхъ группъ растеній главнѣйшимъ образомъ обусловлено тѣми комбинаціями тепла и влаги, почвы и воздуха, которыя для нихъ необходимы.

Двѣ школы русскихъ ученыхъ дѣятелей, пользуясь различными совершенно методами изслѣдованій и путями—школа ботанико-географовъ, толчекъ къ развитію которой далъ профессоръ Бекетовъ, и школа русскихъ почвовѣдовъ, имѣя во главѣ профессора Докучаева, создали массу работъ, написанныхъ въ этомъ именно направленіи. Бекетовъ въ своихъ за-

мѣткахъ „къ растительности земнаго шара“ *), возражая автору переведенной имъ книги, Грозсбаху, объяснявшему безлѣсье русскихъ степей сухимъ чисто азіатскаго характера климатомъ, пользуясь всѣмъ извѣстными данными о климатѣ Россіи болѣе сухомъ и континентальномъ на ея ЮВ и умѣренномъ и влажномъ на СЗ, показалъ, что растительность ея располагается въ томъ же порядкѣ: на сѣверѣ, западѣ и на пріуральскихъ возвышенностяхъ у насъ господствуютъ лѣса; затѣмъ, по мѣрѣ измѣненія условій климата, мы, идя на ЮВ, встрѣчаемъ предстепье, затѣмъ полустепь, и, наконецъ, область чистыхъ безлѣсныхъ степей.

Съ своей стороны Докучаевъ, изучая свойства чернозема, указалъ, что они не повсюду одинаковы, что можно признать въ Россіи рядъ изогумусовыхъ полосъ, показывающихъ, что на З.СЗ и ЮВ отъ губ. Пензенской, Симбирской, Уфимской и Тамбовской черноземъ теряетъ въ % содержаніи характеризующаго его перегноя, и связаннаго съ богатствомъ этимъ послѣднимъ питательныхъ веществъ исходитъ *на нѣтъ*, причемъ, причинами неблагопріятствовавшими развитію чернозема на СЗ онъ считаетъ черезмѣрную *влажность*, а на ЮВ *сухость* климата.

Считая черноземъ за результатъ гніенія степныхъ растеній, указавъ на чрезвычайно важный фактъ, что почва этого рода можетъ залегать на всевозможнаго рода подпочвахъ, неотрицая, что на происхожденіе чернозема вліяетъ возрастъ страны, подпочвы и растительность, онъ своею схематическою картою наглядно показываетъ, что распространеніе чернозема связано съ опредѣленною климатическою зоною, завися главнѣйше отъ климата.

Цѣлый рядъ крупныхъ и мелкихъ работъ, произведенныхъ въ духѣ этой школы гг. Цинеромъ и Кожевниковымъ, Крыловымъ, Литвиновымъ, Коржинскимъ, авторомъ этой статьи и др., дали множество фактовъ, подтверждающихъ воззрѣнія этой школы.

Работы эти показали, что черноземная флора бѣднѣетъ видами по направленію съ ЮВ на СЗ, соотвѣтственно измѣненію свойствъ самаго чернозема; что всюду, гдѣ есть черноземъ съ нимъ связана оригинальная черноземная флора сте-

*) Растительность земного шара А. Грозсбаха пер. А. Н. Бекетова т. I.

ни, что границы иныхъ изъ этихъ степныхъ растеній совпадаютъ съ границами чернозема и извѣстными изотермами, что при условіяхъ влажности подпочвы, благопріятныхъ для накопленія чернозема, развивается и его флора.

Они показали, что не только въ Россіи, но и въ Сибири и средней Азіи въ опредѣленной, сходной по климату съ черноземной полосой, являются и черноземъ и сходная съ черноземною флора—и что въ Венгріи, даже въ ю. Германіи, можно найти подтвержденіе этихъ взглядовъ.

На Кавказѣ, двигаясь въ Кубанской области отъ Маничской низины къ хребту, мы, отъ степныхъ каштановаго цвѣта бѣдныхъ перегноемъ почвъ, встрѣчаемъ всѣ переходы къ почвамъ типично черноземнымъ и, затѣмъ, по мѣрѣ поднятія на хребетъ и увеличенію влажности, онѣ сходятъ опять на нѣтъ, представляя въ миніатюрѣ ту же картину, что и черноземъ восточной Россіи, на пути къ Арало-Каспійской низинѣ отъ влажныхъ СЗ ея частей.

На Крымскомъ полуостровѣ повторяется та же самая схема. И совершенно ту же послѣдовательность появленія и измѣненія свойствъ чернозема я наблюдалъ на Заилійскомъ Алатау въ Туркестанѣ.

Въ Америкѣ, совпадая съ райономъ травяной преріи, анализы образчиковъ почвъ которой показываютъ ея тождество съ черноземомъ, онъ залегаетъ въ той же переходной полосѣ отъ влажной лѣсной къ сухой области, начинающейся по Ганну къ З отъ 100° долготы;—и здѣсь такіе авторитеты, какъ Аса, Грей и Дана—видятъ исключительно въ климатѣ причину характерной особенности преріи.

Таковы взгляды почвовѣдовъ и ботаниковъ.

Однако и они при всей своей простотѣ оставляютъ въ вопросѣ нашемъ много темнаго, и неудивительно, что параллельно съ ними возникали и до нынѣ возникаетъ рядъ гипотезъ совершенно иного характера.

Я начну обзоръ этихъ взглядовъ съ тѣхъ возраженій, которыя дѣлали Рупрехту и Докучаеву Богдановъ, Палимпсестовъ и многіе другіе той партіи, которая утверждала, что степи юга Россіи были нѣкогда покрыты *лѣсами* и что черноземъ лѣсной, а не степной растительности обязанъ своимъ происхожденіемъ.

Взгляды ихъ главнымъ образомъ основывались на слѣдующихъ фактахъ:

Ничто не говоритъ за то, что климатъ въ отдаленныя времена былъ столь неблагопріятенъ для развитія степи, какъ теперь.

Опыты разведенія лѣсовъ на черноземѣ до сихъ поръ увѣнчиваются полнымъ успѣхомъ. Лѣсъ успѣшно *разведенный* можетъ расти на черноземѣ.

Во многихъ губерніяхъ Россіи были встрѣчены лѣса и дикорастущіе на *типичномъ черноземѣ.*

Несомнѣнно, что такъ какъ и теперь еще во многихъ черноземныхъ губерніяхъ весьма обильные лѣса, ранѣе были гораздо обширнѣе и чаще, то нѣтъ ничего невозможнаго, что въ доисторическое время лѣса сплошною полосою покрывали всю южную Россію и были истреблены кочевниками татарами и увеличивающейся сухостью климата лишь въ послѣдствіи.

Всѣ эти возраженія заставляли невольно обратить особенное вниманіе на отношеніе лѣса къ его почвѣ и посмотрѣть дѣйствительно ли дѣло обстоитъ такъ, какъ говорили сторонники бывшаго покрытія лѣсами нашего степнаго пространства.

Что въ климатѣ одномъ нельзя видѣть причину безлѣсія нашей стороны съ этимъ никто не можетъ спорить. Деревья разнообразныхъ породъ могутъ расти и растутъ по всему протяженію черноземнаго пространства. Но, спрашивается, растутъ-ли *успѣшно* они при тѣхъ же условіяхъ, при какихъ процвѣтаетъ степная растительность. Болѣе точныя наблюденія гг. Докучаева, Костычева, Коржинскаго и мои показали, что далеко нѣтъ.

Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ подтверждается справедливость выраженія Рупрехта, что „лѣсъ не ладитъ съ черноземомъ". Дѣйствительно подъ лѣсами черноземъ находятъ какъ исключеніе; обыкновенно же находятъ совершенно особаго строенія почвы, гораздо болѣе бѣдныя перегноемъ, пепельно сѣраго цвѣта, а главное рѣзко отличныя отъ чернозема по физическимъ своимъ свойствамъ. Вмѣсто твердой губчатой отъ массы пустотъ, оставленныхъ корнями растеній степной цѣлинной почвы, здѣсь мы видимъ на большую глубину идущій такъ наз. орѣховатый горизонтъ—толщу сѣраго цвѣта почвы, распадающейся на отдѣльности угловатыя, величиною съ лѣсной орѣхъ и меньше, являющіяся слѣдствіемъ раздробленія лѣсной почвы корнями деревьевъ и дѣятельности червей, и дающія всей почвенной массѣ ту рых-

лость, которую не знаетъ цѣлина, но далеко не дающія ни того богатства перегноемъ, ни той питательности.

Долго спустя послѣ распашки, подъ пахотнымъ слоемъ въ нѣдрахъ земли сохраняется этотъ характеръ лѣсныхъ почвъ и, какъ наглядно показалъ Докучаевъ въ рѣчи своей: „Были ли лѣса въ степной полосѣ Россіи“, характеръ этотъ даетъ возможность точнѣе и лучше чѣмъ методъ историческій и данныя зоогеографіи показать, гдѣ были въ древнія времена у насъ лѣсныя пространства. И вездѣ, гдѣ были произведены почвенныя изслѣдованія оказалось, что хотя въ древности лѣсовъ на югѣ и было больше, чѣмъ въ настоящее время, однако характеръ расположенія ихъ въ степной полосѣ былъ совершенно тотъ же, что и теперь и все-таки, совершенно согласно съ данными историческими, если мы ихъ примемъ, какъ онѣ есть, не мудрствуя лукаво, лѣса и черноземныя степныя пространства и въ древности въ Ю. Россіи чередовались другъ съ другомъ.

Вникая подробнѣе въ отношеніе лѣса къ рельефу, можно было, какъ показалъ Богдановъ для Приволжскихъ губерній, Докучаевъ для Нижегородской и Полтавской, я для Харьковской губерніи, видѣть, что лѣса преобладаютъ на холмистыхъ изрѣзанныхъ балками водораздѣлахъ, сопровождаютъ высокіе правые берега рѣкъ и постепенно сходятъ на нѣтъ, разъ мы удалимся отъ такихъ возвышенныхъ пунктовъ, переходя къ весьма пологимъ склонамъ лѣвыхъ береговъ рѣкъ.

Здѣсь, въ этихъ областяхъ начинаетъ господствовать черноземъ; на черноземѣ растутъ кое-гдѣ лѣса, но не на черноземной, а переходной почвѣ. Почвы этого переходнаго типа суть результатъ переработки нѣкогда степной почвы въ лѣсную послѣ захвата первой *лѣсами*, активно подвигающимися на степь *).

Такимъ образомъ вопросъ объ участіи лѣса и его распространеніи въ степной полосѣ Россіи является рѣшеннымъ окончательно. Лѣсъ чернозема не образуетъ. Лѣса на черноземѣ явленіе рѣдкое, недавнее и на него разрушительно дѣйствующее.

*) Подвиганіе это наблюдается часто на опушкахъ. Давая корневые отпрыски, лѣсъ разростается вглубь степи и, разрыхляя почву, даетъ возможность расти подъ своею сѣнью тѣневымъ формамъ.

Устраненіе лѣсной теоріи вышеназванными фактами нисколько однако не улучшило положенія дѣла. Поднялся вопросъ почему лѣсныя и степныя формаціи растеній неравномѣрно разбросаны по лицу земли русской; почему лѣса заняли водораздѣлы и высокіе правые берега рѣкъ, почему встрѣчаются переходныя черноземно-лѣсныя почвы, найденныя впервые Докучаевымъ и Коржинскимъ? Всегда ли былъ такой порядокъ. Г. Коржинскій и Костычевъ не затрудняются быстро отвѣтить на этотъ вопросъ.

По Коржинскому лѣсъ есть формація болѣе сложная и болѣе сильная. Онъ борется активно со степью и постоянно побѣждаетъ ее. Мало по малу онъ, двигаясь съ сѣвера, вторгается въ территорію ею занятую и тѣснитъ ее къ югу, оставляя ей мѣсто лишь на неудобныхъ обращенныхъ на ЮВ склонахъ, гдѣ остаются далеко въ области лѣсовъ обрывки степной флоры. Черноземная полоса есть арена такого побѣдоноснаго шествія лѣса, степь изстари покрывала ее и постепенно сокращаетъ свою территорію, уступая ее лѣсу. Какъ ни красива эта гипотеза, она совершенно непонятна для натуралистовъ. Почему лѣсъ, болѣе сложная и сильная формація, почему онъ давно не оттѣснилъ степи. Мы знаемъ, что наши типы древесныхъ породъ проще построены въ систематическомъ отношеніи, чѣмъ степныя и ранѣе появились на землѣ. Изъ біологіи также извѣстно, что тѣ организмы сильнѣе въ борьбѣ за существованіе, которые наилучше отвѣчаютъ условіямъ господствующимъ. Между тѣмъ врядъ ли кто согласится, что лѣсамъ лучше живется въ нашей степной полосѣ съ ея засухами и суховѣями, нежели грубымъ степнымъ травамъ. Его гипотеза нисколько поэтому не объясняетъ наблюдаемыхъ явленій.

Еще менѣе понятны взгляды Костычева, высказанные имъ на послѣднемъ съѣздѣ испытателей природы.

Указавъ на то, что климатъ нашей черноземной полосы вовсе не столь сухъ, чтобы мѣшать росту лѣсовъ, причину отсутствія лѣса на черноземѣ онъ видитъ въ томъ, что въ значительномъ большинствѣ случаевъ подъ почвою чернозема являются лессоводныя, состоящія изъ чрезвычайно мелкоземлистаго вещества *глины*. Глина эта, по его мнѣнію, сильно задерживая воду весною, не даетъ ей проникать вглубь. Лѣтніе суховѣи скоро высушиваютъ почву, въ нѣдрахъ своихъ не на-

копившую влаги — потому на такихъ земляхъ развиваются лишь степныя формы. Иначе совершенно относится къ атмосферной влагѣ почва рыхлая. Рыхлая почва пропитывается влагою глубже, держитъ ее дольше. Она можетъ питать и глубоко сидящее дерево.

Водораздѣлы, изъ которыхъ будто бы вымытъ мелкоземъ и снесенъ къ рѣкамъ, имѣютъ болѣе рыхлыя почвы, на нихъ господствуютъ лѣса, такъ же, какъ и на почвахъ песчаныхъ. Забравшись сюда, лѣса эти медленно отвоевываютъ себѣ степь, пуская корневые побѣги, разрыхляющіе степную почву, подготовляющіе орѣховатый горизонтъ и настолько разрыхляющіе твердый грунтъ, что онъ дѣлается пригоднымъ и для большихъ деревьевъ.

Въ дѣлѣ распредѣленія лѣсовъ и степей, говоритъ онъ дальше, климатъ не причемъ. При существующихъ условіяхъ не только южно-русскія степи, но и степи Азіи были бы лѣсами, будь только ихъ почвы болѣе рыхлы.

Въ подтвержденіе своей мысли Костычевъ цитируетъ мой трудъ о флорѣ Тянь Шаня *) и указываетъ, что независимо отъ высоты надъ уровнемъ моря и характера климата вездѣ въ Туркестанѣ, гдѣ является лессовая почва,—оказывается степь, хотя бы то было въ лѣсной и даже альпійской зонѣ горъ. Но, читая мою книгу, г. Костычевъ, очевидно, не обратилъ вниманія, что не однѣ только лессовыя долины Тянь Шаня покрыты степями, а и что климатъ всей страны настолько сухъ, что луговая и лѣсная и даже альпійская растительность тамъ могутъ существовать лишь на сѣверныхъ склонахъ горъ, одѣтыхъ вѣчными снѣгами и имѣющихъ постоянное подпочвенное орошеніе. Въ другихъ же мѣстахъ, не орошаемыхъ влагою, идущею со снѣговыхъ горъ, совершенно независимо отъ того камень, глина или лессъ, составляютъ почву,—нѣтъ растительности иной, кромѣ флоры степнаго характера.

Если онъ далѣе указываетъ, въ подтвержденіе своей мысли, что и въ американскихъ преріяхъ, и пампасахъ подпочву степей составляетъ лессъ, то онъ забываетъ, что и въ долинѣ Рейна, и въ средней Германіи есть лессъ—а между тѣмъ тамъ на немъ растутъ прекрасные лѣса.

*) Красновъ. Опытъ исторіи развитія флоры Тянь Шаня. Труды И. Р. Г. О, т. 19.

Но главное далеко не всѣ наши лѣсистые водораздѣлы имѣютъ столь рыхлыя почвы, какъ того ему хочется и какъ будетъ показано мною даже подъ Харьковомъ почва водораздѣловъ относится къ влагѣ дождя совершенно иначе

Вѣрнаго во всемъ приводимомъ г. Костычевымъ лишь то, что при извѣстной сухости климата отъ засухи на мелкоземистой почвѣ растенія страдаютъ больше, чѣмъ на рыхлой, но этотъ фактъ былъ извѣстенъ давно. Исключительно путемъ разрыхленія почвы, экономизируя весеннюю влагу, г. Срединскій развелъ лѣса по всѣмъ южно-русскимъ желѣзнымъ дорогамъ и фактъ, что разрыхленная почва вполнѣ замѣняетъ поливку, сталъ агрономической истиною.

Въ сущности, какъ это указываетъ самъ авторъ, идея объясненія распредѣленія степи и лѣса въ черноземной полосѣ принадлежитъ не ему. Это лишь приложеніе къ Россіи объясненій, данныхъ американскимъ ученымъ Whitney'емъ къ преріямъ штата Огіо.

Такъ какъ явленія, наблюдавшіяся въ Америкѣ, имѣютъ громадное сходство съ тѣми, которыя мы видимъ у насъ, я позволю себѣ на короткое время оставить наши степи и посмотрѣть какія изслѣдованія и объясненія природы страны своей дѣлали Американцы. Ихъ гипотезы проливаютъ много свѣта и на положеніе лѣса у насъ.

Подобно тому, какъ у насъ въ Россіи—сѣверъ Америки былъ одѣтъ ледниками. Какъ у насъ онъ представляетъ сѣть озеръ и болотъ, къ югу отъ котораго тянутся ровныя пространства съ суглинистою сходною съ лессомъ почвою. Эта область есть переходная, лѣсостепная, причемъ чѣмъ далѣе на западъ, тѣмъ суше дѣлается ея климатъ и западнѣе 100° ЗД, мы уже имѣемъ дѣло съ чистою, подобною пустынѣ степью. Распредѣленіе лѣса и степи здѣсь также неправильно; прерія языками глубоко внѣдряется въ область лѣса и наоборотъ, острова лѣса далеко уходятъ въ глубь степей. И тамъ и здѣсь однѣми данными климата нельзя объяснить этой неправильности. Если мы будемъ ближе наблюдать лѣса области прерій, мы замѣтимъ, что эти послѣднія занимаютъ, какъ и у насъ, или *рѣчныя долины*, или возвышенныя неровныя мѣста среди степей или изрѣзанные оврагами правые берега рѣкъ, или мѣста съ рыхлою почвою песчанаго характера. Почва прерій, какъ сказано, весьма сходна съ черноземною. Од-

нако разногласій по поводу объясненія всѣхъ этихъ явленій гораздо больше, чѣмъ то думаетъ Костычевъ, ограничивающійся тѣмъ, что цитируетъ въ трудѣ своемъ одного только Whitney'я, взглядъ котораго ему казался удобоприложимымъ къ нашимъ степямъ. Дѣло въ томъ, что, наблюдая прерію въ различныхъ ея мѣстахъ, разные наблюдатели, какъ и у насъ, пришли къ объясненіямъ безлѣсья діаметрально противоположнымъ.

Whitney, какъ то и приводитъ намъ Костычевъ, думаетъ, что мелкоземлистая почва слишкомъ плотна и гидроскопична, чтобы могла проникать глубоко въ нее влага. Подпочва ея *суха* и верхніе слои, увлажняясь лишь на короткое время, могутъ естественно питать лишь недолговѣчную травяную растительность. Взятая сама по себѣ почва прерій суха и негодна для земледѣлія, таковою она и считалась, пока не было узнано, что разрыхленіе ея, способствуя лучшему прониканію влажности, дѣлаетъ ее болѣе пригодною для хлѣбныхъ растеній. Земледѣліе, предѣлъ которому полагали до 98° д., теперь вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ продвинулось вглубь сухой преріи до 102° д.

Замѣчено было также, что во многихъ мѣстахъ преріи являлись лѣса послѣ разрыхленія почвы человѣкомъ, а посаженныя деревья развивались вполнѣ успѣшно.

Но все это прекрасно, пока рѣчь идетъ о западныхъ завѣдомо-безлѣсныхъ сухихъ частяхъ преріи.

Другую картину мы увидимъ, если перейдемъ ближе къ великимъ озерамъ, напримѣръ въ Штатъ Иллинойсъ и послушаемъ, что говорятъ о нихъ изслѣдователи ихъ Winchell, Lesquereux и Engelmann, взглядъ которыхъ и наблюдательность пользуются не меньшею компетенціею, чѣмъ и Whitney'я.

Они такъ же рисуютъ, какъ и здѣсь, ту же картину распредѣленія лѣсовъ и степей, что мы дали и раньше.

Но характеръ ихъ иной. Вездѣ, гдѣ прерія занимаетъ равные водораздѣлы, говоритъ Engelmann, она совершенно безлѣсна. Ея почва отличается влажностью. Стоитъ порыться на самую ничтожную глубину, чтобы встрѣтить подпочвенную воду. Почва прерій, по его мнѣнію, только потому не можетъ производить деревья, что только верхній тонкій слой ея, просыхая, дѣлается доступнымъ для кислорода воздуха. Глубже корни растеній, нуждаясь въ кислородѣ, не находятъ его и

задыхаются. Причина безлѣсія прерій *та же, что и безлѣсія ровныхъ луговыхъ пространствъ*, заливаемыхъ весною, гдѣ долго держится подпочвенная вода и гдѣ, какъ извѣстно, никогда не выростаетъ лѣсныхъ породъ; эти послѣднія появляются или около берега, гдѣ есть проточныя воды, или представлены особыми породами, приспособленными для такой ненормальной жизни. Гдѣ изъ почвы прерій выступаютъ скалы или ея почва рыхла, или близъ проточныхъ водъ, или тамъ, гдѣ человѣкъ разрыхляя даетъ ей воздуху—успѣшно развиваются деревья.

Такимъ образомъ по изслѣдованіямъ этихъ ученыхъ выходитъ, что причины безлѣсія прерій пресыщеніе ея почвъ водою, а вовсе не сухость ея подпочвы, какъ то думаетъ Whitney.

Прекрасныя описанія Lesquereux еще болѣе убѣждаютъ въ справедливости послѣдняго воззрѣнія. Онъ рисуетъ намъ картину развитія преріи слѣдующимъ образомъ. Проходя по широкимъ заливнымъ рѣкамъ Миссисипи, Миннзота и др., мы видимъ, что онѣ тянутся на громадное пространство въ сторону отъ рѣки. Луговая растительность ихъ постепенно и незамѣтно, по мѣрѣ поднятія почвы, переходитъ въ флору преріи, такъ что сказать, гдѣ кончаются луга и начинаются преріи —нѣтъ рѣшительно ни какой возможности.

То же самое наблюдается и въ окрестностяхъ великихъ озеръ. Лугово-болотныя низины съ иловато-черноземной почвою тянутся на громадныя разстоянія вокругъ этихъ озеръ и лѣса здѣсь являются лишь на холмахъ съ инаго строенія почвою, совершенно эквивалентныхъ и нынѣ существующимъ по озерамъ островамъ также лѣсистымъ. Далѣе, поднявшись на водораздѣлы, мы встрѣчаемъ области безчисленнаго множества мелкихъ озеръ, полузаросшихъ высокими травами, иногда расширяющихся на многія версты, иногда прерывающихся совершенно, или соединенныхъ медленно текущими, иногда пересыхающими протоками. Между ними по степи раскиданы меньшей величины озерки; многія изъ этихъ послѣднихъ чрезвычайно маленькія, настоящія блюдечки.... Почва между ними то болотистая, то настоящая прерія. Далѣе они мало-по-малу выводятъ на болѣе сухую волнистую прерію, изрѣзанную рядомъ низкихъ и слабыхъ ложбинъ, слѣдуя которымъ, многія версты можно пройти къ верховьямъ одной изъ рѣкъ системы Миссисипи.

Lesquereux полагаетъ, что такой характеръ рельефа области прерій, имъ изучаемой, есть результатъ недавняго покрытія этой преріи водами. Массы водъ, сплошь покрывая область прерій и медленно стекая къ естественной тектонической низинѣ Миссисипи, съ одной стороны, отложили ея мелкоземлистый грунтъ, съ другой стороны, дали тѣ слабыя ложбины, благодаря которымъ, прерія стала волнистою. Когда опали воды, дождевая и снѣговая вода, устремляясь по этимъ ложбинамъ къ Миссисипи, промыла болѣе или менѣе глубокія ложбины и рѣчныя русла. Высокіе берега ихъ дали начало оврагамъ. Эти послѣдніе, разрастаясь внутри водораздѣловъ, осушили дренировали прерію, давая въ этихъ послѣднихъ пунктахъ возможность существованія лѣсамъ. Неуспѣвшіе же дренироваться водораздѣлы имѣютъ видъ преріи описаннаго характера.

Не входя въ обсужденіе справедливости этихъ воззрѣній, приведу въ заключеніи описаніе растительности прерій. Это травяное море, въ которомъ фигурируютъ формы родовъ близкихъ и сходныхъ со степными, далеко не однородно. Тутъ вы видите хватающія до пояса цвѣтущія травы, тамъ далѣе сухія плато покрытыя низкорослымъ тончакомъ и эквивалентами нашихъ ковылей и тонконоговъ.

Lesquereux высказываетъ прямо, что всѣ преріи р. Миссисипи образовались путемъ медленнаго спада водъ различной величины водоемовъ, превратившихся сперва въ болота, а затѣмъ мало-по-малу высохшихъ. Высоколежащія преріи и лѣса, лежащіе по берегамъ рѣкъ и озеръ суть слѣдствія одной и той же причины и составляютъ одно цѣлое, одну нераздѣльную систему.

На это, конечно, говоритъ онъ, можно возразить и сказать: какимъ же образомъ прерія, такимъ путемъ происшедшая, далеко не повсюду совершенно горизонтальна. Почему на ней есть неровности, и, разъ эти неровности произошли инымъ путемъ, чѣмъ описанные озерные острова и береговыя возвышенности, почему онѣ также лишены древесной растительности.

Я полагаю, говоритъ онъ далѣе, что поверхность прерій, хотя теперь и волнистая, прежде была достаточно горизонтальная, чтобы образовать мелкія озера, а затѣмъ и болота, подобныя тѣмъ, которыя по настоящее время покрываютъ нѣкоторыя мѣ-

стности вдоль береговъ Эри, Мичигана и т. д. Если эта горизонтальность теперь исчезла, то только весьма постепенно и медленно подъ вліяніемъ размывающей дѣятельности воды, которая во время медленнаго движенія, слѣдуя за ничтожными уклонами уровня, проложила себѣ пути стока. Я слѣдилъ въ теченіе нѣскольких дней пути низины прерій и замѣтилъ, какъ постепенно и незамѣтно переходили они къ глубокимъ и рѣзче выраженнымъ ложбинамъ и наконецъ къ ложу рѣкъ путемъ своихъ неправильныхъ извивовъ на подобіе извивовъ нѣкоторыхъ болотъ на почти горизонтальной равнинѣ.

Одинъ изъ интереснѣйшихъ и важнѣйшихъ методовъ землевѣдѣнія это методъ сравнительнаго изученія аналогичныхъ и сходныхъ областей. Изучая и сравнивая ихъ, мы нерѣдко имѣемъ возможность изучать двѣ стадіи развитія одного явленія, будь оно общественное или физико-біологическое. Географія зачастую даетъ намъ возможность видѣть живую старину той природы, которая составляетъ нашу обстановку. И близкое изученіе американской преріи, мнѣ кажется, для насъ русскихъ, должно быть особенно плодотворно. Принявъ во вниманіе то, что сейчасъ будетъ сказано и, по многимъ причинамъ, можно разсматривать какъ такую „живую старину нашихъ степей".

Мы оставили вопросъ о древности черноземнаго пространства на той стадіи его развитія, когда, опровергнувъ устарѣлое воззрѣніе Рупрехта, мы рѣшили разсматривать ее, какъ область, лежавшую у периферіи Скандинавскаго ледника. Въ этомъ отношеніи она совершенно аналогична Американской преріи, которая была покрыта водами ледниковъ Американскихъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ почву нашихъ степей подстилаютъ желто-бурыя глины, напоминающія такъ называемый лессъ, или желтоземъ, весьма сходный съ плодородною желтою землею Китая и Туркестана.

Извѣстно, что существуетъ теорія происхожденія этого лесса въ Азіи исключительно путемъ осажденія атмосферной пыли. Однако для З. Европы и Россіи мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ вѣрить въ эту гипотезу, нераздѣляемую нынѣ и большинствомъ Европейскихъ ученыхъ. Крупные куски камней и прослойки песку, попадающагося въ нашемъ лессѣ, далеко не вездѣ однородная структура такихъ суглинковъ, которыя если не какъ правило, то какъ весьма частое исклю-

ченіе наблюдается на нихъ отъ Галле и до Воронежа, давно уже заставили значительный процентъ ученыхъ, во главѣ которыхъ можно поставить имена такихъ авторитетовъ, какъ Плина въ Германіи Павлова и Иностранцева, высказываться, что толща лессовиднаго суглинка отложена дѣятельностью водъ, а матерьялъ для нихъ дала морена Скандинавскаго ледника.

Особенно поучительны данныя, касающіяся Германіи. Скандинавскій ледникъ, какъ извѣстно, тамъ не сохранялъ постоянныхъ размѣровъ. Во время такъ называемыхъ междедниковыхъ періодовъ онъ сильно сокращался и возвращался вновь. Область этихъ колебаній тамъ покрыта лѣсами, напротивъ, недавно, послѣ окончательнаго стаиванія освобождавшіяся сѣверныя губерніи покрыты лежащими на поверхности валунами, безчисленными болотами и озерами, неправильною бугристой поверхностью почвы, носящей характеръ наноса поддонной морены, а гдѣ изъ земли выступаютъ скалы, тамъ видны на нихъ царапины и шлифовка.

Напротивъ вся та область, которая подъ конецъ эпохи покрытія льдами была свободна отъ льдовъ, гдѣ старыя ледниковыя морены подвергались размыванію и покрывались осадками, выносившимися ледниковыми рѣками—тамъ мы не замѣчаемъ болѣе чертъ такого ландшафта; поверхность страны отличается равнинностью,—она изрѣзана лишь болотами и рѣчными долинами и покрыта ровнымъ слоемъ желто бураго-лессовиднаго суглинка.

Въ этомъ смыслѣ черноземная Россія и южная Германія дѣйствительно области болѣе древней суши, чѣмъ ихъ сѣверныя богатыя водами части.

Онѣ покрыты выносами, лежавшими внѣ области оледенѣнія, захваченными ледникомъ лишь во время колебаній его края.

Такимъ образомъ сходство въ положеніи относительно ледниковъ скандинавскаго и американскаго у прерій и нашихъ степей полное и, если мы примѣнимъ гипотезу Lesquereux къ нашимъ преріямъ, то, вопреки господствующимъ мнѣніямъ, должны будемъ допустить, что нѣкогда степи наши имѣли тотъ же характеръ, что и сходныя части преріи. Степь наша должна быть дальнѣйшею стадіею усыханія лугово-болотной преріи, обогащенной водами тающихъ ледниковъ.

Спрашивается, есть-ли данныя въ пользу такого предположенія.

Мы видѣли, что характеръ распредѣленія лѣсовъ въ Америкѣ напоминаетъ то, что наблюдается у насъ и распредѣленіе это у насъ объясняется лишь избыткомъ влаги въ подпочвѣ въ предъидущія времена.

Въ Нижегородской губерніи лѣса придерживаются водораздѣловъ. Поволжье можно разсматривать какъ рядъ холмовъ изъ пермскихъ породъ, промежутки между которыми выполнены лессомъ. Вершины холмовъ, гдѣ толщи этого лесса ничтожны, несутъ богатую и разнообразную лѣсную растительность. На лессахъ она бѣднѣетъ водами или прямо отдѣляется степью. Въ черноземныхъ губерніяхъ Россіи лѣса также придерживаются водораздѣловъ. Изслѣдованіе Полтавской губерніи показало, что самые высокіе водораздѣлы суть вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе богатые видами, какъ лѣсными, такъ и степными. Еще профессоръ Цингеръ указывалъ на тотъ любопытный фактъ, что обнаженія известняковъ особенно богаты задемичными видами, что это виды горные, альпійскіе, являющіеся, повидимому, остатками нѣкогда болѣе распространенной флоры, одѣвавшей югъ Россіи въ періодъ существованія скандинавскаго ледника. Занимаясь въ настоящее время разработкою флоръ Ю. Россіи, я вижу аналогичные факты, но гораздо болѣе любопытные.

Оказывается, что комплексъ формъ, такъ называемая формація черноземной преріи, оставаясь въ основныхъ чертахъ тою же самою на всемъ протяженіи нашихъ степей, мѣстами оказывается обладающею рѣдкими и замѣчательными формами; формы эти пріурочены только къ болѣе возвышеннымъ пунктамъ степи. Такъ напримѣръ, въ Константиноградскомъ уѣздѣ, степи на 25 видовъ богаче, чѣмъ въ Хорольскомъ или Кобелякскомъ Полтавской губерніи. Въ степи Войска Донскаго есть болѣе десятка формъ, не свойственныхъ губерніи Полтавской. Старобѣльскій уѣздъ богаче видами, чѣмъ Лебединскій.

Наблюдая распространеніе, какъ представителей лѣсной, такъ и степной формаціи, въ губерніяхъ Харьковской и Полтавской, нельзя не видѣть слѣдующихъ 2-хъ характерныхъ явленій.

Флора лѣса точно такъ же, какъ и флора степи становится тѣмъ богаче, чѣмъ выше мѣстность надъ уровнемъ моря.

Чѣмъ ближе къ бассейну Днѣпра и ниже надъ уровнемъ

моря, тѣмъ болѣе луговыхъ элементовъ въ растительности черноземной степи.

Виды, присущіе только возвышеннымъ водораздѣламъ, суть исключительно виды субальпійской, зоны Кавказа и Урала. Наиболѣе рѣдкіе альпійскаго характера виды какъ, напримѣръ, Centauren montanu Palygala majois Scutellaria orientalis повидимому вымераютъ и выискиваютъ болѣе влажные пункты степи. Г. Космовскій въ Тамбовской губерніи въ своей только что вышедшей работѣ показываетъ, что флора ровной цѣлины отличается необыкновенною бѣдностью, тогда какъ богатая и интересная для ботаника флора группируется по• склонамъ балокъ. Гораздо раньше на то же самое явленіе было указано мною въ губерніи Астраханской. На Ергеняхъ цѣлина водораздѣловъ представляетъ однообразную полынно типчаковую степь. Склоны балокъ, напротивъ, покрыты богатою черноземною флорою, которая помимо балокъ, но уже хуже представленная, попадается только въ падинахъ, т. е. низинкахъ и воронкахъ на ровной степи—играя ту же роль среди степи полынной, что въ Полтавской губерніи луговая флора среди черноземной.

Эти факты, посколь они мало интересны для ботаника, постоль важное значеніе они имѣютъ для географа. Изъ нихъ видно, что 1) Наиболѣе возвышенныя части имѣютъ флору болѣе богатую, чѣмъ болѣе низменныя. Донецкій кряжъ и южная оконечность средне русскаго плато, равно какъ и его восточные отроги имѣютъ флору, не смотря на мѣстами болѣе *сухой климатъ, чъмъ къ западу лежащія части, флору болъе влажнаго характера, имъющую много общихъ съ субалпійскою зоною видовъ.* 2) Растительность степи является обѣдненною даже тѣми формами, которыми она обладала ранѣе. Ибо чѣмъ же инымъ можно объяснить богатство растительности склоновъ балокъ, и альпійскихъ видовъ высотъ, какъ не тѣмъ, что здѣсь, благодаря большой влажности, сохранилась та болѣе богатая флора степи, которая вымерла на равнинѣ.

Все это лишь подтверждаетъ предположеніе не находится ли стевь въ стадіи усыханія. Неявляется ли Американская прерія живою стариною южно-русской черноземной степи?

Много загадочныхъ данныхъ сдѣлаются явными при такой новой постановкѣ вопроса.

Всѣ сельскіе хозяева единогласно жалуются на увеличе-

ніе засухъ. Географъ, проѣзжая по степямъ и разговаривая съ помѣщиками, постоянно слышитъ разсказы, что такая то степь была покрыта озерами и болотцами, а теперь тамъ сухая пустыня; что старожилы помнятъ, что трава тамъ то хватала по поясъ, а теперь нечего сощипнуть и лошади, что въ такой то балкѣ утонуло войско, а теперь тамъ кромѣ пыли ничего нѣтъ. Слѣды якорей мельницъ и плотинъ въ сухихъ балкахъ неисчислимы.

Между тѣмъ климатологи говорятъ, что климатъ нашъ не мѣняется, и сторонники ихъ употребляютъ всевозможныя натяжки для объясненія вышесказанныхъ явленій.

Мнѣ кажется единственное объясненіе всего сказаннаго это то, что у насъ бѣднѣетъ влагою *не воздухъ*, а почва. Мелкозернистыя частицы теперь задерживаютъ воду у поверхности не давая ей проникать далеко вглубь. Это у насъ совершенно такъ же, какъ и въ Америкѣ и это было показано и мною и Клоссовскимъ. Но какъ теперь подпочва въ Америкѣ, такъ у насъ прежде, пока край былъ наводненъ, а рѣки не прорѣзали глубокихъ руслъ своихъ—была пропитана у насъ ранѣе влагою. Влага подпочвенная и поверхностная соприкасались другъ съ другомъ, давая пищу лугово-болотной растительности, дававшей массы органическаго вещества, насчитывавшую въ своихъ рядахъ виды влажныхъ альпійскихъ луговъ и создававшую ту черногрязь, которая характеризуетъ подпочвы прерій и сибирскихъ степей. Эти условія и дали тотъ громадный запасъ перегноя, который образовалъ черноземъ. На болотное происхожденіе чернозема указывалъ еще проф. Борисякъ, но онъ смѣшивалъ черноземъ съ торфомъ, а потому взглядъ его былъ опровергнутъ Докучаевымъ. Между тѣмъ виды болотно луговой преріи имѣютъ всѣ сходныя съ черноземными, мало дренированныя преріи.

Представимъ себѣ, что дренажъ рѣчными долинами и оврагами изрѣзалъ водораздѣлы, лишилъ подпочвенные слои влаги, изсушилъ ихъ до того, что позднею осенью подпочва имѣла всего 11% влаги; естественно условія степной жизни должны были измѣняться. По прежнему дождевая влага задерживается *лишь у поверхности*. Но она теперь исчезаетъ послѣ лѣтнихъ суховѣевъ безслѣдно. Пашни, какъ встарину дающія урожай безъ дождей, стали рѣдкость. Между зоною подпочвенной влаги и поверхностною образовалась промежуточная—су-

хая. Подпочвенная влага опускалась ниже и ниже, дождевая смачивала все болѣе и болѣе тонкій слой ограничиваясь только поверхностью.

Поемно-болотная флора вымерла, уступивъ свое мѣсто черноземной, ютившейся нѣкогда на высотахъ, а эта послѣдняя въ восточной, болѣе сухой половинѣ Россіи, страдаетъ отъ засухи, и можетъ жить лишь на склонахъ овраговъ. Не чувствительная прежде къ суховѣямъ, пашня становится все болѣе и болѣе чувствительною, а дождевая вода, стекая въ балки и не обогащая подпочвы, обусловливаетъ наводненія, но не питаетъ прежнихъ рѣкъ.

Лѣса, пріуроченные прежде къ водораздѣламъ и какъ въ Америкѣ къ дренированнымъ берегамъ рѣкъ, получили возможность распространенія вглубь степи, разрыхляя ее корнями, приготовляя рыхлую лучше, чѣмъ степная экономизирующую дождевую влагу почву.

Конечно, невсюду лѣсъ можетъ одолѣть степь; кто видѣлъ жалкую растительность донскихъ балокъ, кто видѣлъ, что въ Астраханской губерніи самая почва лишилась чернозема и менѣе прихотливой преріи, тотъ убѣдится, что и прерія, и лѣсъ, всегдашній ея спутникъ, чувствуетъ себя здѣсь плохо, передъ наступающею азіатскою флорою. Но въ средней полосѣ смѣна степи лѣсами можетъ происходить въ грандіозныхъ размѣрахъ.

Между степями Азіи и украинскою степью по исторіи ихъ развитія большая разница. Степь азіатская есть одна изъ великихъ областей усыханія. Здѣсь, вслѣдствіе прогрессивнаго усыханія озеръ и морей, являются солонцы, такъ же щебневыя пустыни и летучіе пески. Они оспариваютъ другъ у друга существованіе, то расширяясь, то съуживая свои районы, въ зависимости отъ роковаго хода судьбы края.

Русско-Сибирская черноземная полоса—есть *область дренажа* нѣкогда озерно болотной переферической части Скандинавскаго ледника. Съ исторіею этого дренажа связана судьба почвенной жизни перемѣщенія лѣсныхъ и степныхъ формацій черноземной полосы.

Во многихъ мѣстахъ еще возможно видѣть на ровныхъ водораздѣлахъ измененное первобытное состояніе степи.

Такъ степи Хорольскаго уѣзда, въ имѣніи А. П. Родзянко, особенно поучительны въ этомъ отношеніи. Мы имѣемъ тамъ

равнину, среди которой раскиданы самой неправильной формы, и самой разнообразной величины низинки; мѣстами низинки эти переходятъ въ болота и озерки; мѣстами онѣ имѣютъ совершенно круглую, какъ блюдечко, форму и наполнены водою. Растительность степи болотная и луговая въ низинкахъ и степная на мѣстахъ болѣе возвышенныхъ.

Такой въ сущности рельефъ при ближайшемъ разсмотрѣніи представляетъ черноземная степь вездѣ, гдѣ она не изрѣзана оврагами и балками. Низинки, постепенно ведущія къ балкамъ или со всѣхъ сторонъ совершенно замкнутыя, такъ называемыя воронки, были замѣчены и въ другихъ уѣздахъ, а также въ Харьковской губерніи. О такихъ же воронкахъ и степныхъ болотахъ пишутъ профессора Борисякъ и Леваковскій, я ихъ видѣлъ въ губерніи Рязанской и даже въ столь, повидимому, сухихъ мѣстахъ, какъ возвышенность Ергени въ Астраханской губерніи. Вездѣ флора такихъ низинокъ отличается присутствіемъ большаго числа луговыхъ и болотныхъ растеній, а на самой степи тамъ и сямъ раскиданы формы поемныхъ луговъ и побережій большихъ русскихъ рѣкъ, очень рѣдко попадающихся по рѣкамъ маленькимъ.

Сводя все сказанное, невольно рисуется слѣдующая картина развитія нашихъ степей: теперь онѣ находятся, подобно преріямъ, въ переходномъ состояніи; въ періодъ, когда сѣверъ Россіи былъ подъ льдами, а югъ затоплялся водами лишь на немногихъ возвышеннымъ пунктахъ, ютились представители теперешней флоры, какъ и теперь на вершинахъ Кавказа, напримѣръ около ледниковъ Сванетіи, флора же представляла смѣсь, такъ называемыхъ алпійскихъ и луговыхъ и лѣсныхъ формъ.

По мѣрѣ того, какъ снѣгъ удалялся ледникъ и обсыхала пропитанная ледниковыми водами почва—освобожденная территорія занималась луговою флорою,—остатки которой всюду разсѣяны въ степяхъ.

Путемъ постепеннаго углубленія рѣчныхъ руслъ, образованія вдоль ихъ береговъ овраговъ, степи дренировались болѣе и болѣе.

Изъ стадіи влажной преріи, напоминающей ту, въ какой находятся безлѣсныя части сѣверныхъ Американскихъ прерій степи, она пришла въ современное состояніе. Пріуроченныя къ древнимъ центрамъ распространенія, альпійскія фор-

мы болѣе не размножаются, а медленно вымираютъ. Степныя формы тѣснятъ луговыя, уходящія къ низменнымъ побережьямъ рѣкъ.

Но за то на дренированной почвѣ является просторъ для развитія лѣса. Ютясь прежде по балкамъ, онъ путемъ корневыхъ отпрысковъ, разрыхляя почву, дѣлая ее проницаемѣе для дождевой влаги двигается далѣе и далѣе вглубь степи *). Съ перваго взгляда покажется страннымъ, что лѣсъ можетъ теперь вторгаться въ степь, когда тамъ даже трава страдаетъ отъ засухи. Мы видѣли, что въ преріи онъ не росъ отъ ея заболотности. *На ровной* степи теперь, когда она дренирована, онъ не растетъ отъ ея сухости. Но не растетъ онъ потому, что почва эта суха вслѣдствіе ея структуры, вслѣдствіе того, что, замерзая зимою, затвердѣвая лѣтомъ, она плохо пропускаетъ воду дождя, который смачиваетъ лишь верхніе слои ея.

Иное дѣло, когда, укоренившійся въ оврагахъ, гдѣ есть влага и ключи лѣсъ, выступая на ровное мѣсто, дѣятельностью корней измѣнитъ ея структуру и защититъ отъ замерзанія зимою опавшею листвою и шатромъ вѣтвей.

Мои наблюденія показали, что не замершая зимою, весной при таяніи снѣга почва эта подъ лѣсомъ дѣйствуетъ какъ губка и впитываетъ при весеннемъ таяніи снѣга массу воды не заболачиваясь. Эти то запасы и даютъ лѣсу силу бороться со степью **).

Мы застаемъ такимъ образомъ на нашихъ степяхъ три процесса: вытѣсненіе *степью* лугово-болотной преріи и степи лѣсомъ. Человѣкъ своимъ вмѣшательствомъ, конечно, теперь сильно нарушилъ этотъ ходъ вещей, но тамъ, гдѣ еще есть цѣлинныя мѣста, тамъ его можно наблюдать и понынѣ.

Такова картина исторіи развитія нашей степи, напрашивающаяся невольно послѣ всего, что мы знаемъ о ея природѣ.

Исторія эта тѣмъ вѣроятнѣе, что мы знаемъ, послѣ зоологическихъ изслѣдованій г. Неринга, что западная Европа прошла почти что тѣ же стадіи.

Послѣдовательно послѣ ледниковаго періода она прошла стадію тундры, когда тамъ водились сѣверные олени и пест-

---

*) Теперь, конечно, движенію этому положилъ предѣлъ человѣкъ.

**) См. объ этомъ статьи въ трудахъ Харьковскаго Общества Сельскаго Хозяйства за этотъ годъ.

рушки, затѣмъ тундра смѣнилась *степью* съ сусликами и сайгою и лишь ко временамъ Тацита Европа одѣлась лѣсами, пріютившими дикія орды Германцевъ.

У насъ человѣкъ ранѣе вмѣшался въ борьбу лѣса и степи. Истребивъ и ту и другую формацію, онъ затруднилъ наблюденія за ходомъ дѣла. Вотъ почему до послѣдняго времени неразрѣшимыми казались такія загадки, какъ жалобы хозяевъ на увеличеніе засухъ, обѣднѣніе и изсяканіе рѣкъ, на ряду съ убѣжденіемъ метеорологовъ, что климатъ нашъ не мѣняется— и несомнѣнные факты активнаго распространенія лѣса изъ балокъ.

Допустивъ, что обѣднѣніе водою рѣкъ, помимо дѣятельности человѣка есть роковое слѣдствіе естественнаго *дренажа* степи, а распространеніе лѣса—слѣдствіе измѣняющей почву дѣятельности корней—намъ будутъ понятны эти загадки.

А. Красновъ.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

12 членовъ Харьковск. Губ. Статистическаго Комитета задумали составить „Описаніе Харьковской губерніи" въ естественно и культурно-историческомъ отношеніяхъ. Въ основу этого труда будутъ положены какъ пособія, такъ и источники первой руки. Для пополненія нѣкоторыхъ отдѣловъ (напримѣръ, географическаго, геологическаго) организуются ученыя экскурсіи по губерніи. Къ сожалѣнію, устройство такихъ экскурсій по другимъ отдѣламъ (напримѣръ, этнографическому, историко-географическому и т. д.) оказывается невозможнымъ по недостатку денежныхъ средствъ. Но здѣсь изслѣдователи возлагаютъ надежды на общество. Они составили нѣсколько программъ—(по этнографіи, быту, исторической географіи съ археологіей и языку) и печатаютъ ихъ въ настоящемъ выпускѣ „Харьковскаго Сборника", въ надеждѣ получить соотвѣтственные отвѣты отъ лицъ, близко стоящихъ къ народной жизни — сельскихъ священниковъ, народныхъ учителей и учительницъ, инспекторовъ народныхъ училищъ, земскихъ врачей и фельдшеровъ, студентовъ и семинаристовъ, земскихъ начальниковъ, мѣстныхъ землевладѣльцевъ и управляющихъ и вообще отъ всѣхъ, кто сможетъ и пожелаетъ отвѣтить, хотя бы на одинъ или на нѣсколько вопросовъ любой изъ программъ. Всякій, кто сдѣлаетъ сообщеніе, можетъ быть увѣренъ, что оно не пропадетъ даромъ, не затеряется, а войдетъ въ такомъ или иномъ видѣ въ составляемую коллективнымъ трудомъ Харьковскихъ изслѣдователей книгу. Авторы отдѣльныхъ частей „Описанія" постоянно будутъ отмѣчать, откуда и отъ кого получены сообщаемые ими факты. Едва ли нужно доказывать, что давно уже чувствуется потребность въ такой книгѣ, которая бы заключала въ себѣ по

возможности всестороннее описаніе Харьковской губ. и была бы доступна по изложенію всякому образованному человѣку. Изслѣдователи даютъ gratis свой трудъ. Пусть же и мѣстное общество, для котораго предназначается это сочиненіе, придетъ на помощь данному предпріятію и поможетъ его осуществленію присылкою возможно большаго числа обстоятельныхъ отвѣтовъ на вопросы программъ.

Отвѣты присылать можно или въ Харьковскій Губернскій Статистическій Комитетъ, или авторамъ программъ.

Д. И. Багалѣй.

Програма для собиранія этнографическихъ свѣдѣній о крестьянскомъ населеніи Харьковской губерніи.

Харьковская губернія весьма мало изслѣдована въ этнографическомъ отношеніи. Въ послѣдніе годы изданы Петромъ Вас. Ивановымъ весьма цѣнные въ научномъ отношеніи матеріалы для характеристики міросозерцанія и быта крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда. Этнографическія данныя объ остальныхъ уѣздахъ Харьковской губерніи крайне незначительны и крайне разбросаны. Если усердіемъ и трудами одного лица въ предѣлахъ одного уѣзда сдѣлано такъ много, что матеріалами г. Иванова пользуются теперь не только русскіе, но и иностранные ученые (напр., чехъ Поливка), то можно по этому судить, какъ много лежитъ у насъ матеріала совсѣмъ нетронутаго и какъ сильно подвинулось бы впередъ дѣло изученія крестьянскаго населенія Харьковской губерніи, если бы примѣру г. Иванова послѣдовали многіе сельскіе учители и учительницы, священники и другія лица, близко стоящія къ народу. Желая посильно содѣйствовать укрѣпленію и расширенію мѣстныхъ этнографическихъ изученій, я предлагаю программу для собиранія этнографическихъ матеріаловъ о крестьянскомъ населеніи Харьковской губерніи. Програма составлена краткая, чтобы не утруждать и не запугать сложностью требованій тѣхъ лицъ, которыя могутъ быть привлечены къ этому дѣлу. Къ программѣ приложено нѣсколько руководящихъ наставленій относительно способа собиранія этнографическаго матеріала.

1) Мѣстоположеніе описываемаго села (уѣздъ, разстояніе отъ ближайшихъ городовъ и т. п.). Какъ народъ объясняетъ названіе и происхожденіе села. Преданія о прошломъ.

2) Численность и наружность жителей. Не обнаруживается ли въ наружности влiянiе инородческихъ примѣсей.

3) Языкъ. Особенности мѣстнаго говора въ словообразованiи и въ произношенiи словъ. Мѣстныя слова, реченiя и поговорки. Слѣды влiянiя литературнаго языка.

4) Что читаетъ народъ. Какiя книжки распространяются въ народѣ, какими путями.

5) Жилище. Устройство и убранство хатъ. Какое значенiе имѣютъ части дома: переднiй уголъ, печь, порогъ и др. Устройство двора и расположенiе дворовыхъ построекъ. Новѣйшiя измѣненiя въ устройствѣ хатъ. Въ какихъ частяхъ хаты бываютъ украшенiя (рѣзьба, раскраска). Гдѣ встрѣчаются въ хатахъ сволоки съ надписями и съ какими надписями.

6) Одежда мужчинъ и женщинъ, лѣтняя и зимняя, будничная и праздничная. Остатки старинныхъ одеждъ. Влiянiе городское. Стоимость одежды.

7) Пища богатыхъ и бѣдныхъ въ скоромные и въ постные дни; улучшается она или ухудшается и почему; городское влiянiе; значенiе мѣстныхъ лавчонокъ. Способы освѣщенiя.

8) Болѣзни наиболѣе свойственныя селенiю. Народныя врачебныя средства. Мѣстные знахари. Отношенiе къ врачамъ. Какъ и чѣмъ лѣчатъ скотъ.

9) Главныя занятiя: земледѣлiе, пчеловодство, садоводство, кустарные промыслы—прежде и нынѣ.

10) Религiозное настроенiе народа. Сектанты. Сказанiя и преданiя о мѣстныхъ наиболѣе чтимыхъ иконахъ, церквахъ, монастыряхъ. О крестьянской благотворительности. Шпитали.

11) Умственное состоянiе народа. Мѣстныя средства образованiя. Отношенiе крестьянъ къ школѣ и учителю (сравн. § 4).

12) Нравственное состоянiе народа. Положенiе женщины въ семьѣ и обществѣ. Отношенiе родителей къ дѣтямъ, хозяевъ къ наймитамъ. Кабаки. Пьянство. Проституцiя.

13) Пѣсни и обычаи, соблюдаемые при рожденiи и крещенiи ребенка. О вечерницахъ. Свадебныя пѣсни и обряды. Свадебные расходы. Похоронные обряды, причитанiя и поминки.

14) Народный календарь. Пѣсни, обряды и повѣрья, относящіеся къ празднику Рождества Христова, масляной, Воскресенію Христову, Вознесенію, ко дню св. Георгія Побѣдоносца, дню Ильи пророка и др.

15) Повѣрья, обряды, поговорки и сказанія, связанные съ пасхальными писанками. Какіе рисунки бываютъ на писанкахъ. Народныя названія писанокъ и на что употребляются онѣ въ быту народномъ.

16) Пѣсни, обряды и повѣрья при посѣвѣ хлѣба, жатвѣ, свозкѣ въ клуни, печеніи хлѣба и пр. т. п.

17) Народныя игры и забавы, дѣтскія, юношескія, взрослыхъ людей. Танцы. Музыка. Мѣстные музыкальные инструменты.

18) Повѣрья и обычаи при повальныхъ болѣзняхъ, скотскомъ падежѣ, пожарахъ. Обычаи базарные и ярмарочные.

19) Народная демонологія: колдуны, вѣдьмы, упыри, вовкулаки, лѣшіе, водяные, русалки и проч. Обереги отъ злыхъ духовъ и вѣдьмъ.

20) Народная зоологія: повѣрья и сказки о мѣстныхъ животныхъ.

21) Народная ботаника: повѣрья и сказки о мѣстныхъ растеніяхъ; названія ихъ.

22) Народные юридическіе обычаи относительно сватовства, развода, раздѣла имущества, найма рабочихъ, арендъ и по преступленіямъ противъ собственности, личной безопасности, женской чести, противъ нравственности и благочинія.

23) Народная поэзія: сказки, пѣсни, преданія, заговоры, пословицы и пр. О кобзарахъ и лирникахъ (имя, фамилія, гдѣ учились, у кого, какія пѣсни и сказанія извѣстны).

Примѣчанія: 1) При описи обозначается званіе, имя, отчество, фамилія и мѣсто жительства автора.

2) Описатель по своимъ личнымъ наклонностямъ и по количеству и качеству имѣющагося въ распоряженіи этнографическаго матеріала одни параграфы въ этой примѣрной программѣ можетъ совсѣмъ пропустить, другіе внести отъ себя, можетъ остановиться только на одномъ параграфѣ и разработать его подробно.

3) Въ записяхъ излагается лишь фактическій матеріалъ безъ теоретическихъ разсужденій. Литературнаго изложенія не требуется.

4) Всѣ записи должны быть написаны съ широкими полями и съ обратной бѣлой стиховой бумаги.

5) Подробностями не пренебрегать, какъ бы сообщаемые факты ни казались малыми и незначительными. (Наука не знаетъ мелочей въ народной жизни: для нея все одинаково важно).

6) Пѣсни, преданія и повѣрья нужно записывать точно, со словъ крестьянъ, не внося собственныхъ дополненій или поправокъ. Указывать всѣ поясненія крестьянъ, какъ бы странными и ошибочными не представлялись они.

7) При каждой пѣснѣ, сказкѣ или преданіи должно быть обозначено—когда, гдѣ и отъ кого (имя, отчество, фамилія, возрастъ) записано.

8) По каждому изъ параграфовъ программы можно получить дополненія и разъясненія, обратившись письменно къ профессору Харьковскаго университета, члену Статистическаго Комитета, Николаю Өедоровичу Сумцову.

9) Желающіе получить подробную программу для собиранія этнографическихъ свѣдѣній благоволятъ обращаться съ просьбой въ этнографическій отдѣлъ Императорскаго общества любителей естествознанія при Московскомъ университетѣ.

10) Этнографическіе матеріалы и изслѣдованія доставляются въ Харьковскій губернскій статистическій комитетъ.

Н. Ө. Сумцовъ.

Программа для описанія быта сельскаго населенія Харьковской губерніи.

1) Населенныя мѣста: разнаго рода поселенія и ихъ характеръ.

2) Крестьянскія постройки: разные виды построекъ, общій планъ, матеріалъ и стоимость. Предметы обстановки и домашней утвари. Матеріалы для отопленія и освѣщенія.

3) Пища и одежда крестьянъ: описаніе той и другой съ указаніемъ происходящихъ въ нихъ измѣненій и стоимость ихъ.

4) Крестьянская семья; составъ ся и отношенія между членами семьи. Семейные раздѣлы и ихъ причины.

5) Потребности средней крестьянской семьи и средства для ихъ удовлетворенія (бюджетъ крестьянскаго хозяйства).

6) Отходъ и переселенія крестьянъ: направленіе отхода и переселеній, размѣръ, причины того и другого; вліяніе ихъ на благосостояніе крестьянскаго населенія.

7) Формы мѣстнаго крестьянскаго землевладѣнія: участковое, старозаимочное и общинное владѣніе землей. Отличительныя черты того или другого, время возникновенія и происходящія въ нихъ видоизмѣненія.

8) Разныя формы, въ которыхъ проявляются общественные и индивидуальные инстинкты мѣстнаго населенія, напримѣръ, земельныя и промышленныя товарищества, разнаго рода артели, цехи, братства и проч.

9) Измѣненія, происходящія въ области нравовъ, нравственности и формъ жизни сельскаго населенія; причины этихъ измѣненій.

П. С. Ефименко.

Программа для собиранія историко-географических и археологических свѣдѣній.

Нѣтъ ли остатковъ старыхъ земляныхъ укрѣпленій въ селеніи или окрестностяхъ его? Нѣтъ ли пещеръ? Что въ нихъ находили? Каковы преданія о нихъ? Не было ли раскопокъ въ послѣднее время? Гдѣ находятся найденные предметы? Нѣтъ ли старыхъ зданій, воздвигнутыхъ въ прошломъ вѣкѣ, и каково ихъ назначеніе (напр. церквей)? Нѣтъ ли старыхъ надписей на дверяхъ, потолкахъ и т. п.? Нѣтъ ли памятниковъ надъ могилами мѣстныхъ выдающихся дѣятелей, съ эпитафіями, надписями на нихъ? Не было ли находокъ (за послѣднее время) старинныхъ монетъ, оружія, предметовъ домашняго быта, одеждъ, украшеній и т. п. и какова была судьба находокъ? Нѣтъ ли у кого коллекцій мѣстныхъ древностей или отдѣльныхъ предметовъ, найденныхъ въ Харьковской губ., и каковы именно (старинная посуда, утварь, украшенія)? Нѣтъ ли въ храмахъ иконъ стараго письма, церковно-богослужебныхъ книгъ, старинной живописи, древней церковной утвари, замѣчательныхъ въ какомъ-либо отношеніи колоколовъ? Нѣтъ ли во владѣльческихъ усадьбахъ или вообще у кого-либо старинныхъ письменныхъ документовъ, въ видѣ архивовъ, фамильныхъ записокъ, воспоминаній, писемъ, важныхъ для характеристики мѣстныхъ дѣятелей; извѣстно, напримѣръ, что существовали раньше записки Квитокъ, Лесевицкихъ, Кондратьевыхъ, Тевяшевыхъ, Шевича; гдѣ онѣ теперь? Нѣтъ ли экономическихъ книгъ прошлаго вѣка, важныхъ для характеристики хозяйства, документовъ, касающихся состоянія крѣпостныхъ крестьянъ? Нѣтъ ли фамильныхъ или другихъ какихъ-либо портретовъ XVII—XVIII вѣковъ, картинъ мѣст-

наго пейзажа или жанра (преимущественно харьковскихъ художниковъ), альбомовъ, памятниковъ литературныхъ? Не сохранилось ли отъ стараго времени шпиталей (т. е. богадѣленъ), церковныхъ братствъ, цеховъ? Нѣтъ ли бандуристовъ или лирниковъ?

Нѣтъ ли свѣдѣній о времени основанія селеній, по письменнымъ документамъ или преданію? Нѣтъ ли указаній на прежнія названія того или иного селенія? Нѣтъ ли особыхъ названій для отдѣльныхъ частей селенія? Нѣтъ ли преданій или разсказовъ о переселеніяхъ жителей? Что разумѣется въ данной мѣстности подъ терминами—село, деревня, слобода, слободка, мѣстечко, хуторъ и т. п.? Нѣтъ ли преданій объ историческихъ сословіяхъ, происходившихъ въ этой мѣстности (татарахъ, запорожцахъ, шведахъ, гайдамакахъ, разбойникахъ). Нельзя ли получить свѣдѣнія о замѣчательныхъ уроженцахъ данной мѣстности и ея дѣятеляхъ? Нѣтъ ли въ окрестностяхъ селенія старинныхъ шляховъ (дорогъ)—татарскихъ, чумацкихъ и т. п. и каковы ихъ названія? Не сохранилось ли въ народѣ названія старыхъ шляховъ—Муравскаго, Изюмскаго, Кселміусскаго, Бакаева, Ромодана и др. и если да, то нельзя ли отмѣтить хотя отчасти ихъ протяженія и направленія? Въ Зміевскомъ и Изюмскомъ уѣздахъ и теперь существуютъ остатки такъ называемой Украинской линіи; желательно было-бы сдѣлать описаніе и измѣреніе остатковъ ея земляныхъ укрѣпленій (крѣпостей, редутовъ), а также и другихъ подобныхъ сооруженій (валовъ возлѣ сѣверскаго Донца и т. п.).

Какъ называетъ себя само населеніе и какъ называютъ его сосѣди? Чистое или смѣшанное населеніе (въ племенномъ отношеніи) живетъ въ данномъ поселкѣ? На сколько въ немъ сохранились старыя черты быта и на сколько оно подверглось вліянію новыхъ условій жизни (города, фабрикъ, солдатъ)? Какъ эти новыя условія дѣйствуютъ на женщинъ и мужчинъ, старыхъ и молодыхъ и т. п.? Кто проявляетъ бо́льшую устойчивость въ сохраненіи своихъ старыхъ формъ и племенныхъ особенностей—великороссы или малороссы? Каковы взаимныя отношенія между великорусскимъ и малорусскимъ населеніемъ въ однихъ и тѣхъ же селеніяхъ? Вліяютъ ли они другъ на друга или остаются безъ взаимодѣйствія? Если вліяютъ, то въ какихъ

отношеніяхъ (въ сферѣ языка, привычекъ, костюма и т. п.)? Какъ часты между ними взаимные браки и какое вліяніе они оказываютъ въ этомъ отношеніи? На какомъ языкѣ говоритъ, напримѣръ, женщина—великороссіянка, попавшая въ малороссійскую семью и наоборотъ? Каковы отношенія между великоруссами и малоруссами смежныхъ, сосѣднихъ и болѣе отдаленныхъ селеній? Нѣтъ ли насмѣшливыхъ прозвищъ и пословицъ у однихъ по адресу другихъ и т. п.? Каково отношеніе малороссіянъ и великороссіанъ къ евреямъ? Не вліяетъ ли мѣстное населеніе на евреевъ въ сферѣ языка, домашняго быта и т. п.? Какія складываются отношенія между туземнымъ населеніемъ и пришлымъ нѣмецкимъ—нѣмецкими колонистами, покупающими землю въ южной части Харьковской губерніи? Какое вліяніе оказываютъ нѣмцы на бытъ мѣстнаго крестьянства? Нельзя ли представить нѣсколько примѣровъ (за послѣднее время) покупокъ *нѣмцами колонистами земель въ Харьковской губ.*

Примѣчанія для собирателя:

1) Можно отвѣтить не на всѣ, а только на нѣсколько и даже на одинъ какой либо вопросъ, но только возможно полно и обстоятельно.

2) Съ предметовъ древностей желательно имѣть снимки и рисунки.

3) За разъясненіями можно обращаться къ профессору Дмитрію Ивановичу Багалѣю въ университетъ.

4) При записяхъ нужно руководствоваться такими же правилами, какія помѣщены въ этнографической программѣ пр. Н. Ѳ. Сумцова.

Д. И. Багалѣй.

Программа для собиранія данныхъ о языкѣ великорусскаго населенія Харьковской губерніи.

Изъ какого уѣзда, села сообщаются свѣдѣнія.

Какъ называютъ себя жители даннаго села, и какъ ихъ называютъ сосѣди.

Какому измѣненію подвергается въ ихъ говорѣ звукъ *о неударяемый*. Какъ произносятъ, напримѣръ, слова: *голова, хорошо, огурцы, того?*

Какъ измѣняется *о ударяемое*. Какъ произносятъ слово—*хоть?*

Нѣтъ-ли случаевъ перехода *неударяемаго а* въ *о*. Какъ произносятъ слова: *Андрей, Александръ, работникъ, пароходъ, самоваръ?*

Какъ измѣняются *ударяемые е* и *ѣ*. Какъ, примѣрно, произносятъ слова: *купецъ идетъ, тетка, овесъ, цѣпъ, цѣпы, ослѣпъ, береза, зеленый, ель?* (Употребленіе звука *ё* въ говорѣ нужно тщательно отмѣчать въ сообщеніи).

Какъ измѣняются *е* и *ѣ неударяемые*. Какъ, напримѣръ, произносятся слова: *земля, цѣпы, сестра, ребята, медовый, лѣсной, смѣна, бѣловатый, зеленоватый, через поле, через дорогу, жена, пшеница, на мѣстѣ, еще, нельзя, человѣкъ, теремокъ?*

Какъ измѣняется *ы*. Напримѣръ, какъ произносятся слова: *былъ, была, не былъ, колыбель, умываться, крышка?*

Есть-ли случаи употребленія *в* вмѣсто *у* и наоборотъ. Какъ произносятъ слова: *ударить, взять, вдова, всѣ?*

Какому измѣненію подвергается *у*. Какъ произносятъ: *будто, буйная голова, глубоко, откуда, кукушка?*

Нѣтъ ли случаевъ употребленія *придыханія*. Какъ произносятся слова: *онъ, утка, этотъ?*

Какимъ переходамъ подвергаются звуки *д* и *т*. Какъ произносятъ слова: *дѣти, видѣлъ, тѣло, свѣтелъ мѣсяцъ, въ золотѣ, видѣть, знать, темный, отлетѣлъ?*

Нѣтъ ли случаевъ измѣненія *гортанныхъ г, к, х* въ *ж, ч, ш*, и въ *з, ц, с*. Какъ произносятъ: *на рѣкѣ, въ лугу, въ лугахъ, на берегу, при дорогѣ, въ кабакѣ.* Какъ произносятъ слова: *копейка, хозяйка, чайку, яблочковъ, корольковъ, рѣдька, палочка, на рѣчку, шапочка, кашка?*

Какъ измѣняются *губные: б, в, м, п;* какъ произносятся слова: *граблю, ловлю, ломлю, куплю?*

Нѣтъ-ли какихъ либо особенностей въ произношеніи *плавныхъ* звуковъ. Какъ напримѣръ, произносятся слова: *вихоръ, грибы, крикъ, кропива, рама, завтра, царапать?*

Какимъ измѣненіямъ подвергаются *шипящіе* звуки *ц, ч, ш* и *щ*. Какъ произносятся слова: *цѣпь, цапля, улица, щека, щавель, знающій, большущій?*

Измѣняются-ли въ концѣ словъ звучные согласные въ *отзвучные* или нѣтъ? Говорятъ: *дубъ* или *дупъ, городъ* или *горотъ, лугъ* или *лухъ* и проч.?

Какое окончаніе имѣютъ имена прилагательныя въ именительномъ и родительномъ падежахъ ед. числа? Какъ произносятъ, напримѣръ, *черный, бѣлый, синій, хорошій, добрый, деревенскій, городской?* Какъ родит. пад.?

Какъ произносятъ родительный и дательный падежи мѣстоименій: *я, ты, себя, онъ, кто, тотъ.* Какъ произносятъ *тебѣ, себѣ, его, кого, того?*

На что̀ оканчиваются глаголы во 2-мъ и 3-мъ лицахъ единственнаго числа и 3-мъ множественнаго? Какъ произносятъ: *ведешь, знаешь, несешь, печешь, печетъ, ведетъ, несетъ, читаетъ, пишетъ, мутитъ, шумитъ, лжетъ, сѣетъ, пашетъ, учиться, учится, учишься, толкаться, толкаешься, толкается, знаютъ, ведутъ, говорятъ, шумятъ* и друг.?

Нѣтъ ли въ говорѣ данной мѣстности какихъ-либо непонятныхъ словъ, названій, прозвищъ, странныхъ оборотовъ и выраженій?

Желательно имѣть точно записанными нѣсколько обыденныхъ фразъ или пословицъ, или—небольшую сказку.

Нужно непремѣнно обозначать ударенія въ словахъ, и вообще, *всѣ слова и выраженія, взятыя изъ народнаго говора,*

должны быть переданы на письмѣ совершенно такъ, какъ они произносятся крестьянами.

Сообщенія покорнѣйше просятъ присылать въ *Харьковъ*, приватъ-доценту Императорскаго Харьковскаго университета Михаилу Георгіевичу *Халанскому*.

М. Г. Халанскій.

Программа для собиранія свѣдѣній о малорусскихъ говорахъ Харьковской губерніи.

1. Обозначеніе мѣстности, изъ которой доставлены свѣдѣнія?

2. Чистое ли малорусское населеніе или смѣшавшееся съ великорусскимъ?

I.

Примѣры измѣненій *о* и *е* въ *і*: року—рікъ; овесъ—вівса; жінка; лідъ?

Примѣры перехода *е* въ *ё*: *жовтий, чорний, лёнъ, синёго, здоровьёмъ, зеленый, его?*

Примѣры перехода *ѣ* въ *і*.

Какимъ измѣненіямъ подвергается неударяемое *о*: какъ произносятся, напримѣръ, слова: *горячій, хозяинъ,* въ *соборѣ, тополя, тоска* и др.?

Какъ произносится звукъ *е* (твердое *е* обознач. или *е* или *э*, мягкое *є*).

Какъ произносится звукъ *и*?

Какъ произносится звукъ *ы*?

Гдѣ слышатся гласные неопредѣленные или дифтонги (двугласные)?

II.

Какъ произносится звукъ *г* (*g* или *h*)?

Какъ произносятся сочетанія: *жа, ча, ша, шу, чу, жу,* и под.?

Какимъ измѣненіямъ подвергаются гортанные: *г, к, х?*

Какимъ измѣненіямъ подвергаются звуки: *з, ц, с?*

Какъ измѣняются губные: *б, п, в, м?*

Какъ измѣняются зубные *д* и *т*?

Слышится-ли гдѣ-либо звукъ *дж:* напримѣръ, *походжено*?

Какъ измѣняются *л* и *р*?

Какъ измѣняется звукъ *ф*?

Случаи удвоенія согласныхъ: *безлюддя, ключчя.*

Случаи придыханія: *в — вірла, вівса, j* (й) *янголъ, йодинъ,* (jодинъ) *йовесъ jего*?

Нѣсколько примѣровъ разговорной рѣчи, пословицъ, поговорокъ или сказку.

М. Г. Халанскій.

говорахъ Харьковской губерніи.

1. Обозначеніе мѣстности, въ которой составлены свѣдѣнія?

2. Мѣстное ли малорусское населеніе или смѣшанное съ великорусскимъ?

I.

Примѣры [illegible] ... ровъ—рівъ; овесъ—овісъ; жінка; [illegible]

Примѣры перехода [illegible] [illegible], чорний, [illegible]

Примѣры перехода [illegible]

Какимъ измѣненіямъ подвергается [illegible]

Какъ произносится звукъ [illegible]

Какъ произносится звукъ [illegible]

Какъ произносится звукъ [illegible]

Гдѣ [illegible] гласные [illegible] или дифтонги (двугласные)?

II.

Какъ произносится звукъ [illegible]

Какъ произносятся сочетанія: [illegible]

Какимъ измѣненіямъ подвергаются гортанные: г, к, х?

Какимъ измѣненіямъ подвергаются звуки: [illegible]

Какъ измѣняются губные [illegible]

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ

слѣдующія изданія Харьков. Губерн. Статистич. Комитета:

Труды Комитета, изд. 1871 г., ц. 60 к.
Литература о Харьков. губ. (Библіографич. указатель). *И. Устинова*. Ц. 50 к.
Харьковскій Сборникъ вып. 1-й. Ц. 60 к.
„ „ „ 2-й. Ц. 60 к.
„ „ „ 3-й. Ц. 60 к.
„ „ „ 4-й. Ц. 60 к.
Списокъ домовладѣльцевъ г. Харькова. Ц. 30 к.
Указатель книгъ и брошюръ, напечатанныхъ въ Харьковѣ съ 1805 по 1879 г. *Г. С. Чирикова*. Ц. 30 к.
Духоборцы въ Слободской украйнѣ. *А. Лебедева*. Ц. 40 к.
Выписывающіе непосредственно изъ Комитета за пересылку ничего не платятъ.

Условія абонемента Харьковской общественной библіотеки:

1. Для годовыхъ, полугодовыхъ и мѣсячныхъ 1-го разряда подписчиковъ.

Число книгъ.	За годъ.	За 6 мѣсяцевъ.	За 1 мѣсяцъ.	Обезпеченіе.
1	3 руб.	1 руб. 60 коп.	30 „	2 руб.
2	5 „	2 „ 60 „	50 „	2 „
3	7 „	3 „ 60 „	70 „	3 „
4	9 „	4 „ 60 „	90 „	4 „
5	11 „	5 „ 60 „	1 р. 10 коп.	5 „

Примѣчаніе: Въ числѣ книгъ выдается только одинъ новый журналъ. За газету при книгѣ приплачивается 10 к. въ мѣсяцъ и 1 р. въ годъ.

2. Для полугодовыхъ и мѣсячныхъ 2-го разряда подписчиковъ.

Число книгъ.	За 6 мѣсяцевъ.	За 1 мѣсяцъ.	Обезпеченіе.
1	1 руб.	20 коп.	1 руб.
2	2 „	40 „	2 „
3	3 „	60 „	3 „
4	4 „	80 „	4 „
5	5 „	90 „	5 „

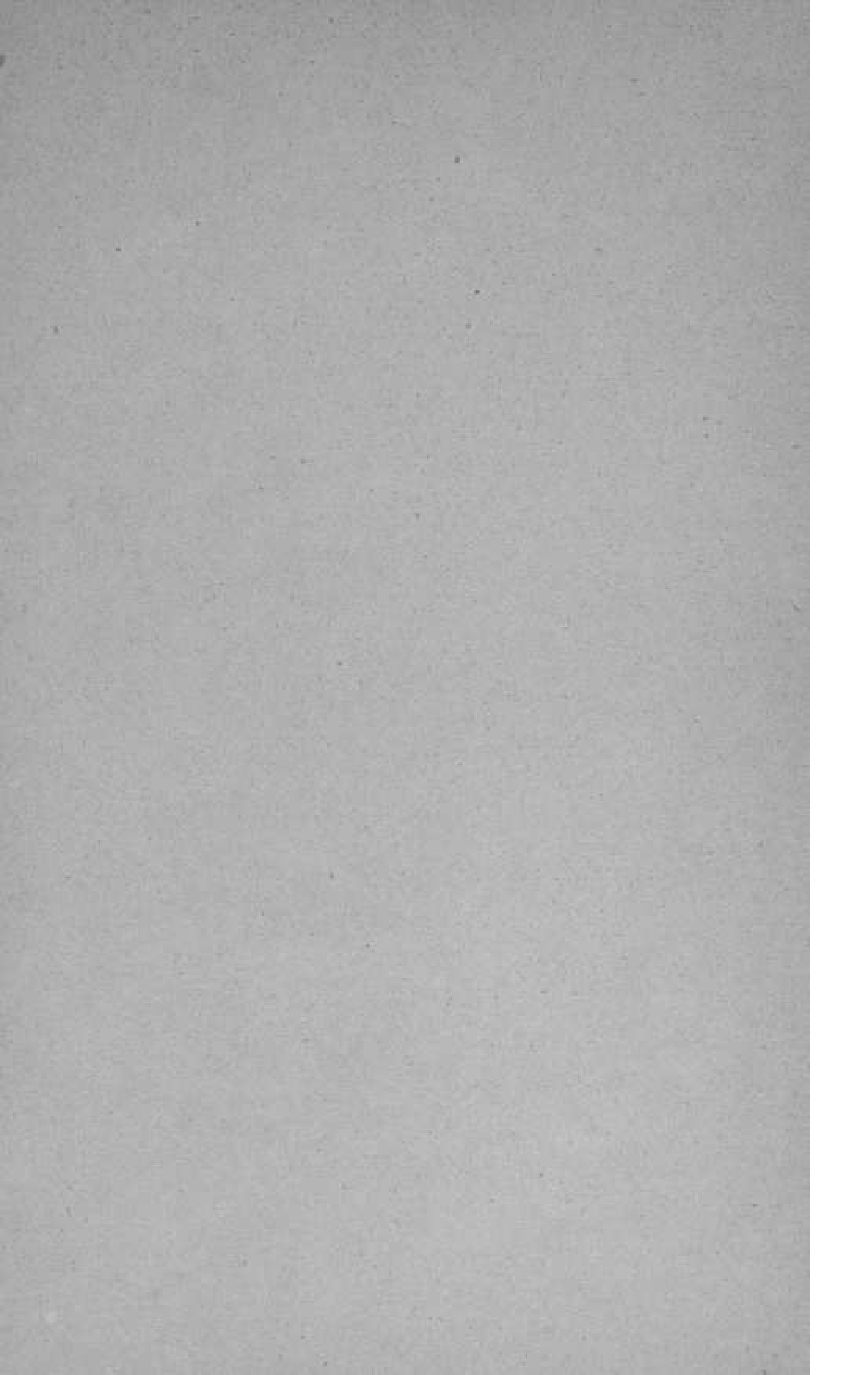
3. Для мѣсячныхъ 3-го разряда подписчиковъ. Мѣсячная плата: за 1 книгу 5 коп., обезпеченіе 20 коп.; за 2 книги мѣсячная плата 5 коп., обезпеченіе 30 коп. **4. Для подписывающихся на однѣ газеты.** Мѣсячная плата: за 1 газету 20 коп., обезпеченіе 50 коп.; за 2 газеты мѣсячная плата 30 коп., обезпеченіе 50 коп. **5. Суточный абонементъ.** За чтеніе журнала или книги 10 коп., за чтеніе газеты 3 коп. Обезпеченіе за газету, журналъ или книгу при суточномъ абонементѣ по ихъ стоимости.

6. Дачный абонементъ.

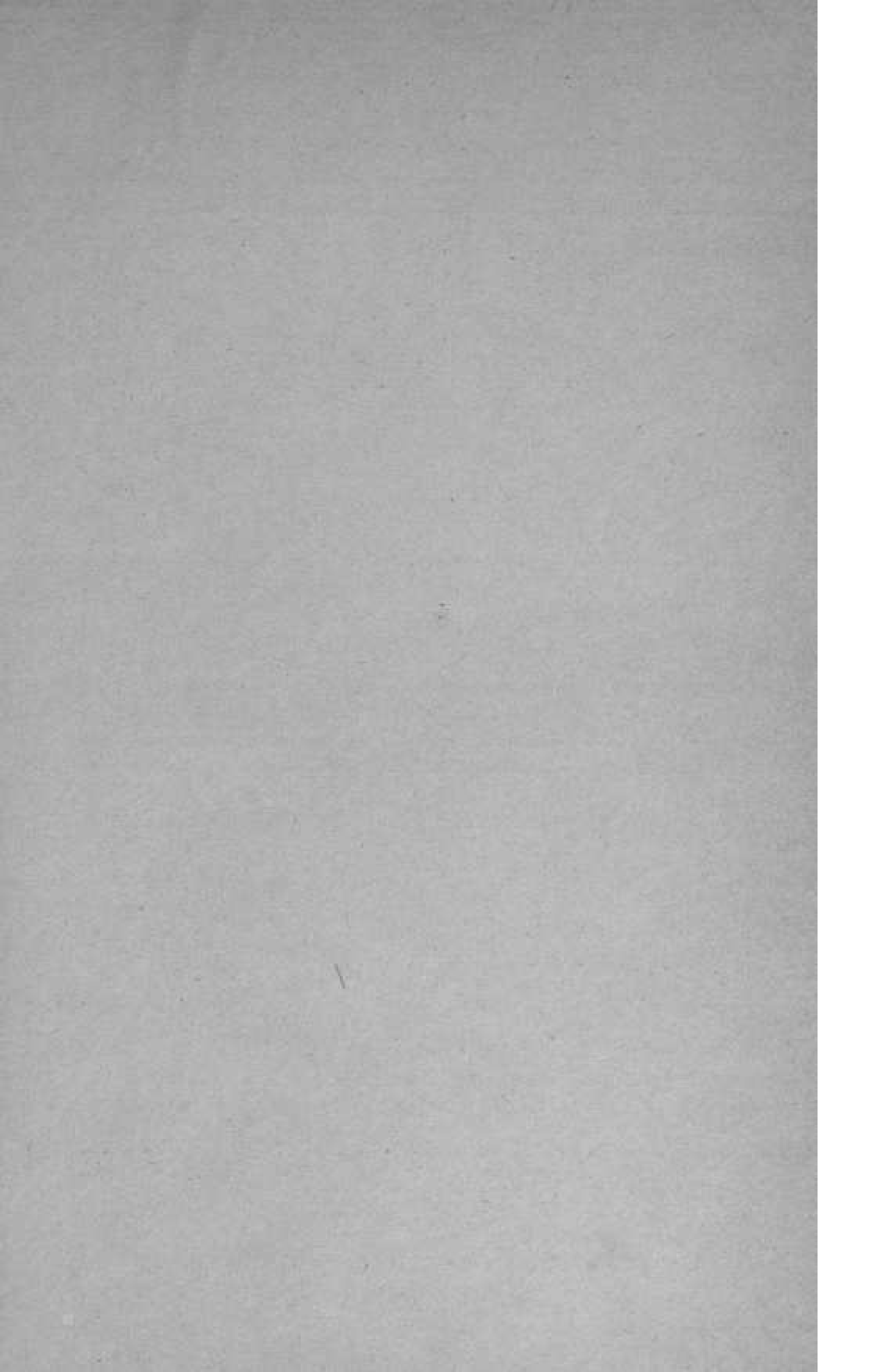
Число книгъ.	За годъ.	За 6 мѣсяцевъ.	За 1 мѣсяцъ.	Обезпеченіе.
1	4 руб. —	2 руб. —	50 к.	2 руб.
2	6 „ 80 к.	3 „ 40 к.	85 „	2 „
3	9 „ 60 „	4 „ 80 „	1 руб. 20 „	3 „
4	12 „ 40 „	6 „ 20 „	1 „ 55 „	4 „
5	15 „ 20 „	7 „ 60 „	1 „ 90 „	5 „

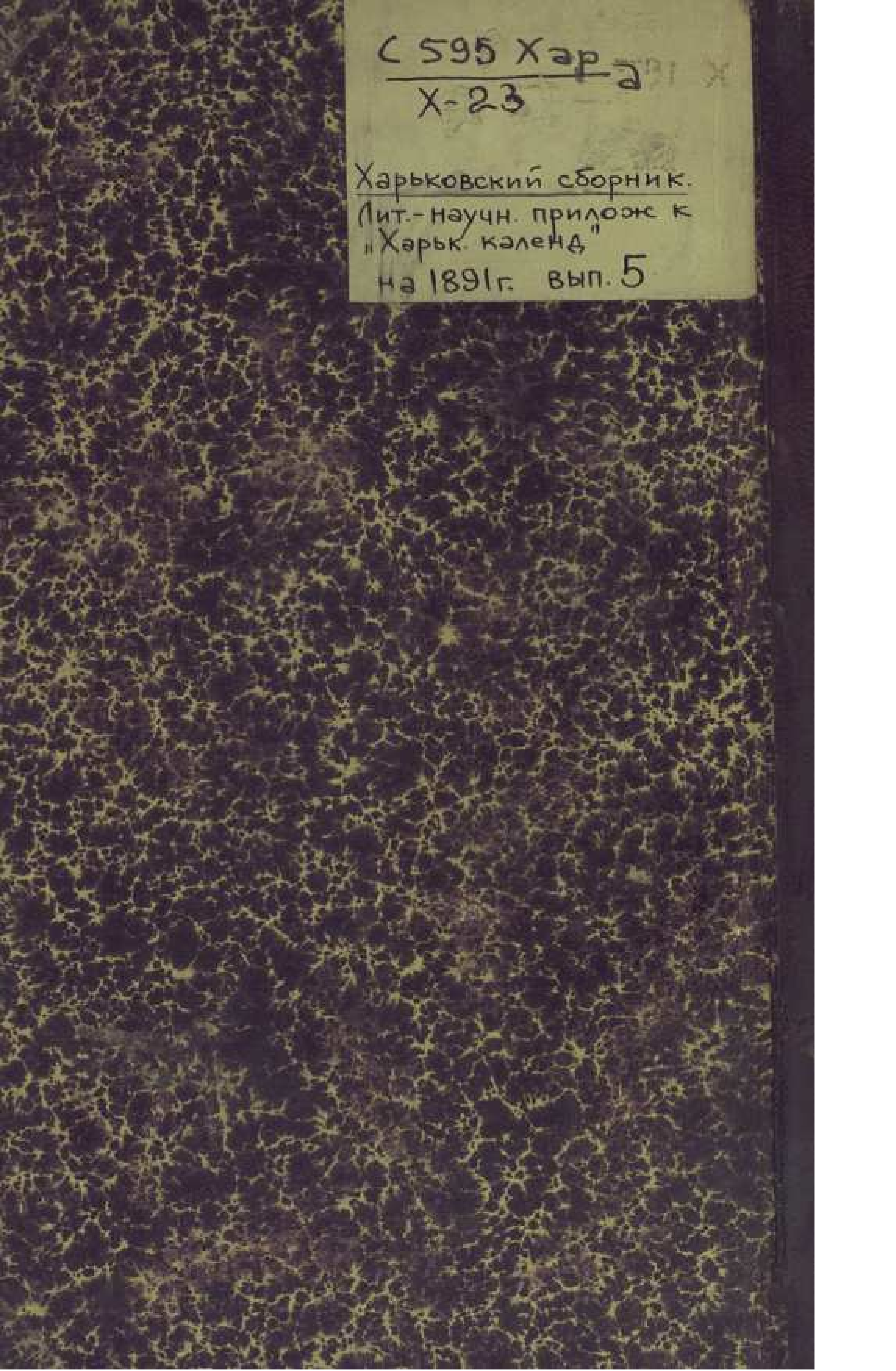
Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ книга:

Международный хлѣбный рынокъ. **В. И. Каспарова.** Содержаніе: 1) Международный хлѣбный рынокъ. 2) Хлѣбная торговля въ Кенигсбергѣ и Данцигѣ. 3) Хлѣбная торговля въ Кельнѣ. 4) Хлѣбная торговля въ Амстердамѣ, Роттердамѣ и Антверпенѣ. Цѣна 50 коп.

С 595 Хара
Х-23
Харьковский сборник.
Лит.-научн. прилож к
„Харьк. календ"
на 1891 г. вып. 5